В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ · НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Василий Осипович
КЛЮЧЕВСКИЙ

(Москва, 1893 год)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АРХИВ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Научный совет
по проблеме истории исторической науки

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Ответственный редактор

академик М. В. НЕЧКИНА

Составители

А. А. ЗИМИН, Р. А. КИРЕЕВА

В публикацию неизданных произведений известного русского буржуазного историка Василия Осиповича Ключевского (1841—1911) включены два курса — «Западное влияние в России после Петра» (прочитанный историком в 1890/91 учебном году) и конспект курса «Новейшая история Западной Европы в связи с историей России». Раздел историографии содержит очерки Ключевского, посвященные видным ученым XVIII—XIX вв.: В. Н. Татищеву, Н. М. Карамзину, М. П. Погодину, К. Н. Бестужеву-Рюмину, И. Е. Забелину, Н. И. Костомарову, Д. И. Иловайскому. Литературно-исторические наброски Ключевского включают его заметки о М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе, И. С. Аксакове, И. А. Гончарове, Ф. М. Достоевском, А. П. Чехове. Завершают сборник литературные произведения Ключевского — стихи, сказки, проза.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся русской историей XVIII—XIX вв. и историей русской культуры.

К $\frac{0505000000-018}{042(02)-83}$ 36-82, кн. 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Творческий путь ученого — история его научных поисков, борьба его сомнений, возникновение и созревание его гипотез и выводов, складывание больших концепций — все это неотъемлемая проблематика *истории науки*, в нашем случае — исторической. Но историография вовсе не занята, как полагают иногда, только конечными результатами исследований ученых и закономерностями их смены и накопления. Сверх этой важной задачи она не может не включать в себя творческую историю работы ученого. Тут нельзя обойтись без архивных материалов, без работы в архиве.

Наше знакомство с трудами известного буржуазного историка В. О. Ключевского останется неполным, если мы не вникнем в творческий процесс создания его произведений. Большие возможности для этого дает изучение его еще не публиковавшихся курсов и материалов к ним.

Настоящим изданием продолжается публикация рукописного наследия В. О. Ключевского, начатая книгой «В. О. Ключевский: Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» (М., 1968). Оно открывается чрезвычайно интересным, ранее не публиковавшимся курсом «Западное влияние в России после Петра». Курс прочитан Ключевским в 1890/91 учебном году в Политехническом музее, в пользу голодающих. Голод в то время терзал крестьянскую Россию. Автор готовил курс к печати, но остановил работу, оборвав ее в самом конце: девять лекций уже были подготовлены, но десятая осталась незавершенной, в карандашной записи ряда отрывков. Тема эта не переставала интересовать ученого в течение всей его творческой жизни, пожалуй, еще со «Сказаний иностранцев о Московском государстве» (М., 1866), если не раньше.

Название курса, придуманное автором, было лишь прикрытием настоящего замысла: Ключевский давал в этом лекционном курсе развернутую картину российского XVIII в., разоблачал паразитизм дворянства, бессильного справиться с новыми, неодолимыми для него задачами, вставшими перед страной. Лектор давал острую критику сменявших друг друга на престоле российских самодержцев и самодержиц. Перед широкой аудиторией Политехнического музея он чувствовал себя более свободно, нежели в университетской обстановке. Вероятно, острота поставленных тем и остановила руку Ключевского в последний момент. Сказать что-то в Политехническом в устной речи еще было можно, а вот напечатать такое в открытой печати представлялось не совсем безопасным.

В нашей книге этот цикл лекций появляется впервые, как, впрочем, и почти все остальные документы[1].

В. О. Ключевский был, как известно, одним из зачинателей историографического курса в университете — курс этот уже изучен и издан[2]. Ключевский прочел его в 1888/89 учебном году в Московском университете. В его архиве сохранилось много рукописных работ (как цельных, так и в отрывках), посвященных историографии и доныне неопубликованных. Они объединены в нашем томе в особый цикл, следующий за курсом о «западном влиянии». Некоторые отрывки, хотя и разного времени, но относящиеся к историографии, сведены в группу текстов под единым заголовком. Расположены они в хронологическом порядке своих тем.

Большой интерес представляют впервые публикуемые четыре наброска Ключевского по варяжскому вопросу. Он стал очень «актуален» в науке и политической публицистике уже с конца 50-х—начала 60-х годов XIX в. Приближался 1000-летний юбилей Российского государства (862—1862). Юбилей был явно политический, «государственный»: самодержавие праздновало «свое» тысячелетие — таков был подразумеваемый подтекст празднества, так понимала его и официальная историческая наука той эпохи.

Важно было определить и хронологический «пункт отсчета» тысячелетия и характер силы, ставшей во главе государства. «Варяжский вопрос», давно бытовавший в исторической литературе и занимавший умы всех авторов общих историй государства Российского — от М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина до С. М. Соловьева, стоял, так сказать, на пороге проблемы. Профессора, читавшие общий курс истории в высшей школе, учителя истории в гимназиях, лицеях, семинариях, военных училищах — все неизбежно должны были переступать этот порог, предъявляя какое-то мнение о роли «призвания варягов» в возникновении русской государственности. Столкновение разных мнений было неизбежным для эпохи. «Норманисты», с давних времен, — укрепили тут свою «гегемонию»; они, так сказать, «обжили» в исторической науке свои академические квартиры, им казалось святотатством, что вновь народившиеся «антинорманисты» вообще обходились без варягов в своих концепциях. Споры доходили до предельной остроты.

Воспитанный в норманистской школе С. М. Соловьева, еще молодой — тридцатилетний — В. О. Ключевский начал в 1872 г. чи-

[1] Весь документальный комплекс настоящего тома был подготовлен в начале 70-х годов. Предполагался его выпуск вместе с моей монографией «Василий Осипович Ключевский» (М., 1974). Я изучала документы комплекса и использовала некоторые из них в своей монографии. См.: Там же, с. 297—304 и др.

[2] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. 8. См. также: *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 283—288.

тать свой первый самостоятельный курс лекций по русской истории — сначала как правоверный норманист. Он шел еще дорогой, проложенной С. М. Соловьевым, — об этом свидетельствуют записи его лекций на женских курсах В. И. Герье[3]. Но время движется — и вот перед нами два рукописных отрывка на тему о «варяжском вопросе», написанных его рукою. (Оба впервые публикуются в настоящем томе.) Отрывки не датированы, но авторский аппарат ссылок на использованную литературу дает основания для предположений о времени, когда они писались. Наиболее поздняя дата выхода в свет цитируемой книги или статьи помогает установить тот хронологический рубеж, ранее которого рукопись Ключевского не могла бы возникнуть. Основываясь на этом, определяем первый (наибольший по объему) отрывок как написанный не ранее 1878 г., а второй (втрое меньший по объему) как возникший не ранее 1876 г. Оба отрывка явно относятся к работе над лекционным курсом.

Блестяще написанный, подчас очень резкий по форме, первый отрывок свидетельствует, что у Ключевского зародились серьезные сомнения в правильности постановки «варяжского вопроса» как у норманистов, так и у антинорманистов («роксоланистов», как иронически называет он противников первых). Ключевский явно ищет некую третью позицию. Оба течения, с которыми он спорит, вызывают его предельно резкую оценку: они являются ученой «патологией», он намерен сказать это прямо на лекции. Предвидя несогласие заинтересованной «варяжским вопросом» аудитории, он прямо говорит: «Я знаю, Вы очень недовольны, что все эти ученые усилия разъяснить варяжский вопрос я назвал явлением патологии...» Бывают вопросы «нелишенные интереса», но в то же время не имеющие отношения к науке: «В книгах, которые так сильно Вас занимают, я не нашел ничего, кроме бескорыстных и обильных пóтом усилий разрешить один из таких вопросов... Я, собственно, равнодушен к обоим теориям, и норманской и славянской, и это равнодушие выходит из научного интереса...». Спорят о возникновении элементов государственности, а сводят вопрос к «этнографическому составу крови» того или иного князя, даже ссылаясь на то, были ли первые русские князья «блондины или брюнеты». Вопрос о возникновении государственных порядков и национальности так не ставится. Он не против вопросов, кто был варяг, кто был славянин, но он решительно против ученых, которые в этом видят «ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни». Подробно разобрав далее критически отдельные теории и варианты предложенных решений, Ключевский внезапно остановил свое перо. Критика проведена им блестяще, но своего позитивного решения вопроса в целом в этом отрывке он не изложил.

Второй — втрое более короткий — отрывок начинается с замечания, что после диссертации М. П. Погодина интерес к «варяж-

[3] Подробнее об этом см.: *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 249 и след.

скому вопросу» ослабел. Проведенную учеными специальную работу Ключевский считает «бесплодной». Он довольно язвительно замечает, что эта бесплодность «напугала нас», поэтому-де «мы боялись сделать новую догадку... мы считали это праздной игрой в гипотезы»; не следует уверять других «в том, в чем не убежден сам...» Ключевский напоминает слушателям, что сам он учился «в школе норманистов...» Однако мы сохранили их гипотезу лишь «как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней как преподаватели»... Оружие сложено, но вопрос не решен — тяжелая формула, свойственная скептицизму Ключевского.

Третий и четвертый отрывки показывают, что Ключевский так и не нашел позитивной формулы своего третьего варианта, к которому столь активно и эмоционально стремился. Теперь он находит не решение, а новый путь к нему — историографический. Оба отрывка относятся, по-видимому, к концу 80-х—началу 90-х годов XIX в. (метод датировки тот же, что и выше). Как раз в эти годы Ключевский начал читать новый специальный курс по русской историографии[4].

Прежние сомнения у автора, видимо, сохранились, но в историографическом курсе можно было вести изложение в более спокойном тоне. О «патологии» в постановке «варяжского вопроса» он уже не пишет. В обоих отрывках он сосредоточен на разборе самого летописного свидетельства о варягах. Замечательно, что критика источника превращается у него в историографическую характеристику: ведь летописец — не наивный свидетель происшедшего, а, собственно говоря, историк, выдвигающий определенную концепцию давнего события, истолковывающий устное предание. В этом отношении Ключевский как бы предвосхищает А. А. Шахматова. Сказание о призвании князей, имеющееся в Начальной летописи, — это вовсе «не народное предание, а только составленная по народному преданию ученая теория русского книжника начала XII века». Составитель Начального летописного свода «поставил у порога нашей истории мирное призвание и водворение заморских князей на нашей земле».

Едва ли некоторые смелые определения Ключевского могли бы в дальнейшем удержаться в печатном тексте его «Курса». Мы читаем в отрывке о том, что Рюрика, как любого наемника, хотели потом прогнать, но «Рюрик удержался на месте» и из «варяжского бродяги-кондотьера превратился в родоначальника русской династии». Таким образом ученый книжник XII в. «скандал княжеской (над строкой добавлено: „пиратской“) узурпации покрыл политической программой народного договора». Надо признать эту формулу весьма рискованной для «норманиста»

[4] Ср. публикацию А. А. Зимина и Р. А. Киреевой «Из рукописного наследия В. О. Ключевского: (Новые материалы к курсу по русской историографии)» — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1972 г. М., 1973, с. 307—336.

80-х годов XIX в. Таким образом, суть дела, по Ключевскому, не в том, почему варяжский наемник стал во главе власти, а в том, почему через $2^1/_2$ столетия *после* этого предполагаемого события русские книжники XII в. «так представили себе случившееся». Четыре хорошо отчеканенные заключительных вывода ярко завершают весь анализ Ключевского — отошлем к ним читателя. Последний, самый короткий отрывок представляет собою итоговый, сокращенный текст авторских выводов, носящий конспективный характер. Публикуемые тексты дают богатый материал для суждения о том, сколь условным «норманистом» был Ключевский. «Варяжский вопрос» скорее раздражал, нежели интересовал его.

Все рассмотренные отрывки датируются временем ранее напечатания «Курса русской истории». Они — как бы пройденные ступени перед публикацией его I тома. Начало подготовки «Курса» к печати надо отнести к половине 90-х годов XIX в.[5] Над I томом «Курса», куда как раз входил «варяжский вопрос», Ключевский интенсивно работал в 1902—1903 гг. В конце июля 1903 г. уже поступали к нему корректуры. Сопоставим решение «Курса» с разобранными отрывками. Первый том вышел в свет в Москве в начале 1904 г. «Варяжский вопрос» освещен в его 9-й лекции. Он сильно, почти неузнаваемо изменен по сравнению с публикуемыми нами отрывками. Исчезли почти все резкие, острые определения. Исчезла и цельность темы. Вопрос подчинен общему изложению, его значимость уменьшена дроблением темы. Изложение вопроса не раз прервано то одной, то другой более значительной проблемой (то образованием военно-промышленного класса в городах, то вопросом о формировании городовых областей, то значением великого княжества Киевского). Девятое место «вопроса» в числе первых глав говорит за себя, он как бы «вжат» в главу. Снят и историографический момент — он слишком выделил бы значение «варяжского вопроса», а Ключевский явно подчеркивает второстепенную его важность. Не он, а другие вопросы влекут исторический процесс. Решает всё возникновение городов и «городовых областей», их сила и тенденция к объединению. «Целые округа являются в зависимости от своих главных городов, и эта зависимость, по-видимому, установилась помимо и раньше князей»[6]. Более того, города, ставшие правителями областей, образовали «политические союзы, области» и это произошло «еще до появления князей киевских». Самому «сказанию о призвании князей» отведено всего полторы с небольшим страницы. Только полстраницы дано Киевскому княжеству «как первой форме русского государства»[7]. Важнее всего другое. Завершающий главу отдел («Обзор изученного») подчер-

[5] *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 402—403. На титульном листе том именован 1-й *частью* «Курса».
[6] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937, ч. 1, с. 131.
[7] Там же, с. 144.

кивает, что «связующим элементом в новых общественных построениях служило уже не чувство кровного родства, а экономический интерес...». Когда торговые города вооружались, «они из главных складочных пунктов торговли превратились в политические центры...»[8]. В конце главы — методологическое обобщение: «Такова связь экономических и политических фактов в нашей начальной истории: экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых вырастали политические союзы»[9]. На этом фоне вопрос о том, призывали ли Рюрика, выглядел уже мелковато.

Мы встречаем в этом же разделе тексты об историке XVIII в. В. Н. Татищеве, историке начала XIX в. Н. М. Карамзине и далее — о М. П. Погодине, К. Н. Бестужеве-Рюмине, И. Е. Забелине, Д. И. Иловайском, Н. И. Костомарове, тексты о юбилее Общества истории и древностей Российских, наброски речи, произнесенной на 150-летии Московского университета. Все эти работы относятся к разным датам, некоторые — к работе над курсом историографии, другие тяготеют к нему. Но есть и группа работ, которая возникла после чтения историографического курса, — они несут в себе дальнейшие размышления над историей исторической науки. Своих современников и здравствовавших предшественников Ключевский знал лично, и тексты о них содержат ценные для историографа детали. Значительны упоминания о других историках, не ставших особой темой статьи или данного публикуемого отрывка, но попутно освещенных в тексте и метко характеризованных. Встречаются и отрывки обобщающего историографического содержания; к ним относится, например, текст, озаглавленный редакцией «Введение в курс лекций по русской историографии»; это этюд о воздействии исторических знаний на общественное мировоззрение. Поскольку работа имеет позднюю дату (1902 г.), она содержит дальнейшее развитие историографических взглядов Ключевского по сравнению с его более ранним историографическим курсом. Относясь к теме об историческом сознании русской интеллигенции, курс богат острыми наблюдениями. По мнению Ключевского, русское образованное общество питает к истории своего Отечества непосредственный интерес — «живой, но сдержанный, ближе к недоумению, чем к равнодушию», без отчетливой мысли, «на что бы она могла понадобиться».

Далее следует неопубликованный курс лекций, прочитанный в Абастумане. Речь идет не о курсе русской истории, а о курсе истории всеобщей, в которую история России включена в соответствующих местах отдельными главами. Выполнялась программа высшего военного учебного заведения, где специального курса истории России не было. Ключевский был хорошо подготовлен к такому курсу: он долгие годы преподавал всеобщую историю в Александровском военном училище в Москве.

[8] Там же, с. 146.
[9] Там же, с. 147.

Собственно, перед нами не рукопись *лекций*, а лишь их краткое конспективное изложение[10]. Чтобы составить такие конспекты, Ключевский делал многочисленные наброски карандашом в своих записных книжках. Самих конспектов, «крупно и разборчиво» перебеленных, нам найти пока не удалось. До нас дошли лишь предварительные записи карандашом в тетрадях Ключевского. Поручиться за полную идентичность проспекта и черновой записи профессора никак нельзя, но особого значения это и не имеет. Для нас, на мой взгляд, важнее его предварительная запись. Вчитываясь в эти черновики, мы можем заметить, что Ключевский нередко говорит тут и «сам с собою». В примечаниях к этим черновым текстам собраны и воспроизведены многочисленные суждения Ключевского, например, о представительном правлении, которое представлялось ему в виде примиряющего все классовые противоречия государства, о невозможности осуществить народовластие, и ряд других. Таким образом, для современного читателя становится очевидной буржуазная ограниченность исторических воззрений Ключевского.

Экскурсы в обобщающие темы иногда, по-видимому, становятся у Ключевского замыслами отдельных работ. Они собраны в настоящем томе в отдельный цикл литературно-исторических набросков, сгруппированных по объединяющей теме. Публикуется пять набросков с характеристикой «общественных типов» и ряд других, в том числе два наброска «мыслей об интеллигенции», мысли «о веровании и мышлении», искусстве и морали. Некоторые из набросков были в последние годы опубликованы в периодической печати.

В особый цикл собраны наброски Ключевского о русских писателях. Обзор отдельных текстов был опубликован в периодической печати, а еще ранее (о набросках о Н. В. Гоголе) было доложено М. В. Нечкиной в Институте истории, Институте мировой литературы им. Горького и Институте русской литературы (в 1942 г.), во время совместного заседания институтов в **Ташкенте**, в годы эвакуации.

Среди публикуемых в нашем томе новых материалов имеются наброски о М. Ю. Лермонтове, связанные со статьей Ключевского «Грусть». В этом же отделе есть заметки о романе И. А. Гончарова «Обломов», о романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание». Имеются наброски об А. П. Чехове и других писателях.

Последний отдел нашего тома посвящен собственному литературному творчеству В. О. Ключевского, писавшего иной раз и стихи и прозу для удовольствия друзей и собственного развлечения. Отдел открывается текстами, сочиненными еще юным Ключевским.

[10] В моей работе «Василий Осипович Ключевский» я подробно останавливаюсь на этом курсе, его содержании, условиях преподавания. (см:. *Нечкина М. В*. Указ. соч., с. 325—347, 354—362 и др.).

За содействие выходу в свет настоящего издания выражаем нашу признательность директору Архива Академии наук СССР Б. В. Левшину. Приносим благодарность за ценную консультацию и переводы иностранных текстов Г. С. Кучеренко и Б. М. Туполеву. Благодарим за содействие в работе сотрудников Отдела рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Отдела редких книг Публичной Исторической библиотеки, Архива АН СССР, а также сотрудников Института истории СССР АН СССР Г. П. Махнову и М. И. Удальцову, принимавших участие в сверке архивных текстов.

Составителями издания являются А. А. Зимин и Р. А. Киреева. Комментарии составлены Р. А. Киреевой при участии А. А. Зимина. В разделах «Мысли о русских писателях» и «Стихотворения и проза» использованы примечания Э. Г. Чумаченко.

Аннотированный указатель составлен Ю. Н. Емельяновым.

Академик М. В. Нечкина

Предмет чтений

«ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ПЕТРА»

1890—[1891] г[оды]

1-я[лекция]
ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА[1]

Предметом курса, которым буду я иметь честь занять ваше внимание, я избрал некоторые явления нашей истории XVIII в. Вы позволите мне не говорить сейчас же, какие это явления. Если я укажу их сейчас, мой выбор может показаться вам неожиданным. Я боюсь, вы спросите, зачем именно такие, а не другие явления хочу я изложить вам. Потому я прошу предварительно выслушать соображения, которые руководили моим выбором.

Недоумение, которого я опасаюсь с вашей стороны, очень возможно по самому характеру века, к которому относятся избранные мною явления. История России в XVIII в. производит впечатление каприза, неустойчивости, непоследовательности. По крайней мере, такое впечатление выносили многие, начинавшие изучать ее. Им казалось, что направление дел в России этого времени зависело[2] только от усмотрения людей, руководивших делами, что у этих людей не было никаких ясных целей, а самые дела не следовали никакому обдуманному порядку, лишены были определенных принципов. Недаром этот век нашей истории долго считался у нас временем случайных людей и неожиданных дел. Сколько переворотов и народных мятежей испытала тогда Россия! Сколько раз правительство меняло направление своей деятельности![3] Сидела на престоле императрица Анна, мало заботившаяся о просвещении, и время ее представляется эпохой мрака и невежества. Но вступила на тот же престол ревнительница наук и[4] искусств Екат[ерина] II, и просвещение разлилось по России. Петр III освободил дворянство от тяжкого бремени[5] обязательной службы, и дворянская гвардия свергла Петра III с престола.

Верно ли это впечатление? Едва ли; по крайней мере, оно мало вероятно. Во внешней природе чем больше, массивнее тело,

[1] *Заглавие вписано карандашом позже текста.*
[2] *Буква* о *написана над зачеркнутой* и.
[3] *На полях:* Престолонаследие.
[4] *Слово написано на полях.*
[5] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*

тем его труднее поворачивать и передвигать[6]; то же самое и в исторической жизни; а в Европе XVIII в. не было политического тела более массивного и менее подвижного, чем была Российская империя по своей обширности, по своему этнографическому составу, наконец, по своему политическому складу. Такие массивные тела как в природе, так и в истории движутся или покоятся больше по инерции, чем по воле своих двигателей. Отчего же происходит впечатление, производимое на многих жизнью русского общества XVIII в. — того общества, которое до этого века двигалось, по-видимому, с такой обдуманной медлительностью, с такой закономерной неповоротливостью[7], повинуясь своим инстинктам и привычкам, заветным дедовским преданиям? Позвольте мне ответить на этот вопрос простеньким сравнением. Железнодорожный поезд, конечно, представляет собою прибор более массивный, чем простая русская телега, и в нем строже соблюдены законы механики, чем в этом экипаже[8]. Между тем на[9] зрителя наивного, мало знакомого с машинным делом, тот и другой прибор передвижения[10] производит впечатление, совсем не соответствующее их составу. В движении телеги он не видит ничего капризного, неожиданного, потому что весь несложный механизм ее открыт[11], доступен его наблюдению и пониманию. Наблюд[ате]ль[12] видит, что возница дергает вожжами, как лошадь напирает грудью на хомут и ставит ноги в наклонное положение, как вслед за ее шагами начинают вертеться все четыре колеса. Наивный наблюдатель видит и понимает, какие силы и в какой последовательности приводятся в движение, чтобы тронуть с места[13] пару седоков, и он не находит в этом движении ничего капризного. Совсем другое дело железнодорожный[14] поезд: раздастся третий звонок, машинист повернет там что-то, взлетит со свистом струйка белого дыма и десятка два[15] больших ящиков с целым уездным городом пассажиров тронутся и побегут на своих шестидесяти[16] парах колес. Каким волшебником должен показаться наивному зрителю этот машинист, одним поворотом винтика или рычажка производящий такое механическое чудо! Зритель и не догадывается, что в этом движении меньше чудес и произвола, чем в движении телеги, что железнодорожный поезд не может ни свернуть в сторону с рельсов, ни перепрыгнуть через маленький промежуток двух развинченных и раздвинутых[17]

[6] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* со стороны в сторону.
[7] *Слово написано над зачеркнутым:* инерцией.
[8] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* последней.
[9] *Слово написано над строкой.*
[10] *Первоначально было:* движения.
[11] *Слово написано над строкой.*
[12] *Слово написано над зачеркнутым:* Он.
[13] *Три предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* мобилизировать.
[14] *Слово написано над строкой.*
[15] *Слово написано над зачеркнутым:* три.
[16] *Слово написано над зачеркнутым:* девяносто.
[17] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*

рельсов; а телега благополучно сворачивает с дороги и переезжает через канавы, только с легеньк[им] массажем[18].

Дело в том, что[19] жизнь русского общества в XVIII в. стала гораздо сложнее, чем была прежде. Не все ее пружины с их тонкими связями заметны при первом взгляде; вот почему ход этой жизни кажется поверхностному наблюдателю капризным и неожиданным: этот ход кажется ему капризным потому, что он ему непонятен[20], неожиданным п[отому], что его труднее было предвидеть[20]. Что же так осложнило русскую жизнь этого века?

Реформы, начатые предшественниками Петра и им продолженные. Эти реформы были предприняты частию под влиянием Западной Европы и исполнены при содействии людей той же Европы. До той поры русское общество жило влиянием туземного происхождения, условиями своей[21] собственной жизни и указаниями природы своей[22] страны.

С XVII в. на это общество стала действовать иноземная культура, богатая опытами и знаниями. Это пришлое влияние встретилось с доморощенными[23] порядк[ами][24] и вступило с ними в борьбу, волнуя русских людей, путая их понятия и привычки, осложняя их жизнь, сообщая ей усилен[ное][25] и неровное движение. Осложняя русскую жизнь притоком новых понятий и интересов, производя брожение в умах[26], иноземное влияние уже в XVII в. своею борьбою с вековыми[27] туземными порядками производило одно следствие, которое еще более запутывало эту жизнь. До XVII в. русское общество отличалось цельностью своего нравственного состава[28]. ‹Боярин и холоп неодинаково ясно понимали вещи, неодинаково твердо знали свой житейский катехизис; но они черпали свое понимание из одних и тех же[29] источников, твердили один и тот же катехизис и потому хорошо понимали друг друга, составляли однородную нравственную массу, если позволительно так выразиться.› Западное влияние разрушило эту цельность. Оно не проникало в народ глубоко, но в верхних классах общества, по самому положению своему наиболее открытых[30] для внешних влияний, оно постепенно приобретало господство. Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных[31] своих частях, так и русское общество, неодинаково проникаясь западным влиянием во всех своих слоях, раскололось. Раскол,

[18] *Четыре предыдущих слова написаны над строкой.*
[19] *Четыре предыдущих слова написаны над строкой.*
[20–20] *Написано на полях.*
[21] *Слово написано над зачеркнутым:* его.
[22] *Слово написано над зачеркнутым:* его.
[23] *Буква* и *написана над строкой.*
[24] *Слово написано над строкой.*
[25] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[26] *Четыре предыдущих слова написаны над строкой.*
[27] *Слово написано над строкой.*
[28] *Над строкой:* 1)
[29] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[30] *Буква* х *написана над зачеркнутой буквой* м.
[31] *Слово написано над зачеркнутым:* всех.

происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением этого[32] нравственного раздвоения, вызванного западным влиянием в русском обществе. Тогда стали у нас друг против друга два миросозерцания, два враждебные порядка понятий и чувств[33]. Два лагеря[34]. Руководящие классы общества, оставшиеся в ограде православной церкви, стали проникаться равнодушием к родной старине, во имя которой ратовал раскол, и тем легче отдавались иноземному влиянию. Старообрядцы, выкинутые за церковную ограду, стали тем упорнее ненавидеть привозные новшества, приписывая им порчу древлеправославной, святоотеческой русской церкви. Это равнодушие одних и эта ненависть других вошли в духовн[ый][35] состав русского общества, как новые пружины, осложнившие общественное[36] движение[37], тянувшие людей в разные стороны.

С другой стороны, в том же направлении действовала внешняя политика Московского государства. Присоединение Малороссии и союз с Польшей в XVII в., войны и завоевания Петра Великого поставили Россию в новые внешние отношения, втянули ее в международную сутолоку[38] Западной Европы[39], наделали ей новых друзей и врагов. Россия сделалась органическим членом европейской народной семьи и из равнодушной наблюдательницы западноевропейских движений превратилась в их деятельную, хотя иногда невольную и нежелательную участницу. Это участие навязывало новые заботы русской дипломатии, клало новые впечатления на русское общество, рождало в нем новые интересы. Обе[40] эти перемены привели к тому, что нельзя стало[41] жить и действовать, как жилось и делалось прежде. Прежде все делалось по преданию, по завету отцов и дедов, по унаследованным от них привычкам. Все это оказалось[42], по кр[айней] мере для верхних классов общества[42], непригодным, неприложимым к новому положению дел. Теперь стало необходимо[43] рассчитывать новые условия, соображать другие средства, всматриваться в новых друзей и врагов, а это путало непривычную к сложным расчетам мысль, сбивало твердую степенную походку. Как в частной жизни инстинкт и привычка последовательнее колеблющегося рассудка, так и в жизни народной действие по преданию тверже действия по расчету, политика

[32] *Слово написано над строкой.*
[33] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[34] *Два предыдущих слова написаны на полях. Далее:* Барск[ов⊕, с.] 53 f.
[35] *Слово написано над строкой.*
[36] *Буквы* ое *написаны над зачеркнутыми* ыя.
[37] *Последняя буква* е *написана над зачеркнутой* я.
[38] *Далее зачеркнуто:* в.
[39] *Буква* ы *написана над зачеркнутой* е.
[40] *Слово написано над зачеркнутым:* Все.
[41] *Слово написано на полях.*
[42–42] *Написано над строкой.*
[43] *Последняя буква* о *написана над зачеркнутыми* ым.

памяти последовательнее политики соображений. Словом, жизнь русского общества в XVIII в. кажется капризнее прежней, потому что[44] стали неуловимее для нашего наблюдения ее мотивы и разнообразнее ее интересы.

Во всех условиях, осложнявших эту жизнь, действует то скрыто, то выступая наружу, одна пружина — влияние Западной Европы. Со времени Петра оно усилилось; об нем много спорили у нас в русском обществе XVII в.; но тогда оно именно занимало больше мысль и едва касалось жизни. Его принимали по каплям, морщась при каждом приеме и подозрительно следя за его действием, преимущественно[45] за действием религиозно-нравственным. Пока заимствовали у Запада технические[46] усовершенствования, промышленные и военные, общество, скрепя сердце, допускало западное влияние. Но когда это влияние стало проникать в понятия и нравы, против него поднялось сильное возбуждение, и около времени воцарения Петра его противники начали торжествовать. Открытая[47] в правление царевны Софьи[48] Славяно-греко-латинская академия поставлена была на страже национальной старины и православия против всяких иноземцев, не только немецких католиков или протестантов, но и против православных греков. Патриарх Иоаким, умирая в 1690 г., в завещании своем умолял молодых царей-братьев отнять у иноземных офицеров командование русскими ратными людьми.

При Петре как-то само собою установилось довольно неопределенное отношение к Западной Европе. Бросив споры и сомнения насчет того, опасно или нет с ней сближаться, он вместо робких заимствований предшественников начал широкою рукою забирать практические плоды европейской культуры, усовершенствования военные, торгово-промышленные, ремесленные, сманивать мастеров, которые могли бы всему этому научить его русских невежд, заводить школы, чтобы закрепить в России необходимые для всего этого знания. Но, забирая европейскую технику, он оставался довольно равнодушен к жизни и людям Западной Европы. Эта Европа была для него образцовая фабрика и мастерская, а понятия, чувства, общественные и политические отношения людей, на которых работала эта фабрика, он считал делом сторонним для России. Много раз осмотрев достопримечательные производства в Англии, он только раз заглянул в парламент. Он едва ли много задумывался над тем, как это случилось, что Россия не придумала всех этих технических чудес, а Западная Европа придумала. По крайней мере, он очень просто объяснял это: Западная Европа раньше нас усвоила науки Древнего мира и потому нас опередила; мы догоним ее, когда в свою очередь усвоим эти науки. Только раз, в 1713 г., на борту

[44] *Слово написано над строкой.*
[45] *Далее зачеркнуто:* следя.
[46] *Слово написано над строкой.*
[47] *Буквы* ая *написаны над зачеркнутыми* ое.
[48] *Буква* и *написана над зачеркнутыми* ей.

только что спущенного корабля в Петербурге, в одну из тех светлых минут, когда он, довольный успехами своих усилий, любил оторваться от суетливых ежедневных мелочей и окинуть сделанное широким взглядом, чтобы объяснить окружающим [49] смысл этого дела [50], он сказал старым боярам, не сочувствовавшим его делу, указывая на новую столицу, флот, на матросов, иноземных мастеров: «Снилось ли вам, братцы, все это 30 лет назад? Историки говорят, что науки, родившиеся в Греции, распространились в Италии, Франции, Германии, которые были погружены в такое же невежество, в каком остаемся и мы. Теперь очередь за нами: если вы меня поддержите, быть может, мы еще доживем до того времени, когда догоним образованные страны».

Итак, вопрос у Петра получал самое простое и безобидное разрешение, как вообще разрешаются житейские затруднения людьми в добром настроении духа: зачем говорить о подчинении России Западной Европой? Речь может быть только о том, чтобы не пропустить своей очереди. Науки Греции посетили Западную Европу, посетят и нас, если мы приготовимся принять их. Они — всемирные гостьи, принадлежат нам столько же, сколько и Европе, только стали [51] принадлежать ей прежде, чем [52] нам [53].

Петр заботился о водворении просвещения в России; но, не считая его исключительной принадлежностью Западной Европы, он, по-видимому, думал, что Россию связывает с этой Европой временная потребность в военно-морской и промышленной технике, которая там процветала в его время, и что по удовлетворении этой потребности эта связь [54] разрывалась. По крайней мере, предание сохранило слова, сказанные Петром по какому-то случаю и выражавшие такой взгляд на наши отношения к Западной Европе: «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной».

Люди, окружавшие Петра и помогавшие ему в его предприятиях, по-видимому, разделяли его взгляд. Но русское общество молча недоумевало, не понимая ясно цели реформы, а [55] народная масса по временам открыто протестовала против нее, чувствуя на себе только тяжести, которые она клала на него. Она складывала вину их на немцев, окружавших Петра, и видела в западном влиянии либо козни немецких рук, либо действие [56] нечистой силы — антихриста. Но западное влияние продолжалось и после Петра; только изменилось к нему отношение русского общества: некоторые технические и другие деловые замыслы Петра не удались; многие начинания его не привились и были

[49] *Далее зачеркнуто:* его.
[50] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[51] *Слово написано над строкой.*
[52] *Слово написано над строкой.*
[53] *Буква* м *написана над зачеркнутой* с.
[54] *Над строкой:* должна.
[55] *Исправлено из:* и.
[56] *Последняя буква* е *написана над зачеркнутым* я.

после него забыты. Но, ослабевая в государственной и экономической жизни, западная культура проникала в жизнь общественную, в[57] нравы, понятия и привычки общежития, прививая к нему западные удобства и украшения, приставая к нему, как пыль к колесу. Заимствования, требовавшие труда и знания, отпадали, но приятная примесь оставалась. При Петре и его предшественниках мы призывали к себе западную культуру, насколько в ней нуждались; после Петра мы стали отдаваться ее влиянию, насколько она нам нравилась; желали[58] принять ее[59]. Потому прежнее раздумье о том, что можно из нее заимствовать и чего не нужно, сменилось решимостью заимствовать все, что приятно[60].

Таким образом, западное влияние после Петра стало сильнее и шире, действовало на наше общество не одними только техническими знаниями и житейскими удобствами, но и приносимыми им[61] понятиями, вкусами и страстями. Прошли десятки лет, а русское общество и не думало повертываться спиной к Западной Европе.

Это влияние — капитальный[62] вопрос нашей жизни с конца XVII в. У нас много думали над ним, рассматривали его происхождение, взвешивали его последствия. Некоторые из этих следствий заслуживают особенного внимания.

В продолжение двухсот лет с тех пор, как мы стали сближаться с Западной Европой, воспитываемый ее влиянием класс русского общества[63] не раз переживал странные кризисы. Вообще этот класс ведет себя спокойно, помышляя о себе совсем не высоко, учится, читая европейские книжки, скорбит о своей отсталости и хотя любит свое Отечество, но не любит говорить о том. Но от времени до времени на него находит какая-то волна: вдруг он закроет свои учебники и, высоко подняв голову, начинает думать, что мы вовсе не отстали, а идем своею дорогою, что Россия сама по себе, а Европа сама по себе, и мы можем обойтись без ее наук и искусств своими доморощенными средствами. Этот прилив патриотизма и тоски по самобытности так могущественно захватывает наше общество, что мы, обыкновенно довольно неразборчивые поклонники Европы, начинаем чувствовать какое-то озлобление против всего европейского и проникаемся безотчетной верой в необъятные силы своего народа. Что такое эти кризисы: вспышки ли национальной гордости, подавленной обычным меланхолическим настроением нашей мысли и ищущей выхода из такого угнетенного состояния, или это ми-

[57] *Слово написано над строкой.*
[58] *Четыре предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* мы могли вос-[принять].
[59] *В рукописи:* его.
[60] *Слово написано над зачеркнутым:* можно потому, что все стало нужно.
[61] *Слово написано над зачеркнутым:* ему.
[62] *Буквы* ый *написаны над зачеркнутыми* ое.
[63] *На полях:* Подробнее об этом классе и его названиях.

нуты просветления, когда национальное сознание, приподнимаясь, широко захватывает народную жизнь и проникает в самые сокровенные глубины народного духа? Такие капризные пароксизмы заставляют думать, что в нашем отношении к западноевропейской цивилизации есть какое-то крупное недоразумение. Если общество, стоящее над сторонним культурным влиянием, сбрасывает его с себя, сознав его вред или непригодность, это явление понятно: общество действует, как понимает дело. Но наши восстания против западноевропейского влияния лишены деятельного характера; это больше ученая академическая полемика, чем практическая борьба, больше трактаты о национальной самобытности, чем попытки самобытной деятельности.

Восставая против этого влияния, мы не стараемся ни[64] закрыть его пути, ни заменить собственной самодеятельностью плоды чужой культуры. Мы поступаем подобно тем игрокам, которые бранят карты в антракте между двумя играми. Да притом влияние Запада на нас совершенно естественно вытекает из его превосходства над нами в науках и искусствах, в житейских удобствах, наконец, в исторической опытности: Запад переживал общественные перевороты, каких[65] не испытали мы, но следствия которых могут и нам пригодиться для наших житейских соображений. На Западе знают больше нашего и даже для нас могут много сделать лучше, чем мы сами. Таким образом, Запад для нас и школа, и магазин полезных изделий, и своего рода курс[66] исторических уроков. Казалось бы, отчего нам не пользоваться всеми этими благополучиями, и если, однако, мы порою смутно чувствуем, что эти заимствования не безвредны, то причину вреда надобно искать не в самих заимствуемых благах, а в том, что мы заимствуем их не совсем правильно.

Итак, вопрос не в самом влиянии, а в направлении, какое оно получает у нас, не в том, что́ оно нам приносит, а в том, что́ и как мы из него воспринимаем.

Некоторые следствия западного влияния показывают, что вопрос именно в способе его восприятия, а не в самом его содержании. Это влияние пошло от того, что нам для успешного достижения наших национальных целей понадобилась помощь Западной Европы. Так как это влияние призвано было служить целям народного блага, то проводить и поддерживать его[67] должно было стать обязанностью всякого, кто сознает и принимает к сердцу нужды и пользы своего народа. Чем кто больше любит свое отечество, тем настойчивее должен проводить это влияние. Всякий патриот должен был стать западником, и западничество должно было стать только одним из проявлений патриотизма. С другой стороны, русские патриоты, чем больше они патриоты, тем больше должны были ценить Западную Европу,

[64] *Слово написано над строкой.*
[65] *Далее написано над строкой:* по кр[айней] мере до прошлого года.
[66] *Слово написано над зачеркнутым:* музей.
[67] *Слово написано над строкой.*

как полезную соседку их отечества, потому что признательность за помощь есть не только нравственный долг, но и непроизвольный порыв всякого порядочного человека и всякого неиспорченного общества. И что же? Вышло все наоборот. С первой минуты своего действия западное влияние стало разрушать в нас естественное чувство привязанности к отечеству. Чем больше проникалось наше общество западным влиянием, тем чаще появлялись среди него люди, которые теряли чутье родного, относились к нему или с презрительным равнодушием, или даже с брезгливым отвращением. Напротив, в ком сильнее билось сердце за отечество, тот тем недоверчивее, раздражительнее или высокомернее относился к Западной Европе. Каким-то непостижимым и неожиданным образом западное влияние из культурного средства превратилось у нас в патологический симптом, в источник болезненных возбуждений. Осложняясь и видоизменяясь, эти противоположные направления, первоначально бывшие только увлечениями мысли, с течением времени стали хроническими недугами, дурными привычками нашего самосознания. Что такое был [68] русский западник? Обыкновенно [69] это очень возбужденный и растерявшийся человек, который знает, где он родился, и недоумевает, какой народ ему родной, где его отечество. Ухитрившись поссорить между собою столь сродные понятия, как родина и национальность, он незаметно для себя вошел в круг невозможных представлений, разделил мир на две половины: на человечество и на Россию. Отечество — это неприятное привидение, от которого стараются отчураться средствами цивилизации.

Теперь я могу безбоязненно и прямо объявить предмет начинаемых чтений.

Во многих явлениях нашей жизни XVIII в. резко обнаруживается западное влияние. Чтобы понять эти явления, надобно уяснить себе отношение к западной культуре, указываемое нам историей. Западная культура для нас вовсе не предмет выбора: она навязывается нам с силой физической необходимости. Это не свет, от которого можно укрыться, — это воздух, которым мы дышим, сами того не замечая. Но и в воздухе не все здорово, и им надо уметь дышать, наблюдать его химический состав и температуру. Мы не будем открывать кровообращения, потому что оно уже открыто Гарвеем, не будем искать бактерий, потому [70] что они уже найдены Пастером. Но воспользуемся ли мы открытием Пастера, чтобы лечить больных или только для того, чтобы предохранить свое вино от порчи, будем ли изучать физиологию и физику для того, чтобы, опираясь на западных естествоведов, доказывать, что бога нет, или для того, чтобы жизнь свою устроить лучше, чем она идет на Западе, — вот это от нас зависит, это дело нашей воли и разуменья [71].

[68] *Слово написано над строкой.*
[69] *Слово написано над строкой.*
[70] *Над строкой:* которые.
[71] *Далее шесть с половиной строк оставлены чистыми.*

2-я лекция

ПОДГОТОВКА ДВОРЯНСТВА К РОЛИ ПРОВОДНИКА ЗАПАДНОГО ВЛИЯНИЯ[1]

Мы поставили себе две задачи: 1) перебрать явления русской жизни со смерти Петра Великого, в которых особенно сильно сказалось западное влияние, и 2) перебирая эти явления, рассмотреть, как действовало это влияние или как оно воспринималось русским обществом.

Когда речь идет о действии влияния, приходящего со стороны, прежде всего нужно знать, как относится к нему общество, на которое оно действует, само ли общество вызывает это влияние, ища на чужой стороне благ, которых оно не находит и не может создать дома, или оно проводится какой-либо силой, желающей навязать обществу блага, которых оно не знает и не ищет. Иноземное влияние проникает неодинаковыми путями и действует различно при том или другом отношении к нему общества, подвергающегося его действию. Когда влияние вызывается самим обществом, последнее воспринимает его незаметно, органически, всеми своими порами, как воспринимается растением роса или воздух. Но когда иноземная культура навязывается обществу, не чувствующему в ней потребности, необходим механический проводник, который бы искусственными средствами прививал и вводил[2] ее в это общество. Если вы припомните, как относилось к Западной Европе большинство русского общества в XVII в., с какими тревогами и страхами встречало оно первые немецкие нововведения, нам будет понятно, что западную культуру у нас надобно было[3] прививать, что для нее нужен был особенный проводник — государственное учреждение, вооруженное властью и средствами действия на общество, или влиятельный класс самого общества.

Кто мог у нас стать таким проводником? В составе русского общества было целое сословие, которое много веков уже служило орудием могущественного иноземного влияния, — это духовенство, которое церковными средствами проводило в русское общество восточную греческую культуру. Это сословие, служа церкви, оказало немаловажное действие[4], неоцененные услуги русскому просвещению и общежитию, выработало[5] соображенные с задачами церкви приемы действия на умы и нравы, воспитывало[6] народ в известных интересах и понятиях. Но именно потому, что оно служило церкви и усвоило согласные с ее задачами приемы действия, оно не годилось быть проводником западного влияния,

[1] *Заглавие вписано Ключевским на полях.*
[2] *Первоначально было:* привил и ввел.
[3] *Слово написано над строкой.*
[4] *Два предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* Ограничить,
[5] *Далее зачеркнуто:* хорошо.
[6] *Первоначально было:* воспитало.

которое призвано было служить нуждам государства, требовало особых приемов, другой подготовки. Оно даже не сочувствовало этому новому влиянию, шедшему из неправославной среды и грозившему разрушить те самые понятия и нравы, которые оно так долго воспитывало и так ревниво оберегало в народе от стороннего прикосновения. Эти понятия и нравы образовали известный нравственный уклад, в котором и строившее его сословие заняло известное положение с определенным обществ[енным] значением. Коснемся этого, когда [будем говорить] о духовной почве, в которую падали семена зап[адной] культуры[7].

В составе русского общества был другой класс, по своему положению более пригодный для понадобившегося дела. В старой Руси он назывался служилыми людьми; при Петре законодательство дало ему двойное название, польское и русское — название *шляхетства* или *дворянства*. Это сословие очень мало, не более[8] духовенства было подготовлено проводить какое-либо культурное влияние. Это было, собственно, военное сословие, считавшее своею обязанностью оборонять отечество от внешних врагов, но не привыкшее воспитывать народ, практически разрабатывать и проводить в общество какие-либо идеи и интересы высшего порядка (подобно тем, над какими работало духовенство)[9]. В умственном и нравственном развитии оно не стояло выше остальной народной массы и в большинстве не отставало от нее в несочувствии к еретическому Западу. Но верхний слой дворянства[10] по своему положению в государстве и обществе усвоил себе привычки и понятия, которые могли пригодиться для нового дела[11]. *Столичное дв[орян]ство*[12]. Из среды многочисленных провинциальных служилых людей, рассеянных по уездам Московского государства, выделялось дворянство столичное, которое обыкновенно ютилось в городе Москве[13] и подмосковных вотчинах и поместьях и носило служебные звания стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов[14]. Оно состояло из знатных служилых фамилий и постоянно пополнялось людьми из[15] рядового провинциального дворянства, которые выдавались вперед своими заслугами, служебной исправностью, хозяйственной состоятельностью и т. п.

Это был довольно многочисленный корпус: при царе Фед[оре] Алекс[еевиче] столичных дворян числилось по спискам

[7] *Две последние фразы приписаны на строке и полях.*
[8] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* гораздо меньше.
[9] *Далее значок красным карандашом и текст простым карандашом:* ╕ Тетр[адь, с.] 175і.
[10] *Слово написано над зачеркнутым:* этого класса.
[11] *Далее значок красным и текст простым карандашом:* A Тетр[адь, с.] 175.
[12] *Два предыдущих слова написаны на полях.*
[13] *На полях:* Происхождение и иерархический состав. Число дворов. Забел[ин] в «В[естнике] Евр[опы]» ⊕.
[14] *Слово написано над незачеркнутым:* пр[очих].
[15] *Слово написано над строкой.*

на службе более[16] 6000 ч[еловек][17]. На них лежали очень разнообразные служебные обязанности. Это был *двор* царя[18]; в оф[ициальных (?)] актах при Петре этот верхний слой дворянства так и назывался *царедворцами*, в отличие от «шляхетства всякого звания», т. е. от город[ских] дворян и детей боярских[18]. В мирное время столичное дворянство составляло свиту царя, исполняло различные придворные службы, ставило из своей среды персонал центрального и областного управления. В военное время из столичных дворян составлялся собственный полк царя, первый корпус армии; они же образовали[19] штабы других армейских корпусов и служили командирами провинциальных дворянских полков и баталионов. Словом, это был и административный класс, и генеральный штаб, и гвардейский корпус. За свою тяжелую и дорогую службу столичное дворянство пользовалось сравнительно с провинциальным и возвышенными окладами денежного жалованья, и более крупными поместными дачами. Руководящая роль в управлении вместе с более обеспеченным материальным положением развивала в столичном дворянстве привычку к власти, знакомство с общественными делами, сноровку в обращении с людьми. Государственную службу оно считало своим сословным призванием, единственным своим общественным назначением. Живя постоянно в столице, редко, по[20] краткосрочным отпускам, заглядывая в деревенскую глушь своих разбросанных по Руси поместий и вотчин, оно привыкало[21] чувствовать себя во главе общества, в потоке важнейших дел, видело близко иноземные сношения правительства и лучше других классов знакомо было с иноземным миром, с которым соприкасалось государство. Эти качества и делали его более других классов сподручным проводником западного влияния; это влияние должно было служить нуждам государства, и его надобно было проводить в не сочувствовавшее ему общество привыкшими распоряжаться руками. Когда в XVII в. начались у нас нововведения по западным образцам и для них понадобились пригодные люди, правительство ухватилось за столичное дворянство, как ближайшее свое орудие, из его среды брало офицеров, которых ставило рядом с иноземцами во главе полков нового иноземного строя, из него же набирало учеников в новые латинские школы, которые оно заводило. Сравнительно более гибкое и послушное, столичное дворянство уже в тот век выставило из своей среды и первых приверженцев западного влияния

[16] *Слово написано над зачеркнутым:* до.

[17] *На полях:* По росписи 1681 г. — 6385 чел[овек]. Он мог выводить за собою в поле своих вооруженных или выставлять вместо себя даточных десятки тысяч. Разр[ядный] арх[ив⊕, с.] 71.

[18–18] *Написано на верхнем поле. Далее значок красным и текст простым карандашом:* ± Т[етрадь, с.] 176.

[19] *Слово написано над:* составляли.

[20] *Слово написано над зачеркнутым:* с

[21] *Первоначально было:* привыкло.

подобных кн[язю] Хворостинину, Ордину-Нащокину, [князю] Ртищеву и др.

Понятно, что при Петре этот класс должен был стать главным туземным орудием реформ[22]. Начав устроять регулярную армию, Петр постепенно преобразовал столичное дворянство в гвардейские полки[23], и столбовой дворянин-гвардеец[24] стал у него исполнителем разнообразных преобразовательных поручений[25]. Он и все дворянство призвал к этому делу. Он не снял с сословия обязательной поголовной и бессрочной службы, на нем лежавшей, а только изменил порядок ее отбывания. Воинскую повинность он распространил посредством рекрутских наборов на все неслужилые классы русского общества и устроил новую вооруженную силу — флот; он перестроил и управление, военное и гражданское. Дворянство должно было ставить дельцов для всех этих военных и административных учреждений. Поэтому обязательную службу дворянства он расчленил, дифференцировал[26], специализировал: часть его, обучаясь солдатскому делу в гвардейских полках, должна была служить офицерским запасом для всесословной сухопутной армии, другая часть обучаться морскому делу и служить во флоте, третья — давать дельцов для гражданского управления. Для подготовления ко всем этим разнообразным службам Петр законом 20 янв[аря][27] 1714 г. установил обязательное обучение для дворян: дворянин-подросток не мог жениться, пока не получал свидетельства об окончании курса в элементарной школе. Чтобы следить за правильным исполнением предписанных обязанностей, Петр от времени до времени вызывал в столицу на смотр дворян, живших по своим деревням, взрослых и подростков, и распределял их по службам; не явившиеся на смотр и уклонявшиеся от службы[28] наказывались политич[еской][29] смертью и конфискацией имущества. Разнообразные стимулы были приведены в действие, чтобы двинуть все сословие на служение государству: школьная палка, виселица, инстинкт, привязанность к соседке-невесте, честолюбие, патриотизм, сословная честь. Нам, привыкшим к твердо установленным и просторным рамкам общежития, трудно представить себе суматоху, вызванную в родовитом дворянстве этими энергическими мерами Петра. Люди, привыкшие двигаться не торопясь, по однообразным утоптанным тропинкам,

[22] *Далее зачеркнуто:* и проводником западного влияния.

[23] *На полях:* Пр[о]в[ерить] по Куракину⊕.

[24] *Слово написано над строкой.*

[25] *На полях:* Устр[ялов Н. История царствования Петра Великого, т.] II [СПб., 1858, с.] 565; Сб[орник Русского] и[сторического] о[бщества, т.] XI [СПб., 1873, с.] 380, 485. Стольника, потом гвард[ейского] офицера, назначали и за море для изучения морского дела, и в Астрахань для надзора за солеварением, и в св. Синод «обер-прокурором».

[26] *Слово написано над строкой.*

[27] *Первоначально было:* 28 фев[раля].

[28] *На полях:* Объявление вне законов.

[29] *Слово написано над строкой.*

теперь вытолкнуты были на непривычные поприща деятельности. Куда только не посылали, чего не заставляли изучать русского дворянина при Петре! Командированные толпами перебывали в Лондоне, Париже, Амстердаме, Венеции, учились мореходству, философии, математике, дохтурскому искусству. Чтобы видеть, как исполняли они разнообразные учебные задачи, на них возлагавшиеся, как осваивались они с непривычными для них науками, прочтем отрывок из письма, посланного в 1711 г. одним из этих невольных русских студентов, кн[язем] М. Голицыным из Амстердама к его шурину; здесь живо изображены и неудобства этой заграничной выучки, и отношение к ней учившихся.

«О житии моем возвещаю: житие пришло мне самое бедственное и трудное. Наука определена самая премудрая; хотя мне все дни живота своего на той науке себя трудить, не принять (все равно не выучиться)[30] будет для того — не знамо учиться языкам, не знамо науки; кроме природного языка никакого не могу знать, да и лета мои уже ушли от науки. Натура моя не может снесть мореходства и от того пришел в великую печаль и сомнение и не знаю, как и быть, взять бы к Москве и быть хотя бы последним рядовым солдатом, а ежели чего не возможно, то хотя бы в тех же вражских краях быть да обучаться какой-нибудь науке сухопутской, а только чтобы не мореходству».

Так приготовлялось русское дворянство к роли проводника западноевропейского влияния в своем отечестве. После Петра учебная повинность дворянства стала легче, по крайней мере требования правительства в этом отношении были снисходительнее. Воспользовалось[31] ли этим дворянство, поспешило ли сбросить с себя ярмо новой чуждой науки и отвернулось ли от Запада?

Далеко нет, по крайней мере далеко не все сословие так поступило. Высшее дворянство успело уже связаться с Западом разнообразными нитями, которые было трудно порвать. Деятельность Петра вовлекла Россию в сложные дипломатические сношения с Западной Европой, и высший класс общества, составлявший правительство, поневоле должен был поддерживать эти сношения, а вместе с ними и свои культурные связи с Западной Европой. Этнографический состав правительственного класса тянул его в ту же сторону. В правительственном кругу при Петре осталось мало старой московской знати: несколько кн[язей] Голицыных и Долгоруких, кн[язь] Репнин, Шереметев, Бутурлин — вот почти и все представители старого боярства, бывшие видными дельцами при Петре. Гораздо больше вошло в этот класс людей из среднего и даже низшего дворянства: Головкин, Апраксин, Толстой, Бестужев, Волынский и сам светлейший Меншиков — все это были люди очень скромного происхождения,

[30] *Далее зачеркнуто:* не принять.
[31] *Первоначально было:* Воспитывалось.

люди неродословные, политические[32] *новики*. Рядом с этими выслужившимися новиками выдвинулось с важным значением много чужаков, которых Петр назначал на высшие должности за их заслуги или способности: таковы были первый генерал-прокурор Сената гр[аф] Ягужинский, сын выехавшего из Литвы органиста лютеранской церкви, в детстве, как рассказывали, пасший свиней; вице-канцлер (товарищ министра иностр[анных] дел) барон Шафиров, крещеный еврей, бывший сидельцем в мелочной лавке и даже будто бы дворовым человеком у кого-то в Москве; генерал-полицеймейстер новой столицы гр[аф] Девьер, приехавший в Россию юнгой на португальском корабле; барон Остерман, сын вестфальского пастора, и много других.

Эти пришлые люди не расположены были порывать связей своего нового отечества с родным Западом. Наконец, и начатки образования, положенные в служилом русск[ом][33] классе, не позволяли ему оторваться от образованного Запада. Петр хотел сделать русское дворянство проводником западноевропейской техники, военной и промышленной, массами посылал молодых дворян за границу учиться мореплаванью, артиллерии, инженерному и многим другим искусствам. После Петра оказалось, что эти технические науки туго прививались к дворянству; но пребывание обучавшихся им русских дворян за границей не проходило для них бесследно: попав за границу, они присматривались к тамошним обычаям и порядкам и кое-что усвояли. Обязательное обучение, домашнее и заграничное, не давало дворянству значительного запаса научных знаний; но оно приучало дворян к процессу выучки и возбуждало незаметно и невольно аппетит к знанию. Дворянин редко выучивался основательно тому, за чем его посылали за море, но он все же привыкал учиться чему-нибудь, хотя часто выучивался не тому, зачем его посылали. Сам Петр помогал развитию в обществе вкуса не к одним только техническим наукам. С 1703 г. по его приказу стало выходить в Москве правительственное периодическое издание: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в окрестных странах». В 1701 г. в Москве же на Красной площади Петр велел построить деревянный общедоступный театр, «Комедиальную храмину», в которой заграничная труппа играла даже комедию о Доне Яне (Дон Жуана) и Мольерова «Доктура принужденного» («Le Medecin malgré lui»). Рядом с правительственными военными и другими техническими школами возникали при содействии правительства частные учебные заведения совсем иного характера. Так, открыта была в 1705 г. в Москве школа пастора Глюка⊕, взятого в плен русскими войсками при занятии ливонского города Мариенбурга; у него и жила в услужении будущая императрица Екатер[ина] I. Глюк был самый обыкновен-

[32] *Слово написано над строкой.*
[33] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* этом.

ный лютеранский приходский пастор [34], но пользовался у Петра большим педагогическим авторитетом. При содействии Петра этот Глюк и открыл преимущественно для дворян школу, в которой очень просто принялся учить русское юношество: он перевел для его обучения русскому языку немецкую грамматику, для обучения закона божия — лютеров катехизис, а для преподавания его выписал из Германии немецких студентов богословия; в публикации о школе он обнародовал заманчивую программу, в которой обещал обучать русское юношество, «аки мягкую глину, географии [35], политике, латинской риторике с ораторскими упражнениями, философии, языкам французскому, немецкому, латинскому, греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, танцевальному искусству и поступи французских и немецких учтивств, рыцарской конной езде и берейторскому обучению лошадей» [36]. Стараясь сделать дворянство проводником светских обычаев и приличий в русском обществе, Петр велел переводить иностранные книги, которые могли бы служить к тому руководствами. С 1708 г. стали у нас печатать книги новым, так называемым гражданским шрифтом вместо прежнего церковно-славянского, удержавшегося с того времени только в церковных книгах. Первая книга, напечатанная новым шрифтом, была переводная геометрия, а вторая — переводный письмовник, или «Приклады, како пишутся комплименты разные».

При Петре, по его приказу, напечатана была также книга, перевод или компиляция под заглавием: «Юности честное зерцало». Это простая азбука, сопровождаемая наставлением о том, как благородному молодому человеку подобает держать себя в обществе и особенно при дворе [37]. Чтобы приготовить дворян к гражданской службе, Петр старался устроить школу для обучения их «гражданству и экономии», т. е. наукам политическим, юридическим и экономическим, думал даже о распространении между ними знаний исторических, по крайней мере знакомства с родной стариной, и [38] заказал написать учебник русской истории.

По его же указу Синод перевел философско-политический трактат известного публициста того времени Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» и его же «Введение в европейскую историю» ⊕.

По смерти Петра [39] ряд событий, вызванных вопросом о престолонаследии, оказал сильное влияние на положение и настроение дворянства, как и на его роль проводника западноевропейского образования в русском обществе. Припомним ряд преемни-

[34] *На полях:* ? хотя и оч[ень] ученый. Сол[овьев С. М. История России с древнейших времен. т.] 15. [М., 1865, с.] 101. (*Далее:* Соловьев).

[35] *Далее зачеркнуто:* палке.

[36] *На полях:* Документы ⊕.

[37] *На полях:* Стр. 241.

[38] *Слово написано над строкой.*

[39] *На полях:* Стр. 62.

ков и преемниц преобразователя; это были вдова царя Екат[ерина] I, его внук Петр II, его племянница Анна, ребенок Иоанн, сын племянницы этой императрицы Анны, дочь преобразователя — Елизавета, наконец, племянник этой дочери Петр III.

В судьбе этих преемников и преемниц особенно важен тот политический путь, которым они достигали[40] престола. Появление их на этом престоле было неожиданностью как для русского общества, так и для них самих. Причиной того был сам Петр. До конца XVI в. в Московском государстве порядок престолонаследия определялся обычаем, по которому власть государя передавалась по завещанию его в нисходящей линии, обыкновенно от отца к сыну. С конца XVI в., с пресечением старой московской династии завелся другой порядок: верховная власть передавалась по соборному избранию.

Петр 5 февраля 1722 г. издал новый закон[41] о престолонаследии, которым отменялись оба прежние порядка; по этому уставу государь мог назначать своим наследником кого хотел, и, если назначенное лицо оказывалось неспособным к правлению, мог отрешить его от престола. Петр испытал на себе самом неудобство этого закона, отдававшего престол на волю случая, — умер, не успев назначить себе преемника. Вследствие этого закона в продолжение нескольких десятилетий со смерти Петра ни одна смена на русском престоле не обходилась без замешательства, без дворцовой смуты.

Поэтому время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II является в нашей истории эпохой дворцовых переворотов (1725—1762). Одна особенность этих переворотов имеет более других важное политическое значение. Когда отсутствует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой. Такою силой в русских дворцовых переворотах прошлого века была привилегированная часть созданной Петром регулярной армии[42], два гвардейских полка — Преображенский и Семеновский, к[43] которым в царствование Анны прибавились два другие — пехотный Измайловский и Конно-[44]гвардейский. Гвардия принимала деятельное участие во всех затруднениях, возникавших из вопроса о престолонаследии. Ни одна почти смена на престоле в означенные 38 лет не обошлась без решающего вмешательства гвардии. Так, 28 янв[аря] 1725 г. когда преобразователь умирал, лишившись языка, собрались члены Сената, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Правительственный класс разделился: старая знать, во главе которой стояли князья Голицыны, Репнин, высказывалась за малолетнего внука преобразователя Петра II. Новые неродовитые дельцы, ближайшие сотрудники преобразователя,

[40] *Далее зачеркнуто:* до.
[41] *Слово написано над зачеркнутым:* устав.
[42] *Первоначально было:* созданная Петром регулярная армия.
[43] *Слово написано над:* в [котор]о[м].
[44] *Последняя буква* о *написана над* ыи.

члены комиссии, осудившей на смерть отца этого наследника, царевича Алексея, с князем Меншиковым во главе, стояли за императрицу-вдову. Пока сенаторы совещались во дворце по вопросу о престолонаследии, в углу залы совещаний как-то появились офицеры гвардии, неизвестно кем сюда призванные. Они не принимали прямого участия в прениях сенаторов, но, подобно хору в античной драме, с резкой откровенностью высказывали об них свое суждение, грозя разбить головы старым боярам, которые будут противиться воцарению Екатерины. Вдруг под окнами дворца раздался барабанный бой: оказалось, что там стояли оба гвардейских полка под ружьем, призванные своими командирами — кн[язем] Меншиковым и Бутурлиным. Президент Военной коллегии (военный министр) фельдмаршал кн[язь] Репнин с сердцем спросил: «Кто смел без моего ведома привести полки? Разве я не фельдмаршал?» Бутурлин возразил, что полки призвал он по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», — добавил он. Это появление гвардии и решило вопрос в пользу императрицы. Когда в мае 1727 г. Екатерина опасно занемогла, для решения вопроса о преемнике собрались члены высших правительственных учреждений, Верховного тайного совета, Сената, Синода, президенты коллегий; среди них появились и майоры гвардии, как будто гвардейские офицеры составляли особую политическую корпорацию, без содействия которой не мог быть решен такой важный вопрос. Когда в [январе] 1730 г. преемник Екатерины — Петр II простудился и безнадежно заболел, временщики кн[язь] Алексей Долгорукий с сыном Иваном созвали фамильный совет. Дочь кн[язя] Алексея княжна Екатерина была помолвлена за императора, и князья Долгорукие решили было возвести на престол невесту, составив подложное завещание от имени умиравшего жениха. Один из князей Долгоруких указал на неисполнимость такого замысла; но отец невесты возразил, что он, напротив, уверен в успехе предприятия, прибавив в оправдание своей уверенности: «Ты ведь в Преображенском полку подполковник, а князь Иван майор, да и в Семеновском спорить о том будет некому». Значит, придворные люди привыкли уже к мысли, что никакое политическое предприятие не может обойтись без содействия гвардии и, напротив, успех всякого предприятия обеспечен, как скоро за него станет гвардия. Мы увидим, как та же гвардия решила спор Верховного тайного совета с дворянством об условиях воцарения императрицы Анны по смерти Петра II. В 1740 г. по смерти императрицы Анны, когда управление при императоре-ребенке Иоанне находилось в руках регента Бирона, фельдмаршал Миних с одной ротой Преображенского полка свергнул регента ночным нападением (8 ноября). В следующем году дочь Петра I Елизавета свергнула правительство матери этого императора Анны Леопольдовны, также

[45] *Далее зачеркнуто:* и.
[46] *Буквы* ей *написаны над:* ие.

ставши[47] во главе гренадерской роты Преображенского полка. Позднее Екатерина II вступила на престол, свергнув Петра III с помощью также гвардейских полков. Так гвардия, можно сказать, делала правительства по смерти Петра I. Это участие гвардии в государственных делах имело чрезвычайно важное значение[48], оказав могущественное влияние на ее политическое настроение. Первоначально послушное орудие в руках своих вожаков, она потом становится самостоятельной двигательницей событий, вмешиваясь в политику по собственному почину. Дворцовые перевороты были для нее подготовительной политической школой, развили в ней известные политические вкусы, создали настроение[49], привили к ней известный политический образ мыслей. Гвард[ейская] казарма — противовес и подчас открытый противник Сената и В[ерховного] т[айного] совета[50]. Но эти следствия не остались в стенах гвардейских казарм. Гвардия тогда не была только привилегированной частью[51] русской армии: она имела сословное значение[52]. В гвардии сосредоточивался цвет того класса, который с Петра получил общее название дворянства или шляхетства; по закону Петра дворянин, только прослужив известное число лет рядовым в гвардии, получал чин офицера. При такой тесной связи гвардии с дворянством усвоенные ею политические вкусы быстро сообщались и сословию, из которого она набиралась. Люди того времени живо чувствовали эту политическую связь гвардии с сословием и те опасные следствия, какие могли отсюда выйти. Когда в гвардии поднялся ропот против регентства Бирона по смерти императрицы Анны, регент видел корень зла в сословном составе гвардии: «Зачем, — говорил он, — рядовые в гвардии из дворян? Дворян можно перевести офицерами в армейские полки, а на их место набрать в гвардию из простого народа».

Так, благодаря политическим событиям по смерти Петра I дворянство, предназначенное стать проводником западноевропейского просвещения в русское общество, приобрело через гвардию[53] еще политическое средство действия на просвещенное общество.

[47] *Буква* и *написана над* ая.
[48] *Слово написано над:* следствие.
[49] *Два предыдущих слова написаны на полях.*
[50] *Фраза написана на полях.*
[51] *Далее зачеркнуто:* в.
[52] *Над строкой:* состав.
[53] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*

3-я лекция

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ ДВОРЯНСТВА ПОСЛЕ ПЕТРА

Мы видели, как случилось, что высшему дворянству пришлось у нас стать проводником западного влияния, рассадником культуры, в которой нуждалась страна. Усложнили эту миссию сословия непредвиденные обстоятельства, источником которых были семейные неурядицы Петра и его закон о престолонаследии. [Гвардия] возводила на престол, свергала правителей: 5 переворотов при ее участии в 38 лет.[1] Эти обстоятельства привили[2] послушному дворянству вкус к делам высшей политики и помогли ему приобрести некоторый навык в их ведении. Какое употребление сделает сословие из привитого к нему вкуса и приобретенного навыка, это зависело от того, удержит ли оно прежнее вековое свое положение в государстве или займет новое[3]. В 1760-х годах в его положении произошла коренная перемена: до того времени на нем лежала обязательная военно-гражданская служба, а с той поры с него сняли эту службу и предоставили служить отечеству по доброй воле и по мере разуменья. Эта перемена в государственном положении глубоко изменила настроение сословия, его взгляд на свое народное значение и призвание и, что особенно для нас важно, на свое отношение к западному влиянию[4]. При Петре обязат[ельное] общее и техн[ическое] образование, после еще светская выправка, поступь фр[анцузских] и немецких учтивств[5].

Прежнее положение рождало в сословии одни потребности, какие вызывались его обязательной службой, и заставляло обращаться к западной культуре с известными требованиями для удовлетворения этих служебных потребностей; как скоро это положение изменилось, и[6] эти потребности и требования должны были смениться другими.

Политическая практика открылась высшему дворянству, когда оно еще не имело своей воли, несло обязательную службу, которая приковывала его к столице. Это приближ[ение] к дворцу вовлекало в придв[орные] интриги, давало вес, полит[ическое] значение, возможность направлять госуд[арственные] дела сообразно своим вкусам и интересам и так[им] образом устроить свое полож[ение] в государстве[7]. Что [8]ему понадобилось из западной культуры в этом подневольном положении и[8] как оно повело

[1] *Фраза написана на полях.*
[2] *Далее в рукописи:* к.
[3] *Далее написано на полях:* Очерк раскрепощения двор[ян]ства.
[4] *Две последние фразы позже взяты в карандашные скобки.*
[5] *Фраза написана на полях.*
[6] *Слово написано над строкой.*
[7] *Фраза написана на полях.*
[8–8] *Позже взято в карандашные скобки.*

себя, когда ему представился случай показать на деле свой политический образ мыслей и воспользоваться приобрет[енным] значением?[9] Инжен[ер] и артилл[ерист] и при этом светски выправл[енный] шляхтич — каким станет политиком?[10]

Этот первый опыт политической самодеятельности случился при довольно сложной обстановке. В начале XVIII в. высшее гвардейское дворянство еще не было высшим классом русского общества. Выше его стояло[11] старое московское боярство. С тех пор как завязалось Московское государство, боярство делило власть с московскими государями. Вместе работая над устроением государства, государь и бо[яр]ство[12] много ссорились с конца XV в. Но взаимная вражда не разрывала[13] их связи, завязанной их обоюдной нуждой друг в друге. Казни Грозного, бури времени самозванцев разрядили ряды этой плотной знати, унесли целые фамилии, и Петр застал только ее обломки. Отмена местничества разрушила его генеалогич[еский] строй[14]. Тогда боярство было уже не столько политической силой, сколько историческим призраком, воплощенной легендой. Политический упадок его чувствовали при Петре и даже раньше, когда Шакловитый подговаривал царевну[15] Софью взять управление в свои руки и, когда его спросили: «А что скажут патриарх и бояре?», — он отвечал, что патриарха сменить можно, а бояре — что такое бояре? — *это зяблое и упавшее*[16] *дерево.* Петр не любил старых бояр: дородно неповоротливый боярин, ум которого питался одним прошедшим, бредил родосл[овными] тенями[17], генеал[огическими] преданиями[18], не годился для его работы, требовавшей торопливой деятельности, научных знаний[19] и новых соображений. Боярство составлялось из знатных фамилий, которые тесно соприкасались, но не смешивались с дворянством. Дворянство было исполнительным орудием боярства, как правительственного класса, и до Петра орудием оч[ень][20] послушным. С Петра, который при выборе правительственных дельцов мало смотрел на их происхождение, дворянство перестало чувствовать на себе гнет боярской знати. При Екатерине I, когда воскресли политические надежды этой знати, дворянство должно было вступить с ней в политическое соперничество; перестав быть политической силой, эта

[9] *Три предыдущих слова написаны над зачеркнутыми:* свой навык в государственных делах.
[10] *Фраза приписана к строке и на полях.*
[11] *Над строкой:* остатки.
[12] *Три предыдущих слова написаны над:* они.
[13] *Первоначально было:* разорвала.
[14] *Фраза написана на полях.*
[15] *Слово написано на полях.*
[16] *Над буквами* вшее *написано:* лое.
[17] *Три предыдущих слова написаны на полях.*
[18] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[19] *Два предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* Кн[язь] Куракин. Сыс [оев⊕, с.] 575.
[20] *Слово написано над строкой.*

знать[21] оставалась политическим призраком, еще способным пугать воображение.

После Петра оба класса остались политически возбужденными. Деятельность Петра с необычными ее приемами и не для всех ясными целями вызвала во всем русском обществе усиленное возбуждение политической мысли. Это возбуждение проникло даже в народную массу и выразилось во множестве «подметных писем», популярных политических памфлетов, направленных против реформы [22]и завед[енных] ею новых порядков[22]. Общество переживало столько странных, невиданных явлений, столько неиспытанных ощущений, что поневоле стало задумываться над тем, чтó творилось в государстве. Но странные явления[23], вызвавшие это возбуждение, продолжались и по смерти Петра. Древняя Русь никогда не видела женщины на престоле, а после Петра на нем села женщина. Эта новость вызвала в простом народе несколько печальных или забавных недоразумений; когда стали приносить присягу императрице-вдове, некоторые отказывались присягать, говоря: «Если женщина стала царем, так пусть женщины ей и крест целуют». Это возбуждение политической мысли прежде и сильнее всего должно было обнаружиться в высшем сословии, шляхетстве, ближе других классов стоявшем к государственным делам, но обнаружилось неодинаково и привело к различным последствиям в разных слоях этого шляхетства. Раньше и с особенною силой это политическое напряжение проявилось[24] в верхнем слое шляхетства, составлявшем руководящий класс, в котором уцелели еще остатки родовитого боярства. Здесь из этого политического возбуждения и составился довольно определенный взгляд на порядок, какой должен установиться в государстве. Различные условия помогали сложиться такому взгляду в этом слое. Прежде всего в XVIII в. здесь еще не успели погаснуть политические предания, перешедшие из XVII в., а в XVII в. московское боярство сделало несколько опытов политического договора с верховной властью. В тесном боярском кругу в начале XVIII в. помнили еще, как в 1606 г. бояре ограничили власть царя Василия Шуйского, взяв с него обязательство не решать важных дел без бояр[25], как[26] подобные обязательства наложены были на королевича Владислава, когда правившие государством бояре согласились признать его московским царем после падения Василия в 1610 г., как царь Михаил, избранный на престол Земским собором, должен был по настоянию бояр в 1613 г. подтвердить присягой условия, ограничившие его власть; помнили, что еще в конце XVII в. бояре сделали новую попытку установить государственный порядок с ограниченной

[21] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* она.
[22-22] *Написано на полях.*
[23] *Первоначально было:* странное явление.
[24] *Слово написано над:* обнаружилось.
[25] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[26] *Далее зачеркнуто:* такие же.

в их пользу верховной властью[27], отдать управление областное в руки боярской знати[27]. Бояре предложили царю Федору Алексеевичу разделить государство на крупные области, соответствовавшие самостоятельным некогда княжествам или землям, из которых составилось Московское государство, и в каждую из этих областей назначить знатного боярина бессменным пожизненным наместником вроде западного средневекового герцога или польского областного воеводы. Так явились бы у нас несменяемые и, может быть, наследственные бояре — наместники царств[28] Казанского, Астраханского, княжества Тверского и т. д.

Царь принял было этот проект, но патриарх Иоаким решительно восстал против этого замысла, угрожавшего целости государства. Его протест разрушил эту боярскую попытку[29] водворить в России XVII в. феодализм польского пошиба. Воспоминания о прежнем политическом значении московского боярства, подогреваемые[30] личным произволом Петра, его бесцеремонным обращением со знатью, питали в ее остатках надежды на возможность по смерти самовластного преобразователя восстановить давние, исчезнувшие отношения. Без сомнения, и более близкое знакомство русской знати с политическими порядками Западной Европы со времени Петра оказало некоторое влияние на образ мысли этого класса, поддерживало в нем такие надежды. Проблески такого стремления стали заметны тотчас по смерти преобразователя, в царствование Екатерины I. Тогдашний французский уполномоченный при петербургском дворе Кампредон⊕ писал, что бо́льшая часть вельмож в России стремится умерить деспотическую власть императрицы; они ждут, пока придет в возраст царевич Петр, внук преобразователя, и тогда, возведши его на престол, недовольные настоящим порядком вельможи надеются получить бо́льшее значение в управлении, устроив его по образцу английского. Знати действительно удалось в царствование Екатерины I добиться некоторого осуществления своих политических надежд. Петр начал копать обводный Ладожский канал между реками Волховом и Невой. Это дело было поручено Миниху, который по смерти Петра в конце 1725 г. потребовал у Сената 15 тысяч солдат для окончания работ. В Сенате поднялись прения: одни были против посылки солдат на канал, другие высказывались за требование Миниха, находя в этом самые дешевые и удобные средства покончить полезную[31] работу. Когда сенаторы достаточно наспорились, князь Меншиков вдруг встал и заявил, что как бы ни решил Сенат, но по воле императрицы в нынешнем году ни один солдат не будет послан на канал. Сенаторы обиделись, негодуя на то, почему Меншиков один пользуется правом знать волю императрицы и зачем он заставил их

[27–27] *Написано на полях.*
[28] *В рукописи:* царства.
[29] *Слово написано на полях.*
[30] *Первоначально было:* подогревая.
[31] *Слово написано над строкой.*

напрасно спорить, наперед не объявив этой воли. Некоторые сенаторы говорили, что не станут более ездить в Сенат. По столице пошел слух, что недовольные думают возвести на престол малолетнего цесаревича Петра, ограничив его власть. Меншиков испугался и вместе с Толстым уговорил императрицу на сделку с недовольными, следствием которой явилось новое высшее правительственное учреждение — Верховный тайный совет. По закону 8 февраля 1726 г. этот совет составился из шести членов, которые все имели равное значение. Большинство их состояло из наиболее влиятельных людей новой знати, каковые были кн[язь А. Д.] Меншиков, гр[аф] П. А. Толстой, [А. И.] Остерман; но в состав Совета был принят и самый видный представитель недовольной старой знати кн[язь] Д. М. Голицын.

Верховный совет рассматривал и решал под председательством императрицы особо важные дела внешней и внутренней политики, требовавшие новых законов, тогда как Сенат лишался[32] непосред[ственного] отношения к верх[овной] власти[32] и вместе с коллегиями должен был действовать[33] под руководством и по указаниям В[ерховного] т[айного] сов[ета][33] на основании существующих установлений. Никакое дело не могло быть доложено императрице помимо Верховного совета, никакой закон не мог быть обнародован без предварительного обсуждения и решения дела в этом совете. Таким образом, Верховный совет стал выше Сената и связывал верховную власть в пользу аристократической корпорации, его составлявшей.

Политические стремления того же класса обнаружились еще явственнее в деле об ограничении власти императрицы Анны. Это дело для нас тем любопытнее, что в нем впервые обнаружилось политическое соперничество дворянства с остатками старого боярства[34]. Дело началось тем, что по смерти Петра II, 19 января 1730 г., Верховный тайный совет неожиданно решил возвести на русский престол племянницу Петра Великого, вдову герцогиню курляндскую Анну, помимо ее двоюродной сестры — дочери Петра Елизаветы. Начинателем дела был кн[язь] Д. М. Голицын. Это был умный и образованный старик лет под 70, из числа вельмож, которых недолюбливал Петр за упрямый характер и древнерусские сочувствия. Кн[язь] Голицын был при нем губернатором в Киеве, потом послом в Константинополе и президентом в Камер-коллегии, т. е. министром финансов, стал наконец сенатором, но не играл видной роли в царствование преобразователя. Голицын внимательно[35] изучал современное политическое положение Европы, знал и любил русскую старину и усердно собирал ее памятники. С помощью наблюдений, изучения и опыта он составил себе своеобразный взгляд на внутреннее положение России. На события, совершавшиеся при Петре и после, он смотрел

[32–32] *Написано над:* законодательного значения.
[33–33] *Написано над строкой. На полях:* Исправить.
[34] *На полях:* Стр. 85.
[35] *Слово написано над строкой.*

мрачным взглядом: здесь все его огорчало, как нарушение старины, порядка и даже приличия. В минуту смерти Петра II Верховный тайный совет состоял из пяти членов: гр[афа] Головкина, Остермана, двоих кн[язей] Долгоруких и самого Голицына; но в ночном заседании накануне в него введены были еще двое кн[язей] Долгоруких и брат князя Голицына, фельдмаршал Михаил Михайлович. Значит, три четверти[36] состава Совета принадлежали двум аристократическим фамилиям — кн[язьям] Голицыным и Долгоруким. Когда в Совете стали обсуждать вопрос о преемнике только что скончавшегося императора, кн[язь] Д. Голицын произнес речь, в которой доказывал, что дочери Петра не имеют права на престол, потому что родились до вступления отца их в брак с их матерью, а завещание Екатерины, по которому престол после Петра II в случае бездетной его смерти переходил к ее дочерям, и само по себе не имеет силы, потому что эта женщина, будучи низкого происхождения, сама не имела права на престол и не могла им распоряжаться. Потому кн[язь] Голицын предложил избрать на престол племянницу Петра, дочь царя Ивана, герцогиню курляндскую Анну, но, сделав это предложение, он неожиданно прибавил: «Ваша воля, кого изволите; только надобно и себе полегчить». — «Как это себе полегчить?» — спросил канцлер граф Головкин. — «А так полегчить, чтобы воли себе прибавить», — пояснил Голицын. — «Хоть и зачнём, да не удержим того», — возразил один из князей Долгоруких. — «Право, удержим!» — уверял Голицын. Верховный тайный совет принял предложение его о герцогине Анне, но смолчал на предложение о прибавке воли. Голицын продолжал: «Будь ваша воля; только надобно, написав, послать к ее величеству „Пункты“». Он предложил и провел в Совете эти «Пункты», или «Кондиции» — условия ограничения верховной власти. Вот содержание этих пунктов, как они были изложены в письме Верховного совета, посланном тотчас из Москвы в Митаву: императрица-вдова во всю жизнь не вступает в брак и не назначает себе наследника, правит вместе с Верховным тайным советом, состоящим из 8 персон; без согласия этого Совета не начинает войны и не заключает мира; не вводит новых налогов; не жалует в чины выше полковника, предоставляя командование гвардией и прочими войсками одному Верховному совету; никого из шляхетства без суда не лишает жизни, чести и имущества, не раздает вотчин и не расходует государственных сумм без согласия того же Совета. Эти условия скреплялись словами от имени избранной императрицы: «А буде чего по сему обещанию не исполню, лишена буду короны российской». Как только эти условия стали известны в обществе, в нем началось необычайное движение; пошли толки, что Совет хочет отдать государство в руки немногих знатных фамилий. Случайная встреча неожиданных обстоятельств содействовала усилению движения, вызванного предприя-

[36] *Над строкой:* 6 из 8 ч[е]л[ов]ек.

тием верховников, как тогда звали членов Совета. На тот самый день, 19 января, когда умер Петр II, назначена была его свадьба с княжной Долгорукой. В Москву наехало на праздники множество провинциального дворянства. Собравшись на свадьбу и попав на похороны, дворяне очутились в водовороте политической борьбы. Проект верховников встречен был в обществе глухим ропотом. Один современник, зорко следивший за событиями и принимавший в них деятельное участие, сотрудник Петра по церковным реформам, архиепископ новгородский Феофан Прокопович, живо рисует⊕ нам ход движения в своих записках: «Жалостное видение и слышание везде по городу стало; куда ни придешь, к какому собранию ни пристанешь, только и слышишь горестные нарекания на осмиличных оных затейщиков; все их жестоко порицали; все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие». Съехавшееся дворянство разбилось на кружки, собиралось по ночам и повело оживленную оппозицию [37] верховникам. Не нужно, однако, думать, что шляхетство поднялось против В[ерховного] т[айного] [38] совета во имя абсолютизма [39], не соглашаясь на политический порядок, предложенный верховниками. Иностранные наблюдатели говорят другое.

Прусский посланник Мардефельд писал в депеше, что вообще все русские желают свободы, только не могут согласиться насчет ее размеров и качества, насчет того, до какой степени ограничить самодержавие. Выхода из этого затруднения они искали не в политических преданиях своего прошлого, а в порядках чужих стран. Французский уполномоченный Маньян писал ⊕ тогда в депеше из Москвы: «Здесь на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах парламента». Против чего же восстало дворянство? Наблюдатели, прислушиваясь к дворянским толкам, отметили и причину этой оппозиции: оно восстало против замысла верховников, как олигархической затеи, предпринятой тайком от общества, без согласия и участия других чинов государства, что «неприятно и смрадно пахло», по выражению Феофана Прокоповича; верховная власть императрицы ограничивалась одним Тайным советом, т. е. представителями родовитой знати, а это грозило заменить власть одного лица произволом всех членов Верховного тайного совета. Значит, дворянство сочувствовало идее ограничения, как средству против [40] произвола временщиков, столько раз испытанного шляхетством со времени Петра, но было против верховников потому, что их проект не давал дворянству достаточного обеспечения от их собственного произвола. Такое отношение к делу выразил видный представитель шляхетства, человек умный и даровитый, один из

[37] *Над строкой:* агитацию против.
[38] *Два предыдущих слова написаны на полях.*
[39] *Слово написано над:* обсуртизма.
[40] *Слово написано над строкой.*

младших сотрудников Петра Великого, Артемий Петрович Волынский, бывший тогда казанским губернатором. Отвечая на московские вести, присланные ему приятелем, он писал: «Слышно здесь, что делается у Вас или уже сделано, чтобы быть у нас республике (ограниченной или конституционной монархии. — *В. К.*). Я зело в том сумнителен; боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий; и так мы, шляхетство, совсем пропадаем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно». В поведении другого сотрудника Петра, бывшего генерал-прокурора Ягужинского еще яснее обнаружились и политическое настроение шляхетства, и причины его оппозиции верховникам[41]. В то время когда кн[язь] Голицын излагал в Совете свое предложение об ограничении верховной власти, Ягужинский в другой зале дворца высказывал перед придворной публикой тот же самый образ мыслей, говоря: «Долго ли нам терпеть, что нам головы секут? Теперь время, чтоб самодержавию не быть». Когда верховники вышли и объявили ожидавшим их Синоду, Сенату и генералитету об избрании Анны, Ягужинский подлетел к одному верховнику и завопил: «Батюшки мои! Прибавьте нам, как можно, воли». Но он тотчас стал жестоким противником верховников, как только обнаружилось, чего они хотели, и поспешил войти в сношения с императрицей, противодействуя замыслу ограничить ее власть в пользу одного Верховного совета.

Впрочем, мы имеем и документальные свидетельства о политическом настроении и образе действий тогдашнего шляхетства: до нас дошли 12 мнений и проектов ⊕, поданных или приготовленных к подаче в Верховный [тайный] совет различными дворянскими кружками. Под этими проектами подписалось более тысячи человек. Здесь мысли развивались наскоро, планы государственной реформы не подвергались достаточной разработке; значит, в этих записках можно видеть самое искреннее выражение политических взглядов дворянства. Все проекты построены на одной мысли, что существующий государственный порядок должен быть преобразован и в этом преобразовании деятельнейшее участие должно принять все шляхетство.

Уполномоченные этого сословия должны собраться, рассмотреть и обсудить государственные нужды и на основании этого обсуждения выработать новую форму правления. Таким образом, во всех проектах дворянства проходит одна тенденция: править государством должно это одно сословие. Такую тенденцию разделяют все дворянские проекты, расходясь между собою только[42] в подробностях: одни — радикальнее других, хотят ломать больше, чем другие; некоторые, например, требуют упразднения Верховного тайного совета, другие — только расширения

[41] *Буквы* ам *написаны над зачеркнутыми* ов.
[42] *Слово написано над строкой.*

его состава. По одному проекту высшим правительственным учреждением должен стать Сенат из 30 членов, выбираемых «обществом», т. е. шляхетством с высшими военными и штатскими чинами под председательством императрицы, имеющей три голоса при решении вопросов, а законодательная власть, право изменять государственное устройство и вводить новые законы должно принадлежать Сейму, состава которого проекты не объясняют, но в котором легко заметить польское влияние. Таким образом, шляхетские проекты подтверждают известие наблюдателя о характере движения: дворянство восстало против верховников не из привязанности к старому порядку, а по несочувствию к олигархической форме нового порядка, ими предложенного, негодуя на их попытку установить владычество знати без участия «общества».

Движение, вызванное в рядовом дворянстве против верховников, заставило последних пойти на сделку. Здесь выступил опять тот же кн[язь] Дмит[рий] Голицын с новым планом, имевшим целью примирить замыслы Верховного совета с требованиями дворянства. По этому плану императрица распоряжается только своим двором; верховная власть принадлежит Тайному совету из 10—12 членов, принадлежащих к знатнейшим фамилиям; но рядом с ним действуют еще три учреждения: 1) Сенат, состоящий из 36 членов, предварительно обсуждает все дела, окончательно решаемые Тайным советом; 2) Шляхетская камера (палата) из 200 членов, выбираемых шляхетством, охраняет права этого сословия от посягательства со стороны Совета и 3) Палата городских представителей заведует всеми торгово-промышленными делами и охраняет интересы простого народа; но и этот примирительный план не удался. Вмешалась в дело гвардия, офицеры которой явились к[43] императрице и решительно высказались за восстановление самодержавия, бросившись перед ней на колени со словами: «Государыня! Мы верные подданные вашего величества, верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе вашего величества; но мы не потерпим, чтобы вас притесняли; прикажите, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев». После этого и дворянство обратилось 25 фев[раля] 1730 г. с просьбой к императрице царствовать самодержавно, как царствовали ее предшественники. Но дворянство не отказывалось от всякого участия в управлении: в той же самой просьбе оно всеподданнейше ходатайствовало о том, чтобы на будущее время установлена была постоянная твердая форма государственного управления, чтобы правительств[енными][44] делами[45] руководил Сенат, а членов Сената, также президентов коллегий и губернаторов предоставлено было выбирать шляхетству по баллотировке. Исполняя первый пункт шляхетской просьбы о восстановлении самодержавия и не отвечая на

[43] *Слово написано над строкой.*
[44] *Слово написано над строкой.*
[45] *Далее зачеркнуто:* управления.

остальные, Анна приказала подать себе подписанные ею кондиции Верховного совета и собственноручно перед всеми разорвала их. Этим закончилось движение, вызванное замыслом кн[язя] Голицына. Легко видеть, почему оно имело такой исход: во-первых, представители старой знати не могли сговориться с дворянством в своих интересах и стремлениях; во-вторых, само шляхетство было застигнуто врасплох, не умело выработать ясного и однообразного плана нового государственного устройства и разбилось на кружки с несходными и неопределенными стремлениями[46]. В этом смысле надобно понимать слова кн[язя] Голицына, которыми он сам отпел свое дело, сказав после его неудачи: «Пир был готов, но званые оказались не достойны его. Знаю, что паду жертвой неудачи этого дела, — так и быть, пострадаю за отечество; мне уже немного остается жить; но те, которые заставляют меня плакать, будут плакать больше моего»[47].

Впрочем, политическое возбуждение не погасло и после неудавшегося дела 1730 г. Напротив, царствование Анны прибавило много нового горючего материала для того недовольства, которым питалось прежде это возбуждение в обществе. Дворянство негодовало на произвол прежних временщиков — Меншикова, Долгоруких. Это были люди или[48] знатные, или «подлородные», как тогда говорили, но по крайней мере свои русские люди и иные не без заслуг. Теперь явились временщики тоже подлородные, но при том иностранцы и без всяких заслуг, во главе с «канальей Курляндцем», как звали Бирона. Немецкое владычество вызвало сильный ропот в обществе, и прежде всего в гвардии, как только кончилось царствование Анны. Трудно представить себе шумные толки, какие шли в Петербурге в конце 1740 г., когда императором провозглашен был ребенок Иоанн, а регентом Бирон. По мере того как владычество иноземцев разгорячало национальное чувство, симпатии возбужденного общества поворачивались в сторону цесаревны Елизаветы. Из гвардейских кружков это возбуждение проникало в слои, с ними соприкасавшиеся, даже в самые скромные. Когда манифест о воцарении маленького Иоанна и о регентстве[49] Бирона пришел в канцелярию Ладожского канала в Шлиссельбурге, один писарь оказался навеселе. Окружающие советовали ему привести себя в порядок для присяги, но он возразил: «Не хочу — я верую Елизавете Петровне». Этим движением подготовлен был ноябрьский переворот 1741 г., возведший на престол дочь Петра — Елизавету. Переворот сопровождался бурными сценами, в которых проявилось оскорбленное иноземным владычеством национальное чувство. Гвардейские офицеры требовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россию от немецкого ига. Остерману и Миниху больно досталось от раздра-

[46] *Далее над строкой:* ∓ Сыс[оев, с.] 591.
[47] *На полях:* Стр. 94.
[48] *Слово написано над строкой.*
[49] *Буквы* стве *написаны над зачеркнутой* е.

женных солдат[50]. Когда Елизавета дала отставку некоторым немцам, гвардия осталась недовольна, требуя изгнания всех немцев из России. В Финляндии, во время шедшей тогда войны со Швецией, в лагере под Выборгом поднялся открытый бунт против немецких офицеров, усмиренный лишь энергией генерала Кейта.

Таковы были моменты, пережитые дворянскими умами, политически возбужденными по смерти Петра. В ходе изложенного политического возбуждения можно заметить некоторую последовательность. Мы видим, что прежде всего сделана была попытка установить боярскую олигархию. Эта попытка была разбита рядовым дворянством, желавшим превратить самодержавную империю в дворянскую[51] сословную конституционную монархию, наподобие шляхетской Польши. Когда не удались ни боярский олигархизм, ни шляхетский конституционализм, в обществе остался сильно[52] возбужденный владычеством иностранцев патриотизм. Людям 1730 г. не удался желаемый государственный порядок, но у них остались неясные[53] политические помыслы[54] и стремления. Из дела 1730 г. видно, что[55] эти[56] помыслы и стремления складывались не без участия зап[адного] влияния, почерпались частью из иноземных[56] источников[57]; в боярских и дворян[ских] умах бродили образы шведского аристократ[ического] Сената и польского шлях[етского] Сейма, даже английск[ого] парламента[57]. Мы указали след[58] влияния польского, шляхетского устройства; иностранный посол слышал оживленные дворянские толки об английской конституции[59]. Руководясь западными политическими образцами, порядками государств, где дворянство еще сохраняло господствующее положение, русские дворяне хотели руководить обществом в качестве парламентского класса, сословия с политическим голосом. Когда мечты о палатах и сеймах рассеялись и дворянству пришлось удовольствоваться существующими доморощенными учреждениями, оно выразило желание, по крайней мере, руководить высшим управлением, выбирая членов Сената, коллегий и губернаторов. Крупный шаг в полит[ическом] сознании: от лиц перешло к порядкам, от партий и интриг — к полит[ическим][60] планам. Уклонение от мысли Петра В[еликого][61].

Таким образом, западное влияние, доселе обнаруживавшееся в заимствовании технического образования, теперь призвано

[50] *Над строкой:* и их в ссылку.
[51] *Слово написано над строкой.*
[52] *Буква* о *написана над зачеркнутыми* ый.
[53] *Слово написано над зачеркнутым:* усвоенные имп.
[54] *Слово написано над зачеркнутым:* понятия.
[55] *Далее зачеркнуто:* в усвоении.
[56–56] *Написано над зачеркнутыми:* этих понятий и стремлений, но были безучастны западные.
[57–57] *Написано на полях.*
[58] *Три предыдущих слова позднее зачеркнуты.*
[59] *Над строкой:* парламенте.
[60] *Далее зачеркнуто:* страсти.
[61] *Две предыдущие фразы написаны на полях.*

было на помощь для обновления самых оснований внутреннего государственного порядка, проявилось в политической жизни, а здесь мы его доселе еще не замечали. Не обозначилось ли этим его дальнейшее направление — путь, которым пойдет русское общество под руководством Западной Европы? Русское дворянство, которое Петр хотел сделать проводником западноевропейской науки, просвещ[ения] [62], техники военной и администр[ативной] [63], не станет ли по освобождении водворителем [64], насадителем в России западноевропейской конституционной политики? Это зависело от положения, какое суждено было дворянству занять в государстве после сделанных им политических опытов и достигнутых успехов.

4-я лекция

ЕКАТЕРИНА II, КАК РУКОВОДИТЕЛЬНИЦА РУССКОГО ДВОРЯНСТВА В ПРОВЕДЕНИИ ЗАПАДНОГО ВЛИЯНИЯ

Мы видели, что ходом жизни русскому дворянству указано было стать в XVIII в. проводником западного просвещения [1] в своем отечестве. Замечательна последовательность в исторической подготовке сословия к этой важной миссии. Еще до Петра обязательная служба приучала дворянство действовать по указаниям [2] правительства, сообщала [3] ему навык к разным правительств[енным] [4] делам, какие правительство ему поручало. Петр дал более определенное направление этой служебной деловитости сословия, заставив его служить проводником технических [5] военно-административных знаний и главным орудием военно-административных преобразований. Благодаря тому навык сословия к делам осложнился навыком к некоторым наукам. После Петра участие дворянской гвардии в дворцовых переворотах дало сословию смутно почувствовать, что оно из правительственного орудия превращается в политическую силу, из слуги государства становится его хозяином. В награду за услуги, какие дворянство через свою гвардию оказало правительствам, сменявшимся после Петра, с сословия стали снимать по частям обязательную службу, на нем лежавшую, и, наконец, закон 18 февр[аля] 1762 г. дал ему полную свободу от службы, предоставив ему продолжать или пре-

[62] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[63] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[64] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*

[1] *Слово написано над зачеркнутым:* влияния.
[2] *Буквы* ям *написаны над* ю.
[3] *Слово написано над:* дала.
[4] *Слово написано над строкой.*
[5] *Буквы* их *написаны над зачеркнутой* о. *На полях знак вопроса.*

кращать службу по желанию каждого. Но замечательно, что при этом на дворянстве оставлена была учебная повинность, возложенная на него Петром: манифест 18 февр[аля] обязывал дворянина отдавать своих сыновей в казенную школу или приготовлять их далее к экзамену по установленной программе, «чтобы никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук воспитывать своих детей». Удивительна судьба этого сословия. До Петра его заставляли служить, не учась; Петр приказал ему учиться для службы; после Петра его освободили от службы, но продолжали принуждать учиться, т. е. ученье сделали для него новой обязательной[6] службой. Для чего же и чему[7] оно должно было учиться? К чему будет готовиться в обязательной школе[8] или дома по предписан[ной] программе[8]? Прежде программа эта указывалась[9], определялась пользами и нуждами службы и носила практический характер. С отменой служебной повинности центр тяжести дворянских интересов перемещается[10] в другую сторону. Освобождаясь от обязанностей по службе, дворянство сохраняло и даже расширяло свои права по владению землей и крепостными душами (разумеем, например, указ 17 м[а]рта 1731 [г.][11], превративший дворянские поместья в вотчины). Таким образом, военно-административное значение дворянства отступало на задний план перед значением землевладельческим. Сообразно с этой переменой обществ[енной][12] роли должна была измениться и программа обязательного дворянского образования. Военно-административная служба дворянства неожиданно и невольно[13] вовлекла его через посредство дворянской гвардии в важные государственные дела и заставила его обратить внимание на политические порядки Западной Европы. С отменой обязательной службы и отвлечением внимания сословия в деревню этот политический интерес должен был пасть, и сама гвардия[14], главная носит[ельни]ца и проводн[и]ца этого интереса[14], стала получать разносословный состав, наполняться разночинцами. Через четыре месяца по издании закона 18 февр[аля], еще не успев воспользоваться предоставленной дворянству служебной[15] свободой, гвардия сыграла последний из дворц[овых][16] переворотов XVIII в.; и затем дворянин получил возможность уйти из столицы[17] в свое поместье, погрузиться в местные провинциальные или свои домашние, вотчинные дела. Из деревенской глуши, саратовской или там-

[6] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[7] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[8–8] *Написано над строкой.*
[9] *Слово написано над зачеркнутым:* [эт]ой школы.
[10] *Первоначально было:* переместился.
[11] *Дата написана на полях вместо зачеркнутой:* 1730 г.
[12] *Слово написано над строкой.*
[13] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[14–14] *Написано над строкой.*
[15] *Слово написано над строкой.*
[16] *Слово написано над строкой.*
[17] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*

бовской, было трудно следить за политическими делами не только[18] Западной Европы, но и своего отечества. Так сословие стало в новое положение, нужды и интересы[19] которого должны были указать и новую программу обязательного[20] дворянского образования. Случилось так, что последний гвардейский переворот возвел на русский престол лицо, которое хорошо было подготовлено[21] к роли руководителя дворянства в его новом положении и могло указать[22] подходящ[ее] занятие для его деревенского досуга[22]. То была Екатерина II. В успешном исполнении ею указанной роли много участвовали ее воспитание и характер, как и обстоятельства ее политической судьбы[23]. Екатерина по матери принадлежала к Голштинскому дому, а по отцу была отраслью столь же мелкого дома герцогов Ангальт-Цербстских. Отец ее Хрис[тиан]-Авг[уст][24], мелкий владетельный принц, состоял на службе у прусского короля, был комендантом, а потом губернатором города Штеттина, неудачно баллотировался на пост курляндского герцога и кончил свою карьеру в звании прусского фельдмаршала. В Штеттине и родилась у него 2 мая нов[ого] ст[иля] 1729 г. дочь Софья-Августа, наша Екатерина. Таким образом, эта принцесса в лице своем соединяла две мелкие княжеские династии Северной Германии. Мир мелких северогерманских княжеств был любопытным уголком в Европе XVIII в.; отсюда не раз выходили принцы, которые играли иногда крупные роли в судьбе великих европейских держав. Благодаря тому, что одна из дочерей Петра I вышла за герцога Голштинского, этот дом получил значение в нашей истории XVIII в. Предки Екатерины по матери с самого начала века либо служили на чужбине, в Швеции, либо искали на стороне и иногда добивались престолов. Дед ее Фр[идрих]-Карл[25] женат был на сестре Карла XII и[26] на службе ему сложил голову в бою в нач[але] Сев[ерной] войны[27]. Один из дядей Карл-Август был женихом дочери Петра Елизаветы, другой — Адольф-Фридрих сидел на шведском престоле. Такие случайности становились уже в глазах людей того века привычными явлениями в судьбе Голштинского дома. Недаром один старый каноник в Брауншвейге предсказывал[28] Екатерине еще в ее детстве блестящую будущность, сказав ее матери: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны».

Екатерина была воспитана в очень тесной обстановке. Отец ее был строгий лютеранин, а мать непоседная и неуживчивая жен-

[18] *Слово написано над строкой.*
[19] *Слово написано над:* условия.
[20] *Буквы* ого *написаны над зачеркнутыми* ую.
[21] *Над строкой:* подавало повод думать.
[22–22] *Написано над:* основания для этой новой программы.
[23] *На полях:* Стр. 127. *Далее в тексте значок:* Г.
[24] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[25] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[26] *Написано над:* служил ему.
[27] *Написано над:* служил ему.
[28] *Первоначально было:* предсказал.

щина, готовая принять участие во всяком темном деле, — ходячая интрига, воплощенное приключение; ей было везде хорошо, только не дома. На своем веку она исколесила почти всю Европу, служила Фридриху Великому по таким дипломатическим поручениям, за которые стыдились браться настоящие дипломаты, заслужила этим большой решпект со стороны великого короля, не заслужив денег, и незадолго до воцарения дочери умерла в Париже в очень жалком положении. Екатерина могла только благодарить судьбу за то, что мать ее редко бывала дома; штеттинская комендантша в воспитании дочери придерживалась самых первобытных педагогических приемов, и Екатерина сама признавалась, что приучена была за всякий промах ждать себе материнских пощечин.

Ряд благоприятных обстоятельств помог Екатерине выйти из скромной роли и оправдал пророчество брауншвейгского каноника, доставив ей не три короны, а только одну, зато стоившую десяти немецких. Прежде всего один из ее дядей с материнской стороны, как сказано, считался женихом Елизаветы Петровны, когда она была еще великой княжной. Последняя и по смерти жениха до конца своей жизни сохраняла об нем нежные воспоминания и оказывала внимание его племяннице с ее матерью, посылая им разные безделки вроде своего портрета, украшенного бриллиантами, ценою в[29] 18 тыс. тогдашних русских рублей (около 120 тыс. руб[лей] нынешних). Эти бриллианты служили семье штеттинского коменданта большим подспорьем в ненастные дни жизни. Затем Екатерине помогло ее видимое ничтожество. В то время при русском дворе искали невесту для наследника русского престола, племянника императрицы Елизаветы, и сообразительные политики при русском дворе советовали Елизавете взять невестку из самого скромного владетельного дома, потому что невеста из важного дома[30], пожалуй, не будет оказывать должного почтения императрице и[31] своему мужу. В числе сватов Екатерины было одно очень значительное в тогдашней Европе лицо: это сам[32] Фридрих II, король прусский, старавшийся пристроить при русском престоле дочь своего штеттинского коменданта в надежде иметь в ней со временем опору для дел со страшной для него империей. Фридрих сам признавался в своих записках, что брак Петра III с Екатериной — его дело, его идея, что он считал этот брак необходимым для государственных интересов Пруссии и что в Екатерине он видел лицо, наиболее пригодное[33] для обеспеченья этих интересов в Петербурге. Все это склонило Елизавету на сторону Екатерины в выборе невесты, тем более что эта невеста приходилась по матери троюродной сестрой своему жениху, происходившему из Голштинского дома. В 1744 г.,

[29] *Слово приписано к строке.*
[30] *Над строкой:* династии.
[31] *Первоначально было:* ни.
[32] *Слово написано на полях.*
[33] *Первоначально было:* годное.

окруженная глубокой тайной, Екатерина с матерью прибыла в Петербург к удивлению всего дипломатического мира в Европе.

Екатерина явилась в Петербург совсем бедной невестой. Она сама потом признавалась, что привезла с собой всего дюжину сорочек и три-четыре платья, да и те были сшиты на вексель, присланный из того же Петербурга на путевые расходы; этого было очень мало, чтобы прилично жить при русском дворе, где во время одного дворцового пожара у императрицы сгорела частица ее гардероба — около 4000 платьев. Положение Екатерины при русском дворе сначала было очень трудно и шатко, судя по эпизоду, рассказанному ею самой в записках. Раз, еще до свадьбы, сидят они с женихом во дворце в Троице-Сергиевой лавре и смеются; вдруг из комнаты императрицы выбегает ее лейб-медик Лесток и объявляет молодой чете: «Скоро ваше блаженство прекратится», — и затем, обращаясь к Екатерине, продолжает: «Укладывайте Ваши вещи. Вы скоро отправитесь в обратный путь домой». Оказалось, что мать Екатерины перессорилась при дворе со всеми, замешалась в одну дипломатическую интригу и Елизавета решилась выслать неугомонную губерн[аторшу][34] вместе с дочерью за границу; ее потом и выслали[35], только без дочери. В конце царствования Елизаветы при дворе была мысль удалить Екатерину с мужем за границу, объявив наследником престола их сына цесаревича Павла. Таким образом, новая обстановка заставляла Екатерину постоянно держаться настороже. Но Екатерина явилась в Россию с достаточною подготовкой ко всяким обстановкам; житейский опыт и полученное ею образование помогли ей найтись и удержаться на скользких стезях русской[36] столицы. В молодости она много видела: родившись в Штеттине, она воспитывалась у бабушки в Гамбурге, бывала в Брауншвейге, в Киле и самом Берлине, где видела двор прусского короля.

Все это помогло ей собрать значительный запас наблюдений, развило в ней житейскую опытность. Может быть, эта опытность была[37] причиной и[38] ее преждевременной зрелости: четырнадцати лет она казалась уже взрослой дев[ицей][39], поражала всех своим высоким ростом и развитостью не по летам. Екатерина получила на родине воспитание, которое рано освободило ее от предрассудков, часто мешающих житейским успехам. Северная Германия была в то время наводнена французскими гугенотами, бежавшими из Франции после отмены Нантского эдикта. Эти гугеноты, принадлежавшие в большинстве к трудолюбивому мещанству, скоро захватили в свои руки городские ремесла и начинали овладевать воспитанием детей в высших кругах немецкого общества. Екатерина училась одновременно у католического пастора Перара, ревно-

[34] *Написано над:* комендантшу.
[35] *Два предыдущих слова написаны на полях.*
[36] *Слово написано над строкой.*
[37] *Далее зачеркнуто:* и.
[38] *Слово написано над строкой.*
[39] *Слово написано над строкой.*

стного слуги папы, у кальвиниста Ларона, ненавидевшего папу, у лютеранского пастора Вагнера, ненавидевшего и папу и Кальвина, а когда она приехала в Россию, наставлять ее в правилах веры поручено было православному архимандриту Симону Тодорскому, который равно ненавидел и папу, и Кальвина, и Лютера. Легко понять, какой разнообразный запас религиозных миросозерцаний можно было получить при таком разностороннем подборе вероучителей. В России ей открылся большой досуг благодаря ее отношениям к своему мужу. Петр тяготился ее обществом и охотно менял ее на других. В шутливой эпитафии, какую Екатерина написала себе самой в 1778 г., она признается, что в течение 18 лет скуки и уединения, т. е. замужества, она имела достаточно времени, чтобы прочитать много книг. Сначала она без разбора читала романы; потом ей попалась книжка Вольтера, которая произвела решительное действие на выбор ее чтения: с тех пор, по ее словам, она не хотела читать ничего, что не было бы так же хорошо написано и из чего нельзя было извлечь столько же пользы. С таким запасом внешних и внутренних средств она принялась работать над своим положением в России. Прежде всего она стала прилежно изучать обряды русской церкви, много и усердно молилась и постилась, особенно при людях, иногда даже превосходя желания набожной императрицы Елизаветы. Так, когда последняя однажды попросила ее говеть в течение второй недели великого поста, Екатерина ответила просьбой позволить ей поститься весь великий пост. Прислуга нередко заставала ее перед иконами с молитвенником в руках. Потом тяжелым[40] предметом ее изучения был русский язык. Она часто вставала по ночам и затверживала русские слова; эти несвоевременные занятия однажды даже причинили ей серьезную болезнь. Запасшись этими необходимыми для успеха средствами, она стала присматриваться к окружающей ее среде. То было веселое и несколько распущенное придворное общество времен Елизаветы. Екатерина ничем не брезговала, чтобы хорошенько узнать это общество, вся превратилась, по ее словам, в зрителя, весьма страдательного, весьма скромного и даже, по-видимому, равнодушного; между тем прибегала к расспросам прислуги, даже к подслушиванию. Во время болезни она нарочно лежала с закрытыми глазами, притворяясь спящей, между тем как сидевшие при ней придворные дамы, пользуясь тем, спешили поделиться друг с другом россказнями, из которых Екатерина узнавала много такого, что никогда не узнала бы без этой уловки. В записках о своей жизни до вступления на престол она сама изображает свой образ действий и поставленные себе цели: она старалась снискать расположение всех вообще, больших и малых, поставив себе за правило думать, что нуждается во всех, не держалась никакой партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна и вежлива со всеми,

[40] *Слово написано над строкой.*

никому не отдавая предпочтения, оказывала великую почтительность матушке, которой не любила, беспредельную покорность императрице, над которой смеялась, отличную внимательность мужу, которого презирала, — одним словом, всеми средствами старалась приобрести расположение публики, к которой одинаково причисляла и матушку, и императрицу, и мужа. Пользуясь такими приемами, она успешно шла к намеченной цели; а целью ее постоянных дум и усиленных забот был русский престол; это[41] была заветная мечта ее честолюбия; она сама признается в записках, что без сожаления рассталась бы с мужем, но что к русской короне она не была так равнодушна. Накануне свадьбы она раздумалась о своем будущем: в нем она не чаяла себе счастья, замужество сулило ей одни неприятности. Но она готова была на все. «Одно честолюбие поддерживало меня[42], — добавляет она, припоминая в записках эти минуты. — В глубине моей души было я не знаю что такое, что ни на минуту не позволяло мне сомневаться, что рано или поздно я добьюсь своего, сделаюсь самодержавной русской императрицей». Эта цель и помогла ей не замечать или легко переносить терния ее жизненного пути. Пренебрежение со стороны мужа глубоко оскорбляло ее и как жену, и как женщину; ее самолюбие страдало, но она из гордости никому не показывала своих страданий, не жаловалась на свое унижение, боясь стать предметом обидного сострадания, наедине обливалась слезами, но тотчас втихомолку их утирала и с веселым лицом выбегала к своим фрейлинам. Таким образом, Екатерина умела уступить печальным обстоятельствам и примириться с незавидною ролью брошенной жены. Ее продолжительные усилия увенчались заслуженным успехом: по ее словам, она наконец добилась того, что на нее стали смотреть как на интересную и очень неглупую молодую особу. Английский посол при русском дворе в депеше своей рисует положение, какое она занимала в придворном мире лет за пять до смерти Елизаветы: он писал, что Екатерина всеми зависящими от нее средства[ми] с самого прибытия в Россию старалась приобрести любовь русских, и теперь уже ее не только любят, но и боятся; многие и даже те, которые находятся в лучших отношениях к императрице, все-таки ищут всякого случая под рукой угодить и великой княгине. Так Екатерина взяла с бою свое положение, и к концу царствования Елизаветы уже настолько упрочила его, что шесть месяцев царствования ее мужа не могли его поколебать. С первых же дней этого царствования с ней стали обращаться презрительно. Французский посланник Бретейль в своих депешах изображает ее положение за это время. В апреле 1762 г. он пишет: «Императрица старается вооружиться философией, хотя это и противно ее характеру; люди[43], которые видают ее, говорят, что она неузнаваема, чахнет

[41] *Буква* о *написана над зачеркнутой* а.

[42] *Слово* меня *и буква* о *предшествовавшего слова написаны над зачеркнутым:* а она.

[43] *Слово написано над строкой.*

и, вероятно, скоро сойдет в могилу». Но она не сошла в могилу, а все время твердо шла по намеченному пути, приближаясь к престолу. Весь Петербург, приходя поклониться перед гробом Елизаветы, видел Екатерину благоговейно стоящей при этом гробе; при погребении покойной императрицы она усерднее всех исполняла все похоронные обряды русской церкви. Духовенство и народ были этим очень тронуты и благодарны ей за это, по замечанию того же посла; она строго соблюдала праздники и посты, все, к чему император относился с пренебрежением[44] и к чему русские неравнодушны, прибавляет он же. Вопреки апрельскому пророчеству о скорой смерти Екатерины, Бретейль в начале июня писал: «Императрица обнаруживает мужество; ее любят и уважают все в такой же степени, в какой ненавидят императора». Известно, как составился в пользу Екатерины заговор в кругу людей, интересы которых совпали с видами Екатерины, и как этот заговор сделал Екатерину самодержавной распорядительницей русской империи[45]. Изложенные биографические подробности помогают понять характер[46] Екатерины и ее образ действия на престоле.

Она родилась в неприветливой доле и рано спозналась с лишениями и тревогами, какие бывают неразлучны с необеспеченным положением. Но из родной обстановки, бедной и тесной, судьба бросила ее на широкие и шумные политические сцены, где действовали крупные люди и делались крупные дела. Здесь Екатерина видела много славы и власти, много блеска и богатства, встречала людей, которые всем рисковали, чтобы приобрести это, подобно Фридриху II; видела и людей, которые путем риска достигали всего этого, подобно императрице Елизавете. Виденные примеры соблазняли, возбуждали аппетит честолюбия, заставляли[47] напрягать все силы в эту сторону, а Екатерина от природы не была лишена качеств, из которых при надлежащей обработке выделываются таланты, необходимые для успеха на таком рискованном и соблазнительном поприще. Екатерина выросла с мыслью, что ей самой надо прокладывать себе дорогу, делать карьеру, вырабатывать в себе качества, необходимые для этого, а замужество доставило ей отличную практику для такой работы, не только указало цель ее честолюбию, но и сделало достижение этой цели вопросом ее личной безопасности. Упорное преследование этой цели, тяжелое[48] испытание, пройденное Екатериной на пути к ней, сообщили ей удивительную выправку, тот закал души, которым она после так гордилась, выработали в ней главное правило ее житейской мудрости, которому она столько обязана была своими успехами. Для нее жить с детства значило ра-

[44] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[45] *Последняя буква* и *написана над* ей.
[46] *Первоначально было:* характеристику.
[47] *Буквы* ли *написаны над зачеркнутыми* ть.
[48] *Над буквами* ое *написаны* ыя.

ботать, а так как ее житейская цель состояла в том, чтобы [49] уговорить людей помочь ей выбиться из ее темной доли и подняться повыше [49], по чужим плечам взобраться наверх в удобную к тому минуту, то ее житейской работой стала обработка людей и обстоятельств, искусство приспособления тех и других для этого подъема. По самому свойству этой работы она нуждалась в других гораздо более, чем другие нуждались в ней; притом судьба долго заставляла ее вращаться среди более сильных, но менее дальновидных людей, которые вспоминали о ней только тогда, когда она им надобилась. Поэтому она рано усвоила себе мысль, что лучшее средство пользоваться обстоятельствами и людьми — это плыть до времени по течению первых и служить видимым орудием в руках последних, орудием не слепым, хотя и послушным. Она не раз отдавалась в руки других, но только для того, чтобы ее донесли, куда ей хотелось и куда она не могла дойти своими ногами. В этом житейском правиле — сильная и вместе слабая сторона [50] ее характера. Она была способна к напряжению, к усиленному и даже непосильному труду; поэтому себе и другим она казалась сильнее себя самой. Но она больше работала над своими манерами, над способом обращения с людьми, чем над самой собой, над своими мыслями и чувствами; поэтому ее [51] манеры и [52] обращение с людьми были [53] лучше ее чувств и мыслей. В ее уме было более гибкости и восприимчивости, чем глубины и вдумчивости, более выправки, чем творчества, как во всей ее натуре было более нервной живости, чем духовной силы. Она больше любила и умела руководить людьми, чем делами [54]. Эти особенности ее ума и характера отразились в ее довольно многочисленных сочинениях. Еще до вступления на престол она много читала, начиная с русских летописей и кончая модными книжками тогдашней французской философии [55]. Начитанность возбуждала ее литературную производительность. Она много писала в [56] самых разнообразных литературных родах — письма, комедии, автобиографические и [57] исторические записки, полемические статьи, педагогические наставления и политические мемуары; более всего оставила она писем. Зная, как она много училась и размышляла, можно удивляться сухости и бесцветности ее изложения, бедности ее воображения, сдержанности, даже скудости ее чувств и мыслей; всюду сказывается под ее пером не природный, а начитанный литературный талант [58]. В ее сочинениях не встре-

[49-49] *Написано над строкой. Далее стерто:* в удобную минуту.
[50] *Первоначально было:* сильных и слабых сторон.
[51] *Слово написано на полях. Далее зачеркнуто:* и.
[52] *Слово написано над зачеркнутым:* ея.
[53] *Буква* и *написана над зачеркнутой* о.
[54] *Фраза написана на полях. Далее:* I. Особ[ые] листы.
[55] *Последняя буква* и *написана над зачеркнутыми* ей.
[56] *Слово написано над строкой.*
[57] *Слово написано над строкой.*
[58] *На полях знак вопроса.*

тишь ничего, чтобы поражало, врезывалось в память, — ни бойкой мысли, ни даже счастливого оборота; всего менее в них простоты и непринужденности. В самых дружеских письмах, напр[имер], к ее заграничному агенту, известному тогда в Европе литературному сплетнику барону Гримму, она как будто играет хорошо разученную роль и напускной шутливостью, деланным остроумием напрасно старается прикрыть пустоту содержания и натянутость изложения. Те же черты встречаем и в ее обращении с людьми, как и в ее деятельности [59]. В каком бы обществе она ни вращалась, что бы ни делала, она всегда чувствовала себя как будто на сцене, поэтому слишком много делала напоказ. Она сама признавалась, что любила быть на людях. Обстановка и впечатление дела были для нее важнее самого дела и его последствий; поэтому ее образ действий был выше побуждений, их внушавших; потому же она заботилась больше о популярности, чем о пользе, ее энергия поддерживалась не столько интересами дела, сколько вниманием людей. Что бы она ни задумывала, она больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела. Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства; потому первые ценили ее выше, чем ценит последнее. Отсюда ее любовь к рекламе, к шуму, слабость к лести, часто туманившей ее ясный ум и холодное сердце. В ней было больше славолюбия, чем любви к людям, а в ее деятельности больше блеска, эффекта, чем величия, творчества. Ее самое будут помнить дольше, чем ее деяния [60].

5-я лекция

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЕКАТЕРИНЫ II [1]

Императрице Екатерине II пришлось стать руководительницей русского дворянства как проводника западного влияния в русском обществе. Направление этого руководства зависело от двух [2] условий: 1) от обстоятельств, определивших ее положение на престоле [3], и 2) от ее собственного отношения к западному влиянию.

Екатерина вступила на престол путем переворота и своим образом действий должна была оправдать такой революционный захват власти. Переворот [4] вызван был тем, что прежнее правительство Петра III вооружило против себя [5] русское общество

[59] *На полях значок:* ⊧
[60] *Далее девять с половиной строк оставлены чистыми.*

[1] *Заглавие вписано позже.*
[2] *Слово написано над зачеркнутым:* разных.
[3] *Далее зачеркнуто:* 2) от ее отношений к дворянству.
[4] *Над строкой:* Ст[атья ⊕, с.] 151.
[5] *Слово написано над строкой.*

бесцельным произволом [6]и легкомысл[енным] пренебреж[ением] к русск[им] [6] интересам. Екатерина, чтобы удержать и упрочить власть в своих руках, должна была действовать популярно, т. е.[7] [в] национальном духе[8]. Переворот совершен был дворянской гвардией; потому[9] Екатерина должна была охранять интересы дворянства; след[овательно], действовать консервативно[10]. В чем состояли тогда интересы этого сословия? Мы видели, что положение дворянства существенно изменилось еще[11] до июньского переворота 1762 г. вследствие отмены обязательной службы, а вместе с тем должны были измениться и его интересы, как и его отношение к западному влиянию. До этой отмены интересы сословия связаны были с обязательной службой, и между ними важное место занимало обязательное техническое образование, бывшее подготовкой к службе. Это образование черпалось сословием из западных источников, и в этом интересе преимущественно западное влияние поддерживалось правительством. Но по мере того как спадали с сословия тягости обязательной службы, ослабевала постепенно и его потребность в технических занятиях — военных, навигаторских, административных и др[угих], каких требовала от него обязательная военная и административная его служба[12]. С изданием закона 18 февр[аля] 1762 г. центр тяжести интересов дворянства должен был переместиться из полков и канцелярий, где оно служило, в деревню, где оно владело миллионами десятин земли и крепостных душ. И здесь сословию предстояло много дела нового и непривычного. Состоя на службе и редко заглядывая в свое имение, дворянин не мог непосредственно руководить своим землевладельческим и душевладельческим хозяйством, предоставляя это старостам и приказчикам. Оттого это хозяйство шло очень неудовлетворительно, [13]и в начале царствования Екатерины, по ее словам, до 150 тыс. крепостных крестьян бунтовали против своих господ, так что приходилось посылать против мятежников военные команды с пушками[13]. Чтобы найти себе здесь подходящее дело и повести его как следует, стать в надлежащие отношения к местному обществу, к земле и к крепостным крестьянам, дворянин должен был запастись привычками и знаниями, отличными от тех, какие он усвоял в казарме или канцелярии. В запасе европейской культуры ему нужно было теперь искать других вспомогательных средств, и сообразно с тем должна была измениться программа дворянского образования.

[6–6] *Написано над строкой.*

[7] *Далее зачеркнуто:* в либеральном и.

[8] *Далее над строкой:* В ту же сторону ее идеи [Статья, с.] 145 f.

[9] *Слово написано над:* следовательно.

[10] *Три предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* и согласно с ними направлять сословие по пути усвоения западной культуры. *Далее:* 132 XX. *На полях:* 132.134.189 f. — Ст[атья, с.] 153.

[11] *Написано над строкой.*

[12] *Далее зачеркнуто:* Я имел случай заметить, что.

[13–13] *Текст позднее взят в карандашные скобки.*

Итак, Екатерине как руководительнице дворянства в его культурной миссии предстояло разрешить две задачи, соответствовавшие важнейшим интересам сословия в его новом положении: 1) указать или помочь ему найти себе новое дело, которое бы производительно наполнило досуг, открывшийся ему после издания закона 18 февр[аля], и 2) установить программу дворянского образования, соответствовавшую требованиям этого нового дела.

Два важные затруднения предстояло Екатерине одолеть при разрешении этих задач. Одно из них заключалось в непривычке дворянства к такого рода труду, какой предстоял ему в деревне. Умные и деловые люди из среды этого сословия в первой половине XVIII в. сильно сомневались в способности современного дворянства перейти от исконных привычек службы к сельскохозяйственным занятиям. Известный А. П. Волынский, возражая против мысли освободить дворян от служебной повинности, чтобы дать им возможность заняться хозяйством в своих имениях, писал в 1730 г., что, и получив волю, дворяне в большинстве все равно не привыкнут трудом хлеб себе добывать и скорее будут промышлять разбоем и пристанодержательством. Другое затруднение заключалось в условиях положения самой Екатерины на престоле[14]. Это положение, видели мы, обязывало ее действовать популярно, [15]в национальном духе, и либерально, в духе идей века и настроения русск[ого] общ[ества] [15] и вместе консервативно[16], в интересах дворянства, которому она так много была обязана. При консерв[ативном] дворянском[17] образе действий она д[олжна] б[ыла][18] и[19] позаботиться о положении многочисленного крепостного класса, давно и сильно в том нуждавшегося, но эти заботы неизбежно привели бы ее в столкновение с интересами дворянства. Как вышла Екатерина из обоих этих затруднений?

Выход из этих затруднений указан ей был ее собственным отношением к западному влиянию. Из очерка ее жизни мы видели, что она рано стала[20] знакомиться с французской литературой своего времени[21]. Это была известная философско-политическая литература отвлеченных *начал и радикальных* приемов. Когда в ней трактовали о строении человеческого общества, то любили строить его на основаниях, выведенных из чистого разума и не испробован[ных][22] в исторической действительности;

[14] *На полях значок:* ××.
[15–15] *Написано над строкой и на полях вместо зачеркнутого:* и либерально.
[16] *Слово написано над зачеркнутым:* действовать.
[17] *Три предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* Популярный и либеральный.
[18] *Три предыдущих слова написаны над:* побуждал.
[19] *Исправлено из:* ее.
[20] *На полях:* К Наказу.
[21] *На полях:* Полит[ический] рационализм.
[22] *Слово написано над:* несуществовавших.

когда заходила речь о существующем действительном[23] историческом обществе, то находили его заслуживающим только коренной ломки[24]. Замечательно, что многие поклонники и поклонницы этой литературы, особенно за пределами ее родины, увлекались ее отвлеченными и радикальными планами не как желательным житейским порядком, а просто как занимательными и пикантными изворотами отважной мысли. К числу таких экзотических поклонниц принадлежала и Екатерина. Идеи французских публицистов внушали ей некоторые громкие правительственные меры, которые не переворотили русск[их] порядков[25], но оказали заметное влияние на направление умов в русском образованном обществе, т. е. в дворянстве. Эти меры и помогли ей выйти из указанных затруднений, обнаружить либеральный образ действий, распространяя в этом обществе *идеи века,* и при этом не столкнуться с русским дворянством, охраняя господствующие *интересы* и порядки *места*[26]. Вот как это случилось.

Вступив на престол с очень скудными представлениями о положении государства, Екатерина принялась внимательно изучать его, прилежно посещала заседания Сената, вслушивалась в рассуждения сенаторов, вникала в сенатские дела, расспрашивала всех и каждого, предпринимала ряд поездок, из которых особенно замечательно ее путешествие в «Азию», как она говорила, т. е. по Волге от Твери до Симбирска, весной 1767 г.[27] Изучение правительственных дел, беседы со знающими людьми, личные наблюдения, собранные во время поездок, — все это показало ей, как много работы предстоит правительству по внутреннему устроению государства. Довольно неожиданно, с чего Екатерина нашла нужным начать эту работу. Она решила, что существующие законы «мало соответствуют положению империи» и только роняли, а не поднимали благосостояние народа, и потому ближайшая задача правительства состоит не в том, чтобы привести в порядок русское законодательство, на что указывали ей ближайшие сотрудники, а в том, чтобы заменить действующие законы совершенно новым кодексом. Посему она предпочла начать свою преобразовательную работу таким радикальным делом, и как она к нему приступила, это объясняется как ее положением на престоле, так и указанным отношением ее к современным политическим идеям Западной Европы, т. е. французской литературы[28]. Приводя в порядок действующие русские законы, необходимо было согласить их с состоянием и потребностями на-

[23] *Слово написано над строкой.*
[24] *Первоначально было:* сломке.
[25] *Четыре предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* оставили мало следа в действительном порядке русской жизни.
[26] *Два предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* Ст[атья, с.] 152 и ниже: [с.] 190.
[27] *В тексте и на полях значок:* Т.
[28] *Буква* ы *исправлена на:* ой.

рода, а для того нужно было хорошо знать это состояние и смело идти навстречу этим потребностям. Екатерина слишком многого не знала, а из того, что знала, многого не могла коснуться, не нарушая интересов лиц и классов, с которыми была слишком тесно связана. Так она постепенно была сбита со своей внутренней правительственной деятельности, с почвы живых практических интересов, и ей оставалась открытой только область общих гуманных идей и политических благожеланий. Случилось так, что ей самой приятно было работать в этой возвышенной и безобидной области. Мы видели, что она по направлению своего воспитания и по обстоятельствам жизни стала почитательницей французской литературы Просвещения и могла посвящать ее изучению много досуга. Она перечитала старых и новых корифеев этой литературы: Бейля, Вольтера, Монтескьё и др.[29] Из этого чтения и почтовых сношений с самими писателями она вынесла тот неопределенный туманный либерализм, далекий от практических вопросов и насущных потребностей жизни, которым страдали все поклонники этой литературы. Она сама называет себя в записках «рыцарем свободы и законности». В беглых заметках, написанных в первые годы ее царствования⊕, она высказывает самые неосторожные политические идеи[30], напр[имер] убеждение, что государь всегда виноват, если подданные им недовольны. Таковы были средства, которыми располагала Екатерина для задуманного ею радикального преобразования русских законов: эти средства состояли в обильном запасе отвлеченных идей и прекрасных стремлений. Согласно с таким запасом она могла принять только философское участие в создании нового русского законодательства и другого принять не могла. Едва ли и надеялась на окончание кодиф[икационного] дела[31].

Для составления нового кодекса законов она решила созвать представителей от различных сословий; но чтобы дать надлежащее направление их деятельности, она предложила им в руководство свой известный *Наказ*. Она сама рассказывает о том, как составлялся этот документ. «В первые три года, усматривая, что́ все требовали и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок, из сего вывела я у себя в уме заключение, что образ мыслей вообще, да и самый гражданский закон не может получить исправления[32] иначе, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вообще вещей правил, много писанных и утвержденных. И для того я начала читать, а потом писать Наказ комиссии Уложения. Два года я читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова, последуя единственно уму[33] и сердцу своему с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастья империи. Предуспев, по мнению

[29] *Над строкой:* Выше [с.] 133.
[30] *Над строкой:* Статья, [с.] 145 h.
[31] *Фраза написана на полях.*
[32] *Первоначально было:* направления.
[33] *Слово написано над строкой.*

моему, довольно в сей работе, я начала казать по частям статьи, мною заготовленные, людям разным, всякому по его способности; наконец, заготовила манифест о созыве депутатов». Из писем Екатерины к[34] ее парижской приятельнице, известной в тамошнем литературном мире m[ada]m Жоффрен видим, что работа над Наказом была начата в январе 1765 г. и кончена к началу 1767 г., когда он был напечатан.

Но печатный Наказ был лишь частью рукописного, заготовленного Екатериной. До издания она показывала свое творение близким людям и потом съезжавшимся депутатам комиссии и по совету их зачеркнула, разорвала и сожгла[35] более половины написанного ею. Строгость этой цензуры объясняется характером Наказа: он был составлен под сильнейшим влиянием тогдашней зап[адно]европ[ейской][36] политической литературы и в нем сказалось увлечение автора самыми смелыми политическими идеями того времени. Этим увлечением объясняются и источники Наказа, которыми служили любимые творения, прочитанные Екатериной. Главным источником была знаменитая книга Монтескьё, изданная в 1748 г., *«Дух законов»*, которую сама Екатерина называла «молитвенником государей, имеющих здравый смысл». Из 526 статей[37], на которые разделен печатный Наказ, у Монтескьё заимствовано более двухсот пятидесяти. Другим главным источником Наказа служила книга, наделавшая много шума в литературном мире Европы; это было сочинение молодого итальянского философа-юриста Беккариа, вышедшее в 1764 г. и вскоре переведенное на французский и немецкий языки, — «О преступлениях и наказаниях»[38]. Самая обширная, 10-я глава в Наказе, излагающая основания уголовного права и судопроизводства, почти целиком заимствована из этого трактата. Сама Екатерина признавалась, что ее Наказ — только ряд выписок из источников, которыми она пользовалась, и что своего она прибавила к ним едва ли три письменных листа.

Печатный Наказ состоит из 526 статей, общих положений или афоризмов, разделенных по предметам на 20 глав, если не считать еще двух глав, прибавленных позднее. В Наказе обсуждаются довольно разнообразные предметы, входящие в состав законодательства. Он говорит о государственном правлении и законах, о видах преступлений и наказаний[39], о судопроизводстве вообще, об уголовном праве и судопроизводстве в частности, о рабстве и крепостных крестьянах, о ремеслах и торговле, о воспитании, о сословиях, о порядке наследования, о кодификации законов, о веротерпимости и т. п. В дополнительных

[34] *Слово написано над строкой.*
[35] *Три предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* Сол[овьев, т.] 27, [М., 1877, с.] 79 f — испр[авить?].
[36] *Три предыдущих слова написаны над:* французской.
[37] *Слово написано над строкой.*
[38] *На полях:* Галах[ов А. История русской словесности, древней и новой, т. 1. СПб., 1863, с.] 397. (*Далее:* Галахов).
[39] *Буква й написана над зачеркнутыми:* ях.

главах излагаются мысли о полиции и о государственном хозяйстве, о доходах и расходах. Все это излагается в форме общих мыслей, отвлеченных положений, которые нельзя назвать законодательными предписаниями, но которые должны были, по плану автора, послужить основаниями для целой системы законов. Наказ логически построен на следующем[40] силлогизме, который развивается во вступлении к нему: закон христианский научает нас делать добро друг другу; желание каждого честного человека видеть свое отечество на высшей ступени славы и благоденствия, а всякого согражданина[41] под охраной законной[42] свободы, для скорейшего исполнения этого общего желания надлежит войти в естественное положение государства, ибо наиболее естественные законы суть те, которые наиболее соответствуют расположению народа, для коего они составлены; итак, законодательство должно быть основано на условиях положения народа. В первых двух главах Наказа излагаются условия положения русского народа, именно: 1) Россия есть государство европейское; 2) она есть государство, которое должно быть управляемо самодержавно. Принадлежность России к европейским державам доказывается следующими соображениями: реформы Петра I имели успех потому, что древние русские нравы не соответствовали климату России и были принесены к нам «смешением разных народов и завоеванием чуждых областей»; поэтому Петр, вводя европейские обычаи и нравы в европейском народе, нашел такие удобства, каких сам не ожидал. Необходимость самодержавия доказывается: 1) общим соображением, что «лучше повиноваться законам под одним господином, чем угождать многим», 2) соображением местным, географическим: обширное протяжение Русской империи делает необходимым сосредоточение власти в одном лице, чтобы сообщить ходу дел более быстроты. Таким образом, основную мысль Наказа можно выразить так: законодательство должно соответствовать положению народа; русский народ по своему положению есть народ европейский; следовательно, законодательство его должно иметь общеевропейские основания. Дальнейшие главы Наказа, по мысли автора, и излагают эти основания, на которых должно быть построено законодательство, предназначенное для русского народа. Легко видеть, что логическое построение Наказа не лишено искусства. Изложенный силлогизм был призван Екатериной на помощь, чтобы выручить ее из затруднения, в какое становилась она, полагая в основу русского законодательства начала, заимствованные со стороны. Такой основой являются идеи Монтескьё и Беккариа, т. е. последние результаты западноевропейской политической мысли. Не трудно понять, каким образом русскому законодательству была предложена такая неожиданная основа. Не зная ни русских за-

[40] *На полях:* p. 148.
[41] *Первоначально было:* гражданина.
[42] *Слово написано над строкой.*

конов, ни русских потребностей, но решившись руководить составлением нового русского Уложения, Екатерина не могла дать[43] в руководство созванной для того комиссии ничего другого, кроме готовых общих идей, заимствованных у западных публицистов. Но возникал вопрос: что общего между этими экзотич[ескими][44] идеями и доморощенными[45] потребностями русского законодательства?

Каким образом французский или итальянский кабинетный публицист мог дать нормы для жизни русского народа? Екатерина предвидит и предупреждает этот вопрос, как бы говоря своим Наказом: законы должны соответствовать положению своего народа; русский народ по своему положению есть народ европейский, а идеи Наказа заимствованы из европейских источников. Но не лишенный находчивости[46] с диалектич[еской][47] стороны, силлогизм Екатерины является софизмом в историческом отношении. Положим, что русское законодательство должно иметь одинаковые основания с законодательствами западноевропейскими. Но законодательные идеи Монтескьё и Беккариа были тогда и для Западной Европы только политическими идеалами, еще не оправданными практической жизнью, даже не введенными ни в одно европейское законодательство того времени. Каким образом русское законодательство, для того чтобы стать европейским, должно было иметь основания, которых не имели и европейские законодательства, а о которых только мечтали европейские мыслители? Каким образом русская жизнь могла стать европейской, устроившись по образу ученых европейских сновидений? Законы развиваются исторически из жизни каждого народа, а не[48] переносятся в жизнь из книг, да еще чужих.

Наказ по самому характеру своему, по увлеченности своих положений не мог лечь в основание русского законодательства, если только мог лечь в основание какого-либо законодательства в тогдашн[ей] Евр[опе][49]. Но он был политической исповедью Екатерины. Она сама писала, что сказала здесь всё, что имела сказать, опорожнила весь свой мешок и во всю жизнь не скажет более ни слова. А с другой стороны, Н[аказ] мог [иметь] значение как литер[атурное] произведение своим влиянием на умы и нравы[50]. Наказ исполнен тех общих мест, которые пущены были в оборот тогдашней просветит[ельной][51] литературой. Однако среди этих общих мест встречаются мысли о таких предметах, которые до того времени не обсуждались в России гласно.

[43] *Слово написано над:* предложить.
[44] *Слово написано над строкой.*
[45] *Слово написано над строкой.*
[46] *Слово написано над:* искусства.
[47] *Слово написано над:* логической.
[48] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* они.
[49] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[50] *Фраза написана над строкой и на полях.*
[51] *Слово написано над зачеркнутым:* французской.

Так встречаем в Наказе положения о том, в чем состоит равенство граждан и даже в чем состоит[52] «обществ[енная] или госуд[арственная] вольность», т. е.[53] политическая свобода. Читаем замечания о вреде жестокого управления[54], о злоупотреблении помещиков своими правами, о необходимости улучшения участи крестьян. Наказ резко осуждает пытку как установление, противоречащее здравому смыслу и не достигающее цели — открытия правды, осуждает вообще жестокость суда и наказаний[55], чрезмерную тяжесть налогов, от которых государство со временем должно опустеть. В Наказе впервые на Руси прочитали, что тот все извращает и разрушает, кто из слов делает преступление, смертной казни достойное; здесь же настойчиво высказывается мысль о необходимости веротерпимости, особенно для такого разноверного по составу населения государства, как русское, потому что «гонение» человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает самые жестокие сердца. Такой ряд новых идей был провозглашен и прочитан в России за высочайшею подписью. Отсюда понятна строгость, с какою отнеслись к Наказу люди, просматривавшие его до издания. Граф Никита Панин, прочитав его, полушутливо сказал Екатерине: «Это аксиомы, способные опрокинуть[56] стены». Наказ[57] оказал очень слабое действие своими гуманными афоризмами на массу читающей публики, потому что не был среди нее распространен; даже в канцеляриях по указу Сената секретари должны были держать его под замком, чтобы любознательные чиновники не могли читать его. Значит, само правительство считало его запретным плодом самодержавной[58] мысли[59].

Из Наказа как законодательного руководства нельзя было сделать в то время никакого практического употребления. Для того чтобы идеи, им провозглашенные, положить в основу законодательства, нужно было предварительно сломать чуть не весь[60] существовавший общественный и частью даже церковно-нравственный порядок. И на Западе торжество этих идей достигнуто было лишь рядом тяжелых переворотов. Но Наказ мог получить важное значение как программа общественного воспитания, как торжественная и внушительная проповедь[61] понятий политических, юридических и экономических, какие надобно было привить к образованным русским умам для того, чтобы подготовить согласно с ними общественный порядок. Такое воспитательное значение и имели на Западе сочинения, из которых черпала

[52] *На полях:* р. 99 сл.
[53] *Шесть слов написаны над строкой.*
[54] *Далее зачеркнуто:* о вреде жестоких наказаний.
[55] *Пять предыдущих слов написаны над строкой.*
[56] *Слово написано над зачеркнутым:* разрушить.
[57] *Слово написано над зачеркнутым:* Он.
[58] *Слово написано над строкой.*
[59] *Далее зачеркнуто:* автора.
[60] *Слово написано над зачеркнутым:* все.
[61] *Слово написано над зачеркнутым:* реклама.

Екатерина, составляя свой[62] Наказ. Для такой прививки надобно было привести в действие разнообразные средства общественной подготовки, правительственное внушение, школу, науку, печать, домашнюю беседу. У нас эти средства[63] или отсутствовали, или бездействовали. Наказ не распространился в большой[64] читающей публике. Однако многие выслушали его в комиссии Уложения или прочитали дома; некоторое время он был предметом общественного внимания и[65] показал пример того, как образованное или стремившееся к образованию русское общество должно относиться к образованию, как оно[66] должно относиться к западноевропейской культуре. Вниманию этого общества, нуждавшегося во многих элементарных средствах общественного порядка, предложены были последние результаты западноевропейской политической мысли, еще не нашедшие[67] себе места в политическом порядке самой континентальной Западной Европы[68]. Наказ не мог создать у нас нового общего госуд[арственного] порядка; но он распространил в верхних слоях общества новое гражданствен[ное] настроение[69]. Таково значение Наказа: как руководящий литературный памятник он открывает собой длинный ряд русских компиляций, срывавших верхушки западноевропейской мысли, и в этом отношении ему можно отвести видное место в образовании русской привычки на каждый вопрос, поставленный русскою действительностью, не изучая ее туземных условий, искать готового ответа в теории, выработанной чужой мыслью, на основании опытов чужой жизни и, заметив негодность такого ответа, спокойно умывать и складывать руки со словами: «Что же делать? И рад бы, да ничего не поделаешь». После того оставалось самодовольно любоваться прекрасными идеями, оказавшимися практически непригодными[70], и великодушно мириться с невзрачной действительностью, до них недоросшей. Такое отношение руководящего общества к Наказу, как провозвестнику западноевропейской политической мысли, особенно явственно обнаружилось в комиссии Уложения.

6-я лекция

КОМИССИЯ УЛОЖЕНИЯ

[1]Как бы то ни было[1], предлагая Наказ в руководство для составления нового русского Уложения, Екатерина хотела повести Россию впереди Западной Европы, где еще не было тогда попы-

[62] *Слово написано над строкой.*
[63] *Слово написано над строкой.*
[64] *Слово написано над строкой.*
[65] *Слово написано над строкой.*
[66] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* русское общество.
[67] *Буквы* ие *написаны над зачеркнутыми* ей.
[68] *Над строкой:* р. 155.
[69] *Фраза написана на полях.*
[70] *Первоначально было:* негодными.

[1-1] *Написано над строкой.*

ток построить законодательство на таких возвышенных началах, какие провозглашались в Наказе. Это единственный момент в истории русского законодательства, небывалый дотоле и с тех пор не повторившийся, [2]разве кроме Суд[ебных] уставов 1864 г.[2] Впервые верховная власть, руководившая Россией, обращалась для устроения своего государства к помощи западноевропейских политических мыслителей, и притом самых передовых, идеи которых и на их родине считались еще преждевременными или[3] практически непригодными. Наказ, переведенный на французский язык, даже в той сокращенной и смягченной редакции, в какой он был издан в России, не был разрешен в печати французской цензурой. Предстоит видеть, какую помощь оказал он той комиссии, которой он был предложен в руководство.

В 1649 г. издано было Соборное уложение, первый довольно полный и систематический свод русских законов. Быстро возникавшие новые потребности государства скоро вызвали длинный ряд новых законов; непрерывной нитью тянулись реформы, и в короткое время Уложение царя Алексея стало анахронизмом, отстало от действительного положения дел в государстве. С конца XVII в. все живее чувствовалась потребность пересмотреть и пополнить этот законодательный свод. Еще в 1700 г. с этой целью составлена была комиссия из людей высших чинов с несколькими дьяками[4]. С тех пор ряд подобных комиссий всё безуспешно работал над этим делом. Эти комиссии составлялись из высших чиновников, к которым иногда присоединялись назначенные правительством или выборные сословные представители из губерний. В таком составе кодификационных[5] комиссий сказалось смутное воспоминание о том участии, какое принимали Земские соборы в составлении важнейших законодательных сводов древней Руси: Судебника 1550 г. и Уложения 1649 г. Пр[о]ект Улож[ения] при Елизавете[6]. Составом тех же комиссий указана была отчасти и форма того собрания, которое призвано было[7] для такого же кодификационного дела Екатериной II.

Манифестом 14 дек[абря] 1766 г. Екатерина созвала Комиссию для составления проекта нового Уложения, как она официально называлась. Эта комиссия состояла из членов двух разрядов: из представителей высших правительственных учреждений и из депутатов от общественных классов. В комиссию послали по одному представителю Синод, Сенат, коллегии и главные канцелярии центрального управления. Далее прислали выборных депутатов: дворянство — по одному от каждого уезда, каждый город — по одному, государственные крестьяне, однодворцы и др[угие] свободные сельские обыватели — по одному депутату от

[2-2] *Написано на полях.*
[3] *Слово написано над зачеркнутым:* и.
[4] *Над строкой:* Сенат.
[5] *Буквы* ых *написаны над зачеркнутыми* ой.
[6] *Фраза написана на полях.*
[7] *На полях:* Уложенный собор был ли в виду?

каждой провинции[8] (тогда губернии разделялись на провинции, а провинции на уезды); наконец[9], оседлые инородцы, без различия религий, прислали по одному депутату от каждого племени из[10] каждой провинции, где оно обитало[11]. Таким образом, в комиссии представлены были: 1) высшие правительственные учреждения, 2) некоторые сословия, 3) племена, 4) места жительства, потому что[12] представители городов выбирались всеми городскими домовладельцами без различия званий. В комиссии не было выборных представителей от приходского духовенства и крестьян дворцовых, крепостных и экономическ[их][13], которые незадолго до того, в 1764 г., были отобраны у владевших ими церковных учреждений и присоединены к свободным сельским обывателям. Всех депутатов избрано было 565 человек. Разные классы общества очень неравномерно представлены были в комиссии. Всего больше депутатов, именно 39% всего состава комиссии, явилось от городов. Это объясняется тем, что каждый город, независимо от своей населенности и экономического значения, был представлен в одинаковой степени: по одному депутату послали в комиссию и старая столица Москва и какой-нибудь Буй, уездный город Костромской провинции Московской губернии. Дворянству принадлежало второе место по количеству депутатов, которых от него[14] было 30%; на долю казенных крестьян и других свободных сельских обывателей податного состояния приходилось 14%; центральные правительственные учреждения прислали 28 депутатов, что составляло около 5%[15]. Депутат из индивидуальной личности превращался в истор[ическое] событие[16]. Депутаты являлись в комиссию с наказами или инструкциями от своих избирателей, излагавшими их нужды и желания. В манифесте 14 дек[абря] 1766 г.[17], которым созывалась комиссия, ей указана была двоякая задача: 1) правительство желало узнать от депутатов «нужды и недостатки» населения, 2) обещало допустить их в комиссию, которой даны будут надлежащие инструкции для составления проекта нового Уложения. Комиссия получила чрезвычайно сложное устройство[18], распалась на множество отдельных подкомиссий[19], направлявших деятельность общего собрания или вырабатывавших отдельные части Уложения: так составлены были особые комиссии,

[8] *На полях:* Порядок трехстепенного выбора, p. 44—5.
[9] *Над строкой:* казаки, p. 8, § 8, как особый класс.
[10] *Слово написано на полях.*
[11] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[12] *Слово написано над строкой.*
[13] *Два предыдущих слова написаны на полях.*
[14] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[15] *На полях:* Права депутатов, p. 8—9.
[16] *Фраза написана на полях.*
[17] *Год написан над строкой. На полях зачеркнуто:* Влияние Уложения 1649 [г.], тогда найденного.
[18] *На полях:* Сопостав[ить] с Собором 1648 г.
[19] *Над строкой:* Нак[аз], p. 69 воспособлявш[ий].

должествовавшие выработать специальные проекты положений о сословиях, о горном деле, о торговле, о лесоразведении и т. п. При сложном порядке делопроизводства и работа комиссии шла очень медленно. Комиссия торжественно была открыта 30 июля 1767 г. в Москве и заседала в Грановитой палате[20], где не раз и в XVII в. [заседали] З[емские] соборы[20]. На первых заседаниях она слушала чтение Наказа императрицы и устроялась, выбирала маршала[21]-председателя, которым был утвержден депутат костромского дворянства Ал[ександр] Ильич Бибиков, составляла частные комиссии. Собственно кодификационные работы начались только с восьмого заседания[22] чтением[23] депутатских наказов. Прочитали и обсудили только 12 наказов в пятнадцати заседаниях и, не кончив этого дела, перешли к чтению и обсуждению законов о правах дворянства, чему посвящено было 11 заседаний. Не кончив и этого дела, начали обсуждать законы о купечестве. Не кончив этого дела[24] на 46 заседаниях, приступили к обсуждению законов о привилегиях эстляндских и лифляндских, на чем комиссия и покончила свои занятия[25] в Москве в дек[абре] 1767 г. В феврале следующего года комиссия открыла свои заседания уже в Петербурге чтением и обсуждением законов о судоустройстве и судопроизводстве. Не кончив этого дела на 70 заседаниях, комиссия возвратилась к обсуждению прав дворянства, проект которых к тому времени был выработан подлежащей частной комиссией. Разобрав этот проект, комиссия занялась обсуждением законов о поместьях и вотчинах, на чем захватил ее в дек[абре] 1768 г. указ, которым повелевалось по случаю начавшейся войны с Турцией прекратить заседания общего собрания, оставив только частные комиссии, которые[26] проработали до 1774 г.; но вторичного созыва общего собрания уже не последовало.

Комиссия Уложения не исполнила своей задачи, не составила проекта нового Уложения; она и не могла его составить по многим причинам. Этому мешал, во-первых, ее *состав*: перед правительством явились представители самых разнородных общественных состояний, верований, даже степеней развития, с разнообразными до[27] непримиримости[28] стремлениями и интересами; рядом с петербургскими тайными советниками[29] сидели представители казанских черемис и оренбургских тептерей; над одним и тем же и очень сложным делом призваны были работать член святейшего Синода высокопреосвященный и высокообразованный

[20]–[20] *Написано над строкой.*
[21] *Слово написано на полях.*
[22] *Далее зачеркнуто:* когда началось.
[23] *Буква* м *написана над строкой.*
[24] *Слово зачеркнуто, над ним написано:* работы.
[25] *Слово написано над зачеркнутым:* работы.
[26] *Слово написано над зачеркнутым:* последние.
[27] *Слово написано над зачеркнутым:* даже.
[28] *Первоначально было:* непримиримость.
[29] *Далее зачеркнуто:* и сенаторами.

митрополит новгородский и великолуцкий[30] Димитрий Сеченов вместе с представителем мещеряков Исетской[31] провинции на Урале муллой Абдулой-Мурзой Тавышевым и даже депутатом некрещенных казанских чуваш Анюком Ишелиным. Как могли согласить свои интересы и понятия эти носители столь далеких друг от друга миросозерцаний?

Во-вторых, успеху комиссии мешало самое свойство возложенной на нее *задачи*, которая состояла в составлении проекта нового Уложения. Эта задача требовала обширного предварительного изучения русского законодательства и многих специальн[ых] знаний[32], это было дело знатоков, какими не было огромное большинство собрания[33], притом комиссии указан был *способ* решения задачи, делавшей ее неразрешимой. Проект Уложения указано было составить, во-первых[34], сообразно[35] с действовавшим[36] русским законодательством, во-вторых, «сообразуясь»[37] с Наказом императрицы[38], в-третьих, согласно с заявлениями в комиссии нуждами и недостатками населения. Таким образом, депутаты становились между тремя совсем непохожими друг на друга, несогласимыми[39] порядками идей и интересов, тянувших в три различные стороны. С одной стороны, слушая Наказ, они внимали высшим идеям, до которых додумались западноевропейские мыслители, с другой[40] — перед ними лежала не разобранная куча русских законов, изданных в разное время без общей мысли, часто противоречащих друг другу; наконец, перед депутатами вскрывались из их наказов и[41] прений разнообразные интересы разных сословий. Не только комиссия 1767 г., но и всякая другая, гораздо лучше и целесообразнее составленная, едва ли могла выработать годный к употреблению проект Уложения, руководствуясь указанными ей основаниями. Если бы она выработала Уложение, согласное с действовавшим русским законодательством, этот свод не был бы согласен с Наказом императрицы; если бы, паче чаяния, она сумела выработать кодекс, согласный с этим Наказом, он шел бы в разрезе с действовавшим русским законодательством; наконец, тот и другой кодекс трудно было согласить с нуждами и желаниями всего населения. Есть известие, что депутаты самоедов прямо заявили в комиссии, что им не нужно никаких законов[42], пусть только запретят чиновникам при-

[30] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[31] *Исправлено из:* и светской.
[32] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* технических.
[33] *На полях:* Старое Уложение как составлялось?
[34] *На полях:* Наказ; р. 73—4, X §.
[35] *Над строкой:* принимая во внимание.
[36] *Буквы* им *зачеркнуты, над строкой:* ее.
[37] *Написано над:* согласно. *На полях:* ib., 87.
[38] *Слово написано над зачеркнутым:* Екатерина.
[39] *Слово написано над строкой.*
[40] *Далее зачеркнуто:* стороны.
[41] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[42] *Далее зачеркнуто:* и.

теснять их. Но самым важным препятствием, помешавшим довести дело до успешного конца, несомненно, было *разногласие*[43] интересов и нужд разных классов общества, вскрывшееся в их наказах и в прениях их депутатов. Слова вице-канцлера кн[язя] Голицына при открытии[44]. Но депутаты — сословные представители[45]. Эта сословная разноголосица[46] всего явственнее выразилась при обсуждении вопросов о *правах и взаимных отношениях* сословий. Горячие споры вызваны были вопросом о вступлении в дворянство лиц недворянского происхождения. Пылким защитником дворянских прав и замкнутости дворянского сословия выступил депутат от ярославского дворянства кн[язь] М. М. Щербатов. Наиболее выдающий[ся] оратор[47]. Вопрос брал с филос[офской] истор[ико]-эконом[ической] и даже нрав[ственно]-псих[ологической] точек зрения. Лекция его о происхожд[ении] и значении дв[орян]ства[48]. Он горячо восстал против закона Петра Великого, который открывал доступ в потомственное дворянство лицам, дослужившимся до офицерского или соответствующего гражданского чина. Восставая против дворянства выслуги, он признавал *монополию чести и славы* только за старинным[49] дворянством[50] потомственным. В двор[ян]ство жалует только монарх[50]. Этим, разумеется, он вооружал против себя многочисленное выслуженное дворянство, представители которого возражали ему, отстаивая закон Петра Великого и обвиняя потомственных дворян в *сословном высокомерии*[51] *и исключительности, в пренебрежении к личной заслуге* и[52] достоинству. Один казацкий депутат, Миронов, между прочим заметил Щербатову, что дворянское достоинство дается не природой, а приобретается доблестью и заслугами[53] Отечеству[54]; российские дворяне[55] могут ли[56] сказать о своих предках, что все они родились от дворян?[57] Так в среде дворянства, по-видимому, наиболее плотного по составу и дружного по историческому воспитанию сословия, обнаружился раздор, одной из причин которого было право владеть крепостными людьми. Потомственное дворянство хотело присвоить это право исключительно себе, отказывая в нем дворянству выслуги. Пред-

[43] *Первоначально было:* несогласие.
[44] *Далее:* Сол[овьев, т.] 27, с. 86.
[45] *Далее:* [Соловьев, т. 27, с.] 89—90. *Две предыдущие фразы написаны на полях.*
[46] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* несогласие.
[47] *Фраза написана на полях. Далее:* Сол[овьев, т. 27, с.] 92 m.
[48] *Фраза написана на полях. Далее:* Сол[овьев, т. 27, с.] 93.
[49] *Слово написано над строкой.*
[50-50] *Написано над зачеркнутым:* по наследству.
[51] *Слово написано над:* самолюбии.
[52] *В рукописи дважды:* и.
[53] *Буквы* ами *написаны над* ой.
[54] *Далее зачеркнуто:* и что.
[55] *Далее зачеркнуто:* не.
[56] *Частица написана над строкой.*
[57] *На полях:* Сцена ⊕. Сол[овьев, т.] 27, [с.] 98.

ставители последнего стояли за это право для всех служащих[58] во имя равенства и пользы государственной службы, говоря, что недворянские сословия, не видя себе равной с дворянами награды, будут служить неохотно, без усердия и любви к отечеству, как бы не желающему считать их своими настоящими сынами.

Это право владеть крепостными послужило другим спорным вопросом в комиссии. Этого права потребовали и недворяне[59]. Представители старинного дворянства кн[язь] Щербатов и другие теоретическими и практическими соображениями отстаивали исключительное право[60] двор[ян]ства и только старин[ного], не выслуж[енного] двор[ян]ства на душевладение[60]. Предназначенные служить отечеству и государю и воспитанием приготовляться к этой службе, дворяне получают в этом праве школу, которая с младенчества приучает их к управлению другими подданными[61] своего монарха и знакомит их с нуждами разного рода людей; притом продажа крестьян людям других, неземлевладельческих сословий отвлекала бы хлебопашцев от их занятия, столь необходимого для государства[62]. Дворянские ораторы возводили это право в неприкосновенный принцип, своего рода политическую заповедь: один из них[63] говорил, что достоинство дворянина считается у них чем-то священным, отличающим[64] одного человека от других и дающим[65] ему право владеть себе подобными и заботиться об их благосостоянии. Поэтому кн[язь] Щербатов и его избиратели требовали в своем ярославск[ом][66] наказе отмены закона Петра Великого, разрешавшего купцам приобретать деревни с крестьянами к своим фабрикам и заводам. Не столько теоретическими соображениями, сколько практическими нуждами оправдывали купцы свое притязание на это право, указывая на трудность доставать вольнонаемных мастеров и работников и на их неблагонадежность[67]. Не только купечество, но также казаки и, наконец, само[68] духовенство потребовали себе того же права

[58] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*

[59] *Фраза написана на полях. Далее:* Выше ⊥ сюда. Сол[овьев, т.] 27, [с.] 100.

[60–60] *Написано над строкой и на полях вместо зачеркнутого:* этого сословия.

[61] *Буквы* под *написаны над зачеркнутыми* пре.

[62] *На полях:* Против купцов — ib.[, т. 27, с.] 117: слова Щерб[атова]. Его статистический расчет — [ib., т. 27, с.] 118: 17 млн. ⊕ населения и 3300 тыс. хлебопашцев, из коих каждый хлеба на 5 ч[е]л[ове]к с лишком.

[63] *На полях:* Нарышкин. Сол[овьев, т.] 27, [с.] 99.

[64] *Буквы* им *написаны над зачеркнутыми* ого.

[65] *Буква* м *написана над зачеркнутой* х.

[66] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*

[67] *На полях:* Щерб[атов] — [с.] 118 ib., [т. 27, Соловьева].

[68] *Над строкой:* Из наказа Синод[а].

крепостного душевладения [69]: так лаком был для всех этот юридический и хозяйств[енный] [70] кусок — крепостная душа.

Отношения сословий, боровшихся за этот кусок, менялись в споре за другой интерес — право торговли и промышленности [71]. Дворяне и крестьяне хотели пользоваться [72] этим правом наравне [73] с купечеством, а купцы стояли за исключительную принадлежность его своему сословию, указывая на неминуемое разорение купечества и на неизбежный упадок торговли при конкур[енции] друг[их] классов [74]. Депутат рыбинского купечества Попов, отстаивая такую привилегию вместе с правом приобрести крестьян к купеческим фабрикам и заводам, указывал на неприличие для дворян по их званию входить в коммерческие занятия и, между прочим, говорил: «Благородному русскому дворянству надлежит стараться о приведении в лучшее состояние земледелия их крестьян и смотреть, чтобы последние обрабатывали землю с прилежанием» [75]. «Если нужно, чтобы куп[ече]ство приносило г[осу]д[арств]у полезн[ые] плоды, то непременно нужно запретить торговать другим всяк[ого] звания людям» [76]. Другие убедительно [77] указывали на бо́льшую выгодность для крестьян и народного хозяйства фабрик, заводимых купцами, сравнительно с дворянскими [78]. Кн[язь] Щербатов оспаривал эти доводы, указывая на вред, какой произойдет от того, что крестьян будут продавать купцам, отнимая их от земледелия, и оттого, что купцам будет представлена монополия промышленности в ущерб дворянству. Возражая против права крестьян участвовать [79] в торговых и промышленных предприятиях, купцы в свою очередь указывали на тот же вред отрывать крестьян от земледелия, которым дворяне оспаривали у купцов право владеть крепостными. Купцы требов[али] права владеть креп[остными] дворами [80]. Общая неуравновешенность нар[одного] хоз[яй]ства — Меженинов [81]. Купцы даже требовали себе другого [82] дворянского отличия — права [83] носить шпаги.

Крепостные крестьяне были безгласны в комиссии, не имели своих представителей, но за них поднимали робкие голоса некото-

[69] *На полях:* Сол[овьев, т.] 27, [с.] 330, §: Наказ Синода.
[70] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[71] *На полях:* abs t Сол[овьев, т.] 27, [с.] 107.
[72] *Над зачеркнутым:* делиться.
[73] *Слово написано над строкой.*
[74] *Четыре предыдущих слова написаны над:* в противном случае.
[75] *Далее:* Попов. [Соловьев, т. 27, с.] 108 f.
[76] *Фраза написана на полях.*
[77] *Слово написано над строкой.*
[78] *На полях:* Глинков ⊕. [Соловьев, т. 27, с.] 110 m.
[79] *Слово написано над строкой.*
[80] *Далее:* [Соловьев, т. 27, с.] 115 f.
[81] *Две предыдущие фразы написаны на полях.* Далее: [Соловьев, т. 27, с.] 111.
[82] *Над строкой:* Глинков. [Соловьев, т. 27, с.] 113: нем[ец] и русский купец; шпага ⊕.
[83] *Слово написано над строкой.*

рые правительственные и[84] дворянские депутаты. Прежде всего сама Ек[атерина] [85]. Закон о смерти от помещ[ичьих] побо[ев] [86]. (Наказ правит[ельственного] учреждения[87]). Наказ псковского дворянства ярко описывал положение всех вообще крестьян, обижаемых всякого звания людьми, чиновниками при проезде, квартирующими по селам солдатами и пр.[88] Депутат козлов[ского] дв[орян]ства[89] Коробьин, объясняя причины крестьянских побегов жестоким обращением с ними[90] помещиков, тяжестью оброков и барщинных работ, произвольным[91] отпятием[92] крестьянского имущества помещиками, поднял вопрос, ссылаясь на Наказ[93], об ограничении власти помещиков над имением крестьян, не трогая их власти над личностью[94] крепостного. Вопрос пустили на баллотировку, и из 21 голоса за Коробьина высказались только[95] три[96]. Власть над лицом и имуществом. О праве по существу никто. Здесь Ек[атерина] о крепостниках[96].

Отстаивая свои старые права на владение землей и крепостными душами, дворянство в комиссии громко и единодушно[97] высказало притязание на господствующее положение в областном обществе и управлении[98]. Оно желало образовать из себя уездные сословные корпорации и руководить местным управлением и судом. Дворяне[99] требовали в своих наказах, чтобы уездное дворянство каждые два года съезжалось и рассматривало[100], все ли в уезде исполняется по закону; не бывает ли от кого притеснений дворянству и крестьянству; дворяне выбирают уездного ландрата и становых комиссаров для суда и расправы не только между дворянами и их крепостными, но и между[101] всеми сельскими обывателями, крестьянами дворц[овыми] и экономическими[102]. Другие дворяне требовали учреждения земских судов

[84] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[85] *Далее:* [Соловьев, т. 27, с.] 80.
[86] *Далее:* [Соловьев, т. 27, с.] 115 m.
[87] *Две предыдущие фразы написаны на полях. Далее зачеркнуто:* Так.
[88] *На полях:* О школе для крестьян и положении класса. [Соловьев, т. 27, с.] 121. (Гр[игорий] Орлов).
[89] *Два предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* [Соловьев, т. 27], p[age] 115.
[90] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[91] *Буквы* ым *написаны над:* ое.
[92] *Буква* м *написана над строкой.*
[93] *Три предыдущих слова написаны на полях.*
[94] *Далее зачеркнуто:* крестьянска.
[95] *Слово написано над строкой.*
[96–96] *Написано на полях. Далее:* Сол[овьев] n [с.] 74.
[97] *Три предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* резко. *На полях:* Сол[овьев, т.] 27, [с.] 102.
[98] *На полях:* Стар[ые] двор[янские] общества.
[99] *Слово написано над зачеркнутым:* Они.
[100] *Буквы* рас *написаны над* о.
[101] *Слово написано над строкой.*
[102] *Четыре предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* Сюда стр. 180 и сл.

по выбору дворянства из[103] дворян, даже права выбирать уездных воевод или дворянских уездных начальников[104], также права иметь в Москве выборного депутата от каждого уезда, который бы в тамошних судебных местах ходатайствовал о делах дворян своего уезда. Двор[янское] самоуправление и мировой суд[105]. Чтобы с достоинством поддержать такое влиятельное положение в уезде, дворянство должно было иметь хорошее образование. Оправдывая свои притязания, дворяне в комиссии заговорили и о школах, просили учредить в Москве шляхетский кадетский корпус, подобный петербургскому, но при этом предлагали для содержания этой сословной школы обложить побором все брачующиеся пары без различия сословий, хотя дворянский же депутат гр[аф] Александр Строганов[106] указывал на неприличие и несправедливость такого побора, предлагая содержать новый корпус на средства одних дворян. Дворянские наказы требовали учреждения губернских школ для элементарного образования детей бедных дворян[107], а московское дворянство просило даже учредить два училища для воспитания дворянских девиц — одно для малолетних, другое для взрослых, с более широкой программой, — что-то вроде высших женских курсов. Но одно непременное условие[108] предполагалось просителями в мужских дворянских школах: они должны были давать сыновьям дворян служебные права, чтобы дворянин мог начинать военную службу не солдатом, а прямо офицером. Только два дворянских наказа замолвили слово об учреждении низших приходских школ для крестьянских детей.

В депутатских речах и наказах, выслушанных комиссией, достаточно явственно вскрылась вся разноголосица понятий и мнений, господствовавших в русском обществе, весь антагонизм интересов, разделявший главные его классы. Как возможно было примирить столь враждебные интересы, согласить такие несходные влечения[109], тянувшие комиссию в разные стороны, и выработать стройный, справедливый и для всех безобидный кодекс? Эта разноголосица понятий и мнений происходила частью от разнообразия *источников*, из которых они почерпались: здесь действовали вместе и исторические воспоминания и общественные привычки, и текущие насущные нужды народа, и сословный эгоизм, и филантропическое сострадание к угнетенным классам, и политико-экономические соображения. Был и еще один источник, особенно важный по отношению к главной задаче наших

[103] *Над зачеркнутыми:* и их.
[104] *На полях:* Словесные суды. Сол [овьев], т. 27, [с.] 103 f.
[105] *Пять предыдущих слов написаны на полях. Далее:* [с.] 105 i. [т. 27] Сол [овьева]. Школа для дворян. Ib., 105.
[106] *На полях:* Слова его. Сол [овьев, т. 27, с.] 106 i.
[107] *На полях:* Образов[ательные] средства сословия. — ib. m.: костр[омской] наказ.
[108] *На полях:* Ib., 106 f.
[109] *Слово написано над зачеркнутым:* впечатления.

бесед: депутаты не раз ссылались в своих речах и наказах на Западную Европу в оправдание и подкрепление[110] своих мнений. Так, наказ московского дворянства депутату Петру Панину[111] требовал, чтобы, «сообразуясь с прочими в Европе благоучрежденными христианскими государствами», каждому землевладельцу предоставлено было право часть своего движ[имого] и недвижим[ого][112] имения обращать в нераздельное владение, передавая его кому пожелает по завещанию. Очевидно, это было попыткой восстановить в измененном виде отмененный императрицей Анной закон Петра о единонаследии. Защитник дворянских прав кн[язь] М. Щербатов, блиставший в комиссии своею начитанностью, уж конечно не мог обойтись без ссылок на аристократическую Западную Европу. Настаивая в одной речи на мысли, что прочность государства основывается на знатных зажиточных фамилиях как на непоколебимых столпах, он говорил, что величие французского и испанского государств основано на знатных родах[113]. Эта ссылка на Францию получает особенный вес, потому что сделана была только[114] за двадцать два года до Французской революции, сокрушившей старый государственный порядок, а вместе с ним и его непоколебимые столпы. (Даже городские, купеческие депутаты не преминули указать на западноевропейские порядки как на образцы для подражания. Так, кронштадтский депутат Рыбников с прискорбием говорил о положении русского купечества, совершенно непохожем на положение этого класса в других европейских государствах: по его словам, русское купечество не имеет ни надлежащей свободы, ни достаточных *привилегий*). Тот же кн[язь] Щербатов, горячо отстаивая право дворянства владеть крепостными, возражал против притязания купцов на такое же право между прочим[115] тем, что в целой Европе купцы обходятся же без крепостных работников и не жалуются на то. Значит, и в комиссии многие смотрели в ту же сторону, куда ей указывала своим Наказом ее руководительница. Но необходимо отметить существенную разницу во взглядах на Западную Европу между императрицей и комиссией: та и другая смотрели в одну сторону, но видели не одно и то же. Тогда как Екатерина провозглашала политические *идеи* Запада, еще не находившие себе прочного места в действительном порядке западноевропейских континентальных государств, депутаты комиссии, как люди деловые, искали там исторических *фактов*, которыми обеспечивались практические интересы, смотрели не на идеалы, а на действительный порядок. Таким образом в комиссии встретились взгляды, которые ставили Россию в различные отно-

[110] *Три предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* доказательство.
[111] *На полях:* Сол[овьев, т.] 27, [с.] 101 f.
[112] *Три предыдущих слова написаны над строкой. На полях знак вопроса.*
[113] *На полях:* С[оловьев, т. 27, с.] 108 f.
[114] *Слово написано над строкой.*
[115] *Слово написано над строкой.*

шения к Западной Европе: руководительница указывала как на образец[116] на Европу будущую, какая только грезилась в мечтах публицистов, а комиссия смотрела на Европу прошедшую, с ее порядками, уже отживавшими[117] свой век. Здесь вскрылась[118] всего нагляднее[119] происшедшая перемена в настроении и интересах дворянства[119], в настойчивом требовании дворянства занять господствующее положение в провинции и захватить в свои руки местное управление.

Тридцать семь лет назад оно имело свои политические мечты, много говорило на московском съезде 1730 г. об английском парламенте, хотело приобрести решительное влияние на высшее управление государством и даже поделиться этим влиянием с другими классами общества. В этом нельзя не видеть следствия обязательной службы сословия в столице и того участия, какое оно приняло в дворцовых переворотах. Но с тех пор многое изменилось в его положении: обязательная служба была отменена, дворянство вышло на волю и начало рассеиваться из столицы по губерниям. Но оно не унесло с собой в провинциальную глушь своих прежних политических интересов, воспитанных в столичной казарме и канцелярии. В деревенских усадьбах оно скоро усвоило новые заботы, соответствовавшие его новой обстановке. Покинув вопросы высшей политики, мечты о руководстве центральным управлением, о выборе сенаторов и президентов коллегий, оно теперь стало разрабатывать более низменные и более практические помыслы, хотело править провинциальным обществом и, крепко ухватившись за свое право землевладения[120] и душевладения[121], руководить низшим уездным управлением и судом, чтобы удобнее устроиться в своей крепостной деревне. Здесь источник заявленных им в комиссии желаний иметь уездные сословные суды и полицию[122]. Замечательно отношение законодательства Екатерины к этим заявлениям дворянства в комиссии. Эта ком[иссия][123] не исполнила и не могла исполнить своей главной задачи, не составила проекта нового Уложения и не могла его составить. Бóльшая часть нужд и желаний, заявленных в депутатских наказах и речах, не нашла себе законодательного удовлетворения, оставлена была без внимания; потому результаты работ комиссии далеко не соответствовали впечатлению, произведенному ею на современников, и не оправдали возбужденных ею ожиданий. Памятники ее деятельности имеют более историографический, чем политический интерес; ее протоколы и депутат-

[116] *На полях зачеркнуто:* Цветы и плоды.
[117] *Первоначально было:* отжившими.
[118] *Два предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* Ст[атья, с.] 170.
[119–119] *Написано над зачеркнутым:* обнаружилась эта разница отношений.
[120] *Буква* я *написана над* е.
[121] *Буква* я *исправлена из* е.
[122] *На полях знак вопроса и текст:* Но дворянские депутаты за идеи Наказа.
[123] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* Она.

ские наказы представляют любопытный материал для изучения той минуты нашей истории, в которую она действовала; но эти работы оказали довольно слабое влияние на русское законодательство, не составили[124] эпохи в его истории[125]. Только нужды и желания дворянства составили исключение в отношении законодательства к заявлениям выборных русской земли в комиссии: мы увидим, что эти нужды и желания были приняты во внимание при устройстве местного управления и положения дворянства в местном обществе. ‹Устроившись в губернии и деревне согласно своему желанию, как отнесется дворянство к тем политическим идеям, которые возвещены были ему в Наказе[126] императрицы и так мало соответствовали его господствующему положению в областном обществе?›

7-я лекция

ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА В МЕСТНОМ УПРАВЛЕНИИ И СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Екатерина находила двойную пользу в комиссии 1767 г.[1] 1) для себя самой и 2)[2] для русского общества. В депутатских наказах и речах вскрылись нужды и желания разных классов населения, потребности времени и средства, которыми могло располагать правительство для их удовлетворения.

«Комиссия Уложения, — писала[3] Екатерина, — подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеет и о ком пещись должно». И общество, по мнению Екатерины, через комиссию стало ближе к правительству. «Многие стали, — по ее словам, — о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах; по крайней мере, стали знать волю законодавца и по оной поступать». Но в этой двойной пользе от комиссии была и капля горечи. Мало отрадного было узнать автору Наказа, с кем приходилось иметь дело: приходилось иметь дело с людьми, которые, правда, судили о цветах по цветам, как зрячие, но при этом показали, что они не дорожат цветами и даже не понимают их. В Наказе им были предложены лучшие цветы западноевропейской мысли: равенство, вольность, общее благо, а они отвечали, что видят эти цветы и

[124] *Буквы* или *написаны над зачеркнутыми* ляют.
[125] *На полях:* Программы дальнейших реформ Е[катери]ны.
[126] *Первоначально было:* Наказом.

[1] *Цифра и скобка написаны над строкой. На полях:* Признавала удачной, потому что не Улож[ение] — цель. Статья, [с.] 148 i.
[2] *Цифра и скобка написаны над строкой.*
[3] *Над зачеркнутым:* говорила. *На полях:* За один стол ⊕. Сб[орник Русского исторического общества, т.], X. [СПб., 1872, с.] 35.

ничего кроме цветов в них не видят. С своей стороны они потребовали плодов, самых грубых, но питательных плодов вроде расширения крепостного права, исключительных сословных привилегий, господства в местном управлении. При всей разноголосице требований, при всей прихотливости местных вкусов депутаты ссылались на ту же Западную Европу, откуда Наказ нес им такие прекрасные идеи, только не на Европу, которая мыслила и мечтала в ученых кабинетах и на профессорских кафедрах, а на Европу, которая правила, торговала, работала. Можно думать, что комиссия имела решительное влияние на направление деятельности Екатерины[4], а так как Екатерина хотела руководиться в своей деятельности западноевропейскими идеалами и образцами, то комиссия не могла не оказать действия и на направление западного влияния в России[4]. Она не годилась для составления свода законов, но, как совершенно справедливо говорила Екатерина, трудно было придумать собрание, целесообразнее составленное, если нужно было узнать, что́ думала и чего желала страна. Торжественная обстановка комиссии, пестрота ее этнографического и социального состава, важность задачи — все это возбуждало энергию и самолюбие ее ораторов, а чтение Наказа, вызывавшее[5-6] слезы в слушавших его депутатах, приводило умы в то благодушное, разрыхленное настроение, когда охотно высказываются не только показные, расхожие мысли и чувства, но и такие, которые обыкновенно откладывают про запас, приберегая их для домашнего обихода. И действительно, ораторы комиссии высказывались так нараспашку, что сторонний наблюдатель мог чувствовать самый темп их мысли, самую температуру их желаний. Что же оказалось? Береженные про запас мысли вскрыли такую нескладицу интересов, такой черствый сословный эгоизм, такую неурядицу общественных отношений, что все это привело бы в раздумье всякого реформатора, желавшего устроить такую страну по советам Монтескьё и Беккариа. Екатерина настолько знала механизм общества, чтобы не решиться во имя неиспытанных идей ломать веками установленный порядок. Однако эти идеи были провозглашены так громко, что неловко было совсем отказаться от них. Сама комиссия указала императрице выход из этого затруднения. Она действительно подала Екатерине свет[7] и сведение о том, с кем приходилось иметь дело и как следовало поступать[8]: слезы умиления депутатов при чтении Наказа не мешали им заявить самые суровые и неуступчивые требования. Значит, приходилось иметь дело с обществом впечатлительным, но недостаточно поворотливым, с людьми, у которых мысль восприимчивее и гибче их привычек[9].

[4-4] *Позднее текст взят в карандашные скобки.*
[5-6] *Первоначально было:* вызвавшее.
[7] *Первоначально было:* совет.
[8] *На полях:* и некоторые требования. Статья, [с.] 170 m.
[9] *На полях:* Стр. 191 ⊥.

Этому указанию и следовала Екатерина в своей правительственной деятельности: не вооружаясь прямо против основ [10] туземных порядков [11], она хотела привить к ним чуждые им идеи [12]. Эта прививка шла таким порядком: веяния, шедшие [13] из-за границы, новые идеи допускались в ежедневном обороте мнений, как украшения правительственной деятельности и общественной жизни, проводились в частных беседах императрицы, в великосветских гостиных и даже в казенных школах, в литературе, иногда и в предисловиях к законам, но не далее; самые законы своим содержанием только укрепляли туземные факты, завязавшиеся задолго до Екатерины, или осуществляли желания, настойчиво заявленные в комиссии 1767 г. Так сложилась усвоенна[я] Е[катери]ной [14] политическая программа [15], которая может быть выражена такими немногими словами: литературная, салонная и педагогическая пропаганда *идей века* и законодательное закрепление чуждых им *фактов места* [16]. [Она была] донельзя национ[альной], патриотичной во внешн[ей] полит[ике], благодушно либер[альной], гуманной в приемах управления, в обращ[ении] с людьми, с поддан[ными] и осторожно консерват[ивной] в закон[одатель]стве [17]. Эта программа хотела сказать русскому обществу: живите по-русски, только думайте по-европейски. Идеи поверх фактов, отношений, как облака, разнообразя пейзажи, но не изменяя профиля страны [18].

Эта встреча с глазу на глаз не похожих друг на друга идей и житейских отношений — вообще редкий момент в истории. У нас это случилось во второй половине XVIII в.[19], и этот момент в нашей истории не лишен драматизма, потому что такая встреча неизбежно вызывала брожение в умах, недоразумения [20] и затруднения [21] в отношениях. Гармония жизни требует полного согласия понятий и отношений. Люди не выдерживают продолжительного разлада своей мысли и жизни, особенно когда мысль, овладевшая умами, оказывается выше жизни. В таком случае либо мысль пригнется до уровня жизни, либо жизнь расстроится под действием мысли. Будем наблюдать, как разрешался у нас этот разлад до конца XVIII [22] в.[23]

[10] *Слово написано на полях.*
[11] *Над зачеркнутым:* привычек.
[12] *На полях:* Статья, [с.] 152—3.
[13] *Первоначально было:* веяние, шедшее.
[14] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[15] *Далее зачеркнуто:* которую усвоила Екатерина и.
[16] *На полях:* Стр. 134.
[17] *Фраза написана на полях.*
[18] *Фраза написана на полях. В тексте значок* ⊥.
[19] *Цифры написаны над зачеркнутым:* прошлого.
[20] *Буква* я *написана над зачеркнутой* е.
[21] *Буква* я *написана над зачеркнутой* е.
[22] *Первоначально было:* XVII.
[23] *На полях:* Внешн[яя] полит[ика]. Статья, [с.] 135, 153. Стр. 134 f.

ГОСПОД[СТВУЮЩЕЕ] ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА [24]

Как мы уже не раз говорили, проводником западного влияния у нас суждено было стать передовому сословию русского общества — дворянству. Как оно исполнит свою задачу, это зависело от положения [25], какое оно займет в обществе после своей служебной эмансипации, от того нового общественного дела, которым оно наполнит открывшийся ему досуг. Это место и это дело указаны были сословию двумя важнейшими законодательными актами Екатерины: губернскими учреждениями 7 ноября 1775 г. и жалованной грамотой дворянству 21 апреля 1785 г. Первый акт указал сословию место в областном управлении, второй — окончательно определил его положение как землевладельческого класса среди сельского населения.

ГУБЕРНСК[ИЕ] УЧРЕЖДЕНИЯ [26]

Закон 7 ноября 1775 г. «Учрежд[ение] для управл[ения] губ[ерний]» [27] совершенно перестроил губернское управление, созданное Петром Великим. Влияние новых политических идей, какие тогда проводились на Западе, явственно отразилось в некоторых основаниях губернской реформы Екатерины, и [28] прежде всего во введенном ею новом областном делении. Отвлеченный разум тогдашней философии мало ценил пространство и время, главные условия исторической жизни, и в губернском делении Екатерины не приняты были во внимание ни география, ни история страны; основанием его принята была одна статистика, количество населения: предписано было разделить Россию на 50 губерний, т. е. таких геометрических клеток, из коих в каждой было бы по [29] 300—400 тыс. обывательских душ, не стесняясь при этом чертеже ни пространством новых областей, ни прежним исторически сложившимся областным делением, точно Россия была нетронутая американская прерия, населенная бизонами, или школьная доска, на которой по трафарету можно было чертить какие угодно геометрические построения. Благодаря тому случилось, что архангельский губернатор управлял пространством более чем в 1½ раза шире того, каким правил тогда король Франции. Губернии подразделялись на уезды с населением в 20—30 тыс. жителей в каждом. Устройство губернского управления и суда носило на себе резкий отпечаток двойственного влияния, под которым составлено было положение 7 ноября; с одной стороны, влияние политических идей западных публицистов, с дру-

[24] *Подзаголовок написан на полях.*
[25] *На полях значок:* f.
[26] *Подзаголовок написан на полях.*
[27] *Четыре предыдущих слова написаны над строкой.*
[28] *Слово написано над строкой.*
[29] *Слово написано над строкой.*

гой — туземных русских преданий и потребностей. В учреждениях 1775 г. строго проведено было начало разделения ведомств, провозглашенное в Наказе и заимствованное у Монтескьё. Эта была тогда модная политическая идея: без строгого разделения властей публицисты тогда не понимали правильного государственного порядка.

В губернских учреждениях Екатерины администрация в собственном смысле была обособлена от судебного ведомства, суд гражданский отделен от уголовного. Главным административным моментом было *губернское правление* с губернатором или наместником во главе. Это учреждение полицейское и распорядительное, обязанное смотреть за порядком и тишиной в губернии, объявлять и приводить в исполнение указы высшего правительства, блюсти за правильным течением дел в других учреждениях.

Финансовые дела ведает *губернская казенная палата*, под руководством которой действуют *казначейства губернские и уездные*, собирающие и хранящие казенные доходы. Особенно сложное устройство дано было суду. Он был разделен на три инстанции или ступени. Из них высшую составляли две губернские *палаты*, одна — уголовных дел, другая — дел гражданских; среднюю инстанцию образовали три губернские сословные судебные места: *верхний земский суд* для дворян, *губернский магистрат* для купцов и мещан, *верхняя расправа* для класса вольных хлебопашцев; наконец, низшая инстанция состояла также из трех сословных уездных мест: *уездного суда* для дворян, *городового магистрата* для купечества и мещанства и *нижней расправы* для вольных хлебопашцев, где было достаточно населения этого звания. Уездные сословные суды были подчинены сословным губернским, а последние судебным палатам. Влияние западных публицистов [30], обнаружившееся в таком сложном расчленении управления и суда, сказалось еще в двух учреждениях, впервые явившихся при Екатерине и не имевших ничего себе подобного в прежней системе русского административного и судебного устройства. То были губернский *совестный суд* и *приказ общественного призрения*. Первый ведал дела уголовные, в которых источником преступления была не сознательная воля, а несчастие либо стечение печальных обстоятельств, малолетство, безумие, фанатизм [31], суеверие и т. п., и дела гражданские, по которым обращались к нему сами тяжущиеся. В этом суде дела решались не прямо на основании улик формальных, доказательств, но по убеждению или совести судьи [32], обязанность которого [33] в гражданских и мелких уголовных делах состояла прежде всего в том, чтобы помирить тяжущиеся стороны.

Приказ общественного призрения ведал школы, сиротские дома и другие благотворительные учреждения — такие дела, ко-

[30] *На полях:* Сыс[оев, с.] 211—12.
[31] *Слово написано на полях.*
[32] *Исправлено из:* судей.
[33] *Буквы* ого *написаны над зачеркнутыми* ых.

торые дотоле не входили[34] в круг ведомства особого правительственного места. Может быть, под совместным влиянием западных веяний и туземных потребностей возник состав присутствия обоих этих учреждений: как в том, так и в другом председатели назначались правительством, а заседатели выбирались тремя сословиями:. одни — дворянством, другие — городским торгово-промышленным населением, третьи — вольными хлебопашцами. Точно так же и в других перечисленных учреждениях присутствию дано было коллегиальное устройство; только в высших губернских учреждениях административных и судебных и председатели и заседатели назначались правительством, именно Сенатом; в средних судебных местах председатели назначались от короны, а заседатели выбирались на три года сословиями. В низших уездных учреждениях все присутствие избиралось сословиями. Мысль открыть местным обществам посредством этих выборов некоторое участие в управлении и суде, как и соединить в совестном суде и приказе общественного призрения для совместной деятельности представителей разных сословий, дотоле разобщенных, может быть и была навеяна законодательнице извне, но в то же время, несомненно, удовлетворяла туземной потребности[35]. Еще очевиднее обнаружилось туземное влияние в устройстве уездной полиции, органом которой был нижний земский суд. Если в уездных губернских сословных судах еще равномерно распределено было участие сословного представительства, то в этом нижнем земском суде, полицейская власть которого простиралась на все население уезда без различия сословий, решительное преобладание дано было одному сословию — дворянству: как председатель его земский исправник или капитан, так и постоянные заседатели избирались одним дворянством. В таком составе нижнего земского суда надобно признать прямое влияние заявленного дворянством в комиссии 1767 г. желания руководить уездным управлением[36].

При введении изложенных губернских учреждений, которое длилось лет двадцать по изданию положения 1775 г., завершено было и корпоративное устройство дворянства, т. е. удовлетворено и другое желание сословия, заявленное в той же комиссии. Положение 1775 г. установило трехлетнее[37] уездное собрание дворянства для избрания уездного предводителя и других лиц на должности, замещаемые по выбору сословия. При введении новых учреждений в каждой губернии все дворянство съезжалось в губернский город и здесь выбирало своего губернского предводителя. Так возникли губернские дворянские собрания. Право выбирать губернского предводителя и составлять губернское сословное общество или корпорацию формально было признано за дворянством каждой губернии в жалованной грамоте этому сосло-

[34] *Написано над:* видели.
[35] *На полях:* Сыс[оев, с.] 205.
[36] *На полях:* Ст[атья, с.] 172 f.
[37] *Буквы* ее *зачеркнуты, и над ними написаны* ия.

вию, данной 21 апреля 1785 г. Эта грамота окончательно опредеп[ила] [38] и закрепила все права дворянства, как личные, так и корпоративные. Права личные, признанные за каждым дворянином, состояли в том, что он [39] признавался полным собственником своего недвижимого имущества с крепостным его населением включительно [40], не платил лично никаких податей и не нес рекрутской повинности, мог быть судим только себе равными, мог быть наказан только по суду, свободен от телесного наказания, без судебного приговора [41] не мог быть лишен своего звания, которое передает жене и детям; приговор по преступлению дворянина не мог быть исполнен без высочайшего утверждения. Права корпоративные состояли: в сословном самоуправлении и суде и в праве ходатайствовать перед верховной властью о нуждах сословия [42]. Введение губернских учреждений 1775 г. вместе с жалованной грамотой внесло [43] в дворянское общество, рассеявшееся по губерниям, большое оживление. Периодически, раз в три года, дворяне каждой губернии собирались, облеченные в сословный мундир [44], тогда же им пожалованный, в губернском (или уездных) городах и здесь производили выборы среди речей, пиров и увеселений, какими угощали их собратия, предводители и сам губернатор. Прислушиваясь к толкам и речам на этих дворянских съездах, иностранцы считали их опасными в политическом отношении: два француза, путешествовавшие по России в начале 1790-х годов, наслушавшись этих речей и толков [45], пророчили в своих путевых записках, что рано или поздно эти собрания непременно подадут сигнал к великой революции [46]. Это пророчество было совершенно [47] несбыточно по самому характеру, какой получили на деле сословное дворянское самоуправление и то участие [47] в местном губернском управлении, какое дано было дворянству Положением 1775 г. и грамотой 1785 г. Это участие выражалось главным образом в дворянских съездах и выборах на известные должности [48]. В губернском городе через каждые три года для местного дворянства наступала на несколько дней периодическая суета ораторская, избирательная и гастрономическая; но на дворянских собраниях не

[38] *Слово написано над:* выразила.
[39] *На полях:* передавал свое сословное достоинство жене и детям.
[40] *На полях:* фабрики и заводы с торговлей.
[41] *Над зачеркнутым:* обвинения.
[42] *На полях знак вопроса и текст:* Городовая грам[ота]. Н а р д [о в ⊕, с.] 126.
[43] *Буква* о *написана над зачеркнутой* п.
[44] *Позднее исправлено на:* сословные мундиры.
[45] *На полях:* Мысль Б[естужева]-Рюмина занять дворян местным управлением. Стат[ья, с.] 172 Ŀ.
[46] *На полях:* Преобладающее значение сословия по закону. С ы с [о е в, с.] 209 f.
[47–47] *Первоначально было:* неосновательно, но по тому характеру того сословного самоуправления и того участия.
[48] *На полях:* Статья [с.] 173 f, 174,*ɪ*.

читали ни докладов об общем положении дел в губернии, ни отчетов выборных должностных лиц о своих действиях за прослуженное трехлетие, не производилось ревизий и поверок их деятельности. Таким образом, дворянство не имело побуждения постоянно следить за положением дел в губернии и за ходом выборного управления [49]. Окончив выборы, дворяне разъезжались по своим усадьбам и до следующего съезда спокойно предавались своим домашним занятиям, зная своего уездного предводителя и капитана-исправника и мало заботясь о ходе дел в губернии [50]. Значит, участие в местном управлении не задавало дворянству серьезной работы, не было постоянным и ровно напряженным делом, а вспыхивало на короткое время, раз в три года; это было не сословное самоуправление, даже не наблюдение за ним, а только периодическая поставка выборных лиц на известные должности местного управления [51].

Но по крайней мере для сельских занятий дворянство имело полный досуг в крепостной деревне. Какое положение создалось здесь для сословия? Здесь, конечно, ему было больше серьезного [52] дела. С губернским городом его связывали вопросы управления, общественного порядка и сословного интереса, все вопросы более или менее отвлеченные. В деревне у каждого дворянина были интересы личные, жизненные и непосредственные; сельское хозяйство и власть над крепостными, как сельскохозяйствен[ными] [53] орудиями [54]. К тому же и вопрос о крепостном праве вступил тогда в новую фазу, усложняя отношение к нему дворянства. До закона 18 февр[аля] 1762 г. это право опиралось на обязательную службу дворянства, которая давала ему политический смысл и оправдание; неся служебную повинность, дворянин нуждался в труде крепостных рабочих, доставлявшем ему средства для службы. С отменой обязательной службы крепостное право теряло свой прежний смысл, становилось средством без цели, следствием без причины. Таким образом, вопрос об этом праве сам собою становился на очередь: нужно было или отменить это право, или дать ему новый смысл; во всяком случае, необходимо было точно определить взаимные отношения владельцев и крепостных. Эти отношения были тогда очень неопределенны и даже стали менее определенными, чем были прежде. Так, в XVII в. власть землевладельцев над крепостными была поставлена в известные границы: крепостные имели право жалобы на владельцев. Но эти границы в XVIII в. постепенно сти-

[49] *На полях:* Ст[атья, с.] 174,$_2$.

[50] *На полях:* Уездные [дворяне]. [Статья, с.] 171 f.

[51] *Далее приписано к строке:* Закрепление туземн[ых] фактов. Сысоев, с.] 218. Равнодушие сословия. Статья, [с.] 171 f, 172,$_3$⊕. *На полях:* Сыс[оев, с.] 214. Сложность и дор[оговизна администрации]. Более блеска, чем основ[ательно]сти. Фазы в полож[ении] дворянства. [Сысоев, с.] 218.

[52] *Слово написано над строкой.*

[53] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*

[54] *Далее зачеркнуто:* этого хозяйства.

рались. Влиятельные и компетентные люди указывали Екатерине с начала ее царствования на необходимость точного законодательства о крепостном праве. Так, гр[аф] Петр Панин в записке 1763 г. писал императрице, что следует ограничить беспредельную власть помещиков над крепостными, которые обременены непосильными поборами и работами. Панин настаивал на необходимости точно определить законом размеры крестьянских работ и оброков в пользу господ. Мы видели, что и в комиссии 1767 г. поднимались робкие голоса Коробьина и других депутатов об ограничении помещичьей власти. Но они были заглушены возражениями и требованиями расширить область и пределы крепостного права. Екатерина, которая принуждена была зачеркнуть в своем Наказе почти все, что было там написано против крепостного права, была смущена и раздражена этими требованиями и выразила это в одной резкой записочке, где читаем: «Если крепостного нельзя признать персоною, следовательно, он не человек; так его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано[55] будет. Все, что следует о рабе, есть следствие сего богоугодного[56] положения и совершенно для скотины и скотиною делано»[57]. Чтобы понять важность этого вопроса, достаточно припомнить, что по третьей ревизии, произведенной в начале царствования Екатерины, крепостных крестьян в великороссийских губерниях оказалось около 53% всего сельского населения.

Екатерина придумала такую цену мнениям защитников крепостного права, что ее законодательство не только не стеснило, но и расширило как область крепостного права, так и пределы помещичьей власти. Она продолжала жаловать в награду за службу населенные имения и раздала в частное владение[58] до 400 тыс. ревизских душ. Крепостное право распространено было при ней на области, где его прежде не было. В Малороссии до Екатерины продолжался переход крестьян от одного владельца к другому. Екатерина указом 1783 г. запретила этот переход и водворила в Малороссии крепостное право, захватившее здесь около миллиона вольных крестьян. С другой стороны, некоторые ее указы усиливали господскую власть над крепостными. В царствование Елизаветы с целью заселения Сибири разрешено было помещикам ссылать туда крепостных «на поселение за продерзостные поступки» без права возвращать их из ссылки. Екатерина указом 1765 г. превратила это право ссылки на поселение в право ссылать на каторгу с дозволением возвращать сосланных. Указом 22 авг[уста] 1767 г., изданным, следовательно, в то время, когда комиссия слушала статьи Наказа о свободе и равенстве, решительно воспрещены были жалобы крепостных на помещиков под страхом кнута и ссылки в каторжную работу без срока.

[55] *Буквы* при *написаны над* на.
[56] *Первоначально было:* благоугодного.
[57] *На полях:* Сол[овьев, т.] 27, пр[имечание] 74.
[58] *Первоначально было:* раздела частные владения.

В жалованной грамоте 1785 г. было предоставлено дворянству право полной собственности на его недвижимое имение со всем, что в нем находится, и таким образом молчаливо распространено это право и на крепостных людей, как на часть сельскохозяйственного инвентаря землевладельца. Таким образом, помещичья власть над крепостным, лишившись прежнего политического оправдания, стала при Екатерине в более широкие юридические пределы.

Это расширение власти поставило помещиков в новые отношения к крестьянам и создало им своеобразное землевладельческое положение.

Под покровом крепостного права сложилось у [59] русского дворянства очень своеобразное [60] сельское хозяйство. До половины XVIII в. обязательная служба дворянства не позволяла ему принимать непосредственное участие в сельском хозяйстве, входить в непосредственное сношение с крестьянами; живя постоянно в городах, дворяне возлагали ближайшие сельскохозяйственные заботы на своих приказчиков или старост [61]. Благодаря тому в помещичьем хозяйстве установилась до половины XVIII в. двоякая система эксплуатации имений — оброчная и барщинная. Где было выгодно, помещик эксплуатировал значительную часть своей земли посредством барщины, руками крепостных крестьян; в противном случае он отдавал почти всю свою землю крестьянам, обложив их оброком. До половины XVIII в. оброчная система если не преобладала над барщинной, то была распространена не меньше ее. Во второй половине века дворянство стало [62] свободно от обязательной службы: по расчету Екатерины, сделанному в 1780-х годах, из полумиллиона дворян только 10 тыс.[63] состояло на службе. Можно было ожидать, что сословие воспользуется своим досугом и непосредственно займется сельским хозяйством. В руках дворянства сосредоточивалось огромное количество самой производительной силы страны — земли, и поэтому сословию открывалась возможность стать руководителем народного хозяйства в России. Случилось как раз наоборот. Дворянство не только не покинуло оброчной системы хозяйства, но постепенно расширяло ее, устраняясь от непосредственного ведения своих сельскохозяйственных дел. Екатерина в своем Наказе пишет: «Все деревни почти на оброке». В конце ее царствования люди, знакомые с делом, жаловались на вредные [64] следствия, выходившие [65] для народного хозяйства из господства оброчной системы в помещичьих имениях. Легко понять причины этого торжества оброчного хозяйства над барщинным, т. е. побужде-

[59] *Первоначально было:* для.
[60] *Далее зачеркнуто:* крепостное.
[61] *Два слова написаны над строкой.*
[62] *Слово написано над зачеркнутым:* было.
[63] *На полях знак вопроса.*
[64] *Буквы* ые *написаны над зачеркнутыми* ое.
[65] *Буквы* ие *исправлены из* ее.

ния[66], заставлявшие дворян устраняться[67] от непосредственного руководства своим сельским хозяйством. Царствование Екатерины началось многочисленными местными восстаниями крестьян[68], которые потом слились в громадный Пугачевский бунт. Напуганные этими мятежами, дворяне в большинстве не решались покидать города, где чувствовали себя безопаснее. Другую причину указала Екатерина в своем Наказе: «Не быв вовсе или мало в деревнях своих, помещики обложат каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, несмотря на то, каким способом их крестьяне достанут сии деньги». Значит, оброчное хозяйство предпочиталось как наиболее удобное и вместе [с тем] как наиболее доходное: оно избавляло помещиков от всех мелких хозяйственных забот, связанных с непосредственной барщинной эксплуатацией имения, и от необходимости проводить бессонные ночи в деревне в ожидании крестьянского мятежа; вместе с тем при неограниченном праве помещика возвышать оброк оброчная система давала такой доход, какого при тогдашних условиях сельского хозяйства в России[69] и неподготовленности к делу самих землевл[адель]цев[69] помещик не мог бы получить от барщины. И так оправдалось мнение Волынского, который в 1730 г. думал, что дворяне, привыкши служить, а не заниматься сельским хозяйством, и по освобождении от обязательной службы не сумеют и даже не захотят им заниматься[70], а будут скорее разб[оем] и пристанодерж[ательством] хлеб себе добывать[70]. В продолжение всего царствования Екатерины душевой оброк постепенно возвышался, так что к концу этого царствования крепостная душа платила больше чем вдвое сравнительно с платежом в начале его.

Но чтобы обеспечить исправный платеж оброка крестьянами, нужно было установить строгое управление ими. Качество вотчинного управления измерялось доходностью вотчины: давало имение хороший доход — значит, оно хорошо управлялось. Вот почему все внимание дворян было обращено на устройство крестьянского управления. Закон давал им полный простор в этом отношении. Помещик был полным распорядителем крестьянского мира, населявшего его вотчину, наблюдал за благонравием и порядком среди него, являлся здесь властью законодательной и судебной, установлял общественные и хозяйственные отношения крестьян. Памятники XVIII в. сохранили нам обильные свидетельства о том, с какой свободой, часто с каким капризом помещики установляли эти отношения, судили и наказывали крестьян, распоряжались их трудом. Таким образом, помещики заняты были не столько операциями по разработке земли, сколько распо-

[66] *Слово написано над зачеркнутым:* причины.
[67] *Первоначально было:* уклоняться.
[68] *На полях:* Ст[атья, с.] 172 F ⊕.
[69–69] *Написано над строкой.*
[70–70] *Написано над строкой.*

ряжениями по управлению крестьянами. Заботы о развитии земледельческой культуры, о применении к земледелию усовершенствованных орудий и приемов постепенно отступали на задний план; задачей помещичьего хозяйства стало управление крестьянами, а не культура земли. Благодаря крепостному праву и даровому крепостному труду помещик, предназначенный стать образцовым агрономом и руководителем народного хозяйства, превратился в полицейского управителя крепостных душ. Даровой труд избавлял его от необходимости искать технических усовершенствований сельского хозяйства. Помещик эксплуатировал не землю с помощью крестьян, на ней живших, а крестьян посредством[71] земли, на которой они жили. Так русское дворянское землевладение благодаря крепостному праву превратилось в душевладение. Такой взгляд на себя начали усвоять и размышлявшие[72] лучшие помещики конца XVIII в.: они считали себя «наследственными чиновниками, которым правительство, дав землю для населения, вверило через то попечение о людях, на оной жить имеющих». Крепостное право, дав такое полицейское[73] направление[74] сельскому хозяйству в дворянских имениях, тем самым оказало вредное влияние и на хозяйственное положение дворянства. Благодаря даровому крестьянскому труду, каждая новая потребность помещичьего хозяйства удовлетворялась простым наложением новой работы на крестьян. Потому помещик не имел побуждения копить оборотный капитал, изобретать новые источники дохода посредством лучшей эксплуатации своего имения. Отсюда развились главные недостатки помещичьего хозяйства, существовавшие до самой отмены крепостного права: отсутствие бережливости, предприимчивости, предусмотрительности, равнодушие к усовершенствованным приемам земледелия, к техническим изобретениям в сельском хозяйстве других стран. Простор власти, возможность все получить даром, посредством простого приказа из конторы, заменяли оборотный капитал и сельскохозяйственные знания.

Далее, крепостное право оставило и крестьян без надлежащего технического руководства. Обложив крестьян оброком, помещик предоставлял обработку земли опытности самого крестьянина; он не приходил к последнему на помощь ни с техническим знанием, которого не имел сам, ни в[75] большинстве случаев с достаточным оборотным капиталом, которого не сберегал. Обложенные тяжелым оброком, крестьяне принуждены были обращаться к работам на стороне, к отхожим промыслам, чтобы восполнить недостаток своего сельскохозяйственного бюджета, и таким образом отрываться от семейств и домашних занятий. Во всем этом надобно видеть источник недостатков, какими до

[71] *Слово написано над зачеркнутым:* с помощью.
[72] *Слово написано над строкой.*
[73] *Слово написано над строкой.*
[74] *Слово исправлено из:* неправильное.
[75] *Слово написано над строкой.*

сих пор страдает сельское хозяйство у крестьян: отсюда их неуменье переходить от рутинных приемов земледелия к усовершенствованным, их наклонность пахать возможно больше и неуменье или неохота пахать лучше, их непривычка к интенсивному хозяйству и т. п. Такое положение создано было крепостным правом для дворянства в местном управлении и в сельском хозяйстве. Корпоративное устройство и сословные привилегии уединили его, вывели из состава русского общества, а крепостное право оставило его без живого дела и в деревне. Так дворянство стало в одно и то же время одиноко в обществе[76] и праздно дома[77]; это общественное уединение и этот домашний[78] досуг дворянства стали источниками[79], почвой, на которой выросли и распустились[79] нравы и вкусы, господствовавшие[80] в русском обществе во второй половине XVIII в. У зажиточного дворянства не было серьезного дела[81] ни в губернской[82] канцелярии, ни в вотчинной конторе; оставались кабинет и гостиная; здесь оно и изыскивало средства наполнить свой 24-часовой[83] досуг. Оно должно было заимствовать эти средства со стороны, из привычных уже источников западноевропейской культуры. Понятно, что именно[84] должно было понадобиться ему[85] из этого культурного запаса — это[86] предметы, удобные[87] для приятного размышления[88] в кабинете и для занимательного разговора в гостиной: все нетревожно[89]-меланхолическое, что способно вызвать досужее раздумье, идя с Запада, поступало в русск[ий][90] барский кабинет; все веселое, легкое, забавное[91], занимательное — в русск[ую][92] барскую гостиную. На это[93] и рассчитано было школьное и домашнее воспитание[94] сословия во второй половине века[95].

[76] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[77] *Слово написано над строкой.*
[78] *Слово написано над строкой.*
[79-79] *Написано над строкой.*
[80] *Первоначально было:* нравов и вкусов, господствовавших.
[81] *На полях:* дворянско[м] собр[ании].
[82] *Слово написано над строкой.*
[83] *Слово написано над строкой.*
[84] *Слово написано над зачеркнутым:* ему.
[85] *Слово написано над строкой.*
[86] *Слово написано над строкой.*
[87] *Слово написано над строкой.*
[88] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутыми:* меланхолического раздумья.
[89] *Слово написано над строкой.*
[90] *Слово написано над строкой.*
[91] *Слово написано над строкой.*
[92] *Слово написано над строкой.*
[93] *Первоначально было:* этом.
[94] *Первоначально было:* воспоминание.
[95] *Далее четыре с половиной строки оставлены чистыми.*

8-я лекция

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДВОРЯН

По школе всегда можно узнать, обладает ли общество установившимся взглядом на задачи образования. Не редко приходится слышать, будто школа должна учить тому, что пригодится в жизни. Где такое мнение получает господство, там, значит, взгляд на цели образования еще не установился; ведь такое мнение подчиняет школу вкусам, господствующим в данную минуту, делает учащегося слугой или жертвой временных потребностей взрослого общества; из учащейся молодежи приготовляется в школе живая, дрессированная сила, предназначенная для известного технического производства, в котором нуждается общество, или организованный инструмент, заменяющий механическую силу. Притом такое мнение лишает школу[1] всякой устойчивости, делая ее игрушкой случайных общественных поветрий. Когда обществом руководят деловые люди, они расположены придавать школе практическое направление, рассчитанное на ближайшие нужды времени; но станут руководителями общества веселые головы, которые провозгласят, что жить — значит вкушать радости жизни, и школа перестроится, превратится в танцевальный или музыкальный класс. Конечно, проще было бы установить обратное отношение школы к жизни — такое, чтобы не школа[2] учила тому, что потребуется в жизни, а жизнь требовала бы того, чему учит школа. Тогда и самый вопрос об отношении школы к жизни упразднился бы, школа заняла бы[3] твердое и достойное ее положение, стала бы не прислужницей, а воспитательницей и[4] руководительницей житейских вкусов и потребностей. Но это простое отношение установить всего труднее: школьный возраст плохо знает потребности взрослых, а взрослые не любят репетировать в жизни школьные уроки. Вообще, люди много думали о том, как приспособить школу к жизни, и очень мало задумывались над тем, как бы жизнь свою устроить так, чтобы к ней могла приспособиться школа.

Русские люди XVII—XVIII вв.[5] держались мысли о подчиненном отношении школы к жизни, и потому русской школе долго не удавалось выработать устойчивую программу[6]. Петр Великий мечтает о такой школе, из которой бы люди «во всякие потребы происходили», годились бы для удовлетворения насущных практических нужд государства и общества. Много забот и труда положил преобразователь на дело водворения в России технического, особенно военного, образования, надобившегося го-

[1] *Слово написано над строкой.*
[2] *Слово написано над строкой.*
[3] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[4] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[5] *Даты написаны над зачеркнутым:* прошлого века.
[6] *Далее знак сноски и текст на полях:* 1) Особый лист.

сударству, — артиллерийского, морского и инженерного. Проводником такого образования[7] предназначалось стать дворянству. Для обеспечения этого дела Петр указом 20 янв[аря] 1714 г. установил обязательное элементарное обучение для этого сословия с участием цифири (арифметики) и геометрии. Трудно представить себе, сколько хлопот наделала сословию эта учебная повинность. Казенных школ было мало или до них было далеко. Дворяне-родители должны были пробавляться подручными домашними средствами педагогии, о которых очень много занимательных и характерных известий сообщают в своих записках пользовавшиеся ими дворяне XVIII в.[8] Обыкновенно первоначальным[9] образователем дворянина средней руки был сельский грамотей-пономарь[10] или заштатный поп. В руках этих наставников розга была самым надежным педагогическим средством, лучше сказать, заменой всякой педагогики. Здесь учили читать по Часовнику и Псалтирю и реже кое-как писать. Майор Данилов, вспоминая в записках годы своего учения (1730-е годы), рассказывает случай, живо рисующий ход и средства тогдашнего дворянского образования[11]. Учась в Московской артиллерийской школе вместе с сотнями других дворянских детей и проходя раз мимо одного дома, он зазевался на каменного попугая, стоявшего на окне. Из окна выглянула барыня, которая, узнав, что он артиллерийский ученик, зазвала его в дом и просила поэкзаменовать ее сына, который тогда гонял шестом голубей. Узнав, что сын ее ничего не знает из арифметики, мать просила Данилова поселиться у нее и заниматься с ее сыном. Зять этой барыни, женатый на ее сестре, числился учеником в той же артиллерийской школе. Жена упросила Данилова перейти от сестры в ее дом, чтобы заниматься с ее мужем и с ним[12] вместе ездить в школу; но муж был «великий шалун», ничему учиться не хотел, выписался из школы в армейский полк и тем избавился от ученья. Впрочем, и казенные, технические школы были в уровень с домашними педагогами. У того же Данилова читаем любопытный рассказ об упомянутой Московской артиллерийской школе 1730-х годов; в ней не было ни порядка, ни надзора. Надзирал и[13] арифметике обучал в ней *штык-юнкер*, в третий раз судившийся по обвинению в убийстве. Он с трудом разбирал старую печатную арифметику Магницкого, но был человек вздорный, неприличный и редко приходил в школу трезвым. При таких педагогических средствах трудно было исполнить программу дворянского образования, начертанную Пет-

[7] *На полях:* Сюда 45 и сл.
[8] *Дата написана над:* прошлого.
[9] *На полях:* Сол[овьев, т.] 20. [М., 1870, с.] 229.
[10] *Слово написано над:* дьячок.
[11] *На полях стерто:* Сол[овьев, т.] 20. [с.] 230.
[12] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[13] *Два предыдущих слова написаны над строкой. На полях:* Сол[овьев, т.] 20, [с.] 230.

ром[14]. В ведомстве Адмиралтейства находилась, между прочим, Навигатская школа[15] в Москве на Сухаревой башне, где по штату 1731 г. должны были обучаться 100 дворянских недорослей; но этого числа учеников далеко не было налицо. В школу поступали дети[16] мелкопоместных или беспоместных дворян. В 1750 г. Адмиралтейская коллегия жаловалась Сенату, что, получая скудное содержание, бедные ученики «от босоты» не могли даже ходить в академию (так называлась школа), должны были искать себе средства для[17] пропитания на стороне. Так пало любимое детище Петра — Навигатская наука[18]. Морск[ой] шлях[етский] корпус[19]. Со смерти преобразователя при дворе и в обществе восторжествовали другие вкусы, и другие задачи поставлены были школе. До того времени эти задачи указывала ей обязательная служба дворянства. Но эта служба была снята с сословия, а обязательность учиться осталась на его плечах. С тех пор школа, освободившись от государственных требований, стала в рабскую зависимость от характера светской жизни, от вкусов и понятий, ею руководивших. Так как дворянство было образцом и законодателем в этой жизни, то и[20] школьное образование стало слугой вкусов и затей дворянского общежития, а это общежитие складывалось под влиянием положения, какое создалось к тому времени для дворянства указанными выше условиями. Став привилегированным сословием, уединенным от остального общества, и оставшись без серьезного общественного дела, сословие стало искать интересов, которые бы не дали ему погрязнуть в ежедневных дрязгах праздной жизни. Очутившись на воле, дворянское образованное общество стало подумывать о том, как бы государственную повинность учиться превратить в искусство посредством учения наполнять безграничный досуг. Когда люди из высшего класса теряют из вида живые общие интересы и перестают принимать прямое участие в жизни остального общества, тогда они создают себе искусственное общежитие, которое наполняют призрачными интересами и в котором действительность становится грезами, а грезы принимаются за действительность. Разумеется, в таком общежитии для борьбы с досугом всего удобнее было сделать предметом изучения обширную область приятного. Тогда усилился в русском цивилизованном обществе спрос на изящные украшения жизни, на эстетические развлечения. С той минуты художества стали главным предметом изучения для него, эстетика, особенно низшая, три-

[14] *На полях:* Старые записки, стр. 167.
[15] *На полях:* Сол[овьев, т.] 23, [М., 1873, с.] 343; [т.] 22 [М., 1872, с.] 334.
[16] *Слово написано над строкой.*
[17] *Над строкой:* к.
[18] *Четыре предыдущих фразы взяты в скобки. На полях:* Сол[овьев, т.] 23, [с.] 344.
[19] *Три предыдущих слова приписаны на строке.*
[20] *Слово написано над строкой.*

виальная — его высшей наукой[21]. Западная Европа давала обширный материал для такого изучения. Случилось так, что вступление на престол императрицы Елизаветы было падением немецкого владычества при русском дворе, но вслед[ствие][22] этого падения иноземное владычество сменилось иноземным же, именно французским влиянием. Французский язык, французские моды и манеры начали проникать в дворянскую среду, украшая ее общежитие. В запас новых вкусов с того времени и театр стал важным житейским интересом; вкус к спектаклям усилился при дворе и в высшем обществе. Припомним, что это было время, когда в Петербурге наряду с иноземными театрами, драматическим и оперным, впервые основался благодаря трагедиям[23] Сумарокова и трудам актера Волкова[24] русский театр и даже стали заводиться театры провинциальные. Но чтобы получить возможность пользоваться этими эстетическими удобствами, заимствованными, накладными, как тогдашние светские парики, но все же[25] украшавшими жизнь, как парики украшали физиономии, для этого необходима была некоторая подготовка, хотя бы элементарная, некоторое[26] общее образование; нельзя же было прочувствовать эстетическим созерцанием Венеру Милосскую, не зная ничего из греческой мифологии. Так тон и вкус общежития указали задачу и направление школы в[27] половине века. Она должна была подготовлять русское общество пользоваться благами искусства и светского общежития. Тогда и понадобилось научное образование, но только в эстетической дозе, не более того, сколько было нужно для понимания, хотя бы и поверхностного, предметов музея изящных искусств: учиться, чтобы уметь вращаться в свете и наслаждаться, и учиться не более того, сколько нужно, чтобы уметь наслаждаться, вращаясь в свете; такая задача была поставлена русской школе образованным обществом[28]. Тогда мир божий получил в этом обществе значение кунсткамеры, а людская жизнь представилась ему базаром развлечений и источником средств для возбуждения художественного вкуса. Любопытно видеть, какая учебная программа составлена была для исполнения такой прихотливой задачи общего образования, как и чему учили, чтобы только научить умело развлекаться в свете. Эстетическая цель общего образования разрешилась в две[29] практические задачи домашнего и школьного воспитания: 1) усвоить искусства, украшающие общежитие, делающие человека приятным в обществе; 2) приобрести знания, украшающие ум, делающие его приятным для его обла-

[21] *На полях знак вопроса.*
[22] *Слово написано над строкой.*
[23] *Первоначально было:* традициям.
[24] *Написано над:* Дмитревского.
[25] *Над зачеркнутым:* не.
[26] *Слово написано над строкой.*
[27] *Слово написано над зачеркнутым:* второй.
[28] *Текст после двоеточия отчеркнут на полях.*
[29] *Слово написано над строкой.*

дателя. Таковы были основные задачи высшего общего образования в русских школах, возникших после Петра. Первые опыты такого образования давали мало надежды на успешное достижение сейчас указанных целей. Первым рассадником гуманитарного, не технического образования была открытая по смерти Петра, но по его плану в 1726 г. Академия наук. Ради дешевизны при этой Академии учреждены были и учебные заведения — университет, который должен был готовить ученых мужей для Академии, и гимназия для приготовления студентов этого университета. В академическую гимназию по ее открытии принято было более 100 [30] учеников; в ней предполагалось учить детей с шестилетнего возраста. Преподавание вели преимущественно немцы на латинском или немецком языке; в младших классах специально преподавался немецкий язык только для того, чтобы приготовить учеников к изучению наук в дальнейших классах. Первоначально нашлось много охотников учиться в гимназии из высших слоев [31] русского общества, тем более что гимназия обещала обучать не только наукам, но [32] и обхождению в свете. Но потом грубость и неумелость преподавателей охладили в обществе охоту отдавать туда своих детей [33], так что туда начали поступать только дети солдат и т. п. Гимназия готовила студентов в академический университет, имевший целью готовить ученых людей и учителей для предполагавшихся средних учебных заведений. Но и в университет не охотно шли вольные слушатели, так что иногда профессоров бывало больше, чем студентов. Пришлось набирать студентов из семинаристов, привлекая их стипендиями; но и те не ходили на лекции или сами профессора не читали их [34]. Раз сами студенты подали высшему академическому начальству жалобу на нерадение профессоров [35]. После того по распоряжению начальства [35] профессора почитали им, потом поэкзаменовали их, выдали аттестаты и выпустили из университета. Раз для того, чтобы приохотить общество к университету, при нем открыты были публичные лекции физики и анатомии; публика послушала этих лекций, но недели через две эти науки наскучили [36] ей, и аудитории университета вновь опустели. Неудача происходила от недостатка [37] любознательности [38] в [39] публике и занимательности самого преподавания. В одно время даже танцмейстер преподавал в университете геометрию. Университетские управители и преподаватели отличались грубостью обращения со студентами, доходившей до се-

[30] *Цифра подчеркнута и на полях:* 112.
[31] *Написано над:* классов.
[32] *Слово написано над строкой.*
[33] *Слово написано над зачеркнутым:* сыновей.
[34] *Далее зачеркнуто:* Так что.
[35–35] *Написано дважды и зачеркнуто.*
[36] *Первоначально было:* эта наука наскучила.
[37] *Далее зачеркнуто:* и.
[38] *Слово написано над строкой.*
[39] *Буква* е *исправлена из* и.

чения последних[40]; студенты отвечали на это невероятной грубостью поведения[41]. Все это оправдывает отзыв Ломоносова об академическом университете, который, по его словам, ниже образа и подобия университета не имел. Вот почему Московский университет, открытый в 1755 г. при[42] участии того же Ломоносова, не теряет права называться старейшим университетом в России, несмотря на более раннее номинальное[43] существование университета академического. Но и в этом университете учебное дело долго не могло наладиться[44] и давало очень тощие плоды. Лекции и здесь читались на французском или латинском языке. По-русски с 1767 г.[45] Люди высшего дворянского общества находили, что в этом университете не только нельзя чему-либо научиться, но можно утратить и добропорядочные манеры. В первое время по открытии в университете числилось 100 студентов; тридцать лет спустя их было всего 82; в 1765 г. на юридическом факультете числился всего 1 студент[46] и 8 лет [числился] 1 профессор-юрист[46]; только через 13 лет[47] на открытии, в 1768 г., студент этого университета впервые[48] получил ученую степень доктора[49]. Екатерина напрасно пыталась оживить преподавание в университете, усиливая его средства, жалуя ему даже деревни с крепостными крестьянами. При Московском университете, как и при Академии наук, учреждена была гимназия, даже с параллельными классами для дворян и для разночинцев, рядом с которыми дворяне не хотели сажать своих детей в школе. Но и в этой гимназии преподавание шло на французском и немецком языках и шло не лучше петербургской академической[50].

Общее образование в XVIII в. не привилось к общеобразовательным учебным заведениям по причине очень понятной: с общим образованием в понятиях тогдашних людей[51] неразрывно связан был курс светских приличий, которых не преподавали в этих заведениях[52]. Но общее образование, как его тогда у нас понимали, свило себе гнездо там, где, по-видимому, оно всего

[40] *На полях:* Покров. Хр. XI, 250.

[41] *На полях:* Росс[ийское] собрание при Ак[адемии] наук. Сол[овьев, т.] 20, [с.] 245.

[42] *На полях:* Основание. Сол[овьев, т.] 23, [с.] 336; [т.] 26, [М., 1876, с.] 309.

[43] *Слово написано над строкой.*

[44] *Первоначально было:* насладиться.

[45] *Фраза написана на полях. Далее:* Галах[ов, т. 1, с.] 537.

[46–46] *Написано над строкой.*

[47] *На полях:* Сол[овьев, т.] 26, [с.] 309 и сл. Два русск[их] проф[ессора] — Поповский (перев[одчик] «Опыта о ч[е]л[о]веке» Попе) и Барсов.
Вырезки.
Москов[ские] гимназии Ib, [с.] 310.

[48] *Написано над словом:* первый.

[49] *Далее зачеркнуто:* медицины.

[50] *На полях:* Казанская, Ibid, [с.] 316.

[51] *Четыре предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* тогда.

[52] *На полях:* Однако в Казанской.

труднее могло найти себе приют, в специальных военно-учебных заведениях. То были кадетские корпуса: сухопутный шляхетский, основанный в 1731 г.[53], морской[54] и соединен[ный][55] артиллерийский и инженерный[56], возникший при Елизавете. Это были специально дворянские приюты, дававшие служебные права окончившим в них курс. Не следует думать, что это были специальные военно-учебные заведения, как можно было бы предполагать по их названиям. По программе сухопутного шляхетского корпуса военными упражнениями занимались здесь только один день в неделю, чтобы в «обучении другим наукам препятствия не было». Программа корпусного преподавания была удивительно широка: сверх начальной математики, грамматики и др[угих] элементарных наук кадеты изучали еще риторику, философию, юриспруденцию, государственную экономию, историю, геральдику, фортификацию, артиллерию, географию, навтику (мореплавание), гравирование, живопись, даже «делание статуй» (скульптуру), а со времени Сумарокова к этим художествам прибавилось еще сценическое искусство[57].

Над этой программой недаром острили в то время, что из корпусов выходили офицеры, знавшие всё, что угодно, кроме того, что было нужно. Впрочем, и всё, что угодно, знали довольно поверхностно[58]. В сухопутном шляхетском корпусе обучались недоросли в возрасте от 5 л[ет] [до] 21 г[ода][59], разделенные на пять классов, по три года в каждом, и с особыми программами для каждого класса. В младшем классе[60], от 5 до 8 л[ет][60], на русский язык назначено было 6 часов в неделю, на танцы — столько же, на закон божий — ни одного, на французский язык — 14 часов. В третьем классе, где учился возраст от 12 [до] 15 л[ет], должно было проходить, между прочим, хронологию и историю; но хронологии не изучали потому, что она входит в историю, а истории не изучали потому, что не знали географии, которая проходилась в предшествующем классе, и там ее не проходили «ради слабого понятия учеников и употребления бо́льшего времени на изучение языков». Так казенная школа, уступая вкусам общества, усвоила себе широкую, но не деловую программу, направленную к изучению того, что требовалось не на службе, а в[61] светской гостиной. Эти вкусы общества особенно наглядно выразились в переводной книжке, служившей учебником общего образования, как его тогда у нас понимали, и носив-

[53] *Далее зачеркнуто:* и.
[54] *На полях:* Сол[овьев, т.] 22, [с.] 333.
[55] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[56] *На полях:* Основ[ан в] 1760 [г.] Сол[овьев, т.] 26, [с.] 317.
[57] *Далее приписано на строке:* Сол[овьев, т.] 23, [с.] 351; Гал[а]х[ов, т.] 1, [с.] 365 и сл. *На полях:* Недостаток учителей и публикация морск[ого] корп[уса] 1763 [г.] Сол[овьев, т.] 26, [с.] 317.
[58] *Далее значок:* ± *На полях:* ± Далее [с.] 243 Z.
[59] *На полях:* К Екатер[ине] II.
[60–60] *Написано над строкой.*
[61] *Слово написано над строкой.*

шей заглавие «*Юности честное зерцало*, или показание к житейскому обхождению». В этом руководстве для воспитания молодых людей, желавших стать образованными[62], изданном[63] еще при Петре и перепечатанном[64] при Елизавете[65], вслед за азбукой и счислением излагались «правила обхождения». Целью воспитания поставлено было не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется. В числе правил о том, как держать себя в обществе, читаем такие наставления: сидя за столом[66], на стол не опираться; руками[67] по столу не[68] колобродить; есть смирно; со слугами не сообщаться; губ рукой не обтирать; перстов не облизывать; ножом зубов не чистить; над блюдом, как свинья, не чавкать; не проглотя куска, не говорить; повеся голову и потупя глаза, по улице не ходить; на людей косо не заглядывать, глядеть весело и приятно с[69] благообразным постоянством; в сапогах не танцевать; среди зала не плевать[70] и т. п. Учебник этот должен был выработать совершенного молодого шляхтича, искусного в языках, конной езде, танцевании, шпажной битве и в уменье вести добрый разговор. Три добродетели должны украшать благовоспитанного шляхтича: приветливость, учтивость и смирение. В заключение руководства изложены двадцать добродетелей, которыми должны украшаться благовоспитанные девицы[71]. С этим образовательным идеалом сообразовались и частные учебные заведения[72], и общеобраз[овательные] школы — Казан[ская] гимн[азия][72], пансионы, которые стали возникать в царствование Елизаветы. Смоленский дворянин Энгельгардт в записках своих рисует один такой пансион, в котором он учился в 1770-х годах, — пансион некоего Эллерта в Смоленске. Содержатель Эллерт был человек невежественный в науках; его учебная программа состояла в поверхностном, беглом преподавании всяких наук: математики, грамматики, закона божия, истории, мифологии и пр. Всего успешнее изучался только французский язык; воспитанникам запрещалось под страхом жестокого наказания говорить на каком-либо[73] другом языке. Эллерт был педагог свирепый, «совершенный тиран», по выражению Энгельгардта: за одно русское слово наказывали по руке линейкой из толстой подошвенной кожи. В пансионе много было

[62] *Далее написано над строкой:* Оно. *На полях:* Испр[авить].
[63] *Позднее исправлено на:* издано.
[64] *Позднее исправлено на:* перепечатано.
[65] *Написано над строкой:* Здесь.
[66] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[67] *Далее зачеркнуто:* и ногами.
[68] *Слово написано над строкой.*
[69] *Слово написано над зачеркнутым:* за.
[70] *Четыре предыдущих слова написаны над строкой.*
[71] *На полях:* Z
[72–72] *Написано над строкой. На полях:* Сол[овьев, т.] 26, [с.] 319 сл. Домаш[нее] обучение. [с.] 316. — Пансион каторжника Розе в Оренбурге. Объявление 1753 г. в «Петерб[ургских] в[едомостях]». С[оловьев, т.] 23, [с.] 344.
[73] *Слово написано над строкой.*

изуродованных учеников; однако заведение было всегда полно, хотя за обучение брали довольно дорого, по 100 р[ублей] (около 500[74] на наши деньги). Два раза в неделю в пансионе бывал танцкласс, на который съезжались из города и окрестных деревень девицы-дворянки, чтобы изучать менуэт и контрдансы. За обучение танцам Эллерт брал по 30 р[ублей] с каждой пары ног. Он не церемонился и с своими ученицами: раз при всех отбил руки о спинку стула одной девице за непонятливость.

Высший слой дворянства воспитывал своих[75] детей дома. Воспитателем в знатном русском дворянском доме сперва был обыкновенно немец, а в царствование Елизаветы его стал заменять француз: это был столь памятный в истории нашего образования французский гувернер или «учитель»[76]. Ко времени Елизаветы относится первый усиленный привоз этих воспитателей. То были, по свидетельству современников, недалекие педагоги, часто из людей, промышлявших низшими ремеслами и нередко очень подозрительного поведения, убегавшие в Россию, чтобы спастись от отечественной полиции. На их невежество жалуется указ 12 янв[аря] 1755 г. об учреждении Московского университета. В Москве, читаем мы здесь, у помещиков находится на дорогом содержании великое число учителей, из которых бóльшая часть не только наукам учить не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют; иные, не сыскавши лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали. Указ признает необходимым заменить этих негодных привозных воспитателей достойными и сведущими[77] в науках «национальными людьми». Но воспитателей из[78] «национальных людей» было очень мало, как можно судить по описанному состоянию обоих университетов, старого академического и новооткрытого московского. Вот почему дворяне долго должны были пробавляться привозными гувернерами, которые по крайней мере распространяли в высшем дворянском кругу знакомство с французским языком, служившим тогда главным средством образования[79]. Такое направление получило дворянское воспитание к половине XVIII в. Не трудно догадаться, какие понятия, чувства и манеры оно прививало. Образование, полученное в отечестве, многие довершали поездками за границу[80], преимущественно во Францию; но там искали не пополнения пробелов знаний, а новой пищи для вкусов, развитых домашним воспитанием и окружающей средой. Один иноземный наблюдатель, англичанин Макартней, бывший в России в начале царствования Екатерины, замечает, что русские дво-

[74] *Написано над:* 700.
[75] *Слово написано на полях.*
[76] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[77] *Далее зачеркнуто:* людьми.
[78] *Слово написано над строкой.*
[79] *Далее значок синим карандашом:* Г
[80] *На полях:* При Петре. Кн[язь] Голицын [в] 1711 [г.], стр. 41.

ряне, путешествуя во Францию для дополнения своего образования, при невежестве своем бросаются там на все, что действует на воображение, и воспламеняет страсти. На то же самое жаловались и русские наблюдатели дворянских нравов. Так, в журнале «Трутень» 1770 г. писали, что русские молодые люди вывозили из чужих земель только сведения о том, как там одеваются, какие бывают зрелища и другие[81] увеселения, и никто не расскажет о нравах, учреждениях и законах просвещенных народов. Тот же журнал раньше в своих сатирических объявлениях поместил такую публикацию: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и[82] воротился уже совершенною свиньей, желающие могут безденежно видеть по многим улицам сего города». Других плодов и трудно было ожидать от этих увеселительных, а не воспитательных заграничных поездок.

Какое общежитие могло сложиться среди людей, получивших такое воспитание?

9-я лекция

БЫТ И НРАВЫ РУССКОГО СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Мы видели, какова была судьба первых русских школ, возникавших[1] при Петре Великом и после него. Военно-гражданская техническая школа Петра с программой, рассчитанной на нужды дворянской[2] службы, пала вскоре после преобразователя. Тогда почувствовалась потребность в общеобразовательных учебных заведениях; но и такая школа, предназначенная также преимущественно для дворянства как проводника западноевропейского образования долго терпела неудачу. С конца[3] первой половины XVIII в. стало обнаруживаться влияние складывавшейся светской жизни на эту школу: заметно было, что в ней удавались только те части общеобразовательной программы, которые были нужны для этой жизни и на которые[4] был усиленный[5] спрос в светском обществе. То были иностранные языки, особенно французский, танцы, светские приличия[6], вкус к художествам; все это составляло первую часть прививавшегося в русском обществе эстетического воспитания, направленную к украшению

[81] *Слово написано над строкой.*
[82] *Далее зачеркнуто:* который.

[1] *Первоначально было:* возникших.
[2] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* потребности.
[3] *Слово написано над строкой.*
[4] *Буквы* ые *написаны над зачеркнутыми* ую.
[5] *Слово написано над строкой.*
[6] *На полях:* Мессельер ⊕.

общежития.[7] Столь одностор[оннее] направление образование получило[7] потому, что движущей пружиной как воспитания, так и общежития было стремление к развлечению, которое наполняло бы досуг. При содействии такого воспитания сложился к половине XVIII в. своеобразный тип светского общежития, первый, который можно назвать русско-европейским.

Этому складу общежития подчинилось высшее дворянство обеих столиц и частию больших губернских городов; медленнее прививался он в сельской дворянской среде. На остальные классы это дворянское общежитие действовало лишь косвенно, как образец, или даже вызывало порицание, как отступничество от родных обычаев. Этот склад оставался господствующим до конца века: новые интересы, вошедшие в его состав во второй половине столетия, не изменили его характера, а только усложнили его сценарий[8], ввели в него новые роли. В этом общежитии надобно видеть самое[9] цельное[10] выражение западного влияния, как оно подействовало на русское образованное общество около полов[ины][11] XVIII в., — на целое общество, а не на отдельные лица[12]. Далее обозначаются различ[ные] направления; образов[авшееся] течение разбив[ается] на струи, расходящ[иеся] в разн[ые] стороны. Это общежитие[12], следовательно, и должно служить основанием для суждения о том, как дворянство того века[13] исполнило свою культурную миссию. Светскую жизнь того времени надобно ценить по господствовавшим в ней правилам и интересам. Правила указывались интересами, а интересы или вкусы подсказывались общей жаждой развлечений. Внешняя обстановка, развитие роскоши, комфорт материальный, а потом и духовный, точнее эстетический, доставлявший средства веселого настроения, — вот в чем замечался постоянный успех и над чем настойчиво работало образованное русское общество XVIII в.

Успехи в таких предметах, достигнутые русским обществом в первой половине XVIII в., составляли любимое содержание воспоминаний для светских людей во вторую его половину. Тогдашнее великосветское общество питалось салонными россказнями о том, кто ввел в употребление шампанское[14] в России или кто первый заменил сальные свечи белыми восковыми, о том, что граф Алексей Григорьевич Разумовский стал первый носить бриллиантовые пуговицы и что английское пиво, прежде неизвестное в России введено было в употребление гр[афиней] Анной Карловной Воронцовой и т. п. Но первым героем

[7–7] *Написано над зачеркнутым:* Это.
[8] *Слово написано над строкой.*
[9] *На полях знак вопроса.*
[10] *Написано над:* полное.
[11] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[12–12] *Написано на полях.*
[13] *Слово написано над зачеркнутым:* времени.
[14] Буквы ое *написаны над зачеркнутыми* ого.

этих рассказов был деловой, всемогущий, даровитый, роскошный и непутный генерал-фельдцейхмейстер императрицы Елизаветы гр[аф] Петр Иванович Шувалов. Все самое дорогое и вкусное соединялось в его доме; он первый в России не только стал кушать ананасы, но и завел большую ананасовую оранжерею; даже, наскучив обыкновенными иностранными винами, к ужасу истинных гастрономов, стал дома приготовлять вино из ананасов; экипаж его блистал золотом, и он первый завел целую упряжку дорогих английских лошадей; бриллиантовые пуговицы его кафтана были дороже, чем у гр[афа] Разумовского. Одним словом, заключали рассказчики, этот роскошный министр, имея более 400 тыс. тогдашних рублей [около 2 млн. нынешних] дохода, получавшегося из разных открытых и скрытых источников, ухитрился оставить после своей смерти долгов одной казне более миллиона рублей. Мелочная новинка, введенная в великосветское общежитие, разумеется привозная, создавала надолго великосветскую известность виновнику или виновнице нововведения, и в столичных гостиных долго не смолкали об них толки. В царствование Елизаветы барышни Чернышевы привезли из Лондона[15] и ввели в Петербурге английские контрадансы, и это сделало их видными особами в большом свете. Разумеется, в числе увеселений видное место рядом с балами занимали театральные зрелища. Тогда[16] театр впервые стал серьезным интересом для русского образованного общества и ему приписывали не только увеселительное, но и образовательное значение.

Спешу оговориться: я веду речь не о самом театре, а только об отношении русского светского общества XVIII[17] в. к театру и не хочу сказать ничего дурного ни о том, ни о другом[18], ни о самом театре, ни о р[усском] обществе, но не могу признать правильным этого отношения[18]. Я далек от мысли отрицать образовательное значение театра. Задача[19] театральной сцены, разумеется, смягчать и исправлять нравы, но всегда ли партер смотрит на сцену с желанием смягчаться и исправляться? Обыкновенно драматический театр приковывает к себе удовольствием, какое доставляет зрителю возможность взглянуть глазом стороннего наблюдателя на сутолоку жизни, в которой он сам ежедневно толчется как действующее лицо: драма для зрителя поучительна[20], как воспоминание, разыгранное перед ним в живых лицах и картинах. Но бывают времена, когда это эстетическое развлечение или назидательное наблюдение превращается в патологическое влечение, становится своего рода художественной болезнью. Это бывает обыкновенно тогда, когда люди скучают жизнью, пренебрегают ее насущными, деловыми[21] интересами и

[15] *Написано над:* из-за границы.
[16] *Слово написано над строкой.*
[17] *Слово написано над зачеркнутым:* прошлого.
[18–18] *Написано на полях.*
[19] *Слово написано над зачеркнутым:* Цель.
[20] *Далее зачеркнуто:* для него.
[21] *Слово написано над строкой.*

теряют охоту принимать в ней деятельное участие. Эта скука или безучастие к[22] жизни может происходить от двух причин: или от того, что люди, не понимая[23] наличного житейского порядка[24], чувствуют себя в нем неловко или тяжело и, не зная, как поправить свое отношение к нему[24], в унынии теряют житейскую энергию, или от того, что этот порядок представляет большинству[25] ниже его[26] умственного и нравственного уровня[27], а интересы, которые еще держатся в житейском обороте[28], кажутся износившимися, измельчавшими, не способными более[28] питать дух. Словом, люди становятся равнодушны к окружающей их дей[ствительно]сти, когда, не понимая ее, не знают, что делать, или, презирая ее, не хотят ничего делать (трагедия)[29]. Разлад с действит[ельно]стью[30] в том и другом случае гонит зрителя в театр, и тогда театральная сцена получает неподобающее значение. Тогда[31] зритель ждет от сцены не того, чтобы она художественно воспроизвела и объяснила ему его житейские воспоминания и наблюдения, а того, чтобы она помогла ему забыться[32] от скучных[33] житейских впечатлений. Стереоскопическая пародия[34] жизни, разыгрываемая[35] на сцене, заменяет для него самую жизнь, гримированный призрак принимается за действительный живой образ. Той или другой причиной скуки условливается и любимый род сценической драмы. Когда житейский порядок выше понимания театральной публики[36] и тяготит ее своей загадочностью[36], она[37] с досады и для облегчения чувства своего бессилия перед ним[37] расположена смеяться над отдельными его явлениями, доступными ее пониманию, и ищет на сцене карикатуры. Театр[альный] смех облегчает ему [зрителю переносить] гнет его уныния, стыд жить, непонимания[38]. Когда житейский[39] порядок ниже[40] понимания зрителя[41], он презирает самые его основы[42], но, не зная, как его поправить, поднять, проникается пренебрежитель-

[22] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[23] *Слово написано над зачеркнутым:* чувствуя себя ниже.
[24–24] *Написано над зачеркнутым:* и не понимая его.
[25] *Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым:* становится.
[26] *Слово написано над строкой.*
[27] *Далее зачеркнуто:* большинства.
[28–28] *Написано над зачеркнутым:* изнашиваются, мельчают и перестают.
[29] *Фраза написана на полях.*
[30] *Слово написано над:* жизнью.
[31] *Слово написано над строкой.*
[32] Первоначально было: заботиться.
[33] *Слово написано над строкой.*
[34] *Первоначально было:* стереоскопическое пародие.
[35] *Буквы* ая *написаны над зачеркнутыми* ое.
[36–36] *Написано над строкой.*
[37–37] *Написано на полях.*
[38] *Фраза написана на полях.*
[39] *Слово написано над строкой.*
[40] *Далее зачеркнуто:* ее.
[41] *Слово написано над строкой.*
[42–42] *Написано над зачеркнутым:* и требует.

ной скорбью о его непоправимости и требует [42] от сцены высоких [43] идеалов [44], которые помогли бы ему хотя в партере с биноклем в руках пожить настоящей, достойной его жизнью, какой он не находит ни дома, ни в обществе. Порицание «Хорева» за добродетель [44] ⊕. В первом случае на сцене господствует репертуар комический, во втором — трагический; но в обоих случаях неумеренное владычество театральной сцены служит признаком либо пустоты зрителя, либо пустоты жизни [45]. Сцена оживляется, когда мертвеет жизнь, и наоборот.

Театр при Елизавете [45]. Важное госуд[арственное] учреждение [46].

Один иноземный наблюдатель русского светского общества времен Екатерины II вскрывает нам его театральные вкусы. Они особенно выразительно сказывались в дамах. Русские дамы такие умные и любезные, имеют много вкуса к художествам. Они весело смеются, смотря хорошую комедию, тонко понимают каждую фальшивую черту, каждый двусмысленный намек и аплодируют блестящему стиху; но черты чувства в драме для них совсем пропадают; трагедия не извлечет слезы из их глаз; на [47] *«Антигону»* или *«Заиру»* — трагедии [48], заставлявшие плакать западноевропейских зрительниц, русские мамаши и дочки в Петербурге смотрят совершенно сухим глазом [49]. При таком направлении вкуса театр, страсть к которому развилась в русском обществе еще до половины XVIII в., мог стать источником только простого, привычного [50] развлечения, больше физической [51], материальной, чем духовной потребностью, подобно чаю [52] или моциону. Театр занимал как балаган [53]. Таким изображается театр [54] в известиях того времени, когда он привлекал к себе великосветское общество с особенной силой, когда светские люди чувствовали ежедневный позыв побывать то во французском комическом театре, то в итальянском оперном или даже заглянуть на русскую драму.

При таком направлении вкуса заняла видное и влиятельное положение в обществе светская русская женщина [55].

[43] *Слово написано над строкой.*
[44–44] *Написано на полях. Далее:* Сол[овьев, т.] 23, [с.] 356.
[45–45] *Написано на полях. Далее:* Г[а]л[а]х[ов, т. 1, с.] 356; Сол[овьев, т.] 23, [с.] 350.
[46] *Три предыдущих слова написаны на полях.*
[47] *Слово написано над зачеркнутым:* Номеропол.
[48] *Слово написано над строкой.*
[49] *На полях зачеркнуто:* Значит ниже действ[ительно]сти зрителей. *Далее на полях:* Новое сочетание.
[50] *Слово написано над строкой.*
[51] *Слово написано над строкой.*
[52] *Написано над:* обеду.
[53] *Фраза написана на полях.*
[54] *Написано над:* он.
[55] *Далее зачеркнуто:* Вступая в жизнь прямо из крепостной девичьей и из-под рук француженки-гувернантки.

Иноземные наблюдатели яркими чертами рисуют это[56] влиятельное положение женщины в русском светском обществе во второй половине XVIII в. Женщины давали тон светской жизни, вмешивались в дела мужей и давали им направление. Но это *женовластие* не подняло женщины в свете, а только повело к расстройству семейной[57] жизни. Вступая в свет[58] прямо из крепостной девичьей и из-под рук франц[уж]енки-гувернантки[58], женщина расставалась с семьей: это печальный факт, отмеченный наблюдателями[59]. Согласно вкусам века она приносила в свет балетное совершенство рук, ног, плеч, глаз, но освобождалась от уз, налагаемых семейными обязанностями и привязанностями. В девичьей и в учебной комнате от няньки и[60] гувернантки она узнавала тайны жизни прежде, чем успевала в нее вступить; по вступлении в нее ей оставалось только разыгрывать[61] на деле заученное прежде и дожидаться[62] обычного[63] эпилога. Брак для нее был союзом, державшимся[64] только на[65] совместн[ом] жительстве под одною кровлей[65]; хорошо еще, если из него выходила хоть дружба.

На почве, созданной таким воспитанием и общежитием, выросли два типические представителя русского дворянского общества XVIII в.: это *петиметр и кокетка.* Сатира и комедия XVIII в. очень ярко изобразили оба эти цветка тогдашнего модного света. Петиметр — кавалер, воспитанный по правилам *«Юности честного зерцала»* и довершивший воспитание под руководством француза. Все русское для него не существует или существует только как предмет презрения или сожаления[66]. Русский язык он презирает столько же, как и немецкий. В одной комедии Сумарокова [«Чудовищи»] петиметр, услыхав об Уложении ц[аря] А[лексея] М[ихайловича][67], говорит: «Уложение! Что это за зверь? Я не только не хочу знать русские права, я бы и русского языка знать не хотел: скаредный язык! Для чего я родился русским? .. Научиться как одеться, как надеть шляпу, как открыть табакерку, как нюхать табак, стоит целого века, и я этому формально учился[68], чтобы мог я тем отечеству

[56] *Слово написано над строкой.*
[57] *Над зачеркнутым:* домашней.
[58–58] *Написано на полях.*
[59] *На полях:* Отзыв Макартнея. «Разговор у кн[ягини] Халдиной» Фонвиз[ина — См. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866, с.] 253. (*Далее:* Фонвизин). *Далее красным карандашом:* 3).
[60] *Слово написано над строкой.*
[61] *Первоначально было:* разыграть.
[62] *Первоначально было:* дождаться.
[63] *Слово написано над строкой.*
[64] *Буквы* имся *написаны над зачеркнутыми* агося.
[65–65] *Написано над зачеркнутым:* соглашении.
[66] *На полях:* «Бригадир» [См.: Фонвизин с.] 19 и 21.
[67] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*
[68] *Первоначально было:* научился.

своему делать услуги»[69]. «Конечно, это обезьяна, только не здешняя», — сказал слушавший петиметра Арлекин. Кокетка — светская дама; мы назвали бы ее родной сестрой петиметра, если бы между ними всегда существовали только братские отношения. По отзыву иноземных наблюдателей, только во Франции женщины обладали в такой высокой степени искусством украшать свое обращение в свете, возвышать свои природные качества, впрочем только внешние[70]. Кокетка вся жила для света, а не для дома, и только в свете чувствовала себя дома; она не чужда была интриг, но не знала страстей, не давала сюжета для романа, а[71] разве только повод для секретного полицейского дознания[72]. Быть любимой[73] составляло иногда потребность ее темперамента, любить никогда[74] не было потребностью ее сердца. Такими чертами изображают ее наблюдатели того века.

В[75] тяжелой пустоте такого общежития было много трагикомического[76]. Но понемногу эта пустота стала наполняться благодаря усилению охоты к чтению. Сначала это занятие было только средством наполнить досуг, занять скучающее время; но, как всегда бывает, потом оно превратилось в моду, в требование светского приличия, и наконец, согласно господствовавшим вкусам, стало источником новых[77] развлечений. Первоначально чтение было очень беспорядочно[78], читали все, что попадалось под руку; но потом и[79] оно получило эстетическое направление: призванная для борьбы с досугом, от которого не знали куда деваться, книжка должна была давать изящное развлечение. Отсюда успех романа и чувствительной поэзии в русском светском обществе с половины XVIII в.[80] Добродушный наблюдатель тогдашнего русского общества Болотов в записках своих указывает на начало второй половины века как на время, когда нынешняя светск[ая][81] жизнь получила свое основание и начал входить в народ «тонкий вкус во всем». То было время первых трагедий Сумарокова[82]; светское общество набросилось на эти произведе-

[69] *На полях:* Сол[овьев, т.] 23, [с.] 360. День петиметра. Афан[асьев А. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859, с.] 207. (*Далее:* Афанасьев).
[70] *На полях:* Язык. Афан[асьев, с.] 204 и сл.
[71] *Слово написано над строкой.*
[72] *Слово написано над зачеркнутым:* расследования.
[73] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[74] *Слово написано над зачеркнутым:* иногда.
[75] *На полях:* Вражда к науке. Афан[асьев, с.] 113 и сл.; Сол[овьев, т.] 26, [с.] 327 и 331.
[76] *На полях:* Общее впечатление от двор[янского] образования. Макартней. *Далее красным карандашом:* 1).
[77] *Над зачеркнутым:* лишних.
[78] *На полях:* Сол[овьев, т.] 23, [с.] 346.
[79] *Слово написано над строкой.*
[80] *На полях:* Сол[овьев, т.] 23, [с.] 345.
[81] *Слово написано над строкой.*
[82] *На полях:* Первая [трагедия] «Хорев» напечатана в 1747 г. Сол[овьев, т.] 23, [с]. 349.

ния русской музы и, несмотря на тяжелый стих, затверживало монологи и диалоги Сумарокова. За комедиями и трагедиями следовал целый ряд чувствительных романсов, которые также затверживались наизусть и не сходили с языка модных барынь и барышень. Тот же Болотов продолжает: «Самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получила первое над молодыми людьми свое господствие» [83]. Разумеется, роман, особенно сентиментальный, с легкой руки Ричардсона [84] получавший все более быстрый ход в тогдашних европейских литературах, нашел себе много читателей и преимущественно читательниц в русском светском обществе, чему помогало и знакомство с иностранными языками. Французский посол Сегюр, наблюдавший это общество в конце царствования Екатерины II, встречал здесь много нарядных дам и девиц, которые говорили на четырех, пяти языках, играли на разных инструментах и в совершенстве [85] знакомы были с произведениями известнейших романистов Англии, Франции и Италии [86].

С такими чертами является перед нами русское светское общество в тот момент своего развития, когда оно стало [87] пользоваться [88] средствами западноевропейской образованности для украшения общежития. Это было общество французского языка и легкого романа, и этот момент его развития можно назвать елизаветинским, хотя он продолжался и в царствование Екатерины II. Русский модный свет этого времени с его балетами [89], песенками и романами, с его беззаботным пренебрежением к непонятной для него [90] окружающей действительности производит впечатление веселого, случайно собравшегося общества на корабле, без почвы, между небом и землей, веселившегося так, как

[83] *Между страницами вклеена вставка без указания места в тексте, к которому она относится; дата и последняя фраза написаны Ключевским:* 1752. Всё, что хорошею жизнию ныне называется, тогда только что заводилось, равно как входил в народ и тонкий вкус во всем. Самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получала первое только над молодыми людьми свое господствие, и помянутых песенок было не только еще очень мало, но они были в превеликую еще диковинку, и буде где какая проявится, то молодыми боярынями и девушками с языка была неспускаема.

Смех Ломоносова над Сумароковым — любовные песни. Гал[ахов, т. 1, с.] 379.

[84] *Четыре предыдущих слова написаны на полях.*

[85] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*

[86] *На полях:* Смена языков нем[ецкого] фр[анцузски]м. Сол[овьев], 2 и фельетировали. Юшк[ов, ⊕ с.] 419. «Школьны мы с тобою оба, и манерны и в любви верны». Песенник № 72.

А. Воронцов о своем воспитании. Сол[овьев, т.] 22, [с.] 336.

[87] *Слово написано над строкой.*

[88] *Буквы* ться *написаны над зачеркнутыми* лось.

[89] *Слово написано над зачеркнутым:* благами. *На полях:* Барск[ов, с.] 280—1.

[90] *Три предыдущих слова написаны над строкой.*

будто на него никто не смотрит в окна снаружи. Основными чертами этого света, осаждавшимися от бомондн[ого] водоворота[91], были: салонная выправка манер[92], жажда эстетических развлечений и признаки зарождавшейся сентиментальной слабонервной[93] впечатлительности.

Как ни скудны и ни поверхностны были эти осадки, все же они образовали некоторую наносную почву, на которой при Екатерине II стали сеяться и расти несколько более серьезные культурные интересы. Тогда русское образованное общество приступило к другой задаче эстетического образования, которая состояла в украшении ума как дополнении к светской выправке, необходимой для украшения общежития. Эта новая образовательная работа оживила светскую жизнь, ввела в гостиную новые типы, новые, более серьезные речи в светскую causerie[94]. Легко понять причину этого поворота: она заключалась в невозможности долго выдерживать ужас жизни вне дома, на каких-то светских задворках, когда домой приезжали, чтобы есть, спать и браниться с женой, мужем или прислугой, а ум и сердце принадлежали чужим людям — свету. Модное воспитание давало некоторые внешние средства для этой новой работы. Чтение от скуки, первоначально беспорядочное, потом стало принимать более определенное направление и сделалось проводником новых понятий и вкусов в русском обществе. Усиленное изучение французского языка и развитие вкуса к изящной литературе без заботы о содержании и[95] свойстве проводимых в ней понятий расчистили путь ко влиянию французской литературы просвещения на русское общество. Случилось так, что именно тогда, когда Франция стала для высшего русского общества образцом вкуса и светского обращения, французская литература получила особенное направление и влияние в Европе.

К середине XVIII в. относятся наиболее крупные произведения просветительной французской литературы, оказавшие наиболее сильное действие[96] на образованный европейский мир. В это же время и в нашем обществе становятся заметны[97] проблески любознательности, стремление к художественно-литературным развлечениям. Это совпадение и облегчило влияние новых французских идей на умы русского образованного общества[98]. Эти идеи проводились в него различными путями. Прежде всего они нашли себе поддержку и поощрение наверху, при русском дворе. Здесь завязались прямые и тесные сношения с корифеями французского литературного мира. Еще в царствование

[91] *Четыре предыдущих слова написаны на полях.*
[92] *Слово написано над строкой.*
[93] *Слово написано над строкой.*
[94] Беседу (*фр.*).
[95] *Первоначально было:* по содержанию о.
[96] *Первоначально было:* сильные действия.
[97] *Первоначально было:* заметными.
[98] *На полях:* листик ⅎ *(значок синим карандашом).*

Елизаветы Вольтер добился избрания в почетные члены русской Академии наук, и ему поручено было русским правительством написать историю Петра Великого, чему много содействовал влиятельный человек при дворе Елизаветы Ив[ан] Ив[анович] Шувалов[99], высокообраз[ованный]и глубокогум[анный], основ[ате]ль М[осковского] у[ниверсите]та[99], поклонник новой французской литературы, находившийся в переписке с Вольтером. Рано став прилежной читательницей и горячей поклонницей этой литературы, Екатерина по вступлении на русский престол спешила войти в близкие сношения с вождями нового литературного движения. Уступая частию общему увлечению, она руководилась при этом и своими особыми дипломатическими соображениями: придавая большую цену суждениям парижского литературного света и его влиянию на общественное мнение Западной Европы, она старалась заискать его благосклонное внимание к русским делам и расположения к себе самой. Сохранилась ее переписка с Вольтером, продолжавшаяся с 1763 [до] 1778 [гг.], когда умер этот писатель. Здесь оба корреспондента не жалели комплиментов друг для друга. Вольтер давал Екатерине дипломатические советы, чертил ей широкие планы внешней политики. Еще в 1762 г. она приглашала бывшего товарища Дидро по изданию энциклопедии Даламбера[100] приехать в Петербург, чтобы принять на себя труд воспитания наследника русского престола, и очень пеняла математику-философу за отказ содействовать счастью целого народа; потом опять приглашала его в Петербург со всеми его друзьями, обещая им здесь больше свободы и спокойствия, чем сколько могли они иметь в своем отечестве. И сам Дидро не был обойден Екатериной: узнав, что он нуждается в деньгах, она купила у него библиотеку за 15 000 франков и его же назначила пожизненным ее библиотекарем с жалованием по 1000 франков в год, т. е. оставила ее при нем в пожизненное пользование. Гораздо важнее всего этого было то, что новые идеи поступили при Екатерине в педагогический оборот. Под влиянием их дано было новое направление школьному и домашнему воспитанию русского юношества. Школа имеет две цели: во-первых, научить мыслить, приобретая известные научные познания и понятия, и, во-вторых, дать известное направление воле и сердцу, т. е. выработать характер. Педагогические авторитеты того времени — Локк и Руссо — отдавали решительное предпочтение второй цели: по их мнению, воспитание должно было не столько обогащать познаниями, сколько внушать новые, согласные с природой человека здравые чувства, нравы и правила, т. е. перевоспитывать человека. Эти педагогические идеи нашли себе радушный прием в русском правительстве и обществе при Екатерине. Новая система воспитания, долженствовавшая создать «новую породу людей», деятельно проповедовалась в рус-

[99]-[99] *Написано над строкой.*
[100] *Написано над:* D'Alambera.

ской литературе, между прочим, Фонвизиным в его комедиях и самой Екатериной в ее педагогических сочинениях. Главной целью воспитания признавалась выработка добронравия; обучению отводится второстепенное место. «Прямое достоинство в человеке, — говорит одно действующее лицо в „*Недоросле*" [Правдин], — есть душа». «Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь» [отвечает Стародум]. «Ум, коли он только что ум, самая безделица; прямую цену уму дает благонравие: без него умный человек — чудовище» [говорит Стародум Софье]. По этой воспитательной системе строились при Екатерине новые школы и воспитательные заведения и перестраивались старые. Так основаны были в Москве в 1763 г. Воспитательный дом и в 1772 Коммерческое училище, а в Петербурге в 1764 г. Воспитательное общество для благородных девиц при Смольном монастыре и при нем такое же общество для девиц мещанского сословия; при Академии художеств учреждено в том же году Воспитательное училище для мещан; преобразован был по новой программе Сухопутный кадетский корпус, при котором также учреждено училище для мещанских детей. Идеи нового философского воспитания, которые легли в основание этих закрытых воспитательных училищ, проповедовались и самим учащимся. Преподаватель Сухопутного кадетского корпуса Ле-Клерк, открывая курс естественной истории и физики, произнес кадетам, разумеется по-французски, речь о воспитании, в которой говорил о его философских основах и о непоколебимом владычестве разума [101].

Новое направление школьного образования отразилось и на домашнем воспитании: одни и те же педагогические идеи проводились и в правительственных школах, и в учебных комнатах высших дворянских домов России. Француз-гувернер и во второй половине века удержал здесь за собой воспитательную монополию; только это был уже другой гувернер, непохожий на гувернера елизаветинского времени, с иными понятиями и приемами преподавания. Это был, как бы сказать, гувернер второго привоза. Высшее столичное общество теперь стало разборчивее относиться к иноземным воспитателям [102]. Многие из этих учителей были на высоте своего призвания, знакомы были с последними словами французской литературы, иные даже примыкали к крайним направлениям тогдашнего политического движения. Сам двор в этом отношении поощрял общество смелым примером. Если Екатерине не удалось привлечь Даламбера к воспитанию наследника Павла, то она желала по крайней мере внуков своих воспитать согласно с правилами современной педагогики и выписала для них швейцарца Лагарпа, открыто исповедовавшего республиканские убеждения. Придворные люди подражали двору: иностранцы, приезжавшие в Петербург в конце царствования Екатерины, с удивлением замечали, что большинство гу-

[101] *На полях:* Сюда стр. 240 и сл. и вырезки.
[102] *На полях:* Начитанность А. Воронцова. Сол[овьев, т.] 22, [с.] 336.

вернеров в вельможных домах все демократы. Граф Александр Строганов в 1779 г. для воспитания своего сына Павла, потом видного деятеля в начале царствования Александра, пригласил француза Ромма, который стал потом деятельным членом Конвента и Якобинского клуба[103] и водил туда своего питомца[103]. Детей другого вельможи [Н. И.] Салтыкова воспитывал родной брат Марата; он не разделял крайностей этого демагога, но не скрывал своих республиканских убеждений и нередко являлся даже ко двору со своими воспитанниками. Только после казни французского короля он обратился к Екатерине с просьбой позволить ему переменить фамилию, заменив ее именем родного городка Baudrit[104]. Благодаря таким проводникам пристрастие ко всему французскому и, между прочим, к французским политическим идеям быстро распространялось в высшем образованном русском обществе[105]; поддерживаемое распространявшимися здесь все более произведениями французской литературы, оно оставляло в понятиях и вкусах глубокий осадок и достигало иногда колоссально бесполезной виртуозности в своем развитии. Многие из русской образованной молодежи знали Париж не хуже парижских старожилов. Граф Дмитрий Бутурлин, разговаривая[106] однажды с парижанином о Париже, поразил собеседника подробными и точными сведениями о парижских улицах, театрах, гостиницах; удивление парижанина перешло в изумление, когда Бутурлин признался, что никогда не бывал в Париже, а узнал все это из книг[107], живя в Москве на Басманной. Литературный большой свет Парижа и Петербурга долго восхищался «Посланием к Нинопе», анонимной пиесой, написанной такими превосходными стихами, что ее приписывали перу Вольтера; между тем ее автор был русский действительный статский советник гр[аф] А. П. Шувалов, сын известного государственного дельца времен Елизаветы. Иностранцы, близко знавшие петербургский большой свет, находили, что русская великосветская молодежь, получившая домашнее воспитание, самая образованная и самая философская в Европе и что она превосходит познаниями молодых людей, посещавших университеты Германии.

Было, однако, важное неудобство в этом французском влиянии, проводимом[108] воспитателями-французами[109] и проникавшем

[103–103] *Написано на полях.*
[104] *На полях:* Переводы и путешествия. Б[а]рск[ов, с.] 283 и сл.
[105] *На полях знак вставки и текст ее на отдельном листке, первая фраза написана Ключевским:* Русский в Париже (Мерсье). ...Он ходит, бегает, втирается всюду; он внимателен, проворен и обходителен; по выговору его нельзя узнать; все вечера он записывает, что́ услышит. Встретив его, я с одного слова привел его в замешательство. Он должен быть вознагражден, потому что верит в своего императора, как набожный мусульманин в своего Магомета.
[106] *В рукописи:* разговорчивая.
[107] *Два предыдущих слова написаны над строкой.*
[108] *Первоначально было:* влияние, проводником.
[109] *Буквы -ями написаны над зачеркнутыми -ским*

другими путями в русское общество: с детства, пропитываясь пристрастием ко всему французскому, питомцы отчуждались от своего отечества, забывали свой язык и историю своего[110] народа[111], вместо природного отечества Франция становилась родиной их сердца и воображения, как выразился один из этих наблюдателей; в ней они видели родину вкуса, учтивости, искусств, тонких удовольствий и любезных людей; убежище разума и свободы[112]. У людей, так воспитанных, какие могли уцелеть нравственные связи с их настоящим отечеством?

Иноземное влияние, доведенное до таких пределов, было последним моментом в ходе того процесса, который совершался в умственной и нравственной жизни русского дворянского общества XVIII в. Мы увидим, в каких явлениях выразилось оно и какие принесло плоды[113].

[10-я лекция]
ИТОГИ З[АПАДНОГО] ВЛИЯНИЯ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ XVIII в.[1]

Направление и обязанности были указаны русскому дворянству. Военно-мастерская выучка при П[етре] В[еликом] не всегда практическая, при Екатерине стала светской выправкой и была необходима для успешного движения по службе. Ни петровский солдат, ни елизаветинский petit-maître[2] не были нужны при Ек[атерине]. Требовалось общее образование. С этими требованиями и навыками дворянство вступило в то положение, которое характеризует екатерин[инское] время.

Мысль не принимала участия, не находила необходимым заниматься делами сельскими, политическими, экономическими; свет заставлял изыскивать средства, чтобы наполнить досуг. Чувство сословной чести, выход в отставку — все это производило перемену в интересе и вкусах сословия, осложнило программу образования. Явилась потребность в литературной полировке (без приложения к делу). Петровский дворянин-артиллерист сделался petit-maîtr-ом при Елизавете и стал homme de lettre[3] при Ек[атерине] II.

[110] *Слово написано над зачеркнутым:* чужого.
[111] *Далее зачеркнуто:* и.
[112] *На полях:* Массон ⊕, [с.] 223.
[113] *На полях:* Б[а]рск[ов, с.] 186. Великосвет[ское] общество 1780-х гг. по Сегюру ⊕, [с.] 33. *На этом запись в тетради заканчивается. Четыре строки и 20 листов оставлены чистыми. Текст 10-й лекции воспроизводится по черновикам Ключевского.*

[1] *Над строкой:* 10[-я] лек[ция] публ[ичная], 15 мар[та].
[2] Щеголь (*фр.*).
[3] Литератор (*фр.*).

В умах и нравах русского общества встретились разнородные впечатления. Кое-где, как сор, предания, верования. Старики жили преданиями Петра; в головах помоложе — веселая чувствительная *блажь* [4] Елизаветы и вольнодумные идеи, навеянные гувернерами или из фр[анцузских] книг при Ек[атерине] II [5]. Эти идеи и получили важное значение, бродили и производили брожение чувства, понятия начали кристаллизоваться в неопределенные образы. Из *нравов* стали *характеры* [6]. Французское влияние придавало всем физиономиям типическую складку, фамильное сходство при разнообразии характера.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР И РУССКОЕ ОБРАЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО XVIII в.

Первые источники умственного движения были успехи в области естествознания. Важные открытия в изучении природы с конца XVII в. Б[юффон? с.] 687, его книга по естест[венной] филос[офии], ряд детальных открытий по математике и естествознанию, из области органической физики, Бюффон о годах, о дыхании — все эти открытия произвели впечатления на ум и на взгляд. Таинственные силы действуют и производят действие. Успех естествознания сдернул покров: сила — простой факт, чудеса — простые математические отношения, все представлялось пред наблюдателем механическим прибором. Эти открытия произвели два неожиданных впечатления в уме европ[ейского] человека [7].

1) Мысль стала самоуверенна и надменна, человек — всесилен, ум *поклонился, только не природе* [8], а самому себе, поддался самообожанию. 2) Определилось отношение ума человека к природе, общежит[ию] [9]. Лучшие умы — Шевсбюри, Вольтер, Монтескьё — посвятили себя истории, но восторжествовал худший ум — Руссо.

История стала не *простой историей* [10], а философией истории. Здесь встретили господство предания. Предание подверглось испытанию. Научная мысль может и должна строить общественное общежитие. Задача разума перестроить это общежитие. Действующей силой является произвол личного сознания. Опыты физического кабинета хотели применить к человеку, это было огромной ошибкой ума. Уму в изучении естествознания принадлежит роль законодателя, архитектора. Надо *видеть*, какою

[4] *Подчеркнуто красным карандашом.*
[5] *Три предыдущих слова написаны над строкой карандашом.*
[6] *Подчеркнуто синим карандашом.*
[7] *Абзац очерчен на полях синим карандашом.*
[8] *Подчеркнуто синим карандашом.*
[9] *Слово написано над строкой красным карандашом.*
[10] *Подчеркнуто красным карандашом.*

стороной подействовало[11] это на рус[ское] образованное общество.

Фр[анцузское] влияние не остановилось на изучении естественных наук, но направилось к досужным отвлеченным вопросам, первое было тяжело, второе — бесцельно. Родилась мысль о перестройке заново школы. План воспитания — Ек[атерина] и Бецкий в [17]64 г. Задачею воспитания стало создать новую породу людей, новых отцов, новых матерей, не похожих на предшествовавших. Эти *мысли пропали бесследно*[12], но фр[анцузская] философия привила особую манеру мышления в способе оценки исторической действительности. (Нам было не под силу, не выгодно.) Стали игнорировать действительность.

Мирное сожительство разумного идеала с неразумной действительностью тяжелым камнем легло на ум и совесть образованного русского человека. Мирились с противоречиями подбором понятий, чувств, вкусов. Этот подбор образовал различные направления к концу XVIII в.

Мне[13] остается изложить последние результаты и того положения, какое создано было для сословия крепостным правом, и западного влияния, как его воспринимало сословие при таком положении. Трудно представить себе, чтобы в одной и той же общественной среде, в одном и том же сознании могли встретиться столь несходные факторы общежития, как русское крепостное право и французское просветительное влияние XVIII в. Между тем они не только встретились, но и мирно уживались друг с другом и даже дружно помогали одно другому в общем деле, освобождая русского образованного человека от хозяйственных хлопот и умственного напряжения[14]. Вольтер не поверил бы, узнав, что его свободолюбивой философии в России суждено было служить цветной повязкой, прикрывающей постыдные пятна на лбу рабовладельца. Но припомнив, как произошла эта встреча, мы не удивимся, что Вольтеру пришлось вместе с крепостным дядькой воспитывать и его барина, русского образованного человека[15].

Французское[16] влияние не водворило в русском образованном обществе XVIII[17] в. ни основательного изучения естественных наук, ни даже наклонности к отвлеченным досужим построениям общественных порядков; первое было тяжело, второе бесцельно. И у нас бродили мысли радикальной перестройки заново, но только в безобидной и терпеливой области школы: новая порода

[11] *Подчеркнуто синим карандашом.*
[12] *Подчеркнуто синим карандашом.*
[13] *Над строкой:* Начало 10-й л[екции]. *На полях:* [18]91 г. 10-я? *Далее зачеркнуто красным карандашом:* 9[-я] л[екция].
[14] *Предыдущая фраза написана на полях.*
[15] *Далее зачеркнуто:* Б[а]рск[ов, с.] 284 f. *Ниже приписано:* Листок 3. *Далее в рукописи идет текст 9-й лекции.*
[16] *Над строкой красным карандашом:* 10-я лекц[ия. 18]91. *На полях:* Знак[омство] с лит[ературой] просвещения. Философия для вольтерианца. Синай [?], и он разбивал скрижаль.
[17] *Цифры написаны над зачеркнутым:* прошлого.

людей в докладе Бецкого. Зато французская философия привила к русскому образованному человеку особую манеру мышления, которая сказывалась и сказывается доселе в способе оценки окружающей исторической действительности. Манеру эту можно выразить так. Взяв какой-либо туземный факт, мыслитель прикидывал к нему отвлеченный философский принцип или целую социальную схему, напр[имер] идею общественного равенства, и, заметив, что измеряемое не приходится по мерке, отвергал его, не изучал, не приспособлял к требованиям разума или общественной справедливости, а просто осуждал мысленно на небытие и произносил такой решительный приговор, смотря по темпераменту, или с философским равнодушием, или с нервным раздражением и схватками общественной скорби. Но, осудив живую действительность на небытие, надобно было или разрушить ее, или выйти из нее и удалиться в пустыню. У нас не случилось ни того, ни другого: первое было не под силу, второе невыгодно, ибо с отвергнутой действительностью связано было материальное положение отрицателя. Найден был третий выход: действительность просто игнорировали, т. е. переставали понимать ее, как неразумную, не мешая ее существованию, и таким образом привыкали думать, что нормальный туземный порядок существования — это мирное сожитие разумных идеалов с неразумной действительностью. Это противоречие должно было тяжелым камнем давить ум и совесть образованного русского человека. Каждый мирился с этим противоречием по-своему, составляя особый, наиболее сподручный ему подбор культурных средств, понятий, чувств и вкусов, который облегчил бы ему бремя такого противоречивого существования, но все эти средства были более или менее удачными способами уединить свою мысль от окружающей действительности, не уходя из нее, и напоминали прием страуса, который прячет голову под крыло, чтобы не видеть грозящей ему неприятности, опасности. Эти подборы и образовали различные направления, обозначившиеся в жизни русского образованного общества к концу XVIII в. Дашкова, Струйский, Опочинин.

I. Всех проще устраивались те, которые, располагая большими средствами и некоторым вкусом, старались искусством прикрыть неправильность своего житейского положения. Удаляясь от столичного шума, добровольный отшельник где-нибудь в глуши Владимирской или даже Саратовской губернии, в стороне от большой дороги, среди своих 20 тыс. десятин земли воздвигал укромную обитель во 100 комнат, окруженную корпусами служеб с несколькими сотнями дворовых слуг. Все музы древней Греции при содействии доморощ[енных] крепостных ученых, художников, артистов и артисток призывались украсить и оживить этот уголок светского отшельника, тайного советника или капитана гвардии в отставке. Гобелены, обои, разрисованные от руки досужим домашним мастером, портреты, акварели, гравюры удивительной работы с сюжетами из античной древности, амфилада 20 зал и гостиных с перспективой, замыкаемой по обоим

концам колоссальной фигурой Екатерины II, вышитой шелками с необыкновенно свежим подбором колеров, в одной из угольных задних комнат ряд больших завешанных темно-зеленой материей книжн[ых] шкафов с надписями histoire, physique, politique, в другой — д[омашний] театр с тремя рядами кресел в партере, и подле — зала в два света, от потолка до пола увешанная портретами, — живая история XVIII в.[18] в лицах, где-нибудь в углу особо от других тщательно вырисованная на полотне типическая фигура с тлеющими угольными глазами, игольчатым носом и [19] идущим ему навстречу загнутым и заостренным подбородком — известная фигура папа́ Вольтера, а на верху дворца уютная келейка, украшенная видами Франции, где под желтым шелковым пологом покоится веселый соб[еседник] хозяина m-r Granmont, самоотверженный апостол разума, покинувший родную Овернь, чтобы сеять просвещение среди скифов Сердобского уезда. В доме на стенах глаз не находил места, не завешанного наукой иль искусством, не остав[алось] щели, через которую могли бы проникнуть в этот волшебный фонарь уличный факт или житейская проза. А за домом тянулся обширный парк с 42 просеками и дорожками и 10 храмами-беседками на перекрестках — приют новых чар для глаз и воображения. Все дорожки и беседки имели свои названия, которые рисовали воображению либо приманки общежития, либо художественные образы, либо просто приятные воспоминания. Были беседки Славы, Дружбы, Истины, вместилище *чувствий вечных*, дорожки приятного наслаждения, уединения, неожиданного утешения[20], истинного разумения, постоянного друга, веселой мысли, милой жены, жаркого любовника, верных любовниц, услаждения самого себя, наконец дорожка Марьи Антоновны, т. е. королевы Марии Антуанетты с ее мраморным бюстом. Что делали и как жили обитатели и обитательницы таких изящных приютов? Один из них, екатерининский вельможа и дипломат кн[язь] А. Б. Куракин, холостой отец 70 чел[овек] детей, перед лестницей своего деревенского дворца на Хопре выставил для сведения гостям свою программу или правила общежития, из коих одно гласило: «Хозяин почитает хлебосольство и гостеприимство основанием взаимственного удовольствия в общежитии, следственно видит в оных приятные для себя должности». Итак, жили для друзей и наслаждались их обществом, а в промежутках уединения любовались, читали, пели, писали стихи —словом, поклонялись искусству и украшали общежитие. Макартней в нач[але] царствования Ек[атерины], Сегюр в конце — [писали] о страсти к искусствам, о чтении романов, увеселениях. Ник[ита] Ерем[еевич] Струйский. Такова была другая [21] струя в жизни образованного

[18] *На полях в верхнем углу:* 10[-я] л[екция, 18]91 г.
[19] *Далее зачеркнуто:* острым, догоняющ[им] его.
[20] *Далее зачеркнуто красным карандашом:* милой жены. *На полях в верхнем углу:* 10[-я] л[екция. 18]91 г.
[21] *Слово написано над зачеркнутым:* одна.

русского общества, пущенная при помощи западного влияния: это приторная и распущенная идиллия барского сибаритства, воспитанная беззаботной праздностью крепостного быта.

II. Некоторые нашли такое изящное легкомыслие неудовлетворительным житейским порядком и отыскали другой выход из действительности, впрочем, также подсказанный франц[узской] философией. Дидро, Гольбах и другие французские материалисты, наскучив искусственным, условным общежитием, проповедовали возврат к природе с ее инстинктами, а Руссо отлучил от своего разума всю цивилизацию с ее науками и искусствами за то, что она исказила первобытную простоту и доброту человеческой природы с ее здоровыми чувствами и наивными понятиями. Идея такой отвлеченной философской первобытности и простоты, помещенной вне пространства и времени и, пожалуй, нигде и никогда не существовавшей, была трудна для русских мыслителей прошлого века; они искали для нее понятного исторического осуществления и нашли его в древней, допетровской Руси[22], не тронутой западным влиянием: они хотели бить легкомысленных западников западным же влиянием и чужую мысль положить в основание национального направления. Две записки в конце царствования Екатерины II: неизвестного и Щербатова. Не предназначались к обнародованию и тем откровеннее. Одна идеализирует допетровскую старину за простоту и самородность ее порядков, другая чернит во имя старины современную действительность за отступление последней от простоты и самобытности первой, и оба видят в древнерусской жизни забытый идеал. Оба — физиологи общества и мыслители, и оба — недовольные брюзги: один брюзжит на то, что уже нет доброго прошлого, столь не похожего на дурную современную жизнь, а другой на то, что современная жизнь так не похожа на доброе прошлое[23].

...И[24] вот умы, колеблемые наносными дуновениями, отрываются от исторической почвы, уносятся[25] в разные стороны. Но любопытно следить, как, теряя из глаз действительность, их воспитавшую, эти умы захватывают с собой какой-нибудь ее интерес и на досуге подвергают его усиленной разработке в своем воздушном уединении[26], как смутное воспоминание о покинутом когда-то родном мире. Разум ее, при такой досужей и напряженной обработке, действительные интересы, разобщенные и лишенные освежающего соприкосновения с жизнью, превращались в праздную забаву или в уродливые призраки, подобные тем, какие возбужденное воображение творит во сне из впечатлений

[22] *На полях в верхнем углу.* 10[-я] л[екция. 18]91 г.
[23] *Далее половина страницы оставлена чистой.*
[24] *На полях:* 10[-я] л[екция].
[25] *Слово написано на полях.*
[26] *Написано над:* пространстве. *На полях:* Полное незнание отечества. [М. И.] Воронц[ов].

последнего пережитого дня. Но праздные забавы наскучивали, а уродливые призраки пугали или противили, и так как в тех и других помнились остатки покинутой действительности, то все направления оторвавшейся от нее мысли приводили ее к отрицанию русской жизни. Это был общий тупой угол, попав в который культивированный русский ум оседал в бессильном недоумении.

1) Беззаботная праздность крепостной среды и приторная распущенная идиллия дворянского общежития; 2) Религиозно-нравственные мотивы русского церковного общества и мистич[ески]-театральная филантропия и педагогика мартинистов; 3). Отсутствие твердых нравственных правил в образованном обществе и пугливая идеализация древнерусской жизни; 4) Пробужденный с конца XVII в. позыв к научному знанию и космополитический рационализм вольтериянцев, растворяемый острыми примесями: задорной скорбью Радищева, скучающим отчаянием Опочинина. Отрицание: 1) во имя требований света; 2) созерцательной личной морали; 3) старины; 4) разума [27].

При [28] помощи такой тройной педагогической перегонки в умах и нравах русского образованного общества к концу царствования Екатерины II встретились *разносторонние и разновременные влияния* [29] и впечатления. Кой-где ютились еще, как неубранный вчерашний сор, замиравшие предания, обычаи и верования, уцелевшие от древнерусской жизни. Старики жили понятиями и знаниями, крепко вбитыми петровской реформой либо наскоро схваченными в общеобразовательной школе преемниц преобразователя. В головах помоложе живы были веселые или чувствительные, бальные или театральные впечатления елизаветинского времени и начинали бродить вольнодумные рационалистические и моралистические идеи, воспринятые от гувернера или кадетского учителя, либо вычитанные из свежей французской книжки. Эти бродячие идеи и получили особенно важное значение: они не только бродили в умах, но и производили брожение, благодаря которому хаотическая смесь понятий, чувств и привычек, столпившихся в р[усских] умах, начала разделяться и кристаллизоваться, складываясь в определенные взгляды и убеждения. Тогда силуэтные очертания, туманные образы без лиц стали превращаться в физиономии с определенными и понятными чертами, из нравов стали выраб[атываться] хар[акте]ры. Эти физиономии очень разнообразны, и их разнообразие происходило от того, что в каждой из них культурные черты соединялись в особом подборе. Но французское просветительное влияние, входившее неизбежным элементом в каждый из этих

[27] *Далее в рукописи идет текст 9-й лекции.*

[28] *В верхнем правом углу:* 10[-я] л[екция. 18]91 г. об XVIII в. Отношение москвичей к Политическому журналу Сохацкого. «Чтения [ОИДР]», 1884, [т.] 1, с. 45—6.

[29] *Подчеркнуто синим карандашом.*

подборов, придавало всем этим физиономиям особое выражение, особую типич[ескую] складку, сообщавшую им некоторое фамильное сходство при всей их индивидуальной разнохарактерности [30].

ЧЕТЫРЕ [31] ВИДА ОТРИЦАНИЯ Р[УССКОЙ] ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Результаты зап[адного] влияния — тяжелое впечатление праздной игры, забавы. Это от того, что з[ападное] влияние нам нужно было для насущного дела, а оно в XVIII в. пало на среду, жившую чужим трудом и оставшуюся без дела, потому принужденную наполнять досуг игрой, забавой. И это естественно: кто живет чужим трудом, тот неизбежно кончит тем, что начнет [32] жить чужим умом, ибо свой ум вырабатывается только [с] помощью собственного труда. Но опыты людей прошлого века дали нам полезный урок: образование только тогда благотворно, когда ведет к пониманию действительности, которая нас окружает, и к служению обществу, среди которого мы вращаемся [33].

[30] *Далее три четверти страницы оставлены чистыми. На обороте:* Где в курсе [публичном] после 5-й лекции о дворянстве, долженствовавшем стать руководителем эконом[ической] жизни, и о потребном для того агрономическом и политико-эконом[ическом] образовании? В начале 5-й об этом намеком. *Далее более трех четвертей страницы оставлены чистыми.*

[31] *На верхнем поле:* Конец 10-й л[екции. 18]91 г.

[32] *Над строкой:* будет.

[33] *Далее половина страницы оставлена чистой.*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

НАБРОСКИ ПО ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ

1

[Не ранее 1876 г.]

Я знаю, Вы очень недовольны, что все эти ученые усилия разъяснить варяжский вопрос я назвал явлениями патологии. Вы видите в этом неприличное ученому человеку пренебрежение к почтенным трудам своей братии. Нет, я очень почтителен к ученым своим собратиям, но я привык к некоторой разборчивости в так называемых исторических вопросах. Я думаю, что могут прийти в голову вопросы, не лишенные интереса с какой-либо стороны и вместе лишенные всякого интереса со стороны научной. В книгах, которые так сильно Вас занимают, я не нашел ничего кроме бескорыстных и обильных пóтом усилий разрешить один из таких вопросов. Иногда общественная или ученая мысль с особенной любовью обращается к сухим, бесплодным мелочам в области знания, как иногда[1] является особенный аппетит на черствое и кислое. А ведь такой поворот в умах есть несомненно симптом общественной патологии.

Я, собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманской и славянской, и это равнодушие выходит из научного интереса. В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фактов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признáю ли я теорию норманистов или роксоланистов. Поэтому, когда норманист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестаю понимать того и другого, то-есть становлюсь совершенно[2] равнодушен к обоим.

Погодин с братией уверяют, что без известной саги, объясненной по-ихнему, не поймешь начало русской народности и русского государства. Иловайский с предшественниками своими уверяет, что эта легенда изображает совершенно превратно начало нашей народной и государственной жизни и что узлы вопроса об этом начале разрешаются легко и просто, как скоро мы предположим, что Русь — это славяне, роксолане, водворившиеся на Днепре вокруг Киева. Другие не понимают первых страниц истории нашего

[1] *Далее зачеркнуто:* желудок.
[2] *Далее зачеркнуто:* к ним.

народа, если Рюрик и его преемники были не из мордвы или Хазарии и т. п.

Вы можете понять, что здесь есть нескладица: вы еще не настолько погрузились в ученость, чтобы приобрести тот ученый ум, который умеет мудрено понимать простые вещи, предоставляя[3] тяжелую обязанность поступать наоборот[4] столь пренебрегаемому им здравому рассудку. Я ничего не имею против специальных исследований о происхождении имени *Русь* и о роде-племени первых русских князей. Я охотно готов читать разыскание о том, славянскому или скандинавскому племени принадлежало имя Русь, славянин или немец был дед кн[язя] Владимира и откуда взяты его мать, бабушка и т. д. Большой поклонник физиогномики, веруя[5] во влияние темперамента на историческую деятельность лица и в связь темперамента с наружностью, я даже сам с удовольствием занялся бы исследованием о том, блондины или брюнеты преобладали в роде первых русских князей. Я решительно порицаю насмешливое отношение к ученой пытливости, обращенной на подобные вопросы, — но только[6] если она ограничивает научное значение своих разысканий пределами этнографической номенклатуры или генеалогической химии. Но[7] когда исследователь подобных вопросов идет прямо в область настоящей, научной истории и[8] говорит, что он разрешает именно вопрос о происхождении русской национальности и русского государства, будет жаль, если он не остановится на границе и не вспомнит, что национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или другого князя и не от того, на балтийском или азовском поморье зазвучало впервые известное племенное название.

Вот одна и для меня самая важная сторона[9] недавней полемики по варяжскому вопросу. Еще не отваживаясь судить, насколько правильнее[10] разрешается возбужденный вопрос о славянском происхождении Руси, я считаю себя вправе сказать, что он не совсем правильно *поставлен.* Неправильность эта[11] происходит, во-перв[ых], от недостатка скромности[12], недостатка уменья исследователей ценить значение[13] своих работ, во-вт[орых], от недостатка в них прагматизма, уменья находить настоящее место и взаимное отношение истор[ических] фактов.

Итак, — повторяю еще раз, — я совсем не против вопроса о происхождении имени Русь и первых русских князей, совсем

[3] *Далее зачеркнуто:* право.
[4] *Далее зачеркнуто:* своему предку.
[5] *Далее зачеркнуто:* связь силы.
[6] *Далее зачеркнуто:* до тех пор пока она не идет далее.
[7] *Далее зачеркнуто:* если ученый заходит с подобными вопросами.
[8] *Далее зачеркнуто:* уверяет.
[9] *Далее зачеркнуто:* в.
[10] *Далее зачеркнуто:* или вероятнее новые теории от старых.
[11] *Далее зачеркнуто:* заключается главным образом в не[скромности].
[12] *Далее зачеркнуто:* в нежелании видеть настоящее.
[13] *Далее зачеркнуто:* вопроса.

не против пользы[14] исследований подобных вопросов, а только против того положения, что в этом вопросе ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни.

Я никак не мог убедить себя в этом, хотя и соблазняла меня легкость подобного[15] разъяснения важ[ных] исторических[16] вопросов. И вот что именно мешало мне прийти к такому успокоительному заключению.

Новые теории о происхождении Руси выступают с так[им] шумом и такими мужеств[енными] физиономиями, как будто они вверх дном[17] ставят все основные факты, которыми открывается наша история. Когда я попытался воспроизвести эти настоящие исторические факты, которыми действительно знаменуется начало нашей национальности и нашего государственного быта, и потом сопоставил с ними эти новые теории, я нашел, что[18] первые остаются в том же положении, какое заняли они под игом норманистов, которое, вероятно, сохранят и[19] при нашествии всех будущих теорий. Перечислю эти факты и поставлю рядом с ними выводы, наприм[ер] г. Иловайского.

Сущность теории г. Иловайского, развитой в целом ряде статей, и догматических и полемических, можно выразить в следующих положениях.

1) Русью, или правильнее Росью, в обширном смысле назывались почти все восточнославянские племена, в IX в. обитавшие в бассейне верхнего и среднего Днепра. Поляне, северяне, дреговичи и проч. суть только ветви этого племени. Прежде[20], с I в. нашей эры приблизительно, оно было известно под именем антов или роксолан, издавна обитавших в восточной Европе, в странах приазовских и приднепровских. Название этого племени произошло от имени, которое носили многие реки восточной Европы и в корне которого скрывается понятие реки вообще. Впоследствии Русью в тесном смысле стала называться та ветвь роксоланского племени, которая соединила остальные ветви в одно государственное целое, именно — поляне. Раз[ыскание о начале Руси] 259[21], Ист[ория России, с.] 17 и сл.

2) Варяги не имеют никакой этнографической связи с Русью. Это скандинавские дружины, нанимавшиеся на службу у киевских русских князей.

Из этих двух положительных выводов вытекает[22] отрицательный —

[14] *Далее зачеркнуто:* подобных разысканий.
[15] *Далее зачеркнуто:* объяснения начала нашей жизни.
[16] *Далее зачеркнуто:* жизни.
[17] *Далее зачеркнуто:* поставили.
[18] *Далее зачеркнуто:* они.
[19] *Далее зачеркнуто:* под всеми будущими ученами игами.
[20] *Далее зачеркнуто:* оно.
[21] *Над цифрой позднейшие карандашные приписки В. О. Ключевского:* и 263 и 269.
[22] *Далее зачеркнуто:* вывод.

Русь — вовсе не пришлое скандинавское племя и сказание о призвании князей из несуществовавшего племени варягоруссов вымышлено книжниками: скандинавских князей между русскими славянами никогда не существовало.

Далее 3) Рось — поляне под предводительством своих племенных князей (приблизительно с IX в.) начала из Киева объединение родственных ей племен восточных славян вверх и вниз по Днепру, налагая на них дань. Поднимаясь вверх, она распространила свои завоевания до Новгорода; спускаясь вниз, покорила угличей и тиверцев (последних, кажется, не вполне) [23], а притоками нижнего Днепра и Азовского моря рано проникла [24] на берега [25] последнего, бывшие колыбелью всего племени и где еще оставались значительные его поселения. Здесь она подчинила себе обитавшее по обоим берегам Боспора Киммерийского слав [26]-[янское] племя черных болгар, освободив их от хазарского ига: так возникла около половины IX в.[27] русская Тмутараканская [28] область, бывшая потом особым княжеством.

Рядом [29] с этим положением, объясняющим как началась наша история [30], идет разбор того как произошла легенда, изображающая это начало совсем иначе. Наша история завязалась в Киеве, а легенда сложилась на другом конце Руси, в Новгороде. Сказание о призвании князей из-за моря составилось здесь в начале XIII в. под влиянием, во-перв[ых], тогдашнего обычая [31] н[о]в-[го]р[о]дцев призывать к себе князей и, во-вто[рых], деятельных торговых сношений с заморской Ганзой.

Забудем норманскую и всякую другую теорию [32], примем выводы, сейчас изложенные, и посмотрим [33], какие перемены произойдут в наших представлениях о начале нашей истории.

Во-первых, мы освобождаемся от массы противоречий [34], неясностей и неразрешимых вопросов, которыми наполнили первые страницы нашей истории Погодин и его предшественники. Где жила скандинавская Русь, как водворилась она в Новгороде, как так быстро заговорила по-славянски [35], откуда явилась она в пределах нашего отечества до летописного призвания и т. п.[36] — с удовольствием можно забыть все, что в течение века написано обо всех этих загадках, оставшихся неразгаданными и доселе.

[23] *Над зачеркнутым:* восточными.
[24] *Далее зачеркнуто:* утвердилось.
[25] *Далее зачеркнуто:* Азовского моря, откуда.
[26] *Далее зачеркнуто:* едино [племя].
[27] *Далее зачеркнуто:* основала здесь.
[28] *Далее зачеркнуто:* владение, ставшее.
[29] *Над зачеркнутым:* в связи.
[30] *Далее зачеркнуто:* стоит критика легенд[ы].
[31] *Над зачеркнутым:* города.
[32] *Далее зачеркнуто:* возьмем.
[33] *Далее зачеркнуто:* что.
[34] *Написано над зачеркнутым:* недоразумений.
[35] *Далее зачеркнуто:* что за.
[36] *Далее зачеркнуто:* обо всем этом.

Во-вторых, встречаем ряд новых противоречий и[37] вопросов, созданных новой теорией. Укажем наиболее важные и резкие, с первого взгляда бросающиеся в глаза.

1) Если легенда о призвании князей не скрывает в себе никакого исторического факта, не заимствована даже из старинного народного предания и сложена книжниками из современных явлений новгородской жизни XII—XIII вв., то зачем она так резко расходится с последними? Князья призывались тогда с приднепровского юга, чаще всего из Киевской Руси, откуда, по Ил[овайскому], пришли они в Новгород и в[38] IX в., а легенда призывает их из каких-то варягов Руси, которых никто не знал в Новгороде в XIII в.

2) При всем беспристрастии надо сказать, что имена первых князей остаются неславянскими и после объяснений г. Иловайского. Как бы чувствуя это, автор обращается к тому общему соображению, что в те времена языки[39] славянский и германский еще не разошлись так далеко, как теперь[40], и иные слова и имена трудно присвоить исключительно одному из них[41]. Но отсюда следует, конечно[42], что тогда[43] немецкие слова и имена были понятны славянам, а не наоборот.

3) Объединительное движение с юга из Киева вверх по Днепру не подтверждается ни *одним*, даже легендарным свидетельством источников: это чистая догадка, выведенная из гипотезы о туземной Киевской Руси. Напротив, обратное движение, с севера из Новгорода вниз по Днепру описано в летописных известиях об Олеге, которые до занятия последним Киева отличаются такою же простотою и так же чужды сказочных примесей, как одно из них — о дани на содержание варяжского гарнизона в Новгороде, — которое сам г. И[ловайский] считает одним из наиболее достоверных в Начальной летописи[44]. Ср. сказание в ж[итии] Клим[ента].

4) Появление сейчас упомянутого варяжского гарнизона в Новгороде г. И[ловайский] относит к концу IX в. Признавая известие о нем одним из наиболее достоверных, он однако ж старается отодвинуть появление варягов в России как можно далее от начала ее истории и в других местах говорит о приездах норманских наемников только в XI и XII в.[45]

5) Гипотеза о происхождении болгаро-русского Тмутараканского княжества очень приятна: она так легко объясняет некоторые темные известия XI и XII в. — хотя вся она основана единственно

[37] *Далее зачеркнуто:* ряд.
[38] *Далее зачеркнуто:* VIII.
[39] *Над зачеркнутым:* наречия.
[40] *Над зачеркнутым:* но отсюда следует.

[41] *На полях сноска:* Раз[ыскания ⊕, с.] 303.
[42] *Слово* позднее *вписано В. О. Ключевским карандашом.*
[43] *Далее одно неразборчивое слово.*
[44] *На полях сноска:* Раз[ыскания, с.] 239.
[45] *На полях позднейшая карандашная сноска:* ib., 278, наприм[ер].

на статье Игорева договора с греками, обязывающей русского князя не пускать на Корсунь черных болгар. Г[осподин] И[ловайский] [46] видит в этом прямое указание на зависимость черных болгар от Игоря; другой этого вовсе не увидит: Святослав также обязался грекам не пускать на Дунайскую Болгарию неприятей [47]. Несмотря на это, я охотно принял бы гипотезу о Тмутаракании. Но тогда я не знаю, что отвечать на одно возражение. По мнению г. И[ловайского], Русь уже при Олеге владела берегами Боспора Киммерийского, занимала города Корчев и Тмутаракань [48]. Эта Тмутараканская Русь преимущественно была знакома с морем, ходила грабить Каспийские берега, торговала с Византией; она помогала и Руси днепровской в морских предприятиях. В договорах Олега и Игоря с греками находим условия о положении в К[онстантинопо]ле русских купцов из Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка и др., а о купцах из Корчева или Тмутаракани нет ни слова. Неужели русские купцы из Ростова ездили в Царьград, а русские купцы с берегов Боспора не ездили?

II

[1876 г.]

После диссертации Погодина⊕ интерес к варяжскому вопросу ослабел: утомились ли самим спором или смутно почувствовали его научное бесплодие, — только он до того потерял цену, что ученый, предпринявший историю России по строго прагматической программе, нашел возможным и научным повторить некоторые шлёцеровские и погодинские положения и, ничего не прибавив к ним, ничего не уяснив лучше прежнего, обойти спорный факт, как неважный для науки. Известный турнир Костомарова и Погодина ⊕ также готов был пройти бесследно для науки, оставив лишь в памяти читающего общества невиданную картину ученого поединка, судебного процесса из-за научной тяжбы.

Отрывки исследования о варягах, изданные г. Гедеоновым⊕, составили новую эпоху в развитии спора. За ними следовала целая литература, которую уже теперь становится трудно прочитать, еще труднее изучить и понять. Появились сочинения Щеглова, Иловайского, Ламбина, Васильевского, Куника, новые статьи Погодина и наконец — книга Забелина ⊕.

Когда прочитаешь все эти труды и сравнишь их с прежними, прежде всего подумаешь: то же и о том же, те же приемы и результаты. Но это не совсем верно: есть значительная перемена. Прежде господствовало критическое направление в исследовании вопроса: одна сторона разбирала источники, чтобы отстоять летописную легенду; другая, опровергая ее, обращалась к другим

[46] *Далее зачеркнуто:* говорит.
[47] *Далее зачеркнуто:* греков. *На полях сноска:* «Ист[ория России», с.] 56.
[48] *На полях сноска:* ibid., 35 [с.].

источникам, чтобы доказать другое, чаще — чтобы приурочить легенду к другому выводу. Теперь в большинстве исследований господствует творческое направление: торопливо покритиковав спорные известия, спешат составить из них новое сказание о начале Руси, иногда прямо противоположное летописному, или же дать последнему такое толкование, которое делает сагу на себя не похожей. Вообще можно сказать, что легенда о призвании перестала служить средоточием исследований; ученые вступили в полемику с летописцем, перестав быть его комментаторами, и хотят не только доказать, что он написал неверно, но и указать ему, что́ он должен был написать. Гедеонов служит переходом: наполовину он еще критик, а наполовину уже построитель, реставратор исчезнувшего факта. Только г. Васильевский держится в положении строгого критика, защитника падающего кредита легенды.

Рядом с этой особенностью новой литературы вопроса обозначается и другая: это значение филологии, какого она не имела прежде. Сближения форм, сравнение слов, толкование имен — вот на чем строятся преимущественно новые гипотезы. Личные имена князей и частных лиц первых веков, чуть не вся географическая номенклатура пересмотрена и истолкована с разных точек зрения.

Когда мы, сидевшие и учившиеся под опекой[1] норманской гипотезы, прочитали все эти изыскания, мы узнали одну поразившую нас новость. Этой новостью не был исторический факт, которым открывается наша история. Совсем нет: это было состояние ученой мысли у нас, которого мы не подозревали. Мы думали, что с тем запасом сведений о начале нашей истории, которым располагает наука, ничего нельзя сделать больше сделанного прежними критика[ми]. Ученость и строгость последних, остроумие и насмешливость некоторых, специальная и бесплодная работа над вопросом — все это запугало нас. Мы боялись сделать новую догадку, поставить[2] факты в новую комбинацию, не сделанную прежде; мы считали это праздной игрой в гипотезы после массы потраченных знаний и усилий со стороны исследователей, для которых вопрос вовсе не был полем для такого развлечения.

Этой робости нельзя отказать в сочувствии: это было своего рода ученое целомудрие или, лучше сказать, ученая дисциплина. Она основывалась на том правиле, что не следует сбивать с толку других, уверяя их в том, в чем не убежден сам, и не следует убеждаться в том, что́ не имеет достаточных оснований. Но в интересе беспристрастия надобно сознаться, что наша скромность создавала странное положение в науке гипотезе норманистов. Мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решались сказать

[1] *Слово написано В. О. Ключевским карандашом позднее текста отрывка:* сению.

[2] *Далее зачеркнуто:* со[поставить].

что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол, как ненужный, но требуемый приличием обряд. Так плотник, прежде чем приступить к работе, постукает без всякой цели по дереву, которое собирается[3] рубить. Потом мы рассказывали, как-будто и нет спора о варягах с братией.

III. ЗНАЧЕНИЕ ВАРЯЖСКОГО ВОПРОСА

[1890-е годы]

Байер и Миллер сделали первые приступы к ученому решению варяжского вопроса. Кое-что выяснили. И постановка, и решение этого вопроса страдали важными методологическими недостатками. Ученые академики-иностранцы взялись за него поневоле: это был один из тех начальных и самых капитальных из тех[1] вопросов нашей истории, в котором их историческая ученость соприкасалась с историей страны, куда они призваны были гастролировать своими знаниями, разрабатывая ее нетронутую историю. Незнакомые или мало знакомые с языком этой страны и с туземными источниками ее истории, они охотно ухватились за этот вопрос, который надеялись удовлетворительно разрешить по знакомым им источникам скандинавским, латинским и византийским. В этом состояла их первая ошибка. Как можно было ставить и решать вопрос русской истории, не зная как он стоит в основном русском историческом памятнике, в Начальной русской летописи? Но эта летопись тогда была еще оч[ень] мало известна даже русским книжным людям. Ни Лаврентьевский, ни Ипатьевский списки ее не были еще найдены. Байер слышал про снятую по заказу Петра I копию Кенигсбергского списка конца XV в. и считал ее автором преп[одобного] аббата Феодосия Печерского, будто бы современника Владимира Мономаха. Он не знал, что даже в этом сравнительно позднем списке нет и помину о Гостомысле, к[ото]рого он вводит в сказание о призвании князей, а Синопсис — не летописец.

Не знакомые с Начальной летописью, русские академики-иноземцы впадали в другую ошибку: они не могли уяснить себе, с чем они имеют дело в этом сказании: с народным преданием, поэтической сагой или с известием какого-либо другого рода. А ведь приемы историч[еской] критики разнообразятся по происхождению и свойству критич[еского] материала. Теперь, когда состав Начальной летописи достаточно изучен, видно, что сказание о призвании князей не народное предание, а только составленная по народному преданию ученая теория русского книжника начала XII в. Такие теории и тогда составлялись так же, как и гораздо позднее, в ученые времена: темные факты старины истол-

[3] *Над зачеркнутым:* будет, намере[н].

[1] *Слово написано над строкой.*

ковывались применительно к современным или недавним явлениям, с ними однородным. Это и помогло составителю Начального летописного свода поставить у порога нашей истории мирное призвание и водворение заморских князей в нашей земле. Если не сам Сильвестр Выдубицкий, то отцы его сверстников знали и помнили подобные мирные призывы и приходы варягов, бывавшие еще при Ярославе I, и до самой смерти Ярослава в Новгороде содержалась наемная варяжская дружина, получавшая плату за свои сторожевые услуги. В XI в. также призывы не сопровождались захватом власти наемниками, превращением условленной наемной платы в принудительную дань с нанимателей, как с покоренных. Но даже составитель Начальной летописи, уже не понимавший таких превращений, не мог скрыть следов подобного захвата, донесенных до него из IX в. преданием. Да, именно таким случаем и начинается ряд варяжских сказаний, занесенных в Начальную летопись: «имаху дань варязи из заморья», за что их и прогнали туземцы, вероятно недовольные своим превращением из хозяев-нанимателей в данников, как потом хотели прогнать и Рюрика из боязни стать его «рабами», по выражению летописи. Но Рюрик удержался на месте и из варяжского бродяги-кондотьера превратился в родоначальника русской династии. Из двух моментов таких варяжских историй, *призыва* по найму *и захвата* власти наемниками, русские люди XI—XII вв. по недостатку аналогичных современных явлений уже не понимали второго, не раз повторявшегося в IX и X веках, и, затирая его в своих варяжских воспоминаниях, усиленно подчеркивали первый, им более знакомый. Под влиянием такого неполного, одностороннего взгляда на дело и сложилось несколько идиллическое летописное сказание о призвании князей, которых звали будто бы для того, чтобы они «владели и судили по праву» призывавших. Ученый и степенный книжник XII в., привыкший к гражданскому порядку и дороживший благами княжеского управления, превратил следствия захвата в причины призвания князей, скандал княжеской[2] узурпации покрыл политической программой народного договора с князем.

Байер и Миллер комментировали сказание о призвании просто как темное историческое известие, не вдаваясь в объяснение его происхождения и характера. Не зная происхождения и состава нашей Начальной летописи, они не могли и знать, что между ними и летописным сказанием стоит их же собрат по профессии — ученый русский книжник начала XII в. и такой же решительный норманист, как и они. Потому им следовало начинать изучение вопроса не с того, что случилось с варягами-Русью на новгородском Севере около половины IX века, а с того, почему русские книжные люди $2^1/_2$ столетия спустя так представляли себе случившееся. Потому же они брали и вопрос не целиком, а частично, пытались выяснить себе не столько самое событие,

[2] *Над строкой:* пиратской.

скрывавшееся в сказании о призвании варягов-Руси, сколько племенное происхождение этих последних. И при такой односторонней постановке вопроса они пытались решить его независимо от нашей Начальной летописи, не принимая в соображение или принимая недостаточно ее взгляд на это дело.

А в ее взгляде заметно некоторое колебание: то она как будто считает варягов одним из немецких племен Северной Европы, когда в перечне народов Афетова колена ставит варягов, как и Русь, рядом с свеями, урманами, ***Русь***, агняне, то решительно принимает варягов за родовое, общее название всех этих племен и с Русью, когда, рассказывая о призвании князей, говорит: «И пошли за море к варягам, к Руси, потому что так звались эти варяги — Русью, к[а]к другие, т. е. варяги, зовутся свеями, а другие урманами, англянами и проч. (Лавр[ентьевская летопись, с.] 4 и 18—19). И это колебание необходимо было принять в расчет: оно наводит на мысль, что название варягов у нас узнали от них самих, а не из других каких-либо источников и объясняли его по-своему. Потом возражали против этого, что названия, соответствующие этой русской форме *варяг*, в скандинавских и византийских памятниках появляются не раньше XI в., у Снорро Стурлезона († 1241) vaering, у Кедрина (до 1057 г.[3]) — Βαραγγοι. Но и наша *Повесть временных лет* писала около половины XI в., а Начальный летописный свод составлен в начале XII в., и нет никакой необходимости думать, что эти заморские пришельцы уже в половине IX в. назывались у нас варягами. Но колеблясь в этнографической классификации варягов, наша Летопись не сомневается в их племенном неславянском происхождении, и не могла сомневаться. Она решительно противополагает варягов славянам (Лавр[ентьевская летопись] с. 19 и 28: «Тии суть люди Ноугородьци... А язык словенский и русский одно есть...»). Знал составитель летописи варягов по позднейшим приливам их в XI в., даже после Ярослава (Шимон Патерика Печерского). «Русская Правда» по списку Оболенского: «Варяг крещения не имеа». Язык их, если бы он был славянский, помешал бы противополагать их славянам.

Немцы-академики решили вопрос о племенном происхождении варягов согласно с Летописью, но социальное их положение определили односторонне, как homines nobiles, socii in bellis ets [4]. (Байер). Летопись в своих рассказах выводит их еще и купцами, проходящими в Византию или оседавшими по русским городам, а так[же] беспокойными бродячими искателями добычи и наемного труда.

Следствия обоих методологических ошибок, затруднявшие разрешение варяжского вопроса: 1) Не касаясь факта, скрытого в сказании о призвании князей, сосредоточивали внимание на решении побочных вопросов, которые без выяснения этого факта и

[3] *Над строкой:* 1034.
[4] Воины благородного происхождения (*лат.*).

не могли быть разрешены удовлетворительно; 2) Дали опасное филологическое направление историческому вопросу, превратили его в комментарий слов, а не событий; 3) Не положив критического изучения летописного сказания в основу исследования, подорвали доверие к своим выводам, которые от того получили вид их субъективных тенденциозных догадок, а не толкований исторических взглядов русских книжных людей XI—XII в.; 4) Сказочно-грубым изображением призвания (начало статьи Байера)⊕ задели щекотливое национальное чувство и надолго лишили русскую историческую мысль способности с научным спокойствием отнестись к вопросу. *Игровой* вопрос.

Как излагать начальные факты нашей истории в среднеучебном заведении, покрывая летописные сказания авторитетом книжных людей XI и XII в.?

IV. ВАРЯГИ — РУСЬ

[1890-е годы]

Этот вопрос более ста лет занимает исследователей русской истории и доселе остается не вполне разрешенным. Причина этого заключается в сбивчивости известий о варягах и Руси, какие сохранялись в наших древних памятниках. Начальная летопись считает Русь варяжским племенем, а варягов то признает общим названием разных германских народов, обитавших в Северной Европе, преимущественно по *Варяжскому* (Балтийскому) морю, каковы шведы, готы, англы, то как будто видит в них особое племя, принадлежащее к числу этих народов наравне с Русью. В летописных сводах XVI в. появляется сказание о призвании первого русского князя из *Прусской* земли.

Гедеонов. Русь по Балт[ийскому] морю [с.] 39 и сл., с остр[ова] Рюгена [с.] 52. Варяги от Полабского warang (меч), смешанное их происхождение скандинаво-славянское [с.] 154—168.

Известия о Руси в IX в.: Берт[инские] летописи 839 г., Фотия в Беседах⊕ и Послании Заб[елина] 432 и 436, Никиты Пафлагонского, ib 433 not, в житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского⊕, известие аль-Катиба о Русе 844 г., Гаркави⊕ 63, Хордадбе, ib. 49. Русь — славяне. Из всех этих известий видно, что *Рось в IX в. народ или класс,* недавно, около половины IX [в.], покоривший вост[очно]славянские племена, с скандинавской примесью, сильный на море торговлей и наездами. Ср. Сол[овьева т. 1, с.] 104. Происхождение слова неизвестно, но то, что им обозначалось, д[овольно] явственно выступает в иноземных известиях IX в.

В. Н. ТАТИЩЕВ

I. ТАТИЩЕВ [1] *[1886, 1891 г.]*

Нам предстоит рассмотреть движение русского исторического сознания во вторую половину XVIII в., т. е. в царствование Екатерины II.

Внешний блеск этого царствования, шум побед, слава огромных территориальных приобретений, широта внутренних преобразований — все это без сомнения отозвалось не в одних лирах русских Пиндаров Екатерининского времени: все эти явления не могли остаться без сильного действия на русские умы, на общественное сознание тогдашнего нашего общества.

Но разбирая факты, которыми характеризуется наша умственная жизнь того времени, мы должны приписать господствующее в ней значение не этим громким и ярким явлениям внешней и внутренней политики правительства. Питательную и движущую струю в движении русской мысли составляет факт менее шумный и более глубокий. Никогда еще, даже и во время Петра I, русское общество не подвергалось такому сильному и многостороннему давлению иноземных идей; впервые оно вошло в такое тесное знакомство с литературой западноевропейского мира. Сила этого иноземного умственного влияния измеряется уже тем, что им проникнуты, от него не могут отрешиться даже те, которые борятся с ним, которые боятся дурных его последствий.

Надобно, впрочем, заметить, что и в самой Западной Европе около половины XVIII в. умственная жизнь принимает направление, дотоле ею не испытанное; в ней получают господство идеи, никогда с такой силой не овладев[ав]шие умами. В чем состояла сущность этого умственного движения и как оно отразилось на умственной жизни русского общества — вот два вопроса, которые необходимо предварительно хотя бегло рассмотреть, чтобы понять и оценить происхождение, свойство и значение перемен, совершившихся в русском историческом сознании во вторую половину прошедшего столетия.

Характером и силой этого умственного движения XVIII век утвердил за собой гордое название философской эпохи или века Просвещения. Мысли, составившие сущность этого просветительного движения, родились, по крайней мере впервые высказаны были, в Англии еще в XVII в., вслед за конституционной борьбой Стюартов с английским народом. Творцами их были астроном и эмпирик-философ, Ньютон и Локк, первый со своим мех[аническим] [2] законом тяготения, второй со своим сенсуал[истическим] [3] учением о человеческом познании [4].

[1] *Написано карандашом.*
[2] *Слово написано над строкой карандашом.*
[3] *Слово написано над строкой карандашом.*
[4] *Полтора листа оставлено В. О. Ключевским чистыми.*

II. ТАТИЩЕВ[1]

Материал. Татищев собрал громадную массу печатных и рукописных памятников для своего труда. Он сам признается, что имел под руками более 1000 книг, которыми мог руководствоваться. Здесь были и древние греко-римские историки, и географы, и произведения тогдашней европейской исторической и географической литературы, и разнообразные отечественные источники истории.

Общий план. Характер этих последних определил общий план труда Т[атищева]. Сперва он думал писать обыкновенным «историческим порядком, сводя из разных мест к одному делу, и наречием таким, как ныне наиболее в книгах употребляем», т. е. современным ему литературным языком. Но 1) свидетельства источников еще не были сведены и соглашены и невозможно было делать исторических выводов без предварительного выбора и поверки известий; 2) самые источники впервые извлекались из пыли частных и общественных архивов и затрудняли историографу ссылки на них; сообщив[2] их свидетельствам литературно-историческое изложение, переменив их порядок и наречие, по выражению Т[атищева], он подвергался опасности погубить вероятность, возбудить в читателе подозрение в произволе и вымыслах. Ученое благоразумие заставило Т[атищева] принять совсем иной план изложения, соответствующий первоначальной черновой работе, которой требовали источники. Он предположил разделить свой труд на 4 части: в первой изложить предварительные критико-библиографические исследования об источниках и этнографические разыскания о главных народах, населявших Россию до 860 г.; вторую должны были составить летописные известия о России с 860 г. до монголов, третью до Ивана III, и четвертую до Михаила Федоровича. Излагая известия эти, он решился просто выбирать и сопоставлять их из разных летописей, не трогая текста и летописного порядка источника, составить, так сказать, сводный текст летописей, «не переменяя, ни убавливая в них ничего», по словам самого автора. Впрочем, потом, для удобства читателей и переводчиков, он изложил составленный та[ким] обр[азом] свод современным литературным языком: в таком виде он и появился в свет. Собственно ученую работу, критические изыскания, пояснения и выводы он поставил в стороне от этого текста, в особых сопровождающих его примечаниях.

Порядок изложения. Сообразно с этим общим планом расположено и изложение[3] автора. Из 49 глав первой части несколько посвящено исследованиям о начале письменности у славян, о языческих верованиях и принятии ими христианства, Иоакимовской и Несторовой летописи, о летописцах после Нестора и рукописях, по которым автор изучал летописи.

[1] *Написано карандашом.*
[2] *Над строкой написано карандашом:* облекши.
[3] *Над строкой карандашом:* истор[ическое] повествов[ание].

К этому прибавлена глава о летоисчислении[4] в древнерусских летописях. Следующие затем (с 9-й) главы заняты известиями древних и новых писателей и собственными изысканиями автора о скифах[5], сарматах, в которых он видит финнов, и славянах, к которым он причисляет гетов, фраков, даков, энетов, булгар волжских и даже хазар. В дальнейших частях — летописный свод с критическими примечаниями.

III. ТАТИЩЕВ

Характерное явление нашей научной жизни: практический делец Петровой школы — историограф. Не досужая любознательность, а практическая потребность вызвала труд. Русский исследователь встал впервые перед первыми источниками отечественной истории и внимательно подумал, как поступить. Начальная летопись во главе сводов: исторические представления русских киевских книжников XI—XII вв. (автор П[овести временных лет] Нестор и Сильвестр). Мы знаем начало нашей истории, как его представляли эти книжники. Как они? Их исторические воспоминания с совершенно пустого места: имаху дань — 859 г. Раньше этого три народные сказания подслушаны и завязли в пам[яти]: 1) о нашествии волхвов; 2) об основании Киева; 3) о нашествии обров на дулебов. Нашествие хазар уже примыкает к непрерывному ряду исторических воспоминаний летописателей. Эти сказания в *песнях*, вероятно. Еще о приходе радимичей и вятичей «от ляхов», из Польши, но уже с ученой примесью. Два ига. Потребность осветить темное место: *Повесть временных лет* — ученый историч[еский] трактат, чистая диссертация о происхождении Руси. Материал: живые остатки старого быта, песни, поговорки, визант[ийский] хронограф; связано критикой — в предании о Кие: яко же *сказают* — кто? Книжное творчество уже в XI в. и составитель свода продолжал его.

Т[атищев] поступил по примеру составителя Начальной летописи: он не тронул исторических представлений р[усских] книжников XI—XII вв., как те не трогали народных преданий своего времени, 2-ю часть начал *парафразой Нач[альной] летописи* и продолжал сводкой. «По потопе трие сынов Ноеви разделиша землю». Сице начинаю сказание се... Но как книжники тех веков старались понять народные предания с визант[ийским] хронографом в руках, осветить чужд[ым] светом темное место, с которого их воспоминания, так и Т[атищев] с ними. Книжная легенда [дошла] до него в осложненном виде: Иоаким[овская] летопись 1, 31. В текст свода не поместил, но не обошел, только указал источник вымыслов — прим. 7 к 32 на стр. 42. *Подбором древних* и христ[ианских] известий о Вост[очной] Европе попытка воссоздать *истор[ическую] почву*, на которой сели русские

[4] *Над строкой карандашом:* время.
[5] *На полях написано карандашом:* племени гурецин.

славяне. Отсюда ряд монографий — 49 глав первой части. Тяжесть и цена работы — методологическая. Отсюда *первая теория ученая* на смену *книжной легенде* о начале нашей истории. Неважно, что ее поздно узнали (изд[ание] началось с 1768, а труд уже готов в 1739). Важно не распространение ее в читающем обществе, а технич[еская] возможность ее возникновения в уме тогдашн[его] исследователя. Главные черты теории — выше. Заканчивает происхождением и видами человеческого общества: 1) сообщество семейное, 2) *родовое* — союз родителей и детей, 3) *домовное* — господина и слуг по *договору,* ибо общество насильственное, союз завоевателей и невольников лишен юридич[еского] основания, так как нет самого источника права — соглашения свободных воль: раб и холоп 530 NB; 4) *гражданство,* союз домовных сообществ для взаимной защиты и разделения занятий: 1, 530 и сл. Русский историограф, цепляющийся за вечно несущуюся вперед европ[ейскую] мысль и полит[ические] взгляды: 545 сл.

В примечаниях не историк, а наблюдатель вместе с читателем. Стереоскопически проводит перед ним летописи, смотря сам с боку: IV, n. 24, XII, n. 50; стр. 110.

Речь Попова: занятие историей 6—7. 10; изучение Байера: 16. Политич[еские] взгляды: Сол[овьев]: Историогр. 32. Значение труда: ib. 35. Польза истории: ib, 18i.

Ссылка на Вольфа: Тат[ищев] ч. I, 1, 3i. Истор[ический] фактор — ум: § X, 26.

«РАЗГОВОР»⊕

Потребность синтеза частичных наблюдений и изучений. Важность соврем[енных] памятников такого рода.

Происхождение Разговора. Речь 16. Феофанова ученая дружина. Учено-литер[атурные] кружки. Вопрос о народном образовании. Переход в политические общества при Алекс[андре] I.

Энциклопедическое направление умов под влиянием рационализма в философии и политике. Лейбниц — Бейль — и энциклопедисты.

Энциклоп[едическое] содержание Разговора. Предисл[овие], XXI сл. Трактат о пользе наук и план народных училищ (р. 161). Можно дешевле и шире.

Духовный облик образ[ованного] русского человека школы Петра:

1) Политический консерватор: не касаясь основ сущ[ествующего] гос[ударственного] порядка, изучает его происхождение и склад, замечает недостатки и придумывает средства исправления без мысли о перестройке. Эмендатор, не новатор, как и сам Петр;

2) Средство исправления — наука во всем тогдашнем ее объеме и для всего народа, без специализации и монополизации, решительно вся и решительно для всех, со школами без раз[личия] «для мужских и женских персон», по плану Татищ[ева].

IV. В. Н. ТАТИЩЕВ (1686—1750) [1]

Вторым делом русской историографии XVIII в. было собирание и обработка материалов для полной истории России. В этом деле вместе с немцами-академиками поработали и русские люди и им принадлежит не только инициатива этого дела, но и наибольшее количество сделанного.

Потребность в полной русской истории, составленной по первым научно обработанным источникам, родилась под влиянием преобразовательной деятельности Петра Великого из практических нужд, из умственных и нравственных стремлений, ею внушенных.

Как подействовала реформа Петра на умственную и нравственную жизнь русского общества — это вопрос очень важный, но еще далеко не выясненный в надлежащей степени. Если судить об этом действии по ближайшим сотрудникам преобразователя, особенно по их поведению после него, ответ на вопрос получится не особенно благоприятный. Большинство этих даровитых и деловитых людей страдало большими недочетами в своем образовании и не меньшими нравственными недостатками, решительно выводившими Петра из терпения. Не лучшее впечатление производит и масса русского общества, прямо захваченного реформой, увлеченного ее интересами. Неблагонадежные нравы этого общества довольно известны, а его умственное развитие можно характеризовать известным стихом Кантемира: «Ум недозрелый, плод недолгой науки», — и это еще лучшее, что можно сказать про русскую интеллигенцию, выработавшуюся из реформы.

Нельзя, однако, думать, что реформа потерпела полную неудачу в этом отношении, т. е. в деле насаждения в России наук, образования. Известно, что ее ближайшей целью было распространение прикладных знаний, которые приносят прямую материальную пользу, делают народ промышленным, государство — сильным и богатым. В своем апрельском манифесте 1702 г. о вызове иностранцев в Россию Петр признается, что предпринял в государственном управлении «некоторые нужные и ко благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научаться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах». Но для достижения такой скромной, ограниченной цели Петр приводил в действие такие средства, внушал такие стремления, которые невольно будили умы, расширяли взгляды и понятия, поднимали мысль выше интересов материального житейского обихода. И если вы хотите видеть, как сильно было действие реформы в этом направлении, каких образованных дельцов могла она создавать, для этого достаточно познакомиться с биографией В. Н. Татищева. Это типический образчик петровского дельца, воспитанного реформой, проникшегося ее духом, усвоившего ее

[1] *Над строкой:* Поиски Татищева в Швеции: Сол[овьев, т.] 18, [с.] 314.

лучшие стремления и хорошо послужившего отечеству, а между тем не получившего от природы никаких необычайных дарований, человека, невысоко поднимавшегося над уровнем обыкновенных средних людей.

Именно это и усиливает его значение в русской историографии. Артиллерист, горный инженер и видный администратор, он всю почти жизнь стоял в потоке самых настоятельных нужд, живых текущих интересов времени — и этот практический делец стал историографом, русская история оказалась в числе этих настоятельных нужд и текущих интересов времени; не плодом досужей любознательности патриота или кабинетного ученого, а насущной потребностью делового человека.

Так[им] образ[ом], Татищев вдвойне интересен, не только как первый собиратель материалов для полной истории России, но и как типический образчик образованных русских людей петровской школы.

ТАТИЩЕВ (СОЛОВЬЕВ)

О занятиях историей и географией: I, гл. 43.
Новые свед[ения] о Татищеве. Пекарск[ий] Сборн[ик] мой № 12.

Свод не фактов, а самых известий, 21. — *Деловой рационалист,* 22. О Брюсе: Тат[ищев]; I, XIX. Происхождение труда: XX. Господствующая сила в истории: XXVI. Суждения о смерти кн. Глеба: 2, 94 прим[ечание] 214. Рассказы о своем времени, крит[ический] прием: Сол[овьев], 26 и сл. Истории о Ростове: 28. NB о случаях: С[оловьев] 32i.

Виды общества: 32i. Культ г[осу]д[ар]ства: 32fm, Петра: 33i. Общий характер примечаний: 33.

Божества летописи сарматские (23) или варяжские. О происхождении народов и библейском Росе. — 24; три народа; объяснение причин *разности званий народов* — глава X: печенеги, половцы и торки — сарматы. Роксоланы не славяне. 28. Руссы — сарматы (29), финны — *чермный*, Старая Руса; Новый город славян. Рюрик — кн[язь] финляндский; руссы — варяги, т. е. разбойники. Неясность дела Москвы, не от Мосоха; *болотная* или крутящаяся. Древность славян в Европе до Прокопия. Славяне в Сирии и *Моисей.* Болгары и козары — славяне; причина их движения с Волги на Дунай: 30. *Распространение славянского языка по России*: 31. Части Руси: Великая Русь, Малая, *Белая*: I, 519. *Происхождение общества* — вся глава: и политические взгляды автора: I, 527. Потом разбили его выводы, но удержали его приемы; бросили *теорию*, но сберегли *метод.*

Порядок. Второе дело р[усской] историографии в XVIII. Биография. Происхождение труда: XVI и XX и сл. XIII и 64. Сол[овьев] 17. Теория истории. *Определение* § 1. Польза. С[оловьев] 18 пр. III и IV; VIf, *Фактор* XXVIf; ч. 2, 94. Источники: XI. План: XXI, С[оловьев], 21.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОЛЕНИН

[*1893 г.*]

А. Н. Оленин — это целые полвека в истории нашего просвещения и нашей историографии, особенно археологической ее ветви. Он не давал направления просвещению и историографии, но в продолжении 50 лет — до 1843 г. — трудно вспомнить в ходе русского просвещения крупное дело или крупного дельца, не припоминая и Оленина. Не быв крупным светилом, он как-то умел бросить свой луч на каждое современное ему светлое явление в этих областях нашей жизни.

По своему общественному положению это был государственный делец, проходивший самые разнообразные служебные поприща; одно из блестящих произведений и оправданий школы Ек[атерины II] и Бецкого, мечтавшей о воспитании дельцов, которые, подобно древнеримским деятелям, способны были бы становиться мастерами всюду, куда призывала их польза государства и отечества. Юнкер Пажеского корпуса, студент Артил[лерийской] школы в Дрездене, батарейный командир в шведской и польской кампаниях, инженер в Финляндии, потом, по переходе на гражд[анскую] службу, — управляющий конторой по покупке металлов, чиновник Ассигнац[ионного] банка, составляющий по поручению мин[истра] фин[ансов] гр[афа] Гурьева краткое рассуждение о бухгалтерии, обер-прокурор 3-го Департамента Сената, директор Юнкерской школы, помощник директора и потом директор императорской П[убличной] б[иблиоте]ки, статс-секр[етарь] Госуд[арственного] совета по Департаменту гражд[анских] и дух[овных] дел и потом государств[енный] секретарь, наконец, президент Академии художеств, ее реставратор, поднявший ее из хозяйственного и художественного упадка — такова служебная карьера Оленина.

А чем он был в обществе вне службы — об этом прочтите любую биографию крупного писателя, любые автоб[иографические] записки[1] прикосновенного к литературе и науке человека первых десятилетий текущего столетия. Прекрасно образованный человек, страстный любитель искусств и литературы, талантливый рисовальщик, с тонким чувством изящного и огромной начитанностью, любитель отечественной старины и покровитель нарождающихся отечественных талантов, при обширных связях в высшем петерб[ургском] обществе, простой в обращении и гостеприимный хозяин-хлебосол, деливший свое время и силы между службой и дружбой — вот каким изображается Оленин в этих биографиях и мемуарах. Я не буду говорить о том, что́ он сделал для Академии художеств, к[ото]рую он оставил в блестящем состоянии, но застал в полном упадке, в к[ото]рой у целой трети учеников росли зобы от дурной пищи и душного воздуха

[1] *Над зачеркнутым:* мемуары.

в классах и спальнях и профессора и ученики в натурном классе едва [могли] отчихаться от копоти смрадных ламп [2].

Мы перебираем лучшие страницы истории нашей литературы и общежития, припоминая жизнь Оленина. Сначала он — один из с[амых] видных членов кружка Державина (М. Дмитриев⊕, 37). благотворно влиявший своим литер[атурным] вкусом на Хемницера, потом у него собирается собственный кружок, где своими людьми становятся Крылов и Гнедич; последний по совету Оленина и Уварова предпринял перевод всей Иллиады гекзаметрами. Постепенно разрастаясь благодаря приветливости и любознательности хозяев, этот кружок скоро превратился в самое многолюдное и лучшее литературно-художественное собрание в Петербурге. Лет 30 весь литературно-художественный мир столицы твердо помнил 5 сентября, когда каждый гость весело направлялся в петербургский дом Оленина или на его дачу *Приютино*, чтобы поздравить его жену, ласковую Ел[изавету] Марковну, и провести вечер в обществе, какое трудно было встретить в другом доме. Здесь можно было видеть русских художников трех поколений, начиная с Боровиковского и даже старого Косенна, помнившего еще первые времена Бецкого, и оканчивая молодым художником 14 класса Солнцевым. Русская литература бывала здесь в полном сборе, во всей пестроте своего состава. Может быть, только в этом добродушном доме и можно было встретить за одним столом и бессмертных арзамасцев с беспокойным «*Сверчком*» *Пушкиным*⊕ во главе, и важных покойников-*халдеев* шишковско-державинской «*Беседы*⊕». Светила русского пера, резца и кисти на закате находили здесь почтительный прием; но и таланты, едва вырезывавшиеся из-за горизонта, впервые были замечаемы в доме Оленина, как на зоркой [3] обсерватории. Не говорим о Крылове, который не знал, где он больше дома, у себя или у Оленина, и басни которого здесь знали раньше, чем они появлялись в печати.

Трагик *Озеров*, прежде чем, по выражению Пушкина,

> ... невольны дани
> Народных слез, рукоплесканий
> С младой Семеновой делил,

прежде постановки своих трагедий на сцене, проверял их вкусом оленинского общества. Сам Карамзин, читая свою «*Историю*» среди членов любимого им «Арзамаса», в письмах своих в почтительных скобках отмечал, что слушателем его бывал и Оленин.

Не нужно прибавлять, что он был очень внимательным слушателем историографа [4]. Он принадлежал к кругу тех незабвенных любителей отечественной старины, которые оказали столько услуг русской историографии и впереди которых стоят в наших исто-

[2] *Далее зачеркнуто:* которую оставил в блестящем состоянии.
[3] *Над зачеркнутым:* чуткой.
[4] *Далее зачеркнуто:* художник-меценат.

риографических воспоминаниях М[усин]-Пушкин, гр[аф] Румянцев, гр[аф] Строганов, гр[аф] Толстой. Художник и меценат, Оленин не гнушался черной работы по археологии и библиографии. Желательно было бы собрать и обработать в цельный очерк все его труды по этой части. Имя Оленина связано с открытием в 1814 г. Имп[ераторской] Публ[ичной] библ[иотеки], на устройство и каталог которой он положил много труда. Труда его, *Опыт* нового библиогр[афического] порядка, Оленина — система делений рукописей по предметам — ее держался и А. Ф. Бычков, став в 1844 г. хранителем рукописей Б[иблиоте]ки («Погодин», Барс[уков ⊕, т.] 7, [с.] 329). В 1828 г. умер хранитель рукописей имп[ераторской] П[убличной] б[иблиоте]ки Ермолаев, оставивь по себе много материалов по археологии. В детстве помещик и сенатор Бороздин приютил его, отдал в Академию художеств; Оленин заметил любознательного юношу, определил его в б[иблиоте]ку, открыл ему свой дом, дал направление его занятиям — и из Ермолаева вышел скромный энтузиаст — археолог и палеограф. При содействии Оленина Ермолаев в 1809—11 гг. вместе с сыном Бороздина совершил ученое путешествие по России, и они привезли 4 тома рисунков, хранящихся в Публ[ичной] б[иблиоте]ке («Погод[ин]» Барс[укова], т. 2, [с.] 198). При содействии Оленина Солнцев был послан описывать и срисовывать памятники русской старины. В 1832 г. Устрялов, приготовляя сказания кн[язя] Курбского, от Оленина получил *превосходный* портрет Грозного, взятый из его рукописи («Строев» Барсукова ⊕, [с.] 240). В 1844 г. составлен был в Москве под председательством гр[афа] С. Г. Строгонова комитет для издания известного *Описания* Др[евне] Росс[ийского] государства; материалами для этого издания послужили рисунки, изготовленные акад[емиком] Солнцевым для Оленина (ib., с. 414).

В страшный холерный 1831 г. известный кн[язь] В. Ф. Одоевский, описывая состояние Петербурга, писал: «Из всех живых существ я видел почти одного Оленина, в огромной шинели на плечах, в калошах на ногах, с портвейном в руках, с сигарою в зубах, с холерою на языке и м[ежду] тем с спокойствием в сердце, ибо он принадлежал к числу немногих, которые во время болезни сохраняли присутствие духа и хладнокровие; он прекрасно действовал и с всеусердием помогал больным; я его вдвое больше полюбил с сего времени» («Погод[ин]» Барсукова, [т.] 3, [с.] 328). Этим изображением, напоминающим своими красками[5] маленькие старинные картины Ван-Остаде, я и закончу свое воспоминание о скромном ученом вельможе и милом человеке.

[5] *Далее зачеркнуто:* старинные.

Н. М. КАРАМЗИН

[Не ранее 4 марта 1898 г.]

I. КАРАМЗИН [1]

К[арамзин] смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что́ происходит на театральной сцене. Он следит за речами и поступками героев пьесы, за развитием драматической интриги, ее завязкой и развязкой. У него каждое действующее лицо позирует, каждый факт стремится разыграться в драмат[ическую] сцену. По временам является на сцену и народ; но он остается на заднем плане, у стены, отделяющей сцену от кулис, и является обыкновенно в роли deus ex māchĭna [2] или в виде молчаливой, либо бестолково галдящей толпы. Он выводится не как историческая среда, в которой действуют герои, а тоже в роли особого героя, многоголового действующего лица. Герои Карамзина действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды [3] вокруг себя. Это — скорее воздушные тени, чем живые исторические лица. Они не представители народа, не выходят из него; это особые люди, живущие своей особой героической жизнью, сами себя родят, убивают один другого и потом куда-то уходят, иногда сильно хлопнув картонной дверью. Они ведут драматическое движение, но сами не движутся, не растут и не стареют, уходя со сцены такими же, какими пришли на нее: русские князья южной Руси XI—XII в. говорят, мыслят и чувствуют так же, как русские князья северной Руси XIV и XV в., т. е. как мыслил ист[орик]. Это люди разных хронологических периодов, но одинакового исторического возраста. Они говорят и делают, что́ заставляет их говорить и делать автор, п[отому] что они герои, а не потому что они герои, что говорят и делают это [4]. От времени до времени сцена действий у К[арамзина] пустеет: герои прячутся за кулисы и зритель видит одни декорации, обстановку, быт, житейский порядок — это в так называемых внутренних обозрениях (число их). Но среди этого житейского порядка не видать живых людей и не поймешь его отношения к только что ушедшим героям: не видно ни того, чтобы из их речей и поступков должен был сложиться именно такой порядок, ни того, чтобы их речи и поступки были внушены таким порядком. Таким образом, у К[арамзина] действующие лица действуют без исторической обстановки, а историческая обстановка является без действующих лиц. Потому действующие лица кажутся невозможными, а обстановка действия ненужной. Но лишенные исторической обстановки, действующие

[1] *Наверху:* Лелевель о Карамз[ине]: «Р[усская] стар[ина]», [18]78 г., авг[уст].

[2] *Букв.* «Бог из машины» (*лат.*). Неожиданно появляющаяся сила, благополучно разрешающая казавшееся безвыходным положение.

[3] *Над строкой:* атмосф[еры].

[4] *Внизу сноска:* Они не потому герои, что г[ово]рят и делают то, что заставляет..., а потому г[ово]рят и делают это, что они — герои.

лица у К[арамзина] окружены особой нравственной атмосферой: это — отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели. Речи и поступки действующих лиц у К[арамзина] внушаются этими понятиями и ими же измеряются; это своего рода лампочки, прикрытые от зрителя рампой и бросающие особый от общего освещения залы свет на сцену. Но К[арамзин] не заглядывает за исторические кулисы, не следит за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действия каких исторических сил слагается исторический процесс и как они действуют. Потому у него с целой страной совершаются неожиданные перевороты, похожие на мгновенную передвижку театральных декораций, вроде, например, его взгляда на ход дел в Р[усской] земле до Ярослава I и после него, в удельное время, когда, по его словам, «государство, шагнув в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более 300 лет» (2, 65). Зато нравственная правда выдерживается старательно: порок обыкновенно наказывается, по крайней мере всегда строго осуждается, страсть сама себя разрушает и т. п. Взгляд К[арамзина] на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за проявлениями нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях, за этими, как он говорит, «героями добродетели, сильными мышцею и душою, или за яркими чертами ума народного свойства, нравов, драгоценными своею древностию» [ib, 66]. Он не объяснил и не обобщил, а живописал морализировал и любовался, хотел сделать из истории Р[оссии] не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы. Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед р[усским] обществом и главный недостаток его перед ист[орической] р[усской] наукой.

II. Н. М. КАРАМЗИН

Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм, республиканизм (33 гл.) — оставлены. Остался сентиментальным моралистом XVIII в. и приверженцем просвещения, как лучшего пути к доброй нравственности, которая — основание госуд[арственного] развития и благоустройства. Остались и особенности его духа, развитые его литературной деятельностью, впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность[1] без чутья[2] движения,

[1] *Над строкой:* воображение над мышлением.
[2] *Над строкой:* вдумчивости.

процесса. Наблюдения и принесенные ими разочарования из либералиста в консерватора-патриота: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для граждан; насильственные потрясения гибельны» (гл. 28). Перемена во взгляде на реформу Петра. Впрочем, уцелел и еще один след влияния на него просветительной философии: историческая методика школы Руссо. Сочувствие к республиканскому правлению в *«Марфе Посаднице*[3]*»* — влечение чувства, не внушение ума: политические и патриот[ические] соображения склоняли к монархии, и притом к самодержавной. В той же повести слова кн. Холмского. В спорах о лучшем образе правления для России он стоял на одном положении: Ро[ссия] прежде всего д[олжна] быть великою, сильною и грозною в Европе, и только самодержавие может сделать ее таковою. Это убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, международным положением России, К[арамзин] превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие — коренное начало русского государственного *современного* порядка; следов[ательно], его развитие — основной факт русской исторической жизни, самая сильная тенденция всех ее условий.

Остатки старого миросозерцания и новые его элементы в «Истории г[осударства] Р[оссийского]». Как она писалась (гл. 83 сл.). В 1815 г. готовы были 8 томов (до 1560 г.). Выход их в 1816—[18]17 гг.[4] в Петербурге. Успех. Гл. 86. Впечатление — слова Пушкина ⊕: ib.

Программа и метод: Пред[исловие], 23f и 21m. Недостаток критики источников: краткий их перечень во введении.

1. Взгляд на ход русской истории. *«Зап[иска] о древней и новой России»*. Происхождение и отношение к *Истории*: 2238i. Москов[ские] князья: 2247i. Петр I: 2249, 2254. Переход к реформам Александра: 2271. Люди, не учреждения важны: 2343. Екатерина [II]: 2265 сл. — Указ о экзаменах: 2297. Ошибка А[лександра] I: 2334, 2335f. Заключение: 2348f.

III. Н. М. КАРАМЗИН[1]

Цель труда К[арамзи]на морально-эстетическая: сделать из русской истории изящное назидание (Предисл[овие]) в образах и лицах. Поэтому у него события — картины, историч[еские] деятели либо образцы мудрости и добродетели, либо примеры обратного качества[2]. Назидательная тенденция побуждает рисовать

[3] *Над строкой:* 1803 г.
[4] *Над строкой:* нач[але] 1818 г.

[1] *Наверху пометки написаны синим карандашом:* Писали на службе. К[арамзин] — писать не служа. Записка: 2240—49. Екат[ерина]: II, 62 и 65. Самодерж[авие]: 72. *В верхнем углу синим карандашом написано:* Карамзин.
[2] *Над строкой:* наоборот.

явления с поучительной стороны, а как источники не дают для того материала, то восполнять их психологической выразительностью. Восстановить психологию давно минувших деятелей — одна из важных задач исторического изучения. Но как К[арамзин] этого и не пытался сделать, то его психологии — просто подсказывание историческому лицу своих собств[енных] чувств и мыслей: 2245i. Ошибки — Собор 1613 г.: 2246—47m. Научная задача не идет далее возможно точного воспроизведения хода отдел[ьных] событий в хронол[огическом] порядке и х[аракте]ра лиц и их действий; но связи причин и следствий, нити событий, последовательного движения народной жизни, того, что зовем *истор[ическим] процессом,* не видит читатель. Нет критики (источников, ни критики) фактов (вместо первой — обширные выписки в примечаниях), вместо второй — моральные сентенции или похвальные слова, *как у древнерусского летописца. К[арамзин] не изучал того,* что́ находил в источниках, а искал в источниках, что́ ему хотелось рассказать живописного и поучительного [3]. Не собирал, а выбирал факты, данные. Отсюда у него истор[ические] чудеса: нач[ало] 2 т. (Бестужев-Рюмин⊕, 24m).

Нет движений пред неподвижной мыслью.

Ищет в каждом лице и событии, насколько *осуществлялась* добродетель и справедливость, а не следит, как *вырабатывалась* та и другая. В сущности это — одно и то же, но с разных точек зрения, измерение сверху и снизу: один — насколько поднялась над уровнем минуты, а другой — насколько не дошла до высшего, идеального. То же, что один говорит: 3 часа 40 м[инут], другой — 4 без 20 мин[ут]. Но впечатление разное: один констатирует постепенный прогресс, другой утверждает вечную отсталость жизни. У первого — люди развиваются, у второго — они вечно несовершенны. Поэтому научная история оптимистична, а моралист-историк д[олжен] б[ыть] пессимистом. Научный историк изучает природу общежития [4], моралист — судит людей. Гл. 94f. Гл. 13 и 15.

В струю сентим[ентально]сти, к[ото]рую повел Руссо. Эстетика, философия чувства, человечество: космополитизм К[арамзина]: 157, оптимизм: Гл. 29, 20. Революция выводила из ароматной сферы личного чувства и мечты в дей[ствительно]сть историческую: Гл. 26i. *Мечты о будущем и идеализация прошлого*: Гл. 32. Отказ от оптим[изма]: 22m. «Наталья»⊕, 18. Истор[ический] метод просвет[ительской] философии.

Мысль о русской истории: Ко[ялович, с.] 154: 1) предмет искусства [5], 2) аналогия к[а]к метод изучения; 3) *мысль о нац[иональной] самобытности* как стимул воображения («Наталья». Ко[ялович, с.] 158). 4) мораль: Гл. 31. Отношении к революции и исто-

[3] *Над строкой:* Ко[ялович]⊕, с. 171.
[4] *Над строкой:* люд[ей].
[5] *Над строкой:* живопись.

рический консерватизм: Гл. 29 и 28. Перемена космополитического *взгляда на Петра: Гл. 41.*

Явления прошлого облекаются в терминологию современности: 2231, Бест[ужев-Рюмин], 23m.

Впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность без сути процесса, морализации явлений [6].

Кн[язь] Голицын — 247f. из непонимания, а не ошибочного понимания.

Карамзин — у Руссо современные потребности, нужды современности в начале как факты истории. Колыбель человечества исторического наполнилась негативами современного положения.

Европ[ейское] *влияние и впечатление*; *русские историографические* предания. — Разочарование в будущем *человечества* повело к наклонности идеализировать *местную* старину. Литературное воспитание развило интерес к личной жизни на счет понимания быта масс. История *государей* российских.

Изучать историю, чтобы написать ее: мысль сосредоточивается на подборе фактов, не на их *связи* [7].

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПОСЛЕ ПОХОРОН А. Н. ЗЕРЦАЛОВА

29 ноября 1897 [г.]

Сегодня мы похоронили А[лександра] Н[иколаевича] Зерцалова. Он почти 15 лет был в составе нашего Общества [1]. Читатели *Чтений* наших очень хорошо знают его имя: он был усерднейшим нашим сотрудн[иком] и вкладчиком нашего издания. Много ценных архивных документов, им сообщенных, уже напечатано; немало ценного материала хранится в редакционном запасе и будет напечатано. Он был неутомимый архивист-разыскатель и любил это дело, которое я назвал бы архивным рудокопательством. Бывало, когда он был здоров, зимой чуть не каждое воскресенье приходил он ко мне и, вынимая из бокового кармана знакомые мне серые листы и вытирая бородку, говорил: «А я вот кое-какие бумажки принес». Я уж наперед знал, что это — какая-нибудь новость, отрытая им в архиве. Со временем он развил в себе замечательное чутье архивиста, знал, где чего искать, и верно угадывал научную ценность найденного документа.[2] Он спешил поделиться каждой своей архивной находкой с ученой братией.

[6] *Далее:* Программа К[арамзи]на: Бест[ужев-Рюмин] 20 i.
Примеры понимания: 23 in, f. 24 m. 27 m.
Значение самодержавия: Бест[ужев-Рюмин] 27 f. Зап[иска] 2343, 2238.
Ход работы: Ко[ялович] 168 f. 172 i: выработка стиля.
Впечатление: Ко[ялович] 172 m. Гл. 86.
Как писать историю: Письма [русского путешественника с.] 157.

[7] *На обороте:* Карамзин. Шлёцер.

[1] *Над строкой:* Он работал с нами.

[2] *Далее зачеркнуто:* Скромный, тихий и непритязательный.

Все, занимавшиеся в Московском архиве юстиции, и старые и молодые ученые, знают, помнят и ценят его радушную готовность помочь им в архивных розысках. Сколько ученых исследований исполнено при его содействии, по документам, им найденным или указанным. Скромный, тихий и непритязательный, он ждал за свое содействие только одного вознаграждения — авось[3] в конце предисловия к исследованию будет упомянуто и его имя в числе лиц, облегчивших автору его работу, и держа в руках исследование, он вправе будет подумать: ну вот, в этой свечке и моего меду капля есть. В этом отношении А[лександр] Н[иколаевич] был чистым носителем и выразителем того архивистского духа, который давно вогнездился в Моск[овском] архиве М[инистер]ства юстиции и доселе в нем пребывает. А[лександр] Н[иколаевич] знал, что архивист и исторический исследователь — собратья и сотрудники, делают одно дело, только в разные моменты его движения, производства: первый копает руду, второй, вместе с ним промыв ее, собирает и отливает промытые крупинки в цельные слитки. Да живет в наших архивах этот добрый дух, лучшая связь нашего Общества с ним, и да будет и в Моск[овском] архиве юстиции и в нашем Обществе вечно свежа память об А[лександре] Н[иколаеви]че!

М. П. ПОГОДИН

I. [РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. П. ПОГОДИНА «ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДО МОНГОЛЬСКОГО ИГА»]

[Не позже 15 июля 1872 г.]

ПОГОДИН[1]

Книга, о которой мы намерены высказать несколько замечаний, появилась в публике три-четыре месяца тому назад; но по отношению к русско-исторической литературе ее далеко нельзя назвать новостью текущего или прошедшего года[2]. Мысль ее и первые литературные очертания относятся ко времени, когда еще не родилась бо́льшая часть людей, которые теперь в состоянии читать ее. Люди, знакомые с движением русской историографии[3], едва ли найдут что-нибудь новое и в содержании этой книги. Ученым материалом для нее послужили давно известные «Исследования, замечания и лекции о древней русской истории»,

[3] *Далее зачеркнуто:* автор.

[1] *Заглавие написано синим карандашом.*
[2] *Далее зачеркнуто:* первые.
[3] *Далее зачеркнуто:* также.

первый том которых издан автором более[4] 20 лет тому назад. Теперь эти отдельные этюды приведены в порядок[5], подвергнуты по местам литературной переработке и снабжены некоторыми учеными приложениями. Новостью является только редакция книги. Первый том занят прагматическим изложением событий русской истории до нашествия монголов. Второму тому сам автор дал заглавие «Обозрение составных частей государства и отношений их между собою в продолжение удельного периода». Это — подробное бытовое описание Руси, картина ее политической, экономической, домашней, церковной, умственной и нравственной жизни[6] в продолжение двух столетий, с половины XI до половины XIII века[7]. Это описание[8] заканчивается рассказом о нашествии монголов. В обширном третьем томе сосредоточен довольно разнообразный ученый аппарат. Первое отделение занято атласом историческим, географическим, археологическим с объяснительным к нему текстом. Здесь на 198 листах читатель найдет[9] много географических карт, чертежей и снимков с старинных надписей[10], икон, рукописей, зданий и других вещественных памятников русской домонгольской старины[11]. В объяснительном списке рисунков, помещенном в конце[12] отделения, находим замечания, необходимые для изучения[13] рисунка, и указания, откуда, из каких изданий заимствован каждый. Второе отделение на 120 страницах содержит в себе таблицы междоусобных войн и половецких набегов по годам и княжествам, родословные росписи князей и списки их по степеням и княжествам[14], несколько географических и разных других списков и указателей. По словам самого автора[15], он рано, как только[16] начал специально изучать русскую историю, напал на счастливую мысль собирать все места из источников о всяком данном вопросе и на этом только основании приступать к его решению; мысль эта сделалась для него путеводной звездой при всех последовавших изысканиях. Этого метода, математического, как[17] сам автор выражался некогда, или, лучше сказать, анатомического, он строго держался в своих «Исследованиях, замечаниях и лекциях», не покинул и теперь, перенесши его вполне во второй и третий

[4] *Далее зачеркнуто:* лет.
[5] *Далее зачеркнуто:* переработаны.
[6] *Далее густо зачеркнуто одно слово.*
[7] *Далее зачеркнуто:* тип.
[8] *Далее зачеркнуто:* заверш[ается].
[9] *Далее зачеркнуто:* снимки с ст[аринных].
[10] *Далее зачеркнуто:* вещей.
[11] *Далее зачеркнуто:* Второе отделение содержит.
[12] *Далее зачеркнуто:* тома.
[13] *Далее густо зачеркнуто одно слово.*
[14] *Далее зачеркнуто:* геогра[фических].
[15] *Далее зачеркнуто:* он р[ано].
[16] *Далее густо зачеркнуты три слова, затем зачеркнуто:* стал серьезно изучать русское.
[17] *Далее зачеркнуто:* он.

томы своей «Древней русской истории» [18]: оба они обильно снабжены систематич[ескими] выписками, рисунками, списками и указателями, которые составляют черновую работу исследователя, столь утомительную и столь необходимую для точного воспроизведения из-под пепла угасших горений исторической жизни.

Но если [19] новая книга по своему ученому содержанию не может быть названа новостью для читающей публики, то в самой этой публике, среди которой [20] книга является, она должна встретить [21] большую новость. Если бы мы могли представить себе читателя, который ничего не знает о маститом авторе, кроме его последней книги, — хотя довольно трудно предположить такого читателя, — то он, читая эту книгу, наверное затруднился бы составить [22] определенное понятие об авторе. Зная о нем гораздо больше, все-таки очень часто останавливаешься перед его словами, как перед неожиданностью, для объяснения которой [23] нужно прибегать к историческому анализу или воспоминаниям. Мысли, чувства, задачи и приемы исследования, даже самое изложение, — все это иному *современному* читателю покажется совершенно новым именно потому, что все это очень старо, что он совсем не привык к этому или, лучше сказать, уже успел давно от этого отвыкнуть [24]. Читая сочинение, с трудом сосредоточиваешь свои мысли на изучаемом в нем времени нашего прошедшего, ибо с неменьшим интересом влечет к себе другая сторона книги, которой не имел в виду автор. Она, эта книга, воссоздающая давно минувшие века нашей истории по уцелевшим памятникам, чуть не на каждой странице сама превращается в исторический документ старины недавней, еще близкой к нам, последние лучи которой еще догорают на изменившемся горизонте, — и невольно забываешь об этих Игорях и Мстиславах и переносишь мысль на 30-е и 40-е годы текущего столетия, на предметы, направление и склад мыслей тогдашних русских людей. Разнообразное, смешанное впечатление остается в душе читателя, который не помнит себя в эти десятилетия: в иных строках послышатся ему отдаленные отголоски какой-то хорошей песни, которая когда-то [25] слушалась с любовью, но давно забылась, а иногда — да простит нам это сравнение автор, которого мы глубоко уважаем, — иногда вдруг вспомнится старый фамильный портрет с непривычным для нашего взгляда костюмом с необычайным воротничком и многократно обмотанным вокруг [26] него

[18] *Далее зачеркнуто три слова.*
[19] *Позднее абзац зачеркнут карандашом.*
[20] *Далее зачеркнуто:* она.
[21] *Далее зачеркнуто:* представлять для нас.
[22] *Далее зачеркнуто:* об.
[23] *Далее зачеркнуто:* требуется исторический анализ.
[24] *Далее зачеркнуто:* разнообразное смешанное впечатление произведет на него труд автора.
[25] *Далее зачеркнуто:* заслушивались.
[26] *Далее зачеркнуто:* шеи.

саженным галстуком[27]. Вот почему чувствуешь[28] некоторую неловкость, пытаясь отдать отчет о рассматриваемой книге, оценить ученые суждения автора. Имя его, за которым лежит долгая и небесплодная ученая работа, допускает только серьезное и искреннее отношение к нему; но при этом видишь, что невозможно[29] сойтись на одинаковой с ним почве, что он стоит совсем в другой сфере сознания, не скажу — в высшей или низшей, — но просто в другой, подходит к явлениям не с той стороны и не с тою меркой, с каким подходят в наше время. Спорить и считаться с ним неудобно, ибо он считает еще на ассигнации, а вчерашнего дня не ждут.

К концу третьего тома[30] автор приложил небольшую и также не представляющую много нового, но интересную статью — послесловие. Здесь рассказана история изданного им теперь ученого труда. Лучшие воспоминания нашего литературного прошлого более чем за полстолетие являются здесь в близкой или отдаленной связи с развитием автора и его ученых работ, с прямым или косвенным влиянием на них[31]. «С детских лет, — пишет он, — русская история была любимым моим чтением». Вышедший «из крепостного крестьянства», он еще в гимназии, около 1814 года[32], пристрастился к сочинениям Карамзина, в конце гимназического курса ожидал с нетерпением появления его истории, воображая себе Карамзина пишущим на облаках, а внизу народ русский с поднятыми вверх руками, ожидающий окончания истории, и с восторгом читал и перечитывал первые 8 томов «Истории государства Российского», вышедшие в 1818 г. В университете умом автора овладел[33] другой знаменитый делец по русской историографии, Шлёцер и его исследования стали для юноши «занимательнее всех романов». Он «напитывался духом его критики» и под его «наитием» делал первые свои ученые опыты, объясняя некоторые места летописи; по поручению гр[афа] Румянцева перевел исследования Эверса и Добровского и в 1825 г. написал против первого диссертацию о норманском происхождении Руси, посвященную Карамзину. За несколько месяцев до смерти своей Карамзин, приняв с одобрением автора и его книгу, благословил его на продолжение исторических трудов. Потом в продолжение почти 20 лет М[ихаил] П[етрович] преподавал русскую историю в университете и «должен был пройти ее взад и вперед несколько раз», много писал, воевал с Каченовским и его скептической школой, в 1827—1830 гг. при участии Пушкина издавал «Московский вестник». Тогда уже родилась в нем мысль писать историю.

[27] *Над строкой написано карандашом:* целым куском материи.
[28] *Далее зачеркнуто:* какую.
[29] *Далее зачеркнуто:* сойти и сжать.
[30] *Далее зачеркнуто:* масти[тый].
[31] *Далее зачеркнуто:* почтенный историограф, вышедший из крепостного [состояния].
[32] *Далее зачеркнуто:* зачитывался, пристрастился к сочинениям Кар[амзина].
[33] *Далее зачеркнуто:* Шлёцер.

Прежде всего он начал думать о языке, которым должно писать ее [34]. Он старался подслушать звуки [35] этого языка у великих мастеров [36], тогда действовавших или являвшихся, у Жуковского в переведенной им «Орлеанской деве», у Пушкина в «Борисе Годунове», который даже увлек автора на несколько лет к историко-драматическому творчеству, у Гоголя в его первых повестях и комедиях. Под влиянием этих образов развивалась в нем мысль, что история должна быть одинаково понятна для грамотного крестьянина, светской дамы, молодого гимназиста и безукоризненна относительно критики перед судом строгого ученого. Между тем продолжались исследования о норманском периоде, составившие потом три тома «Исследований, замечаний и лекций». После некоторого [37] перерыва в ученых занятиях автор около 1846 г. обратился к удельному периоду. Изучение его замедлялось [38] «Москвитянином», который [39] под редакцией автора «один стоял за древнюю русскую историю до Петра, за народные начала» [40]. По нескольку часов в день, по сознанию автора, отнимали у истории и другие посторонние занятия, Крымская война, польский вопрос, борьба с мнением Гедеонова, направленным против норманского происхождения Руси, славянские отношения, составление биографии Карамзина в двух томах [41]. И к удельному периоду автор прилагал свой точный метод изучения, стараясь, чтобы в повествовании его не было ни одной строки без прочного фундамента в исследованиях, собирая все места из источников «о главных словах, составляющих так сказать задачу истории», и [42] не желая оставить без освещения ни одной стороны в древней жизни наших предков. По всему этому история двигалась медленно, хотя [43] подготовительные, черновые работы по удельному периоду составили четыре дальнейших тома «Исследований, замечаний и лекций». Время текло, и вот, заключает автор, «чрез 45 лет после рассуждения о происхождении Руси кончил я „Древнюю русскую историю до монгольского ига"».

Вся эта биография изданного теперь сочинения рассказана в послесловии искренно и задушевно. Она открывает в книге одну очень любопытную и очень серьезную сторону. Автор вышел из крестьянства, с которым соединяется представление о здоровой, непорченной народной силе, и попал в очень благоприятные для развития [44] обстоятельства. Он не имел недостатка во внешних

[34] *Далее зачеркнуто:* историю.
[35] *Далее зачеркнуто:* его.
[36] *Далее зачеркнуто:* в переведенной Жуков[ским].
[37] *Далее зачеркнуто:* ученого.
[38] *Далее зачеркнуто:* изданием.
[39] *Далее зачеркнуто:* издавал автор.
[40] *Далее зачеркнуто:* Историческое изучение, по сознанию автора, терпело ущерб и от других сторонних занятий.
[41] *Далее зачеркнуто:* Поэтому история двигалась медленно.
[42] *Далее зачеркнуто:* не отставать
[43] *Далее зачеркнуто:* предварительные.
[44] *Далее зачеркнуто:* внимания

образовательных возбуждениях. Судя по литературным представлениям русского общества 20-х и 30-х годов, когда г. Погодин начал свою деятельность, то было время сильного духовного возбуждения, нашедшего таких могучих выразителей. Тогда много думалось и читалось, много писалось хорошего, чего не пишут и не умеют писать теперь. То, что называется духом автора или книги, родилось[45] и сложилось в нашем маститом историографе в ту пору, под ее влияниями[46]. С того времени общество переменилось, вместе с ним и русская литература многому научилась и многое забыла, что[47] забыть полезно. В продолжение 45 лет можно хорошо изучить, выносить, обдумать и передумать первые 4 века нашей истории — четыре, а не десять. Могли помочь в этом и другие исследователи, младшие товарищи по работе, с благодарностью упоминаемые и не упоминаемые автором в послесловии. Г[осподин] Погодин не из тех ветеранов, много бившихся в свое время, которые с пренебрежением посматривают на затеи и думы молодых солдат[48]. Он привык вносить в изучение прошедшего вопросы, какие возбуждало то время. Но он сохранил чуткость и восприимчивость к вопросам, какие занимают[49] новое, не *его* поколение. Он чувствовал и признавал эти новые требования, приготовляя свою книгу к изданию. В самой науке, говорит он, со времени Карамзина «в общих понятиях о ней произошли существенные перемены: иное пренебреженное выдвинуто вперед, а уважаемое понизилось в цене. Наконец, время, в которое живем, научило нас многому и предложило вопросы, прежде неслыханные...» Соединение в историографии[50] впечатлений и требований двух[51] эпох общественного развития может только расширить его кругозор, сообщить многосторонность его историческому изучению и взгляду.

Редкая книга писалась так долго с такой любовью, и при таких благоприятных условиях. Свойства пера г. Погодина[52], известные по прежним его трудам, сохранились и в новой книге: искусство рассказа, по местам лаконическая рельефность описания. Поход Аскольда и Дира на Византию в первом томе, нашествие монголов на Русь во втором и некоторые другие места можно смело[53] причислить к лучшим[54] рассказам нашей повествовательной историографии. Но в описании древнерусского быта[55], наполняющем второй том, читатель узнает, что́[56] сказано о той или

[45] *Далее зачеркнуто:* у авт[ора].
[46] *Далее зачеркнуто:* того времени.
[47] *Далее зачеркнуто:* прежде.
[48] *Далее зачеркнуто:* последующих поколений.
[49] *Далее зачеркнуто:* подняло тог[да].
[50] *Далее зачеркнуто:* требован[ие].
[51] *Далее зачеркнуто:* последова[тельных].
[52] *Далее зачеркнуто:* знакомые.
[53] *Далее зачеркнуто:* назват[ь].
[54] *Далее зачеркнуто:* историческим.
[55] *Далее зачеркнуто:* котор[ый].
[56] *Далее зачеркнуто:* говорят.

другой бытовой стороне у *летописца* или в другом источнике, и редко найдет то, что должен сказать о ней *историк*. Впрочем, не судя о том, чего нет у автора, ограничимся тем, что дает его книга. Г[осподин] Погодин принадлежит к числу литературных и ученых имен, о которых можно и даже дóлжно говорить прямо и откровенно [57]. Возьмем один пример, чтобы видеть ученые отношения автора к предметам исследования и к нашей исторической литературе.

Самый важный основной факт нашей истории первых двух веков состоит в том, что в стране, усвоившей себе название Руси, явилась сосредоточивающая власть, завязался государственный союз. Рассказав события до смерти Ярослава, г. Погодин останавливается на этом факте. На многих страницах он пытается проследить постепенную формацию государства. Но чрезвычайно трудно уловить из его слов процесс этой формации. Государственный зародыш он представляет в образе семени, которое бродячие князья, его принесшие, бросают из одного края в другой и подвергают произволу ветров. Оттого в рассуждении [58] автора больше метафор, чем научных выводов. Здесь Новгород является старшим сыном России, родившимся, однако ж, прежде матери (с. 73). Древляне и новгородцы платят дань Святославу, и он, однако ж, не владеет ими (с. 76 и 77). Владимир раздал 12-ти сыновьям части своих владений. Эти части составили «12 особливых владений, княжеств», каждый сын княжил так в своем городе, как отец в Киеве, считая его своею собственностью, и, однако ж, все они были под владычеством отца, платили ему урочную дань (с. 78 и 79). Определяя ход [59] двухстолетней государственной формации, автор пишет: «Все племена и города находились в подданстве у одного князя, а потом одного рода, были одного происхождения, говорили одним языком, хотя и разными наречиями, исповедовали одну веру» [60]. Но на следующих страницах он строго различает до смерти Ярослава части населения норманского и славянского происхождения; меря, весь, мурома также [61] были не одного происхождения с славянами; точно так же и язык слышался двоякий; северный, норманский и славянский, к [62] этому можно прибавить и третий — финский; наконец, во втором томе (с. 543—545) он сам рассказывает, что обращение в христианство ростовской мери, муромы, вятичей и Вологды совершилось в конце XI и в XII в., т. е. после [63] Ярослава.

По признанию самого автора в послесловии, научная разработка русской истории [64] подвинулась значительно с тех пор, как

[57] *Далее зачеркнуто:* Одно из важнейших явлений нашей истории, завязавшихся в описываемое автором время, это бесспорно.
[58] *Слово написано над зачеркнутым:* исследовании.
[59] *Слово написано над зачеркнутым:* результат.
[60] *Далее зачеркнуто:* но немного ниже (стр. 8).
[61] *Далее зачеркнуто:* не принадлеж[али].
[62] *Далее зачеркнуто:* котор[ому].
[63] *Далее зачеркнуто:* первого периода.
[64] *Далее зачеркнуто:* едва до.

автор стал заниматься ее изучением, самое время, в которое живем, научило нас многому, а автор привык изучать так, чтобы в его изложении не было ни одной строчки без прочного фундамента в исследованиях, чтобы никакие Шлёцеры не имели права к нему придираться, уличать в непоследовательности. Сверстники и младшие сотрудники г. Погодина по специальности поработали над[65] начальной нашей историей и разъяснили многое[66]. Исследуя образование государства, автор теперь не говорит уже, как прежде, что основатели его норманны, прибыв в славянскую землю, ославянивались потом в течение шести веков, т. е. до XV в. сохраняли черты[67] своей национальности. Теперь он утверждает, что «по всей справедливости можно назвать норманнским» тот период нашей истории, который оканчивается княжением Ярослава, т. е. первые два века, когда князья наши сохраняли чистый норманский характер и норманны составляли господствующ[ую], главную часть населен[ия] городов, воен[ное] сосл[овие][68] (с. 72—81). Но на другой (с. 73) странице он же пишет, что норманское начало, явившись в Новгороде при Рюрике, *вскоре* подверглось[69] влиянию древнего славянского, блеснуло и[70] угасло[71]. Трудно рельефнее изобразить в двух-трех словах слабость влияния и быстроту исчезновения[72] норман[ского] начала. Это, однако ж, не мешает автору в 3-м месте (с. 81 и сл.) утверждать, как утвержд[ал] он 20—30 лет, что Перун и Волос — норманские боги, что поэтические предания об Олеге, Игоре, Ольге, Святославе, записанные летописцем, и даже песни о Владимировых богатырях, доселе не умолкнувшие в народе, — норманские саги, что Русская Правда — норманский кодекс, что слова, как *вервь, вира, гость, смерд, дума, ряд*, — остатки норманского языка; хотя несколько раз историки, филологи и юристы доказывали противное[73], автор не удостаивает их даже опровержения, даже простой цитаты.

Автор[74] подходит к рассматриваемому факту, к формации государства с третьей стороны, сравнивает начало его с началом государств Западной Европы (с. 85—94). Он идет смело навстречу этому вопросу, столь же трудному, сколько широкому; он, очевидно, долго думал над ним, работал над его решением и выработал если не окончательную развязку узла, то по крайней мере некоторые выводы или готовые выражения. С помощью

[65] *Далее зачеркнуто:* разъяснением.
[66] *Далее зачеркнуто:* Их выводы заслуживают если не принятия, то.
[67] *Слово написано над зачеркнутым:* остатки.
[68] *Слово написано над зачеркнутым:* но везде вводили норманские порядки.
[69] *Далее зачеркнуто:* действию.
[70] *Далее зачеркнуто:* исчезло.
[71] *Далее зачеркнуто:* быстрота его исчезновения изображена очень рельефно.
[72] *Далее зачеркнуто:* этого.
[73] *Далее зачеркнуто:* стр. 81 и след.
[74] *Далее зачеркнуто:* рассматр[ивает].

Тьерри он вывел и теперь повторяет положение, что история наша и история Запада различается в самом начале, в самой колыбели и[75] отсюда вытекает противоположность всех последующих явлений. Сущность этого различия можно выразить в немногих словах: на Западе общество основалось на завоевании, у нас на призвании князей; там в основании государства лежит ненависть, у нас любовь. И против этого было много и много писано и говорено в свое время, и все это не отразилось и легким намеком в новом труде маститого историографа. Не будем повторять, в какой степени факт завоевания участвовал в создании *всех* государств Западной Европы. Автор говорит в послесловии, что путеводной звездой его при всех научных изысканиях служила счастливая мысль собирать все места из источников о всяком данном вопросе и на этом только основании приступать к его решению. Вопрос[76] о различии нашего государства от государств западных решен им решительно, без оговорок. Новгород призвал князей, г[ово]рит он, и продолжает: «Это происшествие принадлежит одному Новгороду и то не надолго: после того как преемник Рюриков оставил Новгород, оно оторвалось, если можно так выразиться, от последующей истории; все дела пришли в первобытное положение, т. е. новгородцы стали жить сами по себе и платить дань заморским варягам, как прежде (то есть по обязанности покоренных), и ушедшим варягам Руси, которым посчастливилось утвердиться в Киеве. Кроме сей дани, Новгород не соединен уже был никакими узами с Киевом, и, следовательно, с текущею рекою русской истории» (с. 73). Предположим, здесь нет противоречия ни двойного, ни простого. Во всяком случае факт призвания, оторвавшийся в Новгороде от последующих событий, должен повториться в них на юге, чтобы лечь в основание нашего государства. Итак, факт призвания оторвался от последующих событий. Об этих последних вот что говорит источник, в котором автор привык собирать все места для решения вопроса: смоленские кривичи не призывали Олега, поляне тоже, древляне были завоеваны несколько раз, северяне завоеваны, радимичи не звали князя, уличи и тивер[цы] завоеваны, вятичи завоеваны, мурома и меря завоеваны и т. д. и т. д. Остановившись на своем призвании, автор не хочет уже вспоминать ничего другого, не хочет поискать других[77] источников для последующих явлений. Но это[78] пренебрежение иногда сурово мстит исследователю за[79] научную точность. Действие[80] завоеваний на Западе обнаружилось в резком юридическом неравенстве победителей и побежденных: по Салич[еской] Правде франк ценился перед законом вдвое дороже покоренного галла или римлянина. У нас, говорит

[75] *Далее зачеркнуто:* это различие.
[76] *Далее зачеркнуто:* об отношении.
[77] *Далее зачеркнуто:* явле[ний].
[78] *Далее зачеркнуто:* забывчивость.
[79] *Далее зачеркнуто:* историческ[ую].
[80] *Слово написано над зачеркнутым:* факты.

автор, не было ни победы, ни покорения и не началось никакого различия в правах между пришельцами и туземцами. Потом он раскрывает Русскую Правду и читает, что за голову русина[81] и словенина одинаковая пеня — 40 гривен: «они, следов[ательно], имели одинакия права», ибо у нас в основание государства положена любовь, а не ненависть. Но в той же статье[82], — все равно, когда она ни явилась, при Ярославе или детях его, — читаем, что голова княжеского мужа ценилась *вдвое* дороже головы простого русина или славянина. Отсюда следует, во-первых, что у нас из призвания и любви родилось юридическое неравенство, какое на З[ападе] вышло из завоевания и ненависти, совершенно одинаково[83], во-вторых, — что это неравенство не имело в своем основании племенного различия побежденных и победителей. Первое противоречивое положение автора о решительной противоположности гражданского[84] развития у нас и на Западе, а второе — мысли о его господствующем[85] положении норманского племени в нашем древнем обществе XI в.

Г[осподин] Погодин уверяет, что на Руси до смерти Ярослава все жители различались только занятиями, а в гражданском отношении были равны между собою (с. 89). А несколько лет спустя в статьях [«Русской] Правды»[86], приписываемых автором сыновьям Ярослава[87], личная безопасность смерда оберегается законом в 16 раз слабее жизни тиуна княжеского. Значит, призвание — фиктивный источник воображаемых явлений, а для явлений действительных следует искать иных объяснений, о которых автор и не подумал. Этот недостаток он старается восполнить[88] особенной виртуозностью исторического анализа, сказав, что феодальная[89] Европа распадалась на многие мелкие государства, «а у нас было одно какое ни есть государство»; он надеется выразить это различие формулой: «Западное государство можно выразить дробью $^{10}/_{10}$, а наше единицей». Но ведь $^{10}/_{10}=1$ и разность $=0$.

Можно было бы привести[90] из рассматриваемого трактата много других мыслей, которые начали уже забываться в нашей историографии, потому что[91], говоря словами автора, «в самой науке, в общих понятиях о ней произошли существенные перемены и иное уважаемое прежде понизилось в цене». Но и на

[81] *Далее зачеркнуто:* или.
[82] *Далее зачеркнуто:* Правды читаем.
[83] *Далее зачеркнуто:* с западными, существовало в XI веке и в нашем обществе, незнакомым будто бы с завоеванием.
[84] *Над строкой:* общ[ественного].
[85] *Далее зачеркнуто:* норма[нского].
[86] *Далее зачеркнуто:* относи[тельно].
[87] *Далее зачеркнуто:* то смерд.
[88] *Далее зачеркнуто:* не своей до некоторой.
[89] *Над строкой:* государство.
[90] *Далее зачеркнуто:* много подобных.
[91] *Далее зачеркнуто:* как говор[ил].

сказанном мы остановились не[92] для восстановления исторических фактов, уже давно защищенных от г. Погодина другими, а только для того, чтобы дать читателю материал для характеристики[93] книги и ученого автора[94].

II. М. П. ПОГОДИН[1]

[Конец 1890-х гг.]

О нем много и охотно говорили при его жизни, но с трудом и равнодушно вспоминают по смерти. В свое время о нем говорили не столько потому, что интересовались им, сколько потому, что он часто сам напоминал о себе. Теперь если изредка заговаривают о нем, то только потому, что не успели еще забыть его, а не потому, что хотят его поминать. Такое отношение к Погодину установилось не случайно, а имело свои основательные причины.

В свое время оч[ень] извест[ен]. О нем много говорили на разные лады. Это — [объясняется] особен[ностя]ми его деят[ельно]сти. Она очень разнообразна: журналист[2], истор[ический] исследователь, беллетрист, драматург, профессор всеобщ[ей] и р[усской] ист[ории][3], публицист, коллекционер рукописей, книгопродавец, думский делец, светский человек — что угодно. Никогда не было в Москве круга, где бы его не знали.

Погодин был профессор из крестьян. В этом нет порока: можно только радоваться, что он не был у нас первым ученым такого происхождения, и надобно надеяться, что не будет последним. Но следует пожалеть о том, что, перестав быть крестьянином, профессор Погодин остался мужиковатым человеком, а это — порок не только для профессора, но и для крестьянина. Этот порок много повредил талантам, которыми Погодин одарен был далеко не скудно. Он обнаруживался в недостаточ[ной] опрятности кост[юма] и прически, выдержки, дисциплины, отделки мысли и слова[4].

Ту же разностор[онно]сть и ту же оплошность принес и на свое главное поприще — русскую ист[орию]. Преподавал, исследовал, собирал, поэтизировал, полемизировал[5]. Много полезного, ценного: 1) собирание рукописей, 2) «Р[усская] история до монг[ольского] ига», 3) [внес] общее оживление в русскую историографию.

[92] *Далее зачеркнуто:* в интересе.
[93] *Далее зачеркнуто:* автора.
[94] *Далее написано рукой неустановленного лица:* конец.

[1] *Вверху на полях:* Не молебен и не панихида. Столетняя давность — не мертвое, а вечно-памятное лицо историческое. Недостатки поучительнее достоинств.
[2] *Далее зачеркнуто:* Издатель монограф[ических] журналов, плодовитый писатель.
[3] *Далее зачеркнуто:* поэт.
[4] *Фраза написана на полях.*
[5] *Над строкой:* Каталог 1846 [г.].

П[огодин] был профессором истории. Среда или природа несомненно наделила его историческим чутьем; а это — драгоценный дар историка. Погодина как будто невольно тянуло к историч[еским] фактам, в которых чуялся научный вопрос, и он умел иногда угадывать путь, которым надо идти, чтобы найти ответ. Происхождение варягов, возникновение и образование р[усского] государства, порядок княжеского владения русской землей после Ярослава I, различие в первонач[альных] условиях и складе исторической жизни между Россией и Западной Европой, происхождение поземельной собственности в России, развитие национально-политического значения Москвы, происхождение креп[остного] права, характер царя Иоанна Грозного, местничество[6], значение преобразовательной деятельности Петра В[еликого] — все эти и другие подобные трудные и важные вопросы нашей истории были зорко подмечены и бойко поставлены Погодиным — и ни один не б[ыл] разрешен, даже не был как следует подготовлен к научному разрешению (а просто был подержан в руках)[7], несмотря иногда на хлопотливые ученые разыскания[8].

Тонкое осязание помогало П[огодину] ощупывать[9] узлы в нити нашей ист[орической] жизни; но он не умел[10] их распутывать. Это неуменье от одного недостатка, которым страдал Пог[один]. Его чутью недоставало научной обработки.

Но живость до излишества — суетливость, а она — к мелочной растрате крупных сил. Деятельность, неправильно направленная, парализует самое себя. Популярный профессор — без курса. Деятельный издатель — без публики. Публицист — без полит[ической] программы. Др[аматур]г и соперник Пушкина — без искры поэтич[еского] дара. Составитель огромной коллекции рукописей, не заглянувший хорошенько ни в одну из них.

Его ум вечно не ладил с темпераментом.

Вина Погодина в том, что он не позаботился обработать свое природное чутье в научное понимание, несомненно тлевший в нем огонек, порывисто вспыхивавший своенравными догадками, раздуть в ровный урегулированный свет знаний. Для этого нужно было дисциплинировать чутье научным методом, который помог бы ему свести[11] случайные, разорванные догадки в стройную

[6] *Далее зачеркнуто:* первые преобразовательные шаги.

[7] *На полях вставка:* показан публике и брошен. — Ниже, Как именно.

[8] *Далее зачеркнуто:* Это происходило довольно просто. Люди (*над строкою:* ученые), обладающие таким чутьем в необработанном виде, быстро и верно схватывают очертания предмета. Но беда, если они для оправдания впечатления (*над строкой:* перв[ичного] наблюд[ения]) задержат внимание на подробностях наблюдаемого и без терпел[ивого] изучения попытаются проникнуть в его сущность: тогда их мышление превращается в умствование и вместо того, чтобы объяснить дело, они начинают мудрить; их доказательства хуже того, что они доказывают.

[9] *Далее зачеркнуто:* каждый узел.

[10] *Далее зачеркнуто:* или не хватало охоты искать.

[11] *Над зачеркнутым:* привел.

систему, в цельный взгляд. Такого взгляда не было у Погодина ни в 1832 г., когда он открывал свой университетский курс «*Взглядом на русскую историю*» и чертил «*Очерк* р[усской] истории», ни 40 лет спустя, когда за 4 года до смерти издавал свою «*Историю России*» до монголов. Своим чутьем он схватывал смысл отдельных явлений; но ни этот смысл, схваченный ощупью, не развивался в научное положение, ни отдельные явления не связывались в последовательное, стройное историческое течение, потому что одного чутья далеко не достаточно, чтобы уловить связь исторических явлений. Взамен прагматической мысли П[огодин] призывал на помощь к своему историческому чутью другой талант, которым он был наделен так же обильно и который также нуждается в обработке и дисциплине, чтобы стать полезным средством истор[ического] изучения[12]. Это было его пылкое воображение. Там, где нужно было восстановить историческое движение, драму жизни, П[огодин] яркими красками, обыкновенно в преувеличенных размерах, рисовал картины, но картины чисто житейские, без теней и перспективы, потому что для теней и перспективы мало воображения, а нужно еще понимание положений и отношений. По вине таких приемов научный тезис у П[огодина] смахивал на догмат, требующий веры, но не дающий доказательств, а из совокупности таких тезисов, разумеется, выходила только догматика, но обращенная не к догматическим, а к историческим предметам, говоря прямее, выходила историческая мифология или риторика, где фантастические образы[13] заменены призрачными обобщениями, а действительные факты более или менее удачными оборотами речи, маскирующими их непонимание или даже их незнание. Что вышло?

III. М. П. ПОГОДИН

В курсе местнич[ества] счет Погод[ина]. Отр. 117—119, 190 и отношение *Табели* к местничеству — выправить и допол[нить]. О прирощениях Москвы. О Петре в оценку: 357 m., 32. Всемирное значение Петра: 358. Пленял воображение; возбуждал восторг, но сковывал истор[ическую] мысль (Ломоносов, Погодин). Сенковский о Малороссии: Барс[уков, т.] VIII. 24. О типогра[фской] школе: *Досифея*, 130, школы: 33. Б[иблиоте]ка царевича Алексея: Забел[ин], 120. Академич[еская] *школа* [*18*]*68 г.:* Барсук[ов], ч. 7.

Язык забегал вперед мысли, а мысль подталкивалась первыми впечатлениями.

У него было достаточно любознательности, но было бы лучше, если бы побольше пытливости и терпения и поменьше самодовольства.

Злоупотреблять талантом — истреблять его.

[12] *Далее зачеркнуто:* имело свое.
[13] *Далее зачеркнуто:* или словесные фигуры.

Непоседная, торопливая мысль, перегонявшая сама себя, не умевшая считать и рассчитывать своих шагов, постоянно делавшая перебой и потому сбивавшаяся, *привыкшая прыгать — не шагать*. Механическая сшивка положительных и отрицательных качеств. Перемена мнения о Грозном: 261.

Более описательный[1], чем объяснительный прием. Отрывки 344 f. Любовь толкаться в народе: ibid., 353. Дух[овное] образование только для России: ib., 354. Трепет за самобытностью: 350 m. Летать мысль устает: 336. Реформа — Монг[ольское] иго 351 m. Собств[енные] свои стихи: 359 i.

Восприимчивость над замыслом брала верх.

Значение русской истории для европ[ейского] мыслителя: 439.

Язык церковный и чужой и не свой: 349 и 439. Не было рабства; 440 i. Один процесс, цели и задачи — а в чем разница: 439—440. Никакого сходства не остается по исключении. Писал многое не подумав — авось оправдается: заговорил о другой *форме*, а вывел другие *начала*.

Отношение к западу: 443—4. Изысканность даже в конспекте: 32 f и pássim.

Искры с треском, который гасит огонь их произведший. Читая его яркие цветные истор[ические] картины без теней и перспективы, вспоминаешь присловье эпическое: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Оригинальный, своеобразный р[усский] ум — в моск[овского] чудака себе на уме.

Его надо помнить если не как учителя[2] то как урок; не как образец, которому надо подражать, но как предостережение, чего не следует повторять. Талант сам по себе не большая заслуга, даже вовсе не заслуга, дающая право на уважение и призна-т[ельную] память людей. Это — дар божий, и как всякий дар, возлагающий на получателя страшн[ую] ответственность, обязанность быть благодарным databases дародавцу, но вовсе не дающий права быть самодовольным или притязательным. Это дар сырой и тяжелый, который надо обработать напряж[енными], часто мучительными усилиями и оправдать полезными для человечества плодами, соответственными его качеству и размерам. Этот дар — часто тяжелая ноша, под которой носитель может изнемочь, если у него нет опоры в руках, нет соразмерной нравственной силы в сердце. Искра божия, имеющая[ся] в душе талантл[ивого] человека, при неуменьи раздувать ее только может сжечь его самого, не дав миру и настолько света, чтобы озарить темный уголок больного бедняка или бедной матери, укачивающей ночью своего непок[орного] ребенка.

Двоедушие и влияние: Барс[уков] 111—112.

Да и идея Погодина (стр. 358) не так далеко от Герцена: Барс[уков], 130 m.

[1] *Над строкой:* изобразительный 344 f.

[2] *На полях синим карандашом:* fin.

Дурная неблаговоспитанная привычка или наклонность враждовать с людьми, воюя с их научными идеями, как будто научная идея, даже ошибочная, неудачная, есть порок или преступление, а не просто ошибка мысли или неудача.

Та же мужиковатость в неопрятности его отношений житейских.

Чутье без научного понимания.

Воображение и картина вм[есто] методического изучения.

Не кабинетный усидчивый исследователь, а открыватель ученый [3]-публицист [4], уже граничивший с фельетон[истом], профессор-журналист, славянофил-панславист, историк-драматург; руки чесались на все — не аудитория, а общество внимало бы, не студентам, а министрам и царям уроки, из наблюдателя в деятели, из мыслителя — направитель, хотел б[ыть] вожд[ем] партии славянофилов, иное подсказал, другое за ними повторил, но из миросозерцания кафтана и шаровар не вывел. «Матрена».

Во всем этом признаки силы и энергии.

Но сила — от недостатка обработки и выдержки в грубый [5] крик, энергия от разбросанности — в суетливую возню, не умеющую справиться со своими затеями. Это потому, что П[огодин] силу свою преувеличивал, энергию переигрывал; плохо знал свои внутр[енние] средства и их несоответствие [6] ни его темпераменту, ни его самомнению. Он искал в себе [7] больше, чем сколько там было [8], и находил меньше [9] того, что обещал [10]. Он свою силу измерял собственною впечатлительностью, энергию — возбуждаемостью, и так как измеряемое было меньше своей мерки, то он последнюю [11] принял за первое — обыкновенная ошибка людей в положении и с характером Погодина: сами собой поднявшись над своим скромным состоянием, они легко теряют скромность и стараются стать [12] выше самих себя.

Люблю его бойкое перо, из-под которого так часто блещет ум и талант. Но он недостаточно серьезно ценил все эти дары и недостаточно сознавал свою ответственность за них в их употреблении.

С какой впечатлительностью относился к своим и чужим открытиям: [с.] 171, 189, 174 f.

Сношения с провинцией: гл. 33.

[3] *Далее зачеркнуто:* пропагандист.
[4] *Далее зачеркнуто:* предприниматель.
[5] *Над строкой:* резкий.
[6] *Над строкой:* как свою наружность, влюбляясь.
[7] *Над строкой:* в своем запасе.
[8] *Над строкой:* притязательность.
[9] *Над строкой:* бессилие.
[10] *Далее одно слово густо зачеркнуто.*
[11] *Над строкой:* мерку за измеряемое.
[12] *Над строкой:* т. е. мнить себя.

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ К. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА (СПб. 1872, [т.] I.)

[1872 г.]

Эту книгу следует поставить во главе обзора, как попытку удовлетворить одной настоятельной литературной потребности русского общества и вместе как первый опыт свести результаты научных работ по русской истории, совершенных в последние десятилетия. В русской литературе теперь совсем нет книги, которая в умеренном объеме и в достаточно обработанной литературной форме представляла бы весь ход исторической жизни Руси и могла бы образованному читателю дать основательное, хотя не специальное знакомство с родным прошедшим. Прежде были опыты в таком роде, но они давно уже устарели и остались далеко позади настоящей разработки отечественной истории. С другой стороны, в русской исторической литературе накопилось[1] множество мелких исследований о частных вопросах; но нужно быть историком по ремеслу, чтобы иметь охоту и возможность собрать все эти исследования и привести в порядок их результаты. Эту двойную цель имел в виду автор, профессор университета в Петербурге, издавая первый из трех больших томов, в которых он предположил изобразить ход развития Руси до смерти имп. Александра I. В этом первом томе изложение доведено до половины XV в. Редкая книга у нас ожидалась с бóльшим нетерпением и редкая забывалась так скоро, как по всей вероятности забудется эта, если и остальные томы ее будут составлены подобно первому. На это есть много причин. Во-первых, автор вовсе не обладает литературным искусством, нужным для такой книги, или слишком мало о нем позаботился; изложение его не везде правильно, всюду мало обработано и шероховато, лишено живости и ясности, больше напоминает составленную наскоро журнальную статью, чем внимательно обработанное для публики ученое сочинение; поэтому книга трудно читается и скоро утомляет. Потом, сознавая, может быть, свой литературный недостаток, автор так сжал и высушил изложение событий, что иные из них гораздо подробнее и занимательнее рассказываются в наших школьных учебниках. Этим он лишил читателя обильного и удобного материала, какой дает историческое повествование для изучения людей и понятий прошедшего. Вследствие того же «Русская история» нашего автора превратилась в ряд культурных описаний России по периодам. Это изменение задачи увеличило для автора трудность ее исполнения, не открыв ему новых научных или литературных средств. «Русская история» с внутренней, культурной стороны разработана еще меньше, чем

[1] *Далее зачеркнуто:* есть.

со стороны прагматического изложения событий, а недостатки пера и мысли автора особенно заметны в анализе и обобщении внутренних явлений жизни. Предисловие указывает цель книги — изложить результаты, какие добыла доселе русская историческая наука в изучении отечественного прошедшего. Автор заслуживает всякой похвалы за тщательность, с какою он в длинном библиографическом введении и в многочисленных подстрочных примечаниях старался собрать отдельные, даже мелкие исследования и печатные материалы по русской истории. Это лучшая и самая полезная часть книги. Но в изложении истории каждый отдел наполнен таким пестрым набором бытовых черт и различных ученых мнений, из которого читателю очень трудно извлечь стройное и цельное представление. Авторский взгляд сортирует и освещает нагромождаемые черты, ограничиваясь по местам частными замечаниями и догадками. Автор оправдывает такой прием состоянием нашей исторической науки, при котором профессор «редко может быть вполне уверенным, что его мнение самое верное; лучший выход в этом случае изложение не догматическое, а критическое». Этим он вводит читателя в лабиринт разнообразных мнений, высказанных в исторической литературе. Но необходимо указать читателю дорогу в этом лабиринте, а из критических замечаний автора, по крайней мере в первом вышедшем томе, видно, что он много читал, по недостаточно сам штудировал исторические факты и поэтому очень часто оставляет читателя без[2] самостоятельного и твердого вывода. В наших исторических источниках сохранилось несколько известий о характере и пределах естественных родовых союзов, в каких жили славянские племена, составившие русское государство. Вместо внимательного разбора этих известий наш историк берет из Юстиниановских институций юридические определения античного рода, ищет их следы в наших исторических памятниках и, разумеется, не нашедши их, склоняется к заключению, что наши предки жили семейными общинами. Во всем трактате, и особенно в этом заключении, слышится ответ без решения вопроса, и, кажется, именно потому автор и избрал такой ответ, что он давал ему возможность обойтись без решения.

Семейная община, как характеристика доисторического быта, — это риторическая фигура, отвечающая и *да* и *нет* на вопрос о родовом союзе. Можно указать другой пример недостатка собственной работы автора над основными явлениями нашей истории. Образованию государства, средоточием которого стала Москва, предшествовал продолжительный период, характеризующийся своеобразными и любопытными для сравнительной истории общественными отношениями, когда Россия, делимая и переделяемая между князьями Рюрикова рода, не составляла государства с единой установившейся верховной властью, но не была и агрегатом отдельных, взаимно чуждых и независимых госу-

[2] *Далее зачеркнуто:* те [...].

дарств. Среди разнообразных попыток объяснить происхождение и смысл этого периода наиболее тверд и признан взгляд профес-с[ора] Соловьева, объясняющего явления этого времени господством родовых отношений между князьями — потомками Рюрика. Русская земля считалась[3] родовой собственностью князей, которые владели ею сообща, занимая отдельные княжества по очереди, определявшейся степенью старшинства каждого князя, если посторонние влияния не нарушали этого порядка. Рядом с этим взглядом стоит мнение г. Костомарова, что Русь того времени есть племенная федерация, что ее распадение на княжества соответствует племенному делению русских славян и в нем имеет свой источник. Рассмотрев эти взгляды, г. Бестужев-Рюмин говорит, что он недоволен ни одним из них и надеется дальнейшим изложением показать, что пестрота событий этого времени объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодействием многих начал. Следует очень сжатый очерк событий с половины XI до половины XIII в., в котором невозможно уловить никакого определенного объяснения явлений времени, не говоря уже о взаимодействии многих начал. Но всего нагляднее слабость выдержки ученых мнений автора выступает в его оценке влияния монголов на Русь. В XIII в. Россия была завоевана этими азиатскими кочевниками и потом более двух веков признавала над собою их владычество. Разумеется, на русской жизни должны были остаться некоторые следы этого владычества. Но наша литература наклонна злоупотреблять ими, сваливая на татар многие явления, вышедшие органически из внутренних условий русской жизни. Так очень нередко утверждают, что русское понятие о царской власти есть копия с татарского представления о хане. В одном месте наш новый историк пишет: «Мнение о происхождении[4] понятия о царской власти от татар надо, кажется, вполне отвергнуть». В другом месте, рассматривая развитие представления о государе как верховном собственнике земли автор замечает: «Ко всем этим причинам образования понятия о верховном собственнике земли могло присоединиться и влияние татарского понятия о том, что вся земля принадлежит хану: свергнув иго, князья могли бы перенести на себя эту верховную власть хана». Несогласие автора с самим собою объясняется тем, что в первом месте он пользовался мнениями одних ученых, а во втором — других.[5]

[3] *Над зачеркнутым:* была.
[4] *Два предыдущих слова повторены дважды.*
[5] *Далее полтора листа оставлены чистыми.*

II. РУССКАЯ ИСТОРИЯ К. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА (СПб. 1872, [т.] I)

[около 1872 г.]

Появившаяся еще в 1870 г. публикация о печатании «Русской истории» г. Бестужева-Рюмина в двух больших томах распространила слух, что известный профессор предпринял труд написать отечественную историю для образованной русской публики. Вышедший [1] первый том обещанного труда не вполне оправдал этот слух. «Цель этой книги, — говорит автор и предисловии, — представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности». Почтенный историк прибавляет, что его попытка «будет не без пользы для приступающих к самостоятельному изучению истории [русской] и не желающих jurare in verba magistri» [2]. Значит, читатель имеет перед собой не популярное изложение отечественной истории, а руководство для будущего специалиста, желающего посвятить себя ее изучению. Это показывает только, что литература чувствует потребность в том и другом изложении отечественной истории, если уже нельзя соединить их в одном труде, и что имя профессора считается достаточным ручательством в удовлетворительном выполнении обеих задач. При виде вышедшего первого тома «Русской истории» бесполезно рассуждать, в чем чувствуется более нужды, в курсе ли, популярно изложенном, или в руководстве, наполовину учебном и наполовину ученом, снабженном необходимым для начинающего специалиста ученым аппаратом.

В продолжение работы книга автора разрослась и вместо обещанных двух томов составит три. Состав ее и приемы изложения, как замечает сам историк в предисловии, определились, между прочим, и взглядом на историю, изложенным во введении к труду. Передадим в немногих словах наиболее выдающиеся черты этого взгляда. «История есть повествование о достопамятных событиях — учили нас в гимназии; история есть народное самосознание — учили нас в университете». Из этих несходных определений автор склоняется, разумеется, к тому, которое он слышал в университете. Выходя из этого определения, он [3] полагает задачу истории во всестороннем изучении прошлой жизни человечества. Такая задача не позволяет историку пренебрегать ни так называемыми неисторическими народами, ни так называемыми доисторическими периодами в истории народов. Только вся совокупность исторических явлений может открыть таящуюся в них мысль. Вместо разделения народов на исторические и неисториче-

[1] *Далее зачеркнуто:* спе[циальный].
[2] Слепо доверять авторитетам (*лат.*).
[3] *Далее зачеркнуто:* во.

ские, придуманного немцами, автор признает более научной правды за теорией г. Данилевского («Россия и Европа»), по которой прогресс состоит в смене культурных типов: каждый тип выражает человечество с одной стороны и потому развитие человечества совершается не в преемственной передаче цивилизации, а во внесении новых сторон. Впрочем, автор не разделяет страсти «ученых систематиков», которые, подобно мифологическому Прокрусту, стараются все однообразить, подводить под известную мерку: автор видит в этой страсти потворство ученой лени. Не отказываясь от научных обобщений, он думает, что «не следует запираться в свои обобщения, не следует считать их на век нерушимыми, а надобно помнить, что они более или менее удобная остановка для мысли, теряющейся в многообразии фактов». Выходя из того же широкого взгляда, автор не позволяет себе преувеличивать значение лица в истории. «Присматриваясь внимательнее к каждой личности (исторической), нельзя не видеть, как много ее деятельность обусловлена состоянием общества, посреди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует. Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели». При таком взгляде на значение лица в историческом изучении выступает на первый план общество: «Его-то изучению, — говорит автор, — и должно составить серьезный предмет науки, называемой историей». Целостный образ народной жизни [4], созданный из разнообразия явлений, должен составить задачу историка. Начав с строгого и беспристрастного изучения фактов, относящихся к разным сторонам жизни, наука путем изучения этих сторон в их взаимодействии может возвыситься к представлению целости и единства народной жизни. Вот ее идеал.

Таковы исторические воззрения автора. Они могут служить лучшим критериумом при оценке его труда. История есть народное самосознание, т. е. она прежде всего есть наука, ведущая к народному самосознанию, как медицина есть если не самое здоровье, то по крайней мере наука, помогающая быть здоровым. Остается показать, как эти общие воззрения приложены к той специальной задаче, которую поставил себе автор, и как они проведены в плане и приемах труда. Задумав дать руководство начинающим самостоятельное изучение русской истории, автор старался раскрыть перед читателем всю мастерскую исторического изучения, исторической критики. С этой целью он предпослал изложению истории обширный очерк источников для ее изучения, памятников литературных, юридических, вещественных, с обзором состояния, в каком находится у нас их научная разработка. Этот очерк вместе с изложением понятия автора об истории и исторической критики составил введение к труду, занимающее 246 стра-

[4] *Далее зачеркнуто:* как выражается автор.

ниц, т. е. треть первого тома. Может быть, он вызовет упреки с противоположных точек зрения: одни найдут его слишком обширным сравнительно с объемом всей книги; другие, напротив, скажут, что он слишком краток, что в нем автор выражается очень сжато, часто ограничивается общими рассуждениями о том или другом разряде исторических источников или сухим перечнем изданий, статей и имен исследователей. Мы заметим на подобные упреки, что такой критико-библиографический очерк появляется в нашей историографии впервые; обличая в составителе обширную начитанность и внимательность к делу, он, несмотря на сжатость своих указаний и приговоров, может послужить отличным руководством при изучении источников и научной литературы русской истории.

Изложение истории открывается в первом томе описанием расселения, религии[5], семейного и общественного быта славян, преимущественно русских, и их соседей — инородцев, до образования Русского государства и потом обнимает первые три периода русской истории, которые автор характеризует названиями варяжского, удельного и татарского. Значит, ученый рассказ доведен до половины XV в., до княжения Ивана III. История Новгорода и Пскова до этого времени изображена в отдельной (VI) главе. Все эти периоды автор описывает по одинаковой в главных чертах программе, размещая факты под однообразными рубриками. Обыкновенно он начинает изложением и разбором взглядов ученых на смысл и характер периода или явления[6], которое стоит в нем на первом плане. Затем следует так называемая внешняя история, рассказ о событиях. Этому отделу отведено самое тесное пространство, иногда не достигающее размеров учебника для средних заведений: например, в главе о варяжском периоде[7] изложению событий до смерти Ярослава I уделено 11 страниц из 57. Другая особенность этого отдела в первом и втором периоде у г. Бестужева-Рюмина та, что события не сгруппированы около одного центра, судьбы великокняжеского стола, как у Карамзина и Соловьева, а изложены отдельно по княжествам. Сжимая изложение событий, автор хотел очистить возможно больше места для всестороннего изображения состояния общества, внутренней жизни народа в известный период. Описывая это состояние, автор в известном порядке, одинаковом для каждого периода, выводит перед читателем одну за другой различные стороны внутренней народной жизни, обозначаемые рубриками: князь, вече, сословия, управления, суд, церковь, литература, материальная обстановка общества. В обильных примечаниях, сопровождающих описание каждой стороны или разбор какого-нибудь научного вопроса, указываются не только первые

[5] *Далее зачеркнуто:* быта.
[6] *Далее зачеркнуто:* в котором выражается сущность последнего.
[7] *Далее зачеркнуто:* излож[ению].

источники, но и ученые сочинения, касающиеся того же предмета [8].

Из этого видно, что труд г. Бестужева-Рюмина по своему плану представляет опыт культурной истории России в широком смысле — задача благородная и обещающая автору внимание со стороны образованного общества, идущая навстречу его литературным потребностям и вкусам, но вместе с тем обширная и трудная, которая может быть выполнена различным образом. Литературы, богатые несравненно больше нашей, представляют [9] не особенно много опытов подобного рода и еще меньше — удачных. Чтобы взять на себя подобную задачу с надеждой на успешное выполнение, писатель должен совмещать в себе много условий. Глубокое знание исторических источников — не самое главное и не самое трудное между ними. История культуры не есть лишь история комфорта, житейских удобств: она должна обнять действие всех сил, работавших над развитием известного времени или

[8] *Далее зачеркнуто:* Из этого видно, что труд г. Бестужева-Рюмина по своему плану представляет опыт культурной истории России в широком смысле: задача благородная и обещающая автору внимание со стороны образованного общества, идущая навстречу его литературным потребностям и вкусам, но вместе с тем обширная и трудная, которая может быть выполнена различным образом. Литературы, богатые несравненно более нашей, представляют не особенно много опытов подобного рода и еще менее — удачных. Развивая во введении свой взгляд на историю, автор высказывается против «ученых систематиков», за органическое развитие жизни, «которая не терпит единообразия и никогда не может развиваться по схоластической теме, требующей непременного наполнения рубрик в составленных ученых таблицах». «Развитие жизни, — продолжает автор, — состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину». Сравнение это может быть не точно уже потому, что в разные эпохи выдвигаются разные колеса: то выступает на первый план религиозная жизнь, то умственная, то юридическая, то совершается процесс питания... Но в известный момент своей деятельности народная жизнь напоминает собою машину (*Далее зачеркнуто:* питания). В этих словах указано средство помирить ученого-систематика с органическим развитием жизни. Это средство — органический взгляд на развитие (*Далее зачеркнуто:* жизни) народной жизни. Он погрешит против такого взгляда, если во все периоды будет одинаково наполнять одни и те же рубрики в своих ученых таблицах, стремясь к всесторонности, будет освещать одинаковым светом различные стороны жизни: картина не будет соответствовать действительности, в которой нет такого всестороннего развития, и потому явится произведением (*Далее зачеркнуто:* худож[ественной]) литературы художественной, а не научной. Свободный от этого стремления, автор не обратился бы ни к чертам быта других славян, ни к известиям отечественных источников более позднего времени, чтобы наполнить картину быта славян русских до образования государства. Если в известную эпоху действуют не все колеса исторической машины, то историку нет никакой надобности в своем воспроизведении вводить в действие и те, которые в то время покоились, ибо он должен руководиться органическим, а не механическим взглядом на ход исторической жизни. Встретить на[пример] (*Далее текст обрывается*).

[9] *Далее зачеркнуто:* намного.

народа. Эти силы везде одни и те же: природа, государство, общество, личность и т. д. Но бесконечно разнообразны их взаимные сочетания и изменения, производимые этими сочетаниями в деятельности каждой. Формы быта только отсадок работы этих культурных сил: надобно, чтобы под первыми историк культуры вскрыл действие и взаимные отношения последних. Для такой работы мало учености и таланта: ей должна предшествовать в исторической литературе известная подготовка. Множество мелких, но важных вопросов должно быть решено прежде, чем историк может приступить к полной картине народного развития. Талант, подобный Гизо или Тьерри, остановился бы перед мыслью взяться за историю русской культуры даже при настоящем состоянии нашей исторической литературы. Причины этого не в богатстве элементов русского развития и не в напряжении их действия. Совсем нет: может быть, трудно найти в Европе страну, отличающуюся меньшей сложностью и бóльшей вялостью развития. Но скудный запас культурных сил является у нас в таких сочетаниях и с такими особенностями, которые, может быть, доселе нигде не повторились в Европе. Этим отчасти объясняется и состояние русской исторической литературы. Нельзя сказать, что бы она страдала бедностью книг и статей; но сравнительно немногие из них писаны с ясным сознанием научных требований и потребностей. Видимая простота нашей истории вместе с скудостью общедоступных источников соблазняли наших писателей, а слабость критики поощряла их смелость. Очень часто писатель, набегом, подобно крымцу старых времен, налетевший на русскую историческую жизнь, с трех слов уже судит и рядит в ней; едва принявшись за изучение факта, спешит составить теорию, особенно если дело касается так называемой истории народа. Отсюда у нас любят больше кольнуть исторический вопрос, чем решить его, обследовав тщательно. Отсюда же в нашей историографии больше взглядов, чем научно обработанных фактов, более док[т]рин, чем дисциплины. Эта часть литературы даст больше материала для характеристики современного ей развития русского общества, чем указаний для изучения нашего прошедшего. Привыкнув читать у западных историков о сложных общественных отношениях, о борьбе лиц, партий, идей, у нас любят обращаться к отечественной истории с мыслью найти нечто подобное и не замечают, что здесь господствуют первичные [10] исторические процессы, совершается работа более стихийных, чем социальных сил, борются скорее инстинкты, чем идеи. Отсюда столь обычные в нашей историографии преувеличения и неосновательные поверхностные аналогии. Не говорим о другой части нашей исторической литературы, о сочинениях, писанных без всякой мысли, в которых можно найти более или менее тщательную компиляцию известий, но нет фактов и выводов: это скорее письменность, чем литература. Таким образом, писателю, принимающему на себя

[10] *Далее зачеркнуто:* проце[ссы].

труд написать историю русского развития, не достает того, что на железнодорожном языке называется питательными ветвями: в массе написанного до него он найдет немного трудов, которыми можно воспользоваться с доверием, и строя свое здание, он слишком часто принужден будет сам лепить и обжигать кирпичи.

Легко понять, что в таком труде окажутся неизбежные недостатки, в которых трудно будет винить автора. Они не отнимут у последнего заслуги первого опыта, особенно если историк метким взглядом взглянет на своеобразные отношения культурных факторов в нашей [истории] и собственными приготовительными исследованиями восполнит часть научных пробелов, доселе остающихся в нашей историографии. Вот почему, думаем, читающая публика не может не отнестись с признательностию к новому обширному сочинению г. Бестужева-Рюмина, хотя оно писано не совсем для нее. Сопоставив изложенный план труда с мыслями самого автора о задачах исторического изложения, можно видеть, насколько его книга пострадала от указанного состояния научной русской исторической литературы. Развивая во введении свой взгляд на историю, автор высказывается против «ученых систематиков», за органическое развитие жизни, «которая не терпит единообразия и никогда не может развиваться по схоластической теме, требующей непременного наполнения рубрик в составленных ученых таблицах». «Развитие жизни, — продолжает автор, — состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину. Сравнение это может быть неточно уже потому, что в разные эпохи выдвигаются разные колеса: то выступает на первый план религиозная жизнь, то умственная, то юридическая, то совершается процесс питания... Но в известный момент своей деятельности народная жизнь напоминает собой машину». В этих словах указано средство помирить ученого-систематика с органическим развитием жизни. Это средство — органический взгляд на развитие народной жизни. Он погрешит против такого взгляда, если во все периоды будет одинаково наполнять одни и те же[11] рубрики в своих таблицах, стремясь к всесторонности, будет освещать одинаковым светом различные стороны жизни: картина не будет соответствовать действительности, в которой нет такого всестороннего развития, и потому явится произведением более художественным, чем научным. Свободный от этого стремления, автор в описании быта славян русских до образования государства не перемешал бы черт быта других славян с известиями отечественных источников более позднего времени. Если в известную эпоху действуют не все колеса исторической машины, то историку нет никакой надобности в своем воспроизведении двигать и те, которые в то время покоились, ибо он должен смотреть органическим, а не механическим взглядом на ход исторической жизни. Встретить, например, в описании ва-

[11] *Далее зачеркнуто:* таблицы.

ряжского периода у почтенного историка пространное рассуждение о политическом, юридическом и литературном влиянии на Русь христианства и пришедшей с ним византийской цивилизации довольно неожиданно, ибо по крайней мере половина того, что автор выводит из этого влияния, стала действовать и обнаруживаться позднее времени, называемого им варяжским. Так как в жизни народа очень часто известная историческая стихия развивается и действует на счет других, то историк нисколько не погрешит против органического взгляда и требования многосторонности, если эту стихию выставит на первый план и подвергнет наиболее внимательному изучению: надобно, чтобы [12] в его изображении читатель наглядно видел преобладающее действие этой силы. Тем более это научное требование обязательно для историка России, где запас культурных сил никогда не был разнообразен [13] и действие их всегда было довольно односторонне. Во введении, говоря о недостатках исторического изложения, в котором преобладает то элемент юридический, то изображение природных условий, то, наконец, дается незаконный перевес умственному развитию, автор прибавляет: «Если же нет ни того, ни другого, ни третьего, то история обращается в выставку, где предметы разнородные разложены по разным ящикам с привешенными к ним ярлыками». Это последнее бывает именно тогда, когда историк, не следя за взаимным отношением культурных сил в разные периоды народной жизни, все эти силы изображает одинаково, не различая господствующих от служебных. Надобно желать, чтобы книга почтенного историка в своем дальнейшем развитии уберेглась от этой опасности.

В заключение два слова об ученых приемах г. Бестужева-Рюмина. В предисловии он говорит о них: «Сочинитель убежден, что профессор должен держаться того или другого мнения; но при настоящем состоянии нашей науки он редко может быть вполне уверенным, что его мнение — самое верное. Лучший выход в этом случае — изложение не догматическое, а критическое. Тогда перед слушателями или читателями будет не одностороннее мнение того или другого лица, а все разнообразие мнений, развивающееся в литературе». Хотя есть примеры того, что мнение одного лица иногда многостороннее всего разнообразия мнений, развивающегося в литературе, но правило, выраженное автором, при известных условиях может иметь свои выгоды, тем более что он сам держится его везде точно. Он редко выступает с своими взглядами и конечными выводами, ограничиваясь обыкновенно сопоставлением фактов и иногда частными замечаниями и догадками. Местами его изложение превращается в мозаический подбор известий из источников и объяснений из ученых трудов. Значит, единственным прямым освещением, какое книга кладет на излагаемые факты, служат в ней или мнения других уче-

[12] *Далее зачеркнуто:* читатель.
[13] *Над зачеркнутым:* сложен.

ных или в случае несостоятельности последних такое сопоставление фактов, из которого читателю легко было бы вывести более верное заключение. Последнее было бы согласно и с целию автора «дать читателю поболее материалов и указаний для образования собственного суждения и приговора». Мнение самого историка, обязательное во всяком случае, выскажется при этом если не прямо, то в разборе чужих мнений или в известном подборе[14] фактов. Возьмем два примера, чтобы видеть, как автор пользуется усвоенными им приемами. Характеризуя время от смерти Ярослава до нашествия татар названием периода «удельного», он разбирает ученые взгляды на этот период, существующие в нашей исторической литературе. Главные из них, развитые наиболее научно, принадлежат гг. Соловьеву и Костомарову: первый объясняет явления этого времени родовыми княжескими отношениями, второй — господством федеративного начала в Древней Руси. Дело критики рассмотреть[15], удовлетворительно ли автор разбирает и опровергает теории того и другого ученого. Для нас важен вывод, к которому приходит автор (с. 162): «Из всего сказанного ясно, что мы недовольны ни одною из теорий, взявшихся объяснять государственный быт Древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнения, что одного движущего начала не было и что пестрота событий объясняется *очень хорошо* переплетающимся взаимодействием многих начал, как, по верному замечанию одного из величайших историков XIX в., Гизо, и бывает всегда в создающихся обществах. Надеемся, что дальнейшее изложение оправдывает эту мысль». Далее следует у автора очень сжатый очерк событий в Киевском и других княжествах, среди которых мелькают уже известные силы, действовавшие в тогдашнем обществе: городские веча, княжеские счеты, личные стремления князей, вмешательство кочевников и т. д. И г. Соловьев и г. Костомаров, каждый с своей точки зрения, указывают этим силам определенное место в своих теориях, определенное значение в государственном состоянии тогдашней Руси; какое место указывает им г. Бестужев-Рюмин[16], недовольный взглядами обоих ученых, как взаимодействие[17] многих начал объясняет явления того времени, это остается неизвестным читателю при самом внимательном чтении дальнейшего изложения у автора. Кто прежде разделял взгляд г. Соловьева или г. Костомарова, тот и по прочтении книги г. Бестужева-Рюмина останется при своем авторитете; кто не принимал мнения ни того, ни другого, тот не найдет, что́ принять у третьего[18].

[14] *Далее зачеркнуто:* фактов и освеще[ние].
[15] *Далее зачеркнуто:* как ав[тор].
[16] *Далее зачеркнуто:* каких отверг.
[17] *Далее зачеркнуто:* этих.
[18] *Далее зачеркнуто синим карандашом:* Другой пример. Оценивая влияние татар на Русь, автор также не соглашается вполне ни с г. Соловьевым, ни с г. Костомаровым, считая их мнения крайностями, и (*Далее зачеркнуто:* отвергает) при этом добавляет (*Далее зачеркнуто:*

Изложенные замечания сделаны с целью предварительного внешнего ознакомления читателя с новым трудом почтенного профессора[19]. Не предупреждая приговора научной критики, можно, однако ж, и здесь указать на очевидную заслугу, какую автор окажет исполнением начатого труда нашей историографии. Эта заслуга определяется положением последней. По своей программе и объему «Русская история» г. Бестужева-Рюмина отчасти восполнит пробел, который давно существует в русской исторической литературе: в ней до сих пор нет труда, который мог бы служить посредствующим звеном между монографиями и таким огромным произведением, как «История России» г. Соловьева, с одной стороны, и учебником русской истории, — с другой[20]. Как попытка восполнить этот пробел и попытка, сделанная ученым, от которого русско-историческая наука вправе ждать очень многого[21], «Русская история» г. Бестужева-Рюмина вполне заслуживает внимательного и подробного критического разбора, к которому мы надеемся обратиться со временем[22].

III. К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

[некролог]

[1897 г.]

2 января текущего года мы лишились К. Н. Бестужева-Рюмина, 21 год состоявшего членом нашего Общества. Имя покойного принадлежит русской историографии, в летописях которой историческая критика отведет его ученым трудам подобающее почетное место. Мы теперь под несвеявшимся еще впечатлением понесенной потери почтим его память благодарным товарищеским воспоминанием.

Старших из здесь присутствующих я прошу Вас перенестись воспоминаниями лет за 40 назад, к концу 50-х годов.

Я принадлежу по возрасту к поколению тех из вас, милостивые государи, чье историческое мышление пробуждалось в то время, делая первые усилия в познании родного прошлого. Едва

о третьем взгляде): «Мнение же о происхождении понятия о царской власти от татар надо, кажется, *вполне* отвергнуть (с. 279)». В другом месте, объясняя появление поместий, согласно с мнением г. Градовского, развитием мысли о государе, как верховном собственнике земли, г. Бестужев-Рюмин замечает (с. 448): «Ко всем этим причинам образования понятия о верховном собственнике земли могло присоединиться и влияние татарского понятия о том, что вся земля принадлежит хану; свергнув иго, князья могли перенести на себя эту верховную власть хана». Хотя вслед за тем автор не соглашается приписать этому предположению Неволина первостепенное значение, однако очевидно, что он не думает в этом месте *вполне* отвергнуть влияние татар на образование у нас понятия о царской власти.

19 *Далее зачеркнуто:* Заслуга и значение этого труда очевидны.

20 *Далее зачеркнуто:* Этим пробелом отчасти объясняется и неудовлетворительность учебников русской истории, господствующих в наших школах.

21 *Далее зачеркнуто:* впереди.

22 *Далее полтора листа оставлены чистыми.*

одолев учебники истории всеобщей и русской, мы тогда усиленно читали «*Четыре характеристики*» Грановского в изданном Кудрявцевым в 1856 г. собрании его сочинений, Костомарова «*Богдана Хмельницкого*» и «*Бунт Стеньки Разина*» в выходивших тогда уже (1859) вторых изданиях, первые тома «*Истории*» Соловьева, его же «*Исторические письма*» и статьи Кудрявцева, Кавелина, Буслаева, Чичерина и др. в «*Русском вестнике*», «*Отечественных записках*», «*Современнике*». Припомним также, что за этим чтением нас гораздо сильнее удерживало возбужденное общим движением любопытство юношеского ума, чем юношески незрелое понимание читаемого. Мы смутно чувствовали, что и в русской историографии веет новым духом, который проникал тогда во все отношения, в самые сокровенные углы русской жизни.

Теперь, спустя 40 лет, много перечитав и передумав, быв свидетелями широкого и разностороннего развития русской историографии, мы можем оглянуться на то далекое время с чувством некоторого самодовольства: наше тогдашнее смутное чутье нас не обманывало; мы знаем теперь, что русское историческое изучение переживало тогда глубокий перелом, успевший уже обнаружиться внушительными признаками. Археографическая комиссия обнародовала уже свои первые капитальные серии русских исторических источников, летописей и актов и в 1859 г. выпускала VII том «*Дополнений к Акт*[*ам*] *историческим*». В подмогу ей начали действовать Виленская и Киевская комиссии для разбора древних актов. Предпринято было немало других изданий памятников отечественной старины. Накоплялся значительный запас печатного архивного материала и вместе с тем все более выяснялось, что в тысячу раз богатейший материал таится в рукописных книгохранилищах и архивах, ожидая работников. Сколько нового открыло тогда одно «*Описание*» Горского и Невоструева, начавшее выходить с 1856 г.! С другой стороны, на смену старым собирателям памятников народного творчества и быта — Максимовичу, Сахарову, Снегиреву, Терещенку, — выступил ряд их деятельных продолжателей; Бессонов, Рыбников, Даль, Шеин, а в 1860 г. Общество любителей росс[ийской] словесности постановило издать песни, собранные П. Киреевским. Много свежих или уже испытанных ученых сил с редкой энергией и превосходной подготовкой принимались за обработку этого нового сырого и разнообразного материала, изданного и неизданного: Буслаев, Афанасьев, Забелин, Победоносцев, Кавелин, Чичерин, Дмитриев, Тихонравов, Пыпин и много-много других; в 1857 г. вышел первый том «*Истории русской церкви*» Макария — и среди всех этих разнообразных, трудолюбивых и талантливых работ спокойным, мерным шагом, своей особой дорогой, по-возможности никого не задевая, но и не выпуская из вида чужих трудов, выходила с 1851 г. «*История России с древнейших времен*» Соловьева, своими неизменными из года в год октябрьскими томами, обозначая движение русской исторической науки, как часовая стрелка указывает на циферблате движение времени. Очевидно было, что

течение русской историографии страшно дробилось, разбивалось на необозримо разносторонние специальные русла и возникал вопрос, как следить за этим все увеличившимся разветвлением русско-исторической изыскательности, чтобы не потерять нити общего направления русской исторической мысли.

В этот момент в «*Московском обозрении*» 1859 г. появилась без подписи автора обширная статья «*Современное состояние русской истории, как науки*». Я был тогда еще слишком юн, далек от Москвы и от ученого мира и лишь много лет спустя узнал, что эта статья Бестужева-Рюмина, а узнал это из приобретенного мною еще в студенческие годы экземпляра «Московского обозрения», на котором было написано: «Воспитаннику 3-го спец. класса Феодору Строкину на память от издателя». Под статьей рукой внимательного читателя, сделавшего в книге на полях много заметок, карандашом подписано: *Бестужев*. Бестужев-Рюмин участвовал в издании «М[осковского] обозрения». Около того же времени[1] он преподавал историю в Московских корпусах: не он ли сделал эту надпись, даря книгу со своей статьей одному из старших своих учеников? Я не знаю, какое впечатление произвела эта статья на своих читателей при своем появлении. Перечитывая ее теперь, видим, что она написана бойко и живо и обличает в авторе человека много читавшего, который при случае кстати припомнит и издания Сахарова, и различие между поэзией и историей по Аристотелю, и Геро-де-Сешеля, требовавшего себе из библиотеки законов Миноса для составления Французской конституции 1793 г., и сделает надлежащую выдержку из Маколея, Грановского, Юлиана Шмита. Главное содержание статьи — критический разбор первых восьми томов «Истории» Соловьева. Но чтобы быть вполне справедливым к своему учителю, которого он слушал в Московском университете, критик обозревает, как понимали историю и как пользовались источниками предшественники Соловьева, писавшие полную историю России: кн. Щербатов, Карамзин и Полевой, потом говорит о состоянии разработки источников в эпоху появления «Истории» Соловьева и всему этому предпосылает изложение современных требований от историка, как выразителя народного самопознания. Требования очень суровы и трудно выполнимы — это те сложные, возвышенные, словом, идеальные требования, какие со слов великих мастеров историографии или глядя на их мастерские произведения, любят предъявлять молодые читатели и начинающие ученые, но над которыми добродушно покачивают головой искушенные опытом и трудом обыкновенные историки (см. с. 3 и сл.). Соловьев, разумеется, не вполне удовлетворительно выдержал вооруженную такими требованиями критику своего ученика, хотя последний и отнесся к нему с большим почтением (с. 130).

Но эта большая статья гораздо важнее была для самого автора, чем для Соловьева и других современных русских истори-

[1] *Далее зачеркнуто:* Б[естужев]-Рюмин.

ков, столь же строго им разобранных. Я думаю, что этот первый большой опыт Б[естужева]-Рюмина по русской истории окончательно сложил его взгляд на научное дело и на задачи его собственной научной деятельности. Он, 30-летний ученый, в этой первой серьезной пробе своего ученого пера, обозревая движение русской историографии, продумал в последовательном порядке основные факты нашей истории, пересмотрел ее источники с Карамзиным, Соловьевым и Кавелиным в руках, воочию убедился, как осторожно и обдуманно надобно ими пользоваться, на образцах поучился технике исторической работы. Его критические уроки, сказанные учителям, несомненно гораздо более научили самого критика, чем их.

Этим определялось дальнейшее направление его ученых работ. Отправляясь от основательного изучения состояния, в каком он застал русскую историографию при своем вступлении на ученое поприще, он потом всю жизнь оставался зорким наблюдателем ее движения. Я даже не умею назвать, кто бы с большим вниманием следил за русской исторической литературой нашего времени. Призванный через несколько лет преподавать русскую историю в С.-Петербургском университете, он, сколько мне известно, и в свои курсы вводил вместе с обзором русских исторических источников обзор новейшей русской историографии. Всякий начинающий дельный исследователь по русской истории был им тотчас замечаем и встречал в нем внимательного и доброжелательного ценителя. Помню, видаясь с ним в давние редкие приезды его в Москву, бывало едва поспеваешь отвечать на его нетерпеливые вопросы, кто чем занимается в Москве из молодых ученых по русской истории, что кто задумывает писать, не найдено ли чего нового в рукописях в московских архивах. Сам он не брался за большие специальные работы по неизданным архивным или рукописным источникам. Правда, он оставил крупный след в разработке русских исторических источников: в 1868 г. вышла его известная диссертация: «О составе русских летописей до конца XIV в.» Этим трудом он укрепил в нашей исторической литературе прием изучения, который при умелом обращении с ним приносит плодотворные результаты — это тонкий критический разбор составных частей памятника и их часто трудноуловимого происхождения. Я назвал бы этот прием, как он был выработан Б[естужевым]-Рюминым на изучении древнейших летописных сводов — *химическим анализом* исторического источника.

В общем движении русской историографии он шел до конца своей особой дорогой, избрал себе здесь свое специальное дело, и это дело прямо отвечало на вопрос, поставленный широким развитием русского исторического изучения: он следил за все осложнявшимся движением русской исторической литературы, сводил, подсчитывал ее научные итоги, наблюдал ее общее направление и по временам отмечал в ней сомнительные или неосторожные уклонения. Плодом этих многочисленных наблюдений и

изучений и была его «*Русская история*», первый том которой вышел в 1872 г. Он сам объясняет задачу этого труда в первых строках предисловья... «Цель этой книги — представить результаты, добытые русскою историческою наукою в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности»[2]. Кто из занимающихся русской историей переносит эту своеобразную книгу с письменного стола на полку! Она ежеминутно надобится, как путеводитель при обзоре осматриваемого города. Ее своеобразность в том, что в ней настоящий текст в нижней половине ее страниц, в этих неистощимо обильных цитатах и примечаниях, а верхняя половина — только прагматический фон или фактическая канва, по которой тщательной и удивительно-терпеливой рукой выведены лучшие усилия и успехи русского труда и ума по изучению родного прошлого. Нисколько не умаляя и не преувеличивая этого труда, можно сказать, что это не только русская история, но и история работы русской мысли над русской историей. Сам автор хотел дать в своей книге руководство или, лучше, пособие приступающим к самостоятельному изучению русской истории. Собирая, сопоставляя и разбирая мнения, высказанные в литературе, он не выставляет на первый план своих, а высказывает их только кстати, как научную возможность или робкий призыв ученой братии к содействию, проверке и поправке. Книга составилась постепенно из университетских чтений, в которых профессор, по его признанию, всегда давал много места оценке источников и пособий и критическому изложению высказываемых в науке мнений.

РУССКИЙ ИСТОРИК — ЮРИСТ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

«Лекции по истории русского законодательства», И. Д. Беляева, ордин[арного] профессорам имп. Московского университета. М., 1879. VIII+728 с.

Довольно трудно разбирать эту книгу покойного Беляева, увидевшую свет уже немало времени спустя по смерти ее автора (ум. в 1873 г.). Беляев был одним из трудолюбивейших ученых, каких знает наша литература. Немногие потрудились больше его над изучением истории своего отечества. В продолжении 30 лет с лишком в различных[1] журналах и отдельными изданиями выходили его труды по истории России, преимущественно древней, и многие из этих исследований доселе не потеряли своей цены. Две из его монографий — «О наследстве без завещания по древним

[2] *Цитата написана на полях рукою Б. В. Ключевского.*

[1] *Далее зачеркнуто:* изда[ниях].

русским законам» (1858 г.) и «Крестьяне на Руси» (1860 г.), — можно думать, еще долго будут надобиться специалисту[2] не для[3] библиографических только справок. Многие из его трудов даже переживут те научные выводы, которые в них сделаны исследователем, благодаря обильным и любопытным[4] выпискам из неизданных доселе актов, в них приводимых. Беляев был одним из лучших знатоков архивного материала по истории русского права. Учено-литературными работами не ограничивалась его деятельность: он 20 лет занимал кафедру истории русского права в Московском университете, и наибольшее количество научных сведений по этому предмету, какие выносили[5] поколения юристов, вышедших в продолжение этого времени из названного университета, принадлежало Беляеву. Эти сведения теперь стали доступны читающей публике в курсе, изданном под редакцией одного из многочисленных его учеников[6], г. Петровского, при материальном содействии г. Кошелева.

Нет ничего тяжелее несправедливости, даже неумышленной, по отношению к ученому и писателю, столько поработавшему над извлечением из[7] сырого материала и над распространением в обществе научных сведений по истории России. Между тем, разбирая изданный курс, очень легко допустить такую несправедливость, взвести на автора какую-нибудь невольную напраслину. Объясняя свое участие в издании, редактор пишет, что он взял на себя труд «привести собственноручные тетради лекций покойного в порядок и присмотреть за печатанием их». Он пересмотрел разновременные записки Беляева и из нескольких редакций выбрал позднейшую, как лучшую. Со всяким профессором, особенно с тем, курс которого не есть простая компиляция чужих трудов, может случиться, что в его рукописном конспекте или подробном изложении лекций окажутся некоторые неточности, недосмотры, поспешно сделанные выводы, которые при дальнейшей обработке курса исправляются в аудитории, оставаясь неисправленными в тетради[8]. Есть основания думать, что и Беляев не везде дословно передавал слушателям текст своих записок, делал устные дополнения и может быть поправки, не оставившие следов в собственноручных тетрадях, по которым издавался его курс. Сам редактор пишет далее, что он «счел долгом не упускать из вида записок студентов, потому что покойный имел привычку на лекциях дополнять текст тетрадей примерами и делать более подробные пояснения его, так что кое-что из студенческих записок также попало в настоящую книгу». Кажется, из самых этих слов издателя следует заключить, что попало не все, запи-

[2] *Далее одно слово густо зачеркнуто.*
[3] *Далее одно слово густо зачеркнуто.*
[4] *Далее одно слово густо зачеркнуто.*
[5] *Далее два слова густо зачеркнуты.*
[6] *Далее два слова густо зачеркнуты.*
[7] *Далее два слова густо зачеркнуты.*
[8] *Далее одно слово густо зачеркнуто.*

санное студентами из этих устных пояснений и дополнений профессора. Можно отметить в курсе, как он издан теперь, одно место в подтверждение догадки, что и здесь не все факты и суждения профессора явились в окончательном виде, по крайней мере не всё излагалось в аудитории так, как мы теперь читаем в посмертном издании курса. В обзоре памятников законодательства 3-го периода (1497—1649 г.) Беляев[9] рассматривает и указ о прикреплении крестьян к земле (с. 553). Он пишет без пояснения и оговорки, что, «судя по указаниям других памятников», этот не дошедший до нас указ был издан в 1591 г. Между тем известно, что нет ни одного памятника, который бы указывал на издание именно в этом году какого-нибудь распоряжения о прикреплении крестьян. Выше (с. 494), говоря о положении сельского населения в названный период, он прибавляет в пояснение к этому «можно положить за верное, что указ издан именно в 1591 г., потому что в 1590 г. существовал свободный переход крестьян, а в 1591 г. он уже прекращается». Эта прибавка еще более затемняет дело[10], потому что совсем ни откуда не видно, что переход прекращается именно в 1591 г. Трудно предположить, чтобы Беляев всегда до самого конца своей преподавательской деятельности так излагал столь важный факт в истории древнерусского общества и законодательства. Судя по другому сочинению, которое им самим было приготовлено к печати и издано, он еще за 13 лет до смерти[11] излагал дело понятнее и правдоподобнее. В нашей исторической литературе доселе держится одно важное недоразумение, благодаря которому неверно изображается ход поземельного прикрепления крестьян[12].

И. Е. ЗАБЕЛИН

I. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. Е. ЗАБЕЛИНА «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» (М., 1876, ч. 1)

[1876 г.]

Стремление[1] выпукло, наглядно изобразить явление с внешней стороны, но не объяснить его медленным анализом[2] известий. Факты взяты на чувство и воображение. Больше вглядывался чем вдумывался.

Поэтому явления оторваны от места и времени. Вскользь замечается о 9 и 10 в., но излагаются процессы первобытные, имевшие место в нелетописное время. Сам путает; то доисторичес-

[9] *Далее зачеркнуто:* говорит.
[10] *Далее одно слово густо зачеркнуто.*
[11] *Далее одно слово густо зачеркнуто.*
[12] *На обороте листка синим карандашом помета:* И. Д. Беляев.

[1] *Над строкой:* Содержание главы.
[2] *Далее зачеркнуто:* фактов.

кое время, то 9 и 10 в. Действительно, картина не клеится с фактами 9 и 10 в., как не по ним нарисованная. Вышла какая-то схема исторического развития, музыкальная фантазия, построенная на тему: как должно было быть, где сохранились только самые общие мотивы описываемой жизни. Картину м[ожно] перенести куда угодно, приложить к какому угодно городу. Ее даже нечего и опровергать, пот[ому] что автор ничего в ней не доказывает, а только излагает свои историч[еские] откровения.

Но есть некоторые очевидные несообразности.

1) Общество Киевской Руси в 9 в. не первая форма русского общества и составилась из обломков разрушенного строя. Прежние союзы. Куда же отнести те явления, какие рисует автор, — к 6 или 9 в.?

2) Забывает, что строй, являющийся в полов[ине] IX [в.], сложился на юге под чуждым, хазарским игом. Поднепр[овские] города обязаны этому своим промышленным развитием, открытыми им торговыми путями, как после по Волге. Варяги то же сделали для Новгорода.

3) В росте большого города у З[абелина] два противоречащих себе взаимно момента: его строго волостные окрестные поселки, родовые, содержат его, как свою защиту, подчинены ему и потом все-таки он их покоряет, зачем-то опять облагает данью.

NB: Набег 865 г., как у герулов в III в., облегчался тем, что тогда нижний Днепр еще вполне в руках сброда, господствовавшего в Киеве. Ср., Дитмара с Мих. у Калачова, 69. Последний очень ясно указывает, как образовалось казачество. Ср. еще Антоновича о городовых казаках XV—XVI в. по Днепру.

NB: Местничество за столом Атиллы, 354 m и f.

361. Славяне составляли союз еще до Атиллы, а в 9 в. первичные процессы.

382. Наречие бастарнов у Тацита [...] [3]

II. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. Е. ЗАБЕЛИНА «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» (М., 1879, ч. 2)

Вторая часть [1] обширного труда г. Забелина, которой несколько заждалась читающая публика, отличается теми же достоинствами и недостатками, с которыми читатель хорошо познакомился по первой части. Здесь та же плавность, так сказать, тягучесть из-

[3] *Далее в рукописи отдельные конспективные записи 1-й и 2-й части книги И. Е. Забелина «История русской народной жизни», среди которых следующий текст:* Мысли идут без плана и нужды, по мере нарождения, как несутся облака; нет ни последоват[ельного] рассказа, ни системат[ической] критики, и выходит одна старческая болтовня [...]

[1] *Над строкой:* Мнения З[абелина] не выдерживают критики даже сами по себе, не только по отношению к источникам. Узко истор[ическое] миросозерцание, мало истор[ических] вопросов.

ложения, иногда переходящая в приятную[2] causerie[3] как будто с целью облегчить напряжение читателя, та же изобразительность описаний, которая сообщает такую привлекательность географическому очерку России в первой части, наконец, та же теплота чувства любви к отечеству, согревающая холодный и утомительный разбор этнографических и полуисторических преданий и известий. Но, с другой стороны, — несколько излишняя подвижность воображения при постройке догадок и гипотез[4], имеющих так мало оснований, что иногда[5] уловимым остается только одно: «мне так нравится», неохота вдумываться в свою собственную[6] мысль, проверить ее с недоверием, как чужую, прежде чем остановиться на ней, равнодушно к строгому порядку и точному, рельефному выражению[7] размышлений, вследствие того недостаток формулирования[8], последовательности, отчетливости в исследованиях и[9] некоторая[10], как бы сказать, раскидистость, от чего[11] происходят повторения и непривычка оглядываться на выше написанное, так что[12] там иногда на след[ующих][13] страницах отвергается то, что утверждается на других. Автору ничего не стоит признать киевским сохранившееся в визант[ийской] хронике предание, что имя россов идет от имени Росса, когда-то освободившего их от каких-то завоевателей, хотя у него никаких туземных[14] доказательств на такое местное происхождение предания. Или на одной странице автор говорит, что Геродот не имел понятия о Балт[ийских] вендах, не знал, кто живет на дальнейшем севере от Скифии, а на следующей уверяет, что Геродот знал об этом, но, быть может, из купеч[еских] видов смолчал. Признание на с. 31[15].

Наконец, и вторая часть носит на себе[16] резкие следы того же настроения автора, которое так много повредило впечатлению[17] первого тома[18]. Автор не просто исследует и очищает истину, истор[ические] факты, а все с кем-то борется; в одной руке он

[2] *Над строкой:* простое.
[3] Легкая беседа (*фр.*). *Далее приписка:* и вторющую всем известные вещи (69, 71), но и дающую отдохнуть.
[4] *Далее зачеркнуто:* часто.
[5] *Далее зачеркнуто:* осязательным.
[6] *Над строкой:* первую навернувшуюся.
[7] *Далее зачеркнуто:* отдельных.
[8] *Над строкой:* дисциплины мысли.
[9] *На полях:* наклонность заходить в область филологии, где не дома.
[10] *Далее зачеркнуто:* какая.
[11] *Над строкой:* в связи с этим.
[12] *Далее зачеркнуто:* порой.
[13] *Над строкой:* одних.
[14] *Далее зачеркнуто:* местных.
[15] *На полях:* Объяснение Новгорода, его происхождения, Петербургом? (47). Но противоп. — норманист.
[16] *Далее зачеркнуто:* такие же.
[17] *На полях приписка:* обе части не столько ученая экскурсия в отдаленную старину нашей истории, сколько воинственный поход против кого-то, очень близко живущего.
[18] *Далее зачеркнуто:* первой части.

держит заступ исследователя-рудокопа, а из другой не выпускает ни на минуту шпаги [19] полемики. К сожалению, присутствие последнего орудия мешает у автора действию первого, сообщает тревожный, раздражительный, чтобы не сказать задорный, вызывающий тон его рассказу и должно показаться читателю тем более необъяснимым, что враги автора обыкновенно [20] остаются под покрывалом, являются в туманном виде каких-то «исследователей-патриотов», должно быть не русских, каких-то «наших академиков» (автор — не академик) и т. п. Люди, знакомые с почтенной кастой варягоисследователей, конечно, догадаются, кто эти туманные фигуры [21], неприятные нашему автору. Но книга его, судя по характеру изложения, по обилию мест общих, отсутствию обычным в ученых специальных работах приемов изысканий предназначается для широкого употребления, и человек из публики, а не цеховой специалист, увлеченный сочувствием к автору, видя какие усилия делает автор для борьбы с его неведомыми [22] врагами, может подумать, что это — опасные чудовища, подкапывающиеся под доброе имя и величие р[усского] народа, а не [23] скромные ученые, подобные автору, и без злого умысла, не без пользы потрудившиеся над изучением русской старины и вовсе не заслуживающие казни [24] за свои ученые ошибки [25], б[ольшую] часть которых наш автор еще не [26] опроверг. Г[осподину] З[абели]ну почему-то кажется, что русский народ мистифицирован и запуган иностранцами, по их внушениям ценит себя ниже действительной стоимости. Он хочет правдивым [26а] изображением деяний предков ободрить соотечественников, внушить им уважение к себе, взирать с доверием на свое будущее. Все это в высшей степени хорошо и поучительно, но все хорошо в свое время и на своем месте, и только та картина историч[еской] жизни художественна [27], которая поучает самими лицами и позами, а не подписями [28] живописца.

Для определения степени доверия, какую можно иметь к теории г. Забелина, стоит только воспроизвести процесс создания последней. Это и не особенно трудно, потому что г. Забелин, при всем своем таланте, действительный размер которого нет нужды отвергать [29], все-таки не на столько художник или не на столько

[19] *Над строкой:* рапиры.
[20] *Над строкой:* б[óльшой] частию.
[21] *Далее зачеркнуто:* враждебные.
[22] *Над строкой:* прикрываемыми.
[23] *Далее зачеркнуто:* такие же.
[24] *На полях:* исправить. *Далее зачеркнуто:* за то, что.
[25] *Над строкой:* заблуждения.
[26] *Далее зачеркнуто:* доказал. *Затем зачеркнуто одно неразборчивое слово.*
[26а] *Над зачеркнутым:* истинным.
[27] *Над строкой:* истинно назидател[ьна].
[28] *Над строкой:* сентим[ентальными] или облич[ительными]. *Над строкой зачеркнуто:* назидательными.
[29] *Над строкой:* который нет нужды отвергать, если только привести его в истинн[ый] размер.

досужий человек, чтобы спрятать нитки и закрасить швы своей работы.

Требуется доказать, что варяги-русь, призванные новгородцами, были венды[30], славяне с Балтийского поморья. С этим решением автор вступает в дебри разнохарактерных и разновременных известий и преданий, им собранных и подобранных. Имя варягов происходит от слова *варяти*, предваряти; след[овательно] — это передовые славяне, дальше восточных ушедшие на Запад; значит, это славяне Балтийские, с Поморья Вислы—Одры, венеты-лютичи. Русь есть Ругия (остр[ов] Рюген). Но этот звук является и в топографии устьев Немана. Которая же Русь возникла древнее? Конечно, западная Поморская; это ничего, что[31] велетов указывает в Неманском углу уже Птоломей во II в., велеты-лютичи Одры, где и Ругия, упоминается впервые в VIII в. Угол Поморья на Запад от Вислы в XII—XIII [в.] именовался Славой, Славной и т. п.; здесь же доселе есть городок Славин. В северной Руси на пространстве от Немана до Белоозера автор ищет и находит множество названий, прямо похожих или только намекающих на эти имена. Он без труда набирает большое количество таких названий, пот[ому] что у него не только Мстиславль, даже Богослов, даже Стайки — все это происходит от Славна, от славян. После того становится доказанным[32], что новгородский край заселили славяне с Поморья, они же варяги. Так первые затруднения были побеждены и на этом можно было бы остановиться. Но г. Забелин был так добр, что признал нашего древнейшего летописца правдивым, а правдивый летописец говорит, что новгородцы сперва прогнали варягов, а потом уже призвали из них князей. Естественно, догадыв[ается] Заб[елин], что призваны были другие варяги, не те, которых прогнали. Кого же прогнали и кого призвали? Изгнанные не названы летописцем[33], но призванных он зовет варягами-русью. Ясно, что это ругенцы-велеты. Автор справился по книгам и нашел, что велеты жестоко враждовали с оботритами. Итак изгнаны были оботриты. Но вот затруднение: стало быть, оботриты были в новгородском населении более древним слоем, чем велеты Одро-Вислянского Поморья. К чему же служит длинный и трудолюбивый перечень местных названий в России, напоминающих Словну и Словин именно этого Поморья? Присутствие[34] таких названий у оботритов не указано. Переставить имена, назвать изгнанных велетами, а призванных оботритами мешает летописец: он называет призванных Русью, а не Поморье, «кроме острова Ругии другой значительной области с подобным именем не существует»[35].

[30] *Далее зачеркнуто:* поморские.
[31] *Далее зачеркнуто:* о лютичах.
[32] *Над строкой:* почему новгородцы удержали Слов.
[33] *Над строкой:* особым именем.
[34] *Над строкой:* Спр[авиться] в его карте.
[35] *Внизу листа:* 2-е — за 50 [лет] до 862 [г.]. 3) Изгнаны вагры, а Летопись из вагров князей почему же. 4) С незапамятных времен Русь, а Летопись с 862 г., пусть даже с конца 8-го в[ека].

Итак, изгнаны б[ыли] оботриты, а призваны, вероятно, велеты; но, значит, велеты еще раньше оботритов были владыками нашей страны и оставили память о себе в местных названиях. Итак, велеты дважды владычествовали в Новгороде. Это тем вероятнее, что по тем же книгам оботриты в нач[але] IX в. слабели на Западе, служили Карлу В[еликому] и немцам, за что терпели завоевания от датчан. Итак, призваны, несомненно, велеты-русь, но какие? Были велеты-русь Одро-Вислянского Поморья, ругенцы, были велеты-русь Неманского Поморья [36]. Автору очень хотелось бы остановиться на последних: они ближе к Новгороду и своим появлением в Новгороде наглядно показали бы постепенное шествие славянской колонизации с западного края Поморья до Новгорода, да и звук русь на Немане и в Пруссии, который есть Поросье, явственнее, чем в Ругии. Но здесь опять мешает правдивый летописец, который прямо указывает жительство призванной руси на западном краю Поморья, возле датчан и англов. Было бы лучше, легче, если бы летописец не говорил этого, хотя бы и знал, да смолчал; автор откровенно признается, что «если бы не это показание летописи, довольно отчетливое и ясное, то можно было бы с большою вероятностию предполагать, что призванная русь жила в устьях Немана». Как же быть? — С острова ли Рюгена, решает автор, была призвана русь, или с устья Немана. — «Это все равно», лишь бы не из Швеции, хотя в обоих этих «равных» случаях [37] призв[анные] варяги-русь оказывается не вполне соответствующей своему имени [38], потому что велеты — какие же они варяги, передовые, переварившие всех, как и оботриты, бывшие дальше их к З[ападу] были, не в пример, варяжистее их? Итак, новая помеха со стороны правдивого летописца устранена и призваны велеты-ругенцы, руяне, руги, русци, русь. Тут, кстати, г. Павинский подсказывает автору в своем исследовании ⊕, что как нарочно с 839 г. — почти целое столетие — в западных хрониках ни слова не упоминается о велетах; ясно [39], что они ушли на Восток [40], их дружины были отвлечены призванием в нашу страну. Здесь бы [41] следовало остановиться исследователю, так как все, что требовалось доказать, доказано, если не прямыми свидетельствами источников и вероятными и последов[ательными] выводами из них, то по крайней мере всерешающим аргументом: это все равно. Но автор идет дальше: он сообщает в подкрепление сказанного, что с IX в. немцы стали горячо и дружно выбивать балт[ийских] славян с их родных земель, именно с Эльбы [42]. Это обстоятельство автор признает «едва ли не самою главною причиною постоянного выселения славяно-варяжских дружин на наш

[36] *Далее зачеркнуто:* вероятнее было бы.
[37] *Далее зачеркнуто:* варяги.
[38] *Над строкой:* стойкое противоречие.
[39] *Над зачеркнутым:* и вот значит.
[40] *Далее зачеркнуто:* в нашу страну.
[41] *Далее зачеркнуто:* хорошо.
[42] *Далее зачеркнуто:* след[овательно], эти выбиваемые были теснимые к морю славяне.

кремнистый, но гостеприимный Север». Но эти, выбиваемые немцами славяне были оботриты: их за 20 почти лет до призвания наших варягов завоевал король Людовик, и г. Забелин прибавляет, что это событие «*несомненно* заставило всех желавших свободы искать убежища где ниб[удь] за морем и вернее всего в далеких странах нашего Севера». Что же выходит из всего этого? Несколько выше автор «с большею вероятностью» предполагал [43], что из Новгорода изгнаны были оботриты, а теперь несомненно заставляет тех же оботритов в то же самое время выселяться на наш Север. Итак, в одно время теснимые оботриты, враждебные велетам, переселяются на наш Север и изгоняются оттуда, а на их место призываются велеты, враждебные оботритам. Как примирить два противоположные течения — об этом ничего не находим у автора, не находим и даже его всесокруш[ающего] «все равно».

Оставалось предположить, что в промежуток 844—862 гг. изгнанники оботриты не только нашли приют в Новгороде, но и успели утвердить там свое владычество [44] — наложили дань на гостеприимных хозяев, что именно в это время оботриты и сменили господствовавших там дотоле велетов. Но г. Забелин [45] уже раньше отрезал себе путь отступления в эту сторону, неосторожно заметив, что вагры-оботриты еще «в конце VIII и начале IX в. господствовали над многими, даже отдаленными слав[янскими] народами, *стало быть*, вообще господствовали по Балт[ийскому] слав[янскому] побережью, а потому *должны были* господствовать и на Ильменском Севере». Был впрочем, и еще выход — предположить, что хотя оботриты и были изгнаны из Новгорода, даже не без содействия враждебных им велетов, однако [46] это не мешало новгородцам давать приют другим оботритам, гонимым из родины немцами, пот[ому] что «наш пустынный, но гостеприимный Север» обладал способностью мирить врагов, особенно ссорившихся братьев; но этим выходом автор почему-то не воспользовался [47].

Так строилась теория г. Забелина. Мы вовсе не принадл[ежим] к людям, которые, говоря словами автора [48], «одержимы немецкими мнениями о норманстве Руси». Мы, напротив, готовы приветствовать патриотич[ескую] попытку г. Забелина вывести наших первых князей из славянской земли, тем более что и до З[абелина] мысль о Балт[ийском] Поморье приходила некоторым на ум даже независимо от какого-либо патриот[ического] побуждения. Но мы не [49] верим, чтобы [50] скачки от «может быть»

[43] *Далее зачеркнуто:* не находил оснований отвергать.
[44] *Далее зачеркнуто:* достигли там.
[45] *Далее зачеркнуто:* неосторожно.
[46] *Далее зачеркнуто:* однако других оботритов.
[47] *Далее позднейшая приписка:* Может быть стремился предположить.
[48] *Далее зачеркнуто:* вовсе.
[49] *Далее зачеркнуто:* думаем.
[50] *Далее зачеркнуто:* переход.

к «должно быть» и[51] к «большей вероятности», а от[52] вероятности к «несомненности», чтобы эта игра в слова и предположения могла стать основной прочной, долговечной научной теорией и чтобы живое понимание вещей и ист[орических] отношений, в котором автор[53] отказывает своим противникам, значило не иное что, как[54] охоту тасовать наскоро собр[анные] ист[орические] известия и выпытывать из них то, о чем они не г[ово]рят и чего не знают.

Д. И. ИЛОВАЙСКИЙ И И. Е. ЗАБЕЛИН

И[ловайский] — ученый грызун, З[абелин] — ученый[1] — speculātor[2] один берет зубами, другой глазом. Один грызет и жует этнографич[еские] и геогр[афические] термины, другой мерит и рисует формы, дистанции, углы и линии. Мышь или жвачное, птица. Один различает только плотность, другой — только формы и поверхности; один все берет снизу, другой — только сверху; оттого один только разлагает[3], не зная, что такое разлагаемое, другой только берет все в целом, не зная, из чего состоит оно. Один родился жующим стариком, другой умрет сосущим младенцем. Один — тихий, тенорный рассказчик, другой — бриозный[4], описатель шумный: один немного скучен, другой немного тяжел и оба — не наука, хотя оба патриота: лес и степь, болото и поток.

Н. И. КОСТОМАРОВ

Его много и с увлечением читали, пока он писал; но можно опасаться, что его слишком строго будут критиковать с той минуты, как он перестал писать. Но по характеру своему К[остомаров] не мог жить и не писать. . . Благодаря тому учено-литературная судьба его сложилась наименее благоприятно как для его авторской деятельности, так и для правильной критической его оценки. Его только много хвалили, когда ему нужны были поправки; его будут порицать, когда уроки и указания критики уже ничего не поправят в том, что́ написал он.

Русская история была для него музеем, наполненным коллекцией редких или обыкновенных предметов. Он равнодушно проходил мимо последних и останавливался перед первыми, долго и внимательно любовался ими. Чрез несколько времени читающая публика получала прекрасную монографию в одном или двух томах и прочитывала ее с наслаждением, отнимавшим всякую охо-

[51] *Далее зачеркнуто:* и боль[ше] очень вероятно.
[52] *Далее зачеркнуто:* последней.
[53] *Далее зачеркнуто:* очевидно, решит[ельно].
[54] *Далее зачеркнуто:* искусство или.

[1] *Далее зачеркнуто:* contempl[ātor] — наблюдатель (*лат.*).
[2] Высматриватель (*лат.*).
[3] *Далее зачеркнуто:* другой.
[4] Бриозный — от brioso (*итал.*) — с блеском, живо.

ту спрашивать, как и из каких материалов построена эта[1] привлекательная повесть. Так накоплялся ряд исторических образов, оторванных от исторического прошедшего и связавшихся неразрывно с их автором. Мы говорим: это костомаровский Иван Грозный, костомаровский Богдан Хмельницкий, костомаровский Стенька Разин, как говорили: это Иван Грозный Антокольского, это Петр В[еликий] Ге, и т. п. Мы говорим: пусть патентованные архивариусы лепят из архивной пыли настоящих Грозных, Богданов, Разиных — эти трудолюбивые, но мертвые слепки [2] будут украшать археологические музеи, но нам нужны живые образы, и такие образы дает нам К[остомаров]. Всё, что было драматичного в нашей истории, особенно в истории нашей юго-западной окраины, всё это рассказано К[остомаровым], и рассказано с непосредственным мастерством рассказчика [3], испытывающего глубокое удовольствие от своего собствен[ного] рассказа.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ [ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ[1] КУРСОВ]

[1888 г.]

Мы все, здесь присутствующие [2], переживаем последнюю минуту в жизни В[ысших] ж[енских] к[урсов], которые Вы устроили⊕ и которыми руководили 16 лет.

Мои товарищи и Ваши сотрудники сделали мне незаслуженную честь, поручив мне выразить Вам общие наши чувства, вызываемое в нас этой минутой. Сделаю это, как умею и как разумею положение дела.

Вам принадлежит почин в устроении ВЖК первых рассадников высшего женского образования в России. Теперь эти Курсы решено закрыть. Мы — не судьи этой меры. Но я не думаю, чтобы закрытие курсов значило падение высшего женского образования в России. ВЖК — ведь это педагог[ическая] форма, педагогическая [3] организация идеи высш[его] жен[ского] обр[азования], а идея не [4] умирает с разрушением ее организации. Иногда даже в интересе самой [5] организованной идеи [6] на время остаться без организации, превратиться из факта в простую мечту. Потому, закрывая двери ВЖК, Вы не хороните идею высшего ж[енского] образования в Р[оссии:] такие идеи не умирают так

[1] *Над зачеркнутым:* столь.
[2] *Над зачеркнутым:* может быть.
[3] *Над зачеркнутым:* походящего.

[1] *Название написано синим карандашом.*
[2] *Над строкой:* сошлись проститься.
[3] *Над строкой:* изв[естная] ф[орма].
[4] *Далее зачеркнуто:* должна падать в мечте своей.
[5] *Над зачеркнутым:* известной.
[6] *Далее зачеркнуто:* надобно желать.

послушно[7]. Вопрос только в том, долго ли двери останутся заперты и с каким новым планом отопрут их. Во всяком случае за Вами останется честь начинания и как начинатель Вы[8] оставляете продолжателям прекрасный пример, как надобно вести подобное дело. Вы сейчас слышали, чтó ценят в Курсах, чтó дорогого выносили из них слушательницы. Теперь позвольте нам, Вашим сотрудникам, сказать, что мы ценили в Вас, как руководителе Курсов, что побуждало нас дружно идти за Вами и поддерживать всеми силами Ваше дело. Я не знаю, как сказать, что такое это было, не умею[9] назвать этого побуждения и боюсь назвать его неточно. Едва-ли это было полное согласие во всех подробностях педаг[огической] программы и преподав[ательской] практики: Вы знаете, что об этом бывали у нас споры. Сомневаюсь, чтобы нас соединял одинаковый взгляд на[10] задачи высш[его] женского образования: и об этом мы думали и так, и этак. Может быть, самая[11] идея высшего ж[енского] образования просто как идея, как знамя, дружно вела нас за своим провозвестником? Нет, даже не это. Это — *старая* идея, *предмет* досужих разговоров праздного люда и вечный предмет споров старосвет[ских] тетушек с модными племянницами. О нем говорили, одни смеялись как над родном [?], другие о нем мечтали, как об идеале, и никто в него не верил, как в житейск[ую] потребность и обществ[енное] благо. То, что заставляло нас послушно идти за Вами, было что-то вполне Ваше, лично Вам принадлежавшее. Это — скажу прямо — это Ваша вера в русскую женскую голову. Высшее образование— не только высокое благо; это и сильный искус. Не всякому уму удается выдержать[12] его и не всякий ум, выдержавший его благополучно, умеет как следует воспользоваться пройденным испытанием. Вы были первый русский педагог, к[ото]рый отнесся с полным доверием к уму русской женщины, признал, что он безопасно может подняться на высоту высшего образования, на которой и у мужчины нередко кружится голова. Вы сделали даже больше того: Вы не только доверились уму русской женщины, Вы решились помочь ей самой уверовать в свой ум, в свою способность к высшему образованию. Я опасаюсь сказать правду, говорю, что среди русских женщин[13] всего более сомневаюшихся в этой способности. Устроив ВЖК, Вы сказали русским женщинам: попытайтесь, попробуйте, не окажетесь ли Вы выше собственного мнения о себе. И по вашему зову они попытались, пришли, приходили 16 лет и что же? Оправдали ли оказанное им доверие, уверовали ли в свои духовные силы? . . Я вижу здесь слушательниц, давно с нами расставшихся и теперь пришедших еще раз

[7] *Далее:* (Леля) ⊕.
[8] *Далее зачеркнуто:* показали.
[9] *Далее зачеркнуто:* точно.
[10] *Далее зачеркнуто:* самые.
[11] *Далее зачеркнуто:* мысль.
[12] *Над зачеркнутым:* пройти.
[13] *Далее зачеркнуто:* было.

проститься с давно покинутой аудиторией [14]. Они имели время познакомиться с жизнью по уходе с Курсов, из высшей школы, испытать себя, а жизнь — лучшая поверка веры в себя, приобретенной в аудитории. Значит, уроки пригодились. Кто, напрягая нравств[енные] силы в [15] толпе [16], добром поминает свою школу, тот, значит, считает эту школу не безучастной в пробуждении этих сил, признает ее своей доброй пособницей в житейской борьбе. А ведь Вы, учреждая Курсы, только этого и хотели [17], в это и веровали.

Итак, Вы сделали свое дело, показали пример, дали правило, смысл которого таков: чтобы [18] с успехом вести дело высшего ж[енского] образования в России, должны верить уму и сердцу русской женщины. Это правило запомнят все, кто захочет послужить делу высшего женского образования в России, а мы, Ваши посильные сотрудники, навсегда останемся благодарны Вам за то, что Вы дали нам возможность стать в число первых слуг этому доброму делу, чем мы всегда будем гордиться.

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1861—[18]93 [гг.] [1]

[Не ранее 3 декабря 1902 г.]

Русская история в составе умственных интересов образованного русского общества не занимает особенно видного [2] места. Интерес к ней посредственный, живой, но сдержанный, ближе к недоумению, чем к равнодушию. Такое отношение объясняется с обеих сторон, со стороны как историков, так и самого общества, даже с некоторых других сторон, независимых ни от историков, ни от общества [3].

Людям надобится прошедшее, когда они уяснят себе связь и характер текущих явлений и начнут спрашивать, откуда эти явления пошли и к чему могут привести. Когда, например, в обществе почувствуется, что обычный ход дел, составляющих ежедневное содержание жизни, начинает колебаться и расстраиваться, обнаруживать противоречия и создавать затруднения, каких прежде не ощущали, это значит, что условия жизни начинают приходить в новые сцепления, наступает перемена, складывается новое положение. Тогда рождается потребность овладеть ходом дел, возникших как-то нечаянно, самопроизвольно, «в силу

[14] *Далее зачеркнуто синим карандашом:* Вижу дочь одной из наших первых слушательниц.
[15] *Далее зачеркнуто:* житейской.
[16] *Далее зачеркнуто:* жизни.
[17] *Далее зачеркнуто:* только.
[18] *Над зачеркнутым:* кто хочет.

[1] *Название написано синим карандашом.*
[2] *Два слова написаны над зачеркнутым:* господствующего.
[3] *Далее зачеркнуто:* До настоящей минуты обществу не до прошедшего.

вещей», как принято выражаться о явлениях, возникающих без участия чьей-либо сознательной воли. Чтобы освободить свою жизнь от такого стихийного характера и дать разумное направление складывающейся новой комбинации отношений, люди стараются выяснить цель, к которой ее желательно было бы направить, а эта цель обыкновенно составляется из совокупности интересов, господствующих в данную минуту. Эта естественная потребность в целесообразности и обращает умы к прошедшему, где ищут и исторического оправдания этим интересам и практических указаний на средства к достижению желаемой цели. В усилении исторической любознательности всегда можно видеть признак пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом положении, создавшемся помимо его или при слабом его участии, и это пробуждение в свою очередь свидетельствует, что новое положение уже достаточно упрочилось и раскрылось, чтобы дать почувствовать свои последствия. Общественное сознание тем и отличается от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено восходить к искомым причинам от данных последствий.

Последние четыре десятилетия минувшего века нельзя признать особенно благоприятным временем для правильного и деятельного развития в нашем обществе наклонности к историческому размышлению, особенно об отечественном прошлом. Во все это время обществу было не до прошлого: общее внимание было слишком поглощено важностью настоящего и надеждами на ближайшее будущее. Это не значит, что положение, создавшееся реформами, являлось неожиданно[4], независимо от общественного сознания. Напротив, оно давно ожидалось и требовалось мыслящим обществом, как вполне[5] созревшая народная потребность, даже как историческая необходимость, и значительно запоздало явиться. Чувство этой просрочки давало реформам несколько ускоренный, торопливый ход, неудобства которого не могли не отразиться на их успехе. Но реформы предпринимались по обдуманному плану, строились на началах, признанных наилучшими, обсуждались в учреждениях, в печати и в обществе, соображались с наличными условиями. Правда, проекты реформ страдали иногда недостатком точных и полных исторических справок. Но готовых исторических указаний, практически пригодных[6], преобразователи не находили ни в общественном сознании, ни в исторической литературе, а сами они не могли же стать и историками-исследователями. Затруднение состояло не в самих реформах, а во взгляде общества на их возможные последствия. Здесь допущена была некоторая благодушная непредусмотрительность, создавшая два момента, одинаково не благопр[иятных] для ист[орического]

[4] *Далее зачеркнуто:* [неожиданно]стью.
[5] *Написано синим карандашом над зачеркнутым:* давно.
[6] *Далее зачеркнуто:* для.

сознания. В начале господствовало убеждение, что начинания, истекающие из столь благих намерений и благонадежных соображений, сами собой, естественно принесут плоды, соответствующие своим источникам. Делам и дали идти своим естественным ходом, а сами стали не терпе [...] [7] ливо ждать предположенных плодов, желая только, чтобы не мешали естественному течению дел, той же «силе вещей». Это был первый антиисторический момент в общественном сознании, возбужденном реформами. Чего могли искать в темном прошедшем, когда в близкой дали виднелось светлое будущее? В виду желанного берега охотнее считают, сколько узлов осталось сделать, чем сколько сделано. Что может историческое изучение изменить или предотвратить в судьбе, предрешенной бесповоротно? Оптимизм также мало расположен к историческому размышлению, как и фатализм.

И дела пошли своим естественным ходом...

Стороннему наблюдателю Россия представлялась большим кораблем, который несется на всех парусах, но без карт и компаса.

Так из преобразовательных последствий, недостаточно предусмотренных и направленных, сложилось положение, с которым чувствовали себя не в силах справиться. От всех этих *порывов, колебаний* из стороны в сторону, преемственных подъемом и понижений народного духа в общественном сознании отложилось, кажется, только одно несколько выяснившееся историческое представление — что русская жизнь сошла с своих прежних основ и пробует стать на новые. Русская история опять разделилась на две неравные половины периода, дореформенную и реформированную, как прежде делилась на допетровскую и петровскую или древнюю и новую, как они еще назывались. Это представление было вторым антиисторическим моментом общественного сознания, вышедшим из одного источника с первым, — из невнимания к исторической закономерности и к наличности исторически нажитых сил [8]. Повторяя, что реформированная Россия сошла со старых основ своей жизни, не хотели припомнить, что в исторической жизни таких чудес механич[еских] перемещений не бывает. Это была простая неудачная метафора, взятая из порядка понятий, совсем не соответствующего историческому процессу, — одна из тех метафор, с помощью которых люди заставляют себя думать, что они поняли непонятное. Ничего особенного не случилось с Россией в царствование имп. Александра II: случилось то, что́ бывало со всяким историческим народом, что́ бывает со всяким человеком, не успевшим умереть в детстве — обнаружилась *работа времени,* наступил переход из возраста в возраст, из подопечных лет в совершеннолетие, подошел призывный год. В истории каждого исторического народа бывал период, когда

[7] *На этом рукопись обрывается. Внизу приписка:* Дворянские и администр[ативные] тревоги. *Продолжение печатается по другой рукописи (см. примечания).*

[8] *На полях:* повторить и первый яснее.

правительство, по какому бы шаблону оно ни было сформировано, думало и действовало за управляемое им общество, опекало его, предписывало ему образ мыслей, чувств и верований, правила благоповедения. Потом, когда пробивал урочный час, правительство, чуткое к движению времени, присматривавшееся, как ползет *историческая стрелка,* понемногу ослабляло бразды правления и не выпуская их из рук, нечувствительными манипуляциями[9] правящего ума приучало[10] народ своими зрелыми глазами[11] отыскивать свою историческую дорогу. Особенностью русского совершеннолетия было разве только то, что оно наступило немного поздно, что русский народ слишком долго засиделся сиднем в своем детстве, что впрочем случилось и с одним из его богатырей, что он освободился от крепостного права (когда его старшие европейские братья успели забыть, что оно у них когда-либо существовало, и *очистили свой быт*, свои нравы от всяких следов его). Имп. Александр II совершил великую, но запоздалую реформу России: в величии реформы — великая историческая заслуга[12] и[мперато]ра; в запоздалости реформы — великое историческое затруднение русского народа.

Но общество решило, что Россия сошла с старых основ своей жизни, и по этому решению настроило свое историческое мышление. Отсюда родился ряд практических недоразумений. Одно из них состояло в *новом оправдании* своего равнодушия к отечественному прошлому. Еще недавно думали: зачем оглядываться назад, в темную даль за спиной, когда впереди такое светлое и обеспеченное будущее? Теперь стали думать: чему может научить нас наше прошлое, когда мы[13] порвали с ним всякие связи, когда наша жизнь бесповоротно перешла на новые основы? Такая диалектика была очень логична, но недостаточно благоразумна, потому что противоречила исторической закономерности, которая не любит противоречия и наказывает за него. Исторический закон — строгий дядька незрелых народов и бывает даже их палачом, когда их глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к *историческому самозабвению*[14]. А потом, в этом самодовольном равнодушии к истории был допущен один немаловажный исторический недосмотр. Любуясь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина преображала реформу. Старая русская приказная рутина сказывалась в том, что важнейшие акты Верховной воли, внушенные доверием к здравому смыслу и нравственному чувству народа, изменялись в своем смысле или (искажались) в исполнении подозрительными дополнительными распоряжениями исполнительных органов. Разве не та же старинная полицейская пугливость обличала сама

[9] *Над строкой:* приемами.
[10] *Над строкой:* политической тактики.
[11] *На полях:* знак вопроса.
[12] *На полях:* дела.
[13] *Далее зачеркнуто:* бесповоротно.
[14] *Далее зачеркнуто:* самоубийству.

себя наклонностью в неосторожной вспышке незрелой русской политической мысли видеть подкоп под вековые основы русского государственного строя и карать ее соответственным испугу градусом восточной долготы? И общество не всегда оказывалось на высоте положения, создавшегося реформами. Высшие классы, образованные и состоятельные, обязанные показать своим примером, как следует переходить со старых основ жизни на новые, дали в уголовном отделении окружных судов ряд публичных представлений, нежелательно ярко обозначивших нравственный уровень, на котором покоились их нравы[15]. А что сделали крестьяне из дарованного им сословного управления, всем известно. Отвращение к труду, воспитанное крепостным правом в дворянстве и крестьянстве, надобно поставить в ряду важнейших факторов нашей новейшей истории. *Торжеством этой* настойчивой работы старины над новой жизнью было внесение в нравственный состав нашего общежития нового элемента — недовольства, и притом неискреннего[16] недовольства, в котором недовольный винил в своем настроении всех, кого угодно, кроме самого себя, сваливал грех уныния с больной головы на здоровую. Прежняя общественная апатия уступила место общему ропоту, вялая покорность судьбе сменилась злоязычным отрицанием существующего порядка без проблеска мысли о каком-либо новом.

Истинная подкладка этого недовольства очевидна: это общий упадок благосостояния при частных искусственных исключениях. Недовольство обострялось чувством бессилия поправить положение, *в создании которого все участвовали и все умывали руки.* При таком настроении не могло образоваться живой связи между русской историографией и общественным сознанием. Общество недоумевало, с чем или зачем обращаться к своему прошлому, не ставило историческому исследователю внятных запросов, а исследователь не догадывался, на что ему отвечать, когда его ни о чем не спрашивали. Историография шла особняком, руководствуясь своими собственными академическими соображениями, состоянием материала, очередью научных вопросов, указаниями иностранной исторической литературы[17].

Такое отношение, по-видимому, приходит к концу; по крайней мере желательно, чтобы оно возможно скорее изменилось. Противоречия положения настолько выяснились, затруднения из него вытекающие, чувствуются так больно, что само собою рождается желание дать делам какое-либо менее случайное направление. В общественном сознании, если не ошибаемся, все настойчивее пробивается мысль, что предоставлять дела так называемому естественному их ходу значит отдавать их во власть дурных или неразумных сил, что *историческая закономерность состоит не в отсутствии сознательности,* не в стихийности жизни. Пробужде-

[15] *Вписано на нижнем поле:* Щедрин.
[16] *Над зачеркнутым:* лукавого.
[17] *Абзац очерчен на полях синим карандашом.*

ние этой мысли — признак потребности овладеть положением, создавшимся плохо предусмотренной и урегулированной борьбой неуравновешенных сил. Руководящим мотивом этой потребности должно быть[18] убеждение, что мы вовсе не на другом берегу, лишенном всякой материковой связи с покинутым, что мы идем своей старой исторической дорогой, несем с собой средства, выработанные вековым народным трудом, недостатки воспитанные в нас былыми народными несчастиями, задачи, поставленные нам условиями нашего прошлого. Если мыслящий русский человек, разделяя такой поворот общественного сознания, обратится к текущей русской историографии, он найдет ее приблизительно в таком состоянии, если его представить в самых общих очертаниях.

Усиленное внимание обращено на исторические источники, преимущественно неизданные и необследованные. Столичные и провинциальные учреждения, с Академией наук во главе, ученые комиссии и общества собирают, приводят в порядок и издают вещественные и письменные памятники старины[19]. Губернские архивные комиссии[20] ведут детальную работу над разнообразными местными материалами, образуя своими изданиями особый и уже значительный отдел в составе русской исторической литературы. В то же время ряд исследователей, в большинстве молодых людей, пробует свои силы в обработке нетронутого материала центральных архивов и один за другим издает или готовит монографии, освещающие те или другие факты из истории управления, общественного строя или народного хозяйства. В эту работу все сильнее вовлекается и история Западной России, пополняясь обильными и любопытными данными, выносимыми из архивов в Москве, Вильне, Киеве. Если мысль и труд исследователя все чаще обращается к явлениям нашей истории последних столетий, то, с другой стороны, продолжается в разных местах нашего отечества, преимущественно в Южной России, давно начатая и поддерживаемая археологическими съездами разработка ископаемых памятников глубокой, долетописной старины. Захватив уже значительные районы изыскания, достигнув замечательных успехов в развитии техники приемов, эта трудная отрасль русского исторического изучения все более выясняет те таинственные связи и влияния, под действие которых становились предки русского народа, когда усаживались в пределах Восточно-Европейской равнины.

За этой сложной и разносторонней работой русской исторической мысли трудно уследить образованному человеку, по своему общественному положению не принимающему в ней непосредственного участия. Ближе касаются его попытки свести накопив-

[18] *Над строкой:* стать.

[19] *Далее зачеркнуто:* так император[ское] Русское историческое общество недавно издало уже 112-й том своего монументального *Сборника*, образуя целую все растущую библиотеку документов по русской истории XVIII и XIX в.

[20] *На полях:* с Киев[ской] и Вил[енской].

шийся запас материалов и частичных трудов в нечто цельное, воспроизвести наше прошлое в виде стройного исторического процесса, в котором выступали бы перед читателем как причины, его двигавшие, так и результаты, от него отлагавшиеся. В этом отношении наше читающее общество оценило *«Очерки по истории русской культуры»* г. Милюкова, представившего в нескольких цельных параллельных обзорах ход развития русской жизни с разных сторон; экономической, государственной, социальной и духовно-нравственной. Составить цельное и отчетливое представление о всем ходе нашей исторической жизни тем труднее читателю, что в нашей литературе, если не считать учебных руководств, доселе нет обстоятельного прагматического изложения событий русской истории, доведенного хотя бы до половины минувшего столетия. Покойный С. М. Соловьев не думал продолжать свою *«Историю России»* далее конца XVIII в. и смерть прервала ее на эпохе Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. Г[осподин] Иловайский три года назад в IV томе своей «Истории»[21] не спеша подошел к концу царствования Михаила [Федоровича] и недавно известил о скором выходе в свет V тома.

Работа русской историографии идет ровным ходом и в довольно миролюбивом духе. Былые богатырские битвы западников с славянофилами затихли и вместе с своими богатырями отошли в область героической эпопеи русской историографии[22]. Постепенно растворяясь новыми влияниями и взаимными уступками, оба направления сближались и привыкали друг к другу, теряли сектантскую исключительность и, ассимилируясь, жизненной частью своего состава входили в общее сознание, даже становились общим местом, а что было в них специфического, неуступчивого и нерастворимого, то пыталось кристаллизоваться в новые сочетания воззрений и гипотез под названиями государственников и народников, или как еще они в свое время назывались. Самый варяжский вопрос, имевший некоторое соприкосновение с обоими этими направлениями и так долго служивший пробным камнем историко-критической мысли для пришлых и туземных историков, вспыхивая по временам случайными столкновениями и чуть не осложнившись вопросом болгаро-гуннским, кажется, убедился, что ему не выйти из области уравнений с тремя неизвестными, и утратил надежду и охоту сложиться в убежденную и научно-формулированную[23] теорию. Новых направлений с принципиальными разногласиями не заметно; слышны только споры методологического или экзегетического характера.

[21] *На полях:* в прим. с Бестуж[евым-Рюминым].
[22] *На полях:* Забелин.
[23] *Над строкой:* обоснов[анную].

ЮБИЛЕЙ О[БЩЕСТВА] И[СТОРИИ] И Д[РЕВНОСТЕЙ] Р[ОССИЙСКИХ]

[1904 г.]

18 марта 1804 г. в Московском университете собрался под председательством ректора университета Х. А. Чеботарева кружок ученых людей из 4-х профессоров и двух сторонних лиц, одним из которых был Н. М. Карамзин, незадолго до того получивший звание историографа. Так открылись действия учено-исторического общества, возникшего при Московском университете, старейшего из существующих теперь в Москве ученых и литературных обществ. На первом же заседании[1] общество усвоило себе название «*Общества истории и древностей российских*» и установило свою задачу — критическое издание русских летописей.

Общество возникало при Московском университете, образуя его органическую часть «в недрах его», как тогда выражались о новом учреждении, и в тесной связи с исторической аудиторией университета. Все первые члены общества были избраны «общим собранием профессоров Московского университета», действительные — из среды этих[2] профессоров, в большинстве преподаватели истории, почетные — из сторонних лиц, «мужей просвещенных и сведущих в отечественной древней истории». Первым председателем Общества был избран ректор университета, первым секретарем Общества — секретарь университетского Совета.

Ближайший повод к образованию Общества шел издалека, от бывшего некогда русским академиком, теперь доживавшего свой век профессором Геттингенского университета А. Л. Шлёцера, знаменитого исследователя русской Начальной летописи. Добиваясь русского ордена за изданные в 1802 г. первые части исследования о Несторе, Шлёцер в письме к гр[афу] Н. П. Румянцеву высказал пожелание видеть полное издание древних русских летописей, а министр народного просвещения гр[аф] Завадовский в начале 1804 г. доложил государю, что Шлёцер выразил готовность соучаствовать с русскими учеными в таком издании. Государь повелел для этого дела составить особое общество при одном из русских «ученых сословий», т. е. выс[ших] учебн[ых] учреждений. Московскому университету и было предложено образовать такое общество.

Так основалось при Московском университете целое ученое Общество[3], ограничившее свою первоначальную задачу специальным делом критического издания русских летописей, а потом расширившее свои занятия на всю область источников русской истории. Было бы, однако, исторической неточностью, даже несправедливостью подумать, что единственно стороннему внушению Московский университет обязан заслугой, какую он оказал русской науке,

[1] *На полях:* знак вопроса.
[2] *На полях:* самих.
[3] *На полях:* собрат[ство].

образовав под своим кровом Общество истории и древностей российских. Геттингенская идея о коллективной разработке русской истории нашла, и именно в Москве, восприимчивую среду, достаточно подготовленную к ее усвоению. Я не решусь занимать внимание присутствующих изложением истории нашего Общества[4]: читателям, интересующимся его деятельностью, скоро будет предложен исторический ее обзор[5] за пережитое Обществом столетие. Но да будет мне позволено обратить Ваше внимание на возникновение и развитие мысли о разработке отечественной истории соединенными усилиями нескольких лиц или особого учреждения. Может быть, при этом удастся отметить какую-либо не лишенную значения черту из истории нашего самосознания[6].

Мысль о коллективной разработке нашей истории возникла задолго до Шлёцера и до учреждения Общества истории и древностей российских. В этом отношении особенно выдается у нас XVI век: это была эпоха оживленного летописания, силившегося собрать свои средства и выбраться на новую дорогу. Тогда составлялись обширные летописные своды с подробными оглавлениями, генеалогическими таблицами русских и литовских государей, с географическими росписями и другими приспособлениями, как будто намекавшими на пробуждение потребности в научной обработке истории. В летописном повествовании становятся заметны проблески исторической критики; в него пытаются внести методический план, даже провести в нем известную политическую идею. «Степенная книга царского родословия», пытаясь изобразить успехи верховной власти в России, располагает свое бытописание по генеалогической схеме, по «степеням» или «граням», династическим поколениям и именно в прямой нисходящей линии согласно с порядком преемства власти, о котором так настойчиво заботились московские великие князья. Предпринимается обширный летописный свод, начинающийся легендой о венчании Владимира Мономаха венцом византийского императора и выражением отважной мысли, что покой православного Востока должен держаться на совместном господстве, «на общей власти» греческого царства и великороссийского «самодержавства», говоря проще, на плечах одной Москвы, когда она почувствовала себя, после падения Византии, единственной в мире блюстительницей и защитницей православия. В этих смелых порывах едва пробуждавшейся исторической мысли можно заметить московский правительственный почин и неясные следы какой-то собирательной историографической работы. По крайней мере уцелело неясное свидетельство, позволяющее думать, что один из самых деятельных дипломатов царя Иоанна Грозного в лучшую пору его царствования Алексей Адашев руководил какой-то работой над «летописцем лет новых», по всей вероятности над так называемой

[4] *Далее зачеркнуто:* внимание.
[5] *На полях:* Забелин.
[6] *На полях знак вопроса.*

«*Царственной книгой*», дошедшей до нас летописью царствования Иоанна.

В нашей истории я не знаю другой эпохи, которая произвела бы на русское общество такое сильное и притом двойственное действие, как Смутное время самозванцев. Русское общество вышло из того потрясения разоренным и просветленным, со страшной болью пережитых страданий и с обильным запасом новых опытов и мыслей. Недаром послы Земского собора в 1613 г., моля Михаила Федоровича принять царство, говорили, что теперь люди Московского государства «наказались все», т. е. научились многому. И историческая письменность тогда сделала у нас большой шаг вперед: народные бедствия помогли ей перейти от летописанья к историографии. Что делать: не раз замечено, что историческая мысль успешно растет из политых кровью развалин. Келарь Авраамий Палицын в своем «*Сказании* об осаде Троицкого Сергиева монастыря» так глубоко вдумывается в причины Смуты, что современный историк немного может прибавить к его умным соображениям. Дьяк Иван Тимофеев в своем «*Временнике*», обозревая пережитое им страшное время, начиная с опричнины, удивительно чутко понимает связь и последовательность, внутреннюю логику исторических явлений. Это — настоящие историки-мыслители[7].

Но Авраамий Палицын и Иван Тимофеев были люди старого поколения. Смута многому их научила; но не она их воспитала. В их воспоминаниях и размышлениях еще чувствуется умственный подъем времен митрополита Макария и лучших лет Грозного. Но Смута сделала и другое свое дело: дальнейшее поколение понесло на себе тяжелые следствия погрома, пережитого отцами. Я не знаю, сказался ли этот упадок в чем-нибудь так явственно, как в нескольких архивных документах[8], из которых узнаем, как пытались писать русскую историю в царствование Алексея Михайловича. Здесь мы встречаемся с учреждением, которое по сродству задач, не по устройству, можно назвать ранним предшественником нашего Общества.

Указом 3 ноября 1657 г. царь Алексей М[ихайлови]ч повелел учредить особое присутственное место, *Записной приказ*, а в нем сидеть дьяку Кудрявцеву и «записывать степени и грани царственные с великого государя царя Федора Ивановича», т. е. продолжать Степенную книгу, прерывающуюся на царствовании Иоанна Грозного. Начальник нового приказа должен был вести это дело с помощью двух старших и шести младших подьячих, которым на жалованье и на все канцелярские расходы ассигновано было 100 рублей, около 1700 р. на наши деньги, а для письма велено царем выдать из Посольского приказа 50 стоп бумаги. Эта, как бы сказать, историографическая комиссия устроилась трудно и далеко не по царскому указу. Ей отведено было поме-

[7] *Далее четверть листа оставлена чистой.*
[8] *На полях:* недавно обнар[уженных].

щение в тесной и гнилой «избенке», где притом рядом с историографами сидели арестанты со сторожившими их стрельцами. Младшие подьячие совсем не были назначены, а в выдаче бумаги Посольский приказ решительно отказал. С большими хлопотами сопряжены были поиски источников. Царь указал Кудрявцеву брать книги из приказов и «где он, дьяк, сведает». Тот обращался в один, в другой приказ, но получал ответ, что никаких книг, кроме приказных дел, нет, хотя после там оказались очень пригодные для дела рукописи и документы. Более года Кудрявцев наводил справки о надобных ему рукописях у частных лиц. Проведал он о «Временнике» дьяка Тимофеева. Один москвич сказал ему, что этой книги надобно искать у кн[язя] Воротынского, а по догадке другого — скорее в доме кн[язя] Львова. Кудрявцев ходил к кн[язю] Воротынскому, который сказал, что были у него рукописи, да их у него взял дядя. В конце 1658 г. сам царь обратил внимание своего историографа на важное хранилище исторических памятников, на патриаршую библиотеку. Она была тогда по случаю удаления патриарха Никона в Воскресенский монастырь запечатана печатями кн. Трубецкого и Стрешнева. Кудрявцев достал опись этого книгохранилища и по ней отметил надобные ему рукописи. Царь указал взять эти книги у Стрешнева в Записной приказ. Но либо Стрешнева не оказывалось в Москве, либо Кудрявцеву не удавалось добиться доклада у кн[язя] Трубецкого, и царское повеление опять осталось неисполненным. Между тем Кудрявцев изучал собранные летописи, хронографы и другие памятники, слышал кое-что даже о польской хронике Стрыйковского, составлял план своего труда и сообразил, что ему необходимы выписки из архивов разных приказов о делах военных, политических и церковных, которые должны найти место в его Степенной. По распоряжению царя он и обратился в подлежащие приказы. Только Патриарший приказ ответил, что с требуемыми сведениями о патриархах, митрополитах и епископах с царствования Феодора Ивановича в том приказе «записки не сыскано». Другие приказы, несмотря на настойчивые доклады Кудрявцева, не дали и такого ответа, а начальник одного из них потом откровенно признался, что ему со всеми своими подьячими требуемой выписки и в 10 лет не сделать. Сдавая свою должность в начале 1659 г., Кудрявцев не оставлял почти никаких ощутительных плодов своих 16-ти месячных историографических усилий, «по ся места в Записном приказе государеву делу и начала не учинено нисколько», как выразился его преемник. В приказе даже не оказалось старой Степенной книги, которую ему поручено было продолжать, и там не знали, чем она оканчивалась и с чего начинать ее продолжение. Но и второй дьяк ничего не сделал, хотя и подал добрую мысль собрать в Записной приказ степенные и летописные книги из архиерейских домов и монастырей. Очевидно, в тогдашней Москве к такому делу еще ничего не успели приладить, не были готовы ни умы, ни документы.

Неудачный опыт не погасил мысли составить русскую историю посредством особого правительственного учреждения. Перенесемся в другую эпоху, к первым годам царствования императрицы Елизаветы. При Академии наук усердно трудился над русской историей приезжий ученый Герард Фридрих Миллер. Он почти 10 лет ездил по городам Сибири, разбирая тамошние архивы, проехал более 30 тыс. верст и в 1743 г. привез в Петербург необъятную массу списанных там документов. Через год он предложил учредить при Академии наук «Исторический департамент для сочинения истории и географии Российской империи» с особой должностью историографа во главе и с двумя при нем адъюнктами. Это — не только ученое, но и учебное учреждение: при нем состоят 1 переводчик и 2 переписчика, но в качестве студентов, а не подьячих, обучаются языкам и наукам, готовясь со временем стать адъюнктами. Департамент этот должен быть в Москве и на содержание его отпускается $3^1/_2$ тыс. рубл[ей], около 30 тыс. на наши деньги, значит, в 17—18 [раз] больше содержания Записного приказа; за то насколько же он и совершеннее последнего как по научным задачам, так и по организации! Но предложение Миллера не было принято Академией.

Время импер[атрицы] Екатерины II значительно изменило форму и выяснило задачи коллективной историографии. Тогда усиленно проявлялась наклонность составлять вольные общества с целями экономическими, учебно-воспитательными, филантропическими, особенно учено-литературными. Все более крепла мысль, что не всем общественным потребностям в состоянии удовлетворить правительственные учреждения и для них вспомогательными средствами [9], а иногда и заместителями могут служить добровольные союзы частных лиц, одушевляемых одинаковыми стремлениями. Возникло Вольное экономическое общество «к поощрению в России земледелия и домостроительства»; возникали или предполагались в Петербурге и Москве и другие общества с различными целями. С этим направлением умов можно связать любопытную попытку самой императрицы создать и для исторических работ переходную форму от правительственного учреждения к частному обществу [10]. Указом 4 декабря 1783 г. она повелела назначить под начальством и наблюдением гр[афа] А. П. Шувалова несколько, именно до 10 человек, которые совокупными трудами составили бы полезные записки о древней истории, преимущественно же касающиеся России, делая краткие выписки из древних русских летописей и иноземных писателей по известному довольно своеобразному плану. Эти ученые составляют «собрание»; но их избирает Шувалов, предпочитая при выборе «прилежность и точность остроумию», и представляет императрице. Между членами этого собрания должно быть три или четыре человека необремененных другими должностями или достаточно

[9] *На полях:* подспорьем; заменой.
[10] *На полях:* служ[ебные] должн[ости].

досужих, чтобы трудиться над этим поручаемым им делом, получая за этот труд особое вознаграждение. Собрание будет состоять под высочайшим покровительством. «Начальствующий» над ним распределяет труд между членами, наблюдает за успешным его течением, исправляет ошибки, собирает всех членов по своему усмотрению и представляет императрице труды собрания, которые с ее дозволения печатаются в вольной типографии на счет Кабинета. Отпускаемые из Кабинета на расходы по собранию суммы (на первое время 1000 р[ублей]) расходуются по распоряжению начальствующего. Этот начальствующий не то директор миллеровского исторического департамента [11], не то председатель ученого исторического общества.

Общественное оживление, о котором я сейчас упомянул, с особенной силой проявлялось тогда в Москве и средоточием его был именно Московский университет. При нем в 1771 г. возникло *Вольное российское собрание.* В 1782 г. кружок Новикова и Шварца образовал *Дружеское ученое общество*, в состав которого входило вместе с Шварцем еще несколько профессоров Московского университета. Движение захватило и учащуюся молодежь. Шварц устроил *Собрание университетских питомцев*; питомцы университетского Благородного пансиона также стали собираться для чтений и собеседований. По закрытии Дружеского ученого общества и Вольного российского собрания основано было при университете в 1789 г. *Собрание любителей российской учености.* И в этом деле Москва смотрела на Запад. В предисловии к уставу Собрания любителей российской учености Московский университет писал: «Сколь много споспешествуют распространению наук ученые общества, открытые в европейских державах при университетах, свидетельствуют в том ощутительно многоразличные труды их, которые преимущественно просвещенный век наш возвысили». Московские общества не были специально исторические; но в 6 частях трудов Вольного российского собрания помещено много исторических памятников и исследований, между прочим того же Миллера.

Так намечались состав и задачи учено-исторического общества. В указе императрицы Екатерины II просвечивает мысль, что предварительную работу историографии, собирание и первоначальную обработку исторического материала должно вести дружным совместным трудом многих по определенному плану. Московские общества, сейчас упомянутые, обнаружили зародившиеся стремления частных и должностных лиц соединять свои силы для просветительного дела, сосредоточиваясь вокруг университета, образуя при нем частные вспомогательные учреждения. Не будучи специально-историческими, названные московские общества [12] имели тесную связь с Обществом истории и древностей российских. Чеботарев, Страхов [13] и другие ранние члены этого

[11] *На полях знак вопроса и:* Деп[артамент] р[усской] ист[ории].
[12] *На полях:* родствен[ные] с возникш[ими] после них.
[13] *На полях:* Страхов?

общества[14] входили прежде в состав Вольного российского собрания и Дружеского ученого общества и принесли с собой направление и взгляды новиковского кружка. Чеботарев, кроме того, работал над русскими летописями, делал из них выписки[15], составлял исторические карты для комиссии гр[афа] А. Шувалова.

Мы вправе сказать поэтому, что Московское общество истории и древностей российских возникло вполне исторически, выросло из просветительных потребностей и усилий, давно[16] проявлявшихся в различных формах. Люди, помышлявшие об изучении родного прошлого, профессиональные ученые и простые любители, давно пробовали соединенными силами начать собирание и обработку памятников старины. При содействии Миллера, кн[язя] Щербатова и других Новиков[17] вел издание своей «*Российской вивлиофики*». Составляя свои записки касательно росс[ийской] истории, имп[ератрица] Екатерина пользовалась материалами, какие доставляли ей московские профессора Чеботарев и Барсов, а также указаниями «любителей отечественной истории» гр[афа] Мусина-Пушкина и генерал-майора Болтина. Случайно составлявшимся любительским кружкам и дружеским сотрудничествам не доставало только постоянной формы устройства[18] и прочного пункта прикрепления. В Обществе истории и древностей российских при Московском университете найдены были и эта форма и этот пункт прикрепления. Предложение Шлёцера русским ученым осуществилось потому, что встретилось с давно зревшей среди них мыслью. В идее этого Общества заключался и ответ на вопрос, затронутый Карамзиным, начинавшим тогда работать над своей «*Историей государства Российского*». По поводу основания нашего Общества он писал, что 10 обществ не сделают того, что сделает один человек, совершенно посвятивший себя ист[орическим] предметам.

Совершенно справедливо, как справедливо и то, что один ученый человек, поддерживаемый трудами многих ученых обществ, сделает вдесятеро больше ученого, работающего одиноко. Опыт самого Карамзина, как и опыт его предшественников, пытавшихся написать полную русскую историю, достаточно выяснил соотношение единоличной и коллективной работы над историей. Монументальный труд Карамзина создавался при живом, им самим признанным сотрудничестве Малиновского, Калайдовича и других членов нашего Общества, доставлявших историографу материалы из Московского архива Министерства иностранных дел, где они служили. Обработанное историческое произведение требует единства мысли, цельности состава, выдержанности приемов и направления и потому может быть только делом едино-

[14] *На полях:* большинство.
[15] *На полях знак вопроса.*
[16] *На полях:* не раз.
[17] *На полях:* у Неустр[оева] спр[авиться] ⊕.
[18] *На полях:* объединяю[щей] организ[ации].

личного творчества; необходимые сложные подготовительные работы идут скорее в руках многих сотрудников. Стройное здание строится одним архитектором, но со многими работниками.

Как исполняло Общество свою задачу в прожитые им сто лет? Нам, живым его членам, которым выпало на долю начать сегодня второе столетие его существования, трудно отвечать на этот вопрос. Наше дело не судить наших покойных предшественников, а достойно продолжать их работу, не присвояя себе их заслуг и оставаясь верными их добрым заветам.

Если не поскучаете, я сделаю сухой перечень повременных изданий Общества, в которых главным образом выражалась его деятельность. С 1815 г. оно вело в разное время пять таких изданий: *«Записки и труды»*, *«Русские достопамятности»*, *«Русский исторический сборник»* и *«Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских»*, издающиеся доселе. Во всех этих изданиях напечатана 251 книга, а в этих книгах помещено около 3300 статей, цельных памятников литературы и права, разных материалов и специальных исследований по истории русского и других славянских народов. В первые годы, согласно с первоначальной [19] задачей Общества, внимание его было обращено почти исключительно на критическое издание Начальной летописи. Впоследствии оно издало целый ряд отдельных летописей; но для полного систематического издания этих памятников и это дело перешло к учрежденной в 1834 г. при Министерстве народного просвещения Археографической комиссии, которой предстояло издать многочисленные исторические памятники, собранные шестилетней археографической экспедицией (1829—1834 гг.) в библиотеках и архивах Северо-Восточной и Средней России. Но как мысль о такой экспедиции, так и самый взгляд на состав древнерусских летописей, положенный в основу предпринятого Археографической комиссией Полного собрания русских летописей, выработаны были в среде нашего Общества тем самым П. М. Строевым, его членом, который был и начальником Археографической экспедиции. С течением времени деятельность Общества изменила свое направление, точнее, осложнялась, постепенно расширяя свою сферу, вместе с ростом своих сил и средств, захватывая все новые отрасли исторического ведения. В первом повременном издании преобладал элемент древностей. «Исторический сборник» под редакцией М. П. Погодина, не покидая археологической почвы, обращал усиленное внимание на первый так названный Погодиным *скандинавский* период нашей истории. В «Русских достопамятностях» редактор Калайдович печатал преимущественно древние памятники литературы и права; «Временник» под редакцией И. Д. Беляева широко тронул архивный материал по истории Московского государства. Наконец, «Чтения», совместив в вышедших доселе 208 полновесных книгах все прежние направления деятельности Общества, расширили ее изуче-

[19] *На полях:* основной.

нием истории славянской и малорусской, а также длинным рядом переводов иноземных сказаний о России и таким образом, по выражению И. Е. Забелина, стали широкой и полноводной рекой, вобравшей в себя все прежние потоки, какими текла издательская деятельность Общества.

Добрые заветы предшественников должны одушевлять их продолжателей! Наше Общество не лишено этих возбуждений, не скудно добрыми заветами, идущими издалека, от начинателей того дела, над которым мы работаем. В них надобно искать идеи, смысла этого дела; там же почерпаем мы внушения, возбуждающие и укрепляющие наши силы на достойное его продолжение. Я припоминаю одну раннюю эпоху в истории нашего Общества, очень знаменательную в этом отношении. Она начинается 1811 г., восьмым годом существования Общества, когда был утвержден его устав. Один из наиболее деятельных членов Общества, вступивший в состав его в 1823 г., П. М. Строев, писал о той эпохе, что «в то время какой-то энтузиазм одушевил и членов и людей сторонних», и быть может, его разделяли все просвещенные москвичи. Члены Общества трудились с любовию, без[воз]мездно вели его издания отчетливо и скоро или помещали в них свои сочинения. «Светское общество, публика под именем благотворителей вносила изрядные суммы денег, огромное число книг, целые свои библиотеки. Такое одушевленное начало, особенная деятельность, трудолюбие и бескорыстие деятелей обещали успехи самые блистательные». Погром 1812 г. приостановил это оживленное движение. Но с 1815 г., когда возобновились заседания Общества и началось издание его трудов, насильственно подавленное оживление стало понемногу восстанавливаться. Тогда жизнь нашего Общества пришла в тесное соприкосновение с движением, очень памятным для русской исторической науки. Душой этого движения был человек, имя которого блестит одной из самых светлых точек в тусклом прошлом нашего просвещения. То был гр[аф] Н. П. Румянцев. Сын екатерининского героя, министр коммерции и потом государственный канцлер Александра I после Тильзитского мира, проводник политики французского союза, образованный русский вельможа, воспитанный в духе просветительных космополитических идей XVIII в., гр[аф] Н. П. Румянцев на склоне жизни стал горячим поклонником национальной русской старины и неутомимым собирателем ее памятников, за что в 1817 г. был избран в почетные члены Общества истории и древностей российских. Не он один попадал в такой своеобразный и запутанный узел условий: русское просвещение шло тогда вообще перекрестными путями. Из водоворота острых междунар[одных] отношений наполеон[овской] эпохи он укрылся в обитель археологии и палеографии. В подчиненн[ом] ему Моско[вском] архиве М[инистерства] ин[остранных] д[ел] он поддержал и усилил ученую деят[ельно]сть, внесенную туда историогр[афом] Миллер[ом]. Здесь он собрал вокруг себя кружок лиц, силы которых умел объединить и направить к одной цели. То были

управляющие и служащие архива. Все это крупные имена в летописях р[усской] историогр[афии] и все они значатся в списках Общ[ества] и[стории] и др[евностей] Р[оссийских]. Установилась самая тесная связь между Общ[еством] и арх[ивом]. Арх[ив] служил им золотон[осным] рудником, который они раскапывали, Общество — совещат[ельным] кабинетом. Рум[янцев] поддерживал их, снаряжал из них ученые экспедиции, тратил сотни тыс[яч] на ученые предприятия и издания, заряжал их той страстью, которую сам называл «алчностью к отеч[ественным] древностям».

Мы не поймем тогдашнего русского археолога-любителя, т. е. не поймем большинства тогдашних членов нашего Общества, не войдем в их настроение, если не разберем разнообразных нитей, из которых сплеталась любовь тогдашнего образованного русского человека к отечественной истории и древностям.

Гр[аф] Н. П. Румянцев принадлежал к любопытному типу любителей отечественных древностей, появившемуся при Екатерине II, действовавшему при Александре I, и при этом сам неутомимо собирал и собрал коллекцию рукописей, составляющую лучшую часть рукописных сокровищ Рум[янцевского] музея, в которой он сам видел свое настоящее богатство: «Я только тогда и кажусь...» Прибавьте к этому его почтит[ельное] отношение к своим сотрудникам, которые были подчинены ему по службе. Культ разума, в котором он был воспитан, превратился у него в почитание чужого ума, учености и таланта.

Все это — явления, важные для истории не только Общ[ества] и[стории] и др[евностей], но и всего русск[ого] общества, его просвещения. Может быть, не будет лишним вспомнить их происхождение...[20]

НАБРОСОК РЕЧИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 150-летию МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ⊕

[До 12 января 1905 г.]

Половину своего второго века пережил наш Московский университет. С усиленным биением пульса будут приветствовать его 12 января 1905 г. многочисленные его питомцы, рассеянные по городам и селам пространной России. Каждый из них, подписывая приветственную телеграмму, живее вспомнит свои лучшие годы, бодрее освежит свои светлые воспоминания. Старый студент вспомнит, когда он был молод и как хорошо был молод; молодой положит себе завет не забывать родного университета и когда состарится. Разделенные пространством, возрастом, житейскими стезями, убеждениями, все они мысленно сольются в плот-

[20] *Отточие В. О. Ключевского.*

ную духовную корпорацию, объединенную солидарным нравственным чувством и одинаковыми умственными интересами.

Минувшее пятидесятилетие не было спокойно. Тревожной волной текла русская жизнь, и Московский университет не раз испытывал усиленную качку, разделяя надежды, стремления, одушевление, опасения, негодования, — все настроения, сменявшиеся в русском обществе.

На кафедрах и скамьях университета, в профессорских курсах и в настроении студенчества согласно и чутко отзывались и великие завоевания европейской науки и мировые международные столкновения, и шумные общественные движения Запада, и крутые переломы, испытанные русской жизнью в это полное событий время.

Студенты ценили профессоров, профессора понимали студентов: те и другие гордились своим университетом, тех и других уважало общество. Обилие научных сил поддерживало единодушие между аудиторией и кафедрой, единомыслие между университетом и обществом. Ярким созвездием блестит в этом десятилетии плеяда московских профессоров, слову которых внимали аудитории с затаенным дыханием, трудами которых питалась русская научная мысль. Никто не назовет малоплодным для университета пятидесятилетие, в которое действовали и завершили свою деятельность такие его профессора, как Грановский, Соловьев, Щуровский, Давидов, Бредихин, Чичерин, Овер, Варвинский.

В это пятидесятилетие десятки тысяч студентов вышли из университета и, расходясь по городам и усадьбам отечества, будили местные силы духовными интересами и знаниями, вынесенными из университета. Это был с каждым годом нараставший всесословный резерв русского просвещения, вербовавшийся из различных общественных состояний. Всесословность положена была в основу Московского университета его устроителями, просвещеннейшим и благороднейшим русским вельможей Шуваловым и светилом европейской науки, архангельским крестьянином Ломоносовым.

«НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ РОССИИ»[1]

(конспект)

1893—1894 гг.

---

1 [2][тетрадь]

Пределы периода, который предстоит изучить:

Особенность этого времени; дидактические выгоды и методологические неудобства, из нее вытекающие. Это время — существенная часть биографии наших отцов и нашей[3]. Увидим, как трудно устанавливались рамки жизни и мысли, в которых мы сидим так спокойно и уютно, с какими тревогами отцы и деды вырабатывали нам нашу сдержанную и уравновешенную физиономию.

Содержание курса: изучить новейшую историю З[ападной] Европы в связи с историей России, в их взаимодействии, в их влиянии друг на друга. В конце курса оглянемся, чтобы видеть, какие указания и уроки даст такое параллельное изучение.

Россия в отношении к З[ападной] Европе и пассивная среда, и активная сила[4]. Страдательные отношения ее сводятся к восприятию ее культуры, деятельные — в переработке воспринимаемого и во влиянии на международные отношения З[ападной] Европы, экономические и особенно политические.

Взгляд на отношения России к з[ападно]европейской культуре до конца XVIII в. В XVI—XVII вв. *механическое заимствование технических* средств и матер[иальных] житейских удобств: З[ападная] Европа — *магазин* надобных России изделий. С 1630 г. до Петра III *потребность выучиться* самим делать, что прежде покупали: З[ападная] Европа — *школа техники и светского общежития*[5]. Расширение з[ападно]европ[ейского] влияния на строй

[1] *Написано синим карандашом:* Курс в А[бас]т[умане].

[2] *Написано красным карандашом.*

[3] *На полях:* Явления — события, идеи и чувства, которым мы сочувствуем или противодействуем и из-за которых недавно шла борьба. И прежде боролись интересы, но без прикрытия, прямо от своего имени; теперь они прикрываются идеями. Интересы в борьбе падают или торжествуют, а идеи все растут.

[4] *На полях:* Записн[ая] тетр[адь] № 1, p[age] 28.

[5] *На полях:* Вопрос о культуре осложнился вопросом о цивилизации. Разница: Соловьев⊕, 13. Вопрос о полезном и приятном в вопрос о нужном и возможном, вопрос о средствах и целях внешн[его] ~~влияния~~ в вопрос о пределах и следствиях заимствования чу-

внутренний, *политический*, *умственный и нравственный*, превратило наши отношения к з[ападно]европ[ейской] культуре в вопрос русской *мысли* и *политики*: может ли З[ападная] Европа быть для России *мастерской и образцом идей и порядков?* Этот вопрос — продолжение старообрядческого, возбужденного в XVII в.

Колебания между положительным и отрицательным решением — один из основных фактов русской истории доселе.

До какого момента этих колебаний достиг вопрос в наше время и какие данные накопились для его дальнейшего движения — уяснить это *одна из главных задач курса*.

Колебания в ту или другую сторону зависели от направления з[ападно]европейской жизни и от успехов р[усского] самосознания. При Екатерине, когда з[ападно]европ[ейская] культура обращена была к нам блестящими плодами просвещения, русское правительство и общество склонялись к положительному к ней отношению.

Франц[узская] революция произвела крутой перелом в этом отношении. Здесь пункт непосредственного соприкосновения нашей жизни с господствующим течением з[ападно]европейской. Этим переломом надолго определился и характер русского влияния на международные отношения З[ападной] Европы (до царствования имп[ератора] Николая). Отсюда многостороннее значение революции для нашей истории. Прилежные ученики французской философии до 1789 г., мы потом были более 30[6] лет неутомимыми борцами против ее крестной дочери[7] — Французской революции со всеми ее следствиями. С того времени наша история столько же входит в состав з[ападно]европейской, сколько з[ападно]европейская в состав нашей.

Первый вопрос отсюда — какой стороной обратила к нам революция з[ападно]европ[ейскую] культуру, какими вскрывшимися тогда ее особенностями произведен перелом в отношении к ней России? *По мере усиления нашего* участия в делах европ[ейской] жизни ослаблялось ее влияние идей на нашу[8]: не переставая быть восприимчив[ыми], становились более разборчивыми. Европ[ейским] просвещением мы стали пользоваться, чтобы заглянуть внутрь себя, осветить свое собств[енное] существо.

Порядок изучения: наблюдать первые *признаки* и ход переворота и потом уяснить себе его причины и значение, насколько они вскрылись при наблюдении. Сторонние зрители, имеющие ту выгоду перед современными наблюдателями, что знаем близкие

жого. Сперва брали с З[апада] полезные вещи, потом всякие (особ[енно] приятные), далее еще всякие идеи, наконец, стали думать о выборе полезных. Так отношение к З[ападной] Европе пережило несколько решений, из коих каждое не вытеснялось последующим, а наслоялось на предыдущее, так что теперь оно — уже сложный узел, требующий изучения, не одного практич[еского] глазомера; отношение это надо уже не устанавливать, а регулировать и развивать.

[6] *Над строкой:* 25.

[7] *Над строкой вписано:* падчериц[ы].

[8] *Над строкой вписано:* мысли.

и далекие следствия дела и только желаем видеть, откуда и как все это произошло, что из него вышло.

Обстоятельства, при которых произошли первые проявления сил великих держав континента, отношениями которых создавалось положение континент[альной] Европы и оказавших наиболее влияние на ход событий в револ[юционную] эпоху, двигавших переворот. З[ападная] Европа в 1780-х гг., как она представилась в[еликому] кн[язю] Павлу в его путешествие. Затишье на З[ападно]-Евр[опейском] контин[енте] после войн, установивших международные отношения ее на Западе. Внутренняя работа государств в эпоху просвещенного абсолютизма приходила к концу. Династическое значение Габсбургов и культурное[9] господство Франции при европ[ейских] дворах (Кобеко⊕). Три факта в тогдашнем положении Европы бросились в глаза при беглом ее обзоре: связь дворов династическая с Австрией, господство Франции над умами и вкусами, зависимость международной политики от России и Пруссии — так разделены были влияния династическое[10], культурное[11] и дипломатическое[12]. Недоверие между Россией и Пруссией, соперничество между Пруссией и Австрией и роль Польши, как ближай[шей] причины этого и другого.

Упадок международного значения Франции после Семил[етней] войны. Два важные *симптома*[13] в умственном влиянии Франции на Европу: 1) направление французской литературы просвещения и 2) разница в отношении к ней самой Франции и остальной Европы[14]. Слабая политически вне и расстроенная внутри Фр[анция] господствовала над умами и нравами Европы и хотела перестроить именно политически весь мир, только не себя.

1) Направление просветительной литературы выражалось в ее основном положении: жизнь отдельных людей и целых обществ[15] должна быть перестроена заново по отвлеченным началам или

[9] *Далее зачеркнуто:* и культурное.
[10] *Над строкой вписано:* дворы.
[11] *Над строкой вписано:* гостиная.
[12] *Над строкой вписано:* кабинеты.
[13] *Над строкой вписано:* особенности.
[14] *На полях:* в употреблении, какое делала из ее идей Евр[опа] и сама Фр[анция]. В остальной Европе идеи эти господствовали более в правящих сферах, чем в управляемых во Фр[анции] наоборот. Салоны и кабинеты. Ниже: Век просвещения — сущность (Беккер ⊕, [т.] 13, [с.] 318. Литература: 14, 29).
[15] *Над строкой вписано:* хорошая разменная монета, больше остроумное возбуждение, чем знание. *Сбоку на полях приписано:* Франц[узская] литература просвещ[ения] — мелочная торговля (Геттнер⊕, [т.] 2, [с.] 396) общедоступная философия и общеинтересная, ибо о политике, обществе, правах и т. п., при распространенности языка с Люд[овика] XIV, который расчистил путь Вольтеру; всемирный язык вещал мировые идеи; модистка вела дальше из кабинета в гостиную. «Просвещение — выход людей из малолетства» (Кант) — вышли и с непривычки к воле нашалили. Философский век не по силе мысли философской, а по силе влияния на умы.
Главные заслуги Вольтера, Монт[ескье] и Руссо: (Беккер, [т.] 14, [с.] 17).

законам прир[одного] разума. След[овательно], философы-реформаторы имели в виду не одну Францию, но все человечество, за единицу построяемого общественного союза признавали не француза, немца, а человека вообще, не реальное, историческое, а отвлеченное, математическое существо; а так как отвлеченный, философский разум одинаков во всем человечестве, то и построенный по его требованиям порядок общежития должен быть один для всех людей, след[овательно], отвергались все особенности, разделяющие людей; национальные, географические, религиозные, также вытекающие из различия культурных возрастов, — словом, все условия исторического развития; местные разнообразные склады быта д[олжны] замениться одинаковым *естественно-разумным* космопол[итическим] состоянием, покоящимся на трех незыблемых основах: каждый человек по природе свободен; все люди, как одинаково разумные существа, равны между собой и в совокупной воле людей, как свободных и равноправных существ, единственный источник верховной государственной власти. Итак, постоянное частичное улучшение существующих обществ д[олжно] замениться их полным разрушением и радикальной перестройкой, политика уступает место философии, история прогресса — статистике неподвижного благоденствия. Мир[16] распадается вновь и тотчас перестает расти, замирая, как философская мумия, в нетлеющих оболочках естественно-разумного бытия, изолирующих его от действия времени и воздуха. Как этот взгляд развит у Руссо[17]. Внутренние противоречия теории. Первобытное естественное состояние Руссо — скорее небывалое: оно не исторический факт, даже не доисторическая вероятность и не политическая возможность, а фантастическая проблема, построенная не из реальных свойств человека, а либо из истор[ических] отрицаний (свобода и равенство; из того, что неразумны истор[ические] сословные или имущественные различия, не следует, что неестественны *всякие* различия), либо из логич[еских] недоразумений (если народ — государь, то кто — подданные? Те, кому он поручает управление?) Значит, естественно-разумный порядок — чтобы подданные управляли государем и чтобы верх[овная] власть принадлежала тому, кто не может ее осуществлять, а осуществлялась теми, кому она не принадлежит, по поручению. Это смешение госуд[арственной] власти с частными правами, от которых можно отказаться, а народа самодержавного с малым ребенком, который не может пользоваться своими правами. Народно-самодержавное государство похоже на орден флагеллантов, которые приказывали слугам бичевать себя ради спасения души, не умея высечь самих себя. Теория народовластия и общ[ественного] договора — неудачная риторика. Народная воля — не источник власти, а орудие; народ не переносит, а *создает* власть из готового материала (лица, классы); он не носитель, а потребитель власти; власть — не собст-

[16] *На полях:* quatre pieds — четвереньки ⊕ (*фр.*).

[17] *На полях:* Гейссер ⊕, Вебер ⊕, 10; Чичерин ⊕, Геттнер.

венность, а потребность его; но орудие не заменяет продукта, как жезл Моисея изведенной им воды, а потребность не потребляет самой себя, как нельзя напиться собств[енной] жаждой. Когда исчезает правительство, власть не возвращается к народу, а перестает существовать и его надо вновь создать, как погасший свет не возвращается в огниво, а вновь вздувается (огонь). Но имея нужду во власти, народ может не уметь создать ее. Как он может быть источником того, чего он не источает, когда нужно? Ист[очник] — пока источает. Это дурной водопровод, не источник. Правда, Моисей ударом жезла и из скалы вывел для жаждущих евреев воду. Скажут, так и Нап[олеон] ударом 18 брюмера выбил власть из французов, 10 лет напрасно бившихся создать ее. Но Моисеев удар — чудо, давшее народу благо, которого он не имел, а Наполеонов — узурпация, захват или присвоение того, что ему не принадлежало. Потом, человеч[еское] общежитие создается не одними потребностями разума; едва ли естественно подчинять все силы человека деспотизму одной из них и едва ли человечество можно превратить в логич[еский] прибор или в пу́стынь с философ[ским] уставом. Все ли разумное первобытно-просто или все ли естественное разумно? Эти теории важны не как научные положения, а как наступательные, полемические приемы, и сами мыслители были слишком умны, чтобы смотреть на них иначе. Руссо, ставя свое мнимо первобытное состояние конечной разумной целью человеческого развития, переворачивал исторический процесс задом наперед, имел в виду не построить будущее, а прежде всего разрушить несправедливое и неразумное настоящее. И разумность — собств[енно] *метод мысли*, а не *порядок жизни*. Важно видеть, каким процессом мышления могла сложиться мысль о возможности заменить существующий веками сложившийся порядок механической реставрацией мнимо первобытного состояния по требованиям отвлеченного разума. *Эта мысль была следствием* непоследовательного и произвольного приложения успехов естествознания к нуждам человеческого общежития. Обзор успехов[18]. Отсюда преувеличенная самоуверенность разума и мысль, что его способность *познавать* строение мира физического даст ему силу *строить* мир гражданский[19]. Влияние такого на-

[18] *На полях:* Тэн ⊕, I, 222.

[19] *На полях:* Основная мысль просвещения — самосознание духа, вера в его мощь над жизнью и пренебрежение к прошлому, как стихийному (Геттнер, 397—398). Их сила в борьбе за права ума и сердца, не в открытиях, воспитательное, не научное, за достоинство челов[еческой] природы. Осуществление опасно и б[олее] неудачно и логика непрочна, обработка поспешна (Геттнер, 399 f). А они еще хотели логике подчинить жизнь, думая, что мир завтра может жить заново, забыв свое вчера — фанатизм отвлеченной мысли (слова Гегеля). Скорее софистика, чем философия — по методу и проповедь или пропаганда — по целям. Их заслуга — создание общ[ественного] мнения, новой политич[еской] силы. Фанатизм отвл[еченной] мысли=фанатизм террора: мальчик, выучивший геометрию и ломающий огороды за то, что непохожи на его треугольники и параллелограммы. К ито-

правления умов на характер революции: оно не вызвало ее, но дало ей манеру, преобразовательную методику, которая, в свою очередь, была причиной всемирно-исторического значения. Местные конкретные нужды Франции, прошедши сквозь отвлеченную, безучастную в существующ[ей] действительности, но раздраженную против нее мысль, перерабатывались в общепригодные и общеинтересные идеи [20], удобные для *вывоза*: делая домашнюю революцию, французы вырабатывали общую формулу переворотов.

2) Ряд европ[ейских] правительств, опираясь на сочувствие общественного мнения своих стран просветительным франц[узским] идеям, успешно провели у себя реформы в их духе. Обзор [21] эпохи *просвещенного абсолютизма.* Во Франции, напротив, общественное мнение [22], настроенное теми же идеями, поддерживало противников этих идей в борьбе с правительством, делавшим преобразов[ательные] попытки в духе этих самых идей. Эта ненормальность примыкает уже к ряду тех, которые непосредственно привели к революции, входит в ее поток [23].

гам: В коллегиях истории не учили: Taine, I, 425 (l. IV, ch. 3, § V).

Мысль века: человеческий дух все может сделать, п[отому] что все может понять.

[20] *На полях:* как articles de Paris (парижские предметы роскоши — *фр.*) вырабатыв[аются] на весь мир.

[21] *На полях:* Вебер, § 672, 679—691.

[22] *Над строкой вписано:* Шуазель, Тюрго — того же духа, как Фридр[их] II, Помбаль.

[23] *На полях:* Португ[алия] при Помбале 1750—[17]77 гг.

Испания при Альберони до 1720 г., Аранды (1766—[17]73 гг.) и Кампоманеса (Карл III. 1759—1788). Пруссия при Фридр[ихе] II. 1740—[17]86 гг. Австрия при Иосифе II. 1780—1790 гг. Швеция при Густаве III. 1771—1792 гг. Дания при Струензее до 1772 г. и Бернсторфе Мл[адшем]. Польша при Ст[аниславе] Августе. 1764—[17]95 гг. Россия при Ек[атерине] II. Леопольд Тосканский до 1790 г. То же в Парме, Неаполе — всюду веяние века, поветрие; в Татарии хотели перевести Энциклопедию для народ[ного] образования (Геттнер, 423 ib., 424). Программа просвещ[енного] абсолют[изма]: бережливость и отчетность в фин[ансах], народн[ое] образование, привилегии; облегчение и равномерн[ость] податей, содействие промышлен[ности] и торговли, особенно земледелию, изгнание иезуитов и ослабление влияния (притяз[аний]) духовенства, заботы о крестьянах, низших классах, централизация, веротерпимость, господство государства над церковью, против монастырей благотворительность, однообразные администрации, улучшение суда (пытки). Филос[офско]-полит[ические] идеи старались правительства превратить в народн[ые] потребности и учреждения, во Франции салоны и типографии в права и требования. Реформа на чужбине, революция дома. Там реформа сверху вниз, здесь — обратно и разрушительнее по непривычке масс к самоустроению, становится революцией; ведет ее народ — рев[олюция] демократическая (Геттнер, 420), не монархическая.

Мысль просв[ещенного] абсолютизма: все для народа, ничего посредством народа. Фр[идрих]-Вильг[ельм] I: gegen die Autorität der Junkers ihre Souveränität wie ein Rocher von Bronze zu stabiliren (они [государи] подобно бронзовой скале стояли на страже своего суверенитета против авторитета юнкерства) — (*нем.* и le rocher — скала *фр.*).

Ришелье: государь, стоя на вершине человечества, д[олжен] дать

Положение Франции 1774—1789 [гг.] для наблюдателя — journée des dupes [23a]. Основные силы государства, верх[овная] власть, правящие классы и «народ», дружным действием коих строится и держится порядок, не понимали друг друга, не видели взаимных интересов и не только не доверяли одна другой, но и подкапывались одна под другую. Власть, стремившаяся облегчить положение народа, казалась угнетением и произволом, привилегированные классы, своекорыстно отстаивая свои привилегии, всего тяжелее и несправедливее угнетавшие народ, и провозглашая новые идеи, всего более осуждавшие их привилегии, выдавали себя поборниками народного блага, а народ, вовлеченный в государственные дела этой борьбой наверху, склоняется не на ту сторону, которая делом хотела облегчить его положение, а на ту, которая только кричала ему о несправедливости его угнетения, а угнет[енные] народы обыкнов[енно] возмущаются не столько чувством *тяжести гнета*, сколько *сознанием его несправедливости*, да и тяжесть его они обыкновенно начинают больно чувствовать лишь с той минуты, когда западает в них сознание его несправедливости (вместо преданности Провидению в массе и мысли о необходимости в образованных классах). Народн[ая] психология.

Эти недоразумения от противоречий в положении сил [24].

1) Верх[овная] власть в лице Л[юдовика] XVI с неограниченными фактическими полномочиями [25], но без юридического оправдания, с благими намерениями, но без авторитета, плана и воли.

2) Привилегированные классы, с огромными [26] экон[омическими] преимуществами, не оправдываемыми обязательной госудаp[ственной] деятельностью на пользу народа, проникнутые феодальными предрассудками и притязаниями, распущенные от безделья и игравшие разрушительными идеями. Дворянство, духовенство, парламенты [27].

3) «Народ» свободный, но стесненный в пользовании своими правами (землевладение, налоги, феод[альные] повинности) [28], привыкший всего ждать от власти и не доверявший наличному прав[итель]ству. Верхний слой, буржуазия [29] бесправная, но об-

господство разуму. Образец просвещ[енного] деспотизма — Фридр[их] II: задача власти — охрана законов, потому суверен — первый слуга государства, действовать, как будто ежеминутно д[олжен] дать отчет в своем управлении (ib., 422).

[23a] Время одураченных (*фр.*).

[24] *На полях:* Гейссер, 4—16. Тэн, I.

[25] *На полях:* Характер: Беккер, 13, 15, 14, 19. Род[ился] 23 августа 1754 г., Антуан. 2 ноября 1755 [г.]

[26] *На полях:* Lods et ventes — доходы сеньора с наследства (*фр.*).

[27] *На полях:* Гейссер, 14.

[28] *На полях:* Capitation — классный подоходный [налог] Chérest, 1, 103 всесословный по мысли, не на деле. Taille — [подать (*фр.*)] — на собственность roturiers (людей недворянского происхождения) (*фр.*). Vingtième (двадцатина) (*фр.* — на торг с четным) (Ib., XXVII).

[29] *Над строкой:* среднее сосл[овие].

разованная и деятельная, богатая, но без полит[ического] влияния, консервативная, но раздраженная [30].

4) Подавляющее сосредоточение власти в Версале и опасное скопление влияния и недовольства в Париже [31]. Министерство и провинц[иальные] собрания. Экономические и умственные успехи столицы и неподвижная отсталость провинций. Антагонизм Парижа и Версаля (канцелярия и печатн[ый] станок).

Государств[енные] силы, так поставленные и настроенные, с 1774 г. в борьбе с финансовым [32] банкротством, народным обеднением и общим недовольством. Средства для борьбы новые и старые у правительства: 1) равномерное распределение налогов и на привилегированных, 2) освобождение народного труда и оборота от феод[альных], цеховых и таможен[ных] стеснений, 3) отмена раздражающих придворных и административных злоупотреблений, 4) новые налоги на старых плательщиков, 5) увеличение дефицита новыми займами при старых доходах и 6) экономия.

Ход борьбы и взаимное положение сил [33]. Морепа и Тюрго с Малербом (1774—76). Центр [34–36] тяжести в Мин[истер]стве [37] финансов и частию — юстиции. Х[аракте]р Тюрго. Он взялся за новые средства: 1)—3) без нов[ых] налогов и займов и составил широкую программу реформ: против него двор, аристократия и парламент [38] и король устал его поддерживать. Революция сделала насильственно не более того, что хотел он сделать законно, след[овательно], успех его сделал бы первую лишней.

Неккер (1776 [39]—81), смягчив программу Тюрго, обратился к средствам 5) и 6), для налогов [40] пользовался провинц[иальными] собраниями и обнародовал отчет [41] для поднятия кредита. Восстал *двор* и *аристократия* [42].

Калонн не хотел ссоры, бросил новости и пошел прямо к банкротству [43], взявшись за старое средство — § 5 (1783—7). За новыми [44] жертвами к *нотаблям*, аристократии, предложив обложение привилегированных [45] и открыв дефицит. Нотабли отказали.

[30] *На полях:* Тэн I, 461 и 543: из 100 франков чистого дохода налогов всего 81 франк (Минье ⊕, 14).
[31] *На полях:* Гейссер, 15.
[32] *На полях:* Вебер, § 705.
[33] *На полях:* Попытка в духе просвещ[енного] абсолютизма.
[34–36] *На полях:* с[амое] больное место.
[37] *На полях:* Ливр 1780 гг.=немного менее $1^1/_2$ франка на нын[ешнюю] монету.
[38] *На полях:* Гейссер, 44, 47.
[39] *Над строкой вписано:* 7.
[40] *На полях:* Нек[кер] занял до 500 мил., Кал[онн] 1784—[178]6 гг. 285 мил. ливр[ов] (Минье, 23).
[41] *На полях:* Дефиц[ит] ок[оло] 219 мил. ливр[ов] (656—437 мил.) по отчету: Шерэ, 1, 436.
[42] *На полях:* Минье, 19. Гейссер, 49.
[43] *На полях:* филос[офия] мотовства ((Г. 51)).
[44] *На полях:* Гейссер, 56.
[45] *На полях:* Минье, 23.

Лафайет потребовал созыва *чинов*. Слух о растрате 4 миллиард[ов] Калонном — паника (Герье, 39) и К[алонн] бежал. Loménie de Brienne[46] к налогам, т. е. к парламентам (1787—8). Ссылкой в Труа вынудил два налога (один — поземельный), но потом, по сделке, хотел провести заем в 440 мил.[47] Парл[амент] отказал; правительство к последнему заряду — объявлению о правах королевской власти (17 апреля [17]88 г.). Парл[амен]т отвечал революц[ионной] выходкой, объявлением о правах народа 3 мая — гос[ударственных] чинов, провинций, магистратуры и личной неприкосновенности граждан (аресты без суда)[48] — прав небывалых или устарелых. Указы 8 мая [17]88 г. о судебной реформе: парл[амен]ты — только судебные дела; у парижского — отнимаются полит[ические] права для cour pl[énière][49]; провинциальные ведают дела только привилег[ированных] сословий; остальные к Gr[ands] baillages[50]. Реформа[51] в пользу дворянства, которое она направляла против парламента; но дворянство за парламенты и прибегло к агитации среди парижской *черни*. За ним среднее сословие, дух[овен]ство, провинции; cour pleniére нельзя было созвать; все отбилось от рук. Так *народ* вовлечен в борьбу властей и стал против правительства, т. е. реформ в пользу народа; союз[52] из вражды к правительству, а не любви к народу. Растрачены были все почти запасные средства правительства, материальные и нравственные, и оставалось крайнее. Падение Бриенна и приостановка казенных платежей[53]. Общее требование чинов и обещание на 1 мая [17]89 — новая *уступка*. *Неккер* опять (1788—1790)[54]. *Распадение* оппозиции: парл[амен]т за форму 1614 г. против[55] общ[ественного] мнения, двор[ян]ство против среднего сословия в вопросе о числе представителей (нотабли в ноябре [17]88 г.); двойное число принято в Совете (ук[аз] 27 ноября).

Разница хода дел во Франции и остальной Европе: здесь общества с помощью правительств освобождались *законным* путем от зол устаревшего порядка, исправляя его; там, — пользуясь злом этого порядка, стремились незаконно разрушить правительство. Это вызвало революцию к *действию*. *Переворот* был неизбежен, но можно было избежать *революции*, если бы правительство полууступками и колебаниями не выпустило дела из своих закон-

[46] *Вписано над строкой:* Л[омени] де Бриенн.
[47] *На полях:* учреждение провинц[иальных] собраний: Герье, 50. Уступки о протестантах, ежегодн[ых] финанс[овых] отчетах и созыве чинов не позже [17]92 г. (Минье, 26).
[48] *На полях:* Гейссер, 59. Веб[ер], § 708.
[49] Пленарного суда (*фр.*).
[50] [Новые] высшие суды на местах (*фр.*).
[51] *На полях:* cour plénière — протоколы: Вебер, 91.
[52] *На полях:* Минье, 31.
[53] *На полях:* 8 августа [17]88 созыв чинов обещан на 1 мая 1789, а 25 августа пал Бр[иенн]. Отмена мер его (Минье, 30).
[54] *Над строкой:* 4 сентября.
[55] *На полях:* Минье, 31.

ных рук и не отдало его на произвол незаконной силы, после Тюрго или при нем, прямо созвало чины, не вызывая оппозиции, а руководя враждебными интересами. А оно своими попытками и отступлениями сделало слишком мало, чтобы удовлетворить нуждам, и слишком много, чтобы раздражить страсти и поколебать доверие к себе, слишком мало, чтобы поправить положение *дел*, и слишком много, чтобы испортить настроение *умов*. Безопаснее было сразу стать перед народом, ожидавшим и доверчивым, чем раздраженным и подозрительным. Лучше было добров[ольно] *дать* народу новый порядок, чем *уступить* поневоле, пойти на встречу желаниям, чем отступить перед требованиями.

Учредительное собрание. Состав[56]: меньшинство дворянства и большинство священников в дух[овен]стве за tiers[57] (и по числу и по настроению преобладало). Желания избирателей — по тетрадям [государственных чинов]. (Вебер [с.] 93. Гейссер [с.] 86). Положение сил: двор ждал финансовых жертв преимущественно от привилегированных, третье желало реформ и участия в управлении, привилегированные были против первых с tiers, против вторых с двором; следов[ательно], правительству предстояло связать реформы с новыми доходами и стать вождем tiers'а[58]. Упорство дворян в вопросе о поверке. Сиейс о последнем приглашении 10 июня и объявление *нац[ионального] собрания* 17 июня: бессословность и нераздельность[59] *собрания*, как законод[ательной] власти. Tiers état[60] берет законодат[ельную] инициативу: декрет о взимании налогов *временном* и обеспечении долга. План Неккера о двояком голосовании и замысел тайного придворного совета о перевороте.[61] Собрание в Jeu de paume[62] 20 июня, присоединение священников 22 июня и неудача корол[евского] заседания 23 июня[63] — удары для авторитета власти; вина Тайного совета, что подверг короля риску ослушания. Перемещение нравств[енного] авторитета в tiers[64]; приглашение двором к слиянию и первое соедин[енное] заседание 27 июня. *После сопротивления одобряли, что̀ сами запрещали, вм[есто] того, чтобы избегать столкновения*, не предписывая, на чем нельзя было настоять.

Опасность нового насильственного плана при дворе, среди голода в провинциях и Париже, брожение в столице — Пале-Рояль[65] и предложения в адресах собранию *идти на Версаль* — вм[есто] того чтобы составить[66] мин[истер]ство из собрания.

[56] *На полях:* Гейссер, 98; Минье, 34.
[57] Третье (*фр.*).
[58] *На полях:* Минье, 43 и 45.
[59] *На полях:* Минье, 50.
[60] Третье сословие (*фр.*).
[61] *На полях:* Минье, 52.
[62] Зал для игры в мяч (*фр.*).
[63] *На полях:* программа короля: Гейссер, 110.
[64] *На полях:* Минье, 58; Гейссер, 112 f.
[65] *На полях:* Минье, 61; Тэн, II; Гейссер, 119.
[66] *На полях:* Гейссер, 113 и сл.

Перемена министерства, отставка Н[екке]ра 11 июля вызывает беспорядки в Париже: ослушание войск разрушило план двора[67]. Одушевление собрания, депутация, декреты 13-го об ответственности министров и советников и непрерывном заседании[68]. Энтузиазм парижской толпы 13-го[69], устройство Нац[иональной] гвардии *Постоян[ным] Комитетом* ратуши. События 14 июля; Франц[узская] гвардия[70] решает падение Бастилии. Планы двора на ночь 14—15 июля. Король в собрании (15-го) и в Париже 17-го; примирение; нравственные средства короны[71] еще не все были потеряны, но *материальная сила* перешла от правительства к народу. Ближайшие следствия этих событий: начало эмиграции, переход управления в пров[инции] к выборным властям и Нац[иональной] гвардии; восстания против правительств[енных] органов и привилег[ированных] сословий с их феодальными нравами и отмена привилегий собранием 4 августа.

Выработка и утверждение нового порядка (с 4 августа 1789 до 14 сентября [17]91 г.). Нац[иональное] собрание, став действительным[72] верховн[ым] правительством[73], работало над новым гос[ударственным] устройством под давлением общего возбуждения, которое и отразилось в Декларации прав, устройстве будущего закон[одательного] собрания и корол[евском] veto. Слухи о новых замыслах двора, о подготовляемом[74] бегстве короля, пир 1 октября, желание изолировать короля и ослабить нужду Парижа в хлебе вызвали движение 5 и 6 октября и переезд короля и собрания в столицу[74].

Конституционные работы (6 октября [17]89 — апрель [17]91)[75]. *По мере того как вырабатывалась конституция*, все резче разделялись партии[76] в собрании, и, по мере выделения партий антиреволюционных, конституционные работы принимали все более тенденциозно-одностороннее направление, стремясь ослабить власть короля и влияние церкви (как и другие опоры старого порядка, за которые хватались враги революции; элементы внутр[енней] и внешн[ей] войны подгот[овлены])[77].

Военный закон 21 октября. Устройство[78] департаментов 22 октября. Налог на доход (сентябрь). Отмена десятины духовенству 11 августа. Секуляризация имуществ духовенства 2 декабря

[67] *На полях:* Париж, 12 июля: Минье, 62—66.
[68] *На полях:* Минье, 69.
[69] *На полях:* — 71.
[70] *На полях:* — 73—80.
[71] *На полях:* — 87.
[72] *На полях:* Минье, 105 и 111.
[73] *На полях:* Вожди Сиейс и Мирабо (Минье, 102—5).
[74–74] *На полях очерчено синим карандашом и простым написано:* — 115 и 124.
[75] *На полях:* до конца августа — [17]91 г. (Гейссер, 184; Минье, 191).
[76] *На полях:* Минье, 127.
[77] *Абзац очерчен синим карандашом. На полях:* Устройство закон[одательной] власти (108) — сентябрь [17]89; veto 112.
[78] *На полях:* — 132.

[17]89 г. и ассигнаты. Гражданское устройство духовенства июнь—июль [17]90 г. Вопрос о сроке депутатских[79] полномочий. Судоустройство. Право войны[80]. Праздник братства 14 июля [17]90 г. (отмена титулов и гербов 20 июня). Дворянство, духовенство и офицеры против революции[81]. Утверждение граж-д[анского] устройства духовенства 26 декабря [17]90 г.[82] Ошибка — присяга духовенства. Клубы 164. Смерть Мирабо 2 апреля 1791.

Конституция[83] *1791 г.* — мастерское академическое развитие политических идей века (равенства и самодержавия народа), но очень неудовлетворительный политический акт; в ней недостаточно соображены наличные условия ее действия и обеспечения ее прочности (изложение и разбор), почему она и осталась бумажной конституцией[83].

Главные недостатки: 1) различие акт[ивных] и пассив[ных] граждан, 2) исполнит[ельная] власть (король) без *своих*[84] органов исполнения, 3) обилие и краткосрочность выборов, 4) однопалатное законодательство, 5) устройство и присяга духовенства. Полное выражение духа и идей века, верившего в возможность устроить и править обществом по отвлеченным началам разума. Точно составляли конституцию способные студенты, хорошо заучившие свои курсы государственного права, но забывшие учебник истории. Народ — источник власти, но ее не отправляющий, и другие юридические фикции — удобные связки для теоретического построения, на деле должны были оказаться недоразумениями и вести к злоупотреблениям или[85] небрежности[86]. Давались обильные законные средства анархии и очень мало сдержек для порядка. Кон[ститу]ция не столько удовлетворяла, сколько *подсказывала* потребности: народ хотел простора для труда и безопасности для лица и имущества, а ему давали отвлеченные схемы свободы, равенства и народного самодержавия. Потому это — произведение утонченной кабинетной мысли, а не политической мудрости; ее легко и приятно изучать, но трудно исполнить; она рассчитана[87] на будущее человечество, а не на Францию прошлого века; для ее осуществления требуется такое совершенное общество, для которого не нужна никакая конституция, а достаточно Моисеева десятословия или 10 еванг[елических] заповедей блаженства.

[79] *На полях:* — 145.
[80] *На полях:* — 150.
[81] *На полях:* — 159.
[82] *На полях:* — 163.
[83–83] *Текст очерчен на полях синей чертой и простым карандашом приписано:* Гейссер, 149 и 185; Минье, гл. 3, с. 190, 194—198.
[84] *На полях:* ходить на чужих ногах.
[85] *На полях:* Ср[авни]: Гейссер, 153 и Минье, 195.
[86] *Над строкой вписано:* беспечн[ости].
[87] *В тексте ошибочно:* рассчитано.

Едва[88] *кончилась первая конституционная* революция среднего сословия, начали обнаруживаться элементы второй *республиканской* низших классов. Эти элементы в период законод[ательного] собрания развивались и крепли под прямым влиянием внутренней оппозиции[89] и внешних опасностей, при участии эмиграции в возбуждении тех и других (1 октября [17]91—20 сентября [17]92[88]. Декреты об эмигр[ации] и неприсяжных; движение коалиции и декрет 20 апреля о войне; сближение и разрыв короля с Ж[идондой]; 20 июня и 10 августа).

Элементы: 1) респ[убликанская] партия[90], впервые выступившая в Учред[ительном] собрании после бегства короля[91], 2) вооруженные восстания народа, руководимого клубами, 3) недоверие между двором и конституционистами. *Причины* 2-ой революции: 1) раскол церковный, агитация неприсяжных, 2) эмиграция, 3) коалиция. Они привели массы в состояние ожесточения, выразившегося в терроре. Последовательность[92] развития элементов. Состав[93] закон[одательного] собрания: прежнее меньшинство теперь большинство — демократы[94] — республиканцы. Эмиграция или *внешняя* Франция[95] неприсяжные[96]. Декреты против гр[афа] Прован[ского], эмигр[ации] и неприсяжных, октябрь—ноябрь [17]91 г. Письмо короля принцам. Противодействие[97] двора конст[итуциони]стам в назначении Петиона 14 ноября. Иснар о войне народов с государями[98]. Скопление австр[ийских] войск, франц[узское] требование 25 января [17]92 г., австро-прусск[ий] договор 7 февраля 1792, министерство Жиронды 10 марта и австр[ийский] ультиматум[99] — декрет о войне 20 апреля и поражение. Разрыв м[ежду][1] правой и левой; паника и декреты об изгнании неприсяжных и о резервном лагере, veto и[2] разрыв короля с Жирондой 13 июня. Усиление якобинцев и слабость фельянов. Жиронда, чтобы склонить короля на свою сторону, — к народным[3] *адресам*, как двор — к коалиции: 20 июня и неудача движения против veto и отставки[4] жиронд[истского] министерства; король отвергает помощь констит[уциони]стов и Лафайета (28 июня). *Отечество*

88–88 *Текст очерчен на полях синим карандашом.*
89 *Над строкой вписано:* смут.
90 *Над строкой вписано:* зерно, кадры.
91 *На полях:* Минье, 183.
92 *На полях:* NB. Минье, 290 сл.
93 *На полях:* — 205.
94 *На полях:* Жиронда между чернью и буржуазией.
95 *На полях:* — 209.
96 *На полях:* — 213.
97 *На полях:* — 214.
98 *На полях:* — 218.
99 *На полях:* — 222, 227. Вебер, 114.
1 *На полях:* — 233.
2 *На полях:* — 236.
3 *На полях:* — 239.
4 *На полях:* — 243.

в опасности[5]; Верньо и Бриссо о низвержении короля, Жиронда переходит к респ[убликанской] партии (3 июля)[6]; объявление 5 июля — общее вооружение[7], революц[ионное] возбуждение, закрытие фельянов, распущение Национ[альной] гвардии среднего класса. Манифест герц[ога] Брауншвейг[ского][8] 26 июля и *10 августа*; партия революционная[9] от агитации переходит в *управление, низшие классы* берут верх над средним. Временный[10] революц[ионный] муниципалитет в ратуше, Верньо предлагает созыв Нац[ионального] К[онвен]та для решения вопроса о монархии и приостановку[11] власти короля; возврат жир[ондистских] министров, изгнание неприсяжных, король в Тампле. *Новая эпоха революции произвольной, деспотизма масс*; господствующий мотив движения — общ[ественная][12] *безопасность*, не свобода; кон[ститу]ция [17]91 г. пала, сменясь террором, *который соединил силы, не могшие соединиться законом*: спасайся *как* можешь! *Причина* перемены — внутр[енняя] усобица и внешняя опасность; неизбежность анархии, как последнего средства; подавить ее значило бы ослабить энергию народной борьбы с коалицией и содействовать реставрации старого порядка. Попытка Лафайета за кон[ститу]цию и бегство[13] (для предупреждения усобицы армии и народа). Стремление новой господствующей партии, овладев *ратушей*, владеть Парижем, собранием, Францией; отмена ценза, чрезвычайный суд (17 августа). Состав нов[ого] город[ского] управления; Дантон[14] в ночь 10 августа и[15] министр юстиции. Связь убийства 2—3 сентября[16] с вторжением. *Эмигранты помогли крайним* революционерам поставить народу дилемму — *выбор между королем и государством*: или спасение без короля, или король и завоевание иноземцами.

Национальный Конвент (21 сентября 1792 г. — [26 октября 1795 г.]).

Из элементов 2-й революции, вызванных к действию внутренними смутами и внешними опасностями, со времени низвержения короля (10 августа 1792 г.) стала складываться большая респ[убликанская] партия, которая начала пролагать путь к демократической республике по Руссо, т. е. к анархическому господству низшего парижского населения («народа»), устраняя одно за другим мешавшие тому препятствия: 10 августа само-

[5] *На полях:* — 245.
[6] *На полях:* — 247.
[7] *На полях:* — 249.
[8] *На полях:* — 253.
[9] *На полях:* — Гора в К[онвен]те.
[10] *На полях:* — 255. — 259.
[11] *На полях:* — 269.
[12] *На полях:* — 270.
[13] *На полях:* — 272—4.
[14] *На полях:* Хар[акте]р 278: бесшабашный патриот.
[15] *На полях:* — 277.
[16] *На полях:* — 279.

вольно захватив городское управление и устранив конституцию среднего класса, она сентябрьскими убийствами хотела запугать приверженцев старого порядка и, руководя посредством Думы и Якобинского клуба столицей, посредством Парижа править Конвентом, а посредством К[онвен]та всей Францией. Добившись давлением депутаций и адресов осуждения короля, вопреки Жиронде (16 января [17]93 г.), Гора сплотила крайние партии, оставила Жиронду без почвы [17], продолжила революционное брожение и достигла господства помощию.

Жиронда в К[онвен]те слева направо. Гора — *Париж*, Жиронда — *департаменты* (М и н ь е, [с.] 296, 301, 310). Вожди [18] Горы: Роб[еспьер], Марат. Обвинение Жиронды в федерализме и декрет Горы о единой и нераздельной республике [19]. Возбуждением вопроса о суде над королем помешала Гора Жиронде установить умеренно-демокр[атическую] рес[публи]ку [20]. Процесс короля: ([с.] 313 и д[алее]). *Приверженцы старой монархии* разрушили конституционную; но воспользовались этим враги обеих — анархисты.

[...] [21] = революционной [22] организации (описание ее) Парижа, пользуясь внутренними и внешними опасностями. Так под давлением Вандейского восстания и успехов 2-й коалиции [23] (1793 г. под руководством Англии), военных неудач (Неервинден 18 марта — [17]93 г.) и измены Дюмурье (27 марта), рядом восстаний (27, 31 мая и 2 июня) подверглись аресту главные жирондисты *и К[онвен]т был порабощен* парижской Думой [22]. Ближайшие следствия этого: междуусобная война и торжество крайней демократии и террора над умеренной республикой, как следствием 10 августа [17]92 г. была победа республики [24] над конст[итуционной] монархией.

При отчаянном положении, в какое приведена была республика после 2 июня жирондистскими и роялистскими восстаниями на западе и юге и успехами коалиции [25] после измены Дюмурье, не Конвент организацией террора вызвал народное одушевление, давшее средства для борьбы с внешними и внутренними опасностями, а наоборот — народное одушевление, возбужденное этими опасностями, дало средства К[онвен]ту для борьбы, несмотря на эту организацию. Это была анархия, которую выносили, чтобы избежать контрреволюции [26] и раздробления отечества.

[17] *На полях:* противники казни были против нее, как цареубийц, а республиканцы-цареубийцы были не за нее, как умеренных; их *республика* — б е з республиканцев, п[отому] что они, люди среднего класса, перебежали от конституции к республике. М и н ь е, [с.] 294—5, [т.] 2, 43 f.

[18] *На полях:* М и н ь е, 299, 303.

[19] *На полях:* — 311.

[20] *На полях:* — 312.

[21] *В рукописи пропуск.*

[22–22] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*

[23] *На полях:* М и н ь е, 2, 17. — 10 сл.

[24] *На полях:* — 45.

[25] *На полях:* — 48—54.

[26] *На полях:* — 28.

Конституция 23 июня [17]93 г. тотчас приостанавливается. Депутаты 44 000 общин сами предлагают[27] еще в июне арест подозрительных и всеобщее ополчение. Клятва К[онвен]та и граждан на смерть, фразы[28] ораторов только формулировали заявленные желания и нужды (57—9, Минье) — до смешной болтовни Баррера — превращаются в декреты. Умеренные республиканцы из восставших сдавались сами под патриотич[еским] влиянием, а перед роялистами отступали[29] генералы К[онвен]та (Карто перед Тулоном); победило[30] разъединение восставших, как Лион. Басня о 14 армиях[31]. Ванд[ейские] мужики били генералов К[онвен]та; бестолковые комиссары[32]; покорение после гибели всех вождей; опустошение после победы разбойничье. Внешние победы 1793—4 г. Гондскоот, Ваттиньи и пр[очие] частью по вине коалиции[33], частью благодаря республ[иканским] генералам, возвысившимся независимо от якобинцев и сменившим их бездарности (Журдан, Гош, Пишегрю, Келлерман, Моро, Карно). *Устройство революционного правительства* 10 октября[34].

Из этой анархии сложился (к 10 октября) своего рода порядок — соц[иал]-демократическая республика Робеспьера по программе Руссо. Это — фактическая, никаким законом не оправдываемая[35] диктатура Комитета общего блага[36], действовавшего именем послушного Конвента, как его исполнительный орган, и опиравшегося на вооруженное низшее население Парижа, им фанатизируемое и содержимое, игравшее роль самодержавного народа в этой республике[37]. Вид Франции.

Пародия античного «гражданства», санкюлотская аристократия равенства и народного верховластия, для которой все остальные страны — рабы, anima vilis[38] соц[иально]-политического эксперимента, благодаря[39] внешнему напору и раздору партий безгласное[40] запуганное стадо. Идея этого порядка (Гейссер, 331—333. 359; Вебер, 146).

[...][41] — под действием этого порядка[42].

[27] *На полях:* — 56—7. Гейссер, 330; Вебер, 146.
[28] *На полях:* — 58.
[29] *На полях:* — 60—1.
[30] *На полях:* — 62.
[31] *На полях:* — 59. Гейссер, 344.
[32] *На полях:* — 63.
[33] *На полях:* Вебер, § 727.
[34] *На полях:* — 70 и сл.; Вебер, 127 и д. 146.
[35] *Над строкой:* уполн[омоченная].
[36] *На полях:* учр[ежден] 6 апреля, обновл[ен] 10 июля.
[37] *На полях:* (Состав Ком[итета] общ[его] блага: Минье, 2; 71. Революц[ионная] армия — жандармы террора, секции, закон 17 сентября): Гейссер, 337, сл.; Минье, 2, 59 сл., 70 сл. Принуд[ительные] займы и цены: Гейссер, 313.
[38] Подопытное животное (*лат.*).
[39] *На полях:* Гейссер, 333—4.
[40] *На полях:* — 70 и сл.
[41] *В рукописи пропуск.*
[42] *На полях:* — Гейссер, 339—44; Минье, 2, 74—77.

Борьба партий и принципов после победы Горы сменяется борьбою кружков победившей партии, их властолюбий или опасений: гебертисты ведут революцию дальше всевластного Комитета, чтобы подчинить его париж[ской] Думе, дантонисты пытаются сдержать его, умерив революцию, чтобы освободить Конвент от комитетского ига и обезопасить умеренную Гору, стоявшую вне власти. Оба кружка, мешавшие или угрожавшие всевластию Комитета, были устранены (24 марта 1794 г. казнь гебертистов, 5 апреля — дантонистов).

Были ли принципы в этом столкновении? Во всяком случае, они сами собой выходили из дел, но не руководили людьми, их делавшими. Террор был своего рода порядок, хотя и временный (l'ordre du jour[43] — по выражению париж[ской] общины), с сильной властью, хотя и незаконной; но он держался на противоречии, на совмещении народного всевластия с бесправием лиц, подавленных диктатурой учреждения, узурпацией кружка. Торжество Думы повело к чистой демократии, полной анархии, совершенному разрушению авторитета власти, господству всех и *каждого*; торжество Дантона с товарищами — к реакции и восстановлению законного порядка. Продолжавшаяся внешняя и внутренняя борьба помешала первому, неприготовленность разбитых партий законного порядка (конституционистов, умеренных республиканцев) делала пока невозможным второе.

Террор, терпимый как временное неизбежное зло, Роб[еспьер] и С. Жюст планами политического и религиозного воспитания, замыслами об основании нравственной демократии[44], речами о респ[убликанских] добродетелях и *декретом* о новой религии В[ысшего] Существа (18 флореаля — 7 мая) пытались после 5 апреля превратить в[45] постоянный нормальный порядок, грозя законом 22 прериаля[46] (о новом устройстве[47] революц[ионного] трибунала) всем несочувствующим и самим депутатам Конвента[48] гибелью, как заговорщикам. Все[49] это вместе с усиленными казнями после 22 прериаля вывело запуганное общество из онемения и подготовило коалицию угрожаемых партий и комитетов с Конв[енто]м, торжество Конвента над робеспьеровой Думой (9 термидора 1794) и падение Робеспьера[49] с его Думой после попытки привлечь К[онвен]т обещанием освободить его от Комитета блага (Минье, [с.] 124).

Переворот сделан союзом буржуазии с угрожаемыми анархистами Горы и комитетов: чего не могли сделать *идеи*, того

[43] Порядок дня (*фр.*). *На полях:* ((Г., 337)).
[44] *На полях:* Гейссер, 331, 360, 361 f. и д[алее] — Школа С. Жюста; о полит[ической] морали Роб[еспьер] (5 ф., 356; Минье, 2, 103, 107, 109).
[45] *На полях:* празд[ник] 8 июня (Минье, 2, 110; ((Г, 363))).
[46] *Над строкой:* 10 июня.
[47] *На полях:* — 2, 110 и д.; ((Г., 364)).
[48] *На полях:* предание суду депутатов по распоряжению Комитетов блага и безоп[асности] без согласия Кон[вен]та (Минье, 111).
[49—49] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*

достигли[50] *инстинкты*. Роб[еспьер] в самозабвении впал в противоречие: болезненный кризис хотел сделать нормальным, горячечную рубашку — в платье для здоровых. Террор — операция, которая спасает от смерти, уродуя организм. Притом Р[обеспьер] хотел мира, боясь военной диктатуры; но террор[51] только и терпели для войны. Заботы о мире внушали недоверие к нему в террористах и подкапывали основу террора.

Падение вождей террора сопровождалось реакцией с целью положить конец диктатуре Комитета и восстановить закон[ный] порядок, сначала умеренно-республиканской[52], выразившейся в постепенном уничтожении орудий и установлений террора[53] (отмена закона 22 прериаля, реформа Комитетов[54] общ[его] блага и безопасности 31 июля, ограничение собраний кварталов и отмена платы за участие[55] в них, запрет конфедерации клубов, закрытие 11 ноября Якоб[инского] клуба, возвращение изгнан[ных] 73 умеренных и 22 жиронд[истских] депутатов 6 декабря, отмена декрета об изгнании священников и дворян, такс[56], восстановление[53] христ[ианского] богослужения, комично-характ[ерный] эпизод — срытие *горы* (164). Последние усилия Горы возвратить власть были подавлены К[онвен]том с помощью буржуазных конст[итуционно]-монархических внутренних кварталов Парижа и вели к новым стеснениям револ[юционного] движения (обвинение членов прежнего Комитета блага Колло и др. и якоб[инские] восстания 1 и 12 жерминаля — 21 марта и 1 апреля [17]95 г., голод и ассигнации[57], исключение из К[онвен]та[58] 17 членов Горы за сочувствие восстаниям, восстание 1 прер[иаля] — 20 мая низ[шего] класса за конституцию [17]93 г., самоубийство 6 горцев, декрет[59] 4 прер[иаля] об обезоружении предместий, распущ[ение] революционной армии[60] и конец господства массы, отмена конституции [17]93 г., переход революц[ионного][61] дела к среднему классу). С 1 прериаля реакция становится роялистской, особенно в департаментах (преследования революционеров на юге: Минье, [т.] 2, [с.] 193), но сдерживается К[онвен]том с помощью республ[иканских] войск (высадка в Кибероне весной 1795 г.: Минье, [с.] 195). Торжество над крайними партиями и примирительный образ[62] действий дали К[онвен]ту возможность вывести страну из ненормальн[ого] переходного состоя-

[50] *На полях:* ((Г., 372 i, 374)).
[51] *На полях:* — ((Г., 368)).
[52] *На полях:* **термид[орианская] партия (Минье, 2, 147).**
[53–53] *Текст очерчен на полях синим карандашом.*
[54] *На полях:* Минье, 2, 150, 151, 157, 162, 167; 163.
[55] *На полях:* — 151.
[56] *На полях:* — 163.
[57] *На полях:* Минье, 2, 168 и д. Минье, 170, 174—179, 181.
[58] *На полях:* — 172.
[59] *На полях:* — 180.
[60] *На полях:* 181.
[61] *На полях:* — 182. **В стороне, на самом краю полей (—191).**
[62] *На полях:* Дону — тип (Минье, 202).

ния 1792—1794 гг. к *умеренно-республиканскому,* законом установленному порядку, который он пытался закрепить конституцией III года (22 августа 1795), составленной посредством обдуманного сочетания идей 1789 г. с уроками [63] революции. Изложение ее. Примирительные успехи К[онвен]та облегчались победами республ[иканских] войск 1793—5 г., устранявшими внешние опасности, дававшие силу и оправдание диктатуре террористов (очерк военных действий: Минье, 183—190, ((Г., 354, 376, 379—388)). Войско и помогло К[онвен]ту подавить движение роялистов против фрюктидорских декретов, которые закрывали им путь к власти в новом порядке [64] (13 вандемьера — 5 октября [17]95 г.).

Директория (27 октября 1795—9 ноября 1799), призванная водворить в стране законный умеренно-республиканский порядок, не имела в руках достаточно сильных *законных* средств для борьбы с крайними партиями — демократической и роялистской, — нападавшими на этот порядок, и для поддержания его принуждена была прибегнуть к диктатуре с помощью войска, т. е. к тому, что́ делало ее самое ненужной [65].

Положение республики по распущении Конвента [66] и как директоры начали. Философское богослужение, соч[иненное] Лаверьером. *Демократы* и [67] *заговор Бабёфа,* его шальные планы общего счастья [68] (открытие и арест 10 мая 1796) и попытка сторонников в Гренельском лагере (август [17]96). Роялистские выборы 1797 г., подготовка обеих сторон [68] к борьбе и очищение советов с помощью военного переворота 18 фрюкт[идора] 4 сентября [17]97 г.[70]; безучастие париж[ского] населения. *Противоречие,* созданное Директорией: ее призвали на смену правлению револю-ц[ионной] диктатуры с помощью масс, народа, *и она сама превратилась в революц[ионную] диктатуру с помощью войск.*

Но [71] *необходимость поддерживать* колебл[ющийся] республиканский порядок переворотами и диктатурой с помощью войска вела к перевороту во имя военной диктатуры для поддержания какого-нибудь прочного порядка. Отсюда переворот 18 брюмера [71]. Его подготовляли успехи крайних республиканцев на выборах 1798 и 1799 г., усилившие разлад в Директории и советах (Минье, 2, 272 и 276), победы французов в 1796—[179]7 г.

[63] *На полях:* Минье, 196—200; Г., 396 и д.

[64] *На полях:* буржуазия кварталов на К[онвен]т (212): страна хотела респ[убли]ки без револ[юционного] правительства, умеренности без контррев[олюции] (202—214).

[65] *На полях:* Минье, 2, 264.

[66] *На полях:* Минье, 2, 221—226.

[67] *На полях:* — 228.

[68-68] *На полях:* — 236, 239 пародия ((Г. 422)).

[69] *На полях:* — 252—262.

[70] *На полях:* — 260.

[71-71] *Текст на полях очерчен синим карандашом и простым карандашом приписано:* В жермин[але] восстания (марта 31 и апреля 1, 1795 г.). Пишегрю, фрюкт[идора] 18, ген[ерал] Ожеро 1797) (Вебер, 153).

в Италии, усилившие значение армии, и неудачи и опасности 1798—9 г., усилившие потребность в сильном способном вожде[72].

Положение войска в 1797—9 перед утомленными партиями и жаждавшим покоя[73] обществом. Коалиция 1798—9 г. и участие в ней России, побуждения к участию.

Вторая коалиция, значение ее в ходе[74] революции и связь с 18 брюмера и с дальнейшими отношениями России к Франции. Истощаясь внутри, революция тем сильнее действовала вне Франции. Революционная пропаганда и завоевания; республики-дочери: Цизальп[ийская] 29 июня 1797, Лигурийская — id. Батавская 22 января 1798 (завоев[ана] января [17]95 Вебер [с.] 141), Гельветическ[ая] 12 апреля [17]98, Римская 15 февраля [17]98, Партеной 25 января 1799. Две причины проп[аган]ды, одна в Европе монархической, другая в республ[иканской] Франции. 1) Коалицион[ный] напор вызвал во Франции отпор армии и генералов, которым по окончании оборонит[ельной] войны надо было дать занятие. 2) Желание выйти из революц[ионного] одиночества и[75] создать себе союзниц. Но отсюда и побуждения для Павла деятельно вмешаться в борьбу: 1) ставшая уже традицией русской политики[76] роль оберегательницы европейск[ого] равновесия, которому после Кампоформийск[ого] мира грозила серьезная опасность: Пруссия могла стать после Базельского мира врагом, Австрия после Кампо — перестать быть союзницей; доказанная двумя коалициями (1792—[179]3 и 1795 гг.) слабость центральной монархической Европы; 2) монархический принцип, у которого именно в 1796 г. не было на З[ападе] надежных *носителей* и *проводников.*

Монарх[ическая] Европа в 1798 г. Умственно-больной[77] старик Георг III (1760—1820), а Питт[78] в борьбе с Францией имел в виду не столько ее форму правления и континент[ального] отношения, сколько торговлю, колонии и морское положение. *Франц II,* его безучастие в управлении; первый министр и всевластный распорядитель после Кауница (с 1794 г.) барон Тугут, военный *фанфарон* и ненадежный дипломат, испортивший 2-ю коалицию. Больной и слабый Фр[идрих]-Вильгельм II в ноябре 1797 † и его 27-летний *робкий* и *неприготовленный* к правлению сын *Фр[идрих]-Вил[ьгель]м III.* Две партии при прусск[ом] дворе — пр[иверженцы?] Генриха[79] за *союз* с Фр[анцией], герц[ог] Брауншвей[гский] — за коалицию, Гаугвиц — за нейтрали-

[72] *На полях:* Ниже p[age] 30.
[73] *На полях:* Минье, 279—80.
[74] *На полях:* Но этими принципами для обеих сторон создавалась неизбежность войны, новой коалиции.
[75] *На полях:* Соловьев, 4—8.
[76] *На полях:* 1) после 17 октября [17]97 г. падал охранит[ельный] отпор революции; 2) поддержать монарх[ические] начала.
[77] *На полях:* В.
[78] *Над строкой:* Чемб. (так в рукописи).
[79] *Над строкой:* Дед Фр[идриха]-В[ильгельма] III.

тет, король и фрунтовик Кёкериц адъютант — за *мир* с Фр[анцией]. В Испании с 1788 г. *Карл IV* набожный мастеровой и берейтор; князь Мира[80] Годой — бездарный невежа, гитарист и придворный Дон-Жуан, опереточный премьер, устроивший *мир с Фр[анцией] 1795 г.* и видевший в союзе с революц[ионной] республикой средство оградить Испанию от зол революции. В Неаполе слабый *Фердинанд IV*[81], все дела в руках королевы Каролины, сестры М[арии]-Ант[уанетты] и фаворита Актона, английского слуги. С 1792 *Густав IV Адольф*, 19-летний, упрямый и своенравный, но бездарный подражатель Карла XII, неудачный жених Ал[ександ]ры Павловны, чуть не поссорившийся с Россией, фанатич[ный] враг революции. *Селим III*, неудачный реформатор вроде Иосифа II. Германская империя, мелкие итальянские герцогства, Церковная область 80-летнего неудачника Пия VI, Сардинское королевство покорного франц[узского] слуги *Карла-Эммануила IV*, республики Генуя и Венеция, где уже в мае 1797 старая[82] олигархия свергнута демократией — все это было полем революц[ионной] пропаганды, вместе с Швейцарией[83] составляло готовую добычу завоев[аниям] Республики и Империи.

Соображения мирной политики России в начале царствования: с возможными наличными союзниками нельзя много сделать; так как борьба только увеличивала доселе воинственный отпор со стороны революции, то мир может ослабить ее, усилив мирные антиреволюц[ионные] элементы в стране, доселе придавленные революцией. Это в письме Павла к прусск[ому] королю от 3 января 1797 г.[84]

Кампоформ[ийский] мир 17 октября 1797 г. более всего[85] помешал этим мирным расчетам своими ближайшими следствиями. Он открывал *перспективу бесконечной международной* и террит[ориальной] *ломки Европы* и давал неистощимую[86] пищу земельному хищничеству и взаимному соперничеству Австрии и Пруссии. Борясь международными силами с революцией внутри Фр[анции], союзницы[87] вводили революцию в свои международные отношения своими «видами жадности».[88] *Австрия боялась Пруссии* больше, чем даже Франции: во время переговоров о мире летом 1797 г. австр[ийский] мин[истр] Кобенцель писал, что в случае возобновления войны венский двор не будет просить помощи против Франции, но ему необходимо содействие *России* против прусских[89] покушений на новые захваты. В секретн[ых] §§

[80] *На полях:* Милютин ⊕, [т.] I, [с.] 22.
[81] *На полях:* Охотник и рыболов, жил среди лаццарони.
[82] *На полях:* Лигурийская р[еспублика].
[83] *На полях:* Гейссер, 432.
[84] *На полях:* Милютин, I, 29.
[85] *На полях:* Условия (Милютин, I, 41). *Побуждения к войне* с Фр[анцией].
[86] *На полях:* Вебер, 159.
[87] *Слово вписано над:* они.
[88] *На полях:* Милютин, I, 34 f.
[89] *На полях:* — 38 i.

Кампоформ[ийского] договора рядом с вознаграждением Австрии Зальцбург[ским] арх[иеписко]пством и Баварией до Инна условие: Пруссия не д[олжна] получить[90] никакого приращения. Блюститель целости империи ее врагу: *грабь империю* сколько хочешь, только с условием — ничего Пруссии.

Принципы Павла: Во-первых, *отказ*[91] *от видов жадности.* Потому его поразило[92] слишк[ом] откровенное признание в письме Фр[идриха]-Вильг[ельма] II в январе [17]97 г. чрез посланного для поздравления с вступлением на престол, что по Базельск[ому] договору и секретн[ым] дополн[ениям] конвенции Пруссия обязалась не противиться присоединению левого Рейна к Фр[анции], выговорив себе вознаграждение[93] ближ[айшими] землями посредством секуляризации[94]. Революции не трудно было бороться с союзниками, которые общему[95] врагу поверяли секретные козни друг против друга. Потому Павел был *за целость Герм[анской]* империи, за к[онститу]цию которой Россия ручалась по Тешенск[ому] миру, сл[едовательно], против уступки лев[ого] б[ерега] Рейна, но готов был *признать* франц[узскую] р[еспублику]. Предугадывал значение респ[убли]к-дочерей, как форпостов револ[юционной] пропаганды и гегемонии метрополии. Потому не допускал их во имя законных владельцев. Во-втор[ых], *успокоение Европы* за признание револ[юционной] р[еспубли]ки, иначе, при неудаче мирных стараний по вине Фр[анции], принужден будет против воли[96] взяться за оружие (уже в апреле 1797). В-третьих, решать вопросы мира *международн[ым] конгрессом,* соглашением открытым и общим, не «сепаратными мирами»; только он и хлопотал об этом конгрессе[97], напр[имер], в Лейпциге. Но этими принципами для обоих сторон создавалась неизбежность войны, новой коалиции.

Причины войны. Покровительство *польской эмиграции,* обещание не забыть услуг — les services, que vous avez rendus à notre révolution[98] (Директория на польский адрес в 1797). План принца Генриха образовать из прусско-поль[ских] земель государство под властью прусского принца[99] и восстановить Польшу. *Польские легионы* Домбровского в Цизальп[ийской] р[еспубли]ке — кадры польской армии (у каждого солдата и генерала по горсти родной земли). *Скитальчество короля* Людовика XVIII

[90] *На полях:* — 41.
[91] *На полях:* Условия Австрии с Фр[анцией] 17 октября [17]97 [г.] секретные Павел находил неприличными (ib, 57), был против присоединения части Баварии, чтобы сильные герм[анские] государства не искали добычи в ущерб *малосильным и слабым* сочленам: ib—58.
[92] *На полях:* — 57.
[93] *На полях:* Милютин, I, 29.
[94] *В тексте ошибочно:* секуляризацией.
[95] *На полях:* Гейссер, 322.
[96] *На полях:* — 33.
[97] *На полях:* — 40.
[98] Услуги, которые вы оказали нашей революции (*фр.*).
[99] *На полях:* — 49.

с семьей и двором. Павел — по долгу всех государей поддержать в его лице достоинство монарха — предложил *всем монархам содержать*[100] изгнанника и весь его дом. Директория потребовала удалить его из Бланкенбурга[101] (в Брауншв[ейг] в конце 1797). Митава. Эмигранты для Павла несчастные, ищущие *только* убежища (Милютин, 36).

Это — частные причины. Общие: 1) нарушение неприкосновенности[102] существующего междунар[одного] строя, 2) революц[ионная] пропаганда, 3) общее спокойствие. *Вопрос* о праве вмешательства в местные столкновения, грозящие общему спокойствию. *Европа*, как международная федерация — факт или pium desider[ium]?[103]

Участие[104] России во Второй коалиции вносило в международную политику правила и требования, резко отличавшиеся от господствовавших в ней территориальных и династических расчетов: бескорыстное стремление поддержать политическое равновесие и исторически сложившийся законный порядок, восстановить и обеспечить мир посредством[105] общих и открытых соглашений, а не «сепаратными мирами» и секретными конвенциями, оградить религиозно-национальную самобытность обществ от революционной космополитической пропаганды и соединить слабые государства и народности для обороны от захвата и насилия[104].

КОАЛИЦИЯ 1798—[179]9 г.[1]

Эта коалиция могла существенно изменить исход революции, противопоставив ей не только огромные материальные силы, но и *новое направление* международной политики. Инициатор[2] союза имп[ератор] Павел хотел заменить *территориально-династическую*[3] борьбу монархической Европы с революцией борьбою *принципиальной* нравственно-политической, противопоставляя революционно-космополитической пропаганде ср[едних] классов национально[4]-религиозные интересы народных масс и *исторически сложившиеся* отношения держав. Разрушив или ослабив революционную армию Франции, уединив ее и замкнув брожение в ее прежние пределы, новый союз мог вызвать к действию умеренные мирные элементы, начавшие революцию и поднявшиеся после 9 термидора, помочь или заставить помириться с ними мечтателей о дореволюционном порядке, предоставив тем и другим сводить свои счеты без стороннего давления. Удайся весь этот план — и

[100] *На полях:* Международн[ый] пенсионер.
[101] *На полях:* — 52.
[102] *В тексте:* неприкосновенность.
[103] Благое пожелание (*лат.*). *Далее в рукописи лист оставлен чистым.*
[104–104] *Текст написан на отдельном листке другого формата со знаком синим карандашом:* A
[105] *В тексте ошибочно:* посредствов.

[1] *На полях:* Лебедь, Щука и Рак.
[2] *На полях:* или душа.
[3] *На полях:* борьбу по террит[ориально]-дин[астическим] расчетам.
[4] *На полях:* +или прозелитизму.

стали бы[5] ненужными ни военный переворот 18 брюмера, ни военно-империалистская диктатура[6] с ее завоевательной политикой. Рутина и своекорыстие союзников России привели, несмотря на успехи в начале борьбы, к результатам прямо противоположным целям коалиции: 1) усилили во Фр[анции] потребность в сильной военной власти, напугав Фр[анцию] возможностью нового вторжения, но не исполнив его; 2) еще увеличили перевес армии над мирным населением страны.

Как Польша своею гибелью спасла революц[ионную] р[еспубли]ку Роб[еспье]ра в 1793—[179]5 гг., так Австрия и Пруссия в 1798—[179]9 гг. создали империю Наполеона своим соперничеством.

Приготовления. Запрет французам въезда[7] в Россию — апрель [17]98, всем иностранцам без особого высоч[айшего] разрешения — 25 апреля, конфискация всех в России франц[узских] кораблей, товаров и вкладов в Гос[ударственном] банке — июнь и октябрь. Посредничество в примирении Пруссии с Австрией, о чем просила последняя, чтобы избавиться от ее противодействия в Раштадте (кн[язю] Репнину в инструкции 8 апреля [17]98 г.): основание союза — *охранить* державы Европы от замыслов и вредных фр[анцузских] правил, меры оборонительные сначала. На упрямство прусское 16 июня[8]: «Не нахожу нужды ходить за Берл[инским] двором». Постановка *войск на зап[адной] границе* на военную ногу, чтобы удержать Пруссию в совершенно пассивном положении и даже угрожать, если бы она [станет] явно на сторону Франции (июль). В мае мобилизованы *эскадры:* Черномор[ская] Ушакова, балтийская Макарова, архангельская Тета, весь балт[ийский] флот остальной под адм[иральством] Крузе (всего 56 кораблей и фрегатов и 54 меньших судна[9] с 3550 орудий и 31 000 экипажа). В *Австрию 16-ти тысячный*[10] корпус Розенберга приготовить. Пруссия обещала нейтралитет *Северной* Германии (29 июля). Договор с *Англией 18 декабря* [17]98 г.[10] на случай присоединения Пруссии к союзу: «Положить[11] предел успехам фр[анцузского] оружия и распространению правил анархических, принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный *мир* и полит[ическое] *равновесие*». Россия дает *Пруссии 45 тыс[ячный]* корпус. То же и в договоре с *Турцией 23 декабря* уже по открытии действий союзных флотов: «Для поддержания существовавшего дотоле общего полит[ического] равновесия между державами».

Войско. Гвардии 3 пех[отных] и 3 кон[ных] полка — конногв[ардейский], лейб-гус[арский] и лейб-казачий — 14 тыс. Армии:

[5] *На полях:* были бы предотвращены.
[6] *В рукописи:* и военно-империалистскую диктатуру.
[7] *На полях:* 1798 г.
[8] *На полях:* — 60.
[9] *На полях:* — 55.
[10-10] *Текст очерчен на полях синим карандашом.*
[11] *На полях:* Цель союза.

13 гренад[ерских], 68 мушкет[ных] и 20 егер[ских] пех[отных] и 50 полков кавал[ерийских] кирасир, драгун, гусар и пр[очих] — всего с артил[лерией] по штатам *280 тыс.* Гарниз[онных] войск 115 батал[ьонов] до *93 тыс.* Иррегулярн[ых] в нач[але] [17]99 г. на службе[12] было 50 казач[их] полков — около *25 тыс. коней.* Кроме гвардии все войска распределены были по квартирным округам, которые назывались сперва *дивизиями,* потом *инспекциями.* Их б[ыло] 12 (С.-Петерб[ургская], Моск[овская], Лифл[яндская], Смол[енская], Лит[овская], Финл[яндская], Украин[ская], Днестр[овская],Таврич[еская], Кавк[азская], Оренб[ургская] и Сибир[ская])[13]. Артиллерия была неспособна к действию в странах гористых и пересеченных; войска были привычны более к действию против неустроенных турец[ких] полчищ, чем к европ[ейскому] образу войны, особенно генералы и офицеры. Обещано[14] было по договорам для коалиции 72 тыс. сухоп[утных] войск[15]. В *инструкции* Розенбергу — отвращать все, что в землях не неприязненных может возбудить ненависть или предосудительные на счет войска впечатления (избегать участия в продовольств[енных] экзекуциях), внушать, что мы пришли отнюдь не в видах споспешествовать *властолюбивым намерениям*, но оградить *общий покой*[16] и безопасность; для того ласковое и приязненное обращение с жителями. *Восстановление престолов и алтарей*[14]. Предохранять войска от «пагубной заразы умов»; соблюдать церк[овные] *обряды* и праздники. *Крестовый поход* — помыслы Лебедя, а тут самый грубый реализм Рака[17]. Австрия довольствовала корпус по договору; но не хотела давать более *2 фунт*[*ов*] печ[еного] хлеба на человека; но русские даже по мирному положению по 3 ф[унта] хлеба на день и $1^1/_2$ гарнца круп на месяц. Павел велел распустить корпус по квартирам до удовлетвор[ительного] ответа от Австрии (сентябрь). Австрия согласилась на 3-й ф[унт] *мукою*; на этой[18] скаредн[ой] дрязге потеряно *6 недель.* Поход с *13 октября.* При проходе к Брюну *примерный порядок*, благодарность за это от местного управления. 2 января [17]99 г. корпус дошел до Дуная[19] и часть его перешла реку. *Две* армии на западной границе: Ласси (гл[авный] кварт[иромейстер] Гродно) с корпусом пр[инца] Конде 7 тыс., Гудовича (Каменец-Под[ольский]), всего до *100 тыс.* при 318 полев[ых] орудиях от Балт[ийского] до Черного моря, в подкрепление заграничным русским войскам в случае нужды. Третья резервная моск[овская] инспек-

[12] *На полях:* — 79.
[13] *На полях:* 13-я инсп[екция] при Конде.
[14–14] *Текст очерчен на полях синим карандашом.*
[15] *На полях:* корпус был готов с августа [17]98 г. и предназначался на Рейн.
[16] *На полях:* — 84.
[17–17] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*
[18] *В тексте:* этом.
[19] *На полях:* и здесь вокруг Кремса остановка на 2 месяца (до 4 марта).

ция под нач[альством] гр[афа] Салтыкова[20]. Почти *все сухопутные* силы поставлены на военное положение[17].

Флот. Балтийский — 3 дивизии (белого, синего и красного флага); 45 лин[ейных], 19 фрегатов и 29 меньших судов, гребной — 12 гребных фрегат[ов], до 300 канон[ерских] лодок и 30 галер; Черноморский — 1 дивизия: 15 корабл[ей], 10 фрег[атов], 13 меньших, гребн[ых] фрегатов 4 и канонерок до 106. Б[ольшей] частью ветхи[21], старой конструкции, без медной обшивки, уже лет 15 введенной в Англии и Франции, не выдерживали долгого плавания. Многие корабли, посланные в Англию, не могли выдержать плавания; в англ[ийских] доках перестраивались заново. Но уменье маневрировать и дисциплина, дух. Блокада Батавии с июня до зимы [17]98/99 г. Ушаков из Констан[тинопо]ля к Дарданеллам *8 октября 1798*[22]. Характеристика. Обещание Ионич[еским] островам полит[ической] *независимости* в воззваниях Ушакова[23] — против притязаний англ[ийских] и австрийских. Капитуляция фр[анцузского] гарнизона на Чериго (75 человек) при дружном содействии обывателей 1 окт[ября]. То же на о[строве] Занте, где сдался гарнизон в 500 человек 14 октября. Радость обывателей. *В 1 м[еся]ц почти все острова* очищены от французов; в Корфу гарнизон капитулировал 20 февраля (ок[оло] 3000). Русские спасали и выкупали у турок пленных французов; предложение тур[ецкого] адмирала Ушакову ночью вырезать капитулировавших[24] на Чериго французов.

Вынужденное французами отречение К[арла] Эмануила Сардинского от престола 9 декабря [17]98 г. и переезд на Сардинию; присоединение *Пьемонта к Франции*. Анархия и усобица классов в республиках Цизальп[ийской], Гельвет[ической], Голл[андской] и Рим[ской]. Вторжение неаполитанцев в Рим[скую] р[еспубли]ку и занятие Рима *29 ноября*. Вытеснение и занятие Неаполя Шампионэ 23 января [17]99 г. Медленность Австрии, Тугут ждал, когда *снег с гор*; раздумье, а сам подстрекал Неаполь, торопил[25] русский корпус. Ненадежность членов Империи, их *раболепие* перед Францией, особенно Виртемб[ерга] и Баварии; Северная зависела от Пруссии: от этого колебание Австрии. Розенберга поворотили в *С[еверную] Италию* (январь), как и Германа, прежде назначенного в Неаполь через Турцию. *4 февраля* [17]99 г. разрыв Австрии с Фр[анцией] и просьба о Суворове. *«Вот, русские — на все пригодятся, порадуйся!»* (Павел Ростопчину по прочтении письма Франца)[26]. Адъютант в Кончанск, где уже ок[оло] 2 лет фельдмаршал в ссылке.

[20] *На полях:* Впервые в борьбу с революцией свежая струя, искреннее бескорыстное одушевление и энергия, горячая решимость.

[21] *На полях:* С морскими силами Россия для 2-й коалиции до 100 тыс. (Милютин, 2, 553).

[22] *На полях:* — 97.

[23] *На полях:* — 98.

[24] *На полях:* — 114.

[25] *На полях:* — 122.

[26] *На полях синим карандашом;* Г *и простым:* февраль [17]99 г.

Суворов. 10 лет с Плутархом и Непотом в руках[27], мечта стать *вел[иким] мужем*, воином, Цезарем или Карлом XII. С 15 лет вступил в полк. С детства жажда знания, *уважение к науке*; легко [давались] языки, писал неправильно, но кой-что напечатал в «Ежемес[ячных] соч[инениях]». Партиз[анские] наезды в Семил[етнюю] войну. Дома чувствовал себя лишь в лагере; в рубашке и холщевых панталонах перед войском; зимой *родительский* плащ. Лживна, вежливна[28]. Шуба[29] Ек[атерины] II. Двоякое[30] значение[31] чудачества: *юродством* сближался с пониманием солдат, *шутовством* прикрывался от понимания и зависти высшего света, тем и другим становился известен. Иронический великорусский ум; обычаи и нравы простонародья: солдат[ский] язык, посты, крестился мимо церкви и т. п. Нравств[енное] влияние на солдата: *командир чувств*[29]. Армию из машины, автомат[иче]ски... От серьезных занятий вспрыгивал со стула, *куш-куш* и пошла... Потемкин и «этот язык берегу только для матушки-царицы». Хочу первым в последней деревне, нежели 2-м в Риме. Неуживчивость с начальниками. Понимание франц[узских] событий и ненависть к революции, письмо Шарету; хотел волонтером в немец[кую] армию на Рейне 1793 г. Фельдмаршал за Прагу и[32] взятие Варшавы мимо 9 генералов: *перескочил, перескочил*. «Матушка! Пошли меня бить французов». *Суворовская* тактика: приучать к смелому, стройному натиску, ходить[33] в штыки сомкнутым строем и твердым шагом; учения его — подражания бою; скакать сквозь батальоны. «Живая крепость, зубом не возьмешь». Не бранил ни солдат, ни офицеров, но держать любил речи. *Военный Катехизис*: отрывочные фразы, намеки, условные термины; каблуки сомкнуты — подколенки стянуты; 4-го вижу, 5-го не вижу, береги пулю в дуле; трое наскочат — 1-[го] заколи, 2[-го] застрели, 3-му штыком карачун; обывателя не обижай, нас поит-кормит; солдат не разбойник.

Суворов в Тульчине 1796 о Наполеоне: «Ох, далеко шагает мальчик, пора бы унять его». Прошение об отставке Павлу — раньше отставка без мундира — 6 февраля 1797. Ссылка в Кончанском. Вызов на свидание в феврале [17]98 (рассказ племянника кн[язя] Горчакова). Выходки назло Павлу: шпага садясь в карету, неуменье снять шляпу, на разводах перебежки шепча молитвы и крестясь. Павел: «Что это значит?» — «Читаю молитву, государь: Да будет воля твоя!» Дурачества, не хотел попроситься на службу. Просьба из деревни об удалении в монастырь (Нилову пуст[ошь]). Быстрый[34] приезд в Петербург в кибитке по получении

[27] *На полях:* — 129.
[28] *Так в рукописи.*
[29]–[29] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*
[30] *Над строкой вписано:* состав и.
[31] *На полях:* комич[ная] маска.
[32] *На полях:* 1794 г.
[33] *На полях:* франц[узская] рев[олюционная] такт[ика] — психолог[ическа]я.
[34] *На полях:* Генерал в С[уворо]ве поглощал человека.

рескрипта о командовании союзными войсками в Италии (заем 250 руб. у старосты). Петухом в беседе[35] с Ростопчиным.

Нови 4 августа 16 часов бой. Урон французов более $^1/_3$ армии (в коей 45 тыс.); у союзников до 8 тыс. Приказ Павла по войскам отдавать Суворову («князю Ит[алийско]му») и при государе почести[36], какие особе е[го] вел[ичеству] отдаются. Подъем репутации русских войск: приезд иностр[анных] генералов и министров в лагерь при Асти (на Танаро, выше[37] Александрии) любоваться. Приветствия, подарки, слава: король Сардинский грамоту с титулом принца и *брата* (cousin) королевского; подписывался (Votre-cousin). Павел Суворову, позволяя принять это отличие: «Через сие Вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию, п[отому] что владетельные особы между собой все почитаются роднею»[38]. Популярность[39] в Англии, портреты, прически суворовские[40], пироги сувор[овские]; на торжествен[ных] обедах пили за него вслед за тостом королю. Во Франции ждали скорого вторжения, пари — во сколько дней Сув[оров] дойдет до Парижа[39]. Но успехи бесплодны: из Вены замедляли преследование разбитой армии, мучили Сув[орова] придирками[41], приказами мимо него.

План Суворова: завоевав Италию, упрочить их и потом 1800 г. вторжение в Савойю и Францию. План в нач[але] июня английский перемещения в Швейцарию для вторжения через Франш-Конте в связи с голланд[ской] экспедицией, чтобы овладеть голл[андским] флотом, коим распоряжалась Франция[42]. У Тугута сейчас мысль о возврате Бельгии[43], и он согласился, тогда как Англия, поднимая Бельгию[44], обещала не отдавать ее Австрии. Павел еще в конце июля писал Суворову о плане перемещения, прямо указывая цель — вторжением из Швейцарии разрушить беззаконное во Франции правление и восстановление законной корол[евской] власти.

Потери французов; 100 тыс. конскриптов не восполняли убыли. Ропот на Директорию; вытеснение 3 директоров союзом республиканцев крайних[45] и умеренных (30 прериаля); их уныние; возможность реставрации. Насильственный заем в 100 мил. и поголовный призыв всех пяти классов конскриптов (от 20—25 лет — 200 тыс. рекр[утов][46]). Суворов с военной точки (Милютин, [т.] 2, 544 сл.).

[35] *На полях:* — 162.
[36] *На полях:* — 2, 57.
[37] *На полях:* — 93.
[38] *На полях:* — 95.
[39–39] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*
[40] *На полях:* Клок на голове.
[41] *На полях:* — 66.
[42] *На полях:* — 97.
[43] *На полях:* — 107.
[44] *На полях:* — 106.
[45] *На полях:* Минье, 2, 277.
[46] *На полях:* Милютин, 2, 24.

Швейцарский поход. Промедление в лагере[47] при Асти. Выбор кратчайшего пути через С[ен]-Готард: план Суворова — трехстороннее наступление на Массену; невыгоды плана[48]. Задержка на 5 дней в Таверне по вине австрийцев[49]. Результаты 16-дневного похода. 10 сентября выступление из Таверны, 27-го приход из Глариса в Кур (на Рейне в Граубинден)[50]. Взгляд на поход. Сцена[51] с Римским-Корсаковым в Линдау (на Боденском озере — в октябре [17]99 г.). Объяснение выхода Павла из союза в декларации (Милютин, [т.] 2, 553).

Значение[52] *2-й коалиции*. Различать в этом значении 1) влияние участия в ней России, 2) влияние самой коалиции на ход дел во Франции и Европе.

1) *Нравственное впечатление* русского участия: армия северных варваров прошла пол-Европы и показала себя человечнее, дисциплинированнее и цивилизованнее наиболее дисциплинированных и цивилизованных европ[ейских] армий, не говоря о самоотверженности (в Муттене голодные ничего не тронули у обывателей, в[еликий] к[нязь] К[онстанти]н на свои деньги скупил съестное[53] для солдат)[52]. И Суворов был силен *нравств[енными]* средствами военачальника более, чем стратег[ической] и тактич[еской] механикой, влиянием на войска и волей (Милютин, [т.] 2, 552).

Русская армия была как политика.

Ростопчин о положении Европы и России после камп[ании] Суворова — в 1800: «Фр[анция], Англия и Пруссия кончат войну со значит[ельными] выгодами, Россия же останется ни при чем, потеряв 23 тыс. человек единственно для того, чтобы уверить себя в вероломстве Питта и Тугута, а Европу в бессмертии кн[язя] Суворова» (Сб[орник] Михайлова,⊕ 108). Одна выгода — разрыв всех почти союзов России с др[угими] землями, ибо России не д[олжно] иметь с прочими державами иных связей, кроме *торговых*.

Принципы[54], введенные русским двором в международную политику: политическое *равновесие* — как основное правило, *коалиция и конгресс* — как средства против революционной пропаганды и мировой республики, *религиозно-национальная самобытность* — как вывод из основн[ого] правила против революц[ионного] космополитизма. Среди господствовавших тогда мелких *эгоистических расчетов* только в дипломат[ических] бумагах пе-

[47] *На полях:* Преждевременный выход эрцг[ерцога] Карла из Швейцарии — чтобы предупредить англо-русск[ую] армию в завоевании Бельгии. — С[ен]-Готард почти 7 тыс. ф. над мор[ем].
[48] *На полях:* Милютин, 2, 200 и сл.
[49] *На полях:* — 204.
[50] *На полях:* — 306.
[51] *На полях:* — 307.
[52–52] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*
[53] *На полях:* Вебер, 173 сл.
[54–54] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*

терб[ургского] кабинета м[ожно] найти кой-какой материал для *системы*, достойной европ[ейской] цивилизации. *Так, выступая деятельной участницей европ[ейских] движений,* Р[оссия] вступила на путь, по которому шла целый век — становиться во главе угнетаемых и угрожаемых какой-либо исключительной силой[54]. По распадении 2-й коалиции это правило в *Северном*[55] *союзе* Павла 1800 г.

Морская сила Англии во время борьбы с Францией (1800 судов во[56] флоте[57], в том числе 100 лин[ейных] и 200 фрегат[ов], экипажа до 120 тыс., сухопутных до 193 тыс. и 119 тыс. милиции для внутр[енней] обороны). Взгляд на права нейтрального[58] флага Англии («le pav[illon] ne couvre pas la marchandise» и «droit de visite»)⊕ *Вооруженный нейтралитет* 1780 г. Случай с датскими транспортами в 1799 г. у Гибралтара и в Ламанше 1800 г. Обманом взяты испанские фрегаты в гавани Барселоны 1800 г. Переговоры со Швецией, Данией и Пруссией о *возобновлении* вооруженного нейтралитета. Занятие Мальты англичанами и эмбарго на англ[ийские] суда и товары. Союзные договоры со Швецией и Дан[ией] *4 и 6 декабря (с Пруссией) 1800 г.*

2) Вторая коалиция *содействовала*[59] *во Франции перевороту 18 брюмера и окончанию революции.* Победы союзников, опасность вторжения и реставрации, бессилие Директории уронили правительство, вынудили его к насильственным и революционным мерам (принуд[ительный] заем, конскрипция[60] [17]99 г., 30 прериаля, закон о заложниках), уничтожили доверие к конституции III г., обострили вражду крайних республиканцев и умеренных и сделали неизбежным переворот, усилив потребность в сильной власти и прочном порядке. Наполеон совершает удар по соглашению с умеренными[61] с помощью войска: это удар против народного представительства.

Далее[62], *исходом своим коалиция изменила совершенно международные отношения Европы, вскрыла недостаток* единения между союзниками и повела к сближению Павла с Бонапартом, что перетасовало все отношения[62]. Завязка сношений Павла с первым консулом с июля 1800 г. Расположение Павла к консулу и отзыв о нем: внутреннее усмирение Франции, умеренность к реакционерам, письма к австр[ийскому] императору[63] и англ[ийскому] королю и ответы. Встреча Шпренгтпортена во Фран-

[55] *На полях:* Милютин, 2, 516 сл. *Сев[ерный]* союз и вооруж[енный] нейтр[алите]т. Возобновление его предлагал Ростопч[ин] в записке, опробованной Павлом 2 октября 1800 г.; Сб[орник] Мих[айлова, с.] 109 f.

[56] *Внизу на полях:* Картина Европы в 1800 г., Ростопчина⊕; Сб[орник] Михайлова, с. 102.

[57] *На полях:* Ib. 536.

[58] *На полях:* — 519.

[59] *На полях:* выше, p[age] 19.

[60] *На полях:* Минье, 277, 282.

[61] *На полях:* — 299.

[62–62] *Текст на полях очерчен синим карандашом.*

[63] *На полях:* Милютин, 2, 518.

ции и письмо Павла (ноябрь [17]99) [64]; согласие Наполеона на *удовлетворение союзников Павла* — сардин[ского], неаполит[анского], виртемберг[ского] [65] и баварского, потом еще маркгр[афство] Баден и о Мальте. Уже [66] тогда искушение разделом мира: в разговоре с Шпренгтпортеном Наполеон говорил, что Р[оссия] и Ф[ранция] самой географией предназначены жить в дружбе и держать в узде [67] остальную Европу. Письмо Павла *пришло в первые дни 1801 г.* Закрытие неаполитан[ских] портов для англичан по Флорент[ийскому] договору 28 марта 1801 г. *Век открылся полной революцией международной политики Европы и* [68] *причиной ее главной — консервативные принципы Павла:* вся Европа почти против Англии, а не Франции, как в 1799 г. Две наиболее разобщенные географией и историей страны — революция и крайний абсолютизм во главе и па страже европ[ейского] порядка — *политическая феерия* против Англии Р[оссия], Шв[еция], Пруссия, Дания, Франция, Испания, Италия вся, скоро Португалия, Голл[андия], закрыты для нее многие порты, готовилась высадка, Австрия и Империя не нуждаются в ней, недостаток хлеба в Англии [66]. Уныние, ропот, падение Питта в январе 1801, кабинет Адингтона [69]. Приготовления против Се-в[ерного] союза. *Грандиозный план Павла:* берега Балт[ийского] моря унизаны войсками (на западной границе под ружье до 120 тыс. от Митавы до Або), маяками, батареями; план похода в Индию. Закрытие портов балт[ийских] и в Нем[ецком] море, занятие Ганновера (12 апреля 1801). Бой англ[ийских] эскадр Паркера и Нельсона пред Копенгагеном 2 апреля; принц-регент устоял (потом король Фридрих VI до 1841); перемирие. *Смерть Павла* 11 марта. Его [70] влияние на Европу, душа политики, главный рычаг — во имя мира, законного порядка и за слабых. *Так начался новый период отношений России к З[ападной] Европе* [70]. (Нельсон уже был перед Ревелем). Договор России с Англией 5(17) июня с обоюдными уступками о правах нейтрального флага. Посылка гр[афа] Моркова в Париж и переговоры об обиженных союзниках, особенно сардинском. Капитуляция французов в Каире 27 июня. Общее замирение: между Францией и Россией *26 сентября 1801 г.* (8 октября); около того времени договоры Франции с Португалией и Турцией, России с Испанией; Англия с Францией, Батавией и Турцией — *Амьенский* [71] *договор 27 марта 1802. Общая радость* о мире в Европе перед новой эпохой войны, роздых минутный [71].

[64] *На полях:* — Знак вопроса.
[65] *На полях:* — 526 сл.
[66–66] *Текст очерчен на полях синим карандашом и простым карандашом:* F
[67] *На полях:* — 530.
[68] *На полях:* Люнев[ильский] мир 9 февраля 1801 г. с Германией.
[69] *На полях:* Но все эти успехи на почве, созданной Суворовским походом 1799.
[70–70] *Текст очерчен на полях синим карандашом.*
[71–71] *Текст очерчен на полях синим карандашом.*

Свод[72] *результатов революции.* Эти[73] результаты существенно влияли на дальнейший ход событий в Европе:

1) Французская революция, вызванная местными нуждами и страстями[74], в дальнейшем развитии своем под влиянием просветительной литературы, воспитавшей и направлявшей общественное мнение в стране, получила характер политического эксперимента, попытки построить образцовый, для всего мира пригодный государственный порядок по отвлеченным началам разума.

2) Из этих начал революция всего настойчивее пыталась осуществить наименее осуществимое начало народовластия, жертвуя ему сперва (в Конституции 1791 г.) равенством, потом (во время террора) свободой. Но так как революционное движение шло сверху вниз, проникая все глубже в массу народа и насильственно погружая в нее верхние классы, то действит[ельным] результатом движения было значительное политическое[75] уравнение общества, между тем как свобода и народовластие погибли среди террора и под гнетом военной диктатуры.

3) Так[им] обр[азом], революционная попытка на философской основе построить[76] новое общество[77] для Фр[анции] кончилась только разрушением старого, исторически сложившегося порядка, основанного на феодальном неравенстве.

4) Зато для всей остальной Европы и самой Фр[анции] опыт Франц[узской] революции послужил поучительным уроком, показавшим истинное значение отвлеченных начал, на которых она пыталась построить новое общество: это не права, присущие людям[78] по самой их природе, которых сто́ит только пожелать, чтобы получить[79] их, а блага общежития, которые надобно выработать, чтобы уметь ими пользоваться. В этом уроке всемирно-историческое значение Фр[анцузской] революции.

5) Пользуясь этим уроком, Европа в продолжение текущего столетия и стремится переработать эти филос[офско]-политические теоремы в государственные учреждения, равенство — в демократически[80]-равномерн[о] распредел[енную] систему прав и обязанностей, свободу и народовластие — в народное представительство со всеобщей подачей голосов. Средства, какие употребляются обществами для такой переработки, неудачи, ими испытанные в этом деле, и успехи, ими достигнутые, составляют

[72] *Далее текст написан чернилами с карандашной правкой.*
[73] *На полях:* Минье, 2, 217 и др.
[74] *На полях:* Революция обещала Европе свободу и призывала народы к борьбе с их династиями. Но так как она вместо свободы дала Европе военную деспотию, то и повела к союзу европ[ейских] народов с государями против революции и военной империи, ею созданной.
[75] *Над строкой:* гражд[анское].
[76] *Три слова исправлены из:* философского построения.
[77] *В рукописи:* нового общества.
[78] *На полях:* Их нельзя ни найти, ни отнять, ни получить в подарок, а можно только заработать.
[79] *Над строкой:* облад[ать].
[80] *Слово исправлено из:* демократическую.

существенное содержание политической истории Европы в XIX веке: это по преимуществу век политического и нац[ионального] *самоустроения* европейских народов, как два предыдущие столетия можно назвать временем их полит[ического] и национального обособления и устроения правительствами[81].

Общ[ественный] договор Руссо. «Человек рожден свободным, а между тем он в цепях». Где причина? Добровольно отчуждать свою свободу не может, ибо не может отказаться от собств[енной] природы. Власть, подчиняющая себе свободу, лишена всякой правомерности. Все правительства, не вытекающие из свободной воли граждан, лишены законного основания. Но как человек может сохранить в государстве прирожденную ему свободу? Передать власти часть своих прав, удержав другую — каждый остается судьей своего права — это анархия. Неизбежно полное отчуждение *естеств[енной]* свободы в пользу государства и получает ее обратно в виде *свободы политической*: он сам становится членом полновластного тела, *частью верх[овной] власти* в государстве, отказываясь от св[оей] свободы в пользу всех остальных, от каждого из них получаю взамен долю их свободы, т. е. *отказался от свободы* в пользу всех, зато приобрел долю *власти над всеми.* Он[82] подчинился решениям общей воли, но, *участвуя* сам в этих решениях, он *покоряется только* собственной воле. В этом *сущность* первоначального договора общественного, *единственного* правомерного основания гос[ударственного] устройства[83]. Законный образ правления — на неотъемлемом полновластии народа, непосредств[енном] участии каждого гражданина в постановлениях верх[овной] власти; потому Р[уссо] отвергает представительство, где гражданин всецело переносит свою волю на другое лицо: после выборов он — ничто. Признание полит[ических] прав за женщинами и детьми; но Р[уссо] не касается этих вопросов.

Но оставшись в меньшинстве, я подчиняюсь *чужой* воле, не своей, и свобода моя исчезает. Руссо: не попав в общее мнение, торжества которого желает каждый, переменяет свое, как ошибочное. Софизм: партии, закон — не общая воля, а большинства. Отсюда у Р[уссо] запрещение партий, предвар[ительных] сходок; каждый подает голос только за себя — *деспотизм* вм[есто] свободы. Чтобы не было постановлений невыгодных для меньшинства — закон д[олжен] одинаково касаться всех: тесный круг законодательства, невозможность частных законов, наприм[ер] торговых; надобно, чтобы у всех одинакие занятия, собственность, даже пол. Притом народное собрание лишается исполни-

[81] *Далее в тексте пять строк оставлены чистыми. Далее текст написан карандашом.*

[82] *На полях:* След[овательно], верх[овная] власть — в с ё, вся совокупность людей, составляющих народ.

[83] *На полях:* Отсюда: равенство и независимость договаривающихся; все равны перед закон[ом] и каждый имеет долю в верх[овной] власти. На гипотезе, что человек от природы доброе и разумное существо. Правда ли? Первое не доказано, второе неверно.

тельной и судебной власти, которые всегда касаются известных лиц; выборы потому отвергаются.

Общее постановление может не быть выгодно для всех, ибо народ не всегда видит настоящую свою пользу, не может видеть последствий закона, и сам Р[уссо]; что народ не способен давать сам себе законы: полновластие народа неприменимо, несостоятельно — необходим законодатель. Но и он может не сойтись с волей народа, который не понимает пользы его законов. Для этого *религиозный* обман: законодатель д[олжен] выдать себя за провозвестника воли божества, чтобы заставить народ принять предлагаемые законы. Еще необходимость рабства: это — последовательное развитие *разумной свободы.*

Человек не родится свободным. Общ[ественный] договор вымысел, не историч[еский] факт. Действительн[ые] государства основаны на подчинении личной воли — общественной, частных выгод — общему благу. Прирожденные права — прирожд[енные] обязанности. Свобода — одно из оснований общества, не единственное [84].

2 [тетрадь]

ПАВЕЛ И АЛЕКСАНДР ДО 1812 г.

ИМП[ЕРАТОР] ПАВЕЛ I

Согласно специальной задаче прежде всего *результаты* революции для России. Один уже изучен — усиленное участие в делах Европы с руководящим значением и определенной программой.

Перелом в отношении России к З[ападной] Европе. *Первое проявление перелома* тесно связалось с личностью и носит на себе ее особенности.

Воспитание Павла. Род[ился] 20 сентября 1754 г. Мать редко видела сына, узнавала о нем [1] украдкой. Елизавета душила ухаживанием, держала в удушливой жаре, фланелевых [2] пеленках, обитой мехом колыбели; пот, наклонность к простуде от малейшего ветра. Мамы запугали бабушкой, при виде которой трясся (4—5 лет), и она перестала почти посещать внука; но он в ее покоях. Родители очень редко. Церемониймейст[ер] Ф. Бехтеев и печатные ведомости о погрешностях в[еликого] князя — педагогич[еская] уловка; при нем же «Краткое понятие о физике» 1760 г. с «сокращением нравоучит[ельной] науки»; особый календарь с картами России в том же году. В 1760 г. обер-гоф-[мейстер] при Павле Н. И. Панин. Подослал посмотреть во время обеда — старик угрюмый (42 года) и парик с узлами; встретил Панина слезами. Петр III мало занимался сыном. Ек[атерина]

[84] *Далее две страницы оставлены чистыми.*

[1] *На полях:* впервые после 40 дней.
[2] *На полях:* под 2 теплыми одеялами.

по воцарении предложила воспитание д'Аламберу — едва ли серьезно, хотя звала его со всеми друзьями[3]. Газеты об этом по всему свету. Видала его редко. Ректор Троицк[ой] семинарии Платон — законоучитель в 1763 г. Антирелиг[иозные] выходки гр[афа] А. С. Строганова за обедами у Павла; влияние на в[еликого] князя. *Горяч*, рассеян, но понятлив, любил слушать о вере; не мог долго сосредотачиваться на одном предмете[4], «наружностью более прельщался, чем углублялся во внутренность» (Платон). Для ученика[5] «Сокращенная правосл[авная] богословия» 1765. [Учителями Павла были:] Остервальд, подполк[овник] из Шлях[етского] корпуса, [учил] истории, географии, языкам русск[ому] и немецк[ому]. Порошин[6], подполковн[ик] оттуда же, «кавалер» при Павле [учил] арифметике и геометрии (дневник с 1 сентября 1764 по январь 1766). Эпинус, академик, — физике и астрономии. Знакомили и с лучшими произведениями[7] тогдашней франц[узской] литературы.

Характер. Во всем спешить: вставать, кушать, спать ложиться; влюбляться в человека, который понравится, но ненадолго. Легче *увлечь*, чем *привязать*; все может так ясно и живо представить, как бы то перед ним[8] действительно происходило. При лучших стремлениях вы заставите себя ненавидеть[9] — (Порошин). При нежности сложения *жив*[10] и резв. Выбор книг — сам. Павел иногда просил прекратить нескромное чтение. *Вольтера* больше всего. Придворные спектакли, в кадет[ском] корпусе и в Смольном; на придворном комедия, балет и «маленькая пьеса» (комическая опера). Пьесы, виденные Павлом: «La coquette punie», «L'été des coquettes», «Le faune jaloux», «L'effet de l'amour»[11] и т. п. В придворном балете в 1764 г. Павел[12] играл «брачного бога Гименея». *Не любил театра.* Страсть Панина к Строгановой 1765—[176]6 гг. *Тéплов*, адъюнкт и асессор академ[ической] канцелярии, преподавал с 1768 г. полит[ические] науки по делам Сената. Левек и Николаи, профессор Страсб[ургского] у[ниверсите]та и воспитатель старшего сына гр[афа] К. Разумовского (Алексея), участвовали в преподавании; последний составил [в] 1772 [г.] обозрение полит[ического] состояния Европы для Павла[13]. *Военные* науки б[ыли] пренебрежены.

[3] *На полях:* Кобеко, [с.] 11.
[4] *На полях:* 25 сл.
[5] *На полях:* 9 лет.
[6] *На полях:* родился 1741.
[7] *На полях:* Вольтер — [Кобеко, с.] 34.
[8] *На полях:* Порош[ин].
[9] *На полях:* — 32.
[10] *На полях:* выше.
[11] «Наказанная кокетка», «Лето кокеток», «Ревнивый фавн», «Последствие любви» (*фр.*).
[12] *На полях:* — 36.
[13] *На полях:* — 55.

Отношение к матери. Замыслы и толки о возведении Павла при Ел[изавете], у Ек[атерины] недоверие к сыну [14]. Холодность к сыну, Павел 10-летний скучал у матери, принужденность ему несносна; для него у нее всегда вид и тон государыни с прибавкой сухости и обидного невнимания; никогда матерью не являлась; он — только подданный (франц[узский] посол, 1779). Подозрительная *наблюдательность* [15] с его стороны. При объявлении [16] совершеннолетия 20 сентября 1772 г. никому награды, чтобы никто ничем не был обязан цесаревичу. Договор с Данией 1773 об уступке ей Шлезвига и Голштинии за Ольденбург и Дельменгорст (графства), которые б[ыли] тогда же переданы Павлом коадъютору Любека Фридриху-Августу, представителю младшей линии Голштинского дома [17]. Сальдерн при этом на опасности от Павла как имперского князя [18]; его же план об участии Павла в управлении [19], отвергнутый, но скрытый Паниным. Окончание воспитания и брак Павла с Вильгельминой Гессен-Дармшт[адтской] 29 сентября 1773. Честолюбие Нат[альи] Ал[ексеев]ны. Павел (письмо к Андр[ею] Разум[овскому]) начинал освобождаться от подозрительности, десятилетней привычки, воспитанной боязливостью и стеснением; «Я сдерживаю свою живость, ежедневно выбираю предметы, дабы заставить работать мой ум и черпаю понемногу из книг». Плод размышлений [20] и изучения — представленное им[ператри]це (1774 г.) «Разсуждение о государстве вообще относительно числа войск, потребного для защиты оного» [21].

Необходимость покоя для государства, облегчения налогов. Доселе, пользуясь послушанием народа, все *из целого кроили*, не оберегая ничего; теперь всегда все последним средством действуем, не имея ничего в запасе. Выводы: *отказ* от наступательных войн и за рядом крепостей оборонительные армии, комплектуемые из местных жителей; размещение дивизий по губерниям и содержание этих *территор[иальных]* частей милиции из местных средств, от земли (мысль Петра I и военные поселения);

[14] *На полях:* — 62.
[15] *На полях:* — 64.
[16] *На полях:* 18 л[ет].
[17] *На полях:* Двоюродн[ому] деду Павла, р[одному] брату Ад[ольфа]-Фридриха, кор[олю] Шведск[ому] с 1751 г. († 1785 г.); его сын Петр-Фридрих († 1823 г.) — это Голшт[инская] линия — от 2[-го] сына Христиана I, короля Дании, Норвегии, Швеции и герцога Шлезв[иг]-Голшт[инии] († 1481 г.).
[18] *На полях:* — 74.
[19] *На полях:* Леопольд Тосканский: [Павел] в 1782 не одобрял нововведений матери, в которых больше пышности, чем истинной прочности, завоеваний, которые служат к приобретению славы, не доставляя действит[ельных] выгод и даже ослабляя государство (Кобеко, [с.] 218). Леопольду-брату называл, кто в Петербурге куплен венским двором — Потемкин, Безбородко, Воронцовы, Морков; «Когда получу власть, je les ferai austruthen (отстегаю), уничтожу и выгоню». Ген[ерал]-адмирал, а не бывал в Кроншт[адте], было запрещено (225).
[20] *На полях:* — 93.
[21] *На полях:* — 103.

поселенные полки пополнять потом солдат[скими] детьми; подробные штаты, уставы, строгая подчиненность, стеснение *усмотрения* частных командиров, на все высочайшее разрешение. «А сему (пристрастия и корысти) я был сам очевидцем и узнал сам собою вещи и как верный сын отечества молчать не мог» (в заключение).

Увлечение франц[узской] литературой в обществе Павла, париж[ский] корреспондент критик Лагарп, «тражедий» на театре в комнатах Павла. Рисуется своей популярностью во время пугачевского бунта (весть о нем в день свадьбы); сочувствие ему народа в Москве при въезде Ек[атери]ны в январе 1775 после казни Пугачева. Приятель А. Разумовский[22], искушая: «Вы видите В[аше] в[ысочество], как вы любимы; ах, если бы вы дерзнули!..»

Раздражали: 21 апреля Павлу[23], просившему 50 тыс., — дешевые часы, а Потемкину[24] 50 тыс.

Смерть Натальи 15 апреля 1776: деспот с мужем без тени привязанности. Софья-Доротея Вюртембергская[25], обрученная с братом Натальи Ал[ексеев]ны, которому [дали] отступного 10 тыс. рублей из[26] русской казны пенсии. В Берлине 1776 г. Павел показался гордым, высокомерным, резким[27]; знавшие Россию, опасались, что он не без труда удержится на престоле, будучи призван управлять народом жестоким, твердым и избалованным мягким[28] управлением нескольких женщин. Беспорядки в военном ведомстве, замеченные в Риге, о которых донес Ек[атери]не: «При моем характере мне тяжело видеть, что *дела идут вкривь и вкось*». Брак с Марьей Фед[оров]ной 26 сентября 1776.

Развитие[29] воображения от досуга насчет положительного практич[еского] мышления. Любовь к Мальт[ийскому] ордену с детства; после женитьбы раза два в неделю турниры с придворными кавалерами в особых костюмах. Рассказ его о видении Петра I, переданный в Брюсселе в 1782 г. и записанный бар[оном] Оберкирх. Петр будто сказал: «Бедный Павел. Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, п[отому] что ты не долго в нем останешься. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен»[30]. В переписке с П. Паниным 1778—9 г. здравые, но *отвлеченные* суждения о положении дел в государстве и непрактичные средства. Об отце[31]: принялся заводить

[22] *Далее текст чернилами.*
[23] *На полях:* 1775.
[24] *На полях:* — 116.
[25] *На полях:* Мать ее — дочь родной сестры Фр[идриха] II.
[26] *На полях:* — 125.
[27] *На полях:* в зап[исках] Фр[идриха] II.
[28] *На полях:* — 142.
[29] *На полях:* Х[аракте]р.
[30] *На полях:* — 165.
[31] *На полях:* Х[арактеристи]ка себя самого.

порядок, но стремительное его желание завести новое помешало ему взяться за оное благоразумным образом; дурные импрессии (от неосторожности) и интриги [32] погубили его. О Ек[атери]не: Самое то же стали делать (что и Петр III), но не под теми именами (в очерке истории военной части в России с Петра, посланном Панину). Старое почти истребили, а нового ничего не сделали, и теперь никто уже и не знает, что́ и как делать, да к тому прибавить должно, что и не мода теперь наблюдать что-либо из предписаний, а *исправным* быть — стыд и низкость духа. Удаление дворянства от службы объясняет отсутствием уважения к военной службе и недостатком сдержек *произвола* (ничего *непоколебимого* нет), отчасти законом о вольности дворянства при недостатке просвещения и прямого *понятия* о свободе, которое приобретается воспитанием (политическим), которое д[олжно] быть управляемо *фундаментальными* законами. Средства остановить побег дворян из военной службы: поднять значение военнослужащих, персональное уважение государя к сей службе, отнятие у начальников средств действовать по прихотям и развращать службу [33]. По случаю приезда Густава III в Петербург 1777 г. Панину П. [Павел писал]: тон французский человека не делает и задобрить не всегда может, а особенно, где дело прямое и не одни jolis mots et belles phrases [34]; *наша братия балуется* от того самого, что некому нам правды г[ово]рить [35].

Укрепление прусских симпатий Павла приездом наследн[ого] принца прусского Фр[идриха]-Вильгельма, 1780. Путешествие Павла за границу для ослабления этих симпатий (сентябрь 1781—ноябрь 1782).

Народные овации при отъезде и недовольство Екатерины [36]. Через Киев — Вена, Венеция, Неаполь, Рим, Флоренция, Милан, Турин, Лион, Париж (май 1782). Успех bon mot [37] Павла на балу: на жалобу Л[юдовика] XVI, что его слишком теснят: «Государь, извините меня, я настолько сделался французом, что думаю, как и они, что не могу д[аже] близко подойти к в[ашему] в[еличеству]» [38]. Предвестники: у Конде в Шантильи были, в Пале Рояле нет; там уже революц[ионный] запах. Графиня Северная, уезжая из Шантильи, букет от ребенка — внука Конде, герц[ога] Ангиенского; по дороге посетили *могилу Руссо* в Эрменонвиле; гр[аф] д'Артуа подарил шпагу — все скорые *нахлебники.* Осмотр б[иблиоте]к, музеев, академий; бывали у Павла ученые, художники, писатели. Бомарше читал при них «Свадьбу Фигаро», еще бывшую в рукописи. Был у Д'Аламбера, прежде чем тот ему представился. Лагарп, читая при нем в ака-

[32] *На полях:* — 173.
[33] *На полях:* — 176 *и карандашом:* Программа царств[ова]ния.
[34] Красивые слова и прекрасные фразы (*фр.*).
[35] *На полях:* — 181 и сл.
[36] *На полях:* — 197.
[37] Острот (*фр.*).
[38] *На полях:* — 226.

демии послание в стихах к нему, называл его просто Петровичем. В Бресте смотрел флот. Бельгия, Голландия; в Лейдене профессоров благодарил за обучение русских. Франкфурт, Монбельяр (Вюртемберг), Штутгардт (у герцога — дяди), Вена, где осталась сестра М[арии] Ф[еодоров]ны Елизавета, невеста Франца, сына Леопольда Тоск[анского]. Краков, Митава, Рига. В Вене, Неаполе (сестра Иосифа Мария-Каролина), Флоренции (брат Леоп[ольд], Парме (сестра Амалия), Париже, Амстердаме (сестра М. Христина). Павел оставался в династич[еском] габсбургском кольце, а через брак Елизаветы с Францем и сам становился его звеном — все это наперерыв оттягивало его от Пруссии.

Отношения к матери не улучшились; громадный долг от поездки; покорность сына и уединение; измена приближенных, слух [39] о *преемстве* внука. До дел не допущен по-прежнему, только присутствовал при чтении почты. После нечаянного разговора о Крыме, 1783 г., Павел записал: «Доверенность мне многоценна, первая и удивительная». Покупка Гатчинской мызы у братьев Гр[игория] Орлова († 1783 г.). Павел удаляется туда с *августа 1783 г.* Досужие помыслы о будущем, выработка *программы* [40] царствования: перед отъездом в армию в январе 1788 г. изготовлены духовное завещание, три письма к жене, одно к детям и *наказ об управлении* государством; тогда же [41] акт о престолонаследии. В наказе с особенной любовью о крестьянстве, которое содержит собою все прочие части и своими трудами, след[овательно], особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его. Переменить и разрешить судьбу заводских кр[естья]н и др[угих] сельских классов. Уменьшение питейного дохода, как развратительного для нравов. Доходы с *земли* держать соразмерно возможности с надобностью, с промысла [42] поощрять, ибо основаны на труде и прилежании [43].

Внешняя политика: не нужна России чья-либо помощь; задача — полит[ическое] *равновесие*, доверие к соседям и соседей к нам — для чего честность, союз с *сев[ерными] державами*, в нас нуждающимися.

Главный пункт: надлежит положить закон, кому быть государем. В проекте манифеста о престолонаследии Ек[атерины]

[39] *На полях:* — 259.

[40] *На полях:* Против турок волонтером. На настояния Павла и слова его: «На кого я буду похож в глазах Европы» (которая уже знала о приготовлениях к поездке), ответ: «На человека, подчинившегося моей воле и исполнившего мою просьбу». Поездка расстроена. (323). Вместо того поход в Финл[яндию] (июнь [17]88 г.). На рекогносц[ировке] под Гекфорсом в огне: «Теперь я окрещен». Скоро отозван, ничем не командовал. Никакой награды. Насмешки Ек[атерины]: *Горе-богатырь*.

[41] *На полях:* — 313.

[42] *Два слова написаны над зачеркнутым:* вторые.

[43] *На полях:* «В воле правительствующего государя, кому оный хочет, тому и определить наследство, и определенному паки отменить» (Ук[аз] 5 февраля 1722).

другой порядок — при несовершеннолетии сына умершаго государя царствует до смерти его мать. Отвращение [44] к переворотам и чувство *законности*, воспитанное конституционистом Н. Паниным. Далее в наказе — укрепить войско и флот *дисциплиной* и учением. Модельные команды в Гатчине. Пушечные сигнальные выстрелы [45] к обеду. Обидные звания в письмах Ек[атерины] к Гримму: M-r et M-me Secondats [46].

Обманутый в надеждах и осмеянный П[авел] уединился в Гатчине с *лета 1789 г.*, стал задумчив и [стал] думать о смерти. В октябре [17]89 г. разговор с Сегюром: «Не допускает Вас к участию в делах — ей трудно иначе: Вы осуждаете ее образ жизни, связи, систему управления и политику». Павел: «Вы плохо узнали Россию в 5 лет. Объясните мне, наконец, отчего в друг[их] евр[опейских] государствах государи спокойно вступают на престол, а в Р[оссии] не так». С[егюр] указал на отсутствие закона о престолонаследии: успехами образованности обязаны мы, европейцы (не русские), этой твердости престолов. В России же ничего в этом отношении не установлено. Государь избирает наследника по своей воле, а это служит источником постоянных замыслов честолюбия, козней и заговоров. — «Согласен, но что же делать? Здесь все к этому привыкли; обычай господствует и изменить его м[ожно] только с опасностью жизни; русские лучше любят видеть юбку на престоле, нежели мундир». — Сегюр: «Можно перемену эту в какую-н[ибудь] торж[ественную] минуту, по случаю коронации, когда народ расположен к радости, доверию». — «Понимаю, надо попробовать». Болтливость без конца со [47] Стедингом; слышалась тоска. Подслушивали. Любим народом — это замечали иностранцы на праздниках; толпа за ним бегала. (Франц[узские] революционеры 1789 г. разграбили около Монбельяра [48] и выжили мать М[арьи] Ф[едоров]ны).

Нужда в деньгах, займы у своих служащих, кн[язя] Куракина; даже Потемкин платил [49] его долги будто; унижения. Дело придворного банкира Сутерланда (отравился в 1791). Ссужал из $2^1/_2$ мил. казенных денег Потемкину (800 тыс.) и др. В том числе Павлу. Сцена с следователем Державиным [50].

Слухи 1783 г. о *лишении* Павла престола возобновились в 1793 г. по случаю свадьбы Александра. Рассказ Державина ⊕[51] о сцене с Безбородком. Рассказ Лагарпа — как его хотели заставить подготовить Александра к престолонаследию мимо отца.

[44] *На полях:* — 317.
[45] *На полях:* — 319.
[46] Месье и мадам Наследнички (*фр.*).
[47] *На полях:* — 332 сл.
[48] *На полях:* — 335 *и карандашом:* в 1792 г. присоединено к Фр[анции].
[49] *На полях:* — 347.
[50] *На полях:* — 348.

[51] *На полях чернилами:* 366 *и карандашом:* Болотов ⊕, [т.] 2, § 64.

Занятия[52] его с в[еликими] князьями велено кончить к 1795 г.; а в мае уехал. Усиление уединения Павла с 1793 г.; становился все более мрачным, подозрительным и раздражительным; воображение наполнялось призраками; малейшее противоречие вызывало гнев, повсюду чуял революцион[ный] дух; во всех недостаток уважения к себе подозревал[53]. Этому, кроме плана о престолонаследии, содействовали еще 1) ужасы революции и свирепые вопли эмигрантов, вроде Эстергази, о подавлении революции кровью и железом. Этому влиянию подчинился Павел, стал антиревол[юционным] маньяком; везде чудились якобинцы: арест офицеров за несколько короткие косички. 2) Столкновения с людьми Ек[атери]ны, сцена с Зубовым за обедом в Зимн[ем] дворце. Суворову на его проказничанье в кабинете Павла: «Без этого мы понимаем друг друга». Сув[оров] г[ово]рил серьезно, а ушел в припрыжку, припевая: «Prince adorable, despote implacable»[54]. Придворное и все высшее общество было против П[авла]. Около никого преданного с добрым советом, ни Паниных, ни Репнина (в Вильне, а те †). Посылка письма Румянцеву с Котлубицким и ответ: «Если заболеешь, съешь его» (Румянцев). Холодность с друзьями, чтобы не повредить им благоволением (случай с адмир[алом] Черном[орского] флота Н. С. Мордвиновым). Преданных людей от П[авла] удаляли. Ростопчин и его коллекция⊕: «Так вот чем выходят в чины, а не талантом[55] и не гением». Его в деревню в 1794. Доверенные Павла в эти годы: камердинер Кутайсов, крещеный турчонок, доктор Фрейганг — отравлял Павла внушениями, *Аракчеев*. Другие доверенные обманывали его: бар[он] Борх по строит[ельной] части растратил 300 тыс., увеличив расстройство дел Павла, имевшего долгу 600 тыс.

В последние годы, летами, Павел раз в неделю приезжал в Царское к матери и детям из Павловска в назначенные дни с видом строгим, всем внушая страх, все[56] в струнку. Ек[атерина] заставляла Кон[станти]на передразнивать отца[57], и он чудесно исполнял это. «В Гатчине[58] все связано, формально и безмолвно». Майор Фрейганг: «Bin ich ein Mensch? So kann ich auch irren? Sind Sie Mensch? Dann können Sie auch verzeihen[59]», — и обнял. Орден с бантом Ростопчину[60]. Аракчеев в Гатчине с сентября 1792. Лосинные панталоны и: «Ступай домой; со временем я сделаю из тебя человека».

[52] *На полях:* Слух об отказе Александра по смерти Ек[атери]ны: Болотов, [т.] 2, 69—70 p[ages].
[53] *На полях:* — [Кобеко, с.] 372.
[54] Принц восхитительный, деспот неумолимый (*фр.*).
[55] *На полях:* — 378.
[56] *На полях:* — 388.
[57] *На полях:* — 396.
[58] *На полях:* — 397.
[59] *Я человек?* Значит я могу ошибаться? Вы человек? Значит Вы можете прощать (*нем.*).
[60] *На полях:* — 403.

По отъезде шведского короля 20 сентября 1796 П[авел] уединился в Гатчине, одинокий, полузабытый; время ему было в тягость; мысль, что слишком поздно станет царем.

Правящие боялись допустить до дел П[авла] с его особыми взглядами и правилами[61], ни с кем не связанного и независимого. К беспорядкам привыкли по давности. Действовали люди aux grandes idées[62], энергичные и находчивые, но не любившие вникать в подробности исполнения, следить за исполнителями, мало технически подготовленные или считавшие: правила — пустой формализм, а сила в даровитом усмотрении[63]. (Так Ермолов смотрел на положение Павла.) В 1774 по поводу замеченных беспорядков в управлении он писал Сакену: «Для меня не существует партии и интересов кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут[64] вкривь и вкось, и что причиною тому небрежность и личные виды; я скорее желаю быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за неправое (j'aime mieux être haï en faisant bien qu'aimé en faisant mal)».

Нравственная лихорадка от болезн[енного] ощущения зла и бессилия бороться с ним. Обед на мельнице 5 ноября и сон, рассказанный здесь: прошлой ночью — будто невидимая сила возносила его к небу. То же и в[еликая] княгиня; несколько раз просыпаясь и засыпая, то же чувствовали. На пути во дворец — курьер-гусар с вестью, что приехал шталм[ейстер] Зубов с важным донесением. — «Много ли Зубовых приехало?» — «Один». — «Ну, — сказал перекрестившись, — с одним-то справимся». Чем занята была мысль.

Характер. Саблуков: доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды[65], готовый каяться в ошибках, любитель правды, ненавистник лжи и обмана, заботлив о правосудии, гонитель всякого злоупотребления власти, особенно лихоимства и взятничества. К сожалению, все эти добрые качества становились совершенно бесполезными[66] и для него и для государства вследствие совершенного отсутствия меры, крайней раздражительности и нетерпеливой требовательности безусловного повиновения. Малейшее колебание в исполнении его приказаний, малейшая неисправность по службе влекли строжайший выговор и даже наказание без всякого различия лиц.

[61] *На полях:* К состоянию России.
[62] С великими идеями (*фр.*).
[63] *На полях:* 420.
[64] *На полях:* de travers — косо, криво (*фр.*).
[65] *На полях:* Прекрасное сердце и несчастный характер. Привязчивость: плакал, когда Салтыков, его гофмейстер, назначен был к его сыновьям (Кобеко, 263).
[66] *На полях:* Подозрительность к семье в конце царствования: им[ператри]ца без разрешения ни сыновей, ни невесток [не могла] принимать; оба сына [были] арестованы накануне и [их] водили в церковь к присяге (Семевский ⊕, [т.] I, [с.] 237).

Считая себя всегда правым, упорно держался своих мнений и был до того раздражителен от малейшего противоречия, что часто казался совершенно вне себя. Сам сознавал это и глубоко этим огорчался, но не имел дост[аточно] воли, чтобы победить себя. *Лопухин*: в П[авле] соединялись все противоположные свойства: только острота ума, деятельность и беспредельная [67] щедрость никогда не покидали. С детства страхи и подозрения, а безмерная энергия стеснялась невольным бездействием до немолодых уже лет. При редком государе м[ожно] было бы больше сделать добра для государства при усердии к отечеству окружавших. Ср[авни] отзыв его об отце [68]. Преданный ему *кн[язь] И. М. Долгорукий*: рассудок потемнен, сердце наполнено желчи и душа гнева. Коб[еко] приписывает перелом в характере и действиях Павла ослаблению [69] сдерживающего влияния жены (с осени 1798).

Ростопчин: История слишком строго судит его, но я могу засвидетельствовать, что ce souverain avec tous les moyens de régner glorieusement et de se faire adorer n'a jamais goûté un seul instant de bonheur et a fini tout aussi malheureusement qu'il avait vécu [70]. Письмо 30 июля 1801 г. *Гр[аф] С. [Р.] Воронцов* признает в последние 8—10 м[еся]цев: une démence visible [71] — (в вызове государям Европы в газетах) [72]. Je le plains plus que je ne le blâme [73].

Павел выступил с мыслию, что жизни осталось мало, а непорядков безмерно много. Отсюда спешность, горячность.

Положение государства в 1796 [*г.*] давало много работы преемнику Ек[атери]ны. Тогдашнее образованное русское общество, оплакивая ее, в ее деятельности больше всего отмечало «бессмертную славу, какую она приобрела во всем свете» [74]. Эта слава была новым впечатлением для русск[ого] общества, и в ней тайна популярности Ек[атери]ны: в ее всесветной славе общество впервые почувствовало свою международную силу, она открыла ему его самого; Ек[атери]ну любили [75], как любят [76] артиста, открывающего и вызывающего в нас нам самим дотоле неведомые силы и чувства; она нравилась потому, что чрез нее стали нравиться самим себе. С Петра, едва смея считать себя людьми и всего менее считая себя европейцами, русские вдруг

[67] *Исправлено из:* беспримерная.
[68] *На полях:* выше p[age] 36.
[69] *Вписано над:* прекращению.
[70] Этот государь, имея все возможности царствовать со славой и заставить себя обожать, никогда не испытал ни минуты счастья и кончил так же несчастливо, как и жил (*фр.*). *На полях:* — 425.
[71] Явное безумие (*фр.*).
[72] *На полях:* Записн[ая] кн[ижка] 2, 6—7.
[73] Я сожалею об этом более, чем осуждаю (*фр.*).
[74] *На полях:* Болотов, I, 164.
[75] *Над строкой:* восторгались.
[76] *Над строкой:* мы восторг[аемся].

почувствовали себя не т[олько] людьми, но и чуть не первыми людьми в Европе [77].

За это забывали ошибки внеш[ней] политики и не замечали недостатков внутреннего положения. Смелые и широкие реформы пока не давали осязательных желанных плодов. Видели внешние успехи и терпеливо выносили внутренние неудобства. По третьей ревизии 1762 г. ревизских душ обоего пола 14 727 096, в приобретенных провинциях (Малороссии, Финляндии, Лифл[яндии] и Эстляндии) 1 696 586, свободных людей 800 тыс.[78] Всего около *17 223 682*[79]. *По пятой* ревизии 1796 г. ревизских обоего пола 35 630 770[80]; столицы, военные и кочующие 2700 тыс. Всего *36 998 599*[81]. Главная причина роста населения — приобретения: с 1773 г. по картам 1796 г. ген[ерала] Оппермана, по первому разделу Польши — 1 226 966 об[оего][82] пола по Кайнардж[ийскому] миру и в 1783 [г.] — 171 610, по Ясскому — 42 708, по 2-му разделу Польши, 1793 г. — 3 745 663, в Курляндии — 387 922, по 3-му разделу, 1795 г. — 1 407 402. Всего *6 982 271*. По расчету Германа[83] население прежней России (без приобретений с 1721 г.) с первой ревизии по 1804 г. более чем[84] удвоилось, хотя Смит предполагает, что[85] в странах, издавна просвещенных, население удваивается в 5 столетий.

Доходы с 1763 по 1795 г. включ[ительно] более чем *учетверились* (с 16½ мил. до 68 323 тыс.), но постоянные дефициты и внешних долгов к концу царствования почти 44 мил. и внутренних до 82½ р. Ассигнаций до 1796 г.: выпущено до 150 мил. (по Кауфману). Он считает всех долгов не более 215 мил. Иностранцы принимали ассигн[ованный] рубль в конце Ек[атери]ны по 60 коп.[86] и меньше, а внутри лаж на серебр[яные] рубли 45 коп. Причины упадка курса (Болотов, 2, § 55). В 1727 внешний торговый оборот 4 мил. Около 1790 г. по Кастере торг[овый] оборот империи 50 мил. Расточительность: 500 руб. за 5 огурцов для Потемкина. При дворце угля на самовары на 50 тыс. в год, сливок на 250 тыс., угля на разжигание щипцов для парикм[ахера] на 15 тыс.[87] Шутка Левашова (Болотов,

[77] *На полях:* Первая мысль о роли в Европе, какая при Павле.

[78] *На полях:* Германа «Стат[истические] иссл[едования] относит[ельно] Р[оссийской] империи», 1, 34. [СПб.,] 1819 г.

[79] Ошибка в подсчете. Надо: 16 424 482. *На полях:* Точнее 18—19 мил. (Герман).

[80] *На полях:* В первые годы Алек[санд]ра рекрутов брали с 15 800 тыс. душ подлежавшего повинности населения (Богданович⊕, [т.] I, [с.] 185) по 5 ревизии и [т.] V, 130.

[81] *Ошибка в подсчете. Надо:* 38 330 770.

[82] *На полях:* по другим 1800 тыс. и даже 2 мил. (Кастера).

[83] *На полях:* ib. 41—42.

[84] *На полях:* в 82 года.

[85] *На полях:* Росла не столько внутренним развитием сил, сколько внешним наслоением масс.

[86] *На полях:* лаж=66 коп.

[87] *На полях:* ib. 1, 128.2,60.

1, § 129). Пл[атону] Зубову, Н. И. Салтыкову придворная контора на стол по 400 руб. в день, кроме напитков, прикомандированному к Зубову полк[овнику] Грибовскому [88] на стол, не стоивший и 5 руб., — 50 руб.

Россия после 1775 г. по закону стройное и величественное здание, в подробностях — хаос, беспорядок — картина мазками, рассчитанная на дальнего зрителя. О чем толки в обществе в 1796 г., по Болотову (ч. 1) [89]: о театре, о барских музыкантах (10 т. в Москве — § 268) о пасквилях на вельмож [90], о путанице от замены подушных хлебными взносами (введ[енными] 23 июня в 1794) [91], о волтерьянцах, роскоши, больше всего о казнокрадстве [92] и взятках: «Везде плутовство на плутовстве; сплетни, скопы, заговоры, замышляющие ограбление казны» [93]; целый суд — под суд [94]. Оправдание письма А[лександ]ра к Кочубею 10 мая 1796. *Ек[атери]на больше старалась* провести свои высокие идеи в созидаемый ею порядок, чем приблизить существовавший порядок к этим идеям.

Новые люди. Ген[еральный] прокурор Ал[ексе]й Б. Куракин вм[есто] Самойлова. Управлять канцелярией им[перато]ра Трощинский, первый секретарь у Ек[атери]ны. При канцлере кн[язе] Безбородке вице-канцл[ер] А[лександ]р Куракин, потом Кочубей. После Без[бород]ка канцлер гр[аф] Ф. В. Ростопчин, приблизившийся [в] 1792 [г.]. Как вошел в доверие коллекцией [95] и орденом св. Анны; надменность. Гр[аф] И. Кутайсов. Аракчеев (в Гатчине с сентября 1792 г.) [96]; гатчинская служба. Обер-гофмаршалом (по дворцовому хозяйству) первый богач гр[аф] Николай Петр[ович] Шереметев. Все назначены 6 ноября [97], при жизни Екатерины.

Первые распоряжения. Важные дела — старшим сыновьям [98]. Дисциплина в гвардии. Отмена набора по 10 человек с тысячи (предпис[ание] 13 сентября [17]96) [99]. Доступ к государю с просьбами и железный ящик при входе во дворец; ключ у Ал[ександ]ра; присылка просьб по почте; множество вздорных просьб и указ 6 мая 1799 г. против *недельных* просьб, прежние строгие указы о неподаче прошений прямо государю. Наказание дворовых [1]; гвардия в одну ночь выучивается новому артикулу —

[88] *На полях:* Записки, 5.
[89] *На полях:* ib. § 203, бонгутисты.
[90] *На полях:* О Суворове, на придворн[ом] балу танцевавшем раз 20 (в Новый год), § 204.
[91] *На полях:* Болотов, [ч.] 2, p[age] 19, п[араграф 19].
[92] *На полях:* Рекрутский набор с женами для поселения в Крыму, весь разворован Потемк[иным] и его креатурами: Болотов, [ч.] 2, [§] 45.
[93] *На полях:* — [ч. 1], § 179.
[94] *На полях:* — [§] 354 сл.
[95] *На полях:* Кобеко 377 и 403.
[96] *На полях:* — 404.
[97] *На полях:* Болотов, [ч.] 2, § 9.
[98] *На полях:* — § 7.
[99] *На полях:* — 12.
[1] *На полях:* — 15.

слезы П[авла] [2]. Восстановление денежной подати ([указ] 10 декабря 1796). Отмена разных мундиров и фраков для военных 7 ноября [17]96 г. Сбор отпускных гвардейцев [3], простота и дешевизна [4] мундиров; запрещение шуб и муфт. Освобождение Новикова, Радищева и др. Шуба с гвард[ейского] офицера, переданная будочнику [5]. На вопрос, кто будет иметь доступ к государю [6] с просьбами: «Все-все подданные и мне *равны*, и всем равно я государь». Выезды зимой в [7] сюртуке и на вахт-параде. Отмена многочисл[енных] столов при дворе и замена двумя — государевым и кавалерийским. *День Павла по часам* [8]. Покупки для дворца на рынке, не подрядами [9]. Гатчинский отряд в 1796 г.[10] 2527 чел[овек]. Боязнь гвардии за перевороты; 6 ноября он вступил в Петербург и слияние с гвардией [11], и кирасирского полка Павла; злоупотребления в гвардии; *выпуски*; кукольная комедия. Посмертная коронация Петра III [12]. На себя берет производство в чины [13]. Боязнь отмены закона 18 ф[евраля] среди дворянства [14]. Нечаянные приезды в присут[ственные] места рано по утрам [15] (7 ч[асов]). Сенатская волокита, на небо вопиющая [16], взятки («руки с ящиком»); обновление его [17]. Восстановление коллегий: Берг, Мануфактур и Коммерц [18].

Новые меры, резкости, слухи взбудоражили общество. Не проходило дня без новых указов; непрерывный поток новостей [19]; почты везде ждали с лихорадочным нетерпением; все вести мигом в народе, и все едва успевали впечатлевать все слышанное в свою память — толь великое было их множество; вся публика занималась единственно только о том разговорами. Анекдот из Петербурга царил над умами [20]. Остановка чеканки уменьшенных в весе серебр[яных] денег и новые добрые сер[ебряные] рубли; слух, что запрещен лаж на них и прекратился их оборот [21].

[2] *На полях:* — 17.
[3] *На полях:* 22, 63: слезы, хлопоты, скачка и гоньба по всем дорогам к Петербургу.
[4] *На полях:* — 23.
[5] *На полях:* 26.30.40.
[6] *На полях:* — 31.
[7] *На полях:* — 32.
[8] *На полях:* 34, 35. Сожж[?] несколько миллионов ассигнаций при себе.
[9] *На полях:* — 60.
[10] *На полях:* Кобеко, 399.
[11] *На полях:* Болотов, 61 и 62, p[age] 65, § 63; вред гвард[ейской] службы (с. 96).
[12] *На полях:* — с. 77.
[13] *На полях:* — с. 81.
[14] *На полях:* — § 75.
[15] *На полях:* — § 94.
[16] *На полях:* к Ек[атерине] II.
[17] *На полях:* — § 98.
[18] *На полях:* — 89. Дмитриев⊕, 1, 72.
[19] *На полях:* Новые люди, порядки, указы, требования.
[20] *На полях:* стр. 53 и 120.
[21] *На полях:* — стр. 57.

Главные реформы и их принципы[22]. Никогда законодательство не шло таким ускоренным темпом, м[ожет] б[ыть], даже при[22] Петре I: перемены, новые уставы, положения, на все новые точные правила, всюду строгая отчетность. Новые штаты[23] флота 1 января 1798 г. (в Балт[ийском] 45 кораблей на 3 дивизии флагов белого, синего и красного, Черном[орский] одна дивизия на 3 эскадры). Новые положения об одежде и обуви морских чинов. Морской устав 25 февраля 1797 г. и мундир морской. Полные штаты армии 5 января 1798, точные правила рекр[утских] наборов, чинопроизводства, увольнений; запрет употреблять воин[ских] чинов по частным надобностям. Ген[ерал]-авдиториат по военно-судной части (учрежд[ен] 24 января [17]97). Новый воинский устав 29 ноября [17]96 г. по строевой части и службе. Войска обмундированы по-прусски, неудобно и некрасиво, но однообразно[24]. Всюду стеснение власти отдельных начальников, усиление учреждений (Воен[ная] колл[егия] — президент Ал[ександ]р). Передвижение, распределение, личный состав — самому себе[25]. Главнокомандующие — каждые 2 недели доносить о состоянии войск; прямые сношения им[перато]ра с шефами полков и отдельных команд, даже по мелким подробностям службы и личного состава. То же в сношениях с послами — рескриптами, прямо от них получал донесения и сам [писал] резолюции.

Несочувствие привилегиям особенно в сословном законодательстве. По двор[янской] грамоте 1785 г. телесное наказание *да не* коснется до благородного. Доклад Сената 2 января 1797 г. об отставном прапорщике Рожнове, за хулу икон и дерзкие слова о владетельн[ых][26] государях, подлежавшем смертной казни, но по закону 1754 г. — кнуту. На докладе[27] 3 января[28] известные слова. *По ук[азу] Сената 13 апреля* 1797 дворян, гильд [?] граждан, свящ[енников] и дьяконов (за несколько месяцев освобожденных) наказывать телесно за уголовные преступления. В 1798 (с. 449) новыми губ[ернскими] штатами 31 декабря [17]96 г. Ук[аз] 4 мая [17]97 запрещает коллект[ивные] прошения, след[овательно] и дворянские *ходатайства* (с. 428); закрыть средние судебные инстанции[29] в губерниях и пытались

[22-22] *Текст выделен на полях карандашом и знак:* В.

[23] *На полях:* Милютин, 1, гл. 2.

[24] *На полях:* С пудрен[ыми] буклями и башмаками.

[25] *На полях:* 1800 г. Начальникам губерний — 1 и 15 ч[исла] каждого месяца государю рапорты о происшествиях, пожарах, скотских падежах, нечаянно умерших (Р[усская] ст[арина], 1871, 637⊕) и потерпевшим оказывать помощь.

[26] *На полях:* Славатинский⊕, 235. *В стороне:* Мысль о крестьянах в ук[азе] 5 апреля — едва блеснула, не развившись в учреждение; запрет продажи без земли в Малор[оссии] 1798 г. ((Славатинский, 301)). Устройство гос[ударственных] и удельных ((Ил.)): дополнение учреждений **1775 г.**

[27] *На полях:* Соловьев, 369.

[28] *Вписано над зачеркнутым:* сентября.

[29] *На полях:* Славатинский, 466.

в земские суды назначать; но в палатах [30] заседатели выбирались дворянством и город[скими] [31] обывателями. В 1799 [г.] отменены *губернские* собрания и *выборы* [32] и на выборные должности выбирали по уездам; дворян[ским] деп[утатским] собраниям запрещено выдавать грамоты на дворянство в 1796 [33]. Чрез несколько дней по воцарении П[авел] отменил в присоединенных от Польши областях учреждения 1775 г. и восстановил прежнее [34] управление и судоустройство (30 ноября 1796 — с соединением 3[-х] малоросс[ийских] наместничеств в одну Малорос[сийскую] губернию, в 1797 то же в других приобрет[енных] областях — Литве, Белоруссии, даже польский яз[ык] в судопроизводстве). Подобное в Остзейск[ом] крае (1796).

Особая забота П[авла] охранить государство *от революц[ионного] влияния и якоб[инского] духа:* круглые шляпы, трехцветные материи. Одним из средств — дисциплина жизни, даже в языке [35]. Циркуляр по Петер[бургской] губ[ернии] от ген[ерал]-прокур[ора] Куракина 29 декабря 1796 г., чтобы присут[ственные] места в бумагах «изъяснялись самым чистым и простым слогом, употребляя всю возможную точность, а высокопарных выражений избегать» [36]. Изъятие некоторых слов: вм[есто] [37] *врач* — лекарь, *сержант* — унтер-офицер, *граждане* — обыватели, *отечество* — государство, *степень* — класс, *отряд* — деташ[емент] или команда; *общество* — вовсе не употреблять, без замены. Городским обывателям при проезде государя запрещались *депутации* с хлебом и солью, ибо чиновникам, городским и сельским обывателям запрещено чинить встречи и приготовления [38]; недопущение «сочинений, могущих нарушать общее благосостояние», запрещение ездить в городах на дрожках и цугами в хомутах; чтобы мундир или немецкое платье носящие не имели *тупеев*, на лоб отпущенных; мещанские и цеховые собрания, прежде называемые *клубами*, уничтожить, и впредь [39] нигде таковых не заводить (1799 г.).

Меры прочные: заботы о просвещении, дух[овной] академии. *Акт* и *учреждение* 5 апреля 1797 г. и их историческое значение; устройство каз[енных] и уд[ельных] крестьян.

Значение царствования, которому принадлежат самый блестящий выход России на европ[ейской] сцене и самый важный закон внутреннего порядка. Превосходные идеи и плохая их разработка: в этом сходство с З[ападной] Европой XVIII в.: программа за-

[30] *Над строкой:* Н.
[31] *На полях:* — 270.
[32] *На полях:* — 457.
[33] *На полях:* — 463.
[34] *На полях:* — 476.
[35] *На полях:* Обряды при встрече с государем.
[36] *На полях:* Р[усская] ст[арина], 1871, т. 3, 531 и сл.⊕
[37] *На полях:* 1797 г.
[38] *На полях:* Ib. 632 и сл., особенно № 28.
[39] *На полях:* Деньги за пазухой у офицеров: Пыпин⊕, с. 50.

стала врасплох своих составителей. Павел вступил на престол с силами нерастраченными, но расстроенными по вине несчастных противоречий его положения. По живости и впечатлительности всегда готовый сбиться с колеи, он для равновесия искал опоры в семье; но как сам он был со дня рождения вырван из родного гнезда, так потом и *его семья представляла разоренное гнездо.* Память об отце отдалила его от матери, а мать, оторвав от него собственных его детей, сперва поселила отчуждение между ними и отцом, а потом недоверие. *Он вырос* с с[амыми] добрыми стремлениями; но обстановка, отношения привили к ним дурные инстинкты, досаду, нетерпение, подозрительность и отравили. Продолжительный и вынужденный досуг дал безграничный простор его воображению, которое постепенно убило в нем чутье действительности, понимание механики общежития, сделало его принципиальным, математич[еским] правителем, но не практичным, готовым для порядка расстроить всякий порядок. *По недостатку общения* с действительными предметами он привык иметь дело со своими послушными образами. *В уединении* мало сталкиваясь с независимыми людьми, он не привык сдерживать себя, не выработал самой трудной власти — над собой. Отсюда его нетерпение, любовь к математич[еской] точности и порядку, стремление все устроить, всякое зло пресечь *сейчас и разом,* искоренить злоупотребление одним взмахом воли. Он контраст матери: у той идеи не разделывались в практич[еские] подробности порядка, у него в мелочах порядка терялись идеи [40]. Ненормальные поступки Павла (Шумигорского, гл. XI, ⊕ 321—324). Отношение [41] к Зап[адной] Европе при Павле — отрицательное, наступательное во вн[ешней] политике, оборонительное во внутренней, там и здесь консервативные *участники* европ[ейской] [41] жизни, не сторонние зрители.

Павел [42] получил воспитание более заботливое, чем осторожное и обдуманное, давшее [?] мало сдержан[ности] недостаткам его темперамента [43].

Отношения к императрице-матери поставили его в ложное положение вероятного наследника, готовившегося к высокой государств[енной] деятельности, но рассчитанно удаляемого от государственных дел.

По возвращении из заграничного путешествия, с 1783 г. П[авел] уединяется в Гатчине и становится оппозиционным наблюдателем текущих дел в государстве и под влиянием этих наблюдений вырабатывает свою особую программу управления.

С самого начала царствования (6 ноября 1796) в многочисленных распоряжениях по разным отраслям управления, особенно по военной, он проводит два главных начала этой програм-

[40] *Далее текст написан карандашом. Приписка к строке:* Далее листок.
[41–41] *Текст очерчен на полях карандашом.*
[42] *На полях:* Конспект. *Над строкой вписано:* род[ился] 1754 г.
[43] *На полях:* Порядок и дисциплина, законность (36—37, 38 f).

мы — устранение *привилегий* и изъятий (во имя равенства перед законом) и однообразного *порядка* (во имя закона, взамен личного усмотрения).

Эти начала особенно явственно выражены: 1) в акте о престолонаследии и учреждении об импер[аторской] фамилии 5 апреля 1797 г., 2) в узаконениях о сословиях (в изменении жалов[анных] грамот 1785 г., в указе 5 апреля [17]97 о крестьянской барщине) [44].

АЛЕКСАНДР I

Воспитание. Род[ился] 12 декабря 1777 и тотчас на [45] руки генеральше Бенкендорф, в особых у Ек[атерины] покоях. То же с Конст[антином], род[ился] 27 апреля 1779 г. [В] 1783 г. главный надзор за воспитанием внуков [был поручен] Н. И. Салтыкову, обер-гофмей[стеру] [46] Павла вм[есто] Панина (род[ился] 1736 г.) с 1773 г. Грибовский, статс-секр[етарь], о нем: *роста о[чень] малого, в[есьма]* [47] *худощав, с востреньк[им] носиком, всегда* осклабл[енным] лицом; высоким напудр[енным] и напомаж[енным] тупеем, прихрамывал, стоя подергивал штаны с левой стороны, мундир всегда нараспашку и подпирался костыльком, хорошо знал придворную науку, но о делах госуд[арства] имел знание поверхностное; в делах своего ведомства зависел от своего секретаря, а в домашних — неограниченно [от] супруги, *писал по-старинному* с трудом, случайным раболепствовал, падших чуждался. Главное участие Лагарпу, приехавшему в 1783 [г.] по рекомендации Гримма. Наказ Ек[атерины] 13 марта 1784 [г.] Салтыкову *в духе Локка.* Устранение *родителей* [48]. Нравственное влияние Лагарпа [49]. Кажется, Л[агарп] лил масло в огонь, развивал свойства воспитанника, которые следовало сдерживать, впечатлительность [50], *мимолетную моционную чувствительность, кокетство оплакиваемыми* пороками. Всего

[44] *Далее текст написан чернилами.*

[45] *На полях:* Кобеко, 262.

[46] *На полях:* — 75 и — 98.

[47] *На полях:* Саблуков⊕: «Оба в[еликих] князя (Александр и К[онстантин]) смертельно боялись своего отца и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, бледнели и дрожали как осиновый лист». Анекдот о Кон[станти]не. Локк и глухота Александра (Массон ⊕, с. 215). Свидание с родит[еля]ми — А. Тургенева. «Бабушк[ина] Азбука»⊕ — 211 изречений, элемент[арных] сведений и поучит[ельных] анекдотов. В Инструкции — «История» и «Законы росс[ийские]»; русское письмо и язык как можно лучше; от 11 до 15 лет главный предмет — *изучение России* всестороннее (Богданович. [т.] I, 11 сл). Искусство учителей буд[ет] состоять в том, чтобы всякую науку облегчить ученикам колико возможно (Ib. Прил[ожения к введению, с.] 13). *Учение* или знание — лишь средство от праздности и способ познания естеств[енных] их способностей.

[48] *На полях:* — 265. Создать новую породу людей без уч[астия] род[ите]лей.

[49] *На полях:* особый лист.

[50] *На полях:* Лагарп (Пыпин, 20.21); умиление или негодование — **ниже**.

хуже ранняя женитьба в 1793 [г.] на принцессе Баденской Ел[изавете] Ал[ексее]вне (ему не было 16, ей шел 15-й). Перерыв занятий и развития: *его заставляли сознавать себя взрослым, прежде чем он перестал чувствовать потребность в несовершеннолетии.* Занятия то и дело прерывались, а в 1794 г. по известной интриге и совсем прекратились[50a].

Воспитание нескладное. Лагарп — «фанатик отвлеченной мысли» и потому плохой психолог. Нравственное самоуничтожение, которому он подвергал учеников, штука еще хуже бехтеевских газет; там был только обман; здесь — насилие. Заставить[51] почувствовать[52] вину — это влияние[53], заставить *признаться* в ней — это *принуждение*[54]. Л[агарп] смешивал эти акты; сознание может действовать[55] и без *признания;* но последнее обыкновенно ослабляет, гасит даже первое, как уплата погашает долг и приучает казаться[55]. Далее[56], противоположением *идеала человеч[еского] совершенства* действительности, особенно русской, он отчуждал Александра от окружающего, развивал в нем уединенное самодовольство[57], настроение человека, чувствующего себя[58] выше среды и ею непонимаемого, оправдывая его ленивое нежелание изучать и понимать ее. При таком настроении *самоуничижительные признания* могли служить пищей притворства, самомнения[59] и самолюбия, *лекарство — пищей для болезни*: при наклонности гордиться и любоваться собой можно гордиться и любоваться собственным смирением[59a].

Склад характера. Александру вечно приходилось вращаться между двумя противоположными течениями, из коих ни одно не было ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в *разлад с самим*

[50a] *На полях карандашом:* F

[51] *На полях:* Проф[ессор] Крафт — эксперим[ентальной] физики. Возражение 12-летн[его] Александра на гипотезу Ньютона об истечении света из солнца. Массон, полк[овник] — математика. Русск[ая] словесность, р[усская] история и нравств[енная] философия — М[ихаил] Никит[ович] Муравьев. Тетради для записи проступков под дикт[овку] Лагарпа (Массон, 2, 160). Отсюда замкнутость, боязнь чужого взгляда в душу. Из навязанной боязни не понравиться развилось усилен[ное] старание всем понравиться.

[52] *Над строкой:* сознать.

[53] *Над строкой:* педагогия.

[54] *Над строкой:* исповедь, полиция, или суд[ебное] след[ствие].

[55–55] *Текст очерчен на полях красным карандашом.*

[56] *На полях:* Подделка истории, как подписи к иллюстрации, отвлеченной картинке (Шумигорский, XI, 310. Пыпин, 21): выделывал, а не учил или воспитывал уроками истории полит[ический] образ мыслей. *По подобранной истор[ической] выкройке кроил* взгляды ученика, а не упражнял мышления на ист[орических] фактах с их беспоряд[очной] смесью добродет[елей] и пороков. *Вся вставка очерчена красным карандашом.*

[57] *Слово исправлено из:* самолюбие.

[58] *Два слова вписаны над зачеркнутым:* стоящего.

[59] *Два слова вписаны над:* самодовольства.

[59a] *На полях:* L

собой. В детстве — между бабушкой и родителями, в ранней молодости — м[ежду] отцом и матерью, в учебной комнате — между атеистом Лагарпом и ортодоксальным Самборским (учителя полемизировали друг с др[угом] [при] Александре (Пыпин, 24), между несогласн[ыми] наставниками, которые на нем, на его сознании и совести разыгрывали вражду своих вкусов и убеждений, наконец, на престоле — между конституц[ионными] идеалами и абсолют[истскими] правами[60]. Такие условия не могли выработать открытого характера. Его обвиняли в двоедушии, притворстве (*северный Тальма, визант[ийский] грек*) в наклонности казаться, а не быть. Несправедливо[61]. Александр не имел нужды притворно[62] казаться тем, чем хотел быть; он [63] только не хотел показаться тем, чем он был на самом деле[63]. Притворство — порок, скрытность — недостаток вроде глухоты и т. п.

В мать[64]. Природа одарила его щедро с[амыми] любезными качествами. Le ciel le destine peut-être à rendre 30 millions d'esclaves plus libres[65]. Счастливый, но пассивный х[аракте]р. Se laissant trop aller aux impulsions étrangères, il ne s'abandonne pas assez à celles de sa raison et de son coeur. Malgré ses heureuses dispositions il est menacé de devenir un jour la proie de ses courtisans et même celle de ses valets[66].

Характеристика. Он не столько любил людей, сколько старался, чтобы они его любили; больше расположен осыпать милостями, чем награждать по заслугам.

Политические убеждения (Пыпин, 26—29; 58[67], законность: 61, 64i). Трудность практического их осуществления: это больше мечты или смутн[ые] желания, чем государственные идеи, заключающие в себе и средства своего осуществления, больше *настроение политическое*, чем правительственная программа. На престол с мыслью о коренной реформе; она сложилась 1) из идей XVIII в., 2) из соображ[ений], непроверенных изучением, о должном ходе[68] дел в России[69]. Впечатление воцарения на об-

[60] *Над строкой вписано:* привычками.
[61] *Над строкой вписано:* Неточно.
[62] *Три слова вписаны над словом:* мог.
[63–63] *Вписано над словами:* но он и не стал тем, чем должен был казаться, не желая этим быть.
[64] *На полях:* Массон 139.
[65] Небеса предназначали ему сделать более свободными 30 миллионов рабов (*фр.*).
[66] Слишком часто подчиняясь странным импульсам, он недостаточно слушался голоса разума и сердца. Несмотря на свои счастливые качества, ему угрожает стать в один прекрасный день добычей своих придворных и даже слуг (*фр.*). *На полях карандашом:* Пыпин, 35.
[67] *На полях:* 29, 37. Полит[ическая] и нравств[енная] сент[иментально]сть.
[68] *Шесть слов вписаны над:* наблюдений над ходом.
[69] *На полях:* больше нужд общих, чем наличных средств и насущных потребностей.

щество[70]. Новые советники;[71] заседания неофициального Комитета. Первые указы и их мотивы.[72]

Приступ к двум труднейшим вопросам века: 1) образованию центр[ального] управления, 2) устройству положения крепостных крестьян.

Этого ждали в обществе[73]: записка, найденная во дворце с восторженными чаяниями — он даст нам непреложные законы, повелит в пространстве России избрать старцев, достойных беспредельнейшей доверенности своих сограждан и, поставив их вне сферы честолюбия и боязни, уделит им весь избыток своей власти, да охраняют святая святых отечества. Он обеспечит права человечества в помещичьих крестьянах, введет у них собственность... и сие не законом, могущим поколебать нынешние общ[ественные] связи, но *постепенностью обычая.* Каразин, пытавшийся при Павле бежать за границу, чтобы укрыться от «жестокости» его правления; Пав[ел] дозволил даже поступить на службу. Неясность[74].

Трудность первого вопроса в подыскании форм, которые, не разрывая с историческим преданием, выражали бы новые идеи[75], но не *возглашали* их громко, могли бы действовать в ожидании новых начал гос[ударственного] порядка. Александр и советники опасались даже «невежества» сенаторов. План действий: ***политическим*** принципам предпосылать *админ[истративные]* реформы. В протоколе заседания неоф[ициального] Ком[ите]та 17 марта 1802 г. записано, что Нов[осильце]в сообщал Лагарпу начертание организации будущего управления, как понимал его в будущем, «когда у нас окажется возможным ввести представит[ельный] образ правления»[76]. След[овательно], надеялись создать формы в ожидании, что время наполнит их содержанием.

[70] *На полях:* Пыпин, 53. Де-Местр.

[71] *На полях:* — 57, 70, 72 i, 96. Кочубей учился в Женеве, потом был в Лондоне. Новос[ильцев] изучал англ[ийские] учрежд[ения] в Англии. Строганов, кузин Нов[осильце]ва, и Ромм, с ним в Париже 1789—90, посещал Нац[иональное] собр[ание] и был членом Якоб[инского] клуба. Карамз[ин], почитатель Роб[еспье]ра; детей М. Н. Мурав[ьева] воспитывал якобинец. У Салт[ыкова] гувернер брат Марата (Пыпин, 70, 73). Чарт[орыйский], Новос[ильцев] и Строганов — inséparables (неразлучные (*фр.*). О Строганове (Кобеко, 3[-е] изд., [СПб., 1887] 425).

[72] *На полях:* — 58, 64; не увел[ичение] податей: — 61—4.

[73] *На полях:* Лонгинов⊕, 357.

[74] *На полях:* Семевский, I, 239; Р[усская] ст[арина], 1871, т. 3, с. 326⊕.

[75] *На полях:* Мысль Державина об участии двор[янских] обществ в определении должн[остных] лиц. Сбор через губ[ернские] правления справок о неслужащих, желающих служить, баллотировка на двор[янских] собраниях этих желающих, формулярные списки с баллами в герольдию с отзывом губ[ернато]ра. Общий список из этих губернских, по которому герольдия по числу голосов Сенату на каждую вакансию 2—3 кандидата. Указ 4 февраля 1803 г. Не исполнено Славатинский, 447.

[76] *На полях:* Пыпин, 96.

Учреждение[77] Непременного совета-1801 [г.]. Постоянный совет для рассмотрения важных госуд[арственных] дел. Ук[аз] 30 марта 1801 (Корф⊕, I, 91; Лонгинов, 359). Указ 5 июня 1801 г. Сенату представить доклад о *сущности* прав и обязанностей своих[78], цель. Указы 8 сентября 1802 г. о преобразовании[79] Сената и учреждении министерств. Преобразуя[80] l'édifice informe du gouvernement de l'empire[81], создавали учреждения, которые самой организацией и деятельностью, без манифестов и статей, незаметно пустили бы в действие новый порядок. Сравнение новой центральной администрации с прежней; новое распределение дел, новые ведомства (внутр[енних] дел[82] и просвещения), новый состав учреждений (единоличное начало вм[есто] коллегиального). Комитет министров. Как выяснялся смысл учреждений: право Сената на представления[83] и ответственность министров (Дмитриев, 1, 88 и 92i).

Приступ к устроению общества. Сословный состав р[усского] общества. Сословное деление по госуд[арственным] повинностям. Определение прав сословных в XVII и XVIII вв. Развитие крепостного права в связи с сословным складом общества. Положение крепостн[ого] права к концу XVIII в. Уравнение общества посредством сложения спец[иальных] повинностей и обобщения прав. Александр против исключительных преимуществ и за[84] равенство и потом восстановление совместной деятельности сословий. При самом приступе множество затруднений в деле, казавшемся простым[85] от привычки. О выкупе дворовых в неоф[ициальном] Комитете. Предложение ген[ерал]-прокурора Беклешова Гос[ударственному] совету 6 мая 1801 г. обсудить о непродаже людей без земли, с проектами указа. В записке ген[ерал]-прокурора: определить точно положение крестьян и дворовых при господской власти без нарушения порядка и общей пользы. Совет нашел вопрос несвоевременным; вызовет волнение в простом народе[86]. Запрещение печатать объявления о беззем[ельной] продаже крестьян 28 мая 1801 г. (Пыпин, 60). При вторичном обсуждении Совет согласился, но мера[87] не была принята (1802 [г.]). Прекращение *пожалований*[88]. Указ 12 декабря 1801 [г.] — «преддверие уничтожения самого рабства», как [называли] современники, право приобретать всякие земли без кре-

[77] *На полях:* Путята⊕, [с.] 427; Пыпин, 144.
[78] *На полях:* Пыпин, 62.
[79] *На полях:* Дмитриев, 1, 87.
[80] *На полях:* — 81.
[81] Бесформенное правительственное здание империи (*фр.*).
[82] *Два слова вписаны над зачеркнутым:* полиция.
[83] *На полях:* — 111. Фонвизин⊕, 91.
[84] *На полях:* Пыпин, 83. — 146.
[85] *На полях:* Лонгинов, 362.
[86] *На полях:* Семевский, 1, 239.
[87] *На полях:* — 248.
[88] *На полях:* Славатинский, 241. По Город[скому] полож[ению] именитые гражд[ане] могли иметь загородные дворы и сады.

стьян всем росс[ийским] подданным, кроме крепостных. Указ *20 февраля* 1803 г. о вольных хлебопашцах[89] и его значение[90].

Второй приступ к реформам (по заключении Тильзит[ского] мира). Удаление[91] первых советников. *Сперанский.* Род[ился] 1772 г. в с[еле] Черкутине (40 в[ерст] от Владимира). Главная Александроневская семинария, учрежд[енная] 1788 г. — будущая Академия. В январе 1790 г. туда вызван Сп[еранский].[92] Математика и философия. У Алексея Куракина. 20 декабря 1796 г. о увольнении из дух[овной] службы и из магистра богословия в январе [17]97 в титул[ярные] советники и чиновник канцелярии ген[ерал]-прокурора[93]. Куракина сменил П. В. Лопухин, его — Александр Ан[дреевич] Беклешов. «Знал ли ты прежних ген[ерал]-прок[уроров]? — ([спросил] Павел при первом свидании): какой был ген[ерал]-пр[окурор] Куракин? какой — Лопухин? Ты да я, я да ты: вперед мы одни будем дела делать».[94] Обольянинов, ген[ерал]-провиантмейстер (1800 [г.]), почти безграмотный запальчивый; Александр и К[онстанти]н бывали с визитами. Спер[анский] у Обольянинова[95]. Нашел покровителя в Ростопчине. Сочинение комм[ерческого] устава в Гатчине. При Александре в 1801 из экспедитора[96] ген[ерал]-прокур[ора] канцелярии в статс-секрет[ари] 3-й экспедиции канцелярии Гос[ударственного] совета[97], в 1802 — [180]3 г. в одно время с образованием министерств — директор департ[амен]та[98]. Новый стиль бумаг, «*Санкт-Петербургский журнал*», отчеты министерства. Доклады государю с 1806 г. по болезни Кочубея. Отставка Кочубея (в ноябре 1807 г. кн[язь] Алексей Куракин). Выход Сп[еранского] из мин[истер]ства[99] с оставлением ст[атс]-секретарем (по особым поручениям государя). По возвращении из Эрфурта один при Александре (Коч[убей] в отставке, Чартор[ыйско]го, Будберг, Строган[ова] — в армию, Новос[ильцев] — сенатор, его в[100] докладах по юстиции Спер[анского]); товарищ мин[истра] юстиции[101].

Проект преобразования госуд[арственного] управления был готов в октябре 1809 г. Рассмотрение его Александром (от Каби-

[89] *На полях:* и ук[аз] 7 сентября 1804 г. (Лонгинов, 362 сл.).

[90] *На полях:* — Просвещение (Путята, 432). Устав 1803. 4 ун[иверсите]та, 42 гимн[азии] и 405 прочих училищ Мин[истерства] н[ародного] пр[освещения]; содержание их 1319 тыс., не считая в друг[их] ведомствах (Арсеньев⊕ 1, 244). На все уч[ебные] заведения 1802 г. 2150 тыс. из 44 мил. всех расходов. 55? (Семевский, 1, 255).

[91] *На полях:* Путята, 440, 445.

[92] *На полях:* Корф, 1, 17.

[93] *На полях:* — 46.

[94] *На полях:* — 49.

[95] *На полях:* — 53.

[96] *На полях:* — 64.

[97] *На полях:* — 91, 97.

[98] *В тексте ошибочно:* департ-ма.

[99] *На полях:* 100.

[100] *На полях:* Знаменский⊕, 4.

[101] *На полях:* — 106.

нета государева до волостного правления). Порядок исполнения колосс[ального] плана (по 1 сентября 1811 г.): Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразится[102] (докл[адная] зап[иска]. Предвестники нового порядка — указы 1809 г. Преобразование Гос[ударственного] совета и министерств[103] и план преобразования Сената.[104] Изложение *проекта.*

Неудача плана не уменьшает его значения для нас: важно не его действие, а его появление, оно вскрывает процесс нашего полит[ического] развития. В Европе возникли движения во имя идей, тревожившие Россию. Она шла против этих движений и возвращалась домой с вызвавшими их идеями, подавляя следствия, усваивала причины. План был кабинетным опытом р[усского] правительства сделать для своего народа то, что на З[ападе] народы пытались сделать для себя вопреки своим[105] правительствам[106].

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ (1801—1812)

Консульство и империя. Как задача, завещанная революцией — построить новый порядок из развалин старого и новых начал, разрешалась в самой Франции.

1. Конституция VIII г. (декабрь 1799) удержала[1] только форму[2] республики и народовластия, а на деле установила[3] военную монархию в лице 1[-го] консула, дав ему права государя (замещение должностей и право нач[альника] над сух[опутными] и мор[скими] сил[ами][4]) и подчинив ему народное представительство и местное управление[5].

Состав и значение Охран[ительного] Сената, Трибуната, Зак[онодательного] корпуса и Гос[ударственного] совета: Совет возбуждал[6], не обсуждая и не решая; Трибунат, обсуждал, не предлагая и не решая, Зак[онодательный] к[орпус] решал, не возбуждая и не обсуждая. От такого раздробления функций деятельности гибла энергия и самостоятельность всего организма. Страна — больной в строгих рамках диеты. Тройной список нотаблей[7] — общинных, департаментских и национальных (5000), из которых высшие должностные лица, депутаты, министры, члены кассац[ионного] суда, члены Сената. Префекты, диктаторы в ми-

[102] *На полях:* — 112.
[103] *На полях:* Дмитриев, 2, 13 сл.; Пыпин, 146.
[104] *На полях:* — 156 сл.
[105] *На полях:* Падение Сперанского (Дмитриев, 3, 30); Киселев ⊕, (2, 209): разговор с Никол[аем], 1834 г.
[106] *Далее половина страницы оставлена чистой.*

[1] *На полях неразборчивое слово.*
[2] *Слово вписано над:* вид.
[3] *Слово вписано над:* создала.
[4] *Шесть слов вписаны над:* войны и мира.
[5] *На полях:* § 2 отд[ельный] л[ист].
[6] *Слово вписано над:* предлагал.
[7] *На полях:* Народу держ[ать] право без возможности им пользоваться.

ниатюре, при них выборные советы с совещ[ательным] голосом, под префектов и мэров. Вся конституция более для исправления умов и нравов, чем управления страной. Сиейс и шкаф в Люксемб[ургском] дворце.[8] Гражд[анское] Code N[apolen'a] — равенство.

2. Мысль Наполеона примирить[9] партии и сохранить плоды революции под монархическими формами скоро сменилась стремлением возвратиться к прежним обычаям, понятиям и порядкам[10], восстановлением христианского богослужения и конкордатом с папой.[11] (15 июля 1801 г.) он установил отношение[12] церкви в государстве, учреждением ордена Почетного легиона[13] полагает[14] основание новому военному дворянству.

3.[15] Расширение власти 1[-го] консула вызывает покушения и заговоры против него[16] (адская машина — декабрь 1800 г., замысел Кадудаля[17] и Пишегрю — февраль 1804 г.), а заговоры служат[18] поводом к провозгл[ашению] пожизненн[ым] консулом[19] (сенатск[ий] декр[ет][20] 2 августа 1802 г.), а потом наследственной империи (18 мая 1804 г.) Энгиен. 15 марта 1804 г.

4.[21] Учреждение империи сопровождалось восстановлением титулов, чинов, привилегий[22], стеснением республиканских учреждений[23] (упразднение Трибуната, 1807 г.) и успехами экономического развития страны[24].

5.[25] Расширению и упрочению власти Н[аполео]на во Франции содействовали (при восстановлении внутреннего мира и порядка) и внешние успехи. Миролюбивые предложения 1 консула Англии и Австрии отвергнуты. Победы при Маренго

[8] *На полях:* В е б е р, XIV, 91.

[9] *На полях:* 3; *далее синим карандашом:* 19-я; *далее простым карандашом:* 10 декабря.

[10] *Слово вписано над:* отношениям.

[11] *На полях:* М и н ь е, 2, 324; слова Дельмаса ⊕ — 325. Респ[убликанский] календ[арь] ab. с 1 января 1806 г.

[12] *Два слова исправлены из:* устанавливает положение.

[13] *На полях:* — 325 — 8 май 1802 г. *На нижнем поле приписано:* «Ни якобинцев, ни роялистов, а пусть все просто французы».

[14] *На полях:* что из революции спасено Нап[олеоном]: равенство, одинаковые права и обяз[анности], право собственности зем[ельных] крестьян. Шапталь.

[15] *На полях:* 5.

[16] *На полях:* 3 нивоза — 24 декабря.

[17] *На полях:* М и н ь е, 2, 332.

[18] *На полях:* — 333.

[19] *Три слова исправлены из:* установлению пожизненного консульства.

[20] *На полях:* Перенесение верх[овной] власти народа в Сенат в декр[ете] 2 августа 1802 г. (М и н ь е, 329). Канонизация Наполеона и возврат к старым принципам (337—8).

[21] *На полях:* 6.

[22] *Над строкой вписано:* служебн[ый] аристокр[атический] состав ее (В е б е р, 212).

[23] *На полях:* М и н ь е, 324. 2, 337 f.

[24] *На полях:* В е б е р, 199.

[25] *На полях:* 4.

(14 июня 1800 г.) и при Гогенлиндене (3 декабря) заставляют[26] Австрию заключить[27] Люневильск[ий] мир (9 февраля 1801 г.)[28] и восстановить уничтож[енные] Сув[оровым] 1799 г. услови[я][27] договора в Кампо-Формио, а распадение 2-ой коалиции, этим довершенное, побуждает и Англию к примирению с Францией по Амьенскому договору (27 марта 1802 г.).

Третья[29] *коалиция.* Сила войска во Франции создана была революцией: рев[олюция] погубила своих вождей, осталась без способностей; без крупных людей; напротив — война вызвала дарования в лагере. Войско осталось и единственным средством восстановления порядка. На этом карьера Наполеона[30]. Н[аполеон] и его люди — это искатели приключений, политические аферисты, которые рисковали всем, п[отому] что им нечего было терять: все, чем они владели, было чужое, краденое или отнятое; в этом их преимущество пред противниками, *хозяевами,* радевшими о своем добре не только потому, что оно было *свое,* но и потому, что их считали владеемые *своими,* прирожденными государями. Наполеон высоко ценил честность, как прекрасное средство обмана, и не терпел лжи, как посягательства на свою монополию. Итальянцы, вследствие полит[ического] раздробления Италии, люди без отечества, космополиты, авантюристы, любители широких построений. Наполеон из их числа; для него легка была идея не французской, а всемирной монархии. Ни к чему не привязанный во Франции, пришелец, он мог здесь действовать только во имя своего интереса, личного деспотизма. Всемирная монархия его д[олжна] б[ыла] получить форму *династической* федерации, как революция создавала из республик-дочерей федерацию политическую; борьба новых республик со старыми монархиями сменилась борьбою новых революционных[31] династий со старыми легитимными. Причина завоевательности[32] империи.

Все международные отношения Европы в консульство и империю были *внешней* революцией Франции, вышедшей из внутренней. Верхи Европы переживали потрясения, испытанные верхн[им] франц[узским] обществом, вследствие прежней умств[енной] и нрав[ственной] связи своей с этим последним.

С 1802 г. Александр и его агенты уже г[ово]рят о всемирной монархии Н[аполео]на, о предстоящем порабощении Европы, о необходимости коалиционной борьбы против этого. Воронцов (у Сол[овьева], 61). *Принципиальность* русской политики (64). Что вызывало Александра на борьбу: в русском обществе

[26] *Слово вписано над:* вынуждают.
[27–27] *Исправлено из:* к Люневильскому миру (9 февраля 1801 г.) и к восстановлению условий.
[28] *На полях:* Другие миры: Минье, 319.
[29] *На полях:* Войско и флот в России в нач[але царствования] Александра — особый лист.
[30] *На полях:* Соловьев, 5.
[31] *На полях:* В.
[32] *На полях:* Соловьев, 7.

решался вопрос о связи с европейской[33] цивилизацией; мир в Европе России нужен для ее внутреннего спокойствия; из зрительницы она становилась *участницей* европ[ейской] жизни; *это показали* реформы самого Александра. Россия имела уже давние связи в Зап[адной] Европе. В инструкции русским министрам при иностр[анных] дворах 4 июля 1801 г.: «Бо́льшая часть герман[ских] владетелей просят моей помощи; независимость и безопасность Германии так важны для будущего мира, что я не могу пренебречь этим случаем для сохранения за Россией первенствующего влияния в делах империи». Цель переговоров с Фр[анцией] — «упрочить для моей империи мир, необходимый для восстановления порядка в управлении, и для Европы необходимый для восстановления поколебленного здания соц[иальной] системы».[34] Граф Морков в Париже, *катеринствовал*, заключил тайную конвенцию с Францией 11 октября н. ст. 1801 г.: обе державы *сообща* обязались покончить дело о *вознаграждении* герм[анских] владетелей по Люневильскому договору, допуская возможно менее перемен в госуд[арственном] устройстве Германии, сохраняя справедливое равновесие между Австрией и Пруссией[35]. Принцип р[усской] политики в конвенции — обе державы обязались изыскать средства утвердить всеобщий мир для блага человечества, общего спокойствия и *независимости* правительств. Наполеон (после Амьен[ского] мира) присоединил Пьемонт и Эльбу.[36] Англия заворчала. Наполеон отвечал: Англия, конечно, станет искать союзников в Европе и, если найдет, заставит только нас *завоевать Европу*. Консулу только 33 года; кто знает, сколько ему понадобится времени, чтобы изменить лицо Европы и *восстановить*[37] *Зап[адную] империю*.

План, с которым Новосильцев поехал в Англию, 1804 г. Русская программа европ[ейской] политики: в Голландии, Швейцарии и др[угих] *народы устраиваются, как хотят;* государства д[олжны] иметь *одноплеменное* народонаселение; они д[олжны] образовать *федерации* для борьбы с всемирным завоевателем.[38] Это — *программа века*. Под видимой отвлеченностью — ее реальный интерес, в котором смысл 3-й и 4-й коалиций: Россия *боролась за Германию,* чтобы *предупредить борьбу за себя,* в 1805 и 1807 гг. хотела предотвратить 1812-й год. Для Н[аполео]на дело о вознаграждении было средством поглощения Германии; но разрушая тогдашнюю безопасную империю, он подготовлял бис-

[33] *На полях:* выше 1.
[34] *На полях:* Соловьев, 16.
[35] *На полях:* — 28.
[36] *На полях:* август и сентябрь 1802 г. и др. захваты, октябрь — Парма, Швейц[ария] занята. Минье, 331 — разр[ыв] с Англ[ией], занятие Ганн[овера] 26 мая 1803 г., заговор Кадуд[аля] 15 мая 1803 г., 1805 июнь присоед[инение] Генуи, 26 мая Н[аполеон] — король Ломб[ардии]. Лукка — тоже (Минье, 345).
[37] *На полях:* — 34. Россия отстранена от дела о вознагражд[ении] в Германии (Вебер, 201).
[38] *На полях:* — 65.

марковскую. Причина, почему Александр вмешался в дело о вознаграждении, — не допустить превращения Франции в Зап[адную] империю.

Ход дела. Революц[ионная] Франция во[39] имя свободы призывала народы к борьбе с их старыми правительствами, с престолами; но, исполняя эту освободительную миссию, она превратилась в военную деспотию, которая, уничтожая старые правительства, порабощала и народы. Россия при Павле выступила против революц[ионной] Франции во имя безопасности и независ[имости] старых законных[40] правительств; но, встретившись при Александре с новой завоевательной деспотией, провозгласила внутреннюю свободу народов, чтобы спасти внешнюю независимость их правительств.

Начало войны[41]. В Англии глава кабинета Питт[42] и глава оппозиции Фокс соглашались с планом, только намеком справлялись, не хотим ли мы что взять у турок? — Ничего, только освободить турецких христиан. Питт: Скорее воевать, низвергнуть Н[аполео]на и установить во Франции безопасное для Европы правительство, наприм[ер] Бурбонов, впрочем, об этом после, как и о Турции, теперь не до того; прежде всего освободить Европу от Н[аполео]на. Фокс: Хорошо, только идите тихонько, piano, piano. В бюджете парламенту в начале 1805 г. 5 мил. фунт[ов] на субсидии континентальным — значит война. Конвенция с Россией *30 марта* (ст[арого] ст[иля]) 1805 г.: образовать коалицию с 500 тыс. войска — принудить Францию восстановить европ[ейское] равновесие, освободить Италию, Швейцарию, Голландию, Ганновер, Сев[ерную] Германию; субсидию — 1 200 000 ф[унтов] на каждые 100 тыс. войска. С Австрией конвенция уже 25 октября 1804 г.: Австрия — 250 тыс., Россия — 115 тыс. в случае новых покушений Н[аполео]на на Италию. Справка в Париже: что на счет Италии? — Что Австрии до этого? Итальянская республика сама решит свою форму правления. — Не о форме правления, а о независимости речь. — Еще не знаю, но не хочу присоединять к Франции. — Потом пишет Францу: Хочу брата Жозефа: как вы на этот счет? — Гм, пожалуй, только бы что-н[ибудь] за это. На новогоднем приеме (1 января 1805 г.) Нап[олеон] австр[ийскому] послу: Вы зачем к Италии двинули 40 тыс.? Я двину 80. — Франц в письме: Не против вас, а так... там моровая язва. — Ну, хорошо; но об Италии ни полслова — и вдруг весть: Н[аполео]н сам — король Италии[43]. В Санкт-Петербурге и Лондоне: Воевать! Из Вены: Не готовы, только в 1806 г. соберемся. Питт: Эти г[оспо]да в Вене всегда отстают *на год, на войско* и на идею. Александр: Все идет дурно, никто ничего не делает, я утомляюсь[44]. М[ежду] тем Нап[олеон] присоединил Лигур[ийскую]

[39] *На полях:* В.
[40] *На полях:* и этим расположила народы к Фр[анции].
[41] *На полях:* Как образчик.
[42] *Над строкой вписано:* † январь 1806 [г.]
[43] *На полях:* 26 мая.
[44] *На полях:* — 68—72.

р[еспубли]ку[45]. Чарторыйский: С нами поступают как с ребятишками: насмешка, *поддразнивание*. Чего же медлить? Ведь у нас больше войска?[46] Да плохого — эрцгерц[ог] Карл, — и полководца нет. Колебания, споры; наконец в нач[але] *июля* из Вены Стадиону в Петербурге от мин[истра] ин[остранных] дел Кобенцеля — вступить в переговоры о приступлении к англо-русск[ому][47] коалиц[ионному] трактату. Но промедлив, страшно заторопились...[48]

Говорили, что Александр возвратился после Аустерлица более побежденным, чем его армия; он считал себя бесполезным для своего народа, не имея[49] способностей военачальника. Слова Нап[олеона] о восстановлении Польши (Потсдамский договор). Рейнский союз (Бавария, Вирт[емберг], Дармшт[адт], Баден, Клеве-Берг Мюрата, Нассау[50]) протектору выставляет 63 тыс. войска. Свящ[енная] Рим[ско]-Герм[анская] империя рушилась, Франц II — Франц I *австр*[*ийский*] имп[ерато]р. Пальм[51] и «Германия в своем глубочайшем унижении».

Вторая война с Н[*аполеоном*] (4-я коалиция). Самоуверенность пруссаков: «Будь при Аустерлице пруссаки, не то бы; у нас полководцы войну разумеют, не французские портные». Рюхель на потсдам[ском] параде королю: «Таких генералов, как г[енерал] Бонапарт, в армии В[ашего] в[еличества] много». Пруссия сохранила вид военного государства, войско стояло на первом плане, но как памятник, драгоц[енная] археологич[еская] редкость, тщательно сохраняемая без перемен. Вооружение было плохо, у целого полка негодные ружья. Из 7 полных генералов младшему 58 лет, одному 80 л[ет]. Строевое обучение из старых парадных штук. Начали войну, не дождавшись русских, как австрийцы в 1805 г., после колебаний. Оба раза коалиции, в сущности, не было, а Нап[олеон] бил союзников поодиночке. Главноком[андующему] герц[огу] Браунш[вейгскому] 71 год. Саальфельд — 10 октября н[ового] ст[иля], Иена и Ауэршт[адт] — 14 октября, распадение армии, 27 октября занятие Берлина. Война с женщинами, выходки против Луизы (в бюллетенях — Елена, погубившая Трою); прусским сановникам: «Ваши жены хотели войны — ну вот и плоды»; тур[ецкому] послу: «Вы, османы, правы[52], что запираете женщин». Пултуск — 14 декабря. Пр[ейсиш]-Эйлау — 26 и 27 января ст[арого] ст[иля] 1807 г.: более 50 тыс. убитых и ран[еных] на снежных полях;

[45] *На полях:* — Июнь.
[46] *На полях:* — 83.
[47] *На полях:* 28 июля 1808 договор (Минье, 346).
[48] *На полях:* Письмо Ж. де Местра (Соловьев, 83—96; Путята, 435). Макк [сдался] 20 октября (Соловьев, 87). Аустерл[иц] (91). Пресбург (96). Обожание и [титул:] *Великий* (Минье, 349). Истрия, Далмация, Венеция (Минье, 348).
[49] *На полях:* — 102.
[50] *Над строкой вписано:* etc.
[51] *На полях:* не хотел выдать автора.
[52] *На полях:* — 127.

не победа — для Н[аполеона] поражение, почти половина войска и более десятка орлов потеряно в бою; в Париже ужас, бумаги упали, армия в унынии; Нап[олеон] приказал давать балы [53] в Париже. Нап[олеон] послу Меттерниху: «А, если бы не было Англии! Господь бог нашел Фр[анцию] уже слишком красивою и посадил ей шишку — Англию».

После разрыва с Турцией Александр за Молдавию и Валахию готов был Австрии [отдать] Сербию и Боснию; в Вену — Поццо ди Борго, корсиканца, врага Бонапартов и Франции, изгнанника, в 1804 г. поступил на русскую службу. 2 июня — Фридланд (больной Беннигсен), 27 июня — Тильз[итский] договор. Нап[олеон] толкнул Александра на Швецию, чтобы петерб[ургские] дамы не слышали шведских пушек. В Тильзите Н[аполеон] Александру: «Государь! Я буду вашим секретарем, а вы моим».

Договор [54] в Париже 12 июля 1806 г. о Рейнском союзе: державные права за каждым членом союза в управлении внутреннем и войско наготове для Франции; расширение крупных членов медиатизацией мелких имп[ераторских] чинов, в их владениях очутившихся (округление); отречение Франца от сана имп[ерато]ра немецкого, с исключением его областей из состава империи (1806 г. 6 августа) [55].

Обиды со стороны Н[аполео]на, его противодействие им же подсказанному и образованию Сев[еро]-герм[анского] союза и предложение Англии отданного Пруссии Ганновера вызвали Пруссию на войну прежде, чем русские вступили в Германию [56].

Битва при Иене и Ауэршт[едте] (герц[ог] [Брауншвейгский]), Веймар [57], отдали Н[аполео]ну земли между Рейном и Эльбой, повели к малодушным капитуляциям и разложению армии, а занятие Берлина 27 октября сопровождалось подчинением Наполеону Северной Германии [58].

Упорное сопротивление, оказанное русскими в восточных областях Пруссии (битвы под Пултуском 14 декабря, при Пр[ейсиш]-Эйлау 26—7 января 1807 г., при Гейльсберге 29 мая), хотя и кончившееся поражением под Фридландом (2 июня), спасло прусскому королю половину его владений [59] и повело к частичному восстановлению Польши (Варш[авское] герц[ог]ство) и к союзу Александра с Наполеоном по Тильзитск[ому] договору (25 июня ст[арого] ст[иля]).

Расширение Рейнского союза и полезные [60] следствия французского владычества для Западной Германии в управлении и

[53] *На полях:* — 132.
[54] *На полях:* Конспект.
[55] *На полях:* Вебер, § 748.
[56] *Над строкой:* Вост[очная] Пр[уссия].
[57] *На полях:* 14 октября.
[58] *На полях:* Вебер, § 750.
[59] *На полях:* Вебер, с. 228; Путята, 436 сл.
[60] *На полях:* Вебер, с. 227 и 208. Вестфальск[ое] кор[олев]ство, Мекленб[ург], Ольденбург, Саксония и др.

законодательстве, в уравнении сословий, подъеме среднего класса и военного духа.

Обновление Пруссии деятельностью министра Шарнгорста, воссоздавшего прусское войско и систему народной обороны, и реформами фон-Штейна[61] по уравнению сословий, отмене креп[остного] права и феодальных привилегий, введению городового и земского самоуправления и т. п. Подъем народного духа в Пруссии и Германии как следствие этих реформ и иноземного ига (Берл[инский] университет и Tugendbund)[61a].

Следствием Тильз[итского] союза, подтвержденного на Эрфуртск[ом] съезде (сентябрь 1808 г.), для России были война с Англией и Швецией и возобновление войны с Турцией (Точнее — Пут[ята], 440f).

Отношение Густава IV к Наполеону; завоевание Шведской Померании французами и вызванное этим нападение[62] англичан на Данию (сентябрь 1807 г.), отречение[63] Густава и Фридрихсгамский [мир] (5 сентября 1809 г.)[64]; Россия приобретает всю Финляндию и Аланд[ские] острова.

План раздела Европ[ейской] Турции и война 1809—[18]12 г. Сражение при Слободзее; по миру в Бухаресте (16 мая 1812 г.) при содействии Англии Россия — Бессарабию.

Для Франции Тильз[итский] союз сопровождался рядом предприятий, целью которых: 1) образование огромной державы из романских народов З[ападной] и Ю[жной] Евр[опы] и из Зап[адной] Германии и 2) разорение англ[ийской] промышленности посредством конт[инентальной] системы.

Для этого в 1807 г. занята была Португалия и посредством сделки в Байопе на испанский престол посажен Иосиф (июнь 1808). Но это вызвало[65] народную войну, поддержанную англичанами (Веллеслей[66] и Мур, Байлен и Синтра (июль и август 1808 г.) (Минье, 359). Ни хорошее управление (Минье, 2, 361), введенное Иосифом, ни победоносный поход Наполеона (конец 1808 г.), ни огромная армия, введенная в Испанию в 1809 г. по окончании австр[ийской] войны, не могли сломить ни народного сопротивления[67], ни национального правительства (юнты), которое противопоставило управлению Иосифа новое гос[ударственное] устройство, выработанное народными представителями — кортесами — в Кадисе (конституция 1812 г.). В 1812 г. и 1813 г. народные дружины и англичане вытеснили французов из Испании (битвы при Саламанке (июль 1812) и Витории (июнь 1813 г.).

[61] *На полях:* 1807—[180]9 гг.
[61a] Союз Добродетели (*нем.*).
[62] *На полях:* Конвенция Сенявина 23 августа 1808 г.
[63] *На полях:* Вебер, 235.
[64] *На полях:* Путята, 441 сл.
[65] *На полях:* Катехизис исп[анского] дух[овенства] (Минье, 362).
[66] *Над строкой:* Веллтон.
[67] *Над строкой:* вожди.

Подчинение Италии довершено лишением Пия VII светской власти и присоединением Церк[овной] области к Франции (декр[ет] 16 мая 1809 г. в Шенбрунне) и Этрурийск[ого] королевства (еще по договору в Фонтенбло, октябрь 1807, с Исп[анией])[68].

Народное восстание в Испании и признаки[69] пробуждавшегося патриотического движения в Германии вызвали Австрию на новую войну с Наполеоном, подав ей надежду, что германский народ примет участие в этой борьбе. И эта война шла неудачно для Австрии и кончилась для нее новыми территориальными потерями (Асперк и Эслинген, Ваграм (5 и 6 июля[70], Шенбрунский мир 14 октября 1809 г.).

Народное восстание в Тироле (Гофер, Шпекбахер, Гаспингер) и разрозненные попытки в Сев[ерной] Германии Шилля, герц[ога] Брауншвейгского и др. в 1809 г. были также неудачны, но служили признаком глубоко проникшего в массы недовольства иноземным игом и предвещали близкое восстание порабощенных народов на защиту своей независимости и своих старых династий.

Вместе с франц[узским] владычеством расширялась и *Континентальная* система, имевшая целью: 1) запереть все гавани европ[ейского] материка для англ[ийских] кораблей (декрет 21 ноября 1806 г., блокада континента нач[алась] с 1807 г.: Минье, 355), 2) закрыть для англ[ийских] фабрикатов все рынки европ[ейского] материка (Фонтенблоский декрет 19 октября 1810 г. о сожигании англ[ийских] изделий) и 3) уничтожить колониальную торговлю Англии[71] высокой пошлиной на колон[иальные] товары (Трианонский тариф 5 августа 1810 г. о 50%).

Англия объявила Францию в блокаде для всей нейтр[альной] Европы, Нап[олеон] декретом 1806 г.[72] — всю Англию в блокаде для нейтр[альной] Европы и всю Европу в блокаде для Англии — в этом *система.*

Феодально-иерархический состав[73] империи Наполеона:

1) земли, слитые с Францией административно:
Сардиния (Пьемонт).
Генуя 4 июня 1805 г.
Тоскана с ноября 1807 г.[74]
Церк[овная] область — декр[ет] 16 мая 1809 г.
Голландия 2 июля 1810 г. (с Ост-Фрисландией)[75].

[68] *На полях:* Вебер, 237.
[69] *На полях:* Начало реакции Европы против империи, союза династий и народов — с 1808 г. (создание мировой монархии) (Минье, 2, 364).
[70] *На полях:* Герц[огство] Франкф[уртское] и Иллир[ийская] держава. В.
[71] *На полях:* Вебер, 233 и 265.
[72] *Над строкой:* вместо, чтобы.
[73] *На полях:* Имп[ерия] Карла В[еликого] (Минье, 2, 353—4).
[74] *На полях:* Вебер, 210.
[75] *На полях:* — 265.

Ганз[ейские] города (Гамб[ург], Брем[ен] и Люб[ек]) — 1810 г.
Ольденбург и Ганновер — 1810 г.
Кантон Валлис (1—2 ноября 1810 г.).
Княж[ество] Невшатель (Шенбр[уннский] дог[овор] 15 декабря 1805).

2) Государства, сохранившие *административную*[76] *особенность* под верховной властью Наполеона:
Королевство Итал[ия] с 17 марта 1805 г. (Минье, 34).
+ Швейцария — посредничество (Вебер, 189. Минье, 350).
+ Рейнский союз 12 июля 1806 г. (Минье, 350; Вебер, 215).
+ Данциг — респуб[ли]ка по Тильз[итскому] дог[овору] (Вебер, 226).
Португалия — по акту 27 октября 1807 г. (Вебер, 237).
Держава Иллир[ийских] провинций — по догов[ору] 14 октября 1809 г. (Вебер, 251).
Респуб[ли]ка[77] Ион[ических] остр[овов] — по Тильз[итскому] дог[овору] 1810 г.

3) *Государства*[78] *вассально-фамильные*[79]:
Лукка — удел принцессы Баччиоки Элизы (Вебер, 203 и 210).
Кор[олевство] Неаполь (Иоахим[80] Мюрат) — март 1806 г. (Минье, 350).
Корол[евство] Голландия с 5 июня 1806 г.
Коро[левство] Вестфальское — по Тильз[итскому] дог[овору] (Вебер, 227; Минье, 353).
Княжество Гвастала — Полина Боргезе, 1806 г.
Княжество Клеве-Берг — Мюрат, потом сын Люд[овик]-Бонапарт (Вебер, 209. 1806 г.; Вебер, 207; Минье, 350).
Королевство Испания 6 июня 1808 г. (Вебер, 238).

4) *Государства вассально-союзные*[81]:
Королевства[82] Вюртемб[ерг] и Бавар[ское] — с 1805 г.
Корол[евство] Саксонск[ое] и герц[огство] Варшавск[ое] декабрь 1806 г., 25 июня 1807 г.
Княжество Алгарвия — Годой — 27 октября 1807 г. (Вебер, 237).
Вел[икое] герц[огство] Франкфурт[ское] — Дальберга — по догов[ору] 14 октября 1809 г. (Вебер, 251).

5) *Служебные лены*: (Вебер, 211 сл.; Минье, 350 и 354).
Пределы[83] империи в 1801 г. Эта куча, похожая на империю

[76] *Над строкой:* правит[ельственную].
[77] *На полях:* + Путята, 439.
[78] *На полях:* завоеванные или добровольно отдавшиеся, как Ломб[ардия] и Голл[андия].
[79] *На полях:* Вебер, 251, лично зависимы, как наместники или уделы [?].
[80] *В тексте описка:* Иосиф. *На полях:* Вебер, 211.
[81] *На полях:* по договорам без наруш[ения] местн[ого] ф[еодального] правления.
[82] *На полях:* Рейнск[ий] с[оюз].
[83] *На полях:* Минье, 366.

Карла В[еликого] и ее принявшая за образец (регалии Карла во время коронации; Минье, 2, 253), не имела прочной опоры: она не выражала собой никакой идеи, за которую ее готовы были бы поддерживать массы, и обманула надежды тех, кто ей помог возникнуть. От Н[аполеона] ждали порядка, мира, закона; охраны частных интересов, ограждения промышленного труда, уважения личности — во Франции, распростр[анения] плодов революции — в Европе. Вместо того он дал Франции — бесконечные войны, беспрерывные конскрипции, подати, блокады, тяжелую полицию, Европе — военный гнет, безграничный произвол с династиями, как и народами, разорение [84] торговли, переделы, перекройки государств. Вместо блага [85] общего личный эгоизм — единственная [86] цель политики Н[аполеона]; пренебрежение [87] нравств[енными] началами. Ответ его Люд[овику] Голландскому (Вебер, 265). Победы и опасности (Минье, 373). Положение дел в 1811 г. по письму Иеронима (Вебер, 266). Все [88] держалось только силой и страхом. Исчез страх, как только пошатнулась сила — и не стало связей. Значение империи для цивилизации (Минье, 385 сл.).

3 [тетрадь]

ВОЙНА 1812 г.

Общая причина — характер империи Н[аполеона] и ее отношение к России, единственной державе на материке, побежденной, но [1] не подчиненной.

Частные причины [2]. *Олденбург.* По смерти Петра III Ек[атерина] назначила администратором Голштинии своего дядю Георгия, который † 1763. Павел, преемник прав отца, был чужд мысли о своем голшт[инском] звании: «Что вы ко мне пристали — какой я немецкий принц! Я в[еликий] кн[язь] российский» (Порошин). В [3] 1767 г. договор 22 апр[еля] в Копенгагене — Ек[атерина] именем Павла отказывалась от прав на Шлезвиг и уступала Дании Голштинию в обмен на графства Ольденбург и Дельменгорст. После Георгия администратор — брат еп[ископ?] Любский Фридр[их]-Август. В 1773 г., когда эта сделка утверждена, он стал первым герцогом Ольденб[ургским], как представитель младшей голшт[инской] линии, к которой это право перешло от Павла, представителя старшей линии.

Перед объявлением войны между Вислой и Неманом более

[84] *На полях:* Минье, 372 сл.; Вебер, 264.
[85] *Над строкой:* интерес[а].
[86] *Над строкой:* или династ[ический].
[87] *На полях:* Минье, 340 f.
[88] *Над строкой:* Минье, 374.

[1] *На полях:* Минье, [т. 2, с.] 373—4.
[2] *Далее:* Путята, 452.
[3] *На полях:* Кобеко, 50 и 235.

500 тыс. человек, 1000 орудий и[4] слишком 20 тыс. повозок. 16 июня, в день вступления Н[аполеон]а в Вильну, варш[авский] сейм провозгласил восстановление Польского королевства; но поголовное ополчение было запрещено Н[аполеон]ом и восстановление обещано неполное в виду Австрии. 9/10 Москвы сгорело 3—6 сент[ября] (или 3/4). В Смоленск пришло под ружьем ок[оло] 40 тыс. при отступлении у Нап[олеона]. По переходе чрез Березину у Н[аполеона] всего *8 тыс. под ружьем.* 29-й бюллетень 21 ноября — 3 де[кабря]. *Начало конца*[5].

ВОЙНА 1813—1814 гг.

Конвенция ген[ерала] Йорка 18 дек[абря] ст[арого] с[тиля]. Прусские[6] чины в Кенигсберге призывают общее народное ополчение (кон[ец] янв[аря] 1813 г.). Калишский союз Р[оссии] и Пр[уссии] 18 февр[аля] для освобождения Европы. Корол[евское] *воззвание к* народу 3 ф[евраля] н[ового] ст[иля] о добровольном вооружении. Энтузиазм. Калишское воззвание Кутузова 25 марта[7] н[ового] с[тиля] о народной независимости к членам Рейн[ского] союза.

Люцен и Бауцен (2 и 20 мая н[ового] с[тиля]). «Ни одна деревня не должна быть отторгнута от Фр[анцузской] империи». Пойшвицкое[8] перемирие 4 июня — 10 авг[уста] и присоединение Австрии (Рейхенбах[ский] договор — Силезия)[9]. Разговор Н[аполеона] с Меттернихом в Дрездене[10] о государе-солдате. Бой под Дрезденом 26—27 авг[уста] — его плоды уничтожаются р[ечкой] Кацбахом[11], Блюхером в Силезии 26 авг[уста] и Кульмом в Богемии 30 авг[уста), Гр[осс]-Беерном[12] и Денневицем[13] (23 авг[уста] и 6 сент[ября] — пруссаки и шведы — Бернадот). Присоединение Баварии — окт[ябрь] 8. *Лейпциг 16—18 окт[ября]*: с обеих сторон 1/2 мил.; у союзников выбыло[14] 40 тыс. Монархи ниц при вести о победе. Ганау[15] на Майне 30—31 окт[ября] — 40 тыс. остаток француз[ской] армии (тиф)[15a]. Разрушение наполеоновых учреждений и восстановление прежних владельцев в Германии после Лейпцига. Восстановление власти Австрии в Ломбардии, папы в Риме. Голландия восстала[15a].

[4] *На полях:* Вебер, 268.
[5] *На полях:* 273. Особ[ая] тетр[адь]. Арсеньев, р. 3 и 4.
[6] *На полях:* Нап[олеоновский] набор в 300 тыс. Минье, 372.
[7] *На полях:* Вебер, 275.
[8] *Над строкой.* Сил[езия].
[9] *На полях:* тетр[адь]. Арсеньев, 7.
[10] *На полях:* 277.
[11] *На полях:* Прусск[ая] гвардия Остерм[ана] и Евг[ения] Вюрт[емберг-ского].
[12] *Над строкой:* под Берл[ином].
[13] *Над строкой:* Сакс[ония].
[14] *На полях:* 282.
[15] *На полях:* Путята, 459.
[15a-15a] *Текст очерчен на полях синим карандашом.*

1814 г.[16] Блюхер в область Марны, Шварценберг — Сены. Ла-Ротьер. Разделение армии от трудности продовольствия. Поражение растянутого Блюхера при Вошане и др.[17] Разногласия Шварц[енберга] и Блюхера, Шомонский догов[ор] 1 марта. Отбитие Н[аполео]на при Лаоне, поражение С[ен]-При, [командовавшего] прусск[им] и русск[им] [отрядом] под Реймсом[18]; бой при Арсисе. Движение к С[ен]-Дизье в тыл Шварценбергу. Отражение Мармона и Мортье при Фер-Шампенуазе. Бой под Парижем 18 марта с[тарого] с[тиля], и занятие [его]. Первый Парижский мир[19] ст[арого] с[тиля]. Талейран — обер-церемонимей[стер] власти (Минье, 382; Вебер, 282)[20].

Значение Наполеона[21]. Он поднят господством войска, неизбежным следствием борющейся революции. По происхождению и характеру власти он — контрреволюционер во Франции, революционер в Европе; так как восстановитель порядка, он подавил Свободу, здесь как завоеватель перевернул международные отношения. Диктатура внутри была ему нужна, чтобы быть сильным, сила — чтобы защитить внешнюю безопасность. Но он действовал только во имя личной пользы, властолюбия. Потому его всемирное владычество было полезно Европе не своими целями, а результатами: 1) оно усилило общение европейских народов; 2) оживило континент[альную] промышленность; 3) разрушением установленных исторически отношений и форм облегчило дальнейшее развитие (Рейн[ский] союз и объединение Германии). Империя для матер[иальных] интересов [то же], что[22] революция для умов[23].

Отвлеченные космопол[итические] идеи революции Наполеон превратил в космополит[ические] международные построения, пренебрежение просветительной философии к истории, к прошлому у него переродилось в презрит[ельное] самовластное обращение с историческими привычками и учреждениями, словом, фанатизм пропагандист[ской] мысли XVIII в. у него перешел в деспотизм завоевательной политики. Как дитя революции, и не совсем законное, он выказал в себе родительские грехи в простейшем неприглядном виде, освободив их от накладных философских прикрытий, которые давали им несколько благовидную примиряющую наружность. В этом связь империи с революцией: *первая показала, чем могут быть на деле помыслы и стремления по-*

[16] *На полях:* Вебер, 284 лучше.
[17] *На полях:* Н[аполеон] не обратился к народу, уже поднимавшемуся против иноземцев после Вошана (Путята, 463).
[18] *Так в рукописи.*
[19] *Над строкой:* Минье, 389.
[20] *На полях:* Наполеону — Эльба и 2 мил. фр[анков] дохода, 4 тыс. гв[ардии], имп[ератри]це — Парма. — Превращение черного в белое (Вебер, 284).
[21] *На полях:* Минье, 384; Фриман⊕, 228 д[алее]. Литогра[фия] 447—8; Гервинус⊕, 117—126 Тетр[адь] № 2, р. 14.
[22] *На полях:* Гервинус.
[23–23] *Текст написан карандашом на отдельном листе.*

следней. Впечатлением этой второй неудачи вызвана реакция. Видев, к чему повело осуществление воздушных построений и чем они стали, когда их попытались низвести на землю, общества среди потрясений, вызванных этими философскими мечтами, стали ощупью искать покинутой реальной, исторической почвы. Мечты сменились воспоминаниями, пророчества — сказками.

Равенство граждан у Н[аполеона] — выравненность шеренги. Народовластье — право молчаливого согласия на веления властителя, а братство человечества — в стадную гонку европ[ейских] народов то в Испанию, то на русские снега. Отвлеченная свобода философского *человека* — в угнетении народностей, наизнанку идея[23].

СТО ДНЕЙ И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Причины недовольства восстановленной[24] династией. Людовик XVIII; способ восстановления; характер. Конституционная хартия 4 июня и несоответствие законодательной власти — административной (центрального и областного управления). Образ действий эмигрантов и духовенства. Венский конгресс[25], его состав и физиономия. Спорные вопросы и раздоры. Возвращение Наполеона во Францию и его встреча. Декларация 13 марта 1815 г. Ватерлоо. Второй Парижский мир 20 н[оя]бря[26]. Начала, принятые В[енским] конгрессом: возвращение законных династий на утраченные троны и устранение республиканских учреждений. Антинац[иональные] и антисторич[еские] приемы конгресса. Территориальное и политическое переустройства Германии и Европы. Германский союз. Нидерландское королевство. Республика 7-[ми] Ионич[еских] островов. Царство Польское.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И ЕГО ДЕЙСТВИЕ[27]

[28] Впечатление событий 1812—1815 гг.[29] на А[лександ]ра — чувство человека, ищущего среди качки, [не] за что ухватиться. Причина распространения революц[ионной] заразы в ослаблении религиозного духа в народах; возможность Наполеонова самовластия[30] в отсутствии прочных основ международной политики. Искание этих основ: оне д[олжны] быть выше людской мудрости и прихотей, следов[ательно], религиозные. Настроение А[лексан-

[24] *На полях:* Торжество легитимизма.

[25] *На полях:* Вебер, 291.

[26] *На полях:* Вебер, 308 — Мюрат. Полезное действие Ста дней на В[енском] конгрессе.

[27] *Над строкой:* политика.

[28–28] *Абзац очерчен на полях синим карандашом.*

[29] *На полях:* Перемена в Ал[ександ]ре. Знаменский, 26—36 — особая беседа.

[30] *На полях:* Лоренц⊕, 27 сл.

д]ра во вторичное[31] пребывание в Париже. «Не наш, не нам». Акт Св[ященного] Союза (14 сент[ября] 1815 г.)[28]

Неосновательность[32] порицаний акта. Неопределенность начал: в противовес программы[33] справедливости, христ[ианской] любви и мира; программе равенства, свободы и братства; *христианская* нация вм[есто] философского человечества, вселенская церковная[34] идея вм[есто] космополитической. Вольнодумцы руководили общественным мнением — вышли революция и военная монархия — гегемония. Надобен союз государей во имя религии, чтобы обеспечить общественный порядок и независимость народов. Как обеспечить свободу и порядок? Толки и чаяния времени[35]: стоит только ввести свободные учреждения, и сама собою водворится свобода. Оказалось, она так же мало связана с госуд[арственными][36] учреждениями, как воинский дух с военным мундиром. Для нее нужны известные нравственные качества и силы, ускоряемые, но не созидаемые законами и политическими формами; нужно политическое[37] воспитание народа в известном направлении как условие его политического переустройства: такова[38] скрытая мысль[39] акта 14 сент[ября]. Слабая[40] его сторона: опасность союза *дипломатии* с *богословием*; неприложимость личной христ[ианской] морали к международным отношениям в их настоящем виде[41]. Акт — нравственно-религиозный протест про[тив] материалистического направления Венского конгресса; он отвечал на смутные воодушевленные чаяния народов, отрезвленных торжеством конгресса и ждавших чего-то более духовного и идеального. Это — *программа* будущего.

Германия[42]. 13 ст[атей] союзного акта[43]. Разделение Германии на конституционную с Саксен-Веймаром во главе и антиконституционную с Австрией. Меттерних[44]. Программа национал-либералов (Арндта, Яна, Герреса) — единство Германии под главенством Пруссии и конституционное ее устройство[45]. Закрытие журнала Герреса и политика из-за брошюры Шмальца. Вопрос о введении конституции в Пруссии. Национал-либеральное движение, погаснув в правящих сферах, сосредотачивается в кругах

[31] *На полях:* Лоренц, 103.
[32] *На полях:* политик впервые с Евангелием в руках.
[33] *На полях:* Любви, правды и мира.
[34] *Над строкой:* религиозная.
[35] *Над строкой:* XVIII в.
[36] *Над строкой:* писаной констит[уцией].
[37] *Над строкой:* нравств[енное].
[38] *На полях:* Урок революц[ии].
[39] *Над строкой:* ясно выражен[ная], показная.
[40] *Над строкой:* Но дух — иной.
[41] *На полях:* Разгов[ор] А[лександ]ра с Шатобр[ианом] в Вероне — из Сол[овьева] выписка.
[42] *На полях:* Влияние Св[ященного] союза на З[ападную] и Ю[жную] Европу.
[43] *На полях:* Лоренц, 20.
[44] *На полях:* Лоренц, 30.
[45] *На полях:* 1815 г.

неправительственных, преимущественно в студенчестве и получает революционный характер. Вартбургское празднество 18 окт[ября] 1817 г. Убийство Коцебу 1819 г. и покушения против Ибелля. Карлсбадские постановления (20 сент[ября] 1819 г.) и отмена свободы печати и надзор за университетами; центральная следственная комиссия [46]. Преследование патриотов и перемена министерства в Пруссии. Министерский съезд в Вене и венский *заключит*[*ельный*] акт 15 мая 1820 г. — определение отношения представительства к монарх[ической] власти. Неполный успех Меттерниха.

Франция. Хартия без опоры в администрации [47]. Палата депутатов — антидинастическое средство для партий. Разделение при дворе: Людовик XVIII ищет опоры в *среднем* сословии, гр[аф] Артуа — в дворянстве и духовенстве. Состав [48] корол[евского] дома. Проскрипции и *несравненная* палата 1815 г. Министерство герц[ога] Ришелье [49] и гр[афа] Деказа. Процессы Нея и Лавалетта; изгнания; суды без присяжных (превотальные) [50]. Конгрегация и внутренняя миссия и успех Вольтера и Руссо. Палата 1816 г. и изменение избирательного закона (5 февр[аля] 1817): прямые выборы депутатов (в числе 258 человек); избирателей около 90 тыс., избираемых до 16 тыс.; к выборам привлекали капиталистов и промышленников, высшую буржуазию [51], ежегодное обновление $^1/_5$ палаты. Усиление либералов. Окончание оккупации. Избрание Лафайета 1818 г. Министерство Деказа— Дессоля politique de bascule [52]. Амнистия и свобода [53] печати (1 мая 1819); новые пэры. Раздражающее действие печати на общ[ественное] мнение; Беранже; ненависть к Бурбонам. Избрание Грегуара 1819 г. и убийство герц[ога] Беррийского (13 февр[аля] 1820). Министерство Виллеля [54].

ДВИЖЕНИЕ В ЮЖНОЕВРОП[ЕЙСКИХ] СТРАНАХ [55]

Испания. Возвращение Фердинанда VII и отмена конституции 1812 г. Политика мщения и восстановления злоупотреблений, особенно [56] инквизиции. Камарилья и коварство короля. Расстрой-

[46] *На полях:* Лоренц, 47.
[47] *На полях:* Х[аракте]р Люд[овика] XVIII, необходимость нравств[енного] ухода за ним, граф[иня] Каила (Соловьев, 307, 534).
[48] *На полях:* «Ультрароялисты», былые «якобинцы». Изгнание наполеонидов под страхом смерти.
[49] *На полях:* Лоренц, 51.
[50] *На полях:* 52.
[51] *На полях:* Вебер, XIV, 616.
[52] Политика равновесия (*фр.*) ср. с. 275.
[53] *Над строкой:* расшир[енные].
[54] *На полях:* 21 февр[аля] 1820 г. президент вторично сговорчивый Ришелье, принявший в министерство ультрар[оялиста] Виллеля; в декабре 1821 г. Ришелье вышел и составилось чисто ультрароял[истское] министерство Виллеля.
[55] *На полях:* Военно-револ[юционное].
[56] *На полях:* Лоренц, 60.

ство финансов и пренебрежение к армии. Военные заговоры с 1815 г. (Мины, Парлиэра, Ласчи, Видаля). Восстание Риего 1 янв[аря] 1820 г. Король уступает и провозглашает конституцию 1812 г. Причины непрочности — неискренность обеих сторон и противодействие массы с духовенством во главе (апостольская партия); регентство Матафлариды в Сео д'Ургаль.

Суровая реставрация Викт[ора]-Эммануила в Пьемонте и Пия VII в Ц[ерковной] области. Восстановление ордена иезуитов 7 авг[уста] 1814.

Антагонизм Сицилии и Неаполя[57]. Карбонары. Военное восстание Морелля в Ноли 2 июля 1820 г. и провозглашение *испанской* конституции. Ген[ерал] В. Пепе. Отсутствие плана и народной опоры. В Сицилии цель восстания — обособление Флор[енции]. Пепе и капитуляция Палермо (5 окт[ября]). Войско провозглашает *испанскую* конституцию в Пьемонте (март 1821 г.). Король К[арл]-Феликс.

Новый орган европ[ейского] международного права — пентархия. Конгресс в Троппау (окт[ябрь] 1820 г.) и протокол о вмешательстве[58] для поддержания порядка 1815 г. Конгресс в Лайбахе (янв[арь] 1821). Австр[ийский] экзекуционный поход на Неаполь (Риети, 7 марта). Восстановление прежнего порядка в Неаполе и на Сицилии. Подавление революции в Пьемонте при содействии австрийцев (10 апр[еля] 1821 г.).

Неудача контрреволюции[59] (гвардейской) в Испании 7 июля 1822 г. и торжество экзальтадосов.

Конгресс в Вероне (окт[ябрь] 1822 г.). Военные заговоры во Франции и торжество ультры[60]; министерство Виллеля (1822). Поручение Франции. Экзекуции над Испанией. Сцена с Манюэлем в палате (янв[арь] 1823). Поход герц[ога] Ангулемского. Удаление короля и кортесов в Севилью. Осада Кадикса. Восстановление прежнего порядка и гонение на негров.

Португалия. Народное движение против англ[ийского] владычества. Регентство и лорд Бересфорд. Заговор Фрейре 1817 г. Восстание Сепульведы в Опорто 23 авг[уста] 1820 г. Возвращение Иоанна VI и отпадение Бразилии. Раздор в корол[евском] семействе. По вступлении французов в Испанию *войско* с королевой и дон Мануэлем уничтожает конституцию (май 1823 г.). Попытка низвержения короля королевой и сыном (1824 г.) и восстановление влияния Англии.

Разные формы либерального движения против Вен[ского] кон[гресса]. В Германии — университеты[61], во Франции — парламентская оппозиция, на южных полуостровах — военные восстания[62].

[57] *На полях:* Беккер, 17, 56.
[58] *Над строкой:* в принципе.
[59] *У Ключевского:* конр.
[60] *На полях:* Лоренц, 78 Франция: Выписка из Соловьева, 540.
[61] *Над строкой:* беспоря[дки].
[62] *На полях:* Народн[ые] восст[ания] на Балкан[ах].

Оправдание урока революции — конституционный порядок устанавливается дружным развитием и поддержкой всего общества, а не одних только образованных классов.

Конгресс главных держав как коллективная международная диктатура. Эта пентархия — перешедшая из охранительной в освободительную коалицию: последняя освободила народы от внешнего ига; первая охраняла их от них самих. Опека народов из местной стала международной[63]. Перемена эта — дело революции и империи: они внушили великим[64] державам мысль о праве располагать судьбою второстепенных, опекать их, и о возможности заменить миродержавную республику или монархию миродержавным союзом нескольких монархий.

ВОССТАНИЕ НА БАЛКАНСК[ОМ] ПОЛУОСТРОВЕ

Подавление[65] восстаний на Пирен[ейском] и Апеннинском полуостр[овах] еще могло быть кой-как оправдано с точки зрения акта Св[ященного] союза, охранявшего здание Венск[ого] конгресса. Эти восстания были направлены против порядка, установленного конгрессом, предпринимались во имя народовластия, *революц[ионного]* начала, против *законных* правительств. Сербы и греки поднимались против варварского ига, не признанного ни Венским, ни каким другим актом европ[ейского] международного права, всегда остававшегося только фактическим злом, восставали во имя человеческих прав и *христианской* веры. При определении отношения к этим восстаниям А[лександ]р особенно горько почувствовал всю неосторожность и противоречивость своего создания, пережил самое тяжелое испытание[66].

Восстание сербов и отношение к нему Александра после Венского конгресса[67].

Восстание греков и вынужденное безучастие к нему Ал[ександ]ра. Вред такого отношения для *международного положения России и для личного значения А[лександ]ра в Европе и в России*[68].

Как[69] политика Св[ященного] союза изменила международное значение России, созданное войнами 1812—1814 гг.: из освободительницы европейских правительств и народов от наполеонова ига она превратилась в состоящего при Меттернихе европ[ейского] жандарма для поддержания правительств, не умевших справиться со своими народами.

[63] *На полях:* опека над правительствами.
[64] *На полях:* монарх[ическая] пропаг[анда] вм[есто] революционной.
[65] *На полях:* к Николаю.
[66] *На полях:* Знаменский, 31 сл.
[67] *На полях:* 10 сл. Попов , 140.
[68] *На полях:* Знаменский, 33.
[69] *На полях:* К Николаю. *Абзац очерчен на полях синим карандашом.*

ВЛИЯНИЕ СВ[ЯЩЕННОГО] СОЮЗА НА ХОД ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

Либерально-патриотическое возбуждение[70] русского общества под влиянием событий 1812—[18]15 гг. Новые впечатления А[лександ]ра и перемена в нем. Эти впечатления ложились на старые либеральные стремления и мечтания, но и не подавляли их, и не сливались с ними в стройное настроение. Отсюда раздвоение, поставившее А[лександ]ра в противоречие 1) с самим собой, 2) с возбужденным им же общественным мнением[71]. Два течения во внутренней деятельности А[лександ]ра с 1815 г.

Одно в духе заявленных и теперь[72] «либеральных начал или институций» выразилось в конституции Царства Польского и вторичном возбуждении крестьянского вопроса. Неудачи в том и другом деле (оппозиция сейма и остзейская эмансипация)[73], «История» Карамзина[74].

Другое в духе соединения политики и евангельского учения. Проводники начал Св[ященного] союза — Р[усское] Библ[ейское] общество и Министерство дух[овных] дел и нар[одного] просвещения (1817 г.)[75].

Задачи и средства действия Б[иблейского] общ[ества]. Религиозно-космополитический его характер и мистические наклонности[76].

Мистицизм и масонство[77]. Сходство с ними сентиментальной религиозности Ал[ександ]ра; предание о намерении его поступить в масоны (цес[аревич] Кон[стан]тин б[ыл] масоном вм[есте] со многими придворными и государственными людьми). До 1822 г. ложи[78] в России росли как грибы после дождя (современник)[79]. Поговорка: Кто же ныне не масон? Разница между масонством и мистицизмом. Высшая мудрость, познание таинств природы и божества разумом, изощренным и просветленным посредством

[70] *На полях:* Жертвы. тетр[адь] Арсеньев. В 1812—16 гг. народонаселение убавилось до 1 мил. «Начерт[ание] ст[атисти]ки [Российского государства]». Арсеньева, I, 52.

[71] *Над строкой:* движен[ием].

[72] *На полях приписано:* Лоренц, 106—7.

[73] *На полях приписано:* Лоренц, 73; Соловьев, 384.

[74] *На полях:* Письмо Уварова.

[75] *На полях:* Реакция и ее причины — особый лист и Барсков ⊕, 17 сл.

[76] *На полях:* Знаменский, 42—45.

[77] *На полях:* Искание другого, внутреннего христианства вне церкви, другого, нерусск[ого] бога. Религия чувства без догмата. Мистики из вольтерианцев обратились к религии, но не к церкви, и создали свою кабин[етную] субъективную барскую веру подобно домовой церкви, где он — и приход и ктитор. Мистиц[изм] отличается от церковного христианства источником богопознания: для последнего это — откровение для всей церкви, вселенское, для первой — личное, для *немногих* — аристократическое. Каждый — особая церковь, протест[антское] начало.

[78] *Далее зачеркнуто:* росли.

[79] *На полях:* Знаменский, 148.

религиозно-нравств[енного] самосовершенствования человека; высшая цель — созерцание божества. Мистицизм отвергал участие разума в своем деле. Это религия чувства, цель — непосредственное соединение с божеством[80], внутреннее слово или откровение. Мистика — учение о таинств[енном] общении души с богом[81]. Предметы и явления природы — символы, отображение вещей духовных, образ слова и его таинство, аллегории. Профессор математики в Каз[анском] ун[иверсите]те в математич[еских] формулах искал указаний на христ[ианские] догматы: гипотенуза — символ соединения правды и любви[82] чрез ходатая бога и человеков. Вера, поддерживаемая чувством только, либо превращается в простую экзальтацию, в добродетель без добрых дел, не действуют на волю, либо бросается в воображение — и отсюда религиозная мечтательность, стремление переступить за пределы видимого; отсюда видения, таинственные голоса, внезапные откровения, пророческие внушения. Это и есть мистицизм. Здесь религиозное чувство переходит в патологическую чувственность, искусственную экзальтацию, нуждающуюся в возбудительных средствах, скакании, верчении. Духовный[83] союз Татариновой. Ханжество и лицемерие (сторубл[евая] ассигнация А[лександ]ра на станции)[84].

Министерство дух[овных] дел и народн[ого] просвещения. Кн[язь] А. Н. Голицын: как он устраивал народное образование по правилам Св[ященного] союза. Эксплуатация и профанация религии. Унижение св[ятейшего] Синода. Борьба с Б[иблейским] общ[еством] и кн[язем] Голицыным. Министерство Шишкова. Глухое недовольство. Значение Аракчеева. Наводнение 1824 г. в Санкт-Петербурге.

ВОПРОС О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ И СМУТА 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

Сокрытие Манифеста 1823 г. 16 авг[уста][85], как действие религиозно-мистической резиньякции Ал[ександ]ра (слова кн[язю] А. Н. Голицыну) и недостаточно ясного взгляда на свои отношения к государству. Дело 14 дек[абря] из двух источников: 1) из политических веяний западных; 2) из туземных преданий XVIII в.[86]

[80] *На полях:* — 149.
[81] *На полях:* — 163.
[82] *На полях:* — 173—4.
[83] *На полях:* — Знаменский, 196.
[84] *На полях:* 41.
[85] *На полях:* 1 или 2 л.
[86] *На полях:* Гвардейский дворцовый переворот в форме испанского или неа[политанского] военно-карбонарского заговора. *Приложение.*

Начало Тайн[ого] общ[ества] (Якушкин⊕, 9 и 24 с; Барсков 33, 57).

Момент в отношении России к зап[адно]европейской цивилизации, вскрывшийся в деле 14 дек[абря]. До конца XVIII в. беззаботное и часто неразборчивое отношение к ней, заимствование техники военной и промышленной по нуждам государства, удобств материальных, умственных и эстетических по вкусам и прихотям отдельных лиц. Революция впервые возбудила вопрос об[87] отношении к порядкам и понятиям *политическим*[88].

В конце царствования Ек[атерины] и при Павле вопрос разрешался отрицательно, при Алекс[андре] попытались ответить на него утвердительно и — ошиблись. Новая сторона дела: найти способ так пользоваться огнем мысли европейской, чтобы он светил, но не жегся.

ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ И АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР

1) *Восточный вопрос.*

Фаза *Восточного вопроса* половина междунар[одной] европейской политики XIX в. в нач[але] царствования Николая. Грандиозный план восстановления Виз[антийской] империи разбился на проекты простого раздела Турции подобно Польше, если не считать фактического проекта поглощения Турции вм[есте] с другими державами Вост[очной] и Северной Европы П. Зубова. В записке Ростопчина, опробованной Павлом 2 окт[ября] 1800 г., о положении Европы и отношении к ней России, России — Романия, Булгария и Молдавия, Австрии — Сербия и Валахия (Павел: Не много ль?), Пруссии в вознаграждение за согласие — Ганновер, Франции — Египет, *Греция с островами Архипелага — республика* под защитой держав — участниц раздела, а по времени греки и сами подойдут под скипетр российский (Павел: А можно и подвесть). «Важное и легкое к исполнению предприятие», только нужны тайна и скорость. Резолюция Павла на записке: «Опробуя план Ваш во всем, желаю, чтобы Вы приступили к исполнению оного: дай бог, чтоб по сему было» (Михайлов. Сб[орник] ист[орических] матер[иалов], с. 102 и 109).

Турция — европейская международная добыча. Ощупью наталкивались на сущность вопроса — не *делить* между соседями, а дробить[89] на части, из которых она состоит[90]. Долго не уяснялись интересы, во имя которых можно[91] было действовать; под турецким игом сохранились *народности*, которые следовало освободить. Смутно эта мысль в проекте *Дании.* На З[ападе] этого национального существа дела не понимали: там Турция — только *гиря* на весах политического равновесия (Гизо, Соловьев,

[87] *Над строкой:* о разборчивости.
[88] *На полях:* Франц[узское] литер[атурное] просвещ[ение], полит[ические] идеи без приложения дома (как парики — тоже украшение головы).
[89] *Над строкой:* дать распасться.
[90] *На полях:* Гизо у Соловьева. Соч., 299.
[91] *На полях:* и форм[ального] решения вопр[оса].

299). Турция держалась не тем, что не надеялись ее разрушить, а тем, что не знали, что делать с ее развалинами: всех пугала не сила ее жизни, а следствия ее смерти. Взгляд на турок, как спокойных соседей (Соловьев, Соч., 301). Присутствие народностей, которые могли бы составить независимые государства, стало уясняться Россией и Европой именно с восстания сербов и греков. Александр это понял, но не хотел признать по своим обязательствам главы Свящ[енного] союза[92]. Николай не б[ыл] связан такими обязательствами и мог взглянуть на дело проще. Свободный от меттерниховской точки зрения, он хотел видеть в вопросе то, что нашел: нашел народности, стремящиеся к независимости, и начал их освобождать. Новый период в истории *Восточного вопроса*[93].

Состав его в начале царствования Николая: в Азии отношения к Турции, Персии по закавказск[им] племенам, в Европе к Турции и Австрии по христианским народностям Балкан[ского] полуострова, там и здесь искание естественной границы.

ВОЙНЫ С ПЕРСИЕЙ И ТУРЦИЕЙ. АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР

Первая[94] война России с Турцией, популярная на З[ападе] именно в либеральных кругах общества и тревожная для правительств — отношения, обратные положению России в Св[ященном] союзе. Им[перато]р, только что подавивший у себя военную революцию, выступал за народную революцию на Балк[анском] полуострове — в интереса[х] преобладания[95] России на В[остоке], поколебленного А[лександ]ром.

Договор с Англией 4 апр[еля] 1826 г. — Грузия и персидская война. Аккерманский договор[96] 26 сент[ября] 1826 г. Договор Лондонский 6 июля 1827 г. и Наваринский бой. Объявление войны 14 апр[еля] 1828 г. Варна и Карс. Неудачные происки Австрии 1828—9 г. Дибич и Кулевча 30 мая 1829 г. Греция и протокол Лондонский 3 февр[аля] 1830 г.

Оттон — король Греции. Новая фаза Вост[очного][97] вопроса — *разложение Турции на племенные части,* расположенные к России.

Развитие Вост[очного] вопроса. Махмед-Али, и почему Николай стал за Турцию[98]. Ункиар-Искелесский договор 8 мая 1833 г. и русское влияние на В[остоке]. Второе восстание Махмед-Али

[92] *На полях:* Соловьев, Соч., 302.
[93] *На полях:* Барсков, 303.
[94] *На полях:* Лоренц, 133.
[95] *Над строкой:* влияния.
[96] *На полях:* — 136.
[97] *На полях:* — 229.
[98] *На полях:* — 235.

и Низиб 24 июня 1839 г. Договор 4-х держав в Лондоне 15 июля [18]40 г. для спасения Турции [99]. Соперничество Англии и России на В[остоке] [100].

КАРЛ X ВО ФРАНЦИИ И ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Если консервативный Николай не мог согласить правил Св[ященного] союза и порядка Венск[ого] конгресса с наличным положением дел, тем не менее это было возможно во Фр[анции], против которой и направлены б[ыли] как Св[ященный] союз, так и Венский конгресс.

Людовик XVIII еще поддерживал политику [1] равновесия (de bascule). Менее уравновешенный Карл X — у него из этого только политика колебаний. Главный источник ошибок — эмиграция. Легенда о монахе, заслушавшемся райской птички. Бурбоны просмотрели 25 лет в истории Франции, стоившие целого столетия. Воротившись на родину, Карл не узнал ее, и она не узнала его; если только знала до отъезда [2]. Главные ошибки его: 1) не понял силы среднего сословия; 2) дал власть дворянству и духовенству, прежде чем создал им силу; 3) вместо примирения династии с народом обострил вражду между сословиями. Июльская революция произведена 4-м сословием для 3-го, как февральская будет произведена 3-м (во имя парламентской реформы) для 4-го. Великая неделя с 25 июля. Из 6 ордонансов Хартии противоречили 3 изложенные.

ДВИЖЕНИЯ [3], ВЫЗВАННЫЕ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ [4]

Здание Венского конгресса, поколебленное во Франции во имя конституционной свободы, в других странах под влиянием Июльской революции разрушилось во имя местных нужд или мечтаний [5] — в Бельгии — во имя национальной особенности [6], в Гер-

[99] *На полях:* — 244.
[100] *На полях:* — 239.

[1] *На полях:* — 152.
[2] *На полях:* Лафит об июльских днях: в 24 часа протекло столетие. В объявлении от членов палаты в Хартии устранялось введение, где вся государственная власть — королю, как коренная принадлежность короны, а кон[ститу]ция *дарована* королем; так новая к[онститу]ция — будто из договора нации с ее главой (Вебер, XIV, 864; Лоренц, 169).
[3] *На полях:* 2 чт[ение].
[4] *На полях:* Демокр[атическая] пропаганда, нанесшая смерт[ельный] удар зданию и основам В[енского] конгр[есса]. В *Англии* — господство вигов и парл[аментская] реформа. В *Швейцарии* — аристократ[ическо]-федерат[ивная] система уступила демократической централизации и сплотила федеральную р[еспубли]ку на основе равноправности граждан. На короткое время восторжествовали восстания в Ц[ерковной] области, Модене, Парме; подавлены с помощью Австрии (Вебер, XIV, 871).
[5] *На полях:* Лоренц, 174.
[6] *На полях:* — 197.

мании — во имя национально-политического объединения (Таможенный союз) и новые констит[уции] учреждены в Брауншв[ейге], Гессене, Ганн[овере], Сакс[онии] и др., в Швейцарии — во имя сословного уравнения и церковной независимости, в Польше — во имя мечты о восстановлении археологической Речи Посполитой [7].

Уныние в Германии от неудач национально-объединительных попыток. Основа германского единства положена на экономической почве и учреждение Тамож[енного] союза — первый шаг к упразднению Германского союза. Заставы в нескольких частях пути одна от другой, успехи контрабанды. Почин дела Пруссией (министры финансов Клеви и Маассен) [8]. Здание среди партикуляристских затруднений — камень по камню. Главное препятствие — взаимное недоверие немецких правительств. Местные торговые соглашения. Основой Тамож[енного] союза — прусско-дармштадтский договор 14 февр[аля] 1828 г.[9]

С 1834 г. таможенная прусская система уже включала в себя Вюртемберг, Баварию [10], Гессен, Саксонию; позднее Баден и др. (расширялся союз до 1851 г.). Одним из следствий Июльской революции — *ослабление* бюрократич[еского] абсолютизма в Сев[ерной] Германии, что и помогло торговому объединению Германии.

Польша. Восстание 17 ноября 1830 г.[11] Подавление его. Польская эмиграция. Мессианизм. Попытки в Познани, Кракове [12] и Галиции (1846 г.).

ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ [13]

Носитель преданий революции, сын гражданина Egalité [14], о котором ментор его Дюмурье еще [в] 1795 г. писал Шаретту, что герц[ог] Орлеанский — единственная возможная связь между рес-

[7] *На полях:* — 204 и 303.
[8] *На полях:* Лоренц, 198.
[9] *На полях:* Над полит[ической] Германией, раздробленной, стала единая Германия — научная, литерат[урная] и торговая.
[10] *На полях:* Вебер, XV, 225.
[11] *На полях:* Лоренц, 183. Участвовали вовлеченные в дело мужики, но не народ.
[12] *На полях:* — 276—295. Берг ⊕, 105.
[13] *На полях:* Союз либ[ералов] и роял[истов] не столько за Л[уи]-Фил[иппа], сколько против Карла X. Л[уи]-Фил[иппа] в 1830 г. звали одним из 221 большинства депут[атов]. Превратности жизни. «Король баррикад». Род[ился] 1773 г., превосходное воспитание у Жанлис, много знаний; член Якоб[инского] клуба, потом бедный изгнанник, давал уроки математики в м[ор]ской школе в Рейхенау (Граубюнден); вдали от эмигрантов; жил королем просто и прилично с громадн[ыми] богатствами орлеанов, бережлив; при вступлении на престол разделил состояние дарств[енными] записями между детьми, не присоединив к государственным имуществам, как прежние короли, вследствие «полного слияния личности короля с государством». В Реставрацию вдали от правительственных сфер. Замок Нельи — сборный пункт либералов;

публикой и монархией. Наследственные честолюбивые стремления питал издавна и готовился в тиши. В 1804 г. о нем писали, как он жил в Англии: «Он молод, но не вдается ни в какие развлечения; хитрый, интриган, не в меру честолюбивый, проводит время за ландкартами, всюду поддерживает корреспонденцию» [15].

Его система правления и отношение [16] к партиям, события[м].

Его власть — плод политической сделки и, как всякая сделочная власть не принципиальная и не историческая, не могла направлять борющиеся интересы к *своей* цели, а только приноровляться к ним, миря их враждебные стремления. Король-мещанин, он, однако, хотел вести свою орлеанскую политику, независимую ни от какой партии. Следствие — недовольство всех им: легитимисты были недовольны тем, что он слишком революционный, недостаточно легитимный король; бонапартисты — тем, что он слишком легитимный и притом только мирный король, а не воинственный император; рабочие — тем, что он король богачей-капиталистов, верховный жрец золотого тельца; конституционисты — что он слишком король, желающий не только царить, но и править; а республиканцы — что много ли, мало ли, он все-таки король, а не простой президент [17].

Индустриализм — царство золотого тельца. Буржуазные нравы и скандалы в высшем обществе [18].

Рабочий вопрос [19]*. Его происхождение.* Когда общество составляли люди властные и подвластные, но еще не было просто свободных людей, труд считался обязанностью, подвластные д[олжны] б[ыли] работать на властителей, а властители считали долгом совести заботиться о нуждах своих работников [20]. Когда были провозглашены *личная свобода* и равенство всех перед законом, нравственные связи слуг и господ заменились юридическими отношениями наемников и нанимателей, рабочих и хозяев. Капитал и труд — равноправные стороны, связанные взаимной нуждой, но не обязанные обоюдной заботой. Но в конституцион-

часто бывал банк[ир] Лафит. Уменье выжидать минуты. Прозаич[еская] натура франц[узского] буржуа (В е б е р, 14, 868). Вознаграждение эмигрантов дало орлеанам несколько мил[лионов]. Таинств[енная] смерть принца Конде (отца Энгиен[ского] сына, вождя эмиграции) и завещание 3-му сыну Л[уи]-Филиппа (август 1830 г.) огр[омных] поместий. Винили и англичанку; хотел Шамбору отказать. Суд признал самоубийство.

14 Равенство (*фр.*).

15 *На полях:* С о л о в ь е в: А[лександ]р ⊕, 310, 248.

16 *На полях:* Л о р е н ц, 170.

17 *На полях:* До конца 1846 г. целая дюжина покушений на жизнь Л[уи]-Филиппа. Мин[истр] публ[ичных] работ Тест за концессию на рудник, при содействии пэра ген[ерала] Кюбьера в 1841 г., от адвоката акций рудника в подарок на 94 тыс. фр[анков].

18 *На полях:* Господство промышленных предприятий и компаний. Промышл[енные] кризисы на мировом рынке.

19 *На полях:* В е б е р, 464.

20 *На полях:* рабы — члены семьи, домашние нищие. *Ниже написано:* 2) Полит[ическая] подготовка.

ном порядке гражданского равенства старая сословная привилегия, дававшая *власть над лицами*, сменилась имущественным цензом, *дающим власть над обществом* посредством народного представительства. В июльской монархии капиталисты стали правящей партией (хотя палата пэров не исчезла[21] после Июльской революции, но ничего не значила); капитал, оставаясь экономической *силой*, стал и государственной *властью*. Личная свобода превратила неволю рабочего *по закону* в экономическую его зависимость по *соглашению*, и тогда обязанность работать заменилась *необходимостью* искать работы. С успехами машинного производства и свобода труда и легкость маш[инной] работы, все более дававшими чувствовать излишек рабочих рук, искание работы произвело страшную *конкуренцию труда*, перебой работы друг у друга, ставший для рабочего вопросом жизни и смерти. Когда капиталисты[22] стали правящим классом, от них, как от правительства, обязанного заботиться об общих нуждах и пользах, потребовали обеспечения рабочим возможности добывать работу и даже мер с целью регулировать заработную плату: этого нельзя и несправедливо было бы требовать, если бы капиталисты и рабочие оставались в отношении частных свободных сил, равноправных и ведущих мирную экономическую борьбу по тактике спроса и предложения. Как скоро капитал стал властью, общечеловеческая *обязанность трудиться* превратилась в глазах рабочего в *право на труд*[23]. Стоит сделать еще небольшой логический скачок, и получится обратное положение: если капиталист, дающий бедным работу, стал властью в государстве, то государство должно само стать капиталистом, обязанным давать рабочему работу. Так вопрос прошел 3 момента в своем развитии: нравственный, юридический и политический, оставаясь вопросом экономическим — об *отношении труда к капиталу*. Первоначально предмет домашнего хозяйства и частной благотворительной опеки, он стал потом трудной задачей государственного порядка и общественной безопасности. Тогда рабочие были рассеяны по домам, государство предоставляло заботу о них господам вместе с ответственностью; когда они получили свободу — д[олжны] б[ыли] заботиться сами о себе; когда сосредоточились по фабрикам, государство как полиц[ейский] опекун д[олжно] принять заботу о них на себя. Теперь *вопрос* в том, какие меры д[олжно] принять государство, чтобы обеспечить положение рабочих как от произвола и эксплуатации капиталистов, так и от случайностей, вызываемых колебаниями крупного производства[24]. Это — вопрос не права и не хозяйства, а именно *политики*. Значение февральской революции, как первого опыта решения этого вопроса: значение июльской монархии в деле постановки его. Обострение контраста между

[21] *На полях:* Вебер, 498.
[22] *На полях:* Т. р. 85.
[23] *На полях:* Капитал — власть; как власть, д[олжна] дать работу, п[отому] что, как капитал, может ее дать.
[24] *На полях:* Промышл[енные] кризисы на миров[ом] рынке.

равенством и свободой,*юридическим* и *экономическим рабством*. Усиление неравенства общественных состояний (имуществ[енного] и образоват[ельно]-культурных) [25]. Бароны капитала оказались на деле могущественнее привилегир[ованных] феодалов. Равноправный бедняк дальше от богача, чем средневековый вассал и даже серф от сеньора. Страшно стало одинокому свободному рабочему, вооруженному только голыми мозолистыми руками, на всемирном рынке труда, знания и богатства, среди эгоизма и земного благоденствия, возведенных в догматы мещанского катехизиса. В феод[альном] замке — *страх*, в фабричной казарме — *зависть* и *ненависть*. Сословная привилегия дворянина казалась тяжелой необходимостью миров[ого] порядка или требованием закона; имущественное превосходство купца — глупой случайностью или ненавистн[ой] несправедливостью.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ [1848 г.] ПРЕВРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ВОПРОСА В БОРЬБУ КЛАССОВ[26]

Подготовка: 1) *Экономическая*. Замена мелкого производства крупным, ручного — машинным, мануфактуры — машинофактурой и *разделение труда и капитала*, соединившихся в мелком производстве.

[2] [27] Удешевление фабрикатов машинами и понижение заработной платы от свободы труда (с отменой цеховых и др[угих] стеснений). Расширение промышленности и умножение населения при продолжит[ельном] мире 1820—1840 гг. Удешевление денег системой кредита и биржевой спекуляцией. Измельчание земельной собственности от падения феод[альной] землевладельч[еской] монополии и равенства детей в дележе наследств; отлив из села в город [27].

3. *Нравственная*. Разделение труда и капитала вело к соперничеству и *отчуждению* рабочих и капиталистов при усилении взаимной нужды (фабрикант — капиталист с мертвыми фондами и машинами, рабочий — с одними голыми руками). Чувство *солидарности* при скоплении рабочих на огромных фабриках. Доступность рабочих пропаганде вследствие этих условий усилилась [28]. Литературная пропаганда находила почву, подготовленную нравами высших богатых классов и впечатлениями низших. Равнодушие к религии и вольнодумство буржуазии отражалось на низу [29].

Господство *материальных интересов* там, стремление к материальным благам здесь [30], *близость рабочих* к этим благам, кото-

[25] *На полях:* К нравств[енной] подготовке.
[26] *Фраза вписана карандашом.*
[27–27] *Написано на полях.*
[28] *На полях значок:* Т.
[29] *На полях:* Религия и нравы неодинаково распредел[ены] на верху и низу: нравственность без религии и религия без нравственности.
[30] *На полях:* Лоренц, 324.

рые они делали, но не пользовались, когда другие их потребляли, не делая. Разрушение нравственных связей общежития романами. Мысль об участии в этих благах, уравнении труда и пользования его плодами; *равенство* прав перед законом, судебной камерой и равенство аппетитов *перед магазином*. Аппетиты и страсти формулированы в учения, экономические системы[31]. *Коммунизм* Кабе и Прудона, *социализм* Луи Блана. Различное решение вопроса[32] обеими доктринами. Communauté и société. Так рабочий вопрос: как соединить юридическое равенство с имущественным? Коммунизм — просто: ни у кого не должно быть имущества, собственности; всё всем вообще, никому в частности; но все [имеют] равное право на всё, что выработается; равномерное распределение труда и *благ*[33]. Следствия для семейного союза. Социалистический ответ сложнее п[отому], что хотел быть практичнее: экономическая задача решается логически точно по образцу юридической — равенства прав и обязанностей. Каждый имеет право на всё, но действительно пользуется лишь тем, что умеет приобрести. Так и в экономической жизни: каждый имеет *право* на всякий труд, и его обязано дать ему государство; но он пользуется плодами только работы, какую *сумеет* выполнить. В социализме различаются рабочая *правомерность* и *трудоспособность*. Для труда нужен капитал; его доставляет государство. След[овательно], государство берет в свои руки весь капитал[34]; ассоциации рабочих становятся на место капиталистов, как товарищества рабочих-хозяев[35]. Значит социализм — попытка восстановить *соединение труда и капитала*, только в товарищеской, артельной форме. Но в развитии своем социализм к коммунизму вел неизбежно — последовательно, даже со следствиями его для семейного начала. В коммунизме государство заменяет собственников, в социализме — капиталистов, так как частные капиталы д[олжны] слиться с государственным по невозможности конкуренции. Но собственники капиталов, превратившись в наследственных рантье, посредством конверсий (ибо цена капитала б[удет] зависеть от монопольного капиталиста — государства) до уничтожения % рано или поздно будут доведены (при помощи еще законодательства о наследовании) до отказа от своей собственности или ее погашения. И семье трудно сохранить свой склад. Каждому рабочему государство д[олжно] найти работу, каждому заготовить куверт за жизненным столом. Но будущее Министерство публичных работ и общественной трапезы вправе спросить при составлении сметы рабочих паев из общественных кувертов на сл[едующий] год, сколько пар рабочих рук намерен каждый при-

[31] *На полях:* Вебер, 464.
[32] *На полях:* Всемирная рабочая ассоциация вм[есто] современ[ной] цивилизации.
[33] *Над строкой:* заработка.
[34] *Над строкой:* и поручать общ[еству] рабочих.
[35] *Над строкой:* предпринимателей в кредит.

вести в общ[ественную] мастерскую и сколько новых детских вилок и ложек положить на общий стол, и если заявлений будет слишком много, министр может найтись в прискорбной необходимости внести в рабочий парламент проект закона о распространении контроля над мастерскими общественными и на домашние колыбели, а еще никакая деспотия в мире не доходила до возможности или надобности учреждать колыбельную инспекцию. Словом, для благополучного осуществления луиблан[овского] плана необходимо коренное изменение понятий, нравов, чувств и привычек современного человека.

Посредством этой подготовки разделения труда и капитала и отчуждения между их владельцами создалась особая политическая сила — *четвертое* сословие. Оно стало существовать, как скоро сложились его требования, приемы действия, чувства — его программа. Оно выступило уже в 1830 г., но под рукой 3-го. В июльские дни бились на улицах Парижа преимущественно рабочие, распущенные оппозиционными хозяевами-капиталистами. Масса оставалась под руководством среднего сословия, из которого бóльшая часть Национ[альной] гвардии, избирателей в парламент и судебных присяжных. Июльская революция сделана рабочими, но не для рабочих. И февральскую начали либералы среднего класса для себя с помощью рабочих; но отделившись от руководителей, они продолжили ее для себя против буржуазии.

Вопрос и агитация о парлам[ентской] реформе. В палате представлены были крупная промышленность, крупное землевладение и чиновничество. Этот представительный, правящий круг на конституц[ионном] языке pays légal, чем другие классы, как бы вне закона с своими нуждами и желаниями. В начале июльской монархии избирательное право расширено немного: для избираемого с 1000 на 500 фр[анков], с 300 до 200 для избирателя [36]; через то число избираемых с 8 тыс. до 24 тыс., избирателей с 80 тыс. до 200 тыс. Столько правило страной в 30 мил. Влияние ценза на экономическое состояние, на распределение собственности. Подкупы министерством депутатов, их зависимость от казны или правительства при незначительности числа избирателей; искусственное министерское большинство. Потеря уважения и доверия масс к правящим классам, которые так[им] обр[азом] лишились *авторитета*, достигнув *власти*, для которой авторитет — главное орудие действия: власть и есть соединение силы с авторитетом [37].

Банкеты реформы [38]. Февральские дни. Национ[альные] мастерские. Наци[ональное] собрание 4 мая. Конституционное движение переходит в социальное, вопрос об организации представительства в вопросе об экономической перестройке всего общества.

[36] *На полях:* Беккер, 17, 485.
[37] *На полях:* Лоренц, 330—343.
[38] *На полях:* Врем[енное] правительство: Dupont de l'Eure, Ledru-Rollin, Lamartine, Marie, Cremieux, Arago, Garnier-Pagès.

РАЗЛИВ РЕВОЛЮЦИИ ПО ЕВРОПЕ

Франция, как маховое колесо, приводила в движение полит[ические] механизмы с конструкцией и пружинами с[амыми] разнообразными. На В[остоке] еще дозревали вопросы более элементарные, конституционные [39] и национальные, не социальные. Там царство машин и борьба рабочего с капиталистом около нее. Здесь царство Лексикона или Хартии и борьба разноязычных правителя с управляемым или чиновника с депутатом. Движения в Германии, Пруссии, Австрии и Италии [40]. Участие славян в этих *национальных* движениях.

РЕСПУБЛИКА ВО ФРАНЦИИ И ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 г.

Неудачное разрешение рабочего вопроса в национальных мастерских. Республика умеренная (среднего класса) осталась без опоры после июньского поражения. Республиканская конституция создала законодательному собранию равноправного соперника в президенты, избираемого всеобщим голосованием. Принц Л[уи]-Наполеон, его характер и политика. Закон 31 мая 1830 г. был попыткой собрания отвратить одну опасность (торжество радикалов в собрании) посредством другой (прецедента для президента в нарушении конституции). Злорадное безучастие четвертого сословия в поддержании буржуазной республики превратило посягательство 2 декабря против государственного порядка в проделку президента с ненавистным для рабочих мещанским собранием. Восстановление империи было возможно потому, что умеренные республиканцы буржуазии ничего не могли сделать для рабочих, которые для них сделали февр[альскую] революцию.

Сходство и различие 19 брюм[ера] и 2 дек[абря]. И то и другое было захватом власти военной силой вследствие раздвоения верха и низа общества; и тогда и теперь фикция народовластия была приманкой, глазоотводом для узурпации. Но первый удар был направлен против низа (крайние республиканцы — его представители) при открытой поддержке верха (умеренные республиканцы), а второй против буржуазного верха при гласном или молчаливом согласии низа.

АНГЛИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Революционные [41] движения на материке служили только вспомогательным средством поддержания волнений, возникавших в Англии из внутренних причин ее жизни. Эти причины: 1) следствия

[39] *Над строкой:* полит[ические].
[40] *На полях:* Вебер, Лоренц, 407 и сл.
[41] *На полях:* Лоренц, 197, 208.

борьбы с Франц[узской] революцией, Империей, 2) господство торийской аристократии [42] с его следствиями.

Действие первой причины: рост [43] государственного долга и налогов; успехи Англии колониальные и, как следствия того и другого — развитие крупного землевладения [44], крупной промышленности и городского и сельского пролетариата; наконец, обострение антагонизма Англии и Ирландии вследствие законодательного [45] их слияния в 1800 г. Ирландский вопрос; борьба племенная, социальная и церковная. Эмансипация католиков 1829 г.; отмена церковной десятины (1838) [46].

Действие [47] второй причины: хлебный закон 1815 г. и порча представительства неестественным распределением голосов.

Перемена в положении и в отношениях главных партий, произведенные Каннингом: новый взгляд на задачи консерватизма, улучшение устройства без потрясения оснований и введения новых начал. Согласно с этим эмансипацию католиков проводят тори [48], мин[истерство] Велл[ингто]на — торийское, «управлявшие на манер вигов», как и отмену хлебного закона (1846 г., Р. Пиль), а парламент[скую] реформу [49] и эмансипацию невольников [50] — виги (1832 г., Грей), как и отмену [51] десятины (л[орд] Мельбурн). Движение чартистов [52] в 1848 г.

Соперничество Англии с Россией на В[остоке]. Столкновения [53] по вопросу о вознаграждениях [54]. Всемирная выставка 1851 г. Падение л[орда] Пальмерстона после 2 дек[абря] 1851 г. Возвращение (в министерство Абердина). Причины борьбы с Р[оссией].

[42] *На полях:* правила 50 лет сряду.
[43] *На полях:* Вебер, 344.
[44] *На полях:* Поляризация состояний.
[45] *На полях:* Вебер, 168.
[46] *На полях:* — 526—8.
[47] *На полях:* Цена хлеба, ниже которой запрещен его беспошл[инный] (*далее знак вопроса рукой В. О. Ключевского*) ввоз по закону 1815 г., 34 фр. 40 сант. за гектолитр (3 9/10 четверика). Экон[омист] Мак-Куллох рассчитывал в 20 мил. ф[унтов] ст[ерлингов] ежегодную потерю потребителей от этого закона, но землевладельцы-земледельцы приобретали только 5 мил. ф[унтов] ст[ерлингов] прибыли, теряя 15 мил. от вздорожания рабочих рук ((Жук, I, 430)). Фунт ст[ерлингов] = 25 фр[анкам].
[48] *На полях:* — 522.
[49] *На полях:* Лоренц, 210.
[50] *На полях:* Вебер, 446.
[51] *На полях:* — 528.
[52] *На полях:* Лоренц, 470.
[53] *На полях:* — 239.
[54] *На полях:* — 471.

ВНУТРЕННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. УПРАВЛЕНИЕ И СУДОУСТРОЙСТВО. ФИНАНСЫ

Характер. Правила и приемы: не вводить[55] новых начал[56], даже не изменять по возможности госуд[арственных] форм, но приводить в порядок делопроизводство, особенно самих делопроизводителей, действуя на них дисциплинарно-психологически. Как эти правила проводились в законодательстве (кодификации), надзоре за управлением, судоустройстве и упорядочении государственного хозяйства. Реформа денежного обращения (Суд. 190 сл., 193). Канкрин на место гр[афа] Гурьева в 1823 г. Ввоз и вывоз[57] (204). Простонародные лажи (361). Восстановление серебр[яной] мон[етной] единицы ук[азом] 1 июля 1839 г. (381). Депозитная касса 1 янв[аря] 1840 г. и кредитные билеты (серебр[яные] ассигнации) 1841 г. (485 и сл.). Консервативный характер системы Канкрина (Первые железные дороги).

УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА. ДВОРЯНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС[58]

Состав р[ус]ского общества по данным 8-й ревизии (1836 г.)[59]. Всего ок[оло] 50 мил. об[оего] пола. Общественные пропорции по 7-й рев[изии] 1816 г. на 18 800 тыс. душ[60] муж[ского] н[аселения] классов *производящих*[61].

Купцов	85 000 муж[ского] п[ола]	}
Мещан	740 000	}
Вольных людей	97 000	}
	922 тыс. — почти 1/20 (без 30 тыс.) — 0,97	

Казен[ных] и уд[ельных] крестьян . . . 6 400 тыс. + 550 тыс.
Крестьян 16 930 000 = (17,78).

Помещичьих 9 800 тыс.
Разных ведомств 180 тыс.

—17 852 000 муж[ского] п[ола][62]

Непроизводящих классов:

Дворянства около— 225 000 д. $\frac{1}{85}$

[55] *На полях:* Лоренц, 474.
[56] *На полях:* Не перестройка заново, по отвлечен[ным] теориям в ремонт старого по наличным потребностям.
[57] *На полях:* Лоренц, 449; Зап[иски] Смирнова ⊕.
[58] *На полях:* 3 чт[ение].
[59] *Над строкой:* 1833 г.
[60] *Над строкой:* ревиз[ских].
[61] *Над строкой:* подобных. *Далее на полях:* Всего об[оего] пола Арсеньев полагает менее 45 мил.
[62] *На полях:* Всех с неподатными по 7 рев[изии]. 20 мил. муж[ского] пола. — Средн[его] класса 922 тыс.: менее 1/20. Двор[янство], дух[овенство] и разноч[инцы] — 1,1907; 1/20 с 1/4. Крестьян почти 17 мил. — 17/20.

Духовенства 215 000
Разночинцев 750 000
—1 190 000 = (1/20 + 1/80) — 1,25

Военных до 1 мил. *19 042 000*

Непроизводящий кл[асс] к произв[одящему] как 1 : 9.
Фаб[риканты], ремесл[енники] и купцы к хлебопаш[цам] — 1 : 20.
Среднего класса [63] к общему числу жителей — 1 : 25 [3].

(В других европейских странах 1 : 5).

Городских обывателей [64] до 3 мил. душ об[оего] п[ола], к сельскому насел[ению] (крестьяне, дво[рянство] и дух[овенство]) — 1 : 12.
(Нач[ертание] ст[атисти]ки [Российского государства] Арсеньев, 1818 г., [т.] I, 63—66).
Число помещиков и крепостных по 8-й рев[изии] (Тр. 67) [65].
Всех душевладельц[ев] в Европ[ейской] России без Войска Донского... [66] (127, 103).
По 84,7 души на 1 владель[ца].
У них крепостн[ых] м[ужского] пола 10 766 561.
Казенных (государств[енных]) ок[оло] 9 м [67] д[уш] м[ужского] п[ола] (8,831 т.) (Кеппен$^{\oplus}$, 192).

Комитет 1826 г. об устройстве всех состояний. Неудача.

Три состояния, подлежавшие вниманию.

1) *Дворянство.* Положение 6 дек[абря] 1831 г. о местной службе дворянства — приведение в порядок [68] и сравнение с общей государственной. Усиление преобладания правом выбирать председателей [69] суд[ебных] палат (в 1801 г. при коронных председателе и 1 советнике, 2 выборных от дворянства и 2 от купечества [70] заседателей); из 2 выбранных кан[ди]датов государь назначал одного председателем гражд[анской] или уголов[ной] палаты. Выборная земская полиция преобразована по проекту Мин[истерства] [71] вн[утренних] дел гр. Блудова 1837 г.: к выборному элементу коронный; исправники выборные, уезд — на станы, становые пристава назначались губ[ернским] правлением из лиц, указываемых на дворянских выборах, из местных дворян [72] (но с 1838 г. земская полиция устранена от заведования казен[ными] крестьянами). Уставом гимназий и ср[едних] уч[ебных] заведений 1828 г. дворянству предоставлено выбирать из себя [73] поч[етного] попечителя губ[ернской] гимназии. Дворянская выборная администрация, как и суд[ебный] [74] персонал ока-

[63] *Над строкой:* ib. Горож[ан] податных.
[64] *Над строкой:* Купц[ов], мещ[ан] и разноч[инцев] с воен[ными].
[65] *На полях:* Семевский, 2, 570.
[66] *Над строкой:* на 53 мил. всего (52, 412 тыс.) (Кеппен, XIII).
[67] *На полях:* Несообразн[ые] цифры гр[афа] Кис[елева] 2, 93 п. и 118. В 1839 г. всех крепостных (и с удельными) считали до 25 мил. об[оего] п[ола] (ib., 246). В 1850—[185]6 гг. государственных крестьян до 20 мил. (ib., 116 и 124).
[68] *На полях:* Славатинский, 448.
[69] *На полях:* — 477 и 466—467.
[70] *На полях:* Товар[ищ] пред[седате]-ля от короны 271.
[71] *На полях:* Полож[ение] о зем[ельном] пол[ьзовании].
[72] *На полях:* — 469.
[73] *На полях:* — 471.
[74] *На полях:* 498—9.

зывались хуже коронной. Черемисский идол земского суда и жертвы, как духу зла. Владение населенными землями и крепостными душами признано исключительным правом дворянства по закону 1836 г.[75] Право делать представления начальству[76] о пользах и неудачах точнее опред[елено] и расширено. Положением 1831 г. и дополнением 1836 г.: для объяснения своих просьб и жалоб высшему правительству может избрать депутатов на случай вызова их правительством. Это в дополн[ении] 1836 г.: не только о сословных своих нуждах, но и о прекращении местных злоупотреблений или об устранении неудобств, замеченных в местном управлении[77], — предст[авитель]ство о нуждах целого края и всех обществ[енных] классов. — Состав[78] дворянского общества: потомственные: с голосом — имеющие недвижимость в той губернии, не моложе 21 года, чин 14 класса или прослужил по выборам дворянства 3 года. Участие в выборах непосредственное — не менее 100 душ крестьян или 100 свобод[ных] поселян на его земле, а также не менее 3000 дес[ятин], хотя незаселенной, но в одной губ[ернии]. Участие в выборах чрез уполномоченных. Перемена в х[аракте]ре местной сл[ужбы] дворянства[79].

2) *Государственные крестьяне.* Спер[анский] в 1872 г.: *первым* шагом к преобразованию[80] креп[остного] права д[олжно] б[ыть] устройство казен[ных] крестьян: «Этот род людей беднеет и разоряется не менее крестьян помещичьих; повинности не соразмерены с землей; зем[ские] исправники — так же помещики, только меняются, и есть на них нек[ото]рая управа; зато сии трехлетние помещики не имеют побуждений[81] беречь крестьян». Разговор о казенных крестьянах в 1836 г. Государственные имущества — часть государственного достояния, служившая непосредственным источником государственного дохода (земли, леса, угодья), и потому особую отрасль администрации. Слияние черных земель с дворцовыми в XVII в. Земли Тевт[онского] орд[ена], государственные староства в З[ападной] России; церковные земли и конфискованные. Черносошные в 1714 г. названы *государственными* (однодворцы, ясашные инородцы и т. п.); к ним все по разным случаям освобождавшиеся (малоросс[кие] казаки, вольные хлебопашцы, обязанные крестьяне, колонисты). За исключением Сибири и Закавк[азского] края, земель казачьих, горного вед[омства] и воен[ных] поселений к 1838 г. в Европейской

[75] *На полях:* За бессемейную женщину у недворянина по зак[ону] 1842 г. обязател[ьный] выкуп 50 руб. Зак[он] 1842 г. Запрет лицам из креп[остного] состояния, возвед[енным] в дворянство, приобретать (до 3 покол[ения]) имения, в которых они, отцы или деды были записаны по ревизии Славатинский, 284.

[76] *Над строкой:* Мин[истерство] вн[утренних] дел.

[77] *На полях:* — 428.

[78] *На полях:* — 435.

[79] *На полях:* Мунд[ир] мин[истерства] вн[утренних] дел.

[80] *На полях:* Зап[ись] о креп[остных] людях (Арх[ив] ист[орических] и практ[ических сведений], 1859, кн. 3, с. 13). Таже мысль в Департ[аменте] законов (Семевский) и в комит[ете] 1826 г. (ib., 9, 2, 554).

[81] *На полях:* Киселев, 2, 10, 11.

России считалось казенных засел[енных] и незас[еленных] земель до 87 мил. дес[ятин] и лесов до 119 мил. дес[ятин]. Департамент государственных имуществ при Министерстве финансов. Пожалования до 1801 г. и военные поселения; при Павле 5 апр[еля 17]97 г. в состав удельных имений отчислены дворцовые и нек[отор]ые разряды казенных и поставлены в разряд *помещичьих*, как и командорственные; вместе с тем Положение о разделении *казенных* на волости[82] и о порядке их управления. При Николае более 300 тыс.[83] государственных крестьян перечислены в удельные, т. е. из свободных в полукрепостные (ib. 38). Устройство сельского управления до 1797 г.: указы 1760 г. и 1761 г. о выборе старост и мирском сходе и 19 мая 1769 г. об ответственности старост и выборных за недоимки (круговая порука вм[есто] личной ответственности плательщика за подати); община — только податная единица, подать — независ[ящая] от земли[84] контрибуция. Права по Учрежд[ению] 1775 г.; по указу 3 окт[ября] 1779 г. государственные крестьяне *наказываются не иначе как по приговору суда*. Предположения Ек[атерины] о сельском устройстве в указе 1790 г. о составлении волостей в Яросл[авской] и Волог[одской] губ[ерниях] и *проект жалов[анной] грамоты* свободному сельск[ому] сословию. Указ 1805 г. о составе мирского схода из домохозяев и его право суда в маловажных делах в 1811 и 1812 гг. Расстройство управления казенных крестьян в нач[але] [царствования] Николая по недостатку *надзора и защиты* (Канкрин, 1825 г.)[85]. Мысль Канкрина и Государственного совета об устройстве центр[ального] управления государственным имущ[еством] и казенными крестьянами 1834 г.

Осуществление мысли[86]. Открытие Министерства государственных имущ[еств] 1 янв[аря] 1838 г. Фавор Киселева и слово о нем Николая[87]. Устройство государственных крестьян. Положение их: в 15 центр[альных] великор[осских] губ[ерниях][88] на 3 мил. душ государственных крестьян было кабаков по 1 на 701 душу в 1837 г., а на 4 882 тыс. помещичьих[89] крестьян там же по 1 на 2691 душу. Наделы не более $^1/_2$ дес[ятины] по 20 д[есятин] на душу, и вовсе без наделов до 600 тыс. душ. Недоимки в[90] 1836 г. до $68^1/_2$ мил. руб.; у 125 тыс. душ не было вовсе скота. Планов лесов не было; в Псковской губ[ернии] не отыскивалось 11 тыс. дес[ятин] казен[ного] леса[91]; ежегодная потеря от пожаров лесных и порубок более 4 мил. руб. асс[игнациями].

[82] *На полях:* — 30 сл.
[83] *Три слова написаны над:* несколько сот тыс[яч].
[84] *Три слова написаны над:* постоянная.
[85] *На полях:* — 33.
[86] *На полях:* отд[еление] Собств[енной] канцелярии (Семевский, 2. 25) в апр[еле] 1836 г.
[87] *На полях:* — 75.
[88] *Слова над:* имениях.
[89] *На полях:* — 45.
[90] *На полях:* — 18.
[91] *На полях:* — 50.

Образование сельских обществ (6895) по 1500 душ и волостей (1449) до 8000 душ[92]; выборное управление[93]; опись земель, надел, переложение подати на землю, оброчное положение, продовольствие (запасные магазины), школы, сельские банки, из них ссуд ежегодно до 1½ мил. руб.[94] Доход по отчету 1842 г. ок[оло] 29½ мил. руб., земских и обществен[ных] сборов по[95] окладу ок[оло] 6200 тыс. руб., а в 1854 г. податей и разных сборов почти 48 мил.[96], рекрут и ратников в 1853—55 гг. до 460 тыс. человек из 8,826 тыс. душ ревизских[97], по 1 из 19 душ. Киселев послом в Париж в июле 1850 г. В кратком обозрении деят[ельно]сти министерства за 18 лет: из 1432 тыс. душ, составляющих прирост по 9 рев[изии] 1851 г. по всем сословиям, 1 191 тыс. принадлежит государственным[98] крестьянам. Крестьянские волнения в Оренбургском крае.

3) *Крепостные крестьяне.* Сущность крепостного права по Сперанскому. Разговор с Киселевым в 1834 г. Характер мер Николая по этому делу. Задача Николая в речи 30 марта [18]42 г. (Семевский, 2, 9). Закон 13 февр[аля] 1827 г. Положение крепостного владения по 8-й ревизии[99]. Секретные комитеты. Состав вопроса: 1) дворовые люди, 2) личная свобода крепостных крестьян, 3) поземельное их устройство. Разработка вопроса по составным частям. Мнение Государственного совета, утвержд[енное] 2 мая 1833 г., и имен[ной] указ[1] запрещает продавать и отдавать дворовых и крестьян без земли за долги[2] и казен[ные] взыскания и передавать их в посторонние руки каким-либо об[разом] с раздроблением семейств. Комитет 1840 г. о мерах к уменьшению числа дворовых людей (по докладу гр. Блудова — II отд[еление] Собств[енной] канцел[ярии]. Секрет[ный] комитет 1844 г. по записке государя. Дворовых числилось до 1 200 тыс. душ[3]. Указ 12 июня 1844 г., — владельцы, отпуская дворовых, могут заключать с ними договор по обоюдному согласию о платеже выкупных сумм или ежегодного оброка по смерть владельца и на урочные лета[4]. Без действия, доказав слабость развития юрид[ических] начал между тогд[ашними] государственными людьми: за неисполнение договора дворовый подвергается и уголовной каре — отдаче в рекруты или отдаче в заработки частным лицам и даже в крепостные работы (каторгу)[5].

92 *На полях:* — 83.
93 *На полях:* Волост[ные] и сельские управления для админ[истрации] расправы для суда и мирские сходы по делам обществ.
94 *На полях:* Сберега[тельные] и вспомогат[ельные] кассы.
95 *На полях:* — 91.
96 *На полях:* — 117.
97 *На полях:* — Кеппен, 215 и 190.
98 *На полях:* — 129.
99 *На полях:* Лоренц, 480; ((Тр. 67)).
1 *На полях приписано:* Киселев, 2, 230. Семевский, 2, 548—555. вопр[ос] о продаже без земли.
2 *На полях:* Семевский, 2, 131.
3 *На полях:* Киселев, 235.
4 *На полях:* кабальн[ые] и.
5 *На полях:* — 241.

Перечень законов о крепостных крестьянах, изданных при Николае[6]. Незначительность их прямого действия; причины — недостаток юрид[ического] понимания и решимости, несовершенство редакции. Косвенное действие этих законов: законодательная подготовка общ[ественного] мнения и юрид[ических] оснований (и экономических) для освобождения крестьян. Перемены в хозяйственном положении и отношениях крестьян к владельцам по сравнению 8 и 10 рев[изий]. Разбор ук[аза] 2 апр[еля] 1842 г.[7] об обязанных крестьянах[8]: наиболее решительное, но прикрытое проведение основных начал будущей подготовлявшейся реформы, как они вытекали из определ[ения] Спер[анского] 1836 г.: отделение вопроса о личной свободе от выкупа земли (частью под влиянием остзейской эмансипации); земельный надел в пользов[ание] как *условие* раскрепления и добровольное соглашение как юридическое *средство* (определения отношений); поземельное прикрепление освобожденных с наделом крестьян (в Департ[аменте] законов и в комитете 1835 г. (Семевский, 2, 554 и 22 ср. 545 п.). Из комбинации этих понятий обязательное отчуждение помещичьей земли в надел крестьянам[9]. Инвентари в зап[адных] губерниях[10]. Волнения крестьянские в Остзейском крае и в великоросс[ких] губерниях 1855 г. Практич[еская] невозможность продолжения креп[остного] права по сознанию им[ператоpа Ни[колая] в разгов[оре] с Кисел[евым] (Семевский, 2, 21).

УНИЯ И РАСКОЛ

Государственная важность униатского вопроса и ошибочное отношение правительства к вопросу о расколе: полицейским нажимом усиливали, сплачивали его вм[есто] того, чтобы дать действию просвещения медленно разложить его: раскол опасен как церк[овное] общество, не как вероучение.

МИНИСТЕРСТВО НАР[ОДНОГО] ПРОСВЕЩЕНИЯ

Особенная важность его при Николае. Задача его закрепить народным образованием полит[ический] состав общества. Момент в отношения России и Зап[адной] Европы[11] и ее цивилизации,

[6] *На полях:* Закон 15 февр[аля] 1827 г. (Св[од] зак[онов], IX, § 1107); Славатинский, 294.
[7] *На полях:* 60—63.
[8] *На полях:* Мысль о нем Спер[анского] (Семевский, 2, 7). Заседание и закон. Договоры навсегда с срочными переменами (ib., 64) 4 имения: гр[афа] М. Воронцова, кн[язя] Витгенштейна, М. Потоцкого и Феклы Потоцкой с сыновьями — всего 24 708 (Семевский, 2, 104).
[9] *На полях написано:* Нерешительность Николая в деле инвентарей (Семевский, 2, 532).
[10] *На полях:* Лоренц, 479.
[11] *На полях:* З[ападная] Европа.

обозначившийся в деятельности министерства: заимствовать научные знания, необходимые для удержания места, занятого в международной европ[ейской] политике, но не брать духа и понятий европ[ейской] цивилизации, оберегая самобытность церковного, политического и нравственного строя народа. Это расширенная программа Петра[12].

* * *

[...]ных учений тогдашних французских[13] публицистов; но она хотела дать им возможно широкое применение в местном управлении. Утвержденные ею 7 ноября 1775 г. губернские учреждения с небольшими изменениями действовали до земской и судебной реформы 1864 г., а некоторые действуют и доселе. Главные начала Положения 7 ноября: коллегиальный порядок ведения дел, довольно последовательно проведенное разделение ведомств административного и судебного с отделением суда уголовного от гражданского, сословный состав суда в низшей и средней инстанции, совместное участие представителей трех сословий в лице выборных заседателей, именно в Нижнем земском суде, Совестном суде и Приказе общественного призрения.

* * *

Новое образование центр[ального] управления было делом царствования Александра I[14]. На ходе этого дела заметно отразились некоторые черты личного характера императора. Мечта-

[12] *На полях:* Возможно ли заставить мысль остаться в сословных рамках? Неизвестно — надо попробовать. Проба Николая не удалась. Предоставленная свободному развитию, она сама вышла бы из рамок, не тронув (оставив) их целыми; запертая в них, она принялась ломать их, чтобы вырваться из них.

[13] *На полях:* К реформам Ал[ександра] I. Преобразованные Сперанским центральные учреждения были только части обширного преобразовательного плана, обнимавшего все управления сверху донизу — до сельской волости. Имп[ерато]р принимал деятельное участие в составлении этого плана, пересматривал и исправлял проект и не решился осуществить его в полном составе ввиду препятствий, какие он должен был встретить по своей широте и новизне своих начал. Шильдер о реформах центрального управления. Совет Непременный (173), и Комиссия законов (Ib.) министерства (189). Нар[одное] просвещ[ение] (192). Государственный совет (231). Констит[уционные] помыслы (233). Падение Сперанского (239, 19.19).

[14] *На полях:* К х[арактеристи]ке Ал[ександ]ра I: 19 авг[уста]. Не любил искать и не умел находить людей. Утомляемость. Павел упивался властью, смаков[ал]. А[лександ]р I — произвол великодушия. Игра в свободу, как на плац-параде, теперь в Сенате и манифестах, выставка законности. Кокетка свободы, либерализма. Павел на лицо, как сам Павел был изнанка р[усского] самодержца (Ш и л ь д е р ⊕, 178): все выходки и выходки, и язык революции (178), и перед собой кокетничал. Самодурство либерализма как и деспотизма — одна цена. Во франц[узские] идеи А[лександр] рядился, как барыни в чепцы (182 i), — и попались: комедия с Сенатом (191). Люди, с которыми он близко сходился, невольно превращались во временщиков, только на более культурной почве. Самое ограничение произвола у него выходило произволом же. Это был носитель самодержавия, себя стыдившегося, но от се[бя] не отрекавшегося.

тельный от природы, исполненный высоких и неясных идеалов по воспитанию и возрасту, но осторожный и подозрительный по раннему житейскому опыту, он принес на престол больше благих желаний, чем практических средств для их осуществления. Из среды, его окружавшей до воцарения, екатерининской и павловской, он вынес тяжелое впечатление беспорядка и произвола да горячее желание как можно скорее водворить в империи порядок и законность. Но мало знакомый с прошедшим России и с ее настоящим положением, он не имел достаточно наблюдений, чтобы составить по ним целесообразный и удобоисполнимый план требуемых этим положением преобразовательных мер, и не видно, чтобы думал о том, найдется ли достаточно людей, способных осуществить эти меры. Он руководился мыслью, что хорошие законы и учреждения нужнее и надежнее хороших людей, которые всегда — только счастливые случайности, и что как скоро явятся хорошие законы и учреждения, то всякие люди будут вести себя хорошо [15].

СОСЛОВИЯ [16]. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

До конца царствования Петра В[еликого] главным источником, из которого правит[ель]ство черпало необходимые ему средства, служил обязательный труд в пользу государства [17], разверстанный в виде специальных повинностей между основными классами р[усского] общества (служилым землевладельческим, городским торгово-промышленным и сельским земледельческим). Эта разверстка спец[иальных] повинностей, соединенная с известными также специальными правами, и придавала обществ[енным] классам характер разобщенных, замкнутых сословий.

Петр I не только не ослабил, но еще осложнил эту разверстку, установив обязательное обучение дворянства и распространив воинскую повинность рекрутскими наборами на неслужилые классы.

После Петра становился заметен обратный ход строения русского общества: специально-сословные повинности, падавшие на свободные классы, постепенно облегчаются или упраздняются, а сословные права их определяются точнее и расширяются; тем и другим сословия, уравниваясь и сближаясь, подготовляются к совокупной [18] деятельности в местном управлении [19].

[15] *На полях:* и без особенных усилий правительства его органы будут действовать хорошо.

[16] *На полях:* не ясно 22 авг[уста] или 12.

[17] *Далее зачеркнуто:* Государство получало нужные ему средства от принудительного обязательного труда (на государство) основных классов (обществ) р[усского] общества.

[18] *Написано над:* совместной.

[19] *На полях:* Гор[одское] общество (Д и т я т и н ⊕, 436). Настоящ[ие] гор[одские] обыватели (421) и другие классы (422). Город[ские] службы (259). Плот[ность ?] О нуждах и пользах (433).

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТИПОВ

1 *[1880-е годы]*

Весь этот человек — игра природы и судьбы: обе эти причудницы хотели показать на нем, как они изобретательны в своих капризах. На худеньком, узеньком личике, составляющем фасад его сплюснутой детской головки, как-то вырос лошадиный нос чуть ли не в аршин длины, вдобавок еще искривленный. Между узким лбом и расширенным затылком нет никакой соразмерности. Трус с маковки до пяток, он носит воинственную фамилию; эта фамилия французская, а каждая капля его жидкой крови пропахла гамбургским немцем, и этот немец родился в самом сердце России и увидал родную Германию, когда начинал уже забывать немецкий язык, на котором заговорил в русской деревне, как только стал говорить его язык. Урод внешне и внутренне, он особенно любит историю искусства. Родившись с скудным запасом способностей, которого хватило бы только на маленькое ремесло, он стал профессором необъятной науки.

Бесхарактерный, вечно боящийся поноса, он больше всего ценит дисциплину и твердость. Расположенный к миру и мещанскому самодовольству, он был принужден бороться за каждый свой житейский шаг и вечно разочаровываться в себе; уныние стало его привычкой. По своей натуре он добрый семьянин, мечтавший о счастье с любящей честной Гретхен из честного мещанского семейства, но ему пришлось жениться на ледяной бабе неприличного происхождения, родители которой — старый русский барин и крепостная Офелия со скотного двора. Обстоятельства и честолюбие сделали его интриганом, но природа отняла у него все средства, нужные для притворства. Боясь проиграть гривенник в карты, он проиграл пóтом и кровью нажитые тысячи в банке. Не чуждый влечения поерничать, он до сих пор не дерзнул узнать, где у дам застегивается ворот. От долгого занятия он полюбил непосильную для него науку, но так, что внушает к ней отвращение в слушателях своим непомерным усердием.

2 *21 апр[еля] 1892 г.*

Я хочу описать жизнь человека, которого я долго знал и Вы нередко видели, но которого я никогда не считал действительно живым человеком, каким он казался, а Вам он казался совсем не

таким человеком, каким он действительно был. Поэтому моя повесть — и не роман, и не биография. Это не роман, потому что герой ее — не вымысел моей фантазии, а действительное лицо, вращавшееся между нами, приноровлявшееся к нашим понятиям, вкусам и интересам; но это и не биография, потому что его действительная жизнь не была фактом нашего общежития, его действительные, собственные его понятия, чувства и интересы не входили в общий житейский оборот, в состав понятий, чувств и интересов времени, не отрицали и не пополняли их, а жили совсем в стороне, своей особой жизнью, подобно тем далеким от Земли звездам, недоступным невооруженному глазу, которые не оказывают никакого уловимого действия на нашу планету, хотя и оставляют впечатление на объективе астрономического прибора. Существование этого человека сложилось из мечты и призрака: чем он жил сам в себе, то не выходило за пределы его мышления и воображения; то, что он говорил и делал, составляло только его наружность, его призрачную физиономию, не имевшую никакой связи с его внутренним содержанием. Это был живой сон, греза наяву.

3 *[1890-е годы]*

В последнее время чаще и чаще начал мелькать новый, любопытный тип в русской ученой среде. Предания прошедшего молчат об этом типе; в преданиях нашего прошедшего рисуются только два типа ученых деятелей. Первая половина нынешнего столетия была продолжением героического времени нашей науки: умственные силы, пробужденные в прошедшем веке, впервые взволновались широким, свободным движением — и среди них сейчас же обозначились простые, первоначальные образы деятелей, резко противоположные друг другу. Одни — исполины, богатыри, приносившие с собой в первобытное общество могучее умственное и нравственное движение; как и все герои эпической поры, эти богатыри после долгой, упорной борьбы слагали оружие пред непобедимой судьбой, выразившейся в пословице: «плетью обуха не перешибешь». Праотцем этих богатырей служит колоссальный образ холмогорского крестьянина. На днях мы читали поучительную повесть об одном из недавних представителей этого типа... Под их широкой сенью кишели кучи маленьких деятелей, вся роль, все значение которых до дна исчерпывалось форменными пуговицами их синего фрака. «Волею начальства мы поставлены и должны служить» — в этом лозунге высказывался последний резон их бытия, глубочайшая задача их призвания. Оба типа — знамения хаотического времени: по законам исторической экономии неизбежны наряду с Ахиллами, Муромцами и эти Ферситы, Алеши Поповичи науки, как по законам экономии природы неизбежны паразиты на слоне, на баобабе.

Движения последних двух десятилетий продолжали творческое дело развития и в этой сфере нашей жизни: прежние типы, развиваясь, разнообразясь сами, получили еще нового товарища.

Подобно двум старшим, этот новый ученый тип — знамение своего времени, и очень много дающее для характеристики нашего умственного развития. Прежде всего — это тип недавний, только народившийся, не попавший еще не только в горнило романиста, но и на наковальню критики.

4 *29 дек[абря] 1891 [г.]*

У нас всегда были и теперь есть много умных и мыслящих дельцов, прекрасно знающих каждый среду, в кот[орой] он действует, умеющих следить за движением житейской волны, которая несет его. Но у нас недостает приборов, приемов и привычек, чтобы подводить общие итоги жизни, и потому нет уменья собирать и сводить дробные, микроскопические наблюдения в общее представление о положении дел, в цельную картину переживаемой минуты. Короче, у нас очень неудовлетворительно устройство народного *самонаблюдения*. Космогонический богатырь былин, который с трудом поднимает свои тяжелые ресницы и еще не видит своих ног, пот[ому] что по пояс в землю врос. Эта отсталость наблюдения от действительности, недостаточное понимание своей собственной деятельности — словом, недостаток народного самосознания — вот [1] точка зрения, которая служит исх[одным] пунктом русск[ого] пессим[истического] миросозерц[ания], почва, на которой растет русский пессимизм. Как скоро на эту почву попадет нетерпеливая, излишне возбужденная туземная мысль [2], вырастает представление, которое становится питательным содержанием [3] пессимизма. Это представление о том, что русская мысль и русская действительность далеко разошлись друг с другом и идут каждая своей дорогой, что первая, не понимая потребностей второй, не в состоянии направлять ее, а вторая, предоставленная своим стихийным влечениям, может привести к роковым результатам или по крайней мере к неожиданным кризисам и что не предвидится средств восстановить дружное взаимодействие той и другой.

5 *[Без даты]*

Полное взаимное равнодушие разделяет русскую историческую литературу и русскую читающую публику: обе очень редко встречаются друг с другом и еще реже вспоминают друг о друге. Надобно признаться, что это равнодушие хорошо заслужено обеими сторонами. В последнее десятилетие не появилось ни одного нового труда по русской истории, который сильно приковал бы к себе внимание общества. Зато и общество, с своей стороны, ничем не заявило живого интереса к своему прошедшему, не подсказало науке никакого серьезного исторического вопроса, не дало знать,

[1] *Далее зачеркнуто:* та.
[2] *Далее зачеркнуто:* из нее.
[3] *Над строкой:* материалом.

зачем, для каких насущных потребностей, умственных или нравственных, ему нужно знать свое прошлое.

У каждой стороны есть свои причины, которые создали такое странное отношение между ними. Чтобы увидеть их обеим сторонам, следует только каждой быть откровенной. Я не знаю, какой сильный умственный или нравственный интерес может овладеть обществом в том настроении, в каком находимся мы теперь, — обществом, которое носит на себе [4] очевидные признаки утомления и разочарования,[5] не помня ни сделанных усилий, ни обманутых надежд, чувствует лом в костях и жажду покоя, как будто после дальней и быстрой езды, хотя последние годы устойчиво оставалось на одном и том же месте, — которое, словом, вопреки апостольскому совету желает есть, не потрудившись. Где вошло в привычку жаловаться на централизацию, на [6] стеснение общественной самодеятельности, на недостаток прав и не пользоваться тем, что дано, пренебрегать обязанностями, как скоро слабеет надзор, где быстро забывают, чем были вчера, и не желают подумать, чем быть завтра, — там историк найдет вокруг себя немного внушений, способных возбудить энергию его мысли, дать направление его работам, оживлять в нем чувство ответственности за принятую на себя обязанность, — там, с другой стороны, не нужна историческая книга, которая не возбуждает приятной тревоги в праздных нервах и не предлагает нового проекта для усовершенствования общественного комфорта. Помня старое предание, что патриотизм есть долг каждого гражданина, там берут в руки книгу, заглавие которой прямо говорит об этом отечестве и [7], если не находят в ней ни предисловия, ни подробного оглавления, тотчас ставят ее на полку.

Беспристрастие заставляет прибавить [8], что в последнее время бо́льшая часть сочинений по русской истории не имеет права сетовать на подобную судьбу. Даже те [9] люди, количество которых хорошо известно опытным книгопродавцам, которые прежде [10] составили себе привычку к серьезному чтению и теперь вопреки времени не могут от нее отстать, — и те начинают отставать от русско-исторической литературы. Нельзя винить в этом недостаток таланта в русской историографии: книги и статьи, наиболее у нас читаемые, едва ли способны поднять спрос на талант. Еще меньше виноват здесь недостаток трудолюбия: бо́льшая часть сочинений по русской истории [11], появившихся в последние годы, написана с удивительным прилежанием.

[4] *Далее зачеркнуто:* следы.
[5] *Над строкой приписка карандашная:* унылым.
[6] *Далее зачеркнуто:* недостаток.
[7] *Далее зачеркнуто:* и не нахо[дят].
[8] *Над зачеркнутым:* сказать.
[9] *Далее зачеркнуто:* немногие.
[10] *Над зачеркнутым:* составили в прежнее вре[мя].
[11] *Далее зачеркнуто:* за послед[ние].

ВЕЧЕРНИЕ ЧТЕНИЯ В АБАСТУМАНЕ

[Конец 1893—нач[ало] 1894 г.]

Мужчины[1] начали пристально смотреть назад, потеряв дорогу, чтобы знать куда идти дальше, — и дамы декольтировать спину, чтобы посветить мужчинам в их поисках. Да, костюм дамский не всегда для отвода зорких глаз, а иногда и фонарь для теряющегося мужского зрения. Рыбки-морячки на Петровской выставке инстинктивно.

Самая высшая власть — повелевать инстинктами, и эта высшая власть становится лучшей, когда заставляет инстинкты служить рассудку. Такова роль врача. Лучшая его практика — наблюдать не за тем, чтобы больные становились здоровыми, а затем, чтобы здоровые не делались больными, как для правителя приятнее выводить из тюрьмы, чем сажать в нее[2].

Сказка для взрослых. Праздные размышления росс[ийского] дворянина и титул[ярного] советника в отставке, Гамлета Щигр[овского] уезда, удостоенного вниманием знам[енитого] и великодушного росс[ийского] сочинителя Ивана Тургенева⊕: Эпиграф. Сказка для детей рассказывает невозможные и небывалые события, по к[ото]рым дети a contrario (по контрасту) учатся понимать возможное и действительное, как по ошибкам учат правила. Сказка для взрослых — эта мысль праздных людей о таких предметах, подумать о которых никогда не придет в голову деловому человеку, но от невнимания к которым одинаково страдают и дельцы и бездельники. У слепого, г[ово]рят, г[ла]за[3] в затылке. Это, конечно, очень мешает ему идти вперед. Но идущим вперед не мешает иметь[4] за собой человека, который видит назад: ему виднее направление и кривизна пути.

Мысль человека размышляющего любопытна на всех путях и направлениях, по которым она пробивается к чистой и ясной вершине, где все ясно и открыто, нет ни дебрей ни буераков, к той Лысой горе[5], где обитает чистая истина.

Он думал, сам не зная отчего: лежит, лежит, да и придумает (319). Любил последовательность и в интересе даже блох, где чем следует быть. — Он понимал смысл слов по звуку голоса собеседника. «Я Гегеля изучил, м[илостивый] г[осударь], Гете знаю наизусть», заеден рефлексией, прячется за других, не возвышает голоса, *смирился.* Робок, а порой у далай-л[амы] табачку попросит понюхать. Нет ничего оригинального, собственного, своего, особенного. Складочное место общих мест; *глуп* по-своему, свой запах имеет. Ум его застрял между двумя мирами, энцикло-

[1] *Над строкой:* не спится — отчего не поболтать. Пустая, но с содержанием.

[2] *Первые два абзаца в тексте зачеркнуты. Далее:* психология ежедневной жизни «имух давши». Мимо летящий, как облака.

[3] *Далее зачеркнуто:* во лбу.

[4] *Далее зачеркнуто:* позади себя.

[5] *Далее зачеркнуто:* которая есть, которую зовут.

педией Гегеля и русской жизнью (323). — Он подмечал противоречия: и зачем анг[лийской] болезни забираться в Щигров[ский] у[езд]? (324). Воспитанник противоречий историч[еских] — франц[узского] гувернера, немца Филипо́вича из нежин[ских] греков. Киснул под предлогом мечтат[ельной] наклонности к прекрасному. Не чужд *литер[атурной] чесотки,* хотя понимал уедин[енную] благодатную работу (326). Толки о философии, любви, вечном солнце духа и прочих *отдаленных предметах* (327). *Пописывал стишки, дневники* (329). Груша (331). Он и к жизни, как к невесте, — спиною (332t). Он и *духом смирился,* и голова нагнулась (335). — Занятие литературой (336): про афоризмы не сказал Тург[ене]ву, *таланта* нет. Молодой человек отозвался, *как о человеке выдохнувшемся и пустом.* — Увидел ясно, *какой пустой,* ненужный, неоригин[альный] человек (337).

Цель: полож[ительная] и отриц[ательная]: 1) как не надо думать; 2) что́ надо додумать. Точно веет запах 40-х г[одов] при чтении сочинения: *идеи, чувства, женщина, жизнь* ((Лр. 1833, 239)). Повторить азбуку, выучившись грамоте.

Она не давала сражений, хотя и одерживала много побед, даже над победителями, не завоевывала царств, хотя все завоеватели — ее дети, и право — она пролила над ними больше материнских слез, чем они неприятельской крови. Значит, и у женщины должна быть история и даже своя особая история. Но как узнать ее, по каким хартиям и летописям? А по ее платью. *Игла—перо.* Костюм — это ее летопись, памятник ее дум и чувств и ее хартия, лучшее художественное создание. В костюм она положила половину своей души или по меньшей мере значительную ее долю. Говорят, дипломат Талейран сказал, будто язык дан мужчинам, чтобы скрывать свои мысли. Но если мужчина языком глотает [6] свои мысли (вероятно потому, что совестно показать их людям), то костюм [7] дан женщине для того, чтобы открывать свою душу (наверное потому, что это лучшее, что есть у ней). Костюм женщины — это ее история, биография, ее философия; что угодно, только не ее дипломатия. Сама она может быть скрытна, сдержана, говорить не то, что думает и думать не о том, что г[ово]рит; но ее костюм всегда рассказывает о том, что́ она думала вчера и о чем г[ово]рила с матерью или мужем сегодня. Женщина любит, чтобы все, что ее окружает, было ей по душе, а из окружающего ее ближе всего к ней — ее костюм.

Что же, однако, м[ожно] прочитать по дам[скому] костюму и что может начертать женская игла? Возьмем примеры поближе к нашему времени. Революция — разум — прилив крови к мозгу. И у женщин высокий ворот, стремившийся с плеч взобраться по шее до самой макушки. Очевидно, когда мужчины стремились отдаться под философскую власть разума, женская игла хотела овладеть самим разумом. Начало века — белое и черное (печаль и грусть, умыванье рук в ужасах).

[6] *Над строкой:* прячет.
[7] *Над строкой:* игла.

Настала после Наполеона эпоха Реставрации, общего ремонта, когда люди [8], запыхавшись от поспешной беготни вперед, захотели собрать растерянные по дороге впечатления и часто оглядывались назад, как будто потеряв дорогу [9]. Загляните в модные картинки при журналах 1815—1830 гг.: дамы принялись декольтировать спину, как будто перевернув баску спереди назад. Для чего? Чтобы посветить своим усталым и растерянным главам в их поисках найти потерянную назади дорогу. Значит — дамский костюм не всегда прибор для отвода зорких глаз, а иногда и фонарь для тускнеющего мужского зрения. Белое и черное. Рыбки-морячки на выставке 1872 года — не по Ил[овайскому], а по собственному историч[ескому] чутью.

Это все азбука жизни, но именно потому и пренебрегаемая взрослыми. Но ... о чем бишь я начал? ... Да, о древнерусских рядных записях. Итак, я собираю эти записи, чтобы по ним восстановить историю древнерусского женского костюма, а по костюму составить историю древнерусской женщины, т. е. историю ее души, потому что у женщины нет другой истории. Мужскую историю [ищем по] забытым бумагам в пыльном архиве, а женскую — в кладовых изношенного платья. Что делать? Таково наше ремесло: мы запоздалые подметальщики [10] сора жизни и блеск дня наблюдаем по угасающим лучам заката.

Ищут вчерашн[его] дня, а зачем жив[ут] настоящ[ей] минутой, не-историки [11] теряют вчерашние дни? Мне собирают родные. Как я вошел в сношения с Гамл[етом] Щигр[овского] уезда.

Критика историч[еская].

Как будто сначала [12] порядок, а потом кой-как вперемежку мысли разных порядков. Многие мысли считал своими только [13] п[отому], что впервые узнал от самого себя, не знал что их давно высказали другие. Наклонность к софизмам: это, очевидно, от причины, указанной в эпиграфе. Робок, а порой у самого далай-ламы табачку попросит понюхать⊕.

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

[1] *30 н[ояб]ря [18]97 г.*

Назначение *интеллигенции* — понимать окружающее, действительность, свое положение и своего народа.

Проблески такого понимания, размышления об этом становятся заметны с половины XV в.

[8] *Далее зачеркнуто:* уставши.
[9] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово.*
[10] *Над зачеркнутым:* могильщики.
[11] *Далее зачеркнуто:* его.
[12] *Далее зачеркнуто:* по незнанию.
[13] *Далее зачеркнуто:* система.

До этого времени русская мысль была усвоением идеалов, принесенных со стороны, христианством, и обращалась к своей туземной действительности только для того, чтобы уразуметь и почувствовать ее непримиримое несогласие с этими идеалами, т. е. чтобы оправдать и даже узаконить свою наклонность игнорировать и даже презирать ее.

При первом же пробуждении в обществе этой мысли о действительности, о своем положении обнаружилась особенность, сопровождавшая все дальнейшее ее развитие; она, эта мысль, вызывалась не ограниченным ростом общественного сознания, не внутренней потребностью размышления, а механически, внешними толчками.

До Петра I было четыре таких толчка, вызвавшие четыре порыва пробуждавшейся общественной мысли, прорезавшие 4 первые зуба у новорожденной русской интеллигенции: падение Византии и борьба московского государя со своими боярами, пресечение старой династии и церковные новшества патр[иарха] Никона.

Классификация интеллигенции:

1) Люди с лоскутным миросозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных.

2) Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению: <...>, толстовцы etc.

3) Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами.

2. МЫСЛИ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Это слово недавно вошло у нас в употребление и держится пока только в газетном жаргоне. Оно некрасиво, хотя имеет классическое происхождение. Некрасиво оно потому, что неточно, значит не то, что хочет обозначать. Оно означает собственно человека разумеющего, понимающего, и им обыкновенно называют человека, обладающего научно-литературным образованием. Как видите, это понятия различные, хотя и не противоположные. Очевидно, это — первое слово, подвернувшееся торопл[ивому] писателю⊕, когда он искал простейшего термина, которым можно было бы обозначить такое сложное явление, как человек, имеющий научно-литературное образование. Таков уж характер газетного лексикона: он весь состоит из слов кратких и неточных, которые не столько слова, сколько условные знаки.

Но и промахи не бывают случайны. Трудно найти одно удачное слово, а неудачных всегда можно набрать много: ом де летр [1], человек культурный, цивилизованный, мыслящий и т. п. Почему бы, наконец, не остановиться на старом и привычном «образованном» человеке? В былое время очень удобно обходились посред-

[1] Homme de lettres (*фр.*) — писатель.

ством этого термина: он и намекает на приличную дозу научного образования, и предполагает посильную степень разумения, как неизбежное последствие этого образования. «Интеллигент» резко подчеркивает только последствие, не захватывая его причины, что против логики. Это тем неожиданнее, что именно теперь в нашем обществе загорается великий спор, в котором обе стороны решительно отрывают последствие от его причины. Одни настойчиво доказывают необходимость для нас общеевропейского научного образования как единственного средства правильно понимать вещи и, доказывая это, рисуют такое образование, которое едва ли приведет к пониманию чего-либо. Другие еще настойчивее начинают утверждать, что мы, русские, можем хорошо понимать вещи и без помощи научного образования, и, утверждая это, обнаруживают такое понимание, для которого действительно не нужно никакого образования. Очевидно, здесь есть какое-то недоразумение, не только логическое, но еще более историческое. Случилось так, что бойцы первого лагеря, ополчающиеся за научное образование как необходимое средство понимания, написали на своем знамени лозунг, который скорее годится быть иронической кличкой для их противников, грозящих все понять без всякого образования. В этом нечаянном qui pro quo [2] не сказалось ли то же недоразумение, из которого исходит завязывающий спор? Может быть, потребность перезвуковать образованного русского человека в интеллигентного внушена полусознательным, патологическим процессом, который совершается в современном русском обществе и [образец] меткого диагноза которого дан в пословице: «Кто чем болит, тот о том и говорит». Не потому ли и подвернулось слово, смешивающее образование с пониманием, что способность понимания у образованного русского человека становится больным местом, в котором завелись бактерии сомнения в виде запятых?

Об этом стоит подумать.

Культурный феномен, обозначаемый этим новым термином, довольно давно живет в нашем обществе. Что особенно удивительно, этот феномен явился у нас, сопровождаемый тем самым недоразумением, которым питается упомянутый выше современный спор. Только этот печальный спутник научно-образов[анного] русского человека стал заметен несколько позже последнего. В нашем обществе, как и во всяком другом, люди разумные и понимающие были и тогда, когда еще не было людей, умеющих писать и читать. Когда среди нас стало водворяться искусство чтения и письма, с ним вместе появились и книги, и вместе с книгами пришла к нам книжная мудрость. Так как первые книги у нас были переводные, а первые оригинальные книги плохо повторяли то, что хорошо было написано в переводных, то эта книжная мудрость была для нас подарком добрых, но сторонних людей, от-

[2] *Букв.:* кто вместо кого (*лат.*), т. е. недоразумение из-за того, что одно лицо (понятие или вещь) принято за другое.

блеском чужого ума. Мы встретили ее, как встречают желанную, но слишком высокую гостью, с растерянной приветливостью и удрученным смирением. Как взглянул русский разумный и понимающий человек на просвещенный мир сквозь привозные книги, так и впал в крайнее уныние от собственного недостоинства, от умств[енного] и прав[ового] убожества. Русская земля показалась ему таким бедным, заброшенным уголком Вселенной, где [ни] Христос не учил, ни пророки не пророчествовали, ни апостолы не походили своими стопами. Тогда русский ум припал жадно к книгам, к этим «рекам, наполняющим Вселенную, этим исходищам мудрости». С тех пор разумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек «книжный», т. е. обладающий научно-литературным образованием, и самою глубокою чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так народился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента: это был нищий духом, побиравшийся под окнами европейских храмов мудрости плодами чужого ума, крупицами с духовной трапезы, на которой ему не было места.

Сам себя он любил сравнивать с трудолюбивой пчелой, божей работницей, перелетающей с цветка на цветок и собирающей пылинки на свечу, которую набожная рука затеплит перед иконой.

Впрочем, полного согласия и тогда уже не было между обоими качествами, книжным образованием и простым пониманием вещей, совместившимися в этом интеллигенте. Всякий обладатель книжной мудрости считался разумным и понимающим человеком; но бывали разумные и понимающие люди, не обладавшие книжной мудростью. Только эти последние не ссорились еще с первыми; бывали между ними разногласия, но не было разлада. По свидетельству нашей древней летописи, такое мирное разномыслие возникло как только ступила на нашу почву книжная интеллигенция. Князь киевский Владимир Святославович, приняв христианство, так понял его заповедь о любви и всепрощении, что считал грехом казнить даже разбойников. Но епископы раз заметили князю, что ему, как поставленному богом казнить злых и помиловать добрых, подобает казнить разбойников, только под условием предварительного следствия. Владимир тогда едва ли еще обладал в полноте книжным образованием; но, несомненно, это был человек, многое понимавший. Однако князь и духовн[ые] советники посоветовались и разошлись мирно, потому что первый сказал последним: будь по-вашему. Пришлые из Греции епископы, вероятно, еще многого не понимали в новой для них полуязыческой стране; но они, несомненно, были люди, обладавшие книжным образованием. Примирение достигалось с помощью церковного календаря. Эта новая для Руси система времясчисления оказала могущественное дисциплинирующее действие на ум и сердце русского человека. Приноровляясь к ней, русский человек завел у себя два периодически сменявшихся порядка жизни, праздничный и будничный, два стола, два платья, наконец, два

настроения, два прибора чувств и понятий. Весь приобретенный запас книжной мудрости пущен был в праздничный оборот; остатки простого житейского разумения, не основанного на книжном учении, положены были в карман будничного кожуха или сарафана и донашивались по будням. Раз Владимир Мономах, на дальнем пути, сидя в санях, невольно праздный, раздумался о своей жизни и, пришедши в праздничное, торжеств[енное] настроение, задумал написать поучение своим детям; здесь он заповедал им не преступать клятвы, не забывать убогих, не убивать ни правого, ни виноватого, не губить никакой души христианской, а среди будничных дрязг своей многотрудной жизни и нарушал клятву, и шел, и громил русские села, гоняясь за своим братом-князем в усобице, и, напав врасплох на христианский город, не оставлял в нем, по собств[енному] сознанию, «ни челядины, ни скотины».

Но пока образованный русский человек обзаводился книгами и книжными понятиями, пока он занимался своим умственным и нравственным домостроительством, с Русской землей случилось большое несчастье: азиаты, давно к ней подкрадывавшиеся, наконец пришли и завоевали ее. Начав[шаяся] образов[ательная] работа приостан[овилась]. Вооружившись привычным смирением, русский народ мужественно перенес это несчастье, собрался с силами, построил крепкое национальное государство и сбросил с себя азиатское иго. Но тогда открылось необычайное зрелище. Оказалось, что легче было перенести татарское иго, чем собственное величие. Политические и национальные успехи разрушительно подействовали на умственную дисциплину образованного русского человека: он утратил прежнее смирение и возгордился. Политические и национальные успехи были достигнуты не им, образованным человеком, а народом и его вождями, которые не все умели грамоте. Сам он, образованный человек, во время игр не сделал ни шагу вперед на поприще науки и искусств, даже значительно подался назад: во время Мономахов и Мстиславов у него были училища с языками латинскими и греческими, а во время Иоаннов не хватало школ простой русской грамотности — и, однако, он возгордился и возомнил о себе неподобное. Взирая на подвиги своего народа в борьбе с врагами, совершенные без посторонней помощи, русский книжник XVI в. посредством логического скачка пришел к убеждению, что и ему, образованному русскому человеку, нечего искать на стороне, что у него дома есть все нужное для его умственного и нравственного преуспеяния [3], что завет отцов и дедов дает ответы на все вопросы, которые могут возникнуть среди потомков. На беду случилось обстоятельство, облегчившее этот скачок: Византия, духовная наставница Руси, надела на себя азиатское ярмо незадолго до того, как ученица сбросила его с себя. Сметливый ум русского книжника нашел внутреннюю связь между этими событиями: значит, в Ви-

[3] *Над строкой:* обихода.

зантии пало истинное благочестие, а Русь засияла им паче Солнца во всей поднебесной, и ей суждено стать вселенской преемницей Византии. Оставшись без учителя, русский книжник сам почувствовал себя в роли учителя, самодовольно осмотрелся кругом, и мир преобразился в его глазах: все ему представилось теперь не так, как представлялось прежде. Русская земля, еще недавняя идолослужительница, темное захолустье вселенной, явилась последним и единственным в мире убежищем правой веры и истинного просвещения; Москва, до которой не дошел ни один апостол, как-то оказалась третьим Римом, московский царь остался единственным христианским царем во всей Вселенной, а сам он, этот московский книжник, еще недавний «новоук» благочестия, вдруг очутился единственным блюстителем и истолкователем истинного христианства, весь же остальной мир погрузился в непроницаемый мрак неверия и суемудрия. Словом, русский образованный человек стал на себя непохож. Куда девалось его прежнее смиренномудрие? Из скромной и трудолюбивой пчелы он превратился в кичливого празднослова, исполненного «фразерства и гордыни», проникнутого нехристианской нетерпимостью. Не находя истинного православия нигде за пределами Русской земли, он неправославных христиан не хотел удостоить даже звания христиан, а его прямой предшественник, русский образованный летописец XII в., немцев-католиков, ходивший в Третий Крестовый поход биться за гроб господен, не усомнился признать «святыми мучениками, проливавшими кровь свою за Христа». «Доброе дело, — писали на Руси в XI в., — читать книги, особенно всякому христианину: чтение книги для праведника то же, что оружие для воина, что парус для корабля». А в XVI в. на Руси были *учители*, которые строго-настрого заповедовали любознательным юношам не читать много книг. Смотрите, говорили они, стращая последствиями этого опасного занятия: вот один от книг ума исступил, другой в книгах «зашелся», третий в ересь впал. Прежде высшей похвалой для образованного русского человека было сказать о нем, что он «муж книжен и философ». Теперь этот образованный человек даже хвастался своим незнанием философии и презрением к ней. «Братия! — поучал он, — не высокоумствуйте; если кто тебя спросит, знаешь ли философию, ты отвечай: Эллинских борзостей не [4] [знах?], ни ритарских астрономов не читах, ни с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех». Прежде русский книжник любил переведенные с греческого статьи по разным отраслям знания: по минералогии, логике, медицине, риторике; митроп[олит] киевский, обращаясь к Мономаху с поучением о посте, считал нужным и приличным изложить ему в послании основания психологии. Теперь русский книжник неистово кричал: «Богомерзостен перед богом всяк любяй геометрию; не учен я словом, но не разумом, не обучался диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею».

[4] *Далее одно неразборчивое слово, с окончанием на ох.*

Что же оставалось книжного и ученого в этом книжнике и учителе, который так презирал книги и всю книжную ученость? Осталось одно мастерство чтения и письма, насколько оно требовалось в тогдашнем церковном и канцелярском обиходе, да еще осталась непреодолимая уверенность, что человек, обладающий этим мастерством, способен разрешить все житейские недоумения, все мировые вопросы [5]. Этот самонадеянный грамотей-мастер, уверенный, что можно всё понимать, ничего не зная, и был вторым типом русского интеллигента, и самой характерной особенностью этого типа были гордость личная и национальная.

Что значило такое странное культурное явление? Прежний книжник прилежно учился книгам и посредством книжного учения старался понять вещи; но по скромности он не считал себя ни всё знающим, ни всё понимающим [6]. Книжник нового типа учился несравненно меньше прежнего, но считал себя [по]нимающим несравненно больше, потому что не признавал книжного учения [7] не только единственным, но и [8] главным источником понимания. Откуда же почерпал он это понимание, этот «разум Христов», обладанием которого он так гордился? Этот разум Христов, т. е. христианское разумение жизни, было не столько разумением, сколько притязанием на разумение. Действительное разумение, как витиевато не выражай его тогдашний книжник, было [9] [повторением] прежнего же простого, от предков унаследованного понимания вещей, только наряженное, подкрахмаленное [10] в книжные фразы. Прежде это простое понимание далеко не во всём сходилось в книжном, но признавало превосходство последнего, и за это последнее признавало за ним некоторое право существования, отводило ему место в будничной жизни как низшему порядку понятия. Благодаря такому признанию и продолжительному соседству в простое понимание кое-что перепало из книжного миросозерцания, несколько понятий и чувств, всего больше нравственных формул, которые ничему не мешали. Книжное миросозерцание было для Руси новым и пришлым идеалом, далеким от туземной действительности, но долженствовавшим преобразовать ее и связать с чуждым ей дотоле образованным миром, где господствовали высшие понятия и лучшие понятия. По самой новизне и высоте своей это миросозерцание [11] будило туземную мысль, заставляло своих первых русских носителей размышлять и перевоспитывало местные чувства даже тогда, когда еще не было в со-

[5] *Далее зачеркнуто:* Стоит только подыскать в божественном писании подходящее изречение или свидетельство и истолковать его по вдохновению, т. е. как вздумается или как требуется. (Облад ть такой капризной и разнузданной) экзегетикой [⊕], ничему не учась, и значило иметь в себе разум Христов.

[6] *Далее зачеркнуто:* это естественно.

[7] *Далее зачеркнуто:* не было для него ни.

[8] *Над зачеркнутым:* даже.

[9] *Далее зачеркнуто:* повторением.

[10] *Над зачеркнутым:* в литературном отношении.

[11] *Далее зачеркнуто:* волновало русские умы.

стоянии преобразовать[12] местные отношения. Посредством этого размышления и перевоспитания новое миросозерцание прививалось к туземной жизни. Худо ли, хорошо ли совершалась эта прививка, но она совершилась и дала много красивых цветов, обещавших не только обильные плоды. Однако этого было достаточно, чтобы после пятивековой христианской жизни, оглянувшись патриотическим взглядом на родное прошлое, увидеть в нем не языческий мрак, а яркое сияние истинного света. И вот когда в пораженных внешними событиями глазах русского книжника весь мир пал и погрузился в неисходный мрак, а Русская земля осталась единственной светлой точкой во всей поднебесной, тогда исходищем света, ее озарявшего, признана была ее пятивековая христианская старина. В чем застали эту старину, в том и поставили ее, как светильник, долженствовавший освещать действительный путь русскому обществу. Говоря проще, образованный русский человек XVI в. решил, что впредь русское общество должно довольствоваться умственным и нравственным запасом, накопленным в эти пять веков, с его недодуманными и непримиренными представлениями, неуясненными, хаотическими ощущениями, со всем его праздничным и будничным двоемыслием. Образованный русский человек хотел поступить со своим обществом точно так же, как это общество поступало со своими недорослями или подростками. Едва подросток начинал читать только Псалтырь и выводить по линейкам фигуры, похожие на буквы, как его хватали и выталкивали из учебной комнаты на улицу, в действительную жизнь, приговаривая: «Полно учиться и ребячиться, пора жить своим умом и наживать своих ребят». Итак, не учение с разумением, к[ото]рым гордился русский книжник XVI—XVII вв., было[13] остановкой русского ума на пути, по которому он пошел со времени святого князя Владимира. Только что начал он перестраивать свое первобытное простое миросозерцание согласно с привнесенным в книгах идеалом, едва затвердил по ним несколько новых понятий и правил, еще не успев хорошенько вдуматься и вжиться в них, пропитать ими свои нравы и житейские порядки, как уже бросил свою работу, сначала удрученный[14] народными полит[ическими] несчастиями, а потом отуманенный и избалованный народными политическими успехами. [15]Построив христ[ианский] храм, он[15] продолжал жить в[16] прежней языческой избе и по языч[ескому] завету, только развесил по стенам христианские картины[17]. Некогда он поставил себе целью так устроить будничный порядок русской жизни, чтобы не убивали

[12] *Над строкой:* перестроить.
[13] *Далее зачеркнуто:* только.
[14] *Над зачеркнутым:* внешними.
[15–15] *Над зачеркнутым:* вышло, что, начав устраиваться по-христиански, русский образованный человек остался.
[16] *Далее зачеркнуто:* своей.
[17] *Далее зачеркнуто:* изображения, которые напомнили ему начатую им, но незаконченную священную историю.

не только правого, но и виноватого. Не имея возможности скоро добиться этого, он хоть по праздникам не переставал твердить об этом. И его настойчивость не пропадала даром: на деле продолжали убивать не только виноватого, но и правого; однако до XIV в. ни в один кодекс не решились внести статьи о смертной казни за какие-либо преступления. Интеллигентный человек второго типа не ставил себе цели своего предшественника, оставил дело, как оно шло, даже в торжественные минуты не твердил, как ужасно убивать своего ближнего, и законодательство не только открыто признало смертную казнь за сам[ые] тяжел[ые] прест[упления], но и грозило ею каждую минуту за всякий вздор: за прием беглых крестьян, за взятки, за употребление на рынке хлебной меры без казенного клейма, за торговлю табаком, за порубку дерева в заповедном лесу, даже за ловлю переясл[авских] сельдей неуказным неводом. Таких отступлений от прежних задач и не пересчитать. Значит, новое миросозерцание, усвоенное образованным русским человеком, было отречением от прежних идеалов, от связи с миром, откуда принесены эти идеалы, от дальнейшей работы над собой, своими нравами и порядками; надменный русский книжник малодушно признавал торжество доморощен[ного], низменного, некнижного понимания над прежним — возвышенным, книжным, отказывался от мышления во имя предания, от новых знаний во имя повторения задов.

За то с ним случилось то же, что с евангельским рабом ленивым и лукавым, который закопал в землю вверенный ему господином [18] талант, чтобы тем вернее сберечь хозяйское добро, да и самому не работать. Тот самый софизм, которым ленивец оправдывал свою лень, послужил только к отягчению его вины. Так было и с древнерусским образованным человеком: продолжение тех же полит[ических] событий, к[ото]рые внушили ему такую гордость, послужили для него бичом. Он считал себя единственным в мире хранителем и носителем правой веры и разума Христова; но эту веру, этот разум он превратил в мертвый капитал; не пустил в житейский оборот, не хотел сотворить дел веры и разума. Когда Московское государство начало устраиваться после татарского ига, ему для своей защиты понадобились разнообразные технические знания. Оказалось, что русский образованный человек не имел их, и не хотел приобретать [19], считая их низкими и суетными: пришлось сманивать и выкрадывать техников из чужих земель. Оказалось и более того. Устроители государственного порядка искали поддержки и опоры в порядке церковно-нравственном.

Можно было ожидать, что с эт[ой] стор[оны] здесь политикам будет мало хлопот: ведь русский интеллигент, объявив себя единстве[нным] в мире обладателем правой веры и благочестия, давно должен был обратить все свои помыслы и усилия на дело их

[18] *Далее зачеркнуто:* хозяином.
[19] *Далее зачеркнуто:* их.

утверждения в родной земле. Но он и здесь оказался евангельским рабом. На Стоглавом соборе царь представил пастырям русской церкви докладную записку, из которой было видно, что православные русские миряне [20] не научены никакому благочестью, не умеют молиться, в церкви ведут себя, как в корчме: стоят в шапках, празднословят, шумят и смеются [21], ругаются так, что и у иноверцев не твор[ится] так[ого] бесчиния, заражены пороками, которые и называть противно, что и пастыри не лучше своих овец, сами живут «во всяком безчинии и пиянстве», церковные службы совершают не по уставу, в церквах на глазах мирян, пьяные сквернословят и дерутся, грамоте плохо знают, и еще хуже и учат, богослужебные книги не умеют переписать правильно [22], в монастырях «вся злая совершаются» [23], иноземцы, смотря на все это, дивятся и хохочут. Так из всего надменного благочестия русского книжника вышел один [24] грех, соблазн, да посмех. Когда мирское правительство при содействии церковного принялось за исправление церковного и нравственного порядка, возникли недоумения и задачи, для разрешения которых понадобилась уже не техническая выучка, но и научное образование, привычка к отвлеченному размышлению, умение обращаться с высшими вопросами жизни и ве́дения, а у русского интеллигента ничего этого не оказалось. Когда начали править испорченный невеждами текст богослужебных книг, поднялось много вопросов, касавшихся не только грамматики, риторики, но и философии, и богословия, а русский интеллигент не знал этих наук [25] и стоя перед новыми задачами, или оставался нем [26], связан безгласием и пленен неразумением, или злился и кричал без толку о гибели древнего благочестия, о вторжении латинских ересей в церковь Христову. Так гордый русский интеллигент очутился в неловком положении: то, что знал он, оказалось ненужным, а что было нужно, того он не знал. Он знал возвышенную легенду о нравственном падении мира и о преображении Москвы в третий Рим, а нужны были знания артиллерийские, фортификационные, горнозаводские, медицинские, чтобы спасти третий Рим от павшего мира. Он мог по пальцам пересчитать все ереси римские, люторские и армянские, а вопиющих домашних пороков не знал или притвор[ялся] не замечающим [27]. Тогда и стало ребром зародившееся гораздо раньше недоразумение, которое состояло в неумении правильно определить отношение привозного книжного образования к простому доморощенному

[20] *Над зачеркнутым:* христиане.
[21] *Далее зачеркнуто:* злоупотребляют клятвою и именем божиим.
[22] *Над словами:* переписывается не.
[23] *Далее зачеркнуто:* монахи шляются по миру и торгуют святыней.
[24] *Над зачеркнутым:* только.
[25] *Далее зачеркнуто:* и не считал нужным их знать, и теперь.
[26] *Далее зачеркнуто:* и безответен.
[27] *Далее зачеркнуто:* испроказилась Махметовой прелестью, а в России паче солнца просияла святых отцов учением; но им же воспитанные властные и знатные дельцы докладывали ему, что в этой России есть грехи, которые сто́ят иноземных ересей и прелестей.

пониманию вещей. Образованный русский человек знал русскую действительность, как она есть, но не догадывался, что́ ей нужно и что́ ей делать, т. е. не понимал ее, а не понимал потому, что ничего не признавал кроме нее, как своего единственного идеала, пока сама же она не раскрыла ему своих недостатков и не закричала о своих нуждах. Тогда впервые почувствовал русский интеллигент, что можно знать родную жизнь, не понимая ее, и что для понимания нужно знать еще нечто кроме нее; но как [28] нужно знать, чтобы понимать, и что еще нужно [28] знать — этого он не мог уяснить себе. В этом и состояло его недоразумение.

ВЕРОВАНИЕ И МЫШЛЕНИЕ

Февр[аль] [18]98 г.

Вместе с великими благами, какие принесло нам византийское влияние, мы вынесли из него и один большой недостаток. Источником этого недостатка было одно — излишество самого влияния. Целые века греческие, а за ними и русские пастыри и книги приучали нас веровать, во все веровать и всему веровать. Это было очень хорошо, п[отому] что в том возрасте, какой мы переживали в те века, вера — единственная сила, которая могла создать сносное нравственное общежитие. Но не хорошо было то, что при этом нам запрещали размышлять, — и это было нехорошо больше всего потому, что мы тогда и без того не имели охоты к этому занятию. Нам указывали на соблазны мысли прежде, чем она стала соблазнять нас, предостерегали от [1] злоупотребления ею, когда мы еще не знали, как следует употреблять ее. Греки поступали точь-в-точь, как сказочный индийский царь с своим богобоязнен[ным] сыном, которому он для сбережения его целомудрия с детства внушал, что черти — это девицы, и который, увидев девиц, сказал чересчур осторожному папаше напрямки, что черти понравились ему больше ангелов. Когда нас предостерегают от злоупотребления тем, чего мы еще правильно употреблять не умеем, всегда можно опасаться того, что при встрече с опасным предметом мы прямо начнем злоупотреблением. Так случилось и с нами. Нам твердили: веруй, но не умствуй. Мы стали бояться мысли, как греха, пытливого разума, как соблазнителя, раньше чем умели мыслить, чем пробудилась у нас пытливость. Потому, когда мы встретились с чужой мыслью, мы ее принимали на веру. Вышло, что научные истины мы превращали в догматы, научные авторитеты становились для нас фетишами, храм наук сделался для нас капищем научных суеверий и предрассудков. Мы вольнодумничали по-старообрядчески, вольтерьянствовали по-аввакумовски.

[28–28] *Над строками:* Это случилось, что он знал, даже понял и что́ еще нужно знать, чтобы понимать.

[1] *Далее зачеркнуто:* ее.

Как старообрядцы из-за церковного обряда разорвали с церковью, так мы из-за непонятного научного тезиса готовы были разрывать с наукой. Менялось содержание мысли, но метод мышления оставался прежний.

Под византийским влиянием мы были холопы чужой веры, под з[ападно]европейским стали холопами чужой мысли. (Мысль без морали — недомыслие; мораль без мысли — фанатизм).

ИСКУССТВО И МОРАЛЬ

[Февраль 1898 г.]

Воспитательное, культивирующее значение искусства всего удобнее определить отношением его источника или руководителя эстетического чувства к источнику нравственно-житейской деятельности, чувству нравственному. Бесспорность этого чувства и его годность быть меркой других житейских мотивов.

Общее или наиболее приемлемое мнение: чувство эстетическое — вспомогательное средство чувства нравственного; высшая задача искусства — облагораживать, возвышать человека; эстетика — помощница или младшая сестра этики; красота — служительница добродетели.

Непримиримая противоположность обоих чувств: основа одного — личное удовольствие, основа другого — самопожертвование, т. е. страдание. Обратно пропорциональное отношение между обоими чувствами в людях.

Где причина непримиримости, в природе ли обоих чувств, или в их употреблении?

Узость определения искусства у гр. [Л. Н.] Толстого. Отсутствие наличности трех у него необходимых факторов художественной деятельности (художник — сознатель[ный] «заразитель», художественный материал — проводник заразы, художественная заражаемая среда) во многих художественных моментах. Любуясь закатом солнца: где художник и художественный материал?[1] Свет, краски, облака, воздух — не внешние знаки, ибо не выражают переживаемых мною ощущений, и не они их производят во мне, а я их вкладываю в эти явления. *Бессознательное* творчество. Художественно воспроизведенный образ трогает воображение, а не сердце, не чувство, как художественно выясненная мысль возбуждает ум, не сердца́. Притом художник не передает испытываемое им чувство, а создает в других чувства (намеренно или бессознательно), которого сам не испытывал и даже не предвидел[2]. Настроение художника и настроения зрителя или слушателя — не одно и то же, а совсем разные по существу состояния:

[1] *На полях:* И где заражаемая среда, если я здесь художник?
[2] *На полях:* Кашель музыкой: ни музыкант, ни слушатель не кашляли; 1-й передавал кашель, а слушатель получил смех.

у одного творческое *напряжение*, чтобы передать, у другого *критическое* наслаждение от успеха передачи. Художник, испытывающий от своего произведения удовольствие одинаковое со зрителем или слушателем, испытывает его как зритель или слушатель, как критик себя самого, а не как творец своего произведения. Актер, играя преступника, не заставляет зрителя переживать им, актером, пережитое, а только, *поняв* психологическим изучением то, что пережил герой, совершая преступление, своей игрой дал зрителю *почувствовать* это пережитое преступником, но сам не переживал преступного момента, не чувствует действие своей игры на зрителя (актриса леди Макбет). Рубинштейн, доводя своей игрой дам до безумия, сам не безумел от своей игры. Гипно[ти]зер, усыпляя своего пациента, сам не засыпает от своей гипнотизации. Сцена, воспроизводя жизнь, передает публике не то, что воспроизводит, а публика, смотря на сцену, получает от нее не то, что та ей передает. Росси⊕, с брюшком играя сухощавого Гамлета, измучившего себя колебаниями между потребностью отмстить за любимого отца и между нравственным ужасом перед преступлением, передает трагический момент изнемогания доброй, но слабой воли под гнетом нравственного раздумья.

МЫСЛИ О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

[После 5 декабря 1893 г.]

Н. И. дал мне совет прочитать на сегодняшней нашей ассамблее одну статейку о Л[ермонтове]. Я принял этот совет потому, что не раз замечал у присутствующих особенную любовь к этому поэту. Л[ермонтов] поэт *нашей* молодости, т. е. моей и моих сверстников, а так как я наверное ровесник батюш[кам] и матушкам больш[инства] здесь присутствующих, то и могу от их и своего лица выразить почтенным слушателям живейшее и признательное сочувствие за то, что дети поддерживают предание отцов, разделяя их литер[атурные] симпатии. При таком преемственном сродстве вкусов мы, старики, как-то чувствуем себя меньше лишними на свете. Впрочем, поэзия не знает хронологии и всегда сближала людей, разделенных возрастом. Время не оставляет на ней следов, как бесследно проходит[1] оно мимо нетленных античных статуй п[етербургского] Эрм[итажа]. И томы Л[ермонтова] могут истлеть[2], но не постареют и сумеют быть ровесниками даже нашим внукам.

Статейка, к[оторую] прошу позволить прочесть, анонимная[3], без подписи⊕. Потому можно и не называть ее автора. «Что в имени тебе моем?» Впрочем, я настолько солидарен с ее мыслями, что готов сполна взять на себя ответственность за скуку, какую наведет ее чтение, и заранее прошу винить одного меня, буде почувствуете таковую, хотя и надеюсь, что из любви к предмету статьи слушатели будут снисходительны к ее содержанию. Статья писана больше для размышления про себя, чем для чтения вслух.

Да и происхождение статьи невеселое: она поминальная[4] и потому немного заунывна. Три года назад поминали 50-ю годовщину смерти Л[ермонтова]. По этому случаю высказаны были очень различные суждения о поэте. Одни называли его пессимистом, другие — русским Байроном, третьи — поэтом Weltschmerz'а[5], а один критик даже утверждал, что сюжет самого Демона

[1] *Над строкой:* бежит.
[2] *Над строкой:* обветшать.
[3] *Над строкой:* безымянная.
[4] *Над строкой:* заупокойная.
[5] Мировой скорби (*нем.*).

не принадлежит Лер[монто]ву, а взят им... не то у Мольера, не то у Виньи, — позабыл право. Прислушиваясь к этим суждениям[6], мы с автором публично[7] и решились закричать: Неверно... Разумеется, нам и досталось от литер[атурной] полиции по заслугам.

Индивид[уальность] — неразлагаемый áтом поэтич[еского] творчества.

Н. В. ГОГОЛЬ

I

[1892 г.]

Редкому писателю выпадало на долю столько озлобленных насмешек и негодующих порицаний, как Гоголю, и редкий писатель давал столько поводов, столько видимых оправданий желавшим смеяться над ним и бранить его, как Гоголь. Смеялись над ним глупые люди, бескорыстно восставая на него во имя здорового рассудка — вещи, им чуждой и ненужной. Бранили его злые люди, целомудренно щетинясь во имя христианской любви и гражданской благопристойности, над которой они внутренно смеялись и которую оскорбляли самой возможностью своего существования. В самом деле, как глуп его «Нос» и сколько нелепости в его «Ссоре Ив[ана] Ив[ановича] с И[ваном] Ник[ифоровичем]»! С другой стороны, какая бесчеловечная жестокость смеяться над Маниловыми, Плюшкиными, Коробочкой — людьми, никому не делавшими зла, кроме самих себя, старавшимися устроить свое счастье, как умели, счастье, положим, смешное, но безвредное для других, людьми больше жалкими, чем забавными, годившимися для филантропической богодельни, а не для комической сцены. Гоголю приходилось обороняться на два фронта: и от консервативной, и от либеральной атаки. Одни прозревали в его психологически-нелепых, но политически-ехидных «Мертвых душах» совсем неблагонадежный, злостный подкоп под основы государственного порядка и авторитет мудрого закона; другие с брезгливой гримасой говорили о его слащаво-плаксивой «Переписке с друзьями», где он, разбитый болезнью, будто бы поклонился тому, что презирал прежде, и оплакал то, над чем прежде смеялся.

Гоголь ни над чем не смеялся и ни о чем не плакал. Это он сам распустил сплетню про свой видимый миру смех и незримые слезы, и мир, обрадовавшись этой автобиографической диффамации, как публичному скандалу, с наслаждением поспешил сострадательно оплакать его видимый смех и злорадно осмеять его скрытые слезы, а ученые эстетики не замедлили составить из этой авторской обмолвки определение юмора как такого художественного настроения, которое созерцает мир сквозь видимый смех и незримые слезы.

[6] *Над строкой:* толком.
[7] *Над строкой:* печатно.

Гоголь ни над чем не смеялся и ни о чем не плакал, потому что ничего не презирал, а для того, чтобы смеяться и плакать, нужно презирать и смешное и жалкое. Он был «художник-создатель» и притом христианин[1], а такой художник не может ни смеяться, ни презирать: «для него нет ни низкого предмета в природе, в презренном у него уже нет презренного», ибо, прошедши сквозь чистилище его души, презренное получает высокое выражение. Так писал Гоголь. Подобные излишества любящего сердца, такие передержки художественного воображения и вызывали насмешки и злобу. Ничего не может быть смешнее и досаднее глубокой мысли в одежде[2] горячей фразы, ворвавшейся[3] в пустую и холодную светскую болтовню от скуки, ибо тогда светские болтуны перестают в одно мгновение сознавать и смысл своего существования и признавать свою обязанность быть приличными. «А! Туда же, обличитель!!» — злорадно ехидничали одни. «Просто неблаговидный[4] человек, не понимающий светских приличий[5]», — самодовольно зубоскалили другие.

Что больше всего в Гоголе злило одних и сбивало с толку других — это моралистическое направление его мысли, все явственнее проступавшее в его произведениях по мере того, как устанавливался его взгляд на вещи!

В Гоголе[6] трудно отделить нервную впечатлительность от эстетической восприимчивости и еще труднее заметить, где кончается эта экзальтация[7] и начинается вдохновение, художественное творчество. Тем хуже для читателя. Талант, подкрепляемый нервной возбужденностью и эстетической общедоступностью. становится силой не только убеждающей и пленяющей, но и гипнотизирующей, чарующей в простом физиологическом смысле слова. Он и творил, и вместе с публикой любовался своим творчеством, и страдал от этого неестественного соединения несоединимых положений[8] — зрителя и артиста. С каким захватывающим и волнующим энтузиазмом, обрызгивая читателя дождем ослепительных метафор и блестками отдельных метких замечаний, изобразил он Пушкина в чудном образе поэта, откликающегося на всё в мире и только себе не имеющего отклика! А разберите, что́ он сказал о нем, чем вышел у него Пушкин, зачем он был дан миру и что доказал собою. «Пушкин был дан миру, чтобы доказать собою, что такое поэт, *и ничего больше*». Это жрец чистого искусства[9] в смысле чистейшей математики,

[1] *Над строкой:* добрейший человек.
[2] *Над строкой:* оболочке.
[3] *Над строкой:* брошеной.
[4] *Над строкой:* приличный.
[5] *Написано над:* общения.
[6] *На полях:* Поучения пастырей — поэт[ический] источник (437 и 479 m).
[7] *Написано над:* восприимчивость.
[8] *Написано над:* ролей.
[9] *На полях:* Певучий инструм[ент], поэт[ический] фонограф.

какая-то поэтическая схема, своего рода художественный манекен, удивительный акустический прибор, звонко откликавшийся «на всякий отдельный звук, порождаемый в воздухе», жрец[10] поэзии, творивший под стеклянным колпаком в каком-то безвоздушном пространстве, изолированно от влияний места и времени, даже от собственного дыхания поэта, от влияния его личного характера, в пространстве, где нет ни истории, ни физики, а живет только гармония молитв, рифм и звуков[11]. Здесь резко проступила характерная особенность таланта Гоголя.

Гоголя сильно занимала мастерская писателя-художника. Привлекали его внимание таинственный процесс художественного творчества сам по себе, как редкий и любопытный психологический феномен, или он чувствовал неотразимую магическую силу, с какою действует на людей художник, когда выносит к ним творение, выработанное таким процессом, и Гоголю хотелось вполне овладеть таким страшным орудием влияния, изучив условия и средства художественного производства, — сказать трудно: могло быть и то и другое. В «Переписке с друзьями» он сам настойчиво говорит о том, как много занимался он познанием души человеческой.

«Мертвые души» писаны напряженно и тревожно, т. е. преждевременно. Автор не успел выносить в себе ни идеи произведения, ни художественной ее формы. Пораженный грандиозной мыслью, ему подсказанной, он чувствовал, что должен создать что-то великое, и по мере того как подвигалась его работа, в нем росло недовольство самим собой, досада, что исполнение ниже замысла. Это недовольство местами сказывается уже в первой части. Он убеждает читателей не судить о труде по его началу, по бедным и невзрачным характерам, здесь нарисованным; зато впереди он обещает им «колоссальные образы». Но эти колоссальные образы пока были не более как художественные порывы, туманные замыслы, не получившие твердых и ясных очертаний. Обещая лучшее впереди, автор невольно признавался, что недоволен написанным и не обдумал достаточно дальнейшего, — словом, что приступил к делу прежде, чем достаточно приготовился к нему. Приступив к делу сгоряча, с преувеличенными задачами, но без ясного, спокойного взгляда на него, он постепенно терял и чуткость оценки, и верность художественного глазомера: всё, что выходило из-под его пера, казалось ему ниже должного, а потому от дальнейшего он требовал бóльше возможного. Взвинчивая себя таким образом, чтобы подняться до высоты непомерно вздернутой задачи, он нечувствительно становился на ходули и вступил в состояние того искусственного экстаза или задора, в котором

[10] *Написано над:* поэт.
[11] *На полях:* В тайне не сочувствует этой бесстрастной математ[ической] поэзии (Ср. 478 m), вздор.

недовольство возможным рождает стремление превзойти желаемое. Это искусственно возбужденная нервная прыть сделала психологически возможным признание, в котором таким крикливым фальцетом прозвучало настроение, владевшее Гоголем во все время создания «Мертвых душ»: еще в первой части, описывая «бедность нашей жизни и наше грустное несовершенство», он уже чуял в отдалении время, когда «грозная вьюга вдохновения подымется из облеченной в святой ужас и блестанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей». Точно у артиста с режущим ухо визгом оборвалась квинта на скрипке от излишнего усердия вывести слишком высокую ноту.

«Мертвые души» писаны без авторского самодовольства, но и без художеств[енного] самообладания. Этим объясняется печальная судьба второй их части — ее нескончаемое переписывание, переделывание и, наконец, сожжение.

Восхищались как зубоскалом[12], порицали как обличителя. Внутренняя убедительность, напр[имер], статьи о театре.

Забота о самовоспитании, благоустроенности души — «Карамзин». Опасно судить о Г[оголе], не прочитав Исповеди, и еще опаснее судить о нем по ней.

Позволительно ненавидеть человека вообще, т. е. человечество как идею или историч[ескую] формацию, но не отдельных людей как живых существ.

Сравнение часто заменяет у него понимание (438 i), но и помогло пониманию — при европ[ейском] свете рассмотреть себя.

При ритор[ической] гремучести и пенистости энтузиастич[еский] блеск отдельных мыслей, сравнений в переписке[13].

[12] *Над строкой:* Это заметил сам (510 f).

[13] *На полях:* Г о г о л ь 145 m, 154 m, 157 m. Эпиграф (178 m). Неряшество растреп[анной] души (379 f), смирение и сомнение в себе (385 m, 387 i). Бесполезность сатиры (389 f). Царь живой по В ы х о д а м (390 f). Любовь к бедной душе человека (392 f). Весь § 2, 391 — образцовый. Рассердись и на себя (394 f), не своди глаз с себя — эгоизм оправда[тельный]. Церковь и европ[ейская] цивилиз[ация]. (396 i) — две церкви.

«История моей души» — последн[ее] сочинение (405 m). Существо Гоголя (ib.).

О себе самом (406 m). Самовоспитание (410 i). Против нац[ионального] самохвальства (411 m). — Х в а с т а т ь с я б у д у щ и м! Правда (411—12).

Дело Гоголя m.

«Р у с с к и й П о м е щ и к» — слащаво хвастовато-набожно. Переработка души художника (423 m). Нужда f. Управление собою (426 m). Собств[енный] образ (443). Опять самовоспитание (455 f). Опять (478 m, 498 m, 519 f). Подлое подножие всего — нынешний человек (430 i). Ж е н а д [о л ж н а] в е л е т ь мужу быть ее главой m. Карт[инно]-величавая наружность людей Ек[атерининского] времени (440 m). Восприимчивость русская — значение (448 i). П р и з н а н и е п о э т а — превосходно (454). Метко о р а з г у л е с и л б е с ц е л ь н о м (458 i). *Свет* любви — источник поэзии (459 i). Виды поэтов (ib., m). О б щ е с т в [е н н а я] к о м е д и я (470 f). Какое узкое понятие о б щ е с т в а — гувернерского (473). Боже! пусто и странно в Тв[оем] мире (487 m). Мы — не отлившийся металл (488 m). Переписка — поучение из могилы (495 i). Гордость

II. СМЕХ И СЛЕЗЫ

2 марта 1909 г.

Воспитанный пушкинским кружком, Г[оголь] подступил к русской жизни со взглядом, подготовленным к чуткому наблюдению ее противоречий. Но ему не растолковали происхождение этих противоречий. Он изобразил их со всей силой своего громадного изобразительного таланта, но не мог выяснить читателю их значение. Читатель поражался их ослепительной картиной, но они производили на него впечатление случайного анекдота, потому что картина лишена была исторического фона. Это и было на руку реакции. Во-первых, дозволяя и даже одобряя высочайше «Ревизора» и «Мертвые души», она констатировала публично, сколь она благоволит к свободе мысли и слова. А потом ужасы николаевского управления, изображенные в полумраке смеющейся скорби и в полусвете веселых слез, являлись не детищами высшего правительственного порядка, а выродками общественного бесправия, подтачивающего как бы безупречные основы высшего правительственного порядка. Гоголевская сатира скрашивала дрянное положение, как облако в солнечный день своей светотенью скрашивает болото. Художественный смех над общественным безобразием, не просветленный исторической мыслью, гасит гражданское негодование, без которого невозможно никакое общественное улучшение.

плана (504 i). Психология (505 i). Жизнь и современная — предмет (507 m, 511 m). Мысль о самопожертвовании (512 m).

«Мертвые д[уши]». Вымученный юмор в описании г[орода] NN (особенно 10 f, 41 f). Юморист. topica (11, 17), с нравоучением обличительным (47 t, 51 i): высов[ывать] язык (59 m и д. 109 m). «Ученый» — подлецом (192 i). Мужики — не иначе как в ухо (216 f). Кузнецы — непременно — подлецы: любимое слово, чуть не на каждой странице (222 m). Манерность и кропотливость [?] (20 m). 251 m — выглянули из окошка поэмы. Туманный лиризм сюрпризом (57 i, 91 f, 110). Хвастовство реализмом (134—135 f). Гроша не последовало. Самомнение (225 f). Нахвастал заранее (244 f). Карикатура (89). В другую сторону шарж — слишком умно для Ч[ичикова] (92 m). Изысканная грязь (180 m).

Мелкие мимолетные лица (97 m).

Такой же дядюшка, как он мне дедушка.

Маниловщина, не Манилов — «раздробленные» характеры (135 i). Там-то и погибель (166 i). Глаза — государство (167 i). Свои владения (165 f). Метко (179 i). Не хорошо — все фистончики (184 m). Если взглянет одна дама, выйдут белые (190 i).

Муж с божеств[енными] доблестями и *чудная* девица — или плутоватый человек, а обыкновенных нет (228).

Раз по пяти на иной странице — *подлец* — какую-то сласть в этом слове (248 i).

Именно до «первоначальных причин и неизведаны» х[аракте]ры в «Мертвых душах» (248 m). Какая-то мистика вместе с экзальтированной болтовней (f и 249 i), и везде обещание зажечь море («И еще *тайна*»...). Чичиков анализирован поверхностно — и, однако, «не загляни автор поглубже в его душу» (ib., m). Назойливость моралиста (252 m). *Риторика* экзальтации (254) и смешная.

Мешало ничем не заниматься (262).

И. С. АКСАКОВ

I

[31 января 1886 г.]

Несколько часов тому назад мы проводили на вечный покой одного из наших сочленов, И. С. Аксакова. Да будет ему вечная память! Каждый из нас будет долго чувствовать всю тяжесть утраты, понесенной с его смертью славянским делом, русским обществом, русской литературой и особенно русской период[ической] печатью. Но, поминая его теплыми словами в настоящем собрании, я должен держаться в пределах тех спец[иальных] интересов, во имя которых мы собираемся. Покойный посвятил всю свою жизнь вопросам, изучение к[ото]рых не входит в число прямых задач О[бщества] и[стории] и д[ревностей] р[оссийских]. Он работал на более широком и трудном поприще: он служил русскому и остальному слав[янскому] обществу и верх[овному] блюстителю общих русских и всеславянских[1] интересов громким словом честного, самоотверженного и даровитого публициста. Это одно из самых трудных и ответственных общественных служений. Но, идя в передовом ряду бойцов за русские и слав[янские] интересы, он на каждом шагу оглядывался на нас, скромный арьергард, или, говоря древнерусским ротным языком, сторожевой полк русской жизни, который, не участвуя в борьбе, подбирает падающих бойцов и читает над ними историч[ескую] отходную, — г[ово]ря обычным языком нашей науки, сводит факты и выводит итоги жизни. Немногие из соврем[енных] публицистов так любили обращаться к прошедшему за уроками и указаниями по текущим вопросам. Становясь перед каким-л[ибо] трудным вопросом нашей внутр[енней] или внешней жизни, он спешил обратиться к родной старине, чтобы спросить её, как надобно поступить. На его суждения в полит[ических] и обществ[енных] делах всегда падал яркий свет исторического размышления. В своих ист[орических] воззрениях он оставался верен преданиям школы, которую издавна привыкли называть славянофильской. Этой школе принадлежит видное место в нашей историографии, и в истории этой школы покойный занимал место, которое, думается мне, после него останется незанятым.

II

[После 31 января 1886 г.]

Под впечатлением непритворной скорби, вызванной в нашем обществе преждевременной смертью И. С. Аксакова, многие добрые и нечуждые образования люди приходят в недоумение от суждений[2] о покойном писателе, высказанных в нашей печати. «Ска-

[1] *Далее зачеркнуто:* благо.
[2] *Далее зачеркнуто:* высказанных.

жите, — спросит иной из этих людей, — почему называют И. С. Аксакова славянофилом и даже последним славянофилом». Я много лет и с великой любовью следил за его деятельностью как публициста, и она давно укрепила во мне убеждение, что так, как писал Аксаков, должен чувствовать всякий честный русский человек. Причем тут славянофильство, и зачем публициста, из глубины русской души всегда отзывавшегося на текущие вопросы и насущные нужды нашей жизни, таким широким взглядом смотревшего на положение и практические задачи нашего народа, зачем характеризовать его каким-то обветшалым и деланным, нерусским и [3] непонятным термином. Я не раз слыхал, что его называют славянофилом; но я всегда думал, что здесь речь идет больше о его родословной, чем об образе его чувств и мыслей: он родился и вырос в кружке, в котором некогда много говорили и писали о гниении Запада, об отношении новой России к древней, — вот и все его славянофильство. По родственным воспоминаниям, он иногда вскользь касался этих специальных славянофильских тем; но он шел своею дорогой. Из многочисленной толпы, с такою скорбью провожавшей его гроб 31 января, многие ли помышляют о гниении Запада, о реформе Петра, и в былые годы, когда мы толпами ходили слушать его на заседаниях Славянского благотворительного комитета, разве речами о мурмолках заставлял он обливаться кровью наши сердца? Может быть, теперь иначе понимают славянофильство, называя этим словом живое патриотическое разумение русских и славянских интересов. В таком случае И. С. Аксакова следует считать первым, а не последним славянофилом в настоящем смысле этого слова.

Теперь нередко слышатся подобные толки о покойном. Они всего прямее указывают то место, какое занимал Аксаков в славянофильской школе. Эти же самые толки всего убедительнее [4] доказывают, что после него это место останется незанятым, что у него не будет преемника. *Аксаков останется последним славянофилом.*

В самом деле, что такое славянофильство? [5] Было бы ошибкой думать, что это только *учение*, только известный образ мыслей. Многие и прежде разделяли и разделяют теперь славянофильский образ мыслей, не делаясь славянофилами. И сами славянофилы всегда думали о таких сторонних единомышленниках: *это наши, но это не мы.* Притом славянофильское учение родилось гораздо раньше славянофильства. Славянофилы стали известны в нашем обществе не раньше тридцатых годов текущего столетия, а их идеи, по крайней мере наиболее определенные, наиболее уловимые из них, были в ходу и настойчиво высказывались [6] уже в прошедшем столетии.

[3] *Далее зачеркнуто:* не славянским.
[4] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово.*
[5] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово.*
[6] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово.*

И. А. ГОНЧАРОВ

Май 1901 г.[1]

«Обломов», «От[ечественные] зап[иски]». Мысль романа (351, 353). Только к лучшим дворянам приложимы слова Ольги (354).

— Тетка Ольги — кой-что из Ек[атерины] II (208).

— Ольга перетонена и вышла ходульной, неясной (382—3).

— Истое дворянство и истая служба (342 f — 343).

Социально-психологический состав *барина* (344).

— Лучшее в Обломове — честное, верное сердце (447), его х[арактеристи]ка.

— Надгробие крепостному дворянству (463).

— Главные моменты в истории *падения* дворянства.

Барин — двусторонняя жертва: 1) приказного, цель к[ото]рого, скопив капиталец за счет дворянина, из разночинцев втереться в дворяне и ввести своих детей в баре (346), и 2) управляющего из немцев, или тех же приказных, вроде Затертого, и, высосав имение, оставить наследникам его одни раскрытые избы.

— Воспитание дворянской лени (365; ч. IV, 283).

— Тентетников и Обломов (в тетради из обрезков р. 5).

14 мая 1909 г.

Что такое *обломовщина?* Кличка изображенного автором настроения или жизнепонимания, которую он же сам придумал и навязал читателю, которому собственно и принадлежит право давать клички писателям и изображаемым ими типам и направлениям. Обломовское настроение или жизнепонимание, личное или массовое, характеризуется тремя господствующими особенностями: это 1) наклонность вносить в область нравственных отношений элемент эстетический, подменять идею долга тенденцией наслаждения, заповедь правды разменять на институтские мечты о кисейном счастье; 2) праздное убивание времени на ленивое и беспечное придумывание общественных теорий, оторванных от всякой действительности, от наличных условий, какого-либо исторически состоявшегося и разумно-мыслимого общежития; и 3) как заслуженная кара за обе эти греховные особенности, утрата охоты, а потом и способности понимать какую-либо исторически состоявшуюся или рационально допустимую действительность, с полным обессилием воли и с неврастеническим отвращением к труду, деятельности, но с сохранением оберегаемой бездельем и безвольем чистоты сердца и благородства духа.

Так, нравственное сибаритство, бесплодие утопической мысли и бездельное тунеядство — вот наиболее характерные особенности этой обломовщины. Каждая из них имеет свой источник, глубоко коренится в нашем прошедшем и крупной струей входит в историческое течение нашей культуры...

[1] *Над строкой:* Монастырн.

— Герои Гоголя — длинноногие кузнечики, скользящие по поверхности[2] темного болота, у Гончарова — живые люди, своими действиями освещающие самое дно его; это потому, что первый только зорко наблюдал и великолепно рисовал наблюдаемое, а второй упорно всматривался и вдумчиво прозревал сквозь рассматриваемые явления.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

«Идиот» *[Без даты]*

Минута перед припадком. Дает неслыханное чувство гармонии, полноты, встревоженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни. Необыкновенное усилие самосознания (I, 270).

Сострадание есть главнейший и, м[ожет] б[ыть], единственный закон бытия всего человечества (I, 275).

Нестерпимые, внезапные воспоминания, особенно сопряженные со стыдом, обыкновенно останавливают на одну минуту на месте (I, 279).

Легкая судорога вдохновения и восторга прошла по лицу (I, 300).

Некоторая тупость ума есть, кажется, почти необходимое качество если не всякого деятеля, то по кр[айней] мере всякого серьезного наживателя денег (II, 6).

Все наши отъявленные социалисты больше ничего как либералы из помещиков времен креп[остного] права... Их злоба, негодование, остроумие — помещичьи, даже дофамусовские, их восторг, их слезы — настоящие, м[ожет] б[ыть] искренние слезы, но — помещичьи. Помещичьи или семинарские (Евгений Павлович Радомский)... Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а на самые вещи, не на русские порядки, а на самую Россию... Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё... Этого нигде и никогда, спокон веку и ни в одном народе не случалось (Он же, т. II, 15—16). Это оттого, что русский либерал есть покамест еще нерусский либерал... Нация ничего не примет из того, что сделано помещиками и семинаристами (вследствие их отчуждения от нации) (Он же, 14).

Гуляя в задумчивости, *найти* себя, опомнившись (II, 48).

Богатства (теперь) больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрело... (II, 70).

Мы слишком унижаем Провидение, приписывая ему наши понятия, с досад[ы], что не можем понять его (Из исповеди Ипполита) (II, 113).

[2] *Под строкой:* ночн[ые] светляки.

Тут одна только правда, а стало быть, и несправедливо (в отзыве кн[я]ж[ны] об Ипполите). Аглая Епанчина. (II, 129).

Ложь становится более вероятной, если к ней прибавить что-н[ибудь] невероятное. (Она же, 135).

Совершенство нельзя любить; на него можно только смотреть, как на совершенство. Наст[асия] Фил[ипповна] Барашкова в письме к Аглае. (II, 160).

Можно ли любить всех? В отвлеченной любви к человечеству любишь почти всегда одного себя. (Она же, там же, 161).

«Обыкновенные»: 1) ограниченные, и 2) гораздо поумнее. (Из первых) нигилистики стриженые, которые, надев очки, вообразили, что стали иметь свои собственные убеждения. Стоило иному на слово принять к[акую]-н[ибудь] мысль или прочитать страничку что-ни[будь] без начала и конца, чтобы тотчас поверить, что это свои собственные мысли и в его собственном мозгу зародились... Это наглость наивности, эта несомневаемость глупого ч[е]л[ове]ка в себе и в своем таланте у Гоголя в Пирогове.⊕ (II, 171—172). Отрава вогнанным внутрь тщеславием от сомнения «умных» обыкновенных людей.

Суметь хорошо войти, взять и выпить прилично чашку чая, когда на вас все нарочно смотрят (246). Говорить тихо, скромно, без лишних слов, без жестов, с достоинством.

«Свет». Князю как-то вдруг показалось (на вечере у Епанч[иных]), что все эти люди как будто так и родились, чтоб быть вместе, что все эти самые «свои люди» и сам он — тоже. Обаяние изящных манер, простоты и кажущегося чистосердечия б[ыло] почти волшебно (II, 256).

Князь о католицизме: нехристианская вера, искаженного Христа проповедует, всемирную госуд[арственную] власть как опору церкви. И социализм — порождение сущности католицизма — из отчаяния, как замена потерянной нравств[енной] власти религии, чтобы спасти жаждующее человечество не Христом, а насилием. Это свобода чрез насилие. В отпор Западу должен воссиять наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали. Русскую цивилизацию им надо нести. Старичок-сановник о случаях перехода русских в католицизм: отчасти от нашего пресыщения, отчасти от скуки. *Князь:* от жажды; оттого переходит прямо в крайнее — в иезуитство, в фанатический атеизм с истреблением веры насилием и т. п. Оттого, что отечество нашел, которое здесь просмотрел. Ренегатство — из боли духовной, из тоски по высшему делу, по родине, в которую веровать перестали, п[отому] что никогда ее и не знали. Атеисты — *веруют* в атеизм как в новую веру, не замечая, что веруют в нуль. Слова старообрядца купца: Кто от родной Земли отказался, тот и от бога своего отказался... Откройте *русскому человеку* русский *Свет* (как Нов[ый] Свет Колумба), покажите в будущем обновление ч[е]л[ове]чества и воскресение его — *м[ожет] быть* одною только русскою мыслью, русским богом и Христом — увидите какой исполин, могучий и правдивый, мудрый и кроткий,

вырастет пред изумленным миром и испуганным, ибо они ждут от нас лишь меча и насилия; не могут, судя по себе, и представить нас без варварства (II, 270—272).

Князь после в[ечера]: Я не имею права выразить мою мысль; я боюсь моим смешным видом скомпрометировать мысль и *главную идею*. Я не имею жеста; я имею жест всегда противоположный, а это вызывает смех и унижает идею (279).

Князь: Чтобы достичь совершенства, надо прежде многого не понимать. А слишком скоро поймешь, так, пожалуй, и нехорошо поймешь... Я чтобы спасти всех нас («исконных»), говорю, чтобы не исчезло сословие даром, в потемках, ни о чем не догадавшись, за всё бранясь и всё проиграв. Зачем исчезать и уступать место другим, когда можно остаться передовыми и старейшими. Будем передовыми, так будем и старшими. (280).

Елиз[авета] Прокоф[ьевна] Епанчина в конце романа: Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И всё это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы заграницей одна фантазия! Помяните мое слово, сами увидите! (II, 335) [1].

«Преступление и наказание». На всем готовом привыкли жить, на чужих помочах ходить, жеванное есть (Разумихин). Первое дело у вас во всех обстоятельствах, чтобы на человека не походить (он же). Они и любят, точно ненавидят (Раскольников). Чтобы умно поступать, одного ума мало (он же). У женщин такие случаи есть, когда очень и очень приятно быть оскорбленною, несмотря на все видимое негодование (Свидриг[айлов]). Современно-то развитый человек скорее острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить (Порфирий). Проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-запросто всё за хвост и стряхнуть к черту. Я только осмелиться захотел (Раскольников). Станьте солнцем, вас все и увидят (Порфирий). Модный сектант, лакей чужой мысли, к[ото]рому только кончик пальчика показать, как мичману Дырке, так он на всю жизнь во что хотите поверит (Он же). Женщина, преданная своему мужу, своим детям и своим добродетелям (Свидригайлов). Всех веселей тот живет, кто всех лучше себя сумеет надуть (он же). В добродетель так всем дышлом въехал (Он же). Народ пьянствует, молодежь образованная от бездейства перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях; откуда-то жиды наехали, прячут деньги, и всё остальное развратничает (Он же). Русские люди вообще широкие люди, Авд[отья] Ром[анов]на, широкие, как их земля и, чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности (Он же).

[1] *Далее текст написан карандашом.*

А. П. ЧЕХОВ

Кажется, нельзя себе представить скучнее персонажей Чехова, мелочнее дел, какими они занимаются. Какая серая жизнь, какие тусклые лица, где и зачем откопал их автор? — думает зритель или читатель, готовясь улыбнуться или вздохнуть с самодовольным пренебрежением, — и вдруг чувствует, что ни кислая улыбка, ни великодушн[ый] вздох ему не удается. В произведениях Чехова не замечаешь автора, становишься глаз на глаз с жизнью, т. е. с самим собой, и думаешь, чем же я лучше их, вот этих всех людей?

Ч[ехов] исподтишка смеется над изображаемой жизнью. Но это ни горько смеющийся плач Гоголя, ни гневно бичующий смех Щедрина, ни тоскующая сатира Некрасова: это — тихая, уравновешенная, болеющая и соболезнующая улыбка над жизнью, не стоящей ни слез, ни смеха. У него не найдешь ни ослепительных образов, ни широко обобщенных типов, ни поразительных житейских столкновений, разбивающих личные существования, ни даже идеалов, замыкающих прорехи мироздания. Всюду под его пером проходит[1] толкущийся на всех сточках жизни, оттиснутый в миллионах экземплярах, везде себе верный и всегда на себя похожий[2], выработавшийся в исторический перл создания и царящий над миром *средний человек*, субстанция ни то ни сё, серая, поношенная, всегда скучная и никогда не скучающая, ежеминутно умирающая и походя возрождающаяся, но не умеющая, не заботящаяся взять себе в толк, зачем она родится, для чего живет и почему умирает.

Нелепость до того нелепа, что становится не досадной, а только смешной или печальной.

Художник серых людей и серых будней.

Строй жизни, сотканный из этих нелепостей, не рвется.

[После 26 октября 1899 г.]

У Чехова в литературе два предшественника, с которыми он делал одно дело, но делал по-своему. Гоголь своим горько смеющимся плачем усиленно сгущает на изображаемых лицах темные краски, чтобы сделать эти лица более смешными или отталкивающими, но не касается государственного и общественного порядка, среди которого они живут и подвизаются. Щедрин своим до слез негодующим смехом на спинах своих смешных или жалких героев бичует этот самый порядок, как притон и даже питомник изображаемых им уродов. К такой же дрянной жизни, с такими же дрянными людьми Чехов подходит со спокойной и снисходительной улыбкой, не сердится и не обличает, не предъявляет ей требований, которых она исполнить не может, не ищет

[1] *Далее зачеркнуто:* возведенный в перл создания.

[2] *Далее зачеркнуто:* ежеминутно умирающий и отходя возрождающийся.

в ней идеалов, которых она не знает и знать не желает. Ни досада, ни уныние не застилают его наблюдательного глаза, потому что наблюдательность его своеобразна. Чехов смотрел на жизнь сквозь то гоголевское стекло, которое, не соперничая со стеклами, озирающими Солнца, передает «движения незамеченных насекомых». Он обладал редким ясновидением бесчисленных микроскопических мелких недоразумений, странностей и нелепостей, из которых соткалась людская жизнь и которых мы обыкновенно не замечаем, не чувствуем и не стыдимся по привычке к ним или по отвычке от размышления, по притупленности самочувствия и совести, как крепко спящий человек не чувствует, что́ по нему ползет и кусает его. На таком темном, даже мрачном фоне жизни «серыми пятнами» толкутся люди со своими глупыми или преступными делами. «Жизнь скучна, глупа, грязна», — говорит хороший человек в «Дяде Ване».

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА

[1860-е—начало 1870-х годов]

Вы, философ, дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда?
Иль кто раз вкусил науки,
Не смеется никогда?

Ну, — так мимо! Шибче скрипки!
Юность мчится! С ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты.

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин?
В сердце памятью былого,
Чай, отдался тамбурин?

Ну, — так к нам! И шибче скрипки.
И т. д.[1]

[1] *Так в рукописи.*

[1877—1878 гг.]

1

Его⊕ мы знаем все: не раз
Своею речью боевою
Спасал он от раздумья нас.
Ему как времени герою,
Пока готовят пьедестал,
Я эпитафью[1] начертал.

2

Его гербовник немудрен.
Он по фамилии татарин,
По родословной немец он,
По дедушке чиновный барин;
Отец был просто кое-что,
А сам он сложное ничто.

3

Он в школе понабрался фраз,
Взял у друзей две-три идейки,
У Дейбнера цитат запас.
Две либеральные статейки
Пустил без подписи — и вот
Он литератор-патриот.

4

Сперва трактаты он писал
О самобытности, о сале,
И даже в Обществе читал
Стихи, которых не свистали,
Затем, что чувства много в них,
Хотя нет вовсе[2] запятых.

5

Но стихнул Крымской бури шум
И свежим ветерком подуло;
От сна воспрянул русский ум,
Печать свободнее вздохнула,
Да и в доходах с деревень
Грозил бедою каждый день.

6

Смекнул он — и сперва журнал
Недельный, а потом газету
Вседневную он издавал.
Считал он верно дни и леты
И дух эпохи разумел,
Но издавать он не умел.

7

Служить по земству он решил,
Но тут же подоспела свадьба;
Крестьян на выкуп он пустил,
Пошла и барская усадьба;
Наследье десяти колен,
Купцу на акции в обмен.

8

Задумав путь избрать иной,
Перо на счеты променял он,
И бывший барин столбовой
Стал мещанином с капиталом:
Газетной биржи Феокрит
В правленьи банка уж сидит.

9

Сидит он, скукою томим:
Никто ему не рукоплещет.
В графах баланса перед ним
Акционера око блещет
Грозой, и ласку кулака
Он чует близь воротника.

10

Да этак можно пострадать,
Подумал он, и даже больно.
Тюрьмы казенной избежать
Всего верней трибуной вольной —
И, растворив широко рот,
Он стал оратор-патриот.

11

На бирже, дома и в гостях,
Вдали от синего мундира,
С огнем в очах, с слюной в устах
Кричит он бешеным факиром[3],
И внемлет чернь бомондных зал
Ему, почуяв здесь скандал.

12

Мазей, микстуры праздных слов
Набрал он в риторской аптеке,
К народу, родине любовь,
Лоскутья дум о человеке,
О правда вечные мечты
Изрезал смело на бинты.

[1] *Над строкой:* надпись. *Далее зачеркнуто:* скромно.
[2] *Над строкой:* Хоть точек нет и.
[3] *Над строкой:* чуть не на полмира.

13

В чернилах смоченной рукой,
С искусством хитровской
кухарки,
Подсыпав брани площадной
В стряпню, сготовил он
припарку
И ждал, когда настанет час
Лечить от нигилизма нас.

14

Пришлось ему недолго ждать.
С ружьем и песней батальоны
Пошли за братьев умирать —
И сестры, матери и жены
Благословеньем и слезой
Их провожали в путь святой.

15

Восстал с постели знахарь наш
И в Комитет Благотворений
Вошел — под мышкой патронташ
Гремучих словоизвержений [4],
Метнув в собранье грозный
взгляд,
Раскрыл он страшный свой
снаряд.

16

Уткнув в тетрадь монгольский
нос,
Разбитым басом, что есть мочи,
Он возопил: «Воспрянь, о Росс!
Вспари крылом, орел полночи!
Простри могучий свой кулак,
Рази врагов своих — вот так!»

ПИСЬМО ФРАНЦУЖЕНКИ

1886 г.

Вот и в Петербурге. Как я рада, что на время вырвалась из Франции! В последние годы там стало душно, особенно в Париже, и ты хорошо сделала, что вернулась на нашу родину, в привольные горы милой Оверни. Да, Франция загорается [1], хотя ее пожарные пока не замечают этого. Тем хуже для них: пожар именно и начнется с их казенных помещений. Отчего произошло это несчастье и в чем оно состоит, если не называть его метафорически? Томимая невольным бездействием во время продолжительного пути, я много думала об этом и ничего не могла придумать, кроме новой аллегории. Есть люди, имеющие несчастие утратить гармонию своих способностей: у них воля не слушается рассудка, а члены тела делают не то, чего хочет воля. Так, человек знает, что ему нужно сесть и отдохнуть, но его тянет к приятелю на новую попойку; он хочет идти, но ноги подкашиваются, и он беспомощно шатается из стороны в сторону. Нечто подобное творится и с Францией: в ней думают одно, предписывают другое, а делается третье, несогласное ни с мыслями, ни с предписаниями. Если ноги не ходят, как велит голова, то может случиться, что будут ходить на головах. Ничего путного не выйдет из этого акробатического переворота: несомненно, много праздных зевак сбежится любоваться этим зрелищем, об нас прокричат во всех углах мира, и, может быть, даже

[4] *Под строкой:* угроз и самовосхваленья.

[1] *Написано над:* горит.

наше местное народное несчастие провозгласят достойным общечеловеческого подражания, опытом ускоренного движения вперед, а мы все-таки далеко не уйдем и только разобьем себе голову. Но отлагая в сторону всякие аллегории, в самом деле пора составить себе прямой и ясный взгляд на то, что у нас делается. Люди благоразумные и умеренные начинают жаловаться, что вся беда произошла от слишком быстрого налета слишком большого количества новых идей, к которым не успели достаточно приготовиться ни люди, ни порядки. Одни, необдуманно увлеченные налетом, думают, что надобно уничтожить старый порядок во имя новых идей, и тем заставляют других, необдуманно осторожных, требовать уничтожения новых идей, чтобы спасти старый порядок. Хотя эти другие — наши друзья, но я желала бы сказать им, что они сами не знают, что говорят. Они незаметно для себя самих увлеклись верованиями своих противников, слепых поклонников разума, и впали в заблуждение. Противники их кричат, что разум *должен* править миром и по идеям разума должен быть перестроен порядок, и наши друзья, сообразив[2], какими неудобствами грозит им такая перестройка, начинают думать в испуге, что разум в самом деле *может* править миром и из его идей можно построить новый порядок. Увы! К огорчению своему они должны убедиться, что, если бы людские порядки строились идеями, ничего не стоило бы отстоять любой старый порядок от новых идей. Порядок — это масса и привычка, т. е. двойная сила, а новая идея, пока она н[овая], — это житейское неудобство и достояние немногих голов, и стоило бы только снести с плеч эти неудобные головы, чтобы спасти всем привычный порядок. Их не раз и сносили, а старые порядки все-таки погибали.

Я не могу надивиться одному любопытному явлению, которое я часто наблюдаю и которого до сих пор не понимаю: когда я прошу здешних модных господ рассказать что-нибудь о России, они описывают мне Францию. Недавно я спросила одного из них: «Скажите мне, граф, что такое русский город, кто живет в нем, из каких классов состоит его население». Он [3]заговорил что-то неясное[3], запинаясь на каждом слове; очевидно было, что я захватила его врасплох: ему впервые приходилось думать об этом предмете, хотя он занимает видный пост в администрации. Постепенно поправляясь и собираясь с мыслями, он стал излагать, как в настоящее время устрояются городские состояния, какие отношения устанавливаются у них к государству и другим классам, какие интересы среди них развиваются и поощряются правительством, как можно надеяться, что благодаря идеям просвещенного века... «Да это наше tiers-état!» [4]! — перебила я его. — «Почти: Россия во многом похожа на Францию». Так и во всем: заговоришь

[2] *Написано над:* поняв.
[3–3] *Над зачеркнутым:* начал.
[4] *Третье сословие (фр.).*

с ними об их крепостных, а они рассказывают о старинных французских serfs [5], повторяющиеся по временам губернские съезды их дворян [6] в их описаниях выходят как-то нашими états provinciaux [7].

Наконец, мне удалось сделать маленькое открытие. Мне случилось поговорить несколько минут с одним образованным русским, который слывет у них за очень большого остряка и, кажется, пописывает. Я расспрашивала его о нравах русского общества. Он говорил хорошо; но о русских нравах я не узнала ничего нового, хотя знаю о них очень мало: ни одной своеобразной живой черты, ни одного любопытного местного обычая не могла я уловить в его речи, переполненной общими местами о благородстве, воспитании, добродетелях и т. п. Но что-то знакомое напомнили мне эти общие места, — и что бы ты думала? Мой собеседник вздумал мне репетировать несколько страниц из книги Дюкло, давно мною читанной, — «Considerations sur les moeurs de ce siècle» [8] — не называя ее! С этими господами надобно каждую минуту держаться настороже: они ничему не научат, но как раз одурачат.

Так вот в чем секрет: явления своей русской жизни они стараются понимать [9] только по-французски. Ты можешь вообразить, какая путаница должна царить в их понятиях. В их умах скрещиваются и сливаются явления самых различных порядков, различить которые сумеет каждый уличный мальчишка. Вышеупомянутый остроумец, хотевший отпустить мне французский товар за русский продукт, говорил мне о благородстве души как о существенном политическом признаке благородного сословия, о знаках отличия как необходимом следствии заслуг отечеству. Мне хотелось знать, чему учат у них девиц-дворянок в школе, для них заведенной в Петербурге. Ученик г-на Дюкло не удовлетворил моего любопытства, но дал понять, что в школах, заведенных в настоящее царствование, детей не столько учат, сколько воспитывают, чтобы сделать их людьми. «Чем же у вас, — спросила я, — родятся люди, если людьми они делаются уже в школе?» Он улыбнулся и, кажется, снисходительно подумал, что я не поняла его. Но я очень хорошо понимаю, что думают эти господа, и даже предвижу, к чему приведет их образ мыслей. Наши гувернеры и модистки внушили им сибаритский взгляд на Европу и особенно на Францию. Они и думают, что Европа не что иное, как русская мастерская, которая должна готовить им все нужное, что она только для них и живет, и работает, чтобы обеспечить им праздное и уютное существование, заготовить им все, начиная от табакерки и кончая их образом правления. Но они непростительно ошибаются и дорого заплатят за свою ошибку. Сначала

[5] Крепостные (*фр.*).
[6] *Далее зачеркнуто:* в губерниях.
[7] Провинциальными штатами (*фр.*).
[8] Размышления о нравах нынешнего века (*фр.*).
[9] *Три слова написаны над:* понимают.

такой взгляд, несомненно, может представить некоторые удобства: конечно, очень удобно думать, что на каждый туземный вопрос можно найти готовое решение[10], справившись, как заведено во французской канцелярии или как написано в новейшей французской книжке. (Но они напрасно думают, что это деловое решение вопроса; это просто досужая и бесполезная справка). Но это очень опасное удобство. Одно-два поколения с видимым успехом поиграют в эту игру, но третье, наверное, обременится. Избалованные наследственной традиционной привычкой черпать мудрость из чужих источников, люди, приставленные следить за ходом домашних дел, чтобы руководить ими, потеряют способность понимать их, утратят чутье действительности, как исчезает нюх у собаки, привыкшей ложиться на подушки барина. Человечество — не барский дом; в истории нет наций-барынь и наций-служанок. Народ, живущий на счет другого, мстит сам себе за собственную неправду тем, что убивает сам себя, постепенно теряя способность жить.

Я удивляюсь, как здешние господа не понимают той простой вещи, что если можно посадить французскую шляпу на русскую голову, то из этого еще не следует, что можно на русские плечи посадить французскую голову. Здесь[11] не понимают, что можно и должно заимствовать и чего нельзя[12]. Можно и должно заимствовать изобретенный другим легчайший способ вязать чулки; но нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувства и порядок отношений. Каждый порядочный народ все это должен иметь свое, как у каждого порядочного человека должна быть своя голова и своя жена. Но здешним господам ничего этого не растолкуешь: они крепко засели на мысли, что если можно сшить себе карман по чужому образцу, то можно и переложить в свой карман всё, что лежит в чужом[13]. Зато и ждет их печальная участь[13] — приучившись понимать свое по-чужому, они разучиваются понимать свое и только привыкнут[14] разуметь чужое посвоему, т. е. не [как] следует. Впрочем, вышеупомянутые русско-французские межеумки — едва ли русский народ: этот народ слишком велик, чтобы быть чужеядным растением. Это просто физически невозможно: на свете нет дерева, которое было бы в состоянии выдержать такого большого тунеядца. Гораздо вероятнее, что с высшим классом в России случился один из тех припадков дремоты, которые иногда набегают на верхушки обществ. Тогда они перестают делать свое дело, следить за движением народной жизни и направлять его: окружающая действительность постепенно тускнеет в слипающихся глазах, и ее образы незаметно сменяются грезами. Тогда высший класс бывает похож на

[10] *Три слова написаны над зачеркнутым:* разрешить.
[11] *Далее одно слово стерто.*
[12] *Далее зачеркнуто:* и поступают совершенно наперекор здравому смыслу.
[13–13] *Написано над зачеркнутым:* Впрочем, я не думаю, чтобы.
[14] *Над зачеркнутым:* не выучатся.

парус корабля, попавшего в штиль: потеряв упругость, он бессильно шлепает по мачтам, между тем как корабль бестолково покачивается с одной стороны на другую, не трогаясь с места. Но нехорошо, если эта качка без движения не пройдет скоро, тогда пустят в дело весла, а ненужный парус снимут и разорвут гребцам на панталоны [15].

Грезы о прошедшем или будущем — Щербатов и Радищев.

[16] Я пока еще не понимаю здешнего общества. Оно очень однообразно и знакомо мне по языку, костюмам и манерам и очень пестро и странно по понятиям, особенно по положениям и отношениям. К нему как-то не приноровишься, не найдешь мерки, не выберешь среднего человека. Да здесь, кажется, и нет средних, нормальных людей, а есть только крайности или, говоря точнее, случайности. Здесь [17] все не на месте, хотя каждый, по-видимому, чувствует себя в своей тарелке. Их всех как будто сдали, как сдают карты в игре, страшно перемешав масти и фигуры. Смотря на блеск и внимание, каким окружено иное светило здешнего небосклона, на влияние, каким он пользуется, думаешь видеть перед собою счастливый прутик какого-нибудь старинного знаменитого фамильного дерева, а назовут имя, которое только вчера стало известно на Невской набережной и еще не успело долететь до ближайшей столичной заставы; зато в толпе скромных спутников этой упавшей с неба звезды можно найти имя, которое уже века четыре известно всей России. Ну, подумаешь, здесь ценят не породу, а способности, заслуги, и не успеешь подумать, как увидишь человека, который ворочает всероссийскими военными делами и армиями и не может выносить порохового запаха, или встретишь руководителя иностранной политики, который знает гораздо лучше секреты петерб[ургских] [18] спален, чем европейских кабинетов. Все это производит впечатление маскарада, устроенного на скорую руку; видишь костюмы, позы, роли, но не видишь ни одного лица. Муж очень легко распознает и сортирует все эти привидения: «Этот наш, этот не наш, но будет нашим, как только получится ожидаемая из Парижа партия бургонского; этот ничей, но будет нашим, когда лакей отнесет серебряный сервиз к мамзель Аннет, обитающей на Литейной» и т. д.

Наблюдая здешнее великосв[етское] общество, я открыла в нем новую особенность, т. е. новую невозможность, потому что все особенности, до сих пор мною замеченные в здешнем образованном обществе, суть не самобытные [19] свойства или понятия, а только невозможные сочетания заимствованных свойств и по-

[15] *Написано над:* исподнее платье.
[16] *В левом верхнем углу:* Одно из первых.
[17] *Далее зачеркнуто:* как будто.
[18] *Над зачеркнутым:* дамских.
[19] *Написано над:* своеобразные.

нятий. Здесь любят книги и презирают науку. Здешние порядочные люди страшно много читают, преим[ущественно] по-франц[узски], но из читаемого делают очень странное употребление. Здесь читают книги не для того, чтобы составить собственное суждение о предмете, а чтобы рассказывать, как думает и что пишет об этом предмете тот или другой европейский писатель. Недавно я была виновницей маленького литер[атурного] приключения за обедом (здесь говорят о литературе преимущественно на званых обедах и только до третьего блюда, когда литература сменяется простыми сплетнями). Зашла речь о видах любви семейных людей, когда предмет ее не собственный муж или жена. Одна бойкая молодая дама, которую почему-то зовут женой всех мужчин, кроме ее мужа, с точностью записного библиофила перечислила дюжины две романов французских, итальянских и английских, в которых описываются различные способы недозволенной любви. Я наивно спросила: «А как Вы сами, баронесса, думаете об этом?» Всеобщая жена сделала сконфуженно-удивленную физиономию и ответила: «Я ... я со всеми согласна».

На дам похожи и здешние мужчины: каждый из них есть туго набитый мешок всевозможных литературных справок, в котором можно найти чьи угодно суждения, кроме его собственного. Русский образованный человек обо всем думает, как все, потому что сам он не думает ни о чем. Это мировой нищий: он вечно побирается и ничего не делает, у всех просит и никому ничего не дает. Он с нищенской гордостью протягивает руку к трудящимся людям, уверенный, что он один имеет право не трудиться. Он не знает и знать не хочет, что перлы мысли, которыми он с бесцельным начетничеством набивает свою бездонную память, не родятся сами, а вырабатываются упорными умственными усилиями целых обществ и поколений. Теперь он презирает умственный труд, просто как труд, считая его наследственной повинностью[20] людей низшего сорта. Но погоди немного: скоро он будет его ненавидеть и гнать как мятежное посягательство на свои права и интересы.

10 апреля 1886 г.

Мне кажется, царствование этого сословия не будет продолжительно. Нельзя, мой друг, долго править, ничего не делая или делая только ненужное. Я тем крепче держусь этого мнения о судьбе сословия, что уже народился и его преемник. Делая визиты здешние высокочиновным и родовитым барыням, я часто встречаю в приемной идущий с половины барина мундир среднего[21] чина, не высокого, но и не низкого; на вершине этого мундира всегда помещается хорошо препарированная голова не дворянского пошиба, с лицом тщательно вымытым и выбритым, с выражением не то высокой скромности, не то глубокой веры

[20] *Написано над:* обязанностью.
[21] *Далее зачеркнуто:* возраста.

в себя и с плохо прикрытыми следами оспы и геморроя — фигура, над которой парикмахер поработал гораздо больше, чем природа. Это *секретарь*. Муж говорил мне, что эти секретари приготовляются в каких-то особенных школах, где их не учат ни танцам, ни французскому языку и много секут. Встречая на улице русских патеров в длинных одеяниях и с длинными (говорят, натуральными) волосами, рассыпающимися по плечам из-под шир[оких] шляп, муж указывал мне на них, приговаривая: «Смотри, это отцы или братья секретарей, которыми ты так интересуешься». Эти люди теперь получают большую цену в управлении, и знаешь почему? В них много того, что теперь начинает здесь сильно спрашиваться и чего нет в дворянах. Дворяне много и хорошо говорят, но не умеют писать, а эти люди много и хорошо пишут и умеют молчать. Эти-то[22] молчал[ивые] писатели, боюсь, и наделают много хлопот дворянству (griefs-griefs)[23]. По моим историческим соображениям, в каждом большом государстве все управление со временем сведется к искусству направлять бумаги: вот тогда эти люди и станут главным рычагом управления, а судя по нашей Франции милой, это время недалеко...

Пророчество о бюрократии и вред ее.

Кажется, я достаточно насмотрелась и наслушалась в этой стране, чтобы уловить и передать тебе общее впечатление, отложившееся во мне от всех моих наблюдений и размышлений. Это впечатление так же беспорядочно, как здешние порядки, и так же бессознательно, как здешние понятия. Ко всему, что здесь поняла и заметила, как-то невольно прибавляешь оговорку: «Я не знаю почему, но мне так кажется». Во-первых, не знаю почему, но мне чуется в этой стране присутствие громадных, еще не тронутых сил, о которых еще нельзя сказать, какое примут они направление, когда тронутся из своего бездействия: пойдут ли они на созидание счастья человеческого рода, или на разрушение того скудного блага, которым они располагают. Здесь никто ничем не руководит, и никто не знает, что́ он делает и что́ выйдет из его деятельности; здесь всё только плывет по течению, направляемому какими-то таинственными стихийными силами, и никто не оглядывается на то[24], что́ было, не заглядывает в то, что́ будет. Поэтому мне думается, что это будет страна неожиданностей, исторических сюрпризов. Ведь она и сама есть большая историческая неожиданность: сто лет назад кто у нас думал о том, что она есть, и теперь кто не желает, чтобы ее не было. Здесь может случиться все, что угодно, кроме того, что нужно, может случиться великое, когда никто не ожидает, может и ничего не случиться, когда все ждут великого. Да, эту страну трудно изучать п

[22] *Далее зачеркнуто:* люди.
[23] Хлопоты-хлопоты (*фр.*).
[24] *Три слова написаны над зачеркнутым:* понимать того.

еще труднее управлять ею. Ее никто не изучает; зато очень много охотников управлять ею. Здесь господствует странная мысль, что управление государств[енными] делами избавляет от обязанности знать их. Один сановник на мое замечание об этом наивно признался: «Зачем мне знать, что делается, когда я имею власть всё сделать? Знать это нужно тому, у кого есть дела, но нет власти, — нужно крестьянину, купцу, моему приказчику, моему секретарю; а у меня ведь нет дел, а есть власть. Зачем мне знать, что делается, когда мне достаточно приказать, чтобы сделалось то, что я желаю».

Согласись, что в стране, где все так рассуждают, может случиться многое, чего никто не ожидает. И я, право, не знаю, что будет с этой страной. В ней, быть может, явятся великие истории; но она едва ли будет иметь удачных пророков...

К КИСЛОВОДСКУ

(подражание Пушкину) *[1887 г.]*

Посвящается Т. М. Чериновой

Прощай, дождливый град нарзана!
В последний раз ты мне даришь
Кипучей влаги два стакана
И ду́шем с неба окропишь.

Врачуя тело человека,
Це́лишь и дух его больной:
Ты лечишь всем, ты всем аптека,
Хоть лазарет совсем плохой.

Твой свежий воздух, па́рк дремучий
И горы чудные твои
И даже твой обед пахучий —
Все то рецептные статьи.

Диету держишь ты примерно.
Всё, чем буфет к себе манит,
Вино и прочее — так скверно,
Что и здоровому претит.

Зато идет тузом козырным
Нетерпеливый твой больной,
И в го́рах мотыльком эфирным
Порхает зонтик кружевной.

Приказчик смотри́т баронетом,
Фельетонист, что Пушкин твой,
А генерал летит кадетом,
Старуха скачет стрекозой.

Нарзана следуя теченью,
Здесь все ускоренно живет:
И солнце раньше здесь встает
И празднуют здесь день рожденья
За целый месяц до рожденья[1]

Ты всех живишь, всех ободряешь,
Но ты умеешь и учить:
Абрека призраком смиряешь
Наездниц слишком прытких прыть.

Прощай уж, милый град Нарзана!
Я не забуду ванн твоих,
Битков к[2] ресторана
Ни вездесущего барана,
Ни в гóрах зонтов кружевных.

Ты мне помог, хотя на время,
Забыть, здоров иль болен я,
И нес без ропота я бремя
Зол неизбежных бытия.

Прощай, приют неоценимый!
Тобою починенный весь,
Я унесу в свой край родимый
Здоровых впечатлений смесь
И аппетит непобедимый,
И двадцать фунт, нажитых здесь.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

12 января 1888 г.

Татьянин день всегда был днем веселья,
А дурень Б. — пятно в календаре
На этот день наляпал от безделья,
И дня веселия не стало в январе.
Но случай сей, хотя и очень странен,

День Вы спасли: мы только стали звать
Его по-новому — не день Татьянин,
Но как, — извольте отгадать.

[1] *Далее вставлено:* В память 9 августа, каковое число в текущем 1887 году случилось 9 июля.
[2] *Слово написано неразборчиво.*

ТАТЬЯНЕ МИХАЙЛОВНЕ ЧЕРИНОВОЙ

12 января 1889 г.

Угрюмо век свой доживая,
Больной придворный Ваш поэт,
Еще раз «Танин день» встречая,
Шлет неуклюжий Вам куплет.

Найди в углу там, Муза, лиру [1],
Наследство славное Трике,
И, пыль стряхнув, поведай [2] миру [3],
Чтоб слышно было вдалеке.

Воспой мне ту, кто любит русских,
Тихонько песни их поет,
И, чуждая пристрастий узких
Всех добрых — добрыми [4] зовет.

Кто скромно путь свой начиная,
С поступками не ссорит слов,
И, пышной юностью листая,
Не презирает стариков.

Все это спой, и в заключенье
Промолви ей: mademoiselle!
Трике Ваш просит позволенья
Сказать вам вместе с поздравленьем:

Comme êtes-vous bonne, comme êtes-vous belle!
Vous êtes si bonne, vous êtes [si] belle! [5]

Трике 2-ой

* * *

[1880-е годы]

Мои досужие творенья,
В стихах и прозе разный вздор
Сюда сложите и забвеньем
Покройте сей бумажный сор.

Так в древнем мире поступали:
Отжившей жизни бренный прах

[1] *Вариант:* Проснись, поношенная лира.
[2] *Вариант:* Спой громко.
[3] *Варианты:* 1) И грянь примерно на полмира.
2) И, сдунув пыль, спой громко миру.
[4] *Вариант:* Родным все доброе.
[5] Как вы добры, как вы красивы!
Вы так добры, вы так красивы! (*фр.*)
Вариант: Спой, муза, спой, да не фальшиви,
Потом скажи: Mademoiselle!
Желаем много быть счастливы:
Vous êtes si bonne, vous êtes si belle!
Votre très-humble serviteur!

(Вы так добры, вы так красивы!
Ваш покорнейший слуга) (*фр.*).

С улыбкой в урны собирали
И[6] молча ставили в сенях.

* * *

Абастума[*н*], *1893* [*г.*][1]

Я вспомнил молодость: бывало,
Взъерошив темный лес волос,
Ватага наша разрешала
Бездонной вечности вопрос.

Бывало — вешнею порою,
Фуражки сдвинув набекрень,
В Нескучный шумною толпою,
Орем и бродим целый день!

И все так просто, так доступно,
Все трын-трава, все нипочем,
И шепчет голос неотступный,
Что на «Уру» мы жизнь возьмем.

А ныне, в тихий вечер мая,
Сидишь, уныло глядя вдаль,
Украдкой хрипло напевая:
«Кого-то нет, чего-то жаль».

И чуешь, по главе плешивой,
Как по болоту подо льдом,
Играет месяц шаловливый
Своим насмешливым лучом.

НЕОКОНЧЕННАЯ СКАЗКА ПРО ВАНИЧКУ ДОХЛОГО И ПЕТЬКУ ГОЛОВАНА

[1899—1902 гг.]

Много ли, мало ли лет тому назад жили-были на свете: 1) мальчик Ваничка Дохлый и 2) мальчишка Петька Голован. Так их прозвали сверстники. Ваничке Дохлому было 5 годков, Петьке Головану 6 лет. Оба происходили от одинаково честных, но не одинаково знатных родителей: Ваничка Дохлый был сын управляющего имением князя Был-да-Сплыл Ивана Ильича Разночинцева, а Петька Голован — сын трапезника при церкви Всех святых на Вшивой Горке Каллистрата Ермиловича Иоанновоинского. Не менее замечательны были и маменька Ванички, и мать Петьки: первая происходила от древнего рода Придворновых-Ерниковых, вторая была по отцу Анопса Ладановна Ижехерувимская. Воспитывались мальчик Ваничка Дохлый и Петька Го-

[6] *Далее зачеркнуто:* ставили.

[1] *Написано лиловым карандашом.*

лован под различными домашними впечатлениями. Ваничка то и дело слышал ласковую беседу родителей: «Амурчик Жаничка! Поцелуй меня». «Merci, madame», — отвечал ей на это амурчик Жаничка. Так беседовать обучили madame Разночинцеву князь Был-да-Сплыл, когда она еще значилась в метрике девицей Придворновой-Ерниковой, а г-на Разночинцева — жидовка Лилька Вертизад, когда он привозил в Одессу продавать пшеницу-гирку своего хозяина князя Был-да-Сплыл.

И образ воспитания мальчика Ванички Дохлого был не похож[1] на то, как рос его сосед мальчишка Петька Голован. Каждый день Ваничку после утреннего урока гувернантка Эмилия Вольтеровна водила гулять на чистом воздухе и приводила домой с кашлем и расстроенным желудком, что очень огорчало маменьку, делавшую за это сцены домашнему врачу Dr. Штубенмедхенштёреру. Петька же Голован, сдав матери вызубренный псалом, с ушами, надранными за ошибки, бежал либо расставлять силки на синиц и воробьев, либо ловить гольцов в протекавшей под селом речке Гузномойке и возвращался домой в мокрых портках и с грязными ногами, за что получал от матери фресковую роспись повыше пяток.

Одно заботило всего больше родителей Ванички Дохлого: это — вопрос, как и чем питать его. Повар у Разночинцевых был поваренком в трактире «Эрмитаж», знал все секреты своей профессии, умел стряпать frit-cassé a l'esprit fort[2] из лягушек, некогда вылечил от декабрьского запора самого парижского Прохвоста III, а что ни изготовит для Ванички Дохлого, тот либо страдает дизентерией, либо болью под ложечкой.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С АВАНТЮРИСТКОЙ

[Начало 1900-х годов]

Приключение с этой авант[юристкой] займет маленькое место в моих воспоминаниях, по крайней мере до тех пор, пока она сама будет вертеться перед моими глазами. Она будет напоминать мне одну из моих приятных ошибок.

Мне говорили давно, что она очень глупа, еще более невежественна и вдесятеро более пошла, чем глупа и невежественна. Я не приглядывался к оригиналу такого невзрачного портрета, потому что видал достаточно таких оригиналов. Но вдруг по поводу публичных лекций она обнаружила неожиданную любознательность и именно к предмету моих чтений. По близости отношений родства и кумовства ⊕ я пошел навстречу этому неожиданному припадку и помогал его развитию сперва от скуки, потом из любопытства и, наконец, из привычного мне чувства педагогического долга по отношению к жаждущим просвещения.

[1] *В рукописи:* было непохоже.
[2] Фрикассе «Вольнодумец» (*фр.*).

Сначала все шло хорошо: я диктовал, она писала; я диктовал, не спрашивая, понимает ли она диктуемое; она писала, не проявляя своего понимания. Я не спрашивал, считая неделикатным спрашивать об этом, и приписывал ее скромности отсутствие признаков понимания, и таким образом, мне казалось, что по крайней мере мы понимаем друг друга.

Но потом концы обоюдного понимания как будто начали расходиться. Она мне нравилась, насколько ей нравилось дело, которое я помогал ей делать. Но я стал замечать, что самое дело занимало ее лишь настолько, насколько оно занимало меня, а я был занимателен для нее лишь тем, что мне нравилось дело, которое я делал для нее. В ее мутной и шаткой голове наше взаимное отношение перевернулось вверх ногами: ей стало казаться, что дело, которое я для нее делал, нравилось мне только потому, что я делал его для ее, т. е. лишь потому, что мне нравилась она. Таким образом из маленького общего интереса, который привлекал меня к ней, она стала вить веревку, которой надеялась прикрепить меня к себе. Зачем было ей нужно это, я не хотел понимать, но видел, что эта мысль соблазняет ее и портит ее игру. До сих пор она притворялась довольно удачно, хотя и с большой натугой и досадой; грубая и низкопробная натура гнулась с большим трудом, боясь ежеминутно треснуть. Двумя ощущениями вознаграждала опа себя за эту досадную натуру. Во-первых, механическая диктовка непонятных ей речей о совершенно незнакомых предметах давала ей повод воображать себя ученой дамой вроде тех, о которых я ей говорил, как[1] бессмысленное чтение по складам помогало Петрушке воображать себя ученым барином. Во-вторых, в моей диктовке чуялась ей сладкая для нее песня о ее власти надо мной. Но глупые женщины всегда выдают себя одним недостатком своей природы: у них достает плутоватости, чтобы прикрыть свою пошлость, но не хватает уменья всегда помнить, что ее надо скрывать, и именно удовольствие отшибает у них память. Так можно обезьяну обучить ужимкам порядочной дамы, одев ее в дамский костюм и плетью заставив тщательно поджимать хвост; но стоит бросить перед ней на пол горсть орехов, и она кинется на них, забыв вбитые плетью ужимки и высоко подняв хвост из-под непривычного костюма. И моя ученая m[ada]me Рекамье, несмотря на продолжительную дрессировку за письменным столом, стала забываться, ощущая новые для нее наслаждения учености и власти ученицы над сердцем учителя, а м[ежду] тем обезьяний хвост все поднимался, да поднимался. Сначала она стала развязна в обращении, потом развязность получила оттенок фривольности и, наконец, фривольность перешла в пошлость и бесстыдство. Раз я хлестнул ее и пригрозил прогнать. Она смиренно перенесла удар и на время поджала хвост. Но от неуменья ли сладить с долго сдерживаемыми инстинктами обезьяньей при-

[1] *Далее зачеркнуто:* механическое.

роды, или под влиянием мысли, что ее наказали любя, т. е. шутя, и, следовательно, явили ей только новое доказательство своей крепостной зависимости от нее, — только она опять начала распускать свои прелести. Тогда я прекратил диктовку, находя ее продолжение бесполезной и противной забавой.

ЭКСПРОМТ

[Без даты]

Милые девицы, ⊕
Лекциям — шабаш!
Бросьте ваши спицы, —
Дёрнем в «ералаш».⊕

ЗАХОЛУСТНЫЕ МЕЛОДИИ

[Без даты]

Наша улица — улиц столичных краса. Т. е. губернских, и притом одного из самых скромных городов. В ней даже не процветает и продажа, хоть подчас небеса над ней прекрасны. Она недлинна, но крива. И вся прелесть ее состоит в том, что маем она вся тонет в цветущих садах, что заслужило ей репутацию деревни. Впрочем, бо́льшая часть высших особ города и не знает о ее существовании и, когда услышат ее имя, с удивлением спросят: «А что это за улица? Верно, где-нибудь за городом». От центра города отделена она действительно высоко поднимающейся над ней горой, покрытой березовым редким лесом, который по какой-то странной фантазии врезывается чуть не в средину города, но, будто сознав наконец неуместность своей выходки, резко оканчивается у обрыва горы. Гора совершенно закрывает два ряда низеньких домиков, и только дошедши до ее края, заметишь их у себя под[1] ногами. Если бы какому чудаку волей или неволей пришлось скатиться с высоты, то он[2] попал бы если не в трубу одной из этих лачуг, величаемых на местном наречии флигелями, то наверное на крышу.

В населении улицы столкнулись два противоположные элемента, — мещанский и бюрократический и, странно, живут в неразрушимом ладу. Может быть, этому помогает между прочим то, что здешняя бюрократия не доходит дальше коллежского асессора и потому чувствует свое отношение к буржуазии. Как бы то ни было, оба элемента живут дружно, взаимно уважая друг друга, — кумятся, роднятся, меняются интересами, кажется,

[1] *Далее зачеркнуто:* самой их.
[2] *Далее зачеркнуто:* наверное.

мало [3] заботятся о том, знает или пет о их существовании высшая их братия.

Но если же улица имеет право на существование и не за городом, а в его скромном углу, то и жизнь ее, выражаясь несколько кудревато, составляет тоже не последнюю струю в той волне, которой течет жизнь всего города. И здесь есть движение, хоть подводное, незаметное, над которым неподвижно [4] лег слой мутной болотной воды. И здесь [5] ходят слухи, действуют жив[ые] интересы, хоть эти слухи случайно передаются шумом стоящих на горе берез, гулом более живых частей города, хоть эти интересы для иной широкой натуры покажутся, право, менее булавочной головки.

В этой улице есть один довольно невеселый по наружности дом, но замечательный в том отношении, что редкий обыватель улицы, проходя мимо него и видя у окна кого-нибудь, не обнажит своей головы с ласковым поклоном, будь то простая, мещанская голова или чиновничья, с весом. Это дом приходского священника. С него мы и начнем знакомство с околотком.

II

Под вечер священник размашисто прошел *сверху* в калитку своего дома, неся что-то под полой широко развевавшейся от быстрой ходьбы рясы. А в доме все принаряжено по-праздничному. На столах чистые скатерти, а на одном из них даже поставлены два будто серебряных подсвечника с стеариновыми свечами. С маленького стола в переднем углу прибраны все ненужные вещи, имевшие обыкновение лежать здесь, и теперь на нем остался только завернутый в епитрахиль требник с золотым обрезом, неизменный спутник священника в его дневных и ночных визитах. Хозяйка — еще молодая красивая женщина — бегает в хлопотах и на ходу доканчивает [6] свой туалет. Вероятно [7], что-нибудь вроде праздника затевается. К дому подъехал кто-то.

— Душа, душа! — кричит второпях хозяин. — Иван Терентьевич приехал.

И в комнату вошли две довольно плотные [8] фигуры. Одна принадлежит самому богатому купцу в приходе, а вторая — его супруге. Помолясь, Ив[ан] Терентьевич с лукавой улыбкой в полузакрытых глазах обратился к хозяева[м]:

— Вот и мы к вам — рады ли?

— Милости просим! Садитесь, садитесь!

Почти вслед за этими гостями стали набираться и другие. Пришел Андрей Петрович — набожный и веселый старик, грамо-

[3] *Далее зачеркнуто:* обраща[ют].
[4] *Далее зачеркнуто:* слоем легла.
[5] *Далее зачеркнуто:* есть.
[6] *Над зачеркнутым:* исправляет.
[7] *Далее зачеркнуто:* какой-[нибудь].
[8] *Далее зачеркнуто:* чело[веческие].

тей из мелких торговцев — с супругой; пришел церковный староста с супругой, сыном и снохой и ловко расшаркался. Скоро стала наполняться небольшая зала. Наконец, пришел аристократ прихода — секретарь г[убернского] правления [9], почтительно всем поклонился, и ему все почтительно привстали с мест, кроме хозяина, который и без того не садился. Это были все пожилые, семейные люди. Роль молодых людей играли сын хозяина, один из первых учеников *риторики* и двое его дядей, еще не достигших степеней высоких на служебном поприще юриспруденции и неженатых, хоть одному из них было под 40 [10]. Роль барышень никто не играл за неимением барышни в семействе хозяина. Да и не к лицу им было присутствовать на вечере, не ведающем ни танцев, ни музыки, ни изящных кавалеров.

Группы гостей разместились в след[ующем] порядке. В углу на диване за столом, уставленным дюжиной тарелок с вареньями и конфетами, сидели купчиха, плотная, с [11] грустным, но симпатич[ным] полным лицом, мать хозяйки [12], старушка-протопопица, давно потерявшая своего супруга и с горем пополам доживающая незавидный век подле несколько других почтенных *дам*. Среди залы за зеленым столом резались [в карты] или просто сидели секретарь, два брата хозяйки — сыновья протопопицы — и [13] другие из молодых. Вдоль стены чинно сидели и вели умную речь старики [14], сосредоточенно держа обеими руками [15] перед самым носом чашки с пуншем. Наконец, на одном столе расположилась плотной кучкой группа бутылок, рюмок и тарелок с закуской. Хозяин кочевал от одной группы к другой с подносом, делавшим волнение везде, где ни появлялся он с услугой.

Каждая группа вела свой отдельный разговор, не мешая другой и даже не слушая их. Только с последней, расположенной на столе [16], время от времени все вступали чрез посредничество хозяина в интимную беседу, которую вели не иначе, как стоя. По мере ускорения пульса, которое производил пунш, и эти [17] беседы с безмолвной стеклянной группой, и общий говор в зале становился более и более оживленным и пестрым.

Прислушаемся к этому разнообразному говору разнокалиберных гостей, соединенных гостеприимным хозяином. Начнем с угла, где сидят наши добрые молодые и старые старушки.

— Ах, царица небесная! Скажите, страсти какие! — тараторила болтливая дьяконица соседке, скромной даме средних лет.

[9] *Далее зачеркнуто:* и.
[10] *Далее зачеркнуто:* Он явился.
[11] *Далее зачеркнуто:* страдальческим.
[12] *Далее зачеркнуто:* ноящая.
[13] *Далее зачеркнуто:* сам хозяин.
[14] *Далее зачеркнуто:* с хозяином в. *Над страницей:* под председательством хозяина.
[15] *Далее зачеркнуто:* чашки.
[16] *Далее зачеркнуто:* чре[з].
[17] *Далее зачеркнуто:* безмолвная.

— Да, матушка! — говорила протопопице плотная купчиха с невыразимой симпатией на несколько грустном лице. — Мы с вами еще в хорошие времена живем, только жалуемся часто. А прежде было, может быть, и хуже.

— Как почитаешь жития угодников божих, да сравнишь с нашим житьем-бытьем, так выходит, мы-то еще, слава тебе господи, на празднике! Никто нас не трогает. А тогда покою не было. Вот я на днях читала житие царицы Александры, так чего не терпела, — а ведь царица!

— Да, нам хорошо говорить-то; им-то каково было?

— Ах, Анна Петровна, нельзя ли опять взять у Вас «Потерянный рай»? Золотая книга! Хорошо я помню, как там ангел вводил Адама на высокое место и показывал ему, как будут жить люди после него, какие болезни будут, — все рассказал ему. Нельзя ли? [18]

— Ее, никак, в кладовую отнесли. Я велю отыскать.

Прислушаемся к зеленому столу.

— Вы, Андрей Петрович, — говорил секретарю молодой юриспрудент, — пристрастно смотрите на советника, хвáлите его за то, что не он сделал, а другие, и находите в нем качества, каких в нем никогда и не было!

— Да, чего тут! — вмешался с своей вечной хихикающей улыбкой в полузакрытых глазах купец Иван Терентьевич. — Ужасная бестия этот Ваш советник! Знаю я его!

— Люди, занимающиеся коммерцией, могут и не знать его; они имели мало дела с ним, — ответил спокойно, не глядя на купца, секретарь с явным намерением поразить его.

— Толкуйте, Андрей Петрович! — захихикал еще сильнее купец, и не думая обижаться.

— Вот так отделал! — фыркнул в сторону молодой юриспрудент.

АВТОБИОГРАФИЯ [П. И. СОВЕСТДРАЛОВА]

Честь имею представиться — Павел Иванович Совестдралов, губернский секретарь, 30 с небольшим лет. Я принадлежу к той многочисленной породе людей, которых вся жизнь, подобно гражданам древних Афин, проходит вне дома, на площади [1], в самом водовороте животрепещущих интересов и вопросов. Да, я человек общественный, человек форума, или, говоря современным языком, человек площади, бульвара. Мой девиз — «Pardon, madame», мои идеалы — сигарка и общество. К этой роли чрезвычайно идет моя физиономия: у меня вьющиеся волосы, высокий лоб, смелое выражение глаз, бледное лицо [2], важная, крупно

[18] *Далее зачеркнуто:* Как?

[1] *Далее зачеркнуто:* сред[и].
[2] *Далее зачеркнуто:* плометарка.

шагающая походка — одним словом, шикарство. Для окончательного изучения моей физиономии приглашаю вас на бульвар, в театр, в какое-угодно общественное место, где встретите меня одним из первых.

Стоя на рубеже молодости и зрелого возраста и чувствуя, что жизнь ничего уже не даст мне нового, я хочу оглянуться [3] на лежащую за мной дорогу, на мою мятежную молодость — не для поучения, а для того, чтобы потешить собственное сердце и воспоминаниями раздуть искорки того огня, который, чувствую, с каждым днем более и более гаснет в душе. Это будет для меня вместе и новостью; след[овательно], развлечет меня, потому что мое прошлое действительно для меня новость, так как, признаюсь, среди волнений и живых вопросов мне некогда было оглядываться назад и знакомиться с своей собственной историей [4]. Да, я много жил, всё (или почти всё) изведал в жизни, что всякому ведать надлежит. Я могу сказать о себе, что сказано о великом человеке:

На все отозвался я сердцем своим,
Что просит у сердца ответа.

Начну. Вся жизнь моя, можно сказать, есть длинный ряд тайных и явных скандалов. Мифические саги школы, которой обязан я своим воспитанием, полны преданий о моих подвигах. Кстати, воспитывался я в одной губернской гимназии и был вождем партии вигов, которая располагалась обыкновенно на задних лавках. Отец мой — да что говорить об отце, когда его давно уж нет на свете! Замечу еще, что я не буду распространяться о своем детстве, о домашнем воспитании. Не знаю, почему принято начинать биографии с детства; в детстве не всегда узнаешь человека, каким он будет в пору развития сил. Известно, что многие горячие, энергические гении были вялыми детьми. Впрочем, я и в детстве обнаруживал уже зародыши позднейшего характера. Я был резвое, бойкое дитя. В моих детских забавах обнаруживались ухватки сказочного Ивана-царевича, и если я не рвал рук и голов своим придворным сверст[ни]кам, то волосам меньших братьев и сестер доставалось порядком.

Учился я, как сказано, скверно. Только под конец курса усердно принялся я за книгу и вот по какому случаю.

У меня с детства была горячая голова, и, несмотря на леность в ученье, я подавал большие надежды в практической жизни. Однажды за ужином, живо помню этот случай, я рассердил дедушку [5], задорного брюхана. Тот раскричался на весь дом. Я уже хотел ложиться в постель, как в мою комнату входит отец и начинает, как говорится, журить меня, поучая почтительности к старшим, и вместе укоряя за заносчивость, — ста-

[3] *Далее зачеркнуто:* за.
[4] *Далее зачеркнуто:* Начну. Вся жиз[нь].
[5] *Далее зачеркнуто:* стар[ого].

рые, надоевшие песни. Я слушал и не возражал. Но когда он принялся энергически упрекать меня в лени, я не вытерпел.

— Оставьте меня, папаша! [6] — воскликнул я [7] с достоинством. — Что касается до ученья, я знаю свое дело.

Отец взбесился:

— Ты мне так говоришь, мне? — закричал он, подступая ко мне с сжатыми кулаками. — На колени, мерзавец!

И посыпались на меня внушительные палки. Они оказались очень убедительны. Я смирился. Отец проехался раза два по комнате и утих — верно, устал.

— Ну прости меня [8], Павел Иванович, — сказал он мне и обнял меня [9].

Комедией показалась мне вся эта штука и это смешное название Павла Ивановича, которое я в первый раз слышал от отца. Когда отец [10] вышел из моей комнаты, я нарочно погромче сказал ему вслед, снова ободрившись: «Куда? Избить, а потом говорить: Прости, Павел Иванович!» Отец, к счастью, не слыхал. Досадуя на эту сцену, а [11] более на то, что я струсил [12], я усердно принялся за книгу, в которой я всегда [13] находил немного прелести, и благодаря этому успел кончить курс, как и все.

Но [14] дальше, дальше от этих темных картин и образов молодости! Не в этих картинах и образах, не за учебной книгой росла и сказывалась моя молодая сила. В жизни каждого человека чрезвычайно важно знать его первые заветные мечты, первые думы развивающейся головы. Впрочем, идеалы моей первой молодости едва ли представляют что-нибудь особенное от идеалов обыкновенных юношей с горячей головой. Я любил романы. Особенно поразили меня романы Купера. Я увлекался суровыми картинами девственной природы Америки, этими первобытными лесами, полными чудовищных животных, этой дикой жизнью, еще не тронутой цивилизующей рукой европейца. Тогда в голове моей зародились странные мечты. То мне хотелось быть мореплавателем вроде Кука, объехать все страны мира, своими глазами взглянуть на [15] величествен[ные] картины природы и [16] странную жизнь дикарей; то мечтал я сделаться великим писателем, пред которым бы весь свет [17] остановился в удивленьи, разинув рот и сняв шапку [18]. Но все это вещь слишком обыкно-

[6] *Далее зачеркнуто:* в покое.
[7] *Далее зачеркнуто:* сказа[л].
[8] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово.*
[9] *Далее зачеркнуто:* Смешна.
[10] *Далее зачеркнуто:* ушел.
[11] *Далее зачеркнуто:* всег[о].
[12] *Далее зачеркнуто:* с тех [пор].
[13] *Далее зачеркнуто:* не видал.
[14] *Далее зачеркнуто:* мимо, мимо.
[15] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово.*
[16] *Далее зачеркнуто:* дикую.
[17] *Далее зачеркнуто:* стал.
[18] *Далее зачеркнуто:* писать т[ак].

венная в юности. С переменой обстоятельств менялись и мои идеалы[19]. Когда я начал мечтать об университете, я бросил мысль о кругосветном плавании и авторстве и замечтал об адвокатуре. Я создавал себе блестящую перспективу в будущем, как я сделаюсь великим юристом, отправлюсь в Англию или Францию, выиграю там несколько процессов и со славой ворочусь в Россию, чтоб занять место прямо в Государств[енном] совете.

Но, увы! Все мечты мои поблекли, как осенние листья, незадолго до выхода из гимназии, когда отец сказал мне решительно, что мне не быть в университете, а нужно скорее приняться за дело, т. е. за службу.

Моя общественная деятельность началась вскоре по выходе из школы, еще до вступления на службу. Дебют мой в обществе в качестве не школьника уже, а свободного гражданина ознаменовался изрядным скандалом. С тоской вспоминаю я об этом первом общественном скандале своем, потому что и здесь я под конец струсил, как школьник. Святками отправился я в дворянское собрание на маскарад. Там подцепил я одну маску и пустился с ней по зале. Мысль, что вот-де я на воле и теперь мчусь в таком собрании с дамой, вскружила мне голову. Я принялся любезничать с своей[20] маской как можно развязнее.

— Какие у тебя античные формы, маска! — сказал я ей на ухо, легко сжимая ее талию.

Даже рука моя почувствовала внутри моей дамы какое-то особенное движение.

— Pardon, устала!

— Что же так скоро? — говорил я, подводя маску к ее стулу. Руки у меня расходились. — Позвольте, — продолжал я, — Вашу маску! Откройтесь!

— Ах, какая дерзость!

— Ах, какая Вы хорошенькая! — воскликнул я, сдернув маску.

Вдруг, смотрю, подходит ко мне полковой майор, гневный, блестящий. Моя хорошенькая оказалась его женой.

— Как Вы смели, молодой человек? — завопил грозно майор. — Как Вы смели? Да я Вас прикажу за это вышвырнуть отселе.

Куда девалась моя удаль пред этим африканским львом! Ценой позорного извинения едва мог утолить его ярость и без оглядки вылетел из собрания.

Наконец, плотно уселся я[21] за стол, не зеленый, а черный, пропитанный чернилами стол, и заскрипело канцелярское перо в моей руке, когда-то мечтавшей водить авторским пером. Убийственной, разочаровывающей прозой веяло на мою романтическую душу от голых степ, от толстых деловых книг и деловых

[19] *Далее зачеркнуто:* Но когда отец пред моим окончан[ием].
[20] *Далее зачеркнуто:* дамой.
[21] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово.*

лиц чиновников. Впрочем, то же, вероятно, бывает в таких обстоятельствах и со всеми подобными мне людьми. Но мой добрый гений-путеводитель не оставлял меня и здесь. Не успел я получить первого своего жалованья, как уже случилось следующее событие: смотря на меня, как [на] нови[ч]ка, некоторые[22] сановники считали себя вправе пользоваться мною для посылок. Однажды подходит ко мне секретарь с листом «Губернских ведомостей» и говорит:

— Отнесите, г-н Совестдралов, в каррикатуру?

— Куда, Петр Иванович? — спрашиваю я, смекнув было и едва удерживаясь от хохота.

— В каррикатуру.

Я не вытерпел и фыркнул ему в лицо.

— Не в корректуру ли, Петр Иванович?

— Ну да, в корректуру! Чему же Вы смеетесь?

При окончании присутствия с меня велено снять сапоги, т. е. посадить под арест, — на целые сутки.

Так, мой первый подвиг на поприще обличения невежества[23] окончился для меня арестом. Но им я был доволен: здесь мне удалось не струсить. Затем следовал ряд мелких ошибок с старыми бюрократами, что окончательно упрочило за мной в их глазах репутацию вольного мальчишки. Впрочем, я не занимался службой усердно: она мне не нравилась.

Помню, на меня часто находили минуты безотчетной грусти. Печальная действительность заставляла задумываться над будущностью. Вопрос о моем призвании болезненно щемил мне сердце. Неужели, думал я, моя деятельность ограничится канцелярским столом и я неспособен к лучшему? Неужели всем планам моей молодости суждено разрушиться бесследно? И разве эти планы сами по себе уж не[24] имели право на осуществление? Нет, у меня были высшие стремления, а они говорили, что я предназначен к чему-то другому, выше той сферы, куда забросила меня судьба. Зачем и давать крылья птице, если ей не предназначено летать по выси поднебесной?..

Пробегая воспоминанием все эти давно забытые, давно минувшие[25] думы и дивишься[26] настроению, которое сам переживал в то время. Теперь, на расстоянии более чем 10-и лет, сам не узнаешь себя в подобные минуты, не понимаешь, откуда проистекали и к чему направлялись[27] эти горячие порывы молодой головы; и с изумлением спрашиваешь себя, неужели этот мечтательный, идеальный юноша[28] все я же, все тот же Павел Иванович Совестдралов? Да — я тогда мог сказать о себе, как Печо-

[22] *Далее зачеркнуто:* высш[ее] лицо.
[23] *Далее зачеркнуто:* повел.
[24] *Далее зачеркнуто:* заслу[живают].
[25] *Далее зачеркнуто:* мечты.
[26] *Далее неразборчивое слово.*
[27] *Над строкой:* добивались.
[28] *Далее зачеркнуто:* я сам.

рин: «Я чувствую в себе силы необъятные». А куда девались эти силы? Они не сосредоточились ни в один энергический протест против какого-нибудь злоупотребления, а разменены на мелкие заботы и дрязги. Я и теперь могу сказать о себе опять, как Печорин: «Моя бесцветная молодость прошла в бесплодной борьбе с самим собой». И вот теперь чувствуешь, что уже нет прежних сил, и не воротить их. Грустно, грустно!.. Извините, господа, что я так откровенно и не скромно... Ах! Ведь я и забыл, что пишу свою биографию, а не беседую с друзьями...

Моя общественная жизнь — жизнь в обществе и для общества началась. Но я в изумлении останавливаюсь перед громадной массой своих деяний, которую выводит предо мной моя память; я с удивлением спрашиваю себя, неужели все это я сделал, один я, неужели мои все эти подвиги, которые некоторым господам угодно называть скандалами, в которых даже пожившему и побившемуся вдоволь сердцу моему чувствуется молодая мощь энергической натуры. Я не знаю, с чего начать: так неотразимо и с таким обаянием встают они в душе моей все разом и заставляют забыть мои зрелые лета, мои гаснущие силы...[29] Нет, мне не передать всех этих дел в их первоначальной юношес[кой] свежести.

А тут еще темные образы пошлой обыденности, которые теперь, при упадке энергии, так тяжело ложатся мне на душу со всей своей отвратительной грязью. С ранних пор возненавидел я свой домашний круг, который своей холодной прозой убил первые мечты моей молодости; меня рано тянуло вон из дому, куда-то на свежий вольный воздух. Помню, я вздохнул несколько легче, когда умер мой отец[30]. Но мир его безответному теперь праху. Говорят, могила всех примиряет. А, признаюсь, живой он не был[31] по отноше[нию] ко мне безответным.

Освободившись от опеки, я вырвался на волю, зажил широко и правильно. Только возвращаясь ночью домой, я чувствовал в душе какую-то тяжесть; да и что меня ждало там, кроме жалоб матери на небрежность[32] по службе, на расход, приправленных вздохами, да ссор с другими домашними — все обыкновенные, пошлые вещи. Кстати, не могу не вспомнить здесь одной забавной домашней сцены. Я постоянно жил в ссоре с старшим братом; по характеру своему я не мог сойтись с этим вечно спокойным рутинером-тюфяком. С летами эта нелюбовь возросла до ненависти[33]. Старушку мать мою это, по-видимому, очень огорчало. Напрасно старалась она примирить нас. Вот однажды она свела нас. Случилось, что все трое были навеселе. Помню, я в раздумье широко шагал по комнате, а брат по обыкновению сопел в углу над чем-то. Мать и повела свою мину. В ответ на

[29] *Далее зачеркнуто:* Мне.
[30] *Далее зачеркнуто:* который.
[31] *Далее зачеркнуто:* для.
[32] *Над строкой:* [не] радение.
[33] *Далее зачеркнуто:* Мать.

ее упреки я начал объяснять ей, почему между нами такое несогласие. Вдруг брат, уж окончательно опустивший было голову и засыпавший, поднимается и, подходя ко мне [34], с каким-то не свойственным ему одушевлением схватывает мою руку.

— Ну, послушай, брат! Мать правду говорит. Ей больно, обидно смотреть на наши ссоры! Ну, на кого мы похожи, что мы с тобой за братья? Как нам не совестно жить так?

И много, все что-то вроде этого говорил он. Я слушал и молчал. Не знаю, что заговорило во мне тогда, но будто захотелось помириться. Я, все еще молча, пожал брату руку. Мать под хмельком расплакалась от [35] радости и подвела нас к образу.

— Ну, поклонитесь, детушки, и забудьте все. Ведь вы только и остались у меня, — проговорила она слезливо.

Брат бухнулся в землю. Смешна показалась мне [36] эта полупьяная сцена, я не выдержал и захохотал.

[34] *Далее зачеркнуто:* с одушевлением.
[35] *Далее зачеркнуто:* уди[вления].
[36] *Далее зачеркнуто:* вся.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. К КУРСУ «ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ПЕТРА»

Среди рукописей Ключевского сохранились черновые карандашные записи историка, датированные им 1891 г. (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 90, л. 1—33). На конверте, служившем обложкой, рукой Ключевского синим карандашом сделана надпись: «По западному влиянию в XVIII в. Курс и материалы», и далее простым карандашом: «Вопрос о др[евней] и новой Р[оссии] — историография». Первый двойной лист архивного дела напечатан на машинке, вероятно, Я. Л. Барсковым, которым была снята после смерти Ключевского копия с его рукописного архива. На этом листе, кроме повторения приведенного текста обложки, есть пометы: «„XVIII век". 60 страниц черновика и копии...» В архивном деле, судя по старой нумерации, сохранились листы с 10 по 40, т. е. почти 30 листов отсутствуют. Возможно среди них были три наброска «Древняя и новая Россия», которые хранятся в ГБЛ (ф. 131, п. 12, д. 3, л. 1—13). Эти наброски публикуются ниже после черновых материалов к лекциям.

Текст черновой рукописи представляет собой небольшие отдельные части публикуемых выше лекций. В этой рукописи отсутствует редакционная правка Ключевского, сделанная им позже в предлагаемом курсе. Части рукописи, которые отсутствуют в публикуемом тексте, даются нами ниже:

ИЗ ЧЕРНОВЫХ МАТЕРИАЛОВ К КУРСУ «ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ПЕТРА»

К 1-й лекции:

XVIII век.

[1] Интеллигенция вообще. Лишние люди Тургенева: их горе — горе от ума, несчастие — в их неприспособленности к действительности, а в этой неприспособленности способнейших людей наших — осуждение не им, а жизни и ее условиям.

Проток[олы] — «Р[усская] мысль», сент[ябрь, с.] 38 и др[угие] места отчеркнутые.

«*Гамлет* Щигр[овского] у[езда]» заставляет горько задуматься над странной судьбой нашей образованности, которая от-

[1-1] *Текст написан на полях.*

рывала людей от действительности и делала их какими-то мучениками образования. В основу образования д[олжны] быть положены *свои* культурные начала, и тогда только эта образованность не будет экзотическою и тепличною, каким стало европ[ейское] образование, перенесенное на чуждую ему нашу почву. — *Ю. Никол[аев]*, «М[осковские] в[едомости]», № 269 («Литературные заметки»).

Отношение Запада к России. — Соч. *Сол[овьева,* т.] 47.[1]

Впечатление каприза, непоследовательности, производимое жизнью русского общества в XVIII в. Невероятность такого впечатления при обширности, этнографическом составе и политическом строе России того времени. Источник впечатления — осложнение жизни общества. Телега и локомотив.

Причины осложнения жизни общества:

1) Господство туземных влияний до XVII в. и прилив иноземных с половины этого века; перевес последних над первыми в руководящих классах общества.

2) Разрушение цельности нравственного состава русского общества вследствие раскола; *равнодушие* к старине в православном обществе и *ненависть* к новшествам в старообрядческом — новые пружины общественного движения.

3) Усложнение международных отношений России вследствие деятельности Петра, превратившей Россию из равнодушной наблюдательницы западноевропейской жизни в деятельную ее участницу; новые задачи, впечатления и манеры.

4) Новый образ действий, вызванный указанными переменами. Как в личной жизни инстинкт последовательнее рассудка, так в жизни народной действие по преданию, политика памяти кажется последовательнее действия по расчету, политики соображений, выбора.

Жизнь русского общества в XVIII в. представляется нам капризнее прежней, потому что стали неуловимее для нашего наблюдения ее мотивы и разнообразные ее интересы.

Во всех этих условиях осложнения действует то скрыто, то выступая наружу, одна пружина — влияние З[ападной] Европы. (Как это в § 2 и 4?) Со времени Петра оно и сильнее и шире. Как спорили об отношении к ней до Петра и какое отношение само собою установилось при Петре. Прежде З[ападная] Е[вропа] действовала на нас, насколько мы ее призывали к себе на помощь. Теперь мы сами вошли в нее как прямые участники ее движений и отдались ее влиянию, насколько могли воспринять его. (Прежде мы наблюдали ее издали, робко заглядывая на нее через стену предубеждения и неприязни, нас отделявшую. Теперь она стала важной частью нашей собственной обстановки, сценой действия, а не предметом только наблюдения). Потому прежнее раздумье, что́ можно у нее заимствовать, и чего не нужно, сменилось решимостью заимствовать всё, что можно, п[отому] что всё стало нужно. Потому З[ападная] Е[вропа] стала действовать на нас не одними только технич[ескими] знаниями и житейскими

удобствами, но и своими понятиями, страстями, международными отношениями. Значит, зап[адно]евр[опейское] влияние после Петра было сильнее и шире, чем не только до него, но и при нем самом: уже не думали повертываться к ней спиной. Это влияние — капит[альный] вопрос нашей жизни с конца XVII в.

ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 90, л. 4—4 об. Автограф. Карандаш.

Ко 2-й лекции:

Мы видели, что подготовка реформы П[етра] состояла в разрешении двух вопросов, последовательно один за другим возникших в умах людей XVII в., как только они почувствовали опасности своего положения и стали задумываться над недостатками своего быта. Это были вопросы о том, как воспользоваться плодами чужой мысли, не трогая своей, и как защитить свою мысль от влияния чужой, постоянно нуждаясь в помощи последней. Я наперед обозначу вам моменты, пройденные русской мыслью при решении этих вопросов. Это решение началось при глубоком переломе...

Кому же прежде всего пришлось решать трудные и непривычные вопросы, представившиеся русскому уму в XVII в.? Они поставлены были политическими несчастиями, возникли из опасностей положения государства, следовательно, и решение их должно было стать делом тех, кто стоял на страже государственной[2] безопасности, оберегал интересы народа, т. е. делом правительства. Но вот что достойно внимания: никогда прежде вопросы такой государственной важности так не волновали всего нашего общества, никогда самые простые люди не считали себя столь обязанными и способными решать их, как в XVII в. Политическая мысль, суждение о самых важных предметах государственного порядка не только стало общей привычкой, но и признавалось общим правом. «Весь мир качается».

Никогда прежде московское правительство не имело дела с таким возбужденным обществом, как при царях Михаиле и Алексее. Но к этому следует прибавить, что никогда прежде и московское правительство не имело такого сложного состава и так не вовлекало общества в свою деятельность, как в первое время[3] после Смуты.

До конца XVI в. государством правил государь с Думой своих бояр. Земский мир не принимал прямого и деятельного участия в этом управлении: он только исполнял распоряжения высшего правительства и по временам обращался к нему с робкими челобитьями о своих нуждах. Государь указал и бояре приговорили: такой формулой обозначался источник закона в М[осковском] государстве, и никакой третьей власти[4] не тре-

[2] *Далее зачеркнуто:* и народной.
[3] *Над строкой:* при этих царях.
[4] *Над строкой:* воли.

бовалось для того, чтобы придать силу закона государеву указу и боярскому приговору. Государь и бояре не всегда действовали дружно, порой ссорились и бранились; царь Иван даже совсем поссорился со своими боярами, уехал от них из Московского Кремля, окружил себя особым двором, опричниной, предоставив боярам управлять землей. Земский мир оставался страдательным и молчаливым зрителем этих политических ссор и только скорбел о разладе своих богопост[авленных] властей. В XVI в. раза три или четыре созывался и Земский собор; но это были собрания тех же бояр, высшего духовенства, военных командиров, уездных предводителей дворянства с представителями высшего купечества столицы и старшинами столичного торгового-промышленного населения; все это были властные, должностные лица, правившие землей под руководством государя и бояр, а не представители земли пред государем и боярами.

Смутное время коренным образом изменило отношение правительства к земскому миру. Старая привычная династия, построившая Московское государство, пресеклась; наследственных государей не стало; земские уполномоченные не раз призывались выбирать новых государей; по низвержении царя Василия Шуйского в 1610 г. земля не один год оставалась совсем без государя. Силой обстоятельств, под гнетом политических несчастий и против воли самой земли воля земства стала решительницей судьбы государства. Эта воля земли возвела на престол и первого царя новой династии. На избирательном Соборе 1613 г. присутствовали едва ли не впервые выборные всей земли, всех классов общества, даже сельского населения, чтобы выбрать царя, который был бы всем люб, т. е. был бы царем всей земли, а не той или другой политической партии. Сохранились известия, что когда избрали царя Михаила, бояре заставили его поступиться полнотой самодержавия, под присягой обязали его делить свою власть с Боярской думой, ничего не делать без ее согласия. Участие боярства в управлении государством, хотя и без формального обязательства со стороны государя, не было новостью для русского общества; земля давно привыкла к такому разделу власти между двумя политическими силами, которые руководили ею с тех пор, как стало Моск[овское] государство. Новостью было то, что рядом с этими старыми политическими силами теперь стала третья — воля земли: при царе, земском избраннике, боярство принуждено было поделиться властью с землей, и Земский собор в царствование Михаила является деятельным рычагом законодательства и управления. В первые четыре года царствования Михаила земские выборные ежегодно присутствуют[5] в Москве для обсуждения важнейших государственных дел, много раз призываются и после того. При всяком затруднении правительство обращается со своими нуждами и запросами к «совету всей земли», испрашивает у Собора согласия на объявление войны, на новые[6]

[5] *На полях:* 1618—1622. 1633, 1634, 1636 и 1637, 1642.
[6] *Над строкой:* чрезвыч[айные].

налоги. Царь Алексей следует примеру отца, созывает Земский собор для составления Уложения, для обсуждения вопроса о Малороссии, внимательно выслушивает земские ходатайства, спрашивает мнения того или другого класса общества по финансовым вопросам. Земское представительство приобретает определенное устройство, устойчивый склад, входит в нормальный состав управления, становится привычным сотрудн[иком] пр[авительст]ва и выразителем общественного мнения; у соборных гласных вырабатывается голос твердый, но не крикливый; при обсуждении самых щекотливых вопросов они не теряют политического такта, почтительного тона, не обнаруживают заносчивых притязаний, оппозиционных замашек; во весь XVII в. правительству не пришлось ни разу раскаяться в созыве Земского собора. И общество начинало понимать значение[7] и компетенцию Земского собора...

Вы оцените значение такого состава управления в деле подготовки реформы Петра. Когда перед русским обществом стали тяжелые вопросы об его положении и отношении к Западной Европе, решать их пришлось не какой-либо политической партии или замкнутому кругу правительственных лиц. Над решением их призывалась поработать коллективная мысль всей земли; до чего додумывались отдельные умы, боярские и простые, уединенным, разрозненным размышлением, — всё это собиралось в одну Земскую думу в соборном приговоре или земском челобитье. Понятно, почему все общество было так возбуждено и самые простые люди считали себя призванными и обязанными судить о самых важных государственных делах. Поэтому кто бы ни был призван для их решения, больше некому было решать их, и как бы они ни были решены, лучше никто не мог их решить. Следовательно, решение, произнесенное в XVII в., мы не можем считать случайной прихотью или недомыслием отдельных лиц: это решение — мерка роста тогдашнего общества, верный показатель его разумения.

ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 90, л. 11—12 об. Автограф. Карандаш.

К 7-й лекции:

Положение дворянства в местном управлении и сельском хозяйстве.

Действие Наказа и Комиссии 1767 г. на направление западного влияния в России.

Положение дворянства в местном управлении. — Губернские учреждения 1775 г. — Следы западного и туземного влияния в них. — Жалованная грамота 1785 г. и корпоративное устройство дворянства. — Характер участия дворянства в местном управлении.

Положение дворянства в сельском хозяйстве. — Вопрос о крепостном праве. — Причины его возбуждения при Екатерине II. — Постановка его в Наказе и Комиссии. — Законодательство Екате-

[7] *На полях:* Дело 1662 г.

рины: расширение области крепостного владения и границ и усиление крепостного права[8]. — Крепостное хозяйство. — Успехи оброчного хозяйства и их причины. — Управление крепостными. — Влияние крепостного права на характер дворянского землевладения. — Недостаток дела у дворянства в местном управлении и сельском хозяйстве.

ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 90, л. 19 об. Автограф. Карандаш.

К 9-й лекции:

Крепостные[9] прежде сто́или 40—50 р[ублей], теперь дороже, потому что стали богаче с увеличением торговли.

Иностр[анных] колонистов теперь до 35 тыс. Лифляндия и Эстляндия не ставят ни одного рекрута.

«*Из всех наций,* находящихся под русским владычеством, сама Россия наименее счастливая и независимая.

О бескровности последних переворотов; причина — отсутствие жестокости в солдатах. *Разврат высших классов.* Пассивная храбрость народа». Их душевные проявления слабее, нежели у какой-л[ибо] другой нации, так что они как будто созданы, чтобы ими повелевали другие. Пьянство в праздники — одна из религиозных обязанностей народа.

Один из тысячи русских купцов изучил простую арифметику. Ни в одной чужой стране нет русской купеч[еской] конторы; сбывают товары через факторов; весьма немногие решаются нагрузить корабль на собств[енный] счет. Главные выгоды торговли достаются иностранцам.

Дворянство. Пренебрежение к иностранцам. 1)[10] *Франц[узские] авантюристы*[11] нашли доступ в русские семейства в *качестве секретарей, чтецов, учителей и паразитов. Р[усские] дворяне самые* необразованные [по] сравн[ению] с дворянством других европ[ейских] стран. На первом плане *знание новейших языков,* особенно франц[узского] и нем[ецкого]; говорят на них свободно, но правильно *писать [не умеют] ни на каком.* Дополняют образование путешествием во Францию, но при невежестве бросаются на все, что действует на *воображение и воспламеняет* страсти. Нелепое подражание чужой жизни; обычай модниц наряжаться в весенние костюмы на пасху; стройка домов по образцу воздушных дворцов Флоренции и Сиены. *Правительству будет труднее цивилизовать дворян*[12], чем крестьян: упрямство и скрытность. Народ *противоречий* и несообразностей; пышность и неопрятность, атеизм и суеверие, ненависть к иностранцам и

[8] *Над строкой:* зависимости.
[9] *Над строкой:* Макартней, 1764—1767. Р[усская] стар[ина], 1887, сент., [с.] 499.
[10] *Цифра написана красным карандашом над строкой.*
[11] *Два предыдущих слова подчеркнуты красным карандашом.*
[12] *Подчеркнуто красным карандашом.*

копирование их. 3) [13] *Воспитание* [14] француженками — причина распущенности дворянок. Женщины *высшего круга превосходят* соседних в умении одеться, элегантности и внешних преимуществах. Лучше бы не имели [дворяне] *никакого образования,* чем какое дается им, потому что не м[огут] сделать *их полезными для общества* и счастливыми. Отношение власти к успехам цивилизации: весы (?) ее держать в своих руках, останавливать ее успехи, когда они приходят в столкновение с ее авторитетом, и поощрять только, когда способствуют ее величию и славе. Большая часть проектов нем[ецкой] и[мператри]цы не осуществимы на практике. Никто из государей [не относился] так ревниво к власти, как Ек[атерина] II. 512.

ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 90, л. 32. Автограф. Карандаш.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ

Первый набросок [*около 1866 г.*]

Вопрос о древней и новой России

[1] 1. Постановка. 2. Происх[ождение] и значение. 3. Способы решения.

1 [1]. Постановку и способ решения этого вопроса в исторической русской литературе XVIII в. всего удобнее изучить по двум запискам: *О повреждении нравов* кн. Щербатова ⊕ и *Мысли о России* неизвестного автора.⊕

Основная мысль сочинения кн. Щербатова (1786—[17]89 г.) высказана в краткой и яркой картине порчи русских нравов, чем начинается записка: «Мы подлинно в людкости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов». Автор хочет открыть причины порчи, а потом показать самую ее историю [2] (с. 3). Главным источником этой порчи он признает жажду удовольствий, что он называет «сластолюбием». Показать, как эта жажда постепенно портила русские сердца — такова главная цель автора ([с.] 5).

Для контраста повествованию о порче нравов предпослано идиллическое изображение простоты допетровского быта при московском царском дворе и в частных домах: это — светлый фон, на который автор кладет затем свои мрачные краски. Особенно резко проведены некоторые черты древнерусского быта, как то тесная связь между родственниками, почтительность младших родичей к старшим, «почтение к родам», к породе даже со стороны самовластных государей, вообще «твердость в сердцах»,

[13] *Цифра написана красным карандашом над строкой.*
[14] *Слово подчеркнуто красным карандашом.*
[1–1] *Текст вписан карандашом.*
[2] *Над строкой карандашом:* ее ход.

домашняя и общественная дисциплинированность понятий и отношений ([с.] 13)[3].

Началом порчи была «нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром В[еликим]», как выражается автор, т. е. необходимая, но слишком радикально и широко введенная реформа Петра. От такой перемены «пороки зачали вкрадываться в души наши» в каждое царствование с часу на час все более, так что история правлений стала историей пороков ([с.] 16).

Петр В[еликий] вводил не только науки, искусства, ремесла, технику военную, правительственную и торгово-промышленную, заимствуя все это у иноземцев, но и старался водворить в России людскость, общительность и великолепие, какие видел на Западе, чтобы смягчить древние русские нравы, казавшиеся ему грубыми, ввел новое платье, завел собрания, свободное обращение полов и т. п. Возникли новые интересы, чувства, начали ценить красоту и знать ее силу, любить украшения, роскошь; понимать удовольствие нравится и т. д. ([с.] 17). Все это стоило денег, усиливало мотовство, разоряло, заставляло искать милостей у властных и сильных. «Так грубость нравов уменьшалась, — говорит Щ[ербатов], — но оставленное ею место наполнилось лестью и самством (эгоизм, себялюбие), а отсюда произошли раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочие зла» ([с.] 23). С другой стороны, отмена местничества, хотя вредного для государства, но не замененного никаким правом для родовитой знати разрушила фамильную солидарность родичей, истребила мысли благородной гордости в дворянах, «ибо стали не роды почтенны, а чины, заслуги и выслуги»; к тому же новый порядок службы, заведенный Петром, ставил в рядах армии дворянина простым солдатом наряду с его холопом, который, дослужившись до офицерства, даже бивал его палкой. Все это делало человека робким, одиноким, без опоры и защиты, беспомощным перед сильным. Наконец, похвально старание Петра истребить суеверие в народе, бритье бород, преследование ложных чудес и ханжества. Но худо, что всему этому не предшествовало просвещение народа, а потому, отнимая суеверие у непросвещенного народа, Петр отнимал и самую веру. «Уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к богу и св[ятому] его закону, и нравы за недостатком другого просвещения, кроме веры, потеряв сию опору, стали приходить в разврат» ([с.] 27—29).

Я нарочно подробнее изложил суждения кн. Щербатова о реформе Петра: в них особенно ясно выражается историческое мышление автора. Дальнейшее изложение в этом отношении не так важно для нас: это печальная повесть о пороках, накоплявшихся в высшем русском обществе с каждым царствованием и к концу века составивших сложный покаянный требник, кото-

[3] *Над строкой карандашом:* [с.] 5—16.

рым мог бы пользоваться русский священник при исповеди русского человека из высшего общества. В этой повести обильно рассеяны любопытные бытовые подробности, воспоминания, характерные анекдоты о людях и отношениях, что придает записке значение ценного исторического источника. Автор помнил время с царствования Петра II и сам называет себя «очевидным свидетелем» того, что совершалось, и как жили при дворе и в высшем обществе с царствования Елизаветы до 1777 г. ([с.] 59 и 86). Можно отметить наблюдение Щербатова, что рассадником пороков после Петра В[еликого] был двор, от которого «они разлились и на другие состояния людей», именно с царствования Елизаветы ([с.] 78—79). Укажу еще мимоходом на суждение Щ[ербатова] о Екатерине II. Страницы о ней в записке Щербатова — самое мрачное и жестокое, что можно прочитать о Екатерине. Во всей ее деятельности он видит одно руководившее ей побуждение — «славолюбие», тщеславие. Политику ее и внешнюю и внутреннюю, при всем ее внешнем блеске, он осуждает как бесплодную или вредную для России. Ее торжество над Польшей только усилило русских врагов; ее губернские учреждения и сословные жалованные грамоты только умножили ябеду и усилили общее отягощение народа; ее воспитательные и учебные заведения оказались бесплодными ([с.] 90—92). Своим характером, обращением с людьми, своим образом мыслей и действий она довершила общую порчу нравов в России, своим вольнодумством разрушив последнюю опору совести и добродетели — религию ([с.] 94).

Все это любопытно, как суждение современника. Но для нас всего важнее то, как объясняет Щ[ербатов] начало порчи, т. е. его взгляд на реформу Петра. Мы видим, что он наблюдал и размышлял, вдумывался во внутреннюю связь явлений, понимал психологию нравов, строение общежития. Он заметил в реформе Петра черты, которые дали нравам неправильное направление. Назвав реформу «нужной, но излишней», он один из первых, если не первый, попытался отделить в ней необходимое от излишнего, т. е. ненужного или преждевременного. Из его рассуждения выходит, что вводя науки, ремесла, военную и промышленную технику Зап[адной] Европы, можно было повременить борьбой со старыми русскими грубыми нравами, чтобы не заменить их цивилизованными пороками, что, исправляя религиозную жизнь народа, надобно было сперва просветить народ, а потом уже искоренять суеверия крутыми указами о бритье бород и ложных чудесах, чтобы заменить суеверие верой, а не безверием.

Итак, по мнению кн. Щ[ербатова], ошибкой реформы было слишком широкое ее действие, простиравшееся на такие стороны жизни, которые в изменении не нуждались или даже не могут быть изменяемы по чужим образцам. Надобно заметить такую постановку вопроса людьми, доживавшими XVIII век: речь шла уже не о том, нужно ли было вообще заимствовать чужое, а о том, правильно ли и обдуманно ли оно было заимствуемо, в меру ли

действительной потребности и полезности. Такая постановка вопроса была важным успехом русской исторической мысли.

Так же ставил вопрос и противник Щербатова Болтин. Он не против самой реформы, а только против ее излишней широты и радикализма: «неумеренное исправление причиною было разрушения многих царств; исправляя обычаи и нравы, надобно иметь великое познание человеческого сердца, чтоб не сделать при сем случае лишнего». Человек состоит из пороков и добродетелей. Надобно тщательно взвешивать вред обычая и пользу, ожидаемую от его уничтожения, и если вес окажется равным, лучше оставить вещи так, как они были (*Л*[*еклерк*⊕ т.] 2, [с.] 355). Б[олтин] понимает физиологию общежития и с этой точки зрения судит о мерах Петра. Обычаи безвредные и безразличные в нравственном отношении не стоит уничтожать или запрещать; и вообще насильственное изменение понятий и обычаев не безопасно: «Не должно вводить насилием перемен в народных началах и образе умствования их, а оставлять времени их произвести» (*Л*[*еклерк,* т.] 2, [с.] 350) замечает он, говоря о бритье бород. «Какой вред приносили государству бороды? Никакой. Какую пользу принесло обритие их? Никакой же; но принуждение к тому великий вред причинило. Когда характер мой хорош, что кому нужды до того, что лицо у меня мохнато, что платье на мне длинно, что, знаменуя себя крестом, не так персты складываю, как другие?» (*Л*[*еклерк,* т.] 2, [с.] 363). Так с помощью общих соображений о свойствах человеческой природы и о законах[4] людского общежития старались выработать прочные основания для оценки реформы Петра (Ср.: *Л*[*еклерк*, т.] 2, [с.] 251 и 211)[5].

2[6]. Вопрос о древней и новой России, как его ставили люди второй половины прошлого века, был только новой фазой в развитии старого и более общего вопроса об отношении России к Западной Европе. Этот общий вопрос, как известно, был возбужден людьми XVII в., как только началось у нас западное влияние. По характеру господствовавшего у нас тогда миросозерцания этот вопрос перенесли на религиозную почву и превратили его в шумный спор о религиозной опасности или безвредности общения с католическим и лютеранским, вообще еретическим Западом. То была неправильная постановка дела: западное влияние тогда не касалось религиозной жизни, а должно было удовлетворять нуждам государства, несло к нам не всю культуру Западной Европы, а только плоды ее технического знания, нужные для внешней обороны государства и для обогащения народа. Следствием неправильной постановки вопроса было неправильное его решение, сказавшееся в разделении русского церковного общества. Реформа Петра изменила дело; вопрос о западном влия-

[4] *Исправлено карандашом из:* и законов.
[5] *Примечание приписано карандашом.*
[6] *Цифра написана карандашом.*

нии преобразился в оценку преобразовательной деятельности Петра, в суждение о том, что́ он сделал с Россией и как относится преобразованная им Россия к прежней дореформенной. Староверы XVII в. говорили: западное влияние вредно, потому что есть дело папы римского, «дяди антихристова», уготовляющего путь в православную Россию своему племяннику. Стародумы XVIII в. говорили: западное влияние полезно в пределах русских потребностей; но Петр, расширяя его, переступил эти пределы и вместе с полезным и необходимым заимствовал много лишнего и вредного, привил интересы, вкусы и привычки, которые испортили наши нравы, извратили понятия, сделали нас непохожими на себя. Этим подсказывалось сопоставление испорченной по зап[адно]евр[опей]ски новой Р[оссии] с древней, чуждавшейся Зап[адной] Европы[7]. Значит, вопрос был перенесен с религиозной почвы на *нравственную*. Для уяснения дела скажу наперед, что наш век дал вопросу еще новую, третью постановку. Дело не в реформе Петра и даже не в антихристе, а в общих законах исторического развития. Нам пришлось жить общей жизнью с Западной Европой; общение с ней — факт исторической необходимости; ее культура есть высшая форма человеческого развития; быть культурным человеком или народом значит усвоить культуру Западной Европы. Положим, все это так. Но нужно ли при этом культивируемому не западноевропейскому народу усвоять самые формы западноевропейского культурного общежития и для этого повторять все процессы и переломы политические, социальные, умственные и нравственные, какие пережила и переживает Западная Европа, вырабатывая свою культуру? Жить общей жизнью, значит ли жить одной жизнью?[8]. Вот в чем вопрос, на который одни отвечают *да*, другие *нет*. Как видите, дело пересаживается на новую почву. Как назвать ее? Очевидно, речь идет об историческом процессе, об общих условиях исторического[9] развития, о законах исторического движения, а[10] изучение этих законов, науку о свойствах и условиях действия исторических сил, строящих и движущих людское общежитие, мы уговорились называть *социологией*[11]. Итак, вопрос о нашем отношении к Западной Европе в наш век перенесен с почвы нравственной на *социологическую* или, если угодно, *философско-историческую*.

Сам по себе вопрос о нашем отношении к Западной Европе и в этой, третьей, постановке не имеет ни научного, ни практического интереса, как не имел его и в прежней. Решение его ничего не уяснило и не уяснит нам в историческом процессе, не внесет в историческую науку нового тезиса. С другой стороны, наше отношение к Зап[адной] Европе установится, неза-

[7] *Фраза вписана карандашом на нижнем поле.*
[8] *Над строкой карандашом:* репетиров[ать] чужую.
[9] *Над строкой карандашом:* человеч[еского].
[10] *Далее зачеркнуто:* исторического.
[11] *Над строкой карандашом:* научного прагмат[изма].

висимо от нашего решения вопроса о нем, силой условий, действующих помимо наших соображений и даже без нашего ведома. Однако этот вопрос, праздный сам по себе, по своему содержанию и цели, не был бесплодным по своим следствиям или действию: он не направлял нашего отношения к Западной Европе, но будил нашу мысль, поддерживал охоту к историческому размышлению, оттачивал наше сознание, и, таким образом, имел воспитательное или образовательное значение. Он был своего рода гимнастикой для наших умов: в жизни не придется лазить и кувыркаться по гимнастическим веревкам, но мускульная выправка, здесь получаемая, очень понадобится в тысяче житейских случаев. Наше отношение к Западной Европе определится не качеством соображений, какие мы внесем в вопрос об этом отношении, а количеством культурных средств, какие мы внесем в самое отношение, степенью нашего самосознания и самообладания, и не нашего только, но и западноевропейского, что́ уже нисколько от нас не зависит, но чем мы можем воспользоваться или не воспользоваться, а это, как и самая степень нашего самосознания и самообладания, будет зависеть, от нашей привычки обдумывать какие-либо вопросы, задаваемые жизнью [12], от общего [13] запаса пережитого и передуманного нами [14]. Следов[ательно], в вопросе об отношении к Зап[адной] Европе важно не то, как мы решим его, а то, что мы его решали. Отношение установится, как мы *сумеем*, а не как решим или пожелаем это сделать, и — кто знает? — может быть, мы сумеем это сделать даже лучше, чем желали. Положим, мы решим подражать Западной Европе. А что если дела пойдут так, что там решат подражать нам? Что тогда станем мы делать с нашим решением? Ведь бывали же случаи, что у поселявшихся среди нас иностранцев мы перенимали то, что они сами бросали, меняя на наше: француженка зимой надевала основательную русскую шаль в то время, когда русские дамы начинали щеголять в легкомысленных французских шляпках, вызывая заслуженный смех в своих догадливых подражательницах.

3. Сущность вопроса в тогдашней постановке: реформа принесла что-то лишнее, не дав нужного. Это нравы, обычаи, понятия, вместо материальных средств и научных знаний.

Как решали вопрос тогда:

1. *Княгиня Дашкова* в 1780 г. (Зап[иски⊕, с.] 172—[17]4). Богданович и Закон (Сол[овьев⊕, т.] 26 [с.] 331).

2. *Кн. Щербатов* — (см. с. 95—96) с идеальной картиной древней Руси ([с.] 5—16); *справедливая и добродетельная верховная власть, основанная на точном законе управления*, строго сословный склад общества, умеренный образ жизни и общее благоденствие (тетр[адь] 3, с. 97).

[12] *Далее зачеркнуто:* вообще.
[13] *Слово вписано над строкой карандашом.*
[14] *Слово вписано над строкой карандашом.*

3. *Болтин* Л[еклерк, т.] II, [с.] 252 сл. *закономерность* жизни исторической, *логика* развития.

ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 3, л. 5—11 об. Автограф. Чернила. Л. 13 — Карандаш.

Второй набросок [*Первая половина 1890-х годов*]

Древняя и новая Россия [15]

Условия влияния высших культур на низшие (размеры влияния и способы усвоения).

Состав цивилизации: 1) элементы общечеловеческие и 2) местные, национальные.

Элементы 1-го рода в их причинной связи и исторической последовательности: 1) знания (наука), 2) мастерства (искусство, техника, прикладные знания), 3) житейские удобства, результаты тех и других.

Элементы 2-го рода, вырабатывающиеся на основе первых, но специально приуроченные к местным и временным условиям, нуждам и потребностям: 1) склад общежития политического и частного (законы, учреждения, экономические и юридические отношения, нравы, обычаи); 2) национальные привычки (домашняя обстановка, пища, одежда [16], ежедневный обиход), 3) народный темперамент или характер (способ мышления и чувствования и манера выражать то и другое), как результат склада общежития и национальных привычек.

Первого рода элементы — общее достояние человечества, потому что создаются общими свойствами и потребн[остями] человеческой природы, хотя и облекаются в местные национальные формы; вторые — исключительная принадлежность создавшего их народа, недоступная и ненужная для других.

Схема в простейшем виде: что́ один человек может заимствовать у другого [17] (знания, уменья, удобства и правила жизни, внешние манеры) [18] и что́ заимствовать невозможно или ненужно (походка, покрой платья, вкусы, привычки, чувства, способности, жесты, гримасы — физиономия).

Но и общечеловеческие, т. е. общеполезные и общедоступные элементы заимствуются неодинаково. Обыкновенно низшие культуры заимствуют эти общечеловеческие элементы высших в порядке обратном их причинной связи и исторической последовательности, начиная с наиболее доступных и непосредств[енно] нужных, т. е. идя от следствий к причинам, от плодов к корням, от житейских удобств к мастерствам, от них к знаниям. Самый способ заимствования становится труднее на каждой стадии: удобства можно просто *взять* или *купить* (зеркало, шведских спичек коробку), мастерства надобно *перенять* механ[ическим]

[15] *На полях:* Учителям образец.
[16] *Над строкой:* цвета.
[17] *Над строкой:* у препод[авате]ля. Каждый человек — культура, индивид.
[18] *Над строкой:* даже, пожалуй, если удобства — они.

навыком (выучиться делать зеркала и спички), знания необходимо *усвоить* самост[оятельным] мышлением и изучением. В первом случае человека может заменить автомат, обезьяна, во втором — машина, в третьем он сам должен заменить своего учителя.

Три неправильности в способе усвоения западной цивилизации русским обществом:

1. Общечеловеческие элементы этой цивилизации усвоялись не только в порядке обратном их причинной связи и исторической последовательности, но и с напряжением и успехом, обратно пропорциональным трудности и важности этих элементов: сперва (и успешнее всего) *удобства*, потом (и с меньшим успехом) — *мастерства*, после всего (и с наименьшей охотой и удачей) — *знания*;

2. Вместе с общечеловеческими элементами усвоялись и местные национальные, и притом в разное время усиленнее заимствовались различные элементы: в XVII в. и при Петре преимущественно технические средства и удобства, после Петра и до конца XVIII в. преимущественно увеселения, украшения, обычаи светского общежития, нравы, вкусы, чувства, в XIX в. — понятия, знания, законы, учреждения, убеждения;

3. Пытались распределить труд усвоения различных элементов цивилизации между разными слоями русского общества. Именно высшие слои, наиболее зажиточные и досужие, брали на свою долю преимущественно плоды просвещения; последние, наиболее подготовленные для потребления результаты цивилизации, предоставляя корни и основы ее другим менее состоятельным и более занятым классам. Ученые разночинцы и дворяне-вольтерьянцы второй половины XVIII в. Заботы Екатерины о создании 3-го чина, как проводника науки, и склонность высшего дворянства к *философии* и искусству. Цвет общества хотел стать только потребителем плодов цивилизации, с тем, чтобы другие были только ее производителями. Неохота вольтерьянцев со многими тысячами крепостных душ заниматься психологией и *аллеи вздохов* [19] в их парках. Вершина общества хотела сделать своей специальной образовательной задачей потребление, эстетику образования, предоставив средним классам труд, технику просвещения. «Нам — гостинная [20] цивилизации, вам — кухня» [21], — говорил просвещенный дворянин XVIII в. ученому разночинцу, даже дворовому (*Зап*[*иски*] *Дашк*[*овой*, с.] 174).

Из этих неправильностей родились два неудобства, ощутительно сказывавшиеся в ходе нашей духовной жизни в прошлом и истекающем столетии.

1. Заимствуемая цивилизация оставалась у нас без домашних источников питания, не получала самостоятельной обработки, не выходила из тесного общественного круга, имевшего средства

[19] *Над строкой:* и уеди[ненных] размышл[ений].
[20] *Над строкой:* столов[ая].
[21] *Над строкой:* мастерская.

выписывать или вывозить ее из-за границы, и с одной стороны поддерживала нашу зависимость от Западной Европы, заставляя нас обновлять заимствуемый культурный запас все новыми и новыми привозами, не делая в него своих вкладов, а с другой питая духовное бездействие, приучая искать готового, без собственного труда, т. е. жить чужим умом. Это все — следствия первой и третьей неправильности и этим надолго установилось наше неправильное отношение к западноевропейской цивилизации.

2. Вторая из указанных неправильностей произвела перерыв в ходе духовной жизни р[усского] общества или разрыв между древней и новой Россией, как у нас было принято выражаться. Усвояя механически и безрасчетливо чужой быт и чужой духовный обиход, одни просто бросали свой быт и обиход, как тяжелый завет темной родной старины, не развивая и не улучшая его в меру новых потребностей и новых образовательных средств, а другие, не решившись на такой перелом, с такой же враждой отнеслись ко всему заимствуемому, и еще крепче уцепились за отживавшую старину, тоже не обновляя и не улучшая ее, со староверческой косностью поддерживая ее ветшавшие обычаи и предания. Так два соседние века поссорились и из древней и новой России вышли не два смежные периода нашей истории, а два враждебные склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения. Старое получило значение не устарелого, а национального, самобытного, *русского*, а новое — значение иноземного, *чужого*, немецкого, но не лучшего, усовершенствованного.

ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 3, л. 1—3 об. Автограф. Карандаш.

Третий набросок

Болтин и *Щербатов. Др[евняя] и Новая Россия*

Любовь истор[ических] писателей того времени к аналогиям. От особенностей их положения и свойства их спец[иальных] задач: стали перед трудными явл[ениями] и часто сокрытыми пружинами общежития и не только себе уяснить, но и от других защитить их. Учреждения, обычаи, нравы, понятия, чувства и т. п. Отсюда необходимость разносторонних сопоставлений, историч[еских] аналогий, которые дают тенденц[иозный] вид, *субъект[ивную] окраску* их суждениям и взглядам (соврем[енные] идеи и старина).

При сопоставлении соврем[енных] идей и явлений с древними постепенно сложился взгляд на ход нашей истории. Последний плод русской историографии Екатер[ининского] времени и вместе [с тем] всего XVIII нашего века. На нем двойственная задача: изучение прошедшего в связи с явлениями настоящего — вопрос об отношении древней Р[оссии] к новой; искание аполо-

гетического материала в идеализации отеч[ественной] старины. Сходство взгляда у оппонентов и влияние поставленного вопроса на обществ[енное] сознание и дальнейшую р[усскую] историографию.

Как этот взгляд у *Болтина* на (Лекл[ерк: т.] 2, [с.] 252, 369) значение *старых* обычаев (ib, I, 75?).

Цельное и резкое изложение того же взгляда у кн. Щербатова (*О поврежд*[*ении*] *нравов*. Лондон, 1858). Начало. План. Летопись пороков. Взгляд на Петра I: нравственные жертвы военнополитических и культурных успехов ([с.] 29—30). Взгляд на царствование Екатерины II ([с.] 79 i); решительное осуждение ([с. 92 и сл.). Политич[еская] тенденция в идеале будущего государя ([с.] 95). Навык к размышлению историческому; морал[ьная] и политическая тенденция.

Сравнение Щ[*ербатова*] *и Б*[*олтина*]. *Один живет в древне*р[усской] старине, ее идеалами и порядками; другой ищет и находит в ней осуществление вечных общечел[овеческих] идеалов. Один обличает современность во имя старины, другой защищает «старину» от современников[22] во имя разума и правды. Один, изучая совре[менно]сть, осуждает ее во имя старины; другой, защищая старину от своих современников, изучает ее. Один светом старины освещает современные пороки, другой светом современных идей стремится осветить старину.

Внимание одного на новом, его качестве; другой — на старом, покинутом. ... Без нужды бросать свое и заимствовать ненужное (*«Мысли о России»*, 23 и 26, 6 n., 7 n., 11, 19 n., 112 m и 114 и сл. Общие идеи).

ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 3, л. 12—12 об. Автограф. Карандаш.

II. К РАЗДЕЛУ «ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

В архиве Ключевского сохранился еще один вариант к лекции по русской историографии 2-й половины XIX в., который публикуется ниже:

ВВЕДЕНИЕ В КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 2-й ПОЛОВИНЫ XIX в.

Около 1902 г.

Русская история не занимает особенно видного места в ряду умственных интересов русского образованного общества. Интерес к ней посредственный, живой, но сдержанный, ближе к недоумению, чем к равнодушию: источник его в естественном любопытстве ко всему родному, отечественному, между прочим и к отечественной истории, но без отчетливой мысли, на что бы еще она могла понадобиться. Такое отношение объясняется раз-

[22] *Исправлено из:* современность.

личными причинами, заключающимися частью в характере[1] русской истории, частию в состоянии русского общества, а также в некоторых общих условиях, независимых ни от русской истории, ни от русского общества.

Здесь прежде всего имеет значение интеллектуальное расстояние, какое лежит между научно-историческим знанием и общественным сознанием. Чтобы проникнуть в общественное сознание и в нем укрепиться, научно-историческая идея должна встретиться с умственными или практическими потребностями общества, найти себе место в ряду средств, к которым оно обращается[2] для разрешения занимающих умы вопросов или ставших на очередь житейских задач. Такая встреча возможна при двух условиях: если идея получила разработку, приспособленную к обычным способам усвоения идей общественным сознанием, и если само общество подготовлено к историческому размышлению, как практически полезному средству общежития. Но оба эти условия[3] не всегда бывают налицо и второе нередко отсутствует даже при наличности первого. Мысль об истории, как руководительнице жизни, высказана очень давно и довольно распространена; но она чаще появляется в обороте мнений, как хорошая сентенция, чем применяется в житейском обиходе, как испытанное правило. Наиболее привычные способы обращения к истории за практическими указаниями скорее укрепляют сомнение в ее пользе, чем научают правильно ею пользоваться: так, в спорах оба противника нередко с успехом подбирают примеры из истории для оправдания тенденций[4], непримиримых не только друг с другом, но и с здравым рассудком. Благодаря тому эта отрасль знания больше служит средством для пополнения или исправления общего миросозерцания отдельных мыслящих умов, чем руководством для практического устроения общественной жизни.

Но бывают моменты, когда в обществе обнаруживается усиленная наклонность к историческим справкам, пробуждается интерес к прошедшему более серьезный, чем обычное любопытство к делам минувших дней. Тогда люди, силясь уяснить себе связь и характер текущих явлений своей жизни, начинают спрашивать, откуда эти явления пошли и к чему могут привести. Когда, например, в обществе почувствуется, что привычный ход дел, составляющих ежедневное содержание жизни, начинает колебаться и расстраиваться, обнаруживать в себе противоречия и создавать затруднения, каких прежде не ощущали, — это значит, что условия жизни начали приходить в новые сцепления, наступил перелом, стало складываться новое положение. Тогда рождается потребность овладеть ходом дел, получивших неудобное направление как-то нечаянно и самопроизвольно, «в силу вещей», как принято выражаться о явлениях, возникающих без

[1] *На полях карандашом:* самой.
[2] *Над зачеркнутым:* нуждается.
[3] *Над зачеркнутым:* средства.
[4] *Над зачеркнутым:* самых.

участия чьей-либо сознательной воли. Чтобы освободить свою жизнь от такого стихийного характера и дать разумное направление складывающейся новой комбинации отношений, люди стараются выяснить цель, к которой эту комбинацию желательно было бы направить, а эта цель обыкновенно составляется из совокупности интересов, господствующих в данную минуту. Логическая потребность в целесообразности и обращает умы к прошедшему, где ищут и исторического оправдания всплывшим наверх интересам, и практических указаний на средства к достижению намеченной цели. Люди нередко и нечувствительно сбиваются с прямого пути, недостаточно часто оглядываясь назад; но они начинают усиленно оглядываться назад, чтобы вернуться к потерянному направлению, когда другие признаки, обыкновенно неудобства кривого пути, не дадут им почувствовать, что они сбились с прямого. В усилении исторической любознательности всегда можно видеть симптом пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом положении, создавшемся помимо его или при слабом его участии, а это пробуждение в свою очередь свидетельствует, что новое положение уже достаточно упрочилось и раскрылось, чтобы дать почувствовать свой характер и свои последствия. Общественное сознание тем и отличается от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных[5] причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено от данных последствий восходить к искомым причинам.

ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 40—41 об. Автограф. Чернила.

III. К КУРСУ «НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ РОССИИ»

В ГБЛ (ф. 131, п. 2, д. 2) хранятся два варианта плана этого курса 1893—1894 гг. — черновой, написанный карандашом на двойном листе (18×22,2 см), и чистовой, написанный чернилами на двойном листе (21,8×28 см), правка и приписки карандашом. За основу публикации взят чистовой экземпляр. Разночтения учтены в подстрочных примечаниях.

В архиве Ключевского имеются, кроме того, конспекты и черновые записи к абастуманскому курсу «Новейшая история Западной Европы в связи с историей России»: конспект «О Екатерине II — Александре II», наброски по отдельным странам и темам (например, «Наполеон», «Борьба народностей в Австрии. Надежды на единство на неопред[еленный] срок» и др.), планы, выписки из источников и другие черновые материалы (ГБЛ, ф. 131, п. 2, д. 3, 5; ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 92). Существует и архивная копия Барскова: «Павел I, Александр I. Записки по всеобщей и русской истории» (ГБЛ, ф. 131, п. 2, д. 1).

[5] *На полях карандашом:* выяснившихся.

ПЛАН КУРСА[1] *[1893—1894 гг.]*

1. Европа перед революцией

Предстоит обозреть исторический период от начала Французской революции прошлого века до 1881 г. Примыкая к нашему времени, как непосредственному своему продолжению, этот период условливает особое к нему отношение изучающего.

В *пределах* этого периода *предметом* изучения послужат внутренние устроение и внешние отношения государств, преимущественно европейских (политическая история).

В кругу политических явлений этого периода усиленное внимание будет обращено на внутреннее устроение русского государства и на его отношения к государствам западноевропейским. Уяснение этих отношений, активных и пассивных, а также и условий, их устанавливавших или колебавших, составит *особую задачу* обзора при общих целях исторического изучения.

Французская революция произвела крутой перелом в этих отношениях: благодаря ей усилилось участие России в делах Западной Европы и в то же время стало изменяться направление западноевропейского влияния на Россию, становилось даже заметно его ослабление.

Политическое положение Европы перед революцией создавалось преимущественно взаимными отношениями четырех великих континентальных держав, которые оказали и наибольшее влияние на ход событий революционной эпохи, именно Австрии, Пруссии, России и Франции. Три черты особенно заметно выдавались в этом положении: 1) значение, какое давали Австрии династические связи Габсбургов, 2) преобладание России и Пруссии в международной политике и 3) влияние Франции на нравы и образ мыслей европейских обществ при упадке ее значения в международной политике.

Влияние Франции на Европу перед революцией выражалось преимущественно в действии, какое производила на умы так называемая французская литература Просвещения; она широко распространяла мысли о неудовлетворительности существующего порядка и планы всестороннего его преобразования (краткий очерк направления, распространения и влияния этой литературы вне Франции).

С стремлениями этой просветительной литературы тесно связаны были преобразования, предпринятые во второй половине XVIII в. многими европейскими правительствами, в том числе и русским; в некоторых странах эти реформы не удались, в других существенно улучшили государственное устройство и поло-

[1] *На верхнем поле карандашом:* Свящ[енный] союз — искание прочной основы междунар[одных] отношений (Лоренц, 26 f), которая была бы выше прихоти людей и настроений, след[овательно], была бы религиозная. Цари-апостолы вм[есто] философов-атеистов, христианская нация вм[есто] человечества.

жение народа, нигде не сопровождаясь разрушением существующего порядка (краткий обзор эпохи и системы «просвещенного абсолютизма»).

2. Франция перед революцией

В духе просветительной литературы предприняты[2] были преобразовательные попытки и в самой Франции; но здесь мирная и законная *реформа*, начатая, как и в других странах, сверху, по почину правит[ельства], не только не удалась, но и вызвала насильственное движение снизу и привело к *революции*, к разрушению существующего госуд[арственного] порядка.

Эта разница в ходе преобразовательного движения на родине просветительной литературы сравнительно с другими странами Европы, происходила от того, что во Франции мирная правительственная реформа встретила особые препятствия: 1) в государственном порядке, 2) в настроении общества.

Ближ[айшие] прич[ины] революции[3]

Людовик XVI (1774—1793 г.) наследовал от деда государственный порядок, исполненный противоречий и анахронизмов: Франция представляла [собой] монархию[4] с верховной властью, неограниченной на деле, но стесненной по закону, некогда популярной, но потом утратившей авторитет и доверие, с сильно централизованным управлением, но с тяжелыми и устарелыми[5] остатками феодализма, с крайне расстроенными финансами и дурно настроенным общественным мнением[6].

Безделье двор[ян]ства, высшего общества. Салонная жизнь большого света. Causerie[7]. Философия — поставщица материала, провианта для causerie. Потому философы — светские люди; книги — для светского общества, — особый стиль, галантный, увлекат[ельный], текучий, остроумный. Потому философия водворяется в салонах: легкий стиль, простой способ решения мудреных вопросов; приправы — шутка и нескромность. Философия здесь — гимнастика ума и лакомство беседы. Чем прянее[8] новость, пикантнее, тем охотнее за нее. Успех самых крайних теорий: праздные обыкновенно любят пересуживать деловых; хула правит[ель]ства и церкви — любимая тема салонов. Безверие салонов, материализм, либерализм — оппозиция противоправ[ительственная]. В этом свете успех крайних идей Руссо. «О происхождении неравенства людей» (1753). «Contrat» (1762). Идеи [перешли] из гостиной в переднюю, оттуда на улицу.

Среднее сословие: сначала устранялось от государственных дел — то дело короля. Но потом оно с Кольбера *богатеет*; одолжает государство при Люд[овике] XIV. Риск этих ссуд; потому

[2] *Вписано карандашом над:* сделаны.
[3] *Название приписано на полях.*
[4] *Вписано над:* государство.
[5] *Вписано над:* беспорядочными.
[6] *В черновике на полях:* Герье, 31, 33, 131.
[7] Непринужденный светский разговор (*фр.*).
[8] *Вписано над:* оригинальнее.

нач[инает] интересоваться госуд[арственными] делами. Богатея, сближается с знатью. Беднея, знать сближается с ним. Цивилизуется, образуясь. Становится светским; чувствует себя ровней знати. Тогда нач[инает] тяготиться привилегиями знати. Тут в его умы проникают учения, отвергающие привилегии, теории равенства и народовластия — Руссо в моде. Ему хочется вмешаться в управление из-за госуд[арственных] облигаций. Руссо о полновластии народа, и сословие решает, что оно — *народ* и революционер готов: революцию и начал tiers [9]. Страх за свои деньги родил страсть к власти. Оппозиция в салоне и в магазине. Народ. (Гейссер, [с.] 9).

Общество во Франции, частью под влиянием этих противоречий государственного порядка, усвояло наиболее отвлеченные и крайние учения просветительной литературы, которые с особенным успехом проводил Ж.-Ж. Руссо (Краткий разбор политических трактатов Руссо [10].)

Среднее сословие (tiers-état) во Франции, богатея и становясь образованнее, все живее чувствовало неудобства действовавшего государственного порядка и впечатлительно воспринимало новые учения о равенстве, свободе и народовластии, привыкая к мысли, что оно — народ, а не сословие только [11].

Из политических затруднений и литературных увлечений сложилось во Франции общественное мнение, подозрительное и притязательное, ничем [12] недовольное в государстве и всего требовавшее от правительства, способное скорее затруднить, чем облегчить мирную правительственную реформу.

3. Преобразовательные попытки во Франции (при Люд[овике] XVI) и созвание государственных чинов

Нерешительные преобразовательные попытки Людовика XVI усилили недовольство и брожение умов.

Министры Тюрго и Мальверб (1774—1776) составили широкий план реформ с целью устранить противоречия и анахронизмы в государственном порядке, устройством земских собраний привлечь общество к участию в управлении, уравнять сословия отменой привилегий, облегчить народный труд и привести в поряд[ок] [13] финансы; привилегированные сословия и парламент восстали против этого, и король уступил им.

Такая же участь постигла и более осторожный план Неккера (1776 [14]—1781), который пытался бережливостью восстановить равновесие в бюджете и гласной финансовой отчетностью поддержать государственный кредит.

[9] Третье (*фр.*).
[10] *В черновике сбоку:* Успехи знания и мысль о перестройке челов[еческого] общежития. Taine, I, l. 3, ch. 1.
[11] *В черновике сбоку:* ib. l. V, ch. 3, § 5, Герье, 39 — anarchie dépensière (расточительная анархия — *фр.*).
[12] *Вписано над:* всем.
[13] *Три слова вписаны над:* устроить.
[14] *Цифра* 6 *написана над:* 7.

Калонн (1783—1787) оставил экономию, обратился к новым займам, расточительностью уронил кредит и, истощив наличные средства, призвал на помощь нотаблей, которые во всем отказали.

Ломени де Бриенн (1787—1788) пытался провести новые налоги и займы с помощью парижского парламента, сделав либеральные уступки, но парламент отказал в своем согласии; правительство попыталось преобразовать парламенты, но за них стали дворянство, духовенство, провинциальные собрания, даже низшие классы; правительство уступило.

Эти колебания вовлекли народ в борьбу властей, не поправив положения дел, и привели к последнему средству — созыву государственных чинов (États généraux — 5 мая 1789 г.).

Такие же колебания помогли государственным чинам вступить на революционный путь. По числу и господствующему настроению депутатов в собрании преобладало третье сословие. Правительство не приняло мер, чтобы руководить собранием. В вопросе о совместных заседаниях и поголовном голосовании третье сословие взяло на себя инициативу решения, объявило себя *Национальным* собранием, представительством всего народа, и присвоило себе верховную власть в вопросах о налогах и государственном долге (17 июня) [15]. Этим решением оно и начало революцию.

На заседании 23 июня король отменил постановления собрания 17 июня, указал депутатам программу реформ и приказал собранию разойтись, чтобы впредь совещаться раздельно по сословиям; третье сословие не послушалось, и король уступил [16].

ГБЛ, ф. 131, п. 2, д. 2, л. 1—2 об. Автограф. Чернила. Л. 3—4 — Автограф. Карандаш.

[15] *На полях:* исчезновение государственных сословий.

[16] *В черновике на полях:* Далее развитие революции. *На обороте:* 2 л[екция]. Положение Европы перед революцией, значение, какое имели в ней Ав[стрия], Пр[уссия], Россия и Англия, Фран[ция]. *Общий характер и главное содержание фр[анцузской] литературы Просвещения.* («век Просвещения»). Отношение (небывалое) умов к порядку религ[иозному], нравственному и политич[ескому], как к контрасту миру физическому, природе. Причина поворота — успехи естествознания: там — законы, гармония, разум, здесь — всё казалось произвольным, случайным, хаотичным, неразумным. Вывод: общежитие д[олжно] быть перестроено по законам природы и разума. Вне Фр[анции] некоторыми практич[ескими] заключениями этих теорий воспользовались...

Влияние франц[узской] литературы и просвещения на европ[ейские] правительства. Система просвещен[ного] абсолютизма ((И. 189)) (совпадение новых учений фр[анцузских] публицистов с интересами правительств преобраз[овательного] направления: Вольтер против авторитета духовенства за веротерпимость — правит[ельству] выгодно освоб[одить] руки от влияния дух[овенст]ва; философы за равенство людей — стеснение от привилегий двор[янст]ва и уравнение в податях для казны). Правило абсолютизма просвещ[енного]: всё для народа, ничего посредством народа. Усиление центр[альной] власти.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В. О. Ключевский — буржуазный русский историк второй половины XIX—начала XX в. — вошел в науку как автор всемирно известного курса русской истории, выдержавшего много изданий не только в нашей стране, но и за ее пределами. Капитальные труды В. О. Ключевского о Боярской думе, происхождении крепостного права, Земских соборах и т. д. входят в сокровищницу русской дореволюционной историографии, содержат целый ряд тонких наблюдений, которыми историки пользуются до настоящего времени. Только в последнее время, после издания отдельных специальных курсов [1] и исследований их [2], выяснилось, что об этом историке можно говорить как о крупном историографе и источниковеде. Однако до сих пор не все специальные курсы, статьи, очерки и наброски историка опубликованы. Настоящее издание, которое является продолжением публикации рукописного наследия В. О. Ключевского [3], в значительной степени восполняет этот пробел.

Первым публикуется курс «Западное влияние в России после Петра», который был прочитан В. О. Ключевским в 1890/91 уч. году. Тема о культурных и политических взаимоотношениях России и Запада привлекала внимание Ключевского особенно в 1890-е годы. Им были написаны статьи «„Недоросль“ Фонвизина», «Воспоминание о Новикове и его времени», «Два воспитания», «Евгений Онегин и его предки». Публикуемый курс является как бы продолжением его исследования о западном влиянии в XVII веке [4]. В нем основное внимание уделено новым явлениям в истории России, происходившим в результате реформ Петра I. Эти изменения Ключевский связывал прежде всего с влиянием Западной Европы на политическую структуру общества, на образование, быт и культуру. Под термином «западное влияние» Ключевский часто понимает не механическое перене-

[1] *Ключевский В. О.* Курс лекций по источниковедению. — Соч. М., 1959, т. 6; *Он же.* Терминология. русской истории. — Там же; *Он же.* Лекции по русской историографии. — Там же. М., 1959, т. 8. Сюда же относится и неоднократно издававшийся курс «История сословий в России».

[2] *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; *Чумаченко Э. Г.* В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970; *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.

[3] *Ключевский В. О.* Письма. Дневники: Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

[4] *Ключевский В. О.* Западное влияние в России XVII в.: Историко-психологический очерк. — В кн.: Ключевский В. О. Очерки и речи: Второй сборник статей. М., 1913.

сение идей и политических учреждений западноевропейских стран (в первую очередь Франции) в Россию, а изменения русской действительности, главным образом относящиеся к господствующему классу — дворянству, под влиянием новых условий жизни страны. Поэтому курс представляет значительный интерес (несмотря на его незаконченность) для изучения общей системы исторических взглядов Ключевского. Готовя к изданию V часть курса русской истории, Ключевский наряду с другими материалами привлекал частично и текст этого специального курса.

Раздел «Историографические этюды» открывают четыре наброска первостепенной важности по «варяжскому вопросу», где Ключевским высказано весьма ироническое отношение к названной проблеме, считавшейся в дворянско-буржуазной исторической науке одной из главнейших в истории Древней Руси.

Большой историографический интерес представляют никогда не публиковавшиеся очерки и наброски Ключевского о своих коллегах — историках прошлого и настоящего для Ключевского времени. Глубокие, меткие, образные, порой едкие характеристики не утратили значения и для современной исторической науки. Эти материалы существенно добавляют и обогащают широко известные статьи ученого о С. М. Соловьеве, И. Н. Болтине, Ф. И. Буслаеве, Т. Н. Грановском и других историках, изданные ранее «Лекции по русской историографии» [5] и фрагменты историографического курса [6].

До недавнего времени работы Ключевского в области всеобщей истории не были известны даже специалистам. Однако Ключевский уже на студенческой скамье проявил большой интерес к этой проблематике. Так, он тщательно конспектировал курс С. В. Ешевского, который был литографирован по его записи. Он написал работу «Сочинение епископа Дюрана», перевел и дополнил русским материалом книгу П. Кирхмана «История общественного и частного быта» [7]. По окончании Московского университета молодой Ключевский читал в Александровском военном училище (где он преподавал 17 лет, начиная с 1867 г.) лекции по всеобщей истории. Фрагмент этого курса, относящийся к истории Великой Французской революции, был опубликован [8]. Позднее сам Ключевский отмечал влияние Гизо на формирование его исторических взглядов.

В 1893/94 и 1894/95 уч. г. Ключевский читал в Абастумане курс «Новейшей истории Западной Европы в связи с историей

[5] *Ключевский В. О.* Соч., т. 8.

[6] Из рукописного наследия В. О. Ключевского: (Новые материалы к курсу по русской историографии/ Публ. А. А. Зимина, Р. А. Киреевой. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1972. М., 1973.

[7] *Кирхман П.* История общественного и частного быта. М., 1867.

[8] *Ключевский В. О.* Записки по всеобщей истории/ Публ. Р. А. Киреевой, А. А. Зимина; Вступ. статья М. В. Нечкиной. — Новая и новейшая история, 1969, № 5/6.

России»[9]. Он писал развернутые конспекты, которыми, очевидно, пользовался при чтении лекций. Именно этот расширенный конспект, состоящий из трех тетрадей, публикуется нами в основном корпусе издания. Он обнимает время от Французской революции 1789 г. до отмены крепостного права и реформ Александра II. Согласно записи Ключевского[10], курс был им рассчитан на 134 уч. часа и включал в себя 39 тем. Этот сложный по составу курс насыщен большим фактическим материалом, за которым видна напряженная работа. О том свидетельствует и большое количество сносок и помет Ключевского, которые дают возможность представить круг использованных автором источников: иностранных и русских.

Помимо конспектов, составленных для своего личного пользования, Ключевский писал и развернутые планы курса, один из которых публикуется в Приложении. В результате в архиве Ключевского отложился довольно богатый комплекс материалов абастуманского курса, среди которых конспект «о Екатерине II — Александре II», наброски о Франции, Австрии и Венгрии и другие. Ряд помет в абастуманских тетрадях, а также в литографиях «Курса русской истории» (в частности, литографии Барскова и Юшкова) свидетельствуют о том, что Ключевский предполагал использовать отдельные тексты при подготовке к печати пятой части «Курса». Абастуманский курс бесспорно является важным источником для изучения эволюции исторических взглядов Ключевского и для исследования проблемы изучения в России всеобщей истории вообще и истории Французской революции в частности.

Литературоведческие взгляды Ключевского находят отражение в разделе «Мысли о русских писателях», где содержатся характеристики от М. Ю. Лермонтова до А. П. Чехова. Собственное научно-литературное (и часто литературное) творчество историка представлено в разделах «Литературно-исторические наброски» и «Стихотворения и проза», которые раскрывают Ключевского с новой, не только с чисто учено-академической стороны. Здесь помещены его стихотворения, художественная проза.

В приложении печатаются: к курсу «Западное влияние в России после Петра» черновые материалы к отдельным лекциям и три наброска «Древняя и новая Россия»; к рукописи «Русская историография 1861—93 гг. Введение в курс лекций по русской историографии II-ой половины XIX в.»; к курсу «Новейшая история Западной Европы в связи с историей России» — план этого курса 1893—1894 уч. г.

Публикуемые в настоящем издании рукописи В. О. Ключевского хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), в Отделе рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (далее — ОРФ ИИ),

[9] Подробнее см.: *Нечкина М. В.* В. О. Ключевский: История жизни и творчества, с. 325—347 и Предисловие к настоящему изданию.
[10] *См. с. 384—385 настоящего издания.*

в Архиве Академии наук СССР (далее — Архив АН СССР) и в отделе письменных источников Государственной публичной Исторической библиотеки (далее — ГПИБ).

Обычно в печатных работах Ключевский опускал свой справочно-научный аппарат, но в его черновых рукописях часто можно встретить указания на источники. Особенно богат сносками, пометами и отсылками конспект абастуманского курса, где полностью «открыт» научный аппарат; что позволяет судить о круге его источников и увеличивает тем самым ценность публикуемого текста. Воспроизведение помет Ключевского, дополнительных текстов на полях и вставок дает представление о процессе работы ученого над текстами.

Рукописи Ключевского имеют сложную систему отсылок, помет и указаний на источники, литературу, собственные труды — опубликованные, литографированные, рукописные. Места вставок и переносов текста отмечались им условными значками, подчеркиваниями и отчеркиваниями на полях чернилами или различными карандашами — простым, красным, синим. Так как цвет карандаша несет определенную смысловую нагрузку, то в подстрочных примечаниях во всех подобных случаях указывается цвет и способы написания пометы. Если подчеркивания и значки не оговариваются в подстрочных примечаниях, то это означает, что они написаны тем же карандашом или чернилами, что и основной текст. Начало и конец вставок автора отмечены в тексте одинаковыми цифрами, а в примечаниях — через тире (например,[5-5]). В ряде случаев Ключевский пользовался условными обозначениями и сокращениями, которые не удалось расшифровать. В подобных случаях они даются в двойных круглых скобках (( )).

Нередко при воспроизведении выдержек из источников Ключевский сокращал текст приводимых цитат, но смысл их передавал верно. Фактические ошибки встречаются крайне редко.

Часто в рукописях Ключевского встречаются первые буквы латинских слов, означающих: p. (pagina) — страница, i (initium) — начало, m. (medium) — середина, f. (finis) — конец, n. (nota) — примечание, t. (totum) — всё, ib. (ibidem) — там же, id. (idem) — он же.

В публикации воспроизводятся без оговорок: подчеркивания и отточия Ключевского; исправления, сделанные им над строкой в случае их полного согласования с основным текстом и авторские изменения порядка слов в предложении, которые даются в последнем варианте. Описки исправляются без оговорок. Отсутствующие в рукописях даты восстанавливаются составителями в квадратных скобках, в примечаниях даются обоснования. Пояснения составителей даются в квадратных скобках. Звездочкой⊕ отмечен комментируемый в примечаниях текст.

Переводы с иностранных языков даются под строкой.

Р. А. Киреева, | А. А. Зимин |

КОММЕНТАРИИ

«ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ПЕТРА»

Публикуется впервые. Текст девяти лекций написан А. Г. Карповой (?) в одной тетради в черном переплете (ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 1). В рукописи имеются карандашные пометы и вставки В. О. Ключевского. Характер правки свидетельствует, что Ключевский работал над этим текстом не менее двух раз: первоначально — с целью усовершенствования данного цикла лекций, затем — в связи с подготовкой своего «Курса русской истории», в который впоследствии вошли некоторые места из публикуемого текста. На основании позднейшей отсылки к своей статье «Императрица Екатерина II», опубликованной в 1896 г. в журнале «Русская мысль» (кн. XI), можно заключить, что одна из этих правок проводилась Ключевским после ноября 1896 г. Пометы Ключевского часто носят отрывочный характер и требуют дополнительных разъяснений. В ряде случаев некоторые фразы слегка перечеркнуты Ключевским. Так как эти места составляют органическую часть текста и, вероятно, были отмечены им для других работ, то они воспроизводятся в основном тексте в ломанных скобках: ‹ ›.

10-я лекция целиком не сохранилась. Ее фрагменты печатаются впервые по черновым карандашным записям Ключевского (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 90). Их последовательность Ключевским не указана. Отрывки расположены в соответствии с отдельными авторскими пометами и по содержанию. Текст первого фрагмента написан чернилами рукой неустановленного лица на л. 28—29. Остальные написаны Ключевским карандашом: л. 23, 24—26, 21 об., 30—31 и 27.

Основания для датировки курса следующие: 1890 г. указан на первом листе тетради; 1891 г. поставлен Ключевским на фрагментах 10-й лекции.

Пометы В. О. Ключевского на титульном листе тетради в черном переплете:

II[1]

Исп[равить с.] 47 *(См. с. 25 настоящего издания).*

Однородность состава общества [с.] 8. *(См. с. 13 настоящего издания).*

Духовенство и дворянство, как проводники просвещения [с.] 32 и д[ругие]. *(См. с. 20 настоящего издания).*

Общее образование при Петре [с.] 46—50. *(См. с. 25—26 настоящего издания).*

[с.] 128 — Дворянство после 18 февр[аля] 1762 г. *(см. с. 51 настоящего издания).*

Программа Екатерины [с.] 134, 190. *(См. с. 53, 73 настоящего издания).*

Юности честн[ое] зерцало [с.] 241 *(См. с. 90—91 настоящего издания).*

Указанные страницы почти полностью совпадают со страницами рукописи.

1-я ЛЕКЦИЯ

Барск[ов]. — Речь идет о литографии «Курса новой русской истории (от Смутного времени до смерти Николая I)» В. О. Ключевского 1883/84 уч. г. в записи Я. Л. Барскова. (Далее: *Барсков*). Литография, имеющая карандашную правку Ключевского, хранится в Ленин-

[1] *Цифра написана красным карандашом.*

градском отделении Института истории СССР АН СССР (ф. Ключевский, д. 3) и в ГБЛ (ф. 131, п. 4, д. 2). Рукописный текст, служивший основой для литографии Барскова и V тома «Курса русской истории» (Пг., 1918), с карандашной правкой Ключевского хранится в ГБЛ (ф. 131, п. 9, д. 1).

2-я ЛЕКЦИЯ

Забел[ин] в «В[естнике] Евр[опы]». — Вероятно имеется в виду работа И. Е. Забелина «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век)» (Вестник Европы, 1871, янв.-февр.).

Разр[ядный] арх[ив]. — Речь идет о книге «Описание Государственного разрядного архива, с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов» (М., 1842).

Пр[о]в[ерить] по Куракину. — Речь идет об издании «Архив кн. Ф. А. Куракина» (СПб., 1890—1902, т. 1—10).

Устр[ялов] — Имеется в виду книга: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. II, с. 565.

...открыта была в 1705 г. в Москве школа пастора Глюка. — У С. М. Соловьева в «Истории России с древнейших времен» (М., 1865, т. 15, с. 101. Далее: *Соловьев*), на книгу которого ссылается Ключевский, указана дата основания школы — 1703 г. В своем «Курсе русской истории» Ключевский датирует ее основание опять 1705 г. С. А. Белокуров, специально исследовавший историю немецких школ в Москве, писал, что «в феврале месяце 1703 г. началась педагогическая деятельность Глюка», а «в 1705 г. школа Глюка приняла более обширные размеры, превращена была в гимназию». См.: *Белокуров С. А.* О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701—1715 гг.). — В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1907, кн. 1, с. IV, VIII (Далее: Чтения ОИДР).

Документы. — В «Курсе русской истории» Ключевский писал: «По сохранившимся и недавно изданным документам, идущим с начала 1705 г., когда школа была утверждена указом...» (*Ключевский В. О.* Соч. М., 1958, т. 4, с. 245). Вероятно, речь идет о документах о гимназии Глюка за 1705—1711 гг., которые открыл среди материалов Московского архива Министерства юстиции А. Н. Зерцалов и передал их для издания в ОИДР в марте 1894 г. Текст документа был тогда же набран, но опубликован значительно позднее — в 1907 г. См.: Чтения ОИДР, 1907, кн. 1, отд. 1 (подробнее об этом см. с. XL).

...Синод перевел... трактат... Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» и его же «Введение в европейскую историю». — Работы Пуфендорфа в России были переведены и изданы: «Введение в историю европейскую» (СПб., 1718) и «О должности человека и гражданина» (СПб., 1724).

3-я ЛЕКЦИЯ

Сыс[оев]. — Речь идет о литографии «Новая русская история 1613—1855: Лекции ординарного профессора В. О. Ключевского» (М., 1888) в издании В. Сысоева (Далее: *Сысоев*). Неполный экземпляр с авторской правкой см.: ГБЛ, ф. 131, п. 5, д. 3; Там же, п. 7, д. 1, хранятся л. 48—50, написанные рукой студента В. Сысоева с правкой Ключевского.

...Кампредон писал. — Речь идет о донесении французского полномочного министра при русском дворе де-Кампредона к де-Морвилю от 15 января 1726 г. См.: Сб. имп. Русского исторического общества. СПб., 1888, т. 64, с. 199—200. (Далее: Сб. РИО).

Феофан Прокопович живо рисует... — Описание Феофана Прокоповича опубликовано в виде приложения к книге «Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при имп. российском дворе в звании посла короля испанского. 1727—1730 годов» (СПб., 1845) (Далее: *Прокопович*).

...Маньян писал... — Выдержки из донесений французского резидента Маньяна опубликованы в 3 томе изд. Н. Тургенева «La Russie et les Russes» (Brussel, 1847). Затем в Сб. РИО, т. LXXV.

...двенадцать мнений и проектов. — Современный исследователь Г. А. Протасов установил, что было подано не 12 проектов, а только 7,

собравших 416 подписей. См.: *Протасов Г. А.* Кондиции и проекты 1730 г.: Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955, с. 9—10.

5-я ЛЕКЦИЯ

Ст[*атья*]. — Здесь и далее Ключевский имеет в виду свою статью «Императрица Екатерина II (1796—1896)» (Русская мысль, 1896, кн. XI, с. 130—177. См. также: *Ключевский В. О.* Соч. М., 1958, т. 5, с. 309—371). Наборный экземпляр статьи с заметками Ключевского, сделанными, видимо, в связи с подготовкой «Курса русской истории» к печати, хранится в ГБЛ (ф. 131, п. 13, д. 20). Среди его отметок и ссылок на свои ранние рукописи, литографии, «Пособие», на источники и т. п. есть указания и на публикуемый курс, который им обозначен как «Публ[ичные] л[екции]».

В беглых заметках, написанных в первые годы ее царствования... Речь идет о наставлении Екатерины II сыну и потомкам ее по поводу дела А. П. Волынского (Сб. РИО. СПб., 1872, т. X).

6-я ЛЕКЦИЯ

Сцена. — Имеется в виду ответ М. М. Щербатова, который начал говорить «с крайним движением духа», дрожащим голосом.

17 млн. — У Соловьева на указанных страницах: 7 млн. 500 тыс.

...*Нем*[*ец*] *и русский купец; шпага.* — Имеются в виду следующие слова депутата Глинкова: «Немцы же, видя русского купца без шпаги, оказывают ему пренебрежение, а особливо на бирже. Когда иностранный купец стоит с русским, то кажется как будто он стоит с своим слугою и обращается с ним свысока».

7-я ЛЕКЦИЯ

За один стол. — См. следующее место из письма Екатерины II к Вольтеру: «Мне думается, что вам понравилось бы быть за столом, за которым православный, сидя с еретиком и мусульманином, мирно слушают мнение идолопоклонника и уговариваются часто все четверо для того, чтобы сделать свой приговор сносным для всех» (Сб. РИО. СПб., 1872, т. X, с. 35).

Нард[*ов*]. — Имеется в виду литография курса Ключевского «Новая русская история. Часть II. От Екатерины I до Александра II (1725—1855); (Вторая половина IV периода — новейшая русская история)», изданная Нардовым (1880—1887). В ГБЛ хранится экземпляр с карандашной правкой Ключевского (ф. 131, п. 5, д. 1). На титульном листе рукой Ключевского написано: «Изд[ание] Нардова с поправками (с царств[ования] Алекс[андра] I». В тексте литографии встречаются пометки типа: «Тетр[адь, с.] 193», «Тетр[адь, с.] 201», что соответствует страницам публикуемой рукописи.

Уездные [*дворяне*]. — Ключевский указывает на место в своей статье «Имп. Екатерина II», где речь идет о том, что уездные дворяне иногда совсем не являлись на съезды для выборов, а оставшийся один предводитель должен был прибегать к заочным назначениям.

Статья, [*с.*]... *172*, з — На стр. 172 статьи «Имп. Екатерина II» Ключевский поставил цифру 3. Ей соответствует следующий текст: «Оно увидело в нем не новый вид государственного служения всего дворянства взамен прежней обязательной службы, а недостававшее ему хозяйственное удобство каждого отдельного дворянина».

Ст[*атья, с.*] *172* F. — Таким значком отмечено Ключевским следующее место из статьи «Имп. Екатерина II»: «По распущении комиссии среди гвардейских офицеров шли недовольные толки об унижении дворянства, о вольности крестьян и холопей, об их непослушании господам: „Как дадут крестьянам вольность, кто станет жить в деревнях? Мужики всех перебьют: и так ныне бьют до смерти и режут“».

9-я ЛЕКЦИЯ

Мессельер — имеются в виду Записки члена французского посольства в России 1757—1759 гг. графа Мессельера, выдержки из которых на русском языке публиковались в «Русском архиве» за 1874 г.

Порицания «Хорева» за доброде-

тель. — Речь идет о В. К. Тредьяковском, который осудил трагедию А. П. Сумарокова «Хорев» за то. что она оканчивалась гибелью добродетельных людей, так как это было, по его суждению, «противно нравственности».

Юшк[ов, с.] 419. — Речь идет о литографии курса Ключевского «Новая русская история. Ч. II. от Екатерины I до Александра II (1725—1855): (Вторая половина IV периода — новейшая русская история)», изданная Юшковым. Экземпляр с карандашной правкой Ключевского хранится в ГБЛ (ф. 131, п. 4, д. 4).

Массон — Речь идет о книге: *Masson K.* Mèmoires secrets sur la Russie pendant les régnes de Cathérine et de Paul I. Paris, 1803.

По Сегюру. — Речь идет о книге «Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789)». (СПб., 1865).

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

НАБРОСКИ ПО ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ

I. — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 9, л. 18—21 об. Автограф. Чернила. Датируется по упоминанию 1-го тома «Истории России» (М., 1876) и «Разыскания о начале Руси» (М., 1876) Д. И. Иловайского.

Раз[ыскания]. — Имеется в виду книга: *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1876.

II. — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 9, л. 22—23 об. Автограф. Чернила.

После диссертации Погодина. — Имеется в виду магистерская диссертация М. П. Погодина «О происхождении Руси» (М., 1825).

Известный турнир Костомарова и Погодина. — Имеется в виду публичный диспут 19 марта 1860 г. между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным в связи с подготовкой к юбилею 1000-летия образования Русского государства.

Отрывки исследования о варягах, изданные г. Гедеоновым. — Имеется в виду работа С. Гедеонова «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» (Зап. Академии наук, 1862—1863, т. I—III).

Появились сочинения Щеглова, Иловайского, Ламбина, Васильевского, Куника, новые статьи Погодина и, наконец, книга Забелина. — Имеются в виду следующие работы: *Щеглов Д. Ф.* Кто были варяги-русь, то есть, что мы такое? Разбор мнения г. Костомарова о жмудском происхождении первых князей. — Отечественные записки, 1860, № 7/8; *Он же.* Несколько дополнительных данных, касающихся жмудской теории. — Северная пчела, 1860, № 288; *Он же.* Заключение к жмудской теории. — Там же, 1861, № 128; *Он же.* Когда и как началось русское государство? (Отрывки из исследований о варяжском вопросе С. Гедеонова). — Библиотека для чтения, 1862, № 7; *Он же.* Первые страницы русской истории: (Опыт проверки важнейших исследований касательно начала Русского государства). — Журнал Министерства народного просвещения (Далее: ЖМНП), 1876, № 4—6; о работах Д. И. Иловайского см. выше; *Ламбин Н. П.* О слепоте Якуна и его златотканной луде. — ЖМНП, 1858, ч. XCVIII; *Он же.* Источник летописного сказания о происхождении Руси. — ЖМНП, 1874, июнь—август; *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. — ЖМНП, 1874, ч. 176; 1875, ч. 177, 178; *Он же.* О варяго-руссах. (Ответ Д. И. Иловайскому). — Древняя и новая Россия, 1875, т. 3; *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. St.—Pb., 1844—1845, v. 1—2. *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. М., 1846—1867, кн. 1—2; *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876, т. 1.

III. *Значение варяжского вопроса.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 11, л. 50—53 об. Автограф. Карандаш. Датируется условно — видимо, набросок писался в связи с подготовкой к лекциям по русской историографии. См.: *Клю-*

чевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. 8.

начало статьи Байера. — Вероятно имеется в виду работа Г.-З. Байера «О варягах» («De varagis»), начало которой Ключевский цитировал в «Лекциях по русской историографии»: «Исстари русами владели варяги; потом их прогнали, Гостомысл начал править государством. Но вследствие неурядиц он дал совет призвать тех же варягов, и был призван Рюрик с братьями». См.: *Ключевский В. О.* Сочинения, т. 8. с. 397.

IV. *Варяги-Русь.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 11, л. 54. Автограф. Карандаш. Датируется условно на том же основании, что и набросок III.

Фотия в Беседах. — Возможно имеется в виду книга: *Успенский П.* Четыре беседы Фотия. СПб., 1854. Общерусский свод, возникший в Москве при дворе митрополита Фотия в 1418—23 гг., до нашего времени не дошел.

в житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. — Возможно речь идет о работах В. Г. Васильевского «Житие Георгия Амастридского» (ЖМНП, 1878, ч. 195—196) и «Житие св. Стефана Сурожского» (ЖМНП, 1889, ч. 263), которые высоко оценил Ключевский в «Курсе русской истории». См.: *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1956, т. 1, с. 132, 146—147.

Гаркави. — Возможно имеется в виду книга: *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; *Он же.* Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871.

В. Н. ТАТИЩЕВ

Возможно, что публикуемые наброски о В. Н. Татищеве представляют собой черновики к речи Ключевского о Татищеве, произнесенной им 19 апреля 1886 г. на заседании Общества истории и древностей российских (Чтения ОИДР, 1886, кн. IV, с. 4—5 протоколов) и материалы к историографической лекции, прочитанной им 16 декабря 1891 г. (подробнее см.: *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, с. 35—38).

I. *Татищев.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 62—62 об. Автограф. Чернила (кроме названия, написанного карандашом).

II. *Татищев.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 64—65. Автограф. Чернила (кроме названия, написанного карандашом).

III. *Татищев.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 68 об.—69 об. Автограф. Карандаш.

«Разговор» — Имеется в виду работа: *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. — Чтения ОИДР, 1887, кн. I.

IV. *В. Н. Татищев (1686—1750).* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 70—71 об. Автограф. Карандаш.

А. Н. ОЛЕНИН

Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 14, л. 1—2. Автограф. Карандаш.

М. Дмитриев. — Имеется в виду книга: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.

Сверчком Пушкиным — прозвище А. С. Пушкина по обществу «Арзамас».

шишковско-державинской «Беседы». — Имеется в виду литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811—1816), возникшее по инициативе Г. Р. Державина и А. С. Шишкова.

«Погодин», Барс[укова]. — Имеется в виду труд: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. Кн. 1—22.

«Строев» Барсукова. — Имеется в виду книга: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.

Н. М. КАРАМЗИН

Отрывки датируются условно по почтовому штемпелю конверта, на обороте которого написан один из них.

I. *Карамзин.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 79—80 об. Автограф. Карандаш.

II. *Н. М. Карамзин.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 77—77 об. Автограф. Карандаш.

слова Пушкина. — Возможно Ключевский имеет в виду эпиграмму А. С. Пушкина на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина:

«В его „Истории“ изящность,
простота
Доказывают нам, без всякого
пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута».

(*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1962, т. 1, с. 341).

III. *Карамзин.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 75 об.—76. Автограф. Карандаш.

Бест[*ужев-Рюмин*]. — Имеется в виду книга: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1, 2.

Ко[*ялович*]. — Имеется в виду книга: *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

«Наталья». — Речь идет о повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь».

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПОСЛЕ ПОХОРОН А. Н. ЗЕРЦАЛОВА

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 158, л. 1—1 об. Автограф. Карандаш.

М. П. ПОГОДИН

I. *Рецензия на книгу М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига».* — Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 182, л. 1—2 об. Автограф. Чернила. Датируется по письму В. О. Ключевского к В. И. Герье от 15 июля 1872 г., в котором излагается история написания этой рецензии. См.: *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 147.

Книга, о которой мы намерены высказать несколько замечаний. — Имеется в виду книга: *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871, т. I—III.

II. *М. П. Погодин.* — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 5—6. Автограф. Карандаш. Датируется условно.

III. *Наброски о Погодине.* — Публикуются впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 3—4. Автограф. Карандаш. Датируется условно. Название подчеркнуто синим карандашом.

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

I. *«Русская история» К. Бестужева-Рюмина. СПб., 1872,* [т.] *1.*

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 181, л. 1—4. Автограф. Чернила. На л. 1, служащем обложкой, написано карандашом: «Б[естужев]-Рюмин».

II. *«Русская история» К. Бестужева-Рюмина, СПб., 1872,* [т.] *1.*

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 181, л. 5—9. Автограф. Чернила. На л. 5 — синим карандашом типографские пометы: «18 Инв. Корпусом библиогр. 1-я Кл.»

III. *К. Н. Бестужев-Рюмин.* [*Некролог*]. — Публикуется впервые.

ГБЛ, ф. 131, п. 14, д. 6, л. 2—6. Автограф. Карандаш. Датируется по году смерти Бестужева-Рюмина. Текст предназначался Ключевским для выступления в Обществе истории и древностей российских. Существует копия, снятая Я. Л. Барсковым (ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 6).

РУССКИЙ ИСТОРИК — ЮРИСТ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 14, д. 16, л. 1—2. Автограф. Чернила.

И. Е. ЗАБЕЛИН

I. *Рецензия на книгу И. Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен»* (М., 1876, ч. I). — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 50 об. Автограф. Карандаш. Датируется условно по выходу 1-ой части книги. Далее в деле на л. 51 и сл. отдельные отрывочные фразы.

II. *Рецензия на книгу И. Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен»* (М., 1879, ч. II). — Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 47—49. Датируется условно по выходу 2-й части книги. Автограф. Чернила, карандашная правка.

г. Павинский... в своем исследовании. — Возможно, речь идет о работе: *Павинский А. И.* О «Немецком праве в Польше и Литве». г. Владимирского-Буданова. Разбор... (СПб., 1871).

Д. И. ИЛОВАЙСКИЙ и И. Е. ЗАБЕЛИН

Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 7. Автограф. Карандаш.

Н. И. КОСТОМАРОВ

Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 61. Автограф. Карандаш.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ КУРСОВ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 145, л. 1—1 об. Автограф. Карандаш; название написано синим карандашом. Датируется по году закрытия Высших женских курсов в Москве.

ВЖК, которые Вы устроили — речь идет о В. И. Герье.

Лёля — речь идет о дальней родственнице В. О. Ключевского — Елене Алексеевне Бородиной, слушательнице ВЖК. Ключевский часто диктовал ей свои лекции. Часть таких лекций в ее записи хранится в ГПИБ (ф. В. О. Ключевского).

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1861—[18]93 гг.

Публикуется впервые. До слов «Делам и дали идти своим естественным ходом, а сами стали нетерпе[ливо]». — ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, л. 1 об.—2, а со слов «[нетер]пеливо ждать предположенных плодов» — ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 42—45 об. Автограф. Карандаш.

Основанием датировки служит текст бланка, на обороте которого написан первый лист рукописи: «Leipzig, Königsstr. 3. Der. 1902», а также упоминание Ключевского о том, что три года назад вышел IV том «История России» Д. И. Иловайского, где изложение доведено до царствования Михаила (1-й выпуск названного труда Иловайского вышел в 1894 г., 2-й выпуск — в 1899 г.).

Впоследствии рукопись была частично использована Ключевским в его статье «Памяти С. М. Соловьева» (1904 г.). См.: *Ключевский В. О.* Сочинения, т. 8.

На обложке рукописи зачеркнуто: «Самоквасов высказывает ли свои собственные мнения, на основании собств[енных] исследований, или только чужие? Общую оценку можно ли основать на спорных подробностях? Разве на решении вопроса о происхождении служилой кабалы можно основать суждение о достоинстве *профессора* истории р[усского] права? Оценка профессора из следующих вопросов: 1) эрудиция, 2) цельный взгляд на предмет, 3) испытанные, надежные приемы изучения, 4) дидактическое уменье. Отдайте должное обоим, но покажите, что это величины несоизмерные (гражданское право дает верх *Дьяконову*). Рудокоп и палеонтолог. Есть ли у Сам[оквасова] такой же подбор отзывов о *Филиппове*? 24 дек[абря] Самокв[асов] оценивает Дьяк[онова] меркой своих недоразумений».

Среди рукописей Ключевского есть еще один вариант введения к курсу лекций по русской историографии 2-й половины XIX в., который публикуется в приложении.

ЮБИЛЕЙ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 169, л. 1—12 об. Автограф. Карандаш. Датируется по году юбилея.

На л. 1, служащим обложкой, карандашом: «Юбилей Чт[ений] ОИДР». На л. 14 на отдельном маленьком листике следующий текст:

«Корабли не строятся 2—3 ударами топора: про то знает всем из в[естная] пословица. Хотели сразу писать историю.

Как народная жизнь созидается народным [союзом — ?], так и история этой жизни разрабатыв[ается] [1] учеными союзами, и как народная жизнь в сознании народа отливается в народную песнь, так и работы ученых истор[ических] союзов отпечатыв[аются] [2] в единоличном произведении Карамзина и Соловьева».

у Неустр[оева] спр[авиться]. — Речь идет о книге: *Неустроев А. Н.* Историческое разыскание о русских

[1] *Над зачеркнутым:* создается.
[2] *Над строкой:* отливается.

повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874.

НАБРОСОК РЕЧИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 150-ти ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 170, л. 1—3. Автограф. Карандаш. Написан на трех узких полосках бумаги с одной стороны. Датируется по году юбилея.

На л. 2 об. наверху чернилами: «Все эти случай[ности]», внизу карандашом пять столбиков цифр.

12 января 1905 г. под влиянием событий 9 января и последующих дней Ключевский вместо публикуемого варианта речи произнес нашумевшую в свое время речь с предсказанием гибели династии Романовых («Это — последний царь, Алексей царствовать не будет»). Подробнее см.: *Нечкина М. В.* В. О. Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974, с. 456; *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, с. 220—221.

«НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ РОССИИ»

(конспект)

Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 2, д. 4. Автограф.

Рукописи конспекта абастуманского курса отличаются сложностью авторских помет и отсылок на литературу, источники и на собственные тетради, конспекты, черновики и другие рукописи. Для облегчения чтения текстов Ключевского мы раскрываем наиболее часто встречающиеся сокращения, которые даются в основном тексте без дополнительных разъяснений:

Арс. — Арсеньев
Барск. — Барсков
Барс. — Барсуков
Бек. — Беккер
Богд., Богдан. — Богданович
Бол., Болот. — Болотов
Вб., Вбр., — Вебер
Гейс. — Гейссер
Герв. — Гервинус
Гетн. — Геттнер
Дит. — Дитятин
Дм. — Дмитриев
Зм., Знам. — Знаменский
Кепп. — Кеппен
Кис. — Киселев
Коб. — Кобеко
К. — Корф
Лонг. — Лонгинов
Л., Лор. — Лоренц
Масс. — Массон
Мил., Мл., Млт. — Милютин
Мин., Мн. — Минье
Поп. — Попов
Порош. — Порошин
Пут. — Путята
Пып. — Пыпин
Р. Ст. — «Русская старина»
Сабл. — Саблуков
С. — Сегюр
Сем. — Семевский
Слават., Слав. — Славатинский
Сол. — Соловьев
Ф. Виз. — Фонвизин
Фрим. — Фриман
Чич. — Чичерин
Шильд. — Шильдер
Шумиг. — Шумигорский
Cher., Шер. — Cherest, Шерэ

В тех случаях, когда не удалось расшифровать сокращения Ключевского, его отсылки даются в двойных скобках:

1-я ТЕТРАДЬ

Автограф написан карандашом, за исключением первого неполного листа, написанного чернилами. Обложкой служит вдвое сложенный лист с типографским текстом: «Наставление о мерах личного предохранения от заболевания холерой». На первой странице обложки в верхнем углу запись карандашом, не имеющая отношения к курсу, и план распределения часов занятий по темам:

Революция	— 11 [часов]
Россия до Спер[анского]	— 5 »
Евро[па], 1800—1814 гг.	— 4 »
С Рест[аврации] до	

Швейц[арии] включительно	— 7	[часов]
С Люд[овика]-Фил[иппа] до 2 декабря	— 4	»
Россия, 1807—1881 гг.	— 17	»
Европа, 1851—1881 гг.	— 6	»
	54	»

На второй странице тетради в верхнем левом углу запись карандашом:

Революция	— 14	[часов]
Россия до 1801 г.	— 4	»
Европа до 1815 г.	— 10	»
Россия, 1801—1815 гг.	— 5	»
Европа и Россия до 1855 г.	— 26	»
Европа до 1871 г.	— 7	»
Россия, 1855—1881 гг.	— 10	»
Обзор » — »	— 2	»
	80	часов

На этой же странице ниже другая запись:

«Лицо Б[?]на из тех, на которые достаточно раз взглянуть, чтобы их не забыть и никогда не пожелать взглянуть на них вторично».

На последней странице обложки зачеркнута карандашная запись.

Соловьев — имеется в виду книга: *Соловьев С. М.* Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. СПб., 1877.

Кобеко — имеется в виду книга: *Кобеко Д.* Цесаревич Павел Петрович (1754—1796). СПб., 1881. (Далее: *Кобеко*).

Беккер — имеется в виду «Всемирная история» К. Ф. Беккера, которая неоднократно издавалась на русском языке. (Далее: *Беккер*).

Геттнер — имеется в виду книга: *Геттнер Г. Т.* История всеобщей литературы XVIII в. Т. II. Французская литература в XVIII веке. СПб., 1866. (Далее: *Геттнер*).

четвереньки — возможно имеется в виду острота Вольтера, сказавшего, что описание дикарей, сочиненное Руссо, вызывает желание ходить на четвереньках. (Речь идет о трактате Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми»).

Гейссер — имеется в виду книга: *Гейссер Л.* История французской революции 1789—1799. М., 1870. (Далее: *Гейссер*).

Вебер — имеется в виду «Всеобщая история Георга Вебера» (т. 14—15), которая многократно издавалась на русском языке. (Далее: *Вебер*).

Чичерин — имеется в виду книга: *Чичерин Б. Н.* История политических учений. М., 1869.

Тэн — имеется в виду книга: *Тэн И.* Происхождение общественного строя современной Франции. СПб., 1880. (Далее: *Тэн* или *Taine*).

Cherest — имеется в виду книга: *Cherest A.* La chute de l'ancien régime, v. 1, 1884.

Минье — имеется в виду книга: *Минье Ф.* История французской революции. СПб., 1866—1867. Т. I, II. (Далее: *Минье*).

Милютин — имеется в виду книга: *Милютин Д. А.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857. Т. I—III. (Далее: *Милютин*).

Сб[орник] Михайлова — имеется в виду «Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века» Изд. М. Михайловым. СПб., 1873. (Далее: *Сборник Михайлова).*

Взгляд на права нейтрального флага Англии («Le pav[illon] ne couvre pas la marchandise» и «droit de visite»). — Так Ключевский кратко записал рассуждения Милютина об Англии, которая утверждала, что «крейсеры ее могут конфисковать все товары, принадлежащие враждебной нации, хотя бы они были на корабле нейтральном (le pavillon ne couvre pas la marchandise) [...] что каждый крейсер может обыскивать все купеческие корабли (droit de visite), хотя бы они шли под конвоем нейтрального военного флага». (Милютин, Т. 2, с. 519).

Картина Европы в 1800 г. Ростопчина — имеется в виду записка Ф. В. Ростопчина «Картина Европы в начале XIX столетия и отношение к ней России», опубликованная в *Сборнике Михайлова* см. выше.

2-я ТЕТРАДЬ

Автограф написан чернилами, за исключением двух листов, написанных карандашом.

Рассказ Державина — имеются в виду «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», пер-

воначально опубликованные в «Русской беседе» (1859, кн. I—V), затем отдельным изданием в 1860 г., позднее «Записки» вошли в т. 6 сочинений Г. Р. Державина (СПб., 1871).

Болотов — имеется в виду книга: *Болотов А. Т.* Памятник протекших времен или краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875, ч. 1, 1796 г.; ч. 2. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого. (Далее: *Болотов*).

Ростопчин и его коллекция — имеется в виду рассказ Ростопчина о том, как он выиграл в карты у прусского офицера коллекцию оружия, воинских костюмов всех веков и народов (в миниатюре) и заводное войско. Эту коллекцию Ростопчин подарил Павлу I, за что попал в фавор к императору.

Семевский — имеется в виду книга: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. т. 1. (Далее: *Семевский*).

Богданович — имеется в виду книга: *Богданович М. И.* Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855—1880). СПб., 1879—1880. Т. 1—5. (Далее: *Богданович*).

Дмитриев — имеется в виду книга: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854. (Далее: *Дмитриев*).

Русская старина, 1871, 637 — имеется в виду публикация: «Указы и распоряжения, состоявшиеся в царствование Павла I». (1871, т. 3).

Славатинский — имеется в виду книга: *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.

Русская старина, 1871, т. 3, 531 и сл. — речь идет о публикации: «Распоряжение имп. Павла об улучшении русского языка».

Пыпин — имеется в виду книга: *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. (Далее: *Пыпин*).

Шумигорского гл[ава] XI — имеется в виду глава из книги: *Шумигорский Е. С.* Императрица Мария Федоровна: Ее биография. СПб., 1892. (Далее: *Шумигорский*).

Саблуков — имеется в виду «Записки» Н. А. Саблукова, опубликованные в «Русском архиве» за 1869 и 1878 гг.

Массон — см. примечание к 9-й лекции «Западного влияния в России после Петра».

«Бабушкина Азбука» — имеется в виду сочинение Екатерины II «Бабушкина Азбука великому князю Александру Павловичу».

Богданович — здесь имеется в виду книга: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869—1871. Т. 1—6.

Лонгинов — имеются в виду статьи М. Лонгинова «Граф Сперанский (1772—1839)», опубликованные в «Русском вестнике» за 1859 г. (т. 19, 23). (Далее: *Лонгинов*).

Русская старина, т. 3, 1871, с. 326 — речь идет о предисловии «Василий Назарович Каразин» к нескольким его статьям, публиковавшимся посмертно.

Корф — имеется в виду книга: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1, 2. (Далее: *Корф*).

Путята — имеется в виду работа: *Путята Н. В.* Обозрение жизни и царствования императора Александра I. — В кн.: Девятнадцатый век. М., 1872, кн. 1. (Далее: *Путята*).

Фонвизин — возможно имеется в виду дневник М. А. Фонвизина, который частично печатался в «Русской старине» в 1885 г. (№ 11).

Арсеньев — имеется в виду книга: *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. (Далее: *Арсеньев*).

Знаменский — имеется в виду книга: *Знаменский П. В.* Чтения из истории русской церкви за время царствования Александра I. Казань, 1885. (Далее: *Знаменский*).

Киселев — имеется в виду книга: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1—4.

слова Дельмаса — имеется в виду эпизод, когда Наполеон I на торжестве по поводу введения конкордата с римским папой обратился к генералу Дельмасу с вопросом: «Что Вы скажете о церемонии?» — «Церемония отличная, — ответил Дельмас, — недоставало только миллио-

на человек, убитых за уничтожение того, что Вы теперь восстанавливаете».

3-я ТЕТРАДЬ

Автограф написан чернилами, имеется большая карандашная правка.

Фриман — имеется в виду книга: *Фриман Э.* Общий очерк истории Европы. СПб., 1880.

Гервинус — имеется в виду книга: *Гервинус Г.* Введение в историю девятнадцатого века. СПб., 1864.

Лоренц — имеется в виду книга: *Лоренц Ф.* История новейшего времени (1815—1856). СПб., 1871. (Далее: *Лоренц*).

Попов — имеется в виду книга: *Попов Н. А.* Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869.

Барсков — см. примечание к 1-й лекции курса «Западное влияние в России после Петра».

Якушкин — речь идет о 1-й части Записок И. Д. Якушкина, которые впервые были опубликованы (в отрывках) А. И. Герценом дважды (Полярная звезда на 1862 г. Лондон, 1861, кн. 7 и в серии «Записки декабристов». Лондон, 1862, вып. 1). Целиком Записки Якушкина были опубликованы в 1905 г., т. е. после того, как В. О. Ключевским создавался публикуемый текст.

Берг — имеется в виду книга: *Берг Н. В.* Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862. М., 1873.

Соловьев: А[лександ]р — имеется в виду книга: *Соловьев С. М.* Император Александр Первый: Политика. Дипломатия. СПб., 1877.

Зап[иски] Смирнова — речь идет о дневниках сенатора Н. М. Смирнова, купленных в рукописи Ключевским, которые и сейчас хранятся в его архиве.

Кеппен — имеется в виду книга: *Кеппен П. И.* Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857.

Шильдер — возможно имеется в виду работа Н. К. Шильдера Россия и ее отношение к Европе в царствование Александра I в 1806—1815 гг. СПб., 1888—1890.

Дитятин — имеется в виду книга: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. I. Города России в XVIII столетии.

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТИПОВ

«Весь этот человек...»

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 146, л. 1. Автограф. Чернила.

«Я хочу описать жизнь человека...»

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 4. Автограф. Карандаш.

«В последнее время чаще и чаще...»

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 135, л. 2. Автограф. Чернила. Датируется по содержанию.

«У нас всегда были...»

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 222, л. 1. Автограф. Карандаш. Датируется по последующему тексту в рукописи от 7 мая 1892 г., который впервые был опубликован Р. А. Киреевой (*Ключевский В. О.* Исторические миниатюры. — Неделя, 1963, 9—15 июня, № 24, с. 11) и в книге: *Ключевский В. О.* Письма. Дневники: Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 259—260, 465.

«Полное взаимное равнодушие...»

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 135, л. 1—1 об. Автограф. Чернила.

ВЕЧЕРНИЕ ЧТЕНИЯ В АБАСТУМАНЕ

Публикуется впервые, кроме фрагмента от слов: «Она не давала сражений [...]» до слов «[...] лучам заката», что было опубликовано Р. А. Киреевой (Ключевский В. О. Исторические миниатюры. — Неделя, 1963, 9—15 июня, № 24, с. 11). ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178, л. 18, 16—16 об. Автограф. Карандаш. Датируется по времени пребывания В. О. Ключевского в Абастумане.

Иван Тургенев — о И. С. Тургеневе см. приложение к 1-й лекции

курса «Западное влияние в России после Петра».

Робок, а порой у самого далай-ламы табачку попросит понюхать. — Имеется в виду следующее место из «Гамлета Щигровского уезда» И. С. Тургенева: «Я, видите ли, робок, и робок не в ту силу, что я провинциал, нечиновный, бедняк, а в ту силу, что я страшно самолюбивый человек. Но иногда, под влиянием благодательных обстоятельств, случайностей, которых, впрочем, ни определить, ни предвидеть не в состоянии, робость моя исчезает совершенно, как вот теперь, например, теперь поставьте меня лицом к лицу хоть с самим далай-ламой, — я и у него табачку попрошу понюхать».

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

«Назначение интеллигенции...»

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 56, л. 4—4 об. Автограф. Карандаш.

Мысли об интеллигенции

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 172, л. 1—9 об. Автограф. Карандаш.

...торопливому писателю — имеется в виду П. Д. Боборыкин, которым термин «интеллигенция» впервые был введен в обиход в 1870-х годах.

экзегетика — в богословии термин, обозначающий совокупность правил толкования текстов.

ВЕРОВАНИЕ И МЫШЛЕНИЕ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 56, л. 9 об. — 10. Автограф. Карандаш. Название отрывка взято с обложки тетради, на которой Ключевский так назвал этот набросок.

ИСКУССТВО И МОРАЛЬ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 56, л. 10 об. — 12. Автограф. Карандаш. Датируется условно по предыдущему тексту.

Росси — Эрнесто Росси гастролировал в России в 1877, 1878, 1890, 1895 и 1896 гг.

МЫСЛИ О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ

О рукописях В. О. Ключевского по русской литературе см.: *Чумаченко Э. Г.* Обзор неопубликованных рукописей В. О. Ключевского о русской литературе XIX—начале XX в. — Тр. МГИАИ, 1961, т. 16; *Она же.* Неопубликованные статьи В. О. Ключевского о Гоголе. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, 1961, вып. 24; *Она же.* В. О. Ключевский о русских писателях. — Вопросы архивоведения, 1963, № 3.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178, л. 15, 17. Автограф. Карандаш. Текст написан на оборотной стороне письма неустановленного лица к В. О. Ключевскому, в котором содержится просьба прислать отзыв Матвею Михайловичу на сочинение на медаль. Эта дата, а также время пребывания Ключевского в Абастумане, служат обоснованием датировки.

Статейку, которую прошу позволить прочесть, анонимная, без подписи. — Ключевский имеет в виду свою статью «Грусть (Памяти М. Ю. Лермонтова, умер 15 июля 1841 г.)», которая впервые была опубликована без подписи (под буквой К.) в журнале «Русская мысль», (1891, № 7). Затем статья была перепечатана во втором сборнике статей Ключевского «Очерки и речи» (М., 1913) и в его Сочинениях (М., 1959, т. 8).

Н. В. ГОГОЛЬ

Печатается по автографу. ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 28, л. 155—155 об., 158. Текст написан карандашом.

I. — Впервые опубликовано: *Чумаченко Э. Г.* Неоконченная статья В. О. Ключевского о Н. В. Гоголе: Из неопубликованных материалов. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, 1961, вып. 24.

II. Смех и слезы

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178, л. 11 об. Автограф. Карандаш. Текст написан на оберточной бумаге с типографской наклейкой: «„Богословский вестник“ (ежемесячно), 34. Москва. Житная ул. с[обственный] д[ом] проф. В. О. Ключевскому». На обложке рукой В. О. Ключевского:

Мертвые Души, ч. 1.
Тарас Бульба.
Утопленница.
Вий.
Невский проспект.
Портрет.
Коляска.
Ревизор.
Женитьба.
Гл. I — Чичиков.
II—15 — Манилов.
III—36 — Коробочка.
IV—57 — Ноздрев.
V—85 — Собакевич.
VI—107 — Плюшкин.

И. С. АКСАКОВ

I. Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 139, л. 5. Автограф. Карандаш. Датируется по дню похорон И. С. Аксакова.

II. Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 139, л. 1—2. Автограф. Чернила. Датируется по дню похорон И. С. Аксакова.

И. А. ГОНЧАРОВ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178, л. 1—2 об. Автограф. Карандаш. Писан на сшитых от руки листах.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178, л. 6—7 об. Автограф. Чернила (частично карандашом).

...у Гоголя в Пирогове — имеется в виду персонаж арабески Н. В. Гоголя «Невский проспект».

А. П. ЧЕХОВ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178, л. 8, 10 (л. 9 в рукописи остался чистым). Автограф. Карандаш. Датируется условно по времени первой постановки Московским Художественным театром пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня».

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА

Вы, философ, дайте руки...

Выдержка из стихотворения Ап. Майкова «Тарантелла», хранящаяся среди записей Ключевского (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 38, л. 1), которую он, видимо, использовал.

Его мы знаем все...

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 133, л. 1—1 об. Автограф. Карандаш и чернила. Датируется по стиху 14, где имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

В публикуемом стихотворении прообразом «героя» для В. О. Ключевского, отрицательно относившегося к дворянству и славянофилам, послужил, вероятно, И. С. Аксаков. Намек на это можно видеть в строфе 2-й: «Он по фамилии татарин, по родословной немец он» (Аксаковы вели свой род от Аксака Вельяминова, названного так в честь Темир Аксака, но в XVIII и XIX вв. большинство русских дворянских родов выводило свои родословные «из немец»); и из строфы 6-й: «Смекнул он, и сперва журнал недельный, а потом газету вседневную он издавал» (в 1858 г. И. С. Аксаков неофициально редактировал журнал «Русская беседа», а затем издавал газеты «Парус» (1859 г.), «День» (1861—1865), «Москва» (1867—1868), «Москвич» (1867—1868), «Русь» (1880—1885); и из строфы 8-й: «...в правленье банка уж сидит» (с 1874 г. И. С. Аксаков был председателем правления Московского купеческого общества взаимного кредита); и из строфы 15-й «...и в Комитет Благотворений вошел» (в 1875—1878 гг. Аксаков принимал деятельное участие в создании и руководстве Московского Славянского благотворительного комитета).

ПИСЬМО ФРАНЦУЖЕНКИ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 142, л. 1—6. Автограф. Карандаш. Датируется по помете В. О. Ключевского на листе 2 об. рукописи.

На листе 4 об. рукописи помещен небольшой список работ, использованных автором для написания «Письма француженки» — сре-

ди них историческая справка Н. А. Ратынского «Двор и правительство в России сто лет назад»; «Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II. Депеши и письма»; *Кобеко Д.* Ученик Вольтера: Граф Андрей Петрович Шувалов (1744—1789).

Однако, поскольку публикуемое произведение не является историческим исследованием, приемы использования источников здесь очень своеобразны, автор берет лишь сущность события, оставляя за собой право свободной художественной трактовки деталей (например, возможно именно гр. А. П. Шувалова подразумевает В. О. Ключевский под неким светским остроумцем, «учеником Дюкло»).

К КИСЛОВОДСКУ

Публикуется впервые. Архив АН СССР, ф. 640, оп. 1, д. 4, л. 2 об.—3. Рукопись написана неустановленным лицом.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Публикуется впервые. Архив АН СССР, ф. 640, оп. 1, д. 4, л. 2 об. Рукопись написана неустановленным лицом.

ТАТЬЯНЕ МИХАЙЛОВНЕ ЧЕРИНОВОЙ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 1 об. Автограф. Карандаш. В архиве АН СССР, ф. 640, оп. 1, д. 4, л. 2 есть копия (с вариантами), написанная неустановленным лицом.

МОИ ДОСУЖИЕ ТВОРЕНЬЯ...

Публикуется впервые. — Архив АН СССР, ф. 640, оп. 1, д. 4, л. 2. Рукопись написана неустановленным лицом.

Я ВСПОМНИЛ МОЛОДОСТЬ...

Публикуется впервые. ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 16, л. 17—17 об. Автограф. [?] Карандаш.

НЕОКОНЧЕННАЯ СКАЗКА ПРО ВАНИЧКУ ДОХЛОГО И ПЕТЬКУ ГОЛОВАНА

Публикуется впервые (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 1—1 об. Автограф. Чернила. Датируется условно.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С АВАНТЮРИСТКОЙ

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 177, л. 1—2. Автограф. Карандаш.

По близости отношений родства и кумовства. — Возможно, что речь идет о Елене Алексеевне Бородиной, писавшей под диктовку Ключевского его лекции (см. примечание к речи при закрытии Высших женских курсов в разделе «Историографические этюды»). Ее муж — С. М. Бородин — был родным братом жены Ключевского — Анисьи Михайловны. Ключевский крестил дочь Бородиных — Надежду Сергеевну, в замужестве Воскресенскую, которая впоследствии передала в Государственную историческую библиотеку ряд материалов Ключевского. (См.: *Ключевский В. О.* Письма. Дневники: Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 413).

МИЛЫЕ ДЕВИЦЫ... (ЭКСПРОМТ)

Публикуется впервые. Экспромт Ключевского записан Р. А. Киреевой со слов О. Я. Кудрявцевой Сочинен экспромт был Ключевским (очевидно, в связи с наступлением университетских каникул и окончанием лекций) для семьи Бородиных, где он бывал постоянным гостем. Девицы Бородины много занимались рукодельем, в том числе вязанием. На одной из сестер Бородиных — Анисье Михайловне — Ключевский женился в 1869 г.

«Ералаш» — карточная игра.

ЗАХОЛУСТНЫЕ МЕЛОДИИ

Публикуется впервые. ГПИБ, ф. В. О. Ключевского. Автограф. Чернила. Повествование начинается описанием улицы Поповки в Пензе, на которой жил Ключевский в детские и отроческие годы. Дом сохранился до сих пор. В настоящее время эта улица носит имя Ключевского.

АВТОБИОГРАФИЯ [П. И. СОВЕСТДРАЛОВА]

Публикуется впервые. ГПИБ, ф. В. О. Ключевского. Автограф. Чернила.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Все материалы, помещенные в приложении, публикуются впервые. Места хранения указаны после каждого публикуемого текста.

К КУРСУ «ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ПЕТРА» «ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ»

О повреждении нравов кн. Щербатова — имеется в виду записка М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (Лондон, 1858).

«Мысли о России» неизвестного автора — опубликованы в «Вестнике Европы» (1807, т. 31).

Л[еклерк] — имеется в виду книга: *Болтин И. Н.* Примечания на историю древния и нынешняя Россия господина Леклерка. [СПб.,] (1788, т. I—II).

Княгиня Дашкова в 1780 г. (Зап[иски]) — имеется в виду книга: Записки княгини Е. Р. Дашковой (Лондон, 1859).

Богданович и Закон. Сол[овьев] — имеется в виду упоминание С. М. Соловьева в «Истории России с древнейших времен» (М., 1876, т. 26, с. 331) о том, что Богданович в 1761 г. опубликовал «стихотворение „Закон“, направленное против — закона!».

ОТСЫЛКИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

«ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ПЕТРА»

2-я лекция

К с. 26 сн. 37 — См. с. 90 настоящего издания.

К с. 26 сн. 39 — См. с. 30 настоящего издания.

3-я лекция

К с. 34 сн. 34 — См. с. 37 настоящего издания.

К с. 39 сн. 47 — См. с. 40 настоящего издания.

4-я лекция

К с. 43 сн. 23 — См. с. 50 настоящего издания.

5-я лекция

К с. 53 сн. 26 — См. с. 73 настоящего издания.

К с. 54 сн. 29 — См. с. 52 настоящего издания.

6-я лекция

К с. 67 сн. 102 — См. с. 69 настоящего издания.

7-я лекция

К с. 72 сн. 9 — См. с. 73 настоящего издания.

К с. 73 сн. 16 — См. с. 53 настоящего издания.

К с. 73 сн. 23 — См. с. 53 настоящего издания.

8-я лекция

К с. 85 сн. 7 — См. с. 25 настоящего издания.

К с. 90 сн. 58 — См. с. 91 настоящего издания.

К с. 91 сн. 71 — См. с. 90 настоящего издания.

К с. 92 сн. 80 — См. с. 24 настоящего издания.

9-я лекция

К с. 103 сн. 101 — См. с. 90 настоящего издания.

«НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ РОССИИ»

1-я тетрадь

К с. 217 сн. 72 — См. с. 227 настоящего издания.

К с. 227 сн. 59 — См. с. 217 настоящего издания.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* *Указатель составил Ю. Н. Емельянов.*
Курсивом выделены номера страниц предисловия, археографического послесловия и комментария.
Список сокращений: австр. — австрийский; англ. — английский; бар. — барон; вел. кн. — великий князь, великая княгиня; виз. — византийский; голл. — голландский; гр. — граф, графиня; датск. — датский; еп. — епископ; имп. — император, императрица; исп. — испанский; итал. — итальянский; кн. — князь, княгиня; миф. — мифический; нем. — немецкий; обл. — область; польск. — польский; проф. — профессор; прус. — прусский; псевд. — псевдоним; сов. — советский; укр. — украинский; ун-т — университет; франц. — французский; шв. — шведский.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА

Василий Осипович КЛЮЧЕВСКИЙ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(Составители Р. А. Киреева, |А. А. Зимин|)

Утверждено к печати Ученым советом Архива Академии наук СССР

Редактор издательства *М. М. Медведев*
Художник *И. С. Сайко*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*
Вычитчик *В. Г. Деткова*
Корректоры *Р. С. Алимова, Ю. Л. Косорыгин*

ИБ № 25205

Сдано в набор 21.05.82. Подписано к печати 06.12.82. Т-20140.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага для глубокой печати. Гарнитура обыкновенная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,125. Усл. кр.-отт. 26,125. Уч.-изд. л. 31,9.
Тираж 90 000 экз. II завод (40 001—65 000). Тип. зак. 282.
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12